

Минобрнауки России
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Юго-Западный государственный университет»
(ЮЗГУ)

Кафедра уголовного процесса и криминалистики

**«ЕДИНСТВО И ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ДОСУДЕБНОГО
И СУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА В УГОЛОВНОМ
ПРОЦЕССЕ: НОВЫЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ
В СВЕТЕ НАСЛЕДИЯ ВЕЛИКОЙ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ»**

Сборник научных статей
Всероссийской научно-практической конференции
с международным участием, посвященной 155-летию Судебных
Уставов 1864 г., приуроченной к 55-летию Юго-Западного
государственного университета

14-15 ноября 2019 года

Курск - 2019

УДК 343.1
ББК Х67.4
Е33

*Под общей редакцией зав. кафедрой уголовного процесса
и криминалистики ФГБОУ ВО «Юго-Западного государственного
университета», канд. юрид. наук, профессора,
Заслуженного юриста РФ Т.К.Рябининой*

Е33

Единство и дифференциация досудебного и судебного производства в уголовном процессе: новые концептуальные подходы в свете наследия Великой Судебной Реформы [Текст]: сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 155-летию Судебных Уставов 1864 г., приуроченной к 55-летию Юго-Западного государственного университета (14-15 ноября 2019 года); Юго-Зап. гос. ун-т, Курск: ЗАО «Университетская книга», 2019. - 431 с.

ISBN 978-5-907270-77-0

В настоящем сборнике материалов излагаются научные работы участников Всероссийской научно-практической конференции «Единство и дифференциация досудебного и судебного производства в уголовном процессе: новые концептуальные подходы в свете наследия Великой Судебной Реформы». Сборник представляет собой результат научного и практического сотрудничества юридических факультетов вузов различных регионов России и ближнего зарубежья, демонстрирующий высокий научный потенциал их представителей в постановке проблем современного уголовного процесса и в предложении путей их решения.

Материалы, содержащиеся в сборнике, предназначены преподавателям, аспирантам, студентам высших учебных заведений, юристам, работникам правоохранительных и судебных органов, а также всем, кто интересуется проблемами уголовного судопроизводства.

Материалы в сборнике публикуются в авторской редакции.

Мероприятие проведено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, Проект №.19-011-20067 «Проект организации Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Единство и дифференциация досудебного и судебного производства в уголовном процессе: новые концептуальные подходы в свете наследия Великой Судебной реформы», посвященной 155-летию Судебных Уставов 1864 г., приуроченной к 55-летию Юго-Западного государственного университета

ISBN 978-5-907270-77-0

© Юго-Западный
государственный университет, 2019
© ЗАО «Университетская книга», 2019
© Авторы статей, 2019

УДК 343.1
ББК Х67.4

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Абашева Ф.А., Кочуров А.Д.</i> НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТБОРА КАНДИДАТОВ В ПРИСЯЖНЫЕ ЗАСЕДАТЕЛИ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ КОЛЛЕГИИ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ.....	9
<i>Агаева А.В., Фефелов С.В.</i> ИСТОРИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: ОТ УСТАВА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ДО НАШИХ ДНЕЙ.....	15
<i>Александров А.С.</i> РЕВОЛЮЦИОННАЯ СИТУАЦИЯ В РОССИЙСКОЙ УГОЛОВНОЙ ПРОЦЕССУАЛИСТИКЕ.....	18
<i>Алымов Д.В.</i> ПРОБЛЕМЫ ОПТИМИЗАЦИИ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ЭТАПА РАССЛЕДОВАНИЯ УБИЙСТВ «БЕЗ ТРУПА».....	21
<i>Андреева М.С.</i> ПРАВОВОЙ СТАТУС СЛЕДОВАТЕЛЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ.....	25
<i>Андреева Н.А.</i> ИСТОРИЯ СТАТУСА ЗАЩИТНИКА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ ...	29
<i>Антонян Е.А.</i> О РОЛИ УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ЗАЩИТЕ ПРАВ ОСУЖДЕННЫХ.....	32
<i>Апалькова А.А., Бугаёва А.И.</i> ТАКТИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АДВОКАТА-ЗАЩИТНИКА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ.....	35
<i>Аширбекова М.Т.</i> ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА ПО УСТАВУ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: ЧТО СОХРАНЕНО В СОВРЕМЕННОСТИ.....	39
<i>Багавиева Э.А.</i> СУДЕБНОЕ САНКЦИОНИРОВАНИЕ ПОЛУЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ О СОЕДИНЕНИЯХ МЕЖДУ АБОНЕНТАМИ И (ИЛИ) АБОНЕНТСКИМИ УСТРОЙСТВАМИ.....	44
<i>Бараниникова С.Н.</i> МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ СТАНДАРТЫ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА ПРИ ПРОВЕДЕНИИ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ.....	47
<i>Баранова М.А.</i> О ПРЕДПОСЫЛКАХ СУЩЕСТВОВАНИЯ КОМПРОМИССНЫХ ПРОИЗВОДСТВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ.....	50
<i>Белогурова Е.А.</i> К ВОПРОСУ ПРИМЕНЕНИЯ ПОЛИГРАФА В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНАХ РФ.....	54
<i>Богданович Н.А.</i> ВЛИЯНИЕ ПОЛОЖЕНИЙ СУДЕБНЫХ УСТАВОВ 1864 Г. НА ФОРМИРОВАНИЕ ОСНОВАНИЙ ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА (НА ПРИМЕРЕ ЗАКОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ).....	58
<i>Богословская Е.В.</i> МЕРЫ ПРОКУРОРСКОГО РЕАГИРОВАНИЯ ПО УСТРАНЕНИЮ НАРУШЕНИЙ РАЗУМНОГО СРОКА УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ.....	61
<i>Бурмагин С.В.</i> ЕДИНСТВО И ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ СУДЕБНЫХ ПРОИЗВОДСТВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ.....	66
<i>Верещанина А.В.</i> РЕФОРМИРОВАНИЕ УГОЛОВНОЙ ЮСТИЦИИ В СЕРЕДИНЕ XIX– НА РУБЕЖЕ XX – XXI ВВ.: НЕКОТОРЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ.....	71
<i>Власова С.В.</i> НЕКОТОРЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ О МЕХАНИЗМЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ.....	77
<i>Гладкова Е.Е.</i> ГАРАНТИИ ПРАВ ЛИЧНОСТИ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ.....	81
<i>Гладышева О.В.</i> ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ДОСУДЕБНОГО И СУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ: СОВРЕМЕННЫЕ	

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ И ПРОБЛЕМЫ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ.....	84
<i>Головачук О.С.</i> АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОИЗВОДСТВА У МИРОВОГО СУДЬИ ПО ДЕЛАМ ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ.....	89
<i>Горбенко А.Н.</i> СУДЕБНОЕ СЛЕДСТВИЕ В РОССИИ И В НЕКОТОРЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ.....	91
<i>Гриненко А.В.</i> О НЕДОПУСТИМОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ДОКАЗЫВАНИИ ДОБРОВОЛЬНЫХ ДЕКЛАРАЦИЙ И ПРОИЗВОДНЫХ ОТ НИХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ.....	94
<i>Гришин А.В.</i> ИСТОРИЧЕСКИЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СТАНОВЛЕНИЯ ИНСТИТУТА СУДА ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ В РОССИИ.....	97
<i>Грохотова Е.А.</i> ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ И ДОКАЗЫВАНИЕ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ.....	101
<i>Гулевский А.В., Зотов Д.В.</i> ОТНОШЕНИЕ ОБЩЕСТВА К СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ТЕКУЩЕЕ СОСТОЯНИЕ И БУДУЩИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ.....	104
<i>Данько И.В.</i> ЗАОЧНОЕ ПРОИЗВОДСТВО В СВЕТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ..	107
<i>Даровских С.М.</i> ПОМОЩНИК СУДЬИ КАК УЧАСТНИК УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА.....	112
<i>Денисов А.С.</i> ПРИНЦИП СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ И РАВНОПРАВИЯ СТОРОН В АСПЕКТЕ МЕЖДУНАРОДНОГО И ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОГО ПРАВА РОССИИ.....	116
<i>Дикарев И.С.</i> ДОСУДЕБНОЕ ПРОИЗВОДСТВО ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ: СИСТЕМА СДЕРЖЕК И ПРОТИВОВЕСОВ.....	120
<i>Доценко Н.М.</i> ВЛИЯНИЕ СТРЕССА НА ПРОФЕССИОНАЛЬНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ.....	124
<i>Евстегнеев А.С.</i> К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ДОКАЗЫВАНИИ.....	127
<i>Ежеченко Д.Б.</i> СЛЕДОВАТЕЛЬ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ КАК ОТРАЖЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА.....	131
<i>Емельянов С.Л.</i> УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПРОИЗВОДСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: ВОПРОСЫ ИХ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ.....	135
<i>Ильина К.С.</i> ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ ПОЛИГРАФА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ.....	139
<i>Ирмакова Д.А.</i> ПРИНЦИП НЕЗАВИСИМОСТИ СУДЕЙ: РОЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ФАКТОРА ПРИ РАЗРЕШЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА.....	142
<i>Калуцких А.М.</i> СТАДИЯ ИСПОЛНЕНИЯ ПРИГОВОРА И ЕЕ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ В УСТАВЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА 1864 ГОДА.....	144
<i>Каменков В.С.</i> КАЗНИТЬ НЕЛЬЗЯ, А ДОГОВОРИТЬСЯ?.....	147
<i>Карлин И.И.</i> СОДЕРЖАНИЕ И РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОКУРОРОМ ФУНКЦИЙ НАДЗОРА И УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ В ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА.....	156
<i>Карпачева О.М.</i> ПРИМЕНЕНИЕ ВИДЕОФИКСАЦИИ В УГОЛОВНОМ	

СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ.....	160
Ковтун Н.Н. КАССАЦИОННОЕ ПРОИЗВОДСТВО В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ: ФОРМА ДИФФЕРЕНЦИРОВАННАЯ ИЛИ ГИБРИДНАЯ (ВОЗВРАЩЕНИЕ К «СОВЕТСКИМ» ИСТОКА 163	163
Катинский В.Г., Ефанова В.А. СУДЕБНЫЙ ШТРАФ КАК ДИФФЕРЕНЦИРОВАННАЯ ФОРМА ДОСУДЕБНОГО И СУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ 167	167
Колесникова В.Е. СОСТАВЛЕНИЕ «ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА» НЕУСТАНОВЛЕННОГО ПРЕСТУПНИКА С ПОМОЩЬЮ СУДЕБНО- ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ..... 171	171
Колоколов Н.А. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ДОСУДЕБНОГО И СУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ ОТ УСТАВА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ДО РЕГЛАМЕНТОВ, ПРИНЯТЫХ В РАМКАХ ТЕКУЩЕЙ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ..... 175	175
Конин В.В. К ВОПРОСУ ОБ ОКАЗАНИИ КВАЛИФИЦИРОВАННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ В СТАДИИ ИСПОЛНЕНИЯ ПРИГОВОРА 182	182
Конорева А.И., Хорунжая Е.А. К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ФАЛЬСИФИКАЦИИ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ..... 188	188
Корень Е.Я. ДОЗНАНИЕ: ПОНЯТИЕ, НАЗНАЧЕНИЕ, ПОРЯДОК ПРОИЗВОДСТВА 191	191
Корсакова П.Г. СУД ПРИСЯЖНЫХ – НАСЛЕДИЕ ВЕЛИКОЙ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ. ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ 194	194
Коршикова Е.А. ОЧНАЯ СТАВКА КАК СЛЕДСТВЕННОЕ ДЕЙСТВИЕ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ 197	197
Коцюмбас С.М., Моргул И.А. ВНЕДРЕНИЕ ПРИМИРИТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕДУР КАК ОДНО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ МОДЕРНИЗАЦИИ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ 200	200
Куницина О.А. УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ МЕХАНИЗМ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ КАК РЕЗУЛЬТАТ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ СУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА В ОТЕЧЕСТВЕННОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ 205	205
Лаврентьева А.А., Сальникова Я.Ю. ПРАВОВОЙ СТАТУС ЛИЦ, ОКАЗЫВАЮЩИХ СОДЕЙСТВИЕ ОРГАНАМ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИМ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ 207	207
Лантух Н.В. ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПЕРЕСМОТРА СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ..... 210	210
Локтевич О.И. ОСОБЕННОСТИ БЕСКОНФЛИКТНОЙ СЛЕДСТВЕННОЙ СИТУАЦИИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ С УЧАСТИЕМ ЗАЩИТНИКА 212	212
Лясковец А.В. ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА 216	216
Малютин М.О. ДОПРОС ПОТЕРПЕВШЕГО С ОТСТАВАНИЕМ В ПСИХИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ: ПРОБЕЛЫ ДЕЙСТВУЮЩЕГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ..... 219	219
Манова Н.С. ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СЛЕДСТВИЕ КАК ОСНОВНАЯ ФОРМА	

ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА И ПРОБЛЕМЫ ЕЕ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ.....	222
Марковичева Е.В. ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ПЕРСПЕКТИВЫ ДОМАШНЕГО АРЕСТА 227	227
Машиинникова Н.О. ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ, КАК ИСКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ ФОРМА ВЫРАЖЕНИЯ СУДЕБНОГО УСМОТРЕНИЯ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПРАВОСУДИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ..... 230	230
Морозова Т.А. ВНУТРЕННЕЕ УБЕЖДЕНИЕ КАК РЕЗУЛЬТАТ ОЦЕНКИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ 234	234
Муравьев К.В. ОПТИМИЗАЦИЯ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВИЛЬНОГО ПРИМЕНЕНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА 238	238
Муравьев М.В. ФОРМИРОВАНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ НА ОСНОВАНИИ МАТЕРИАЛОВ, ПОЛУЧЕННЫХ В РЕЗУЛЬТАТЕ ГЛАСНОГО ОБСЛЕДОВАНИЯ ПОМЕЩЕНИЯ 242	242
Назаренко И.В., Смирнова А.В. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ГРАЖДАН В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ 245	245
Нариманова Н.Р. ОСНОВНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ СУДЕБНЫХ ПРИСТАВОВ И КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА 248	248
Насонов И.А., Малуева Р.Ю. КАТЕГОРИЯ «СОГЛАСИЕ» В КОНТЕКСТЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОСМОТРА ЖИЛИЩА (НА ПРИМЕРЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ) 252	252
Овчинникова Е.А. ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ СТАТУС СУДА, СУДЬИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И СОВРЕМЕННОЕ РАЗВИТИЕ 257	257
Озерова И.В. К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ РЕФОРМИРОВАНИЯ ОСОБОГО ПОРЯДКА ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ..... 262	262
Омарова М.Р. ИНСТИТУТ ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ ОБВИНЕНИЯ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ 266	266
Оралбекова М.Д. ЕДИНСТВО И ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ УГОЛОВНО- ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФОРМЫ 268	268
Пашутина О.С. ОБЕСПЕЧЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ГРАЖДАН НА ЭТАПЕ ДОСЛЕДСТВЕННОЙ ПРОВЕРКИ СООБЩЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ 270	270
Перетьяко Н.М. ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ СУДОПРОИЗВОДСТВА С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ: ОПЫТ УСТАВА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В СОВРЕМЕННОМ ПРОЧТЕНИИ..... 274	274
Подольная Н.Н. ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ВИКТИМНОСТЬ И ЗАЩИТА ПРАВ ПОСТРАДАВШЕГО ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ 278	278
Подольный Н.А. К ВОПРОСУ О СЛЕДСТВЕННЫХ ХИТРОСТЯХ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ 282	282
Потапова Е.О., Щербинина Е.А. ПРОБЛЕМЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫМ СЛЕДСТВИЕМ 287	287
Ревина И.В., Краснолицев А.Ю. ОПРОС КАК ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЕ МЕРОПРИЯТИЕ: ОТГРАНИЧЕНИЕ ОТ ДОПРОСА КАК СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЙСТВИЯ..... 290	290

Романенко Н.С. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС КАК ОСОБЫЙ ВИД ЮРИДИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА (ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)	293
Рябенко М.Д. ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОСОБОГО ПОРЯДКА ПРИ СОГЛАСИИ ОБВИНЯЕМОГО С ПРЕДЪЯВЛЕННЫМ ЕМУ ОБВИНЕНИЕМ	297
Рябинина Т.К., Снегирева Д.Е. В ПРОДОЛЖЕНИЕ ДИСКУССИИ О ФУНКЦИЯХ СЛЕДОВАТЕЛЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	300
Ряполова Я.П., Войцеховская В. ЗНАЧЕНИЕ СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ДЛЯ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА: ОТ ПРОШЛОГО К НАСТОЯЩЕМУ	306
Селезнева А.Ю., Мясоедова А.А. ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ИНСТИТУТА АНОНИМНОСТИ СВИДЕТЕЛЯ	312
Семенов В.А. ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФОРМЫ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ	315
Сизов А.А., Шахбазов Р.Ф. ЗАРОЖДЕНИЕ ИНСТИТУТА СЛЕДОВАТЕЛЯ В РОССИИ	319
Солохин К.С., Башикирева А.А. ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА	322
Сосна Б.И., Михалаш В. ПОВЫШЕНИЕ КАЧЕСТВА ПРАВОСУДИЯ ЯВЛЯЕТСЯ НЕОБХОДИМЫМ УСЛОВИЕМ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ	325
Стародубова Г.В. ПЕРЕСМОТР ПРИГОВОРОВ СУДА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ: ПРОБЛЕМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ В ПЕРИОД СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ 1864 ГОДА И В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ	329
Стольников П.М. ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ СЛЕДОВАТЕЛЯ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ОТ УСТАВА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ДО УПК РФ	333
Струкова В.В. К ВОПРОСУ ОБ ОСОБОМ ПОРЯДКЕ ПРИНЯТИЯ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ	335
Суродеева Н.А. ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВА НА КВАЛИФИЦИРОВАННУЮ ЮРИДИЧЕСКУЮ ПОМОЩЬ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	339
Тарасова Е.А. ПРОБЛЕМЫ ИСТИНЫ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ	341
Татьянина Л.Г. КАЧЕСТВО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНА И ЕГО РОЛЬ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА	344
Татьянин Д.В., Липинский А.П. ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ДОКАЗЫВАНИЯ ВИНЫ В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СВЯЗАННОГО С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ СПЕЦИАЛЬНЫХ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПРЕДНАЗНАЧЕННЫХ ДЛЯ НЕГЛАСНОГО ПОЛУЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ	348
Триленко О.С. РЕАБИЛИТАЦИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ	353
Фадеева Е.И. ИССЛЕДОВАНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ХОДЕ РАССМОТРЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ СУДОМ С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ: ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ	357
Харламова А.М. УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ДОМАШНЕГО АРЕСТА	361
Хлопотной А.В. ПРОИЗВОДСТВО ЭКСПЕРТИЗЫ В ОТНОШЕНИИ ЛИЦ,	

СОВЕРШИВШИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРИ НАЛИЧИИ ПАРАНОИДНОГО РАССТРОЙСТВА	364
Хролин В.В. ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА ПРИ ПРОВЕДЕНИИ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПОЛЕ	368
Цыкунова И.Н. МЕДИАЦИЯ КАК СПОСОБ РАЗРЕШЕНИЯ КОНФЛИКТА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ	371
Цымбалова А.В. ПРОБЛЕМЫ ВНУТРЕННЕГО УБЕЖДЕНИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ ПРИ ПРИВЛЕЧЕНИИ ЛИЦА В КАЧЕСТВЕ ОБВИНЯЕМОГО	376
Чеботарева И.Н. МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ ДЛЯ «СИСТЕМ ОТКАЗА ОТ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА» В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ	379
Чебыкина И.А. ПРИМЕНЕНИЕ НЕТРАДИЦИОННЫХ МЕТОДОВ В ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНАХ	384
Чередник Н.И. ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ВОЗВРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА СУДОМ ПРОКУРОРУ	387
Черенкова Ю.С. К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ СТАДИИ ИСПОЛНЕНИЯ ПРИГОВОРА	390
Черная О.С., Непочатых А.Н. СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ КАК ОСНОВНОЙ СПОСОБ СОБИРАНИЯ И ПРОВЕРКИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ	393
Чистилина Д.О. ПРОБЛЕМЫ УСТАНОВЛЕНИЯ ТРЕБОВАНИЯ МОТИВИРОВАННОСТИ ВЕРДИКТА ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ	396
Шайкова М.В. КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРЕСТУПНИКОВ	400
Шатрова А.В. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УЧАСТИЯ В СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЯХ ЗАКОННОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ЛИЦА, В ОТНОШЕНИИ КОТОРОГО ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ ПРОИЗВОДСТВО О ПРИМЕНЕНИИ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА	405
Шерстнев В.Б. ПРЕКРАЩЕНИЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА О НАЛОГОВОМ ПРЕСТУПЛЕНИИ В ХОДЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ В СВЯЗИ С ВОЗМЕЩЕНИЕМ УЩЕРБА	408
Шмарев А.И. К ВОПРОСУ О ФОРМАХ РЕАГИРОВАНИЯ ПРОКУРОРА НА НАРУШЕНИЯ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ	413
Шнырёва Т.А. ЗНАЧЕНИЕ И СУЩНОСТЬ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	416
Шутемова Т.В. ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ДОКУМЕНТ: ДИСКУССИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ	419
Эсмантович Е.И., Эсмантович И.И. СУДЕБНАЯ РЕФОРМА 1864 Г. В БЕЛАРУСИ	423
Ямпольская О.Ю. ПУБЛИЧНОЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВО ДЕЛА, КАК ЭЛЕМЕНТ СПРАВЕДЛИВОГО СУДА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ	427

УДК 343.161.1

Ф.А. Абашева, канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного процесса и правоохранительной деятельности ИПСУБ УдГУ

А.Д. Кочуров, помощник судьи Индустриального районного суда города Ижевска Удмуртской Республики

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТБОРА КАНДИДАТОВ В ПРИСЯЖНЫЕ ЗАСЕДАТЕЛИ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ КОЛЛЕГИИ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ

В статье акцентируется внимание на актуальные вопросах, обусловленных отбором кандидатов для работы в суде присяжных, в том числе с позиции психологической совместимости, рассмотрены ошибки, допускаемые при формировании коллегии присяжных заседателей, автором охарактеризована система проверки данных о кандидатах.

Ключевые слова: присяжные заседатели, уголовное судопроизводство, отправление правосудия, отбор кандидатов

SOME PROBLEMS OF SELECTION OF PERSONNELS FOR JURYMEN IN THE FORMATION OF A COLLEGE OF JURYMEN

The article focuses on topical issues arising from the selection of candidates for jury trials, including from the perspective of psychological compatibility, considers the errors made in the formation of the jury, the author describes a system for verifying candidate data.

Keywords: jurors, criminal proceedings, administration of justice, selection of candidates

Отбор кандидатов в присяжные заседатели ответственный и сложный этап особое внимание, на котором необходимо уделять выяснению специфических обстоятельств, которые в силу их уникальности для каждого уголовного дела не могут быть прописаны в законе и потому предопределяют высокую сложность данного этапа, ключевую роль на котором должны играть стороны, ведь именно они должны иметь представление о том, кого не должно быть в коллегии присяжных в связи с обстоятельствами, не прописанными в законе. Например, к таким обстоятельствам, которые должны выяснять стороны можно отнести отношение кандидатов в присяжные заседатели к определенной национальности или профессии, при этом следует выбирать кандидатов с преимущественно нейтральным отношением, иначе в ходе рассмотрения уголовного дела негативное или позитивное отношение к обстоятельствам такого рода может породить предвзятое мнение у отдельных членов коллегии присяжных, которые в дальнейшем смогут убедить в правильности своей точки зрения остальных членов в результате чего будет вынесен вердикт присяжных основанный на предвзятом мнении, стереотипах и предрассудках, а не на фактах и отношении к содеянному.

В юридической литературе встречаются различные рекомендации по постановке вопросов кандидатам в присяжные заседатели, авторами которых являются как юристы, так и специалисты других областей, например психологи. Рекомендации психологов, даваемые юристам по поводу того, как следует проводить отбор кандидатов в присяжные заседатели, могут показаться странным явлением, но только на первый взгляд. По своей сути отбор кандидатов в присяжные заседатели представляет сложный в психологическом плане процесс где с одной стороны преимущественно профессиональные юристы, а с другой группа людей, как правило, не имеющих к данной области никакого отношения и порой непонимающих для чего им задают столько личных вопросов еще и в присутствии других лиц. Поэтому для кандидатов в присяжные заседатели отбор является стрессовой ситуацией и они могут неохотно отвечать на вопросы касающиеся обстоятельств их жизни и при постановке вопросов данная особенность обязательно

должна учитываться, а следовательно лицу задающему вопрос необходимо хотя бы немного понимать психологию людей и формулировать свои вопросы таким образом, чтобы не оскорбить и не смутить никого из кандидатов, в противном случае некоторые из них могут скрыть обстоятельства подлежащие установлению из-за чего уже сформированную коллегию присяжных заседателей придется распустить или отменить вынесенный такой коллегией приговор, что в свою очередь помимо создания дополнительной работы, может изменять отношение к институту присяжных заседателей не в лучшую сторону. В качестве примера правильного вопроса можно привести такую формулировку «Пожалуйста, поднимите руку те, кто был когда-либо потерпевшим, обвиняемым или иным образом привлекался либо привлекается к производству по уголовному делу», такая, пусть и довольно сложная, формулировка позволит кандидатам в присяжные заседатели сообщить о наличии у них судимости, но при этом никто из других кандидатов не будет знать в качестве кого данное лицо привлекалось по уголовному делу, что также повлияет на формирование скорее положительного отношения у населения к институту присяжных заседателей.

Психологи^[1], с.104-107¹ приводя свои рекомендации по формированию коллегии присяжных заседателей в качестве одной из них указывают на тот факт, что при прочих равных условиях лица противоположного пола испытывают друг к другу большее притяжение, чем лица одинакового пола, но при этом у лиц одного пола имеется психологическая несовместимость, которая более выражена у женщин и, следовательно, при формировании коллегии следует учитывать, не только формальное соответствие кандидата в присяжные требованиям установленным законом, но и половую принадлежность которая оказывает некоторое влияние на решение принимаемое присяжными заседателями. В связи с этим у сторон имеется возможность при формировании коллегии сделать ее более подверженной принятию необходимого решения т.е. решения о виновности или невинности лица. Однако это влияние не будет значительным и не стоит уделять большое внимание половой принадлежности кандидатов при формировании коллегии присяжных заседателей.

Значительнее на психологическую совместимость влияет возраст подсудимого и присяжных заседателей, чем они ближе друг к другу по возрасту, тем большее они испытывают притяжение и психологически совместимы. Данное явление объясняется феноменом «возрастной клановости», что проявляется через стремление к общению с представителями, имеющими схожую систему ценностей. Данный факт, в отличие от половой принадлежности, уже может оказать значительно большее влияние на мнение присяжных заседателей, так как даже в повседневной жизни люди зачастую общаются с представителями своей возрастной группы и считают именно данные ценности правильными, например, распространено явление, когда старшее поколение упрекает младшее за неправильную жизнь и неверные поступки, а младшее поколение, в свою очередь, не понимает поступков старшего считает их ошибочными и также критикует. Людям трудно принять чужую точку зрения и чужие ценности если они не согласуются с их собственными, в том числе и в рамках судебного процесса то, что один присяжный заседатель младшего поколения признает допустимым, приемлемым и уместным, то для присяжного заседателя старшего поколения будет недопустимым, неэтичным и подлежащим порицанию или даже наказанию. Поэтому при отборе кандидатов стоит обращать большее внимание на возраст подсудимого и возраст отбираемых кандидатов, так как в отличие от половой принадлежности данный фактор действительно может оказать значительное влияние на принимаемые решения. Особенно остро данный конфликт проявляется у представителей соседних поколений, так называемый конфликт «отцов и детей».[2, ст.328.]

Данные психологические факторы свойственны всем людям и исключить их невозможно, как и избежать их влияния в любой сфере деятельности, в том числе и уголов-

ном процессе, что свидетельствует о необходимости более тщательно подходить к отбору кандидатов в присяжные заседатели в целях минимизации влияния указанных факторов.

Другая проблема заключается в том, что только у председательствующего судьи законодательно закреплена обязанность, задавать кандидатам в присяжные заседатели вопросы при их отборе.[1, с.104-107]. Председательствующий будучи юристом-профессионалом, как и многие другие профессионалы своей сферы деятельности, на протяжении своей деятельности подвергается так называемой «профессиональной деформации», вследствие чего рассматривает окружающий мир через призму закона в том числе кандидатов в присяжные заседатели и задает им преимущественно те вопросы, ответы на которые требует получить законодательство и не выясняет иные обстоятельства имеющие значение для дела. Поэтому вопросы, в первую очередь, должны задаваться сторонами обвинения и защиты (подсудимый, защитник, прокурор), это необходимо для исключения или как минимум сокращения у сторон после начала судебного разбирательства возможности и количества оснований для заявления об отводе присяжных заседателей в связи с какими-либо обстоятельствами, невыясненными у них во время отбора. Однако, закрепление такой обязанности в ст. 328 УПК РФ поможет только в тех случаях, когда стороны могли бы не задать вопрос лишь из-за своей пассивной роли и полного доверия председательствующему, который не может знать всех обстоятельств требующих выяснения, в случае же когда сторона намеренно не задает какой-либо вопрос с целью дальнейшего срыва судебного процесса и начала отбора присяжных заседателей с самого начала, данный способ будет абсолютно неэффективен. В последнем случае способно помочь лишь закрепление законодательного запрета в ст. 328 УПК РФ на исключение присяжных заседателей после окончания их отбора в связи с обстоятельствами имевшими место на момент их отбора но не ставшими известными суду в связи с не выяснением судом или сторонами данных обстоятельств и при отсутствии препятствий к выяснению этих обстоятельств. Но при введении подобного ограничения, несомненно, будут нарушены законные права и свободы участников процесса, а, следовательно, его введение недопустимо и проблема пока что остается нерешенной.

Также относительно точки зрения Владыкиной Т.А. [3, с. 17] о том, что в ч.14 ст.328 УПК РФ необходимо закрепить положение согласно которому потерпевший согласившись с кандидатурой отводимой государственным обвинителем не лишается права заявить немотивированный отвод другому кандидату в присяжные, необходимо указать, что данная поправка в законодательстве несомненно необходима в первую очередь для исключения имеющегося пробела в праве и обеспечения гарантии прав всем участникам судопроизводства. Отсутствие законодательного закрепления, на первый взгляд, столь очевидного положения еще раз свидетельствует о слабой разработанности нормативной базы, регулирующей вопросы судопроизводства по делам, рассматриваемым с участием присяжных заседателей, что может быть связано с незначительным количеством уголовных дел, рассматриваемых в рамках данного института.

Ошибки, допущенные при формировании коллегии присяжных в дальнейшем очень сложно устранить, во многом их допущение связано с недостоверностью сведений, предоставляемых самими кандидатами в присяжные заседатели и отсутствием унифицированных механизмов проверки их достоверности. Данная проблема существует уже сравнительно давно, для ее решения принимались меры, примером попытки ее решения может служить Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2005 г. №23 в котором указано, что «разъяснение председательствующим кандидатам в присяжные заседатели их обязанности правдиво отвечать на задаваемые им вопросы и представлять иную информацию о себе и об отношениях с другими участниками уголовного судопроизводства, как и их опрос о наличии обстоятельств, препятствующих участию в качестве присяжных заседателей в рассмотрении уголовного дела, является обязатель-

ным условием формирования коллегии присяжных заседателей и законного состава суда.»[4, п.13]. Однако, решить такую проблему на государственном уровне можно, но для этого потребуется, во-первых, созданием единой базы со всеми имеющимися данными на граждан и во-вторых сбор дополнительных сведений, которыми государственные органы на данный момент не обладают. Несомненно, это значительно упростит сбор и проверку сведений о кандидатах, а также позволит произвести их заочный отбор и ускорит существующие процедуры по сбору сведений, так как исчезнет необходимость направлять запросы во множество инстанций и ждать от них ответа, но я считаю это недопустим хотя бы по тем основаниям, что подобная система подразумевает тотальный контроль и слежку за всеми гражданами в открытой форме, что недопустимо для правового государства, а также такая система, в случае получения к ней доступа преступников позволит совершать им экономические и иные преступления немыслимых масштабов. Однако, данная система могла бы способствовать уменьшению числа отмены приговоров и роспуска коллегий присяжных из-за сокрытия одним или несколькими кандидатами в присяжные заседатели сведений об обстоятельствах исключающих возможность их участия в качестве присяжного заседателя по данному делу, а также поддержанию правопорядка в целом, но пока Россия называется правовым государством введение подобной системы недопустимо и необходимо искать альтернативные решения не нарушающие прав человека и гражданина, например введение ответственности за сообщение ложных сведений кандидатом в присяжные заседатели. В качестве примера роспуска коллегии присяжных заседателей в связи с незаконностью ее состава из-за неполноты сведений представленных кандидатами можно привести апелляционное определение Верховного суда Республики Саха (Якутия)[5] в котором установлено, что один из членов коллегии вынесшей вердикт по уголовному делу являлся действующий депутат Представительного органа МО, что согласно ФЗ о присяжных[6, п.«г» ст.7] является недопустимым и в соответствии с УПК РФ[2, п.2 ч.2 ст.389.17] влечет отмену приговора вынесенного с участием данной коллегии присяжных.

Если для процедуры составления списков кандидатов в присяжные заседатели и при формировании коллегии присяжных заседателей законодательно предусмотрен порядок осуществления контроля и проверки сведений о кандидатах, то после окончания формирования коллегии и начала судебного разбирательства дела механизмы проверки сведений отсутствуют. В первую очередь они необходимы для отслеживания событий и обстоятельств наступление которых в жизни присяжного заседателя исключает возможность его участия в осуществлении правосудия в данном статусе, это наиболее актуально для процессов растягивающихся на большой период времени, например на первом судебном заседании все члены коллегии присяжных заседателей соответствовали требованиям закона, а спустя несколько месяцев, после вынесения присяжными заседателями вердикта выясняется, что один из присяжных за данный промежуток времени был осужден и более не может принимать участия в осуществлении правосудия в качестве присяжного заседателя. В таком случае коллегия будет распущена, вынесенный вердикт будет признан недействительным, а судебное разбирательство начнется с самого начала. Такие ситуации встречаются на практике и отсутствие законодательно установленного порядка проверки данных сведений по сегодняшний день является серьезным упущением.

Рассмотренная мною в рамках данной статьи система проверки данных о кандидатах также могла бы использоваться и после окончания этапа формирования коллегии, вплоть до окончания разбирательства по данному уголовному делу и окончания выполнения своих обязанностей сформированной для его рассмотрения коллегией присяжных заседателей. В качестве способа недопущения ситуаций, когда присяжный заседатель или кандидат в присяжные не сообщают сведения исключающие возможность его участия в осуществлении правосудия в качестве присяжного заседателя можно вве-

сти в главу 42 УПК РФ законодательную норму, обязывающую присяжного заседателя сообщать обо всех изменениях и событиях произошедших в его жизни, которые согласно действующему законодательству исключают возможность его участия в рассмотрении уголовного дела в качестве присяжного заседателя. И соответственно ввести административную ответственность за нарушение данного обязательства с внесением соответствующих изменений в КоАП РФ, однако это не исключит данные случаи полностью, но может снизить количество роспусков коллегий присяжных и отмен приговоров на данных основаниях.. что в свою очередь положительно скажется на организации суда с участием присяжных заседателей в целом. В качестве примера отмены приговора суда в связи с несообщением присяжным заседателем сведений которые, в отличии от примера ранее приведенного мною в данной статье, прямо не указаны как исключающие возможность его участия в отправлении правосудия в качестве присяжного можно указать Апелляционное определение Московского областного суда[7], согласно которому вывод суда о незаконности сформированной коллегии присяжных заседателей основан на том, что близкие родственники присяжных ЯКИ и КОХ привлечены к уголовной ответственности и осуждены, а также на необъективности старшины присяжных ШНА в связи с ее участием ранее в качестве свидетеля в отношении этого же подсудимого, где показания ШНА были положены в основу оправдательного приговора.

Наиболее явной проблемой института присяжных заседателей в судах районного уровня, введенного с 01 июня 2018 года, можно считать сложность формирования беспристрастной коллегии присяжных. Так если в суде субъекта присяжные и подсудимый могут быть из разных частей субъекта и объективно не иметь никаких связей между собой, а присяжные могли не иметь никакого представления о деяниях вменяемых подсудимому, то в случае с отдельным районном факт отсутствия связей (родство, знакомство и т.п.) между присяжными и подсудимым маловероятен ввиду значительно меньшей территории в сравнении с территорией субъекта РФ, также маловероятным является факт неосведомленности присяжных о деяниях и личности подсудимого, что уже подразумевает исключение беспристрастности. На практике данные обстоятельства могут вызвать проблемы при формировании коллегии и если не исключить возможность ее формирования, то как минимум значительно затянуть данный процесс особенно в малонаселенных районах, например Олноторский район Камчатского края в котором население на 01.01.2018 г. составляло 3882 человека[8], как из столь малого количества людей найти требуемое количество кандидатов, а затем сформировать коллегию отвечающую требованиям законодательства остается неясным.

В статье были рассмотрены лишь некоторые из существующих проблем, но даже на основании них можно сделать вывод, что институт присяжных заседателей в России еще слабо развит и является сравнительно молодым. Есть надежда, что в связи с введенным с 01 июня 2018 года суда с участием присяжных заседателей в районных и приравненных к ним судах, постепенно произойдет увеличение количества дел, рассматриваемых в данном порядке, и соответственно станут более явными уже имеющиеся проблемы, а также могут быть выявлены новые. Сейчас же количество уголовных дел рассматриваемых с участием присяжных заседателей сравнительно невелико, например, по России за 2016[9], 2017[10] и 2018¹¹ годы с вынесением приговора было рассмотрено 209, 248, 281 дел соответственно, в то время, как только за 2018 год всего по России по первой инстанции было рассмотрено по существу с вынесением приговора 635 172 уголовных дела, что говорит о ничтожно малом, процентом количестве уголовных дел рассматриваемых с участием присяжных заседателей в общей массе уголовных дел рассматриваемых судами. Для сравнения с общероссийской статистикой хотелось бы указать, что за те же временные периоды в Удмуртской Республике с участием присяжных заседателей в 2016 году не вынесено ни одного приговора с участием

присяжных заседателей и в 2017[12] году вынесено два приговора в отношении двух лиц, в 2018[13] году не вынесено ни одного приговора в том числе и районными (городским) судами. У института присяжных заседателей имеется множество проблем, среди которых как более, так и менее значимые, но все они требуют законодательного решения, которое в большинстве случаев возможно лишь методом принуждения. Законодательно предстоит проделать колоссальный объем работ только для того, чтобы данный институт начал работать без сбоев и серьезных упущений, но я верю, что обращение большего внимания на институт присяжных заседателей как со стороны теоретиков, так и со стороны практиков способно решить все имеющиеся проблемы.

Список используемой литературы и источников

1. Герасимов, С.И. Поддержание государственного обвинения в суде с участием присяжных заседателей [Текст] / под ред. д.ю.н. С.И. Герасимова.- М.: НИИ проблем укрепления законности и правопорядка, 2002.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Текст]: федер. закон от 12.12.2001 № 174-ФЗ]: офиц. текст: по состоянию на 12.04.2019]
3. Владыкина, Т.А. Теоретическая модель производства по уголовным делам, рассматриваемым судом с участием присяжных заседателей [Текст]: автореф. дис...доктора юридических наук /Т.А.Владыкина.- Екатеринбург, 2018.
4. О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей: [Текст]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2005 г. №23 (с изменением, внесенным постановлением Пленума ВС РФ от 22 декабря 2015 г. №59).
5. Апелляционное определение Верховного суда Республики Саха (Якутия) от 06.11.2018 по делу № 2-1766/2018.
6. О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации: [Текст]: федер. закон от 20.08.2004 N 113-ФЗ (ред. от 01.07.2017).
7. Апелляционное определение Московского областного суда от 12.02.2019 по делу № 22-427/2019 (22-9302/2018).
8. https://ru.wikipedia.org/wiki/Олноторский_район
9. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 2016 год № 1 [электронный ресурс] // http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2016/F1-svod-2016.xls
10. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 2017 год № 1 [электронный ресурс] // http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2017/F1-svod-2017.xls
11. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 2018 год № 1 [электронный ресурс] // http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2019/F1-svod_vse_sudy-2018.xls
12. Обобщение судебной практики по делам, рассмотренным Верховным Судом Удмуртской Республики с участием присяжных заседателей за период с 1 января по 31 декабря 2017 года.
13. Доклад Председателя Верховного Суда Удмуртской Республики Суханова Ю.В. от 07.03.2019 [электронный ресурс] // http://vs.udm.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=3&did=35

УДК 343.13

А.В. Агаева, канд. педаг. наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева», alb-agaeva@yandex.ru

С.В. Фефелов, д-р историч. наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева», t-igip@list.ru

ИСТОРИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: ОТ УСТАВА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ДО НАШИХ ДНЕЙ

Статья раскрывает эволюцию производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних. Показаны особенности обеспечения прав несовершеннолетних в различные периоды истории российского уголовного процесса.

Ключевые слова: несовершеннолетний, уголовное судопроизводство, ювенальный суд, ювенальная юстиция, обвиняемый, защитник, законный представитель.

THE HISTORICAL TRANSFORMATION OF CRIMINAL PROCEEDINGS REGARDING MINORS: FROM THE CHARTER OF CRIMINAL PROCEEDINGS TO OUR DAYS

The article reviews the evolution of juvenile criminal proceedings. It showcases the features of ensuring the rights of minors in various historical periods of the Russian criminal process.

Key words: juvenile, criminal justice, juvenile court, juvenile justice, accused, defender, legal representative.

В последние десятилетия в России ведется активная научно-практическая дискуссия относительно целесообразности изменения системы отечественного уголовного судопроизводства за счет обогащения ее, так называемыми ювенальными технологиями. Не смотря на то, что в ряде регионов накоплен ценный позитивный опыт, на законодательном уровне этот вопрос остается по-прежнему открытым.

Дальнейшее решение вопроса об изменении производства по делам несовершеннолетних требует обращения к истории его развития. Обращение к истории уголовного правосудия в отношении несовершеннолетних в нашей стране оправданно с точки зрения понимания устойчивости и жизнеспособности определенных процессуальных институтов и в плане поиска дальнейших путей совершенствования механизма защиты прав и законных интересов несовершеннолетнего, вовлеченного в уголовный процесс.

Длительный исторический период в отечественном праве (равно как и в праве большинства других государств) несовершеннолетие не рассматривалось как обстоятельство, освобождающее от уголовной ответственности или смягчающее уголовное наказание. Согласимся с авторами, отмечающими, что переломным моментом в данном плане стала вторая половина XIX в. По свидетельству Д.Ю. Кузнецова, такая ситуация была связана с «острой необходимостью оптимизации правовых механизмов уголовной ответственности и наказания лиц, не достигших совершеннолетия, а также организации системы реабилитации, ресоциализации и нравственного перевоспитания криминализованных детей и подростков»[2, с. 155].

Первым серьезным шагом в данном направлении следует считать включение в Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. норм, предусматривающих смягчение уголовной ответственности для несовершеннолетних. Существенные изменения системы уголовного преследования подростков-правонарушителей обоснованно

связываются с судебной реформой 1864 г. Устав уголовного судопроизводства 1864 г. впервые закрепил личностно ориентированный подход к уголовному преследованию несовершеннолетних. Следует согласиться с Т.В. Исаковой, подчеркивающей, что «бесспорным преимуществом УУС, по сравнению с ранее действующими законами, является то, что в нем впервые было указано на необходимость введения особых правовых норм для несовершеннолетних» [1, с. 2497]. Нормы УУС, регламентирующие особенности производства в отношении несовершеннолетних были скорректированы специальным законом 1897 г. «О малолетних и несовершеннолетних подсудимых». Фактически с его принятием закончилось формирование нормативной базы для создания в России специализированного ювенального правосудия.

Таким образом, к началу XX в. сформировалась необходимая правовая основа для защиты прав несовершеннолетнего в уголовном судопроизводстве. Он претерпевала изменения вместе с происходящими социально-политическими преобразованиями в государстве. Рассматривая специфику обеспечения прав и законных интересов несовершеннолетнего обвиняемого в России XX в., целесообразно разделить этот длительный период на несколько этапов.

Первый этап можно обозначить как время функционирования в России специальных «детских» судов. После принятия Закона 1897 г. «О малолетних и несовершеннолетних подсудимых» прошло более десяти лет до того момента, когда в России в 1910 г. был открыт первый ювенальный суд. В последующем такие суды появились и в других крупных городах [4, с. 19]. С введением подобных судов получил распространение особый механизм защиты прав несовершеннолетнего обвиняемого. В его основе лежала неформальная процедура судопроизводства у специального мирового судьи. Обеспечению прав и законных интересов несовершеннолетнего обвиняемого в значительной степени способствовали: а) ускоренный порядок рассмотрения уголовного дела; б) сбор информации, характеризующей несовершеннолетнего и его родителей, попечителей; в) проведение судебного заседания в форме воспитательной беседы судьи с подростком-правонарушителем; г) наличие законодательных оснований для привлечения в процесс защитника и законных представителей несовершеннолетнего; д) попечительский надзор как основная мера воспитательного воздействия к несовершеннолетнему правонарушителю.

В целом и современники таких судов [6, с. 4], и современные исследователи [4, с. 19] достаточно высоко оценивают их эффективность и существующий механизм защиты прав несовершеннолетних.

Второй этап в формировании процессуального механизма защиты прав несовершеннолетних обвиняемых в России достаточно длителен, противоречив и охватывает собой период с 1918 г. по 1960 гг. Революционные преобразования 1917 г. привели к утрате «детских» судов. Вместе с тем высокий уровень детской беспризорности в купе с подростковой преступностью потребовал создания государственного механизма реагирования на подобные негативные явления.

В основе защиты прав несовершеннолетнего в этот период первоначально лежала идея о необходимости медико-социальной реабилитации подростка. Несовершеннолетний должен был не уголовно преследоваться и отбывать наказание, а фактически перевоспитываться. По свидетельству современников, это породило противоречивую ситуацию, когда ресоциализация подростков не приводила к снижению преступности несовершеннолетних [3, с. 27]. Основным способом защиты прав несовершеннолетних обвиняемых в период 20-х–начала 30-х гг. стала процедура рассмотрения уголовного дела в специальной комиссии по делам несовершеннолетних с последующим применением к подростку мер медико-педагогической реабилитации. Однако уже в середине 30-х годов и позднее в 40-е гг. происходит ужесточение уголовно-процессуального законодательства в отношении несовершеннолетних. К сожалению, специфика ювеналь-

ного судопроизводства, сохраняющаяся с особенностями даже в послереволюционные годы, в этот период была утрачена. С исторической точки зрения в этот период несовершеннолетний обвиняемый находился в наименее защищенном положении. Такая ситуация сохранилась на практике вплоть до 1960 г.

С принятием УПК РСФСР 1960 г. начался следующий этап в формировании государственной уголовно-процессуальной политики в отношении несовершеннолетнего обвиняемого. В УПК РСФСР 1960 г. появилась специальная глава, посвященная особенностям производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних. В основу механизма защиты прав несовершеннолетнего обвиняемого были положены: а) обязательное участие защитника в процессе; б) участие законного представителя; в) расширение предмета доказывания; г) процедура выделения уголовного дела в отношении несовершеннолетнего в отдельное производство; д) процессуальный механизм принятия решения о применении к несовершеннолетнему принудительных мер воспитательного воздействия. В целом уголовное производство в отношении несовершеннолетних стало носить охранительный характер.

Следующий исторический этап может быть обозначен как период с начала 90-х годов XX в. до 2001 г., когда был принят ныне действующий УПК РФ, закрепивший современную модель обеспечения прав и законных интересов несовершеннолетнего обвиняемого. В этот период вопросы обеспечения прав несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве начинают рассматриваться в контексте внедрения в России ювенальной юстиции. В 90-е годы прошлого столетия было разработано несколько законопроектов, направленных на создание специализированных ювенальных судов и закрепление реабилитационной модели работы с несовершеннолетними обвиняемыми. Поскольку проекты не получили государственной поддержки, ювенальная юстиция трансформировалась в отдельные ювенальные технологии, которые в экспериментальном режиме стали внедряться в уголовное судопроизводство в отдельных регионах. К сожалению, отсутствие полноценной нормативной базы существенно затрудняло трансляцию позитивного опыта. К достижениям таких экспериментов в плане обеспечения защиты несовершеннолетнего обвиняемого следует назвать создание механизма социального сопровождения расследования уголовного дела, использование помощи привлеченных специалистов к получению информации о несовершеннолетнем правонарушителе.

Ныне действующее уголовно-процессуальное законодательство в целом продолжило историческую традицию, заложенную в УПК РСФСР 1960 г. и не ввело каких-либо революционных изменений в обеспечении прав несовершеннолетних. Хотя, ряд нововведений вызвал достаточно бурное обсуждение, например вопросы подследственности данной категории уголовных дел [5, с. 11].

В тоже время, следует отметить, что многие достижения, сложившиеся исторически, не были восприняты современной законодательной моделью и необоснованно утрачены. Очевидно, что разработке дальнейших направлений совершенствования современного ювенального правосудия должен предшествовать период исторической ревизии.

Список используемой литературы и источников

1. Исакова, Т.В. Краткий очерк развития ювенального уголовного правосудия в России: от законодательных новелл Устава уголовного судопроизводства Российской империи до современных реалий [Текст] / Т.В.Исакова // Актуальные проблемы российского права. - 2014. - № 11 (48). - С. 2497-2503.

2. Кузнецов, Д.Ю. Формирование государственно-правовой политики в области противодействия преступности несовершеннолетних в России во второй половине XIX – начале XX вв. [Текст] / Д.Ю.Кузнецов // Современное право. -2012. -№ 7. -С. 155–157.

3. Люблинский, П.И. Борьба с преступностью в детском и юношеском возрасте. Социально-правовые очерки. [Текст] / П.И.Люблинский. - М., 1923. - 301с.

4. Марковичева, Е.В. Правосудие по делам несовершеннолетних в России начала XX века [Текст] / Е.В.Марковичева // История государства и права. -2007.- № 17.- С. 18–20.

5. Марковичева, Е.В. Производство дознания по уголовным делам о преступлениях несовершеннолетних: за и против [Текст] / Е.В.Марковичева // Российский следователь. -2008. -№ 3. -С. 11–12.

6. Тарасова, Е.П. Детский Суд за границей и в России [Текст] /Е.П.Тарасова. -М.: Тип. Рус. Т-ва, 1912. -93 с.

УДК 340.1

А.С. Александров, профессор, д-р юрид. наук, профессор кафедры уголовного процесса Нижегородской академии МВД России

РЕВОЛЮЦИОННАЯ СИТУАЦИЯ В РОССИЙСКОЙ УГОЛОВНОЙ ПРОЦЕССУАЛИСТИКЕ

Российская процессуальная наука является преемницей советской науки. Она построена на тех же постулатах. Является риторической машиной следственной идеологии. Развитие страны ушло далеко вперед, а юридическая наука, включая уголовно-процессуальную науку, осталась в прошлом. Ее даже нельзя считать тормозом, потому что никакого влияния на правотворчество не оказывает, а просто догматиком. Необходимо вернуть нашей науке функцию преобразования правовой действительности, чтобы завершить судебную реформу ликвидацией следственной власти.

Ключевые слова: *судебная реформа, наука, следственная власть, идеология*

THE REVOLUTIONARY SITUATION IN THE RUSSIAN CRIMINAL PROCEDURE

Russian procedural science is the successor to Soviet science. It is built on the same postulates. It is a rhetorical machine of investigative ideology. The country's development has gone far ahead, and legal science, including criminal procedure science, is a thing of the past. It can't even be considered a brake, because it doesn't have any effect on lawmaking, but simply a dogma. It is necessary to return to our science the function of transforming legal reality in order to complete judicial reform by the liquidation of the investigative power.

Keywords: *judicial reform, science, investigative power, ideology*

Все судебные реформы, проводившиеся в России за последние два столетия, включая постсоветское правовое строительство, не изменили основ отечественной государственно-правовой системы противодействия преступности в нашей стране. Она остается следственной, то есть основанной на следственной власти – доказывать и обвинять (привлекать к уголовной ответственности), а потому закономерно вся уголовная юстиция имеет «обвинительный уклон».

Если в период безоговорочной автократии: царского самодержавия, советской диктатуры (партийно-бюрократической номенклатуры) такая правовая система противодействия преступности не вызвала особых возражений у населения, то теперь ситуация изменилась. На социально-правовой площадке появился бизнес, которому нужна демократия для развития.

Следственная форма деятельности правоохранителей по выявлению и раскрытию преступлений, привлечения к уголовной ответственности превратилась в препятствие для развития капиталистического общества в России.

Об этом открыто говорят представители бизнес-общества и руководители нашего государства. Так, в очередной раз на данной проблеме заострил внимание президент России В.В. Путин: «...нужно избавляться от всего, что ограничивает свободу и инициативу предпринимательства. Добросовестный бизнес не должен постоянно ходить под статьёй, постоянно чувствовать риск уголовного или даже административного

наказания. Уже обращал внимание на эту проблему в одном из Посланий, приводил соответствующие цифры. Ситуация, к сожалению, не сильно изменилась» [2].

Поскольку ранее принятые законодательной и иными властями меры по оптимизации существующей уголовно-правовой модели успеха не принесли, постольку надо ставить вопрос о качественно ином подходе к ее решению. Технократический подход к оптимизации существующей правовой модели, равно как и политика по созданию отдельного, привилегированного организационно-правового механизма для субъектов предпринимательской деятельности также вряд сильно помогут изменить к лучшему ситуацию в сфере применения уголовного законодательства. Ведь проблема не сводится только к защите интересов предпринимателей, она состоит в защите уголовно-правовыми средствами *всех основных субъектов российской государственной общественной системы: государства, населения и бизнеса.*

При следственной, забюрократизированной, репрессивной правовой организации деятельности правоохранительных органов, система социально-правовой защиты не способна справиться с наиболее серьезными криминальными угрозами: киберпреступностью, элитарной экономической и коррупционной преступностью и пр.

В первую очередь, надо подчеркнуть то, что население беззащитно перед растущей угрозой в лице киберпреступности, и поправками в действующие кодексы этого положения не исправить.

Правоохранительная система находится в глубоком кризисе и имитирует деятельность по борьбе с наиболее опасными проявлениями преступности в сфере экономики и государственного управления: верхушечной коррупции и экономической преступности. Уголовно-процессуальный механизм реагирует на них в режиме ручного управления, предпочитая перемалывать обычную преступность, производимую низшими социальными слоями. Системные проблемы в работе правоохранительных органов, призванных бороться с преступностью, проявляются в низком уровне адаптации к вызовам и угрозам, порождаемым глобальной цифровизацией (архаичная документо-центричная, письменная системы коммуникации, многозвенная, бюрократическая вертикаль принятия решений (разрешение очевидного, бесспорного вопроса требует неадекватно затрат времени и сил), отрыв системы показателей деятельности полиции от реальности (и вообще «примитивизация» оперативно-разыскной деятельности, предварительного расследования), низкая техническая вооруженность, трудности в доступе к большим данным и проблемы с их использованием с достаточной скоростью для принятия оперативных решений (например, обмен данными между ЦАФАП, «умный город», «безопасный город», дежурными частями и т.д. и т.п.).

Но главное препятствие и коренная причина всех организационных, технических и правозащитных проблем в правоприменении (деятельности полиции по противодействию преступлениям) состоит в сохранении господства следственной власти в организационно-правовом механизме применения уголовного законодательства. Предметно это проявляется в следственной форме (а) принятия процессуальных решений, определяющих судьбу уголовного дела, в первую очередь – предъявление обвинения и (б) доказывания, т.е. установления оснований для актов правоприменения. Все это исключает независимость суда и ставит его в подчиненное положение в уголовно-процессуальной системе.

Полагаем, что пришло время разработки принципиально новой правовой организации противодействия (кибер)преступности, защиты общества, бизнеса от преступлений в сфере экономики. Это означает доведение судебной реформы до логического конца, т.е. построение состязательного судопроизводства, реализуемого действительно независимой судебной властью. Для этого суд и судью надо освободить от власти следственной (правительственной), навязываемую через следственную форму досудебного производства, и тем самым уравнять права сторон на подготовку к ведению дела в суде.

Необходимо так реорганизовать процесс на **новых коммуникативных технологиях**, чтобы освободить его от следственных (архаичных, письменных и практически бесполезных) процедур-ритуалов (следственный допрос, изъятие-осмотр «электронного документа» и пр. следственные действия предметом которой является восприятие следователем цифровых следов преступления и фиксация их в письменном протоколе следственного действия, который подшивается в уголовное дело). Это позволит освободить досудебное производство по выявлению и расследованию преступлений от следственной формы и позволит перейти на стандарты полицейского дознания - уголовного розыска – которые приняты во всех развитых правовых системах Европы. Именно по такому пути пошли многие из государств, ранее входивших в СССР: Эстония, Латвия, Литва, Грузия, Украина, Казахстан, Киргизия и др.

Реформа предварительного расследования, без которой невозможна подлинная СУДЕБНАЯ РЕФОРМА, назрела и даже перезрела в виду нарастающих трудностей, которые испытывает существующая уголовно-процессуальная системы, которая по своей природе неспособна решать их.

Полагаем, четвертая промышленная революция ведет к цифровой трансформации информационно-коммуникативной модели взаимодействия государства, бизнеса и населения в сфере уголовно-правового противодействия преступности. Пришло время осуществить настоящую судебную реформу и тем самым завершить в 21 веке переход от следственного к состязательному типу действия уголовного права, основанного на цифровых технологиях. Нижегородской школой процессуалистов разработана программа создания новой правовой модели обвинения и доказывания, которая должна быть встроена в состязательное уголовное судопроизводство на информационной платформе цифрового правового государства [1, С. 75-86].

В нашем представлении уголовно-процессуальная система будет представлена в виде отдельных услуг (сервисов) – полицейского розыска, обвинения, судебного контроля, правосудия – на цифровой платформе государства. Каждый пользователь этой системы – физическое или юридическое лицо может воспользоваться той или иной услугой, в том числе предъявить обвинение (уголовный иск) в совершении преступления другому лицу (физическому или юридическому) и представить в его обоснование полученные им доказательства.

К такой модели надо прийти через последовательное проведение следующих мер:

1. Отказ от стадии возбуждения уголовного дела.
2. Введение судебного порядка предъявления обвинения.
3. Ликвидировать органы предварительного следствия, как орган, формирующий доказательства и принимающий решение о привлечении к уголовной ответственности.
4. Полномочия на формулирование и предъявление обвинения в виде публичного уголовного иска должны быть сосредоточены у прокурора.
5. Произвести демополизацию обвинения за счет введения субсидиарного обвинения, которое может выдвинуть против обвиняемого в суде любой потерпевший от преступления.

Поэтапно расширить пределы частного обвинения – доведя его «народного» обвинения.

6. Отказаться от института следственного допроса. Личные доказательства подлежат формированию только через проведение судебных допросов.

7. Протокол сделать одним из возможных способов фиксации информации о следах преступления, наряду с применением технических средств.

8. Наиболее распространенным доказательством в будущем станет электронная информация, представленная в цифровом виде, имеющая отношение к предмету к обвинению и предмету уголовно-правового спора, аутентичность которой не вызывает разумных сомнений у суда.

И многое другое

Но начинать надо с перезагрузки науки и умов отдельных ученых. Революции в науке правопедения. Так что, процессуалисты, присоединяйтесь к нижегородской школе – авангарду научной революции!

Список используемой литературы и источников

1. Александров, А.С., Власова С.В. Теоретическая концепция государственно-правовой организации противодействия преступности в 21 веке [Текст] / А.С.Александров // Государство и право. -2019. -№ 9. -С. 75-86.

2. Путин, В. Послание к Федеральному Собранию. 20 февраля 2019 года// <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59863/work>.

УДК 343.9

Д.В. Алымов, канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (г. Курск)

ПРОБЛЕМЫ ОПТИМИЗАЦИИ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ЭТАПА РАССЛЕДОВАНИЯ УБИЙСТВ «БЕЗ ТРУПА»

Статья посвящена проблеме совершенствования тактико-криминалистического обеспечения расследования убийств, когда труп потерпевшего не обнаружен. В связи с этим особое внимание уделяется вопросам назначения и производства ситуационных экспертиз, которые призваны оптимизировать деятельность правоохранительных органов по собиранию, исследованию, оценке и использованию доказательств, а также иной криминалистически значимой информации при расследовании уголовных дел рассматриваемой категории. Кроме того, предлагается расширить научные исследования, посвященные данному вопросу; определить основные направления использования ситуационных экспертиз при расследовании убийств «без трупа»; проанализировать научные точки зрения и зарубежный опыт, связанный с возможностью использования ситуационных экспертных исследований в практической деятельности правоохранительных органов.

Ключевые слова: убийство, труп, расследование, ситуационная экспертиза, криминалистически значимая информация.

PROBLEMS OF OPTIMIZATION OF THE INITIAL STAGE OF INVESTIGATION OF MURDERS «WITHOUT A CORPSE»

The article is devoted to the problem of improving the tactical and forensic support of the investigation of murders, when the victim's corpse is not found. In this regard, special attention is paid to the appointment and production of situational examinations, which are designed to optimize the activities of law enforcement agencies for the collection, study, evaluation and use of evidence, as well as other criminalistically significant information in the investigation of criminal cases of this category. In addition, it is proposed to expand research on this issue; to determine the main directions of the use of situational expertise in the investigation of murders «without a corpse»; to analyze scientific points of view and foreign experience associated with the possibility of using situational expert research in the practice of law enforcement.

Keywords: murder, corpse, investigation, situational expertise, criminally significant information.

Учитывая многообразие следственных ситуаций, возникающих в рамках первоначального этапа расследования убийств, особую сложность вызывают случаи, когда труп потерпевшего не обнаружен и нет однозначных данных о его местонахождении.

При расследовании убийств следствие довольно часто сталкивается с попытками сокрытия преступником следов преступления и трупа, что существенно затрудняет раскрытие преступлений данной категории. Отсутствие трупа потерпевшего во многом объясняется тем, что он либо уничтожен, либо сокрыт и пока не обнаружен.

Сложность сбора и закрепления доказательств, многообразие способов совершения убийств и их сокрытия, противодействие заинтересованных лиц определяют особую специфику их раскрытия и расследования, главенствующая роль в этом принадлежит фактору времени, поскольку изменение материальных и идеальных следов часто носят необратимый характер [1, с. 129].

Действия преступников, которые сопровождаются сокрытием следов преступления и трупов осуществляются с целью запутать следствие, и направить его по ложному пути.

Данный способ избежать преступником наказания характерен для большинства бытовых убийств.

Такая ситуация требует от следователя устойчивых психологических качеств, умений и навыков работы в сложных условиях, способности организовать работу, а также скоординировать взаимодействие представителей различных служб и ведомств, обеспечивающих процесс расследования. Кроме того, следователь должен обладать глубокими знаниями в области уголовного и уголовно-процессуального законодательства [2].

Положительный результат в расследовании уголовных дел данной категории требует от следователя постоянной инициативы и настойчивости, творческого, порой нестандартного подхода к работе. Он должен быстро ориентироваться в сложившейся ситуации и использовать для ее анализа эвристические методы, обеспечивающие принятие правильных тактических решений. Также необходима объективная оценка собранного доказательства.

Сбор информации об обстоятельствах дела часто проводится сотрудниками правоохранительных органов лишь формально, не выполняется комплекс необходимых действий, которые должны предприниматься на первоначальном этапе расследования.

Согласно ст. 10 Инструкции «О порядке рассмотрения заявлений, сообщений о преступлениях и иной информации о происшествиях, связанных с безвестным исчезновением граждан» утвержденной Приказом МВД РФ, Генпрокуратуры и Следственного комитета РФ № 38/14/5, от 16.01.2015 г. «Об утверждении инструкции о порядке рассмотрения заявлений, сообщений о преступлениях и иной информации о происшествиях, связанных с безвестным исчезновением лиц», при проведении оперативно-розыскных мероприятий по сообщению о безвестном исчезновении лица без данных о совершении преступления подробно выясняются обстоятельства, относящиеся к событию его исчезновения (время, место, способ и другие), сведения, характеризующие его личность и психоэмоциональное состояние, круг связей разыскиваемого лица.

Анализ практики показывает, что сотрудники правоохранительных органов во многих случаях ограничиваются только регистрацией заявлений по таким фактам. В таких ситуациях зачастую не проводятся необходимые следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия по месту жительства пропавшего без вести или последнему месту его пребывания.

К числу таких мероприятий можно отнести: 1) реконструкцию криминального события, основанную на формировании его оперативно-поисковой модели, которая могла бы способствовать выдвижению и проверке следственных и оперативных версий определению основных направлений розыска пропавшего лица и расследования совершенного преступления; 2) глубокое изучение обстоятельств жизнедеятельности жертвы, которые предшествовали моменту, когда ее видели в последний раз; 3) выявление и оперативную проверку лиц, когда-либо контактировавших с жертвой; 4) задействова-

ние в этих целях конфидентов; 5) грамотное инструктирование негласных сотрудников, постановка определенных разведывательных задач [3, с. 38-39].

В ходе расследования уголовных дел данной категории необходимо грамотно выстроить всю цепь имеющихся доказательств, которые подтверждают факт совершения убийства и причастность к нему определенных субъектов. Однако, такое требование следователем зачастую не выполняется.

Некоторые ученые поддерживают точку зрения о том, что при расследовании убийств, когда труп не обнаружен, следует назначать ситуационные экспертизы.

По мнению Л.Я. Драпкина, П.П. Грицаенко, основная цель ситуационной экспертизы видится в подтверждении либо исключении выдвинутых ранее версий, касающихся события происхождения, либо установления его механизма в целом или отдельных его элементов [4, с. 141].

Иногда ситуационные экспертизы именуют медико-криминалистическими. Как правило, они проводятся комиссионно, объектом исследования при этом выступают материалы уголовного дела, которые содержат всю необходимую информацию о событии преступления, когда труп потерпевшего не найден: показания свидетелей и обвиняемых о динамике убийства и сокрытии (уничтожении) тела, заключения экспертиз вещественных доказательств и т.д. [5, с. 43].

При этом, в следственной практике существуют различные подходы к возможности назначения ситуационных экспертиз. Назначаются они довольно редко.

Специалисты в области судебной медицины утверждают, что по ввиду отсутствия достоверных или наличия ошибочных выводов следователя проведение полноценных ситуационных экспертиз невозможно.

Анализируя международную практику расследования убийств «без трупа», следует обратиться к исследованиям, которые провели Н.Н. Китаевым и А.Н. Архиповой.

Изученная ими практика деятельности следственно-оперативных органов Украины, Армении, Молдовы, Казахстана и Белоруссии рассматриваемой категории дел ситуационные экспертизы никогда не назначались. Специалисты в области судебной медицины соответствующих республик поясняют, что «ситуационные экспертизы» не могут быть абсолютно достоверными и выводы экспертов зачастую являются предположительными», поэтому сотрудники правоохранительных органов данных республик относятся отрицательно к использованию возможностей ситуационных экспертиз [5, с. 43].

Тем не менее в следственной практике республики Узбекистан долгое время поддерживалась идея использования возможностей ситуационных экспертиз при расследовании убийств «без трупа». При этом отмечалось, что вопросы ситуационных судебных экспертиз актуальны и требуют детальной доработки [5, с. 43].

Думается, по результатам ситуационной экспертизы нельзя однозначно судить обо всех обстоятельствах совершенного преступления. Результаты такой экспертизы приведут к лишь вероятностным выводам, которые позволят выдвинуть перспективные следственные версии.

В данном случае следует употреблять термины «ситуационное исследование механизма преступления», «ситуационное моделирование» или «криминальная реконструкция», которые хотя и направлены на установление тех или иных фактов, но при этом не подкрепляются экспертным выводом. Эта информация требует серьезной проверки путем производства отдельных следственных действий либо оперативно-розыскных мероприятий. Только после этого можно будет сделать выводы о достоверности установленных ранее фактов.

Говоря о возможности назначения ситуационных экспертиз по результатам проведенного следственного осмотра с участием эксперта-криминалиста, следует согласиться с точкой зрения, которую поддерживают А.А. Васильев и А.Г. Дудник. По их мнению, следственный осмотр должен быть проведен согласно нормам УПК РФ, а вот в

отношении ситуационной экспертизы стоит задуматься. При этом возникает вопрос о том, нужно ли ее назначать независимо от вещной обстановки и сложившейся следственной ситуации. Определенная совокупность информации на месте следственного осмотра имеется, но следует ли назначать ситуационную экспертизу, если следователь не уверен в должной квалификации эксперта-криминалиста, усматривая то, что его деятельность сковывает временными рамками данная экспертиза. Следователь, в этом случае, может оказаться на какое-то время в стороне, отдав инициативу именно эксперту [6, с. 35].

Однако не следует принижать роль эксперта-криминалиста в данном случае. Его могут помочь следствию детально разобраться в обстоятельствах дела и получить необходимые сведения о расследуемом событии.

Также следует принять во внимание тот факт, что эти сведения зачастую могут лишь предположительно относиться к событию преступления. При этом подготавливается информационная база для неотложных следственных действий и оперативных мероприятий.

Подводя итог, можно отметить, что в криминалистической науке и практике неоднозначно подходят к проблеме назначения ситуационных экспертиз при расследовании особо тяжких преступлений. По нашему мнению, необходимо более широко обсудить этот вопрос в рамках научно-практических мероприятий с участием представителей следственно-оперативных органов и подразделений. Думается, что целесообразность назначения ситуационных экспертных исследований при расследовании убийств «без трупа» полностью зависит от качества профессиональной подготовки следователей, оперативных работников, экспертов-криминалистов и т.д. Но даже несмотря на высокий профессиональный уровень следственно-экспертных и оперативных работников, считаем, что назначение и производство ситуационных экспертиз, особенно по рассматриваемой нами категории преступлений, будет всегда сопровождаться явно выраженным тактическим риском, порождающим ряд серьезных ошибок, например, связанных с принятием неверных тактико-процессуальных решений, а также неправильной оценкой произошедшего события и отражением ее в материалах уголовного дела, либо неверной квалификацией преступного деяния.

С целью оптимизации деятельности правоохранительных органов, связанной с расследованием убийств «без трупа» следует уделить пристальное внимание вопросам тактики взаимодействия следственно-оперативных и экспертных работников в деле по разрешению сложившихся первоначальных следственных ситуаций; использования возможностей тактико-криминалистических операций и иных алгоритмов первоначального этапа расследования, направленных на сбор и всестороннее исследование имеющейся криминалистически значимой информации, а также создания необходимых условий для преодоления информационной неопределенности и организации дальнейшей следственно-оперативной деятельности по установлению местонахождения погибшего и всех обстоятельств совершенного преступления.

Список используемой литературы и источников

1. Аксенова, Л.Ю., Бобков, А.В., Бондарева, М.В. Особенности расследования убийства «без трупа» прошлых лет (на примере конкретного уголовного дела) [Текст] / Л.Ю.Аксенова, А.В.Бобков, М.В.Бондарева // Современные тенденции развития юридической науки. Сборник материалов III международной заочной научно-практической конференции. Под общ. ред. Т.М. Пономаревой. – М., 2014. – С. 128-137.

2. Шамурзаев, Т.Т., Архипова, А.Н., Туркова, В.Н. Юридические аспекты установления личности потерпевшего по делам об убийстве [Текст] / Т.Т.Шамурзаев, А.Н.Архипова, В.Н.Туркова // Социальная компетентность.- 2019. -Т. 4. -№ 1. (11). -С. 19-24.

3. Варданын, А.В. Некоторые проблемы раскрытия тяжких преступлений против личности в семейно-бытовой сфере [Текст] / А.В.Варданын // Российский следователь. - 2004. - №11. - С. 36-39.

4. Драпкин, Л.Я., Грицаенко, П.П. Значение судебно-медицинской экспертизы в системе раскрытия и расследования преступлений [Текст] / Л.Я.Драпкин, П.П. Грицаенко // Российский юридический журнал. - 2006. - № 1. - С. 138-141.

5. Китаев, Н.Н., Архипова, А.Н. Актуальные вопросы судебно-медицинской экспертизы в ситуациях, когда труп потерпевшего не обнаружен или был уничтожен [Текст] / Н.Н.Китаев, А.Н.Архипова // Вестник криминалистики / Отв. Ред. А.Г. Филиппов. - Вып. 3 (35). - М.: Спарк, 2010. - С. 43-47.

6. Васильев, А.А., Дудник, А.Г. Системность в деятельности следственно-оперативных групп при производстве первоначальных следственных действий. Злободневные вопросы перспектив назначения криминалистических экспертиз в полевых условиях [Текст] / А.А.Васильев, А.Г.Дудник // Следователь. -2005.- № 2. - С. 33-36.

УДК 343.16

М.С. Андреева, магистрант ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (г. Курск)

Научный руководитель: И.В. Ревина, канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (г. Курск)

ПРАВОВОЙ СТАТУС СЛЕДОВАТЕЛЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Экономические и социальные изменения, которые происходят в стране, способствуют увеличению количества преступлений, изощренным способам их совершения, улучшению их качества, качества технического вооружения преступников.

Изменения качественных характеристик преступности, повышение ее организованности требуют повышенную активность в работе правоохранительных органов, а в первую очередь, в деятельности следователя.

В статье рассматриваются основные проблемы правового статуса следователя по действующему законодательству. Автором предлагаются различные пути решения данного вопроса.

Ключевые слова: предварительное следствие, следователь, судебный следователь, следственный судья, прокурорский надзор, ведомственный контроль.

LEGAL STATUS OF THE INVESTIGATOR: PROBLEMS AND SOLUTIONS

The economic and social changes that are taking place in the country contribute to an increase in the number of crimes, to sophisticated methods of their commission, to improving their quality, and the quality of the technical equipment of criminals. Changes in the qualitative characteristics of crime, an increase in its organization require increased activity in the work of law enforcement agencies, and primarily in the activities of the investigator.

The article discusses the main problems of the legal status of the investigator under the current law. The author offers various ways to solve this issue.

Keywords: preliminary investigation, investigator, judicial investigator, investigative judge, prosecutor's supervision, departmental control.

Успех борьбы с преступностью в существенной мере определяется тем, насколько быстро и полно будет раскрыто каждое преступление, изблечены и преданы суду все лица, которые виновны в его совершении. Правильное решение следователем вопро-

сов, входящих в предмет доказывания по каждому уголовному делу, во многом предопределяет законность и справедливость судебного приговора.

Какой бы процессуальной самостоятельностью и независимостью суд ни обладал, он выносит свою оценку, исходя из материалов уголовного дела, направляемого следователем на его рассмотрение. Именно следователь в первую очередь определяет наличие состава и события преступления, доказывает виновность лица, привлеченного к уголовной ответственности, определяет юридическую оценку преступления, сумму причиненного материального ущерба и многое другое.

Исходя из этого, последние несколько лет активно обсуждается проблема обвинительного уклона предварительного расследования, поскольку следователь Уголовно-процессуальным кодексом РФ отнесен к стороне обвинения. Для решения этой проблемы было предложено рассмотреть возможное возрождение института судебного следователя по образцу Устава уголовного судопроизводства 1864 года.

В нем была заложена идея процессуальной самостоятельности следователя, которая нашла отражение во всех последующих уголовно-процессуальных законах Российского государства. Именно данная реформа закрепила статус судебного следователя, в основные полномочия которого входило право возбуждения уголовного дела, опроса свидетелей и подозреваемых, сбора доказательств [3, с. 112].

Устав 1864 года заметно изменил положение судебных следователей:

1. Им полностью передавалось проведение предварительного расследования;
2. Был повышен их статус: теперь они приравнивались не к судьям уездного суда, а к судьям окружного суда;
3. Были закреплены правовые гарантии их самостоятельности и независимости: назначать и смещать судебных следователей мог только царь по представлению министра юстиции.

Судебный следователь обладал широкой процессуальной самостоятельностью. В соответствии с Уставом он имел право самостоятельно принимать все меры, которые были необходимы для производства следствия, помимо тех, производство которых было ограничено законом. Устав предписывал следователю, собирая доказательства, действовать своевременно и быстро, чтобы сохранять следы и признаки преступления, которые могут иметь значение при расследовании. Требования следователя подлежали обязательному исполнению полицией, всеми должностными и частными лицами. Следователь мог применить процессуальное принуждение в случае неисполнения его требований, а именно: наложить штраф за неявку по вызову или за отказ от участия в качестве понятого [7, с. 80].

В последние годы судебная система России претерпевает существенные изменения, заимствуя зарубежные стандарты и правила. Уже который год ведутся активные дискуссии о необходимости реформирования предварительного расследования в том числе.

После принятия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации основным и самым серьезным изменением, которому подверглась эта стадия, стало лишь отделение следственного аппарата от системы прокуратуры в 2007 году, а также сокращение полномочий прокурора по отношению к предварительному следствию. В целом, структура и организации органов, которые осуществляют предварительное расследование, остались прежними, что вызывает беспокойство среди большинства ученых-процессуалистов и практиков о качестве предварительного расследования, и поэтому они все больше выступают за идею необходимости нового реформирования досудебного производства [9, с. 20].

Во многом это обусловлено тем фактом, что следователь относится Уголовно-процессуальным кодексом РФ к стороне обвинения, поэтому, осуществляя предварительное следствие по уголовному делу, его действия не могут быть полностью направ-

лены на всестороннее, объективное и максимально полное установление обстоятельств, имеющих значение для конкретного дела.

То есть сложившаяся система расследования уголовных дел, фактически, создает обвинительный уклон в деятельности следователя, на что неоднократно указывали исследователи. Такое положение дел расходится с сущностью уголовного судопроизводства, заключающейся в защите прав и законных интересов личности.

Уголовно-процессуальный кодекс РФ в качестве одного из принципов уголовного судопроизводства закрепляет принцип состязательности, в соответствии с которым и сторона защиты, и сторона обвинения имеют равные возможности при производстве по уголовному делу при наличии беспристрастного и независимого суда, выносящего решение по существу. В действительности же российский уголовный процесс можно назвать смешанным: розыскным в досудебном производстве и состязательным – в судебном.

На наш взгляд, наличие обвинительного уклона, отсутствие равноправия сторон, несовершенство судебного контроля обусловили появление идеи о необходимости создания в России института судебного следователя или следственного судьи.

Президент Российской Федерации – Владимир Владимирович Путин – 14 октября 2014 года на заседании президентского совета по развитию гражданского общества и правам человека дал рекомендации Верховному Суду РФ рассмотреть возможность введения в нашем государстве института судебных следователей. В различных научных статьях последних лет активно обсуждается проблема возрождения данного института.

В результате такая идея была воплощена в теоретической концепции, которая называется «Возрождение института следственных судей в российском уголовном процессе», автором которой является А. В. Смирнов.

По мнению сторонников данной реформы, именно такой подход к предварительному следствию способен в современных условиях обеспечить на стадии предварительного расследования состязательность, равенство сторон, в том числе по собиранию и проверке доказательств, судебную защиту конституционных прав личности.

Такая процессуальная фигура является новой для современной России, но если взглянуть в историю нашего государства, то можно увидеть, что такой институт существовал со времен Судебной реформы 1864 года Александра II по 1922 год.

Введенные в действие в 1864 г. на всей территории Российской империи судебные уставы реализовали такую поставленную законодателем цель, как преобразование предварительного следствия, которое находилось в то время в неудовлетворительном состоянии.

Благодаря вступлению в силу судебных уставов, закрепляющих институт судебных следователей, в уголовном судопроизводстве Российской Империи законодательно были закреплены такие ранее не свойственные для российской правовой системы буржуазно-демократические принципы, как публичность, гласность, независимость и несменяемость судебных органов, свободная оценка доказательств, отказ от розыскного процесса и замена его смешанными (следственно-состязательными) началами в уголовном процессе [10, с. 315].

Сторонники возрождения данного института считают, что судебный следователь будет осуществлять контроль за следствием, ограждая его от незаконных и необоснованных дел, злоупотреблений и ошибок при избрании меры пресечения. Противники такой реформы выступают за неразумность введения этого института, который давно себя исчерпал.

Таким образом, в соответствии с современной концепцией «Возрождение института следственных судей в Российском уголовном процессе» следственные судьи на стадии предварительного следствия призваны обеспечивать:

1) своего рода независимый «фильтр», который будет препятствовать поступлению в суд необоснованных или незаконных обвинений;

2) равенство сторон;

3) судебную защиту конституционных прав личности.

Реализовать указанные принципы предлагается путем следующих действий:

1. Следственный судья будет исполнять роль посредника между всеми субъектами предварительного расследования, предоставляя всем участникам процесса равные возможности в реализации и защите их прав. Так, и сторона защиты, и потерпевший для получения доказательств по делу смогут беспрепятственно ходатайствовать о проведении обязательных судебных следственных действий, что соответствует принципу состязательности.

В ежегодном докладе Уполномоченного по правам человека в РФ за 2011 год упоминается проблема обвинительного уклона на стадии предварительного расследования. В нем говорится о сложности оспаривания результатов экспертизы, проведенной предварительным следствием. Являясь подлинно независимым должностным лицом, судебный следователь, в отличие от прокурора и следователя, не будет заинтересован в успехе обвинения.

2. Следственный судья на этапе досудебного производства будет решать вопросы об ограничении прав, свобод и законных интересов личности. Сюда относятся применение мер процессуального принуждения; осмотр жилища при отсутствии согласия проживающих в нем лиц; контроль и запись телефонных и иных переговоров; производство обыска или выемки и др.

3. Предоставление следственному судье полномочий по принятию решения о передаче обвинительного заключения после утверждения прокурором для судебного разбирательства. На этом этапе судебный следователь изучает собранные на предварительном следствии доказательства. Если такие доказательства не пройдут проверку под руководством следственного судьи, в судебном разбирательстве они использованы быть не могут. Такая проверка заключается в проведении допросов лиц, ранее давших показания следователю, а также рассмотрение по требованиям сторон вопроса о допустимости доказательств, представленных сторонами [4, с. 157].

Несмотря на то, что реформирование уголовного судопроизводства существует пока только в проектах, можно уже обнаружить проблемные вопросы организационного и процессуального характера в деятельности судебных следователей на современном этапе, которые мало чем отличаются от тех, с которыми столкнулись в Российской Империи 150 лет назад.

Список используемой литературы и источников

1. Конституция Российской Федерации [Текст]: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года]. - М.: Юрист, 2019. - 64 с.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Текст]. - М.: Проспект, 2019. - 254 с.

3. Аверченко, А.К. Историко-правовой анализ уголовно-процессуального статуса следователя по УПК РСФСР [Текст] / А.К. Аверченко // Юридическая наука и практика. - 2015. - №1. - С. 110-115.

4. Асташов, М.А. Институт следственных судей: история и современность [Текст] / М.А. Асташов // Территория науки. - 2017. - №1. - С. 156-160.

5. Болотова, А.А. Следственный судья в России: за или против? [Текст] / А.А. Болотова // Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: достижения и проблемы применения. - Отв. редактор Рябинина Т.К. - 2016. - С. 26-29.

6. Лупинская П.А. Уголовно-процессуальное право РФ [Текст]: учебник. - М.: Норма, 2009. - 1071 с.

7. Огородов, А.Н. Генезис процессуальной самостоятельности следователя [Текст] / А.Н. Огородов // Вопросы российского и международного права. – 2016. - №5. – С. 77-82.

8. Рябина, Т.К. К вопросу реформирования предварительного расследования [Текст] / Т.К. Рябина // Вестник СамГУ. – 2014. - № 11. – С. 201-206.

9. Рябина, Т.К. Следственный комитет или судебный следователь? [Текст] / Т.К. Рябина // Уголовное судопроизводство. – 2011. – №1. – С. 17-23.

10. Савицкая, И.Г. Процессуальные и организационные проблемы становления института следственных судей (судебных следователей) в России: история и современность [Текст] / И.Г. Савицкая // Современное уголовно-процессуальное право России: уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. - 2016. - С. 314-318.

УДК 343.131.5

Н.А. Андреева, студентка ЧОУ ВО «Региональный открытый социальный институт» (г. Курск)

Научный руководитель: А.А. Сизов, канд. юрид. наук, доцент ФГБОУ ВО «Курский государственный медицинский университет»

ИСТОРИЯ СТАТУСА ЗАЩИТНИКА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Данная статья посвящена историческим предпосылкам возникновения института защиты в российском уголовном судопроизводстве.

Обращается внимание на то, что вплоть до судебной реформы 1864 года статус защитника не обладал процессуальной самостоятельностью и не пользовался общественным признанием.

Ключевые слова: уголовный процесс, судебная реформа 1864 года, судебный представитель, защитник, адвокатура.

HISTORY OF THE DEFENDER STATUS IN THE CRIMINAL PROCESS

This article is devoted to the historical background of the institution of defense in Russian criminal proceedings.

Attention is drawn to the fact that, until the judicial reform of 1864, the status of a defender did not have procedural independence and did not enjoy public recognition.

Keywords: criminal process, judicial reform of 1864, judicial representative, defense counsel, legal profession.

Углубляясь в историю, можно заметить, что первое упоминание о судебном представителе встречается еще в Древней Руси, а именно, в законодательных сборниках XV в.

Так, действовавшая в тот период развития России Псковская судная грамота закрепляла возможность пользоваться помощью поверенных лиц только для лиц женского пола, монахов, монахинь, дряхлых стариков, а также глухих.

В свою очередь, иной нормативный документ того времени – Новгородская судная грамота закрепляла норму, в соответствии с которой дозволялось пользоваться помощью поверенных лиц практически каждому.

Следует отметить, что в качестве поверенных выступали:

1. лица, состоящие в родстве с участниками тяжбы;
2. правоспособные граждане, не состоявшие на службе и, соответственно, не обремененные властью.

Примечательно, что до того момента, когда были изданы Судебные уставы 1864 года, так называемое судебное представительство являлось профессией свободного ха-

рактера, которая не в какой степени не была связана теми или иными организационными, а также корпоративными обязательствами.

Стоит подчеркнуть, что деятельность поверенных в различные исторические периоды была разной. Так, к примеру, во времена, когда не существовала дифференциация уголовного, а также гражданского процесса, поверенным разрешалось принимать участие как в уголовных, так и гражданских делах.

Даже, когда произошло деление судопроизводства на уголовное и гражданское в соответствии с Судебниками 1497-1950 гг., поверенные стали играть другую роль.

Уголовное судопроизводство стало делиться на стадии:

1. состязательный суд;
2. следственный розыск.

Это свидетельствовало о расширении границ розыска и, соответственно, началось постепенное оттеснение обвинительного процесса на второй план. При этом, в розыском процессе поверенные не могли принимать участие.

Уголовные дела стали разбираться в рамках следственного, а также тайного производства. Одним из членов суда осуществлялось рассмотрение актов предварительного следствия, а также извлечения и выписки, предназначенные для других членов суда.

В свою очередь, данные извлечения и выписки выступали в качестве процессуального основания для других членов суда.

Развитие уголовного судопроизводства, сопровождалось возникновением зачатков института правозащиты в уголовном суде. Данная защита прав подсудимого, в свою очередь, обеспечивалась прокурорами, а также стряпчими, которыми возбуждалось преследование за совершение преступного деяния.

Немаловажную роль играли депутаты, которые избирались из представителей определенного сословия либо ведомства, к которому был отнесен обвиняемый [1, С. 117]. Так, на данных депутатов возлагалась обязанность по наблюдению за тем, чтобы интересы подсудимого непрекословно соблюдались.

Кроме того, данные депутаты могли присутствовать на следствии, наблюдать за правильностью осуществления производства. Также, при необходимости, депутаты имели право на высказывание собственного мнения.

Прокуроры, а также стряпчие обладали правом на предложение суду своих заключений о невиновности подсудимого [4, С. 98].

Петром I защитники считались лишней и ненужной фигурой в уголовном судопроизводстве, которые лишь создают препоны для отправления правосудия.

Можно сказать, что адвокаты не получали своего должного признания и процессуального положения вплоть до принятия судебной реформы.

Адвокатская деятельность осуществлялась в основном государственными служащими низкого ранга либо бывшими государственными служащими.

В свою очередь, несмотря на то, что в российском уголовном судопроизводстве не существовало самостоятельного процессуального института в виде адвокатуры вплоть до 1864 года, все-таки институт защиты в период Руси существовал в своеобразном виде.

Более того, в Судебниках, а также Уложениях, действовавших во времена царствования Алексея Михайловича, представлялось возможным встретить упоминания о судебных представителях, в качестве которых в тот период выступали стряпчие и поверенные.

В последующем, Сводом законов Российском Империи было закреплено право за всеми лицами, которые могут выступать в качестве истца либо ответчика, на производство тяжб, а также передачу иска через поверенных. Упомянутым Сводом законов закреплялось, что поверенный – это лицо, действующее в суде вместо доверителя, а также представляющее ее.

Следует отметить, что такое занятие в России того времени, как стряпчество (защита, представительство в суде) не считалось престижной. Стряпчие не получали должного признания и в народе их не почитали [2, С. 208].

После принятия закона Российской Империи деятельность судебных представителей получила свое более или менее законодательное упорядочение, регламентацию порядка отбора, а также деятельности данного института. Однако, изменению подвернулась не вся судебная система, а только коммерческие суды, при которых осуществлялось создание, а также проводилась работа института судебных стряпчих.

С бурным ростом промышленности, производства, развитием капиталистических отношений обусловилась потребность в охране частной собственности, купеческого сословия, предпринимательства, а также возникающих промышленных капиталов, как среднего, так и крупного размеров.

Стоит отметить, что коммерческие суды еще до принятия судебной реформы 1864 года в России имели состязательный характер и, по сути, выступали в качестве объективных государственных структур, в которых деятельность судей должна была неукоснительно соответствовать закону, правилам, а также обычаям делового оборота [3, С. 209].

Отбор стряпчих в данных судах осуществлялся в соответствии со строжайшими принципами избирательности. У коммерческого суда было право осуществлять регистрацию претендентов в стряпчие, а также право на отказ в регистрации, не объясняя при этом претендентам причину отказа.

Коммерческий суд также обладал правом исключать лиц из числа судебных представителей с указанием причины.

В 1864 году состоялась судебная реформа, которая, по сути, выразила прогрессивные либеральные правовые идеи общества.

В соответствии с новым Судебным Уставом прием в присяжные заседатели осуществлялся Советом присяжных поверенных. Однако, в связи с отсутствием Советов на начальном этапе работы новых судебных установлений, Временные правила предусматривали, что в каждой губернии должны были образоваться особые комитеты, состоявших из председателей, а также товарищей председателей судебных палат.

На данные комитеты возлагались функции по рассмотрению прошений о принятии в число присяжных поверенных, а также по представлению об утверждении их министру юстиции.

Список используемой литературы и источников

1. Адвокат в уголовном процессе [Текст]: учебник /под ред. Н.А.Колоколова. - М.: Юнити-Дана, Закон и право, 2017. - 376 с.
2. Барабаш, А. С. Публичное начало российского уголовного процесса [Текст] / А.С. Барабаш. - М.: Юридический центр Пресс, 2016. - 432 с.
3. Барабаш, Анатолий. Публичное начало российского уголовного процесса [Текст] / Анатолий Барабаш. - М.: Юридический центр, 2015. - 490 с.
4. Белоносов, В. О. Российский уголовный процесс [Текст] / В.О. Белоносов, И.В. Чернышева. - М.: Дашков и Ко, БизнесВолга, 2014. - 480 с.

УДК 343.8

Е.А. Антонян, д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

О РОЛИ УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ЗАЩИТЕ ПРАВ ОСУЖДЕННЫХ

В статье рассматривается роль деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в защите прав осужденных к лишению свободы. Анализируются проблемы законодательной регламентации контроля за деятельностью учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания; проблемы рассмотрения судом вопросов, связанных с исполнением приговора, а также организации трудовой деятельности осужденных в исправительных учреждениях.

Ключевые слова: Уполномоченный по правам человека, проблемы, осуждённые, суд, нарушением прав, трудовая деятельность, нормы международного права.

ON THE ROLE OF THE COMMISSIONER FOR HUMAN RIGHTS IN THE RUSSIAN FEDERATION IN PROTECTING THE RIGHTS OF CONVICTS

The article discusses the role of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation in protecting the rights of persons sentenced to imprisonment. The problems of legislative regulation of control over the activities of institutions and bodies executing criminal penalties are analyzed; problems of consideration by the court of issues related to the execution of the sentence, as well as the organization of labor activity of convicts in correctional institutions.

Keywords: Commissioner for Human Rights, problems, convicts, court, violation of rights, labor activity, international law.

Согласно ст. 1 Федерального конституционного закона от 26.02.1997 № 1-ФКЗ (ред. от 31.01.2016) «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» это должностное лицо действует в целях обеспечения гарантий государственной защиты прав и свобод граждан (ч.1).

Уполномоченный по правам человека в РФ способствует восстановлению нарушенных прав, совершенствованию законодательства РФ о правах человека и гражданина и приведению его в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права (ч. 3).

Уполномоченный при осуществлении своих полномочий независим и неподотчетен каким-либо государственным органам и должностным лицам (ч. 1 ст. 2). Деятельность Уполномоченного дополняет существующие средства защиты прав и свобод граждан, не отменяет и не влечет пересмотра компетенции государственных органов, обеспечивающих защиту и восстановление нарушенных прав и свобод (ст. 3).

В ст. 24 УИК РФ перечислены субъекты, имеющие право при исполнении служебных обязанностей, без специального на то разрешения посещать учреждения и органы, исполняющие наказание.

Согласно ч. 2.1 указанной статьи Уполномоченный по правам человека в РФ, уполномоченные по правам человека в субъектах РФ при осуществлении своих полномочий вправе беседовать с осужденными наедине в условиях, позволяющих представителю администрации учреждения или органа, исполняющего наказания, видеть беседующих, но не слышать их.

Отметим, что указанная часть в анализируемую статью была введена в 2015 году Федеральным законом от 06.04.2015 № 76-ФЗ.

Вместе с тем, в статьях УИК РФ, регулирующих виды контроля, за деятельностью учреждений и органов, исполняющих наказания, контроль, осуществляемый Уполномоченным по правам человека в РФ, уполномоченными по правам человека в субъектах РФ не установлен, что является недостатком законодательства. В этой связи видится необходимость дальнейшего развития уголовно-исполнительного закона.

Обозначенная проблема обусловлена тем, что еще встречаются случаи жестокости, насилия и беззакония в некоторых учреждениях уголовно-исполнительной системы. Такие факты подтверждаются результатами мониторинговых проверок Уполномоченного по правам человека в РФ и региональных уполномоченных, прокурорскими проверками, заключениями Общественных наблюдательных комиссий.

В Докладе Уполномоченного по правам человека за 2018 г. акцентируется внимание на том, что первое место по своему удельному весу занимают жалобы на неправомерные действия сотрудников уголовно-исполнительной системы. Осужденные жалуются на необоснованное и жесткое применение к ним физической силы и специальных средств. В адрес Уполномоченного поступило 152 такие жалобы, что практически в два раза превышает показатели прошлого года (в 2017 году - 83 обращения).

Кроме того, осужденные жалуются на неправомерное применение мер дисциплинарного взыскания, несвоевременное и некачественное оказание медицинской помощи.

Представляется необходимым введение в главу 3 УИК «Учреждения и органы, исполняющие наказания, и контроль за их деятельностью» отдельной статьи 19.1 «Контроль Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации».

В статье следует предусмотреть положения о том, что названный контроль осуществляют Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, уполномоченные по правам человека в субъектах Российской Федерации, а также по их поручению работники аппарата Уполномоченного. В статье следует предусмотреть механизм такого контроля.

Кроме того, в данной норме следует предусмотреть, что Уполномоченный в порядке, уже установленном действующим законодательством, не только проводит беседы с осужденным, но и рассматривает жалобы осужденных на действия администрации учреждений и органов, исполняющих наказания.

Представляется, что положения о роли контроля Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации в защите прав осужденных в учреждениях уголовно-исполнительной системы следует указать в Концепции развития уголовно-исполнительной системы.

Актуальной в современный период проблемой с позиций защиты прав осужденных является порядок рассмотрения судом вопросов, связанных с исполнением приговора, что регулируется ст. 399 УПК РФ.

Проблема заключается в нечеткости законодательной регламентации порядка исследования и оценки судом материалов, представленных в суд.

Согласно ч. 2 ст. 399 УПК РФ указанные в ч. 1 статьи лица, учреждения и органы должны быть извещены о дате, времени и месте судебного заседания не позднее 14 суток до дня судебного заседания. В судебное заседание вызывается представитель учреждения, исполняющего наказание, или компетентного органа, по представлению которого разрешается вопрос, связанный с исполнением наказания. Если вопрос касается исполнения приговора в части гражданского иска, то в судебное заседание могут быть вызваны гражданский истец и гражданский ответчик. При наличии ходатайства осужденного об участии в судебном заседании суд обязан обеспечить его непосредственное участие в судебном заседании либо предоставить возможность изложить свою позицию путем использования систем видеоконференц-связи. Вопрос о форме участия осужден-

ного в судебном заседании решается судом. Ходатайство осужденного об участии в судебном заседании может быть заявлено одновременно с его ходатайством по вопросам, связанным с исполнением приговора, либо в течение 10 суток со дня получения осужденным извещения о дате, времени и месте судебного заседания.

Согласно ч. 3 рассматриваемой статьи, в случае, когда в судебном заседании участвует осужденный, потерпевший, его законный представитель и (или) представитель, они вправе знакомиться с представленными в суд материалами, участвовать в их рассмотрении, заявлять ходатайства и отводы, давать объяснения, представлять документы.

В соответствии с ч. 4 статьи судебное заседание начинается с доклада представителя учреждения или органа, подавшего представление, либо с объяснения заявителя. Затем исследуются *представленные материалы*, заслушиваются объяснения лиц, явившихся в судебное заседание, мнение прокурора, после чего судья выносит постановление.

Вместе с тем, в правоприменительной практике нередки случаи, когда в решениях судьи в качестве главного аргумента указывают характеристику осужденного и имеющуюся у него дисциплинарное взыскание, при этом не учитываются другие обстоятельства. На данное обстоятельство обращает внимание Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации в своем Докладе за 2018 год.

При этом, например, Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 21.04.2009 г. № 8 (ред. от 17.11.2015) «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части более мягким видом наказания» указывает на то, что при решении данного вопроса необходим индивидуальный подход к каждому осужденному, необходимо учитывать в совокупности все данные о его личности, его поведение, отношение к труду, учебе во время отбывания наказания.

В этой связи видится необходимость уточнения редакции ч. 4 ст. 399 УПК РФ, в которой следует указать, что при решении любого вопроса, указанного в ст. 397 УПК РФ необходимо суду исследовать представленные материалы, в том числе характеристику осужденного, всю совокупность сведений о его личности, отношении к труду, к учебе, а также наличие поощрений и взысканий.

Актуальной проблемой в современный период является организация трудовой деятельности осужденных в учреждениях уголовно-исполнительной системы.

В Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г., утвержденной Распоряжением Правительства РФ от 14.10.2010 (ред. от 23.09.2015) акцентировано внимание на необходимости развития трудовой деятельности осужденных.

В частности, в документе установлено, что необходима проработка возможности внедрения новых организационно-правовых форм организации производственной деятельности в учреждениях уголовно-исполнительной системы и создание дополнительных рабочих мест, в том числе на основе государственно-частного партнерства; приведение условий осуществления производственной деятельности в учреждениях уголовно-исполнительной системы к условиям производственной деятельности в иных организациях; обеспечение государственных гарантий трудовых прав осужденных, установленных Трудовым кодексом Российской Федерации, в том числе: на условия труда, соответствующие государственным нормативным требованиям охраны труда; на оплату труда в полном размере месячной заработной платы не ниже установленного минимального размера оплаты труда при полной отработке за этот период нормы рабочего времени и выполнении нормы труда (трудовых обязанностей); на сохранение за осужденным рабочего места в период его временной нетрудоспособности; обеспечение системы основных государственных гарантий по оплате труда осужденных, в том числе в целях обеспечения выплат компенсации вреда потерпевшим и государству; проработка

возможности увеличения размера заработанных денежных средств, направляемых на лицевой счет осужденного.

Реализация указанных положений чрезвычайно важна как с позиции обеспечения конституционных и трудовых прав непосредственного осужденных, так и возможности максимального возмещения вреда, причиненного преступлением, потерпевшим в период отбывания наказания. Кроме того, важно развитие указанных положений Концепции и с точки зрения дальнейшего трудоустройства осужденных после отбытия ими наказаний в условиях развития технологических процессов и внедрения новых технологий в производство, а также социальной адаптации осужденных.

Список используемой литературы и источников

1. Конституция Российской Федерации [Текст] // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
2. Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г., утвержденная Распоряжением Правительства РФ от 14.10.2010 (ред. от 23.09.2015) [Текст] // <http://base.garant.ru/1357449/>
3. Трудовой кодекс Российской Федерации [Текст] // <http://base.garant.ru/12125268/>
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Текст] // <https://rg.ru/2001/12/22/upk-dok.html>
5. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации [Текст] // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940/
6. «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части более мягким видом наказания» [Текст]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.04.2009 г. № 8 (ред. от 17.11.2015) // <http://base.garant.ru/1790871/>
7. Доклад Уполномоченного по правам человека за 2018 г. [Текст] // http://ombudsmanrf.org/ombudsman/document/ezhegodnye_doklady
8. «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» [Текст]: федеральный конституционный закон от 26.02.1997 № 1-ФКЗ (ред. от 31.01.2016) // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_13440/

УДК 343.985

А.А. Аналькова, А.И. Бугаёва, студенты юридического факультета ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (г. Курск)

Научный руководитель: Д.В. Альмов, канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (г. Курск)

ТАКТИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АДВОКАТА-ЗАЩИТНИКА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

В статье поднимается дискуссионная тема объема полномочий адвоката в осуществлении им деятельности в рамках криминалистической тактики, его процессуальное положение и определение содержания и предметной области криминалистической тактики в целом. Авторами рассмотрены основные научные точки зрения, касающиеся данных вопросов, а также проведена параллель с практикой осуществления адвокатами своих полномочий в рамках следственных действий. Адвокатская деятельность в статье рассматривается через призму реализации основных прав и свобод человека и гражданина и необходимости их профессиональной защиты, качество которой напрямую зависит от использования защитником всех процессуальных прав в рамках следственных действий.

Ключевые слова: криминалистическая тактика, адвокат, субъекты криминалистической тактики, тактический прием, следственные действия.

TACTICAL-CRIMINALISTIC ASPECTS OF ACTIVITY OF LAWYER-DEFENDER IN CRIMINAL CASES

The article raises the debatable topic of the scope of the lawyer's powers in carrying out activities within the framework of forensic tactics, his procedural position and determination of the content and subject area of forensic tactics in general. The authors considered the main scientific points of view regarding these issues, as well as a parallel with the practice of lawyers exercising their powers in the framework of investigative actions. The advocacy activity in the article is considered through the prism of the implementation of the fundamental rights and freedoms of man and citizen and the need for their professional protection, the quality of which directly depends on the use by the defense attorney of all procedural rights in the framework of investigative actions.

Keywords: forensic tactics, lawyer, subjects of forensic tactics, tactical technique, investigative actions.

Криминалистическая тактика – это один из разделов науки криминалистики, который представляет собой систему научных положений и рекомендаций по организации и планированию расследования преступлений, определению оптимальной линии поведения участвующих в нем лиц, а также производству отдельных следственных и судебных действий. Довольно долгое время в уголовно-процессуальной и криминалистической науке ведутся дискуссии относительно содержания и предметной области криминалистической тактики.

Так, Е.П. Ищенко утверждает, что содержание криминалистической тактики как раздела криминалистики включает: 1) учение о криминалистической версии и планировании расследования; 2) тактические приемы и рекомендации о производстве отдельных следственных действий; 3) рекомендации об использовании в процессе расследования специальных познаний и помощи специалистов [1, с. 328]. По мнению Н.П. Яблокова, в содержание криминалистической тактики входит система теоретических и практических рекомендаций по планированию, организации и определению тактики проведения следственных действий, а также криминалистических операций субъектами расследования [2, с. 154]. Также данный автор отмечает, что главной задачей криминалистической тактики является обеспечение планомерно-организационного и тактического ведения следователями отдельных следственных действий и операций по сбору и исследованию доказательственной и иной криминалистической значимой информации по уголовным делам [2, с. 154].

По нашему мнению, одним из важнейших элементов содержания криминалистической тактики является эффективная организация криминалистической деятельности в целом на основе наиболее рационального построения системы взаимоотношений его участников.

Основу криминалистической тактики составляют тактические приемы, которые представляют собой наиболее рациональные и эффективные способы действия или наиболее целесообразную линию поведения лица, осуществляющего то или иное следственное действие.

По мнению большинства ученых-криминалистов, основными субъектами криминалистической тактики являются лица, чья профессиональная деятельность направлена на исследование закономерностей преступной деятельности посредством использования криминалистических знаний. К таким субъектам традиционно относят следственных и оперативных работников, поскольку именно они имеют больше всего возможностей в применении данных знаний.

Однако, следует отметить, что возможности криминалистической тактики значительно шире. Соответственно, возникает вопрос об использовании криминалистических знаний и определении тактической линии поведения лицами, которые участвуют в

производстве отдельных следственных действий со стороны защиты. Современное уголовно-процессуальное законодательство обеспечило широкие возможности участия защитника в доказывании по уголовным делам, что в частности, закрепляется в ч. 3 ст. 86 УПК РФ. Некоторые ученые-криминалисты рассматривают защитника как безусловного субъекта криминалистической тактики отмечая, что хоть следственные действия и не находятся под его контролем, но он участвует в них и использует свои знания для создания условий, направленных на осуществление защитительной деятельности. Тактически приемы, которые применяются при производстве следственных действий, в сфере профессиональной защиты ограничены в первую очередь тем, что возможности защитника не такие объемные как у специально уполномоченных на осуществление расследования органов. Цель, преследуемая органами следствия и лицами, осуществляющими функцию защиты по уголовному делу, тоже различна.

Тактические приемы в полной мере реализуются именно в производстве следственных действий, так как именно они предназначены для получения и передачи криминалистически значимой информации, осуществления операций по доказыванию, предусмотренных законодательством.

Участие адвоката в следственных действиях в тактическом плане можно рассматривать по аналогии с тактикой производства следственных действий органами следствия (дознания). Очевидным является то, что сущность деятельности стороны защиты и обвинения различается между собой и индивидуальна для каждого вида следственного действия. Содержание зависит от этапа расследования и защитной ситуации. Но в целом можно выделить и общие черты, которые свойственны как деятельности следственных работников, так и адвокатов-защитников, участвующих в уголовном судопроизводстве.

Так, например, все названные участники, осуществляя плановую деятельность, должны определить конкретные задачи, которые необходимо решить в рамках следственного действия; спланировать временные затраты, направленные на достижение различных целей; спрогнозировать возможные последствия осуществления своей деятельности и т.д.

Тем не менее, тактика профессиональной защиты имеет существенные отличия от тактики, применяемой органами, осуществляющими расследование, что обусловлено характером сложившихся на данный момент времени ситуаций. На каждом этапе следственного действия и расследования в целом невозможно четко определить направленность тактики защиты. В то время как следователь оценивает добытую информацию с позиции того, насколько она благоприятна для достижения целей уголовного преследования, адвокат же должен действовать в зависимости от обстановки, которая позволяет ему рационально выявлять сведения оправдывающие подзащитного, исключающие или смягчающие ответственность обстоятельства [3, с. 196]. Основу защитной ситуации также составляет субъективное отношение подзащитного к сущности предъявленного ему обвинения или возникшего в его отношении подозрения в совершении преступления.

Анализ защитной ситуации позволяет защитнику выдвигать и проверять определенные версии, а также планировать свое участие в уголовном судопроизводстве. Например, изучение уголовных дел об убийствах показывает, что наиболее часто возникает три защитные ситуации: а) недоказанность участия обвиняемого в инкриминируемом ему преступлении; б) недоказанность способа совершения убийства; в) недоказанность вины обвиняемого. Каждая из защитных ситуаций влечет выдвижение и проверку только им свойственного перечня типичных версий и соответственно планирование защитником своей деятельности. Например, первая защитная ситуация влечет выдвижение и проверку версий об алиби обвиняемого и об убийстве другим лицом; вторая –

версий о несчастном случае и самоубийстве; третья – версий о необходимой обороне и об убийстве в состоянии аффекта. [4]

Защитнику следует уделить особое внимание планированию своего участия в предстоящем действии, исходя из криминалистической сущности планирования. Следовательно, защитнику следует при планировании предвидеть, какие именно обстоятельства оправдывают подзащитного или смягчают его ответственность. Защитник также должен представлять какая информация может выступить в качестве негативного обстоятельства, которое повлияет на положение подзащитного, в связи с этим он должен предпринять законные способы для нейтрализации негативных факторов, проявляющихся в результате исследования такой информации. Например, при участии в допросе или очной ставке, защитник должен четко представлять, какие именно обстоятельства в интересах подзащитного подлежат выяснению. Следовательно, адвокат определяет каких будет круг вопросов, подлежащих разрешению, и отношение подзащитного к ним; содержание и последовательность вопросов следователя, которые предположительно он будет задавать допрашиваемому. Защитник должен понимать, что следствие направлено не только на выяснение обстоятельств, которые подтверждают виновность лица, но и на выявление оправдывающих сведений. В связи с этим защитник должен предполагать, какие упущения и ошибки могут быть допущены органами расследования при производстве следственных действий, а значит, адвокат должен быть готов отреагировать должным образом на подобные нарушения. В зависимости от ситуации, защитник должен понимать, насколько быстро он должен отреагировать на допущенную ошибку или нарушение, так как определенное упущение со стороны органов следствия может играть важную роль, например, для признания доказательств недопустимыми. Заявление о недопустимости определенных доказательств в суде даст защите возможность разрушить доводы обвинения. Но реакция на существенное нарушение прав подзащитного должна быть своевременной, то есть спешить реагировать на те или иные упущения следователя не стоит, а оставить некоторые из них, например, для судебного разбирательства. Также стоит понимать, что адвокатская тактика защиты не должна ограничиваться только сферой поиска неточностей и ошибок, допущенных следователем или дознавателем [5, с. 18]. Тактика защиты представляется более широкой. Выявление каких-либо неточностей и упущений в действиях следователя является лишь частью защитительной деятельности. Особое внимание следует уделить вопросам использования защитником криминалистического мышления, являющегося основой для выдвижения версий защиты и их проверки путем осуществления различных процессуальных и непроцессуальных действий в интересах доверителя.

Тактическая деятельность защитника при процессуальном оформлении хода результатов следственных действий имеет зачастую решающее значение, так как протоколы следственных действий выступают доказательствами. Сущность деятельности адвоката в данном случае заключается в детальной проверке отражения результатов производства следственного действия. Проверка протокола должна включать в себя выяснение следующих моментов:

- а) отражены ли в протоколе процесс и результаты проведенного следственного действия;
- б) не искажены ли в протоколе существенные для защиты обстоятельства, связанные с проведением следственного действия и его результаты. В этой ситуации защитник должен принять необходимые меры к возможности внесения следователем в подготовленный им протокол необходимых поправок;
- в) не упущены ли существенные для защиты проблемные моменты, выявленные при производстве того или иного следственного действия. В данном случае защитник должен предпринять меры для устранения неполноты сведений, указанных в протоколе.

Таким образом, тактика адвокатской защиты по уголовным делам является важным элементом, обеспечивающим укрепление гарантий прав и законных интересов лиц, вовлекаемых в сферу уголовно-процессуальных отношений. Тактика профессиональной защиты будет функционировать наиболее эффективно в условиях равноправия и взаимного уважения сторон, поддержания деловых отношений и обеспечивая гарантии объективности исследования обстоятельств уголовного дела.

При осуществлении своих функций защитник как можно активнее должен пользоваться правом на участие в различных следственных действиях. Защитник должен заранее продумывать свою тактику, а также четко прогнозировать ее результаты. Тактика адвокатской защиты должна включать приемы, направленные глубокий анализ и разрешение сложившейся защитной ситуации для разработки наиболее эффективных тактических алгоритмов своей деятельности с целью повышения эффективности защиты прав и законных интересов лиц, вовлекаемых в сферу уголовно-процессуальных отношений.

Список используемой литературы и источников

1. Ищенко, Е.П., Топорков, А.А. Криминалистика: Учебник. [Текст] / Е.П. Ищенко, А.А. Топорков. - М.: Юридическая фирма "КОНТРАКТ", ИНФРА-М, 2010.
2. Яблоков, Н.П. Криминалистика в вопросах и ответах [Текст]: Учебное пособие / Н.П. Яблоков. - 3-е изд., перераб. — М.: Норма: НИЦ ИНФРА-М, 2014. — 288 с.
3. Цурлуй, О.Ю. Субъекты криминалистической тактики [Текст] / О.Ю. Цурлуй // Проблемы правоохранительной деятельности. - 2015. - №2. — С. 43-48.
4. Кудрявцев, В.Л. Некоторые проблемы криминалистического обеспечения деятельности адвоката-защитника в уголовном судопроизводстве [Электронный ресурс] / В.Л. Кудрявцев // Режим доступа - URL: <http://www.shkolny.com/nekotoryie-problemyi-kriminalisticheskogo-obespecheniya-deyatelnosti-advokata-zaschitnika-v-ugolovnom-sudoproizvodstve/> (Дата обращения 11.08.2019 г.).
5. Алымов, Д.В. Применение тактико-криминалистических средств и методов в деятельности адвоката-защитника по уголовным делам [Электронный ресурс] / Д.В. Алымов // Режим доступа - URL: <http://lawlibrary.ru/izdanie2112545.html> (Дата обращения 11.08.2019 г.).

УДК 343.139

М.Т. Аширбекова, д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Волгоградского института управления (филиал) ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

**ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА ПО УСТАВУ
УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: ЧТО СОХРАНЕНО В СОВРЕМЕННОСТИ**

Дифференциация форм судебного разбирательства, введенная Уставом уголовного судопроизводства 1864 г., хотя и с определенными отличиями, нашла отражение в современном уголовном процессе.

Ключевые слова: дифференциация; мировой судья; окружной суд; присяжные заседатели; подсудность.

**DIFFERENTIATION OF JUDICIAL PROCEEDINGS FOR THE CHARTER
OF CRIMINAL PROCEEDINGS: WHAT IS PRESERVED IN PRESENT**

The differentiation of the forms of court proceedings, introduced by the Charter of the Criminal Procedure of 1864, although with certain differences, was reflected in the modern criminal process.

Key words: *differentiation; world judge; district Court; jurors; jurisdiction.*

Великие Судебные реформы 1864 года, безусловно, продолжают оставаться актуальными для российского уголовного судопроизводства. Особенно это касается уголовного правосудия: именно так дореволюционные юристы определяли деятельность суда по рассмотрению и разрешению уголовного дела, называя судебное разбирательство в суде первой инстанции окончательным производством, разбором дела, «который имеет своим непосредственным результатом и своим заключительным звеном постановление судебного решения о виновности и наказании» [1, с.429]. Судебное разбирательство в суде первой инстанции, конечно, определялось как решающая стадия производства по уголовному делу, реализуемая судами, образующими судебную систему того времени. Так, уголовные дела о преступлениях, которые в наше время были бы определены как дела о преступлениях небольшой и средней тяжести, рассматривались мировыми судьями, а иные уголовные дела – окружными судами Российской империи. Именно для уровня окружных судов Уставом уголовного судопроизводства 1864 года [2] было предусмотрено два процессуальных порядка (формы) судебного разбирательства, а именно: 1) ординарный порядок рассмотрения и разрешения уголовного дела Судебной палатой (коронным судом) [3, с.6-7]; 2) усложненная форма – рассмотрение и разрешения уголовного дела с участием присяжных заседателей.

Данные положения свидетельствуют о дифференциации судебного производства, проведенной законодателем того времени с учетом тех же факторов, каковы и сейчас влияют на процесс дифференциации. Эти факторы – полярные: с одной стороны, стимулирующие к рациональности и, соответственно, к упрощению процессуальной форма, а с другой стороны, – требующие усложнения процессуальной формы, которую «бюджетной» не назовешь, поскольку она требует немалых материальных и организационных ресурсов.

Понятно, что судебное разбирательство с участием присяжных заседателей представляет собой усложненную процессуальную форму по отношению к ординарному судебному разбирательству; последнее же ни тогда, ни сегодня нельзя отнести к упрощенной форме. Если в те времена судебное разбирательство мировым судьей можно было рассматривать как упрощенную форму, то нынче, то есть по современному российскому уголовно-процессуальному закону, таковым упрощенным, выступает сокращенный порядок судебного разбирательства по правилам гл. 40, 40.1 УК РФ.

Ординарное судебное разбирательство, по-прежнему остается «серединой» формой, в некотором роде базовым для движения дифференциации либо в сторону упрощения, либо в сторону усложнения. Собственно, в современном учении о дифференциации уголовно-процессуальных производств, данное утверждение высказал Д.П. Великий. Так, если говорить о судебном разбирательстве, то Д. П. Великий выделяет: а) обычное производство – рассмотрение дела в коллегияльном составе суда; б) упрощенное производство – производство у мирового судьи; в) усложненное производство – производство в суде присяжных) [4, с.23].

Конечно, это суждение было высказано до введения в действие УПК РФ 2001 г., разнобразившего формы судебного разбирательства установлением особого (сокращенного) порядка судебного разбирательства. Тем не менее, векторы дифференциации вполне понятны. Впрочем, судебное разбирательство мировым судьей в реалиях УПК РФ является вполне ординарным. Законодатель выделил отдельную главу для производства у мирового судьи, что могло дать основание для предположения о наличии неких особенностей (гл.41 УПК РФ). На самом деле особенности видятся лишь для уголовных дел частного обвинения. Попутно заметим, что, посвятив приговору мирового судьи отдельную статью – ст. 322 УПК РФ, законодатель опять-таки не обозначает каких-либо особенностей приговора мирового судьи, которые могли бы его отличать от

приговоров, постановляемых иными судами. В итоге, эта статья введена лишь для того, чтобы отразить в ней простую отсылку к нормам гл.39 УПК РФ. Между тем, особенность приговора мирового судьи могла бы быть выражена указанием на то, что он постановляется от имени субъекта Российской Федерации. По крайней мере, это обнаруживало бы в хоть малой степени обусловленность некоторых особенностей процессуальной формы деятельности мирового судьи организационными особенностями наделяющего его судебной властью. Мировые судьи наделяются судебной властью не Президентом Российской Федерации, а, как правило, представительными органами – органами государственной власти субъектов Российской Федерации.

К слову, заметим, что Устав уголовного судопроизводства 1864 года посвятил мировому судебному разбирательству намного больше нормативных положений (ст. ст. 33–154 УУС), чем современный законодатель (ст. ст. 318 – 323 УПК РФ). В результате получилось, что существующие судоустройственные особенности (порядок избрания или назначения мировых судей, распределение их по судебным участкам и др.) никак не повлияли на форму правореализационной деятельности мирового судьи. Задуманное в целях упрощения процессуальной формы, мировое судебное разбирательство не отличается особой простотой (как в дореволюционной России), если не считать порядок рассмотрения дел частного обвинения, да и то на этапе инициации судебного производства.

В то же время, нельзя упрекнуть современного законодателя в том, что он не учел наследие Устава уголовного судопроизводства 1864 года в части введения судебного разбирательства с присяжными заседателями. Так, об этой форме судебного разбирательства, как очень желательной, говорилось еще на излете советской власти, то есть в Концепции судебной реформы 1991 года [5]. В ней в числе приоритетных направлений реформирования указывалось на необходимость признания права каждого лица на разбирательство его дела судом присяжных в случаях, установленных законом (если ему грозит наказание в виде лишения свободы на год и более).

Соответственно, впоследствии в УПК РСФСР 1960 г. был введен Раздел X «Производство в суде присяжных» [6]. Обращает внимание, что первоначально положения Раздела X были ориентированы на уголовные дела подсудности судов уровня областного суда. Однако, затем для рассмотрения уголовных дел судом присяжных была выделена специальная подсудность: только уголовные дела о преступлениях, за которые установлено максимальное наказание в виде лишения свободы на срок свыше пятнадцати лет, пожизненного лишения свободы или смертной казни (ч.2 ст. 15 УПК РСФСР) [7].

Такой избирательный подход в целом соответствовал идеи подсудности суда присяжных заседателей, выраженной в первоначальной редакции УУС, а именно: только уголовные дела о преступлениях, за которые предусмотрены виды наказания, «соединенные с лишением или ограничением прав состояния» (ст.201 УУС). Иными словами, для усложненной формы судебного разбирательства с участием присяжных заседателей были уготованы дела по принципу «наиболее важные преступления подлежат суду с участием присяжных заседателей» [3, с.6-7]. Ну и для того времени, по словам Н.В. Давыдова, такой принцип был проведен, «благодаря новеллам 1874, 1878 и особенно 1889 г. г. (15 июля), не вполне последовательно, ибо целый ряд преступлений, нормально подлежавших бы суду присяжных, изъяты из их ведения, по соображениям исключительно практического и политического характера» [3, с.6-7].

Как видим, и современный законодатель пошел по сходному пути, но более существенно ограничил спектр уголовных дел для судебного разбирательства с участием присяжных заседателей, во-первых, дав жесткий перечень определенных составов преступлений, а во-вторых, предпослав эту форму судебного разбирательства для районного суда с оговоркой, что она применима только для лиц, которые совершили вменяемые

им преступления в совершеннолетнем возрасте. (п.2.1 ч.2 ст. 30 УПК РФ). При этом для суда присяжных заседателей уровня областного суда законодатель эту оговорку не применил (п.2 ч.3 ст. 30 УПК РФ). Возможно, это – ошибка в юридической технике, но она выводит на принципиальный вопрос о распространении суда присяжных не только по кругу определенных уголовных дел (по вмененным составам преступления), но и по лицам – подсудимым, совершившим преступление в несовершеннолетнем возрасте.

В результате, как справедливо отмечают Т.П. Бутенко и М.Г. Петров, для суда областного уровня предметом судебного разбирательства присяжных заседателей выступают уголовные дела, во-первых, «о преступлениях, предусмотренных ч. 2 ст. 105, ч. 5 ст. 228.1, ч. 4 ст. 229.1, ст. 277, 295, 317, 357 УК РФ, совершенных женщинами и мужчинами в возрасте 18 лет и старше, если преступление окончено и не истекли сроки давности привлечения к уголовной ответственности до начала судебного разбирательства» [8, с. 309]; во-вторых, «о преступлениях, предусмотренных ч. 3 ст. 126, ст. 209, ч. 4 ст. 210, ч. 1–3 ст. 211, ст. 227, 353–356, 358, ч. 1, 2 ст. 359 и ст. 360 УК РФ, совершенных женщинами и мужчинами, независимо от возраста, в котором совершено преступление, и других критериев (стадии совершения преступления, истечение сроков давности привлечения к уголовной ответственности)» [8, с. 309]. Для районного же уровня судов предметом суда присяжных предстают уголовные дела «о преступлениях, предусмотренных ч. 2 ст. 105, ч. 5 ст. 228.1, ч. 4 ст. 229.1, ст. 277, 295, 317, 357 УК РФ, совершенных женщинами и мужчинами в возрасте 18 лет и старше, если преступление не окончено (приготовление, покушение) либо если истекли сроки давности привлечения к уголовной ответственности до начала судебного разбирательства; о преступлениях, предусмотренных ч. 1 ст. 105, ч. 4 ст. 111 УК РФ, совершенных женщинами и мужчинами в возрасте 18 лет и старше, независимо от других критериев (стадии совершения преступления, истечение сроков давности привлечения к уголовной ответственности)» [8, с. 309].

Так или иначе, с точки зрения учения о дифференциации, складывающегося в российской науке уголовно-процессуального права с последней трети двадцатого века, выделение дифференцированной формы судебного разбирательства с участием присяжных в целом опирается на предметный критерий (определенные составы преступления) и, отчасти, субъектный критерий (возраст, в котором подсудимый совершил преступление). Но в редакции ч.2 ст. 30 УПК РФ субъектный критерий (в части возраста совершения преступления) выглядит «плавающим», «переменным». Соответственно, резонно возникает вопрос: а почему бы не решить этот вопрос определенно? В частности, авторы приведенного выше суждения высказываются за определенность в плане единого подхода – исключить уголовные дела в отношении несовершеннолетних по составам преступлений, указанных в ч.2 ст. 30 УПК РФ, из подсудности суда присяжных в целом [8, с. 311].

Представляется, что следует поступить наоборот: распространить суд присяжных на уголовные дела в отношении несовершеннолетних, обвиняемых в преступлениях, указанных и в п.2, и в п.2.1 ч. 2 ст. 30 УПК РФ.

Тут, полагаем, надо исходить из первоначального предназначения суда присяжных как суда, априори вызывающего доверие. Собственно, и нынешнее расширение сферы действия суда присяжных заседателей было продиктовано потребностью усиления доверия общества к суду. Нельзя не отметить острое замечание Н.А. Колоколова: «не доверяете суду царскому, суду президентскому, так, уважаемые граждане России, предоставляем вам возможность самим разбираться в делах уголовных» [9, с. 9].

Надо также напомнить, что и само введение в русский уголовный процесс суда присяжных по Уставу уголовного судопроизводства 1864 года было продиктовано стремлением дать обществу суд, вызывающий доверие. Так, в дореволюционных комментариях к ст. 201 УУС отмечалось, что введение суда присяжных было «необходимо, что-

бы состав судебного присутствия и способ постановления решения внушали к себе доверие и представляли надлежащее ручательство в том, что судьи не употребляют во зло власть, им вверенную. Условиями, внушающими общее доверие к уголовному суду, обыкновенно почитаются: 1) отделение вопроса о виновности от вопроса о наказании, с предоставлением каждого из этих вопросов особым судьям; 2) многочисленность судей, принимающих участие в разрешении дела, и 3) широкое право отвода судей, как обвиняемым, так и обвинителем» [2, с. 92-93]. Именно эти положения также характеризуют современный облик судебного разбирательства с участием присяжных заседателей как представителей гражданского общества. Очевидно, несовершеннолетними, которым подчас свойственно неприятие публичной власти, судебное разбирательство с участием присяжных должно восприниматься не как суд властных субъектов, а суд общественный; как оптимальная форма разрешения уголовного дела, обеспечивающая не только процессуальный порядок, обогащенный повышенными гарантиями для подсудимого, но и гибкое применение норм уголовного закона.

Список используемой литературы и источников

1. Фойницкий, И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 2. [Текст] / И. Я. Фойницкий. – СПб.: «Альфа», 1996. – 606с.
2. Судебные уставы 20 ноября 1864 года с изложением рассуждений, на коих они основаны. Ч. 2. [Текст] – 2-е изд., доп. – С.-Пб.: Тип. 2 Отд. собств. е. и. в. канцелярии, 1867. – 555 с.
3. Давыдов, Н.В. Несколько лекций по уголовному процессу [Текст] / Н.В. Давыдов. 2-е изд. – М.: О-во взаимопомощи студ.-юристов Моск. ун-та, 1909. – 104 с.
4. Великий, Д. П. Единство и дифференциация уголовно-процессуальной формы: история, современность, перспективы [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Д. П. Великий. – М., 2001. – 32 с.
5. О Концепции судебной реформы в РСФСР [Текст]: постановление ВС РСФСР от 24.10.1991 N 1801-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. -1991.- N 44. -Ст. 1435.
6. О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР "О судостроительстве РСФСР", Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и кодекс РСФСР об административных правонарушениях [Текст]: закон РФ от 16.07.1993 N 5451-1 (ред. от 13.06.1996) // Ведомости СНД и ВС РФ.-1993. -N 33. -Ст. 1313.
7. О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР и Исправительно-трудовой кодекс РСФСР в связи с принятием Уголовного кодекса Российской Федерации [Текст]: федеральный закон от 21.12.1996 N 160-Ф (ред. от 26.02.1997, с изм. от 18.12.2001) // Российская газета. -1996.- 25 декабря.
8. Бутенко, Т.П., Петров, М.Г. Положения закона о подсудности уголовных дел с участием присяжных заседателей нуждаются в уточнении [Текст] / Т.П. Бутенко, М.Г. Петров // Человек: преступление и наказание. - 2018. -Т.26. -№3.- С. 306 –311.
9. Колоколов, Н.А. Неисповедимы мысли югог: справедливость против догмы [Текст] / Н.А. Колоколов // Уголовное судопроизводство. -2019.- №2.- С.3 – 9.

УДК 343.132

Э.А. Багавиева, аспирант кафедры уголовного процесса и правоохранительной деятельности, ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», (Россия, г. Ижевск)

Научный руководитель: Л.Г. Татьяна, д-р юрид. наук, профессор, заведующая кафедрой уголовного процесса и правоохранительной деятельности, ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет» (Россия, г. Ижевск)

СУДЕБНОЕ САНКЦИОНИРОВАНИЕ ПОЛУЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ О СОЕДИНЕНИЯХ МЕЖДУ АБОНЕНТАМИ И (ИЛИ) АБОНЕНТСКИМИ УСТРОЙСТВАМИ

Статья посвящена судебному санкционированию следственных действий. Проводится разграничение между следственным контролем и судебным санкционированием. Характеризуется должностное лицо, уполномоченное на судебное санкционирование получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами. Поднимается вопрос введения института следственных судей.

Ключевые слова: *соединения между абонентами, тайна связи, судебный контроль, судебное санкционирование, следственные действия, процессуальный контроль, следственный судья.*

JUDICIAL SANCTIONING OF THE OBTAINING INFORMATION ABOUT CONNECTIONS BETWEEN SUBSCRIBERS AND (OR) SUBSCRIBER DEVICES

The article is devoted to judicial sanctioning of the investigative actions. A distinction is made between judicial control and judicial authorization. The official authorized for judicial sanctioning of the obtaining information about connection between subscribers and (or) subscriber devices is characterized. The question of introduction of the institute of investigating judges is raised.

Key words: *connection between subscribers, secrecy of communication, judicial control, judicial sanctioning, investigative action, procedural control, investigative judge.*

Исходя из содержания ст.29 УПК РФ, можно выделить следующие функции судебной власти: 1) разрешение уголовного дела по существу; 2) судебное санкционирование мер процессуального принуждения и ряда следственных действий; 3) судебный контроль.

Статьей 165 УПК РФ установлен судебный порядок получения разрешения на производство следственных действий, ограничивающих конституционные права граждан, к числу которых относится получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (ст.186.1 УПК РФ). Получение информации об абонентских устройствах ограничивает право на тайну переписки и телефонных переговоров, установленное ст.23 Конституции РФ.

Ходатайство о получении информации об абонентских соединениях подаётся в суд лицом, уполномоченным на назначение данного следственного действия. Вынесенное судом решение является обязательным для соответствующей организации связи.

Для правильного понимания санкционирования, надлежит обратиться к этимологии «санкции». Санкция означает «утверждение чего-то высшей инстанцией, разрешение» [1, с.696]. Следует согласиться с Т.П. Фоновой, что «судебное решение о проведении следственного действия имеет все признаки санкции поскольку оно является разрешительным и является окончательным, то есть не требующим согласования с каким-либо иным органом или должностным лицом»[2, с.27].

Позиция авторов относительно самостоятельности судебного санкционирования от судебного контроля разделилась. Н.В. Габараева полагает, что судебный контроль

включает в себя все полномочия суда, предусмотренные ч. 2 ст. 29 УПК РФ [3, с.43]. П.А. Луценко выделяют судебное санкционирование как вид судебного контроля, который «включает в себя деятельность суда по даче разрешения на производство отдельных следственных действий и применение определённых мер уголовно-процессуального принуждения» [4, с.12].

К.М. Сманалиев, К.А.Жумадылов также признают судебное санкционирование видом судебного контроля [5]. Как отмечают авторы, «санкционирование судом следственных действий, затрагивающих конституционные права и свободы граждан, придаёт им свойство законности, легитимности, а доказательствам, добытым при производстве данных действий свойство допустимости и достоверности» [5, с.89]. Авторы также указывают на независимость судебной власти как «преимущество судебного санкционирования действий и решений, ограничивающих конституционные права и свободы человека» [5, с.89-90].

Э.А. Адильшаев придерживается противоположного мнения, рассматривая судебное санкционирование как самостоятельную форму осуществления правосудия [6, с.9]. И.Г. Мухаметгалиев, Л.Г. Татьяна указывают, что «суд не проверяет законность и обоснованность высказанного в постановлении мнения следователя или дознавателя, а принимает решение о допустимости (недопустимости) применения указанных ограничений на основании заявленного ходатайства» [7, с.128].

Согласно ч.3 ст.165 УПК РФ рассмотрение ходатайства о проведении следственных действий, требующих судебного разрешения, проводится в форме судебного заседания. В п.50 ст.5 УПК РФ судебное заседание названо «процессуальной формой осуществления правосудия в ходе досудебного и судебного производства по уголовному делу». Решение, выносимое по результатам рассмотрения ходатайства о получении информации об абонентских соединениях, является промежуточным судебным решением. При рассмотрении судом ходатайств о получении информации об абонентских соединениях, правосудие как вынесение решения по существу дела не производится. Ряд авторов, толкуя термин «правосудие» расширительно, включая в него процессуальную деятельность суда на любой стадии. Мы разделяем позицию авторов, которые связывают правосудие с разрешением вопроса о виновности лица в инкриминируемом преступном деянии [8]. В.В. Кальницкий как аргумент ошибочности отнесения получения судебной санкции на производство следственного действия к судебному контролю отмечает отсутствие «развитой процессуальной формы» дачи судебного разрешения на производство следственных действий как «неотъемлемого признака правосудия» [9, с.66].

Надлежит согласиться с авторами, отделяющими судебное санкционирование от судебного контроля. Таким образом, судебное санкционирование следственных действий – особое судебное производство, направленное на дачу разрешения на производство следственного действия, ограничивающего конституционные права граждан. Тогда как судебный контроль состоит в рассмотрении жалоб на действия (бездействие) и решения должностных лиц, уполномоченных на ведение производства по уголовному делу (ст.125 УПК РФ). Обжаловать получение информации об абонентских соединениях возможно до поступления соответствующего уголовного дела в суд.

Ходатайство о производстве следственных действий в Российской Федерации рассматривается дежурным судьёй районного суда или соответствующего военного суда единолично по месту производства предварительного расследования или следственного действия (ч.2 ст.165 УПК РФ).

В уголовном процессе ряда стран ближнего зарубежья (Казахстана, Республики Молдовы, Латвии, Украины, Грузии, Эстонии) как лицо, уполномоченное санкционировать проведение следственных действий, фигурирует следственный судья. Следственные действия в Швейцарии санкционируются судами по вопросам мер принуждения. Санкционирование следственных действий в Республике Молдова осуществляется

судьёй по уголовному преследованию, который наделён «функциями уголовного преследования, а также судебного контроля процессуальных действий, осуществляемых в ходе уголовного преследования» [10]. В ФРГ полномочиями по оперативному судебному контролю, наравне с полномочиями по производству предварительного расследования, в том числе по производству следственных действий, наделён участковый судья [11].

Советом при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека предложено создание в России института следственных судей. Автором концепции под названием «Возрождение института следственных судей в российском уголовном процессе» выступил А.В. Смирнов [12]. А.В. Смирнов предлагает решить проблему отсутствия равенства сторон уголовного процесса введением данного института.

В.В. Кальницкий полагает, что контроль за досудебным производством должен осуществлять следственный судья, тогда, по мнению автора, «не будет надобности искусственно придавать судебному контролю значение правосудия и требовать соответствия деятельности следственного судьи такой совершенной форме правосудия, какой является судебное заседание ...» [9, с.70]. Однако многие учёные-процессуалисты и практические работники не разделяют его мнения. Так, на заседании Научно-консультативного совета при Генпрокуратуре РФ сделали заключение о большем соответствии российской правовой системе усиления прокурорского надзора за следствием, чем введения института следственных судей [13].

Вывод: 1) судебное санкционирование следственных действий, которое состоит в даче судьёй разрешения на производство следственных действий, ограничивающих конституционные права граждан, в том числе получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, надлежит признавать самостоятельным от судебного контроля; 2) российской уголовный процесс на нынешний момент не готов к введению института следственных судей, что отмечено рядом учёных-процессуалистов, а также практических работников, которые отдают предпочтение возвращению к усилению процессуального контроля со стороны прокуратуры.

Список используемой литературы и источников

1. Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений [Текст] / С.И.Ожегов, Н.Ю.Шведова.– 4-е изд., дополненное. – М.: Азбуковник, 1999. -944 с.
2. Фонова, Т.П. К вопросу о соотношении судебного контроля и судебного санкционирования как форм обеспечения прав личности при производстве по уголовному делу [Текст] / Т.П.Фонова // Центральный научный вестник. -2017. -№5 (22). -Том 2.- С.25-27.
3. Габараева, Н.В. О предварительном судебном контроле [Текст] / Н.В.Габараева // Современные научные исследования. -2011.- №1 (1). -С.43-51.
4. Луценко, П.А. Судебный контроль в досудебных стадиях уголовного процесса Российской Федерации [Текст]: дисс. ... канд. юрид. наук / П.А. Луценко. – М., 2014. - 19 с.
5. Сманалиев, К.М., Жумадылов, К.А. Сущность и значение судебного санкционирования [Текст] / К.М.Сманалиев, К.А.Жумадылов // Экономика, социология и право. - 2016. -№10. -С.87-90.
6. Адильшаев, Э.А. Судебное санкционирование в уголовном процессе России [Текст]: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук / Э.А.Адильшаев.- Челябинск, 2011. - 26 с.
7. Мухаметгалиев, И.Г., Татьяна, Л.Г. Судебный контроль в уголовном судопроизводстве (дискуссионные вопросы) [Текст] / И.Г.Мухаметгалиев, Л.Г.Татьянина // Вестник Удмуртского университета.- Серия «Экономика и право». -2015. -Вып.4. - С.127-130.

8. Зинатуллин, З.З. Правосудие, его содержание и формы реализации по уголовным делам // Нормотворческая и правоприменительная техника в уголовном и уголовно-процессуальном праве [Текст]: сб. науч. ст. / под ред. Л.Л. Кругликова. -Ярославль, 2000. -С. 152-156.

9. Кальницкий, В.В. Судебное заседание как процессуальная форма деятельности суда в досудебном производстве по уголовному делу // Вопросы теории и практики уголовного судопроизводства [Текст]: Избранные труды. - Омская академия МВД России, Омск. Издательство: Омская академия МВД России. -2016. -С.65-70.

10. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова от 14 марта 2003 года №122-XV (ред. от 14.01.2019) [Электронный ресурс] // URL: <http://base.spinform.ru/>

11. Алексеев, И.М. К вопросу о возрождении института следственных судей в российском уголовном процессе [Текст] И.М. Алексеев // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России.- 2016. -№1 (69). -С.69-73.

12. Смирнов, А.В. Возрождение института следственных судей в российском уголовном процессе [Электронный ресурс] // URL: rapsinews.ru

13. Споры о внедрении института следственных судей [Электронный ресурс] // URL: <https://www.advgazeta.ru>

УДК 343.132

*С.Н. Баранникова, магистрант юридического факультета ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (г. Курск), sofiabarannikova@mail.ru
Научный руководитель: И. Н. Чеботарева, канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (г. Курск)*

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ СТАНДАРТЫ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА ПРИ ПРОВЕДЕНИИ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Данная работа посвящена анализу влияния норм международных нормативных правовых актов на правотворческую и правоприменительную деятельность в уголовном процессе России применительно к правовому регулированию следственных действий.

Ключевые слова: права, законные интересы участников, международные нормы, неприкосновенность личности, следственные действия.

INTERNATIONAL LEGAL STANDARDS OF HUMAN RIGHTS AND FREEDOMS DURING INVESTIGATIVE ACTIONS

This work is devoted to the analysis of influence of norms of the international normative legal acts on law-making and law-enforcement activity in criminal process of Russia in relation to legal regulation of investigative actions.

Keywords: rights, legitimate interests of participants, international norms, personal integrity, investigative actions

Важным требованием вступления России в мировое правовое являлось соответствие национального законодательства общепризнанным принципам и нормам в области защиты прав человека. Международное право прав человека оказало большое влияние на развитие современного российского уголовного процесса. Прежде всего, эта объективная действительность связана с процессами глобализации и интеграции России в международную сферу отношений, которые, в свою очередь, сопровождаются развитием отношений между государствами в сфере борьбы с преступностью [1, с.48]. Кроме этого, безусловным показателем правового государства является степень защищенности свободы и личной неприкосновенности, что позволяет определить основные ориентиры в политике государства [2, с.5]. В этом смысле Россия ориентирует свою политику в сфе-

ре правоохранительной деятельности на обеспечение прав и законных интересов её участников.

Наиболее остро права и свободы человека подвергаются ограничению в сфере уголовного судопроизводства, в рамках которого самыми сложными с точки зрения обеспечения их прав являются следственные действия.

Статья 6 УПК РФ основным назначением уголовного судопроизводства определяет защиту прав и свобод человека. Многие ученые отмечают обязанность органов уголовного судопроизводства охранять жизнь и здоровье каждого человека, защищать честь и достоинство, личную свободу и неприкосновенность личности [3, с.7].

Нормы международных правовых актов, касающиеся защиты прав и свобод человека, преломляются через призму российского уголовного процесса и, тем самым, находят свое отражение в каждом отдельно взятом следственном действии:

- «никто не должен подвергаться пыткам или жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство обращению и наказанию» (Всеобщая декларация прав человека, принятая Генеральной Ассамблеей 10 декабря 1948 г (далее Всеобщая декларация прав человека) ст. 5). Данное положение также развито в Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1984 г.) и в Международном пакте о гражданских и политических правах (принят Резолюцией 2200 А (XXI) 16 декабря 1966 г.).

Согласно УПК РФ, «при производстве следственных действий недопустимо применение насилия, угроз и иных незаконных мер, а равно создание опасности для жизни и здоровья участвующих в них лиц» (ч. 4 ст. 164 УПК РФ) [1, с.48]. Насилие, по определению Всемирной Организации Здравоохранения, — преднамеренное применение физической силы или власти, действительное или в виде угрозы, направленное против себя, против иного лица, группы лиц, результатом которого являются телесные повреждения, смерть, психологическая травма, отклонения в развитии или различного рода ущерб. В литературе насилие определено как «применение физической силы к кому-нибудь», «принудительное воздействие на кого, что-нибудь», «принуждение..., действие стеснительное, обидное, незаконное». Помимо физического необходимо выделить и психологическое насилие, также эмоциональное или моральное насилие — это форма насилия, которая может приводить к психологической травме, в том числе тревожности, депрессии и посттравматическому стрессовому расстройству. Что касается «угроз», то под данным термином следует понимать как запугивание либо обещание причинить кому-либо вред, зло;

- «каждый человек, где бы он ни находился, имеет право на признание его правосубъектности» (Всеобщая декларация прав человека ст. 6.) .

В соответствии с УПК РФ, каждое лицо, вызываемое на допрос, имеет право на признание своей правосубъектности в контексте основных и дополнительных прав: право на общий и специальный свидетельский иммунитет (п. 40 ст. 5; ч. 3, п. 1 ч. 4 ст. 56 УПК РФ);

- никто не может подвергаться произвольному вмешательству в его личную и семейную жизнь, произвольным посягательствам на неприкосновенность его жилища, тайну его корреспонденции или на его честь и репутацию (Всеобщая декларация прав человека ст. 12) и т.д..

Отмечая значимость международных правовых актов в регулировании уголовно-процессуальных отношений с позиции этических установок уголовного судопроизводства, Т.К. Рябинина пишет: «В уголовном процессе, как и в других сферах общественной жизни, регулятором поведения людей, средством организации отношений между ними служат не только правовые нормы, но и нормы морали. При этом взаимная связь морали и права в уголовном судопроизводстве характеризуется двумя основными тен-

денциями: взаимное влияние права и морали и расширение сферы действия морального фактора в правовых отношениях и нормах»[4, с.196].

Процессуальные нормы лежат в основе определения наиболее эффективных методов следствия, влияют на соблюдение его нравственных начал, т.е. уголовно-процессуальный закон образует основу, как разработки тактических рекомендаций, так и соблюдения этических требований в деятельности по расследованию преступлений.

Актуальной задачей следственной этики является анализ и уяснение нравственных оснований применения тактических приемов при расследовании, так как большинство исследователей задаются вопросом о нравственной допустимости некоторых методов и средств, используемых при расследовании преступления, в первую очередь при производстве следственных действий. Например, в юридической литературе дано немало рекомендаций относительно тактических приемов допроса, но на практике они не всегда могут оказаться нравственно оправданными. Многие из них, являются общепринятыми и не вызывают широкой критики (например, приемы, предложенные Л.Б. Филоновым и В.И. Давыдовым[5,с.114]), другие же наоборот, по мнению многих юристов, невозможны для применения на практике вследствие их разногласия с нравственными принципами. Примером может служить рекомендация, данная А.П. Дербеневым: «следователем могут быть использованы нежелательные свойства (качества) и состояния допрашиваемого для формирования у последнего на их основе нравственно допустимых мотивов дачи правдивых показаний»[6,с.90]. Таким образом, следователь может использовать месть, стремление отомстить со стороны допрашиваемого в своей работе. Однако данная точка зрения на тактику производства допроса представляется недопустимой с этических позиций. В связи с этим, вполне обоснованным является мнение Д.П. Котова, который утверждает, что «игра следователя на чувствах обиды и ревности, а в конечном счете на возникшим благодаря им мотивам мести не соответствует нормам профессиональной морали»[7,с.108].

Значение тактических приемов расследования невозможно переоценить, т.к. без них трудно (порой вообще невозможно) раскрыть конкретное преступление. По мнению профессора Н. Селиванова, следователь вправе пользоваться тактическими приемами, в т.ч. и связанными с определенным психическим воздействием на обвиняемого, но неограниченной свободы выбора у него быть не должно[8,с.23]. Прежде всего потому, что расследование в качестве одной из важнейших сфер правоохранительной деятельности мыслится как органическое единство соблюдения правовых, общенаучных и нравственных требований.

В свете сказанного необходимо отметить, что международные правовые акты имеют большое влияние на развитие современного российского уголовного процесса, особенно когда наиболее значимые положения этих актов имплементируются национальной правовой системой. Ратифицированные Российской Федерацией международные правовые акты играют немаловажную роль в регулировании общественных отношений в силу своего прямого действия, поскольку на законодательном уровне это вошло в правовую систему России на основании ч. 4 ст. 15 Конституции России.

Список используемой литературы и источников

1. Ивашук, В.К. Реализация международных уголовно-процессуальных стандартов в российском законодательстве // Органы предварительного следствия в системе МВД России: история, современность, перспективы (к 50-летию со дня образования следственного аппарата в системе МВД России) [Текст]: материалы всероссийской научно-практической конференции (Москва, 18 апреля 2013 г.). – М.: Акад. упр. МВД России, 2013. – Ч. 2. – С. 48.

2. Лебедев, В.М. Судебная защита свободы и личной неприкосновенности граждан на предварительном следствии [Текст]/В.М.Лебедев. – М., 2001. – С. 5.

3. Семенов, В.А., Гладышева, О.В., Лукожев, Х.М. Гарантии прав участников уголовного судопроизводства: проблемы и возможные пути их решения [Текст]: монография / под общ. и науч. ред. проф. В.А. Семенова. – М., 2013. – С. 7, 20.

4. Рябинина, Т.К. Влияние нравственных ценностей и укрепление правового положения личности в уголовном судопроизводстве // Проблемы отправления правосудия по уголовным делам в современной России: теория и практика [Текст]: материалы V Междунар. научно-практ. конф. (11 - 13 апреля 2013 г.). - Курск: ЮЗГУ, 2013. – С. 196.

5. Филонов, Л.Б., Давыдов, В.И. Психологические приемы допроса обвиняемого [Текст] /Л.Б.Филонов, В.И.Давыдов // Вопросы психологии. – 1966. – №6. – С. 114-118.

6. Дербенев, А.П. О психологических приемах допроса на предварительном следствии [Текст] / А.П.Дербенев // Правоведение. – 1981. – №1. – С. 90.

7. Кокорев, Л.Д., Котов, Д.П. Этика уголовного процесса [Текст]: учебн. пособие. – Воронеж, 1993. – С. 108.

8. Селиванов, М.А. Критерии допустимости применения тактических приемов при расследовании [Текст] / М.А.Селиванов // Законность. – 1994.– №4. – С. 23.

9. Вольфсон, В.Л. Противодействие злоупотреблению правом в российском гражданском законодательстве [Текст] /В.Л. Вольфсон. - М.: Юрлитинформ, 2014. – С. 11.

УДК 343.131

М.А. Баранова, канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса, Саратовская государственная юридическая академия

О ПРЕДПОСЫЛКАХ СУЩЕСТВОВАНИЯ КОМПРОМИСНЫХ ПРОИЗВОДСТВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ

В статье рассматривается социальная и юридическая природа компромисса. Исследуются отдельные предпосылки появления согласительных (компромиссных) производств в уголовном судопроизводстве. Формулируется вывод о том, что их активное внедрение и развитие в рамках традиционного ординарного процесса стали возможным в связи с внедрением состязательной модели уголовного судопроизводства и развитием диспозитивных начал. Предлагается собственное определение уголовно-процессуального компромисса.

Ключевые слова: *уголовный процесс, состязательность, диспозитивность, компромисс, уступки, соглашение сторон.*

ON THE PRECONDITIONS OF THE EXISTENCE OF A COMPROMISE OF PROCEEDINGS IN CRIMINAL PROCEDURE OF RUSSIA

The article deals with the social and legal nature of compromise. Some preconditions of the emergence of conciliation (compromise) proceedings in criminal proceedings are investigated. It is concluded that their active implementation and development within the traditional ordinary process became possible due to the introduction of adversarial model of criminal proceedings and the development of dispositive principles. The authors propose their own definition of criminal procedure compromise.

Keywords: *criminal process, adversarial, dispositivity, compromise, concessions, agreement of the parties.*

Уголовно-процессуальным системам различных государств известны две модели разрешения конфликтов в сфере уголовной юстиции: ординарная, связанная с использованием традиционных уголовно-процессуальных средств репрессивной направленности (уголовное преследование, назначение наказания) и согласительная (неординарная), основанная на достижении компромисса между сторонами процесса. Действующим УПК РФ предусмотрены обе модели уголовно-процессуальной деятельности. В

частности, компромисс лежит в основе построения производств, предусмотренных ст.ст. 25, 25.1, 28, 28.1, а также главами 40, 40.1, 51.1 УПК РФ.

В толковом словаре С.И. Ожегова компромисс определяется как «соглашение, достигнутое путем взаимных уступок» [10, с. 256]. Такое основополагающее представление характерно для политической, экономической, социологической, правовой и иных сфер деятельности. Н.В. Кузнецов дает более распространенное определение, в котором «компромисс – это процесс и результат осуществления договоренности между людьми, народами, государствами, их объединениями; между культурами и религиями на согласованное время во имя достоинства, благополучия и безопасности человека, семьи, народов, общества, государства и современной цивилизации на основе взаимных политических, экономических, идеологических уступок по поводу целей, идеалов, ценностей, национальных интересов, интерпретаций прошлого, настоящего и будущего своих народов, стран и регионов, понимания демократии, патриотизма, смыслов жизни и мечты» [6, с. 19-20].

Не возникает никаких сомнений в том, что компромисс по природе своей – явление социальное, и его понятие с трудом поддается четкому научному определению и правовому оформлению. При этом согласился с Е.В. Кобзевой в том, что залогом эффективности любой правовой нормы является ее социальная обусловленность, а это делает очевидным тот факт, что установление юридической природы конкретного правового явления в отрыве от его социальной природы невозможно, поскольку это чревато ошибочными выводами [8, с. 59].

Право – одна из самых сложных сфер применения компромисса, поскольку оно достаточно статично, в определенной степени – невосприимчиво к нововведениям. А уголовно-процессуальное право России, к тому же, переняло многие институты уголовно-процессуального права СССР, которое, безусловно, характеризовалось репрессивной направленностью [1]. Сама система права, предполагающая стандартные ситуации и способы их разрешения, не всегда приспособлена для принятия нестандартных решений. Поэтому понятие и признаки компромисса на сегодняшний момент выработаны только юридической доктриной. Одним из первых, кто обратил внимание на компромисс в сфере уголовной юстиции, был Х.Д. Аликперов. Он подходил к данному вопросу с нормативной точки зрения, выделяя нормы, в которых лицу, совершившему преступление, гарантируется освобождение от уголовной ответственности или возможность такого освобождения, либо фиксированное сокращение размера наказания в обмен на совершение таким лицом позитивных посткриминальных поступков, определенных в законе, как нормы, допускающие компромисс [2, с. 20]. Позднее Е.В. Попанденко под компромиссом предлагает понимать освобождение лица, совершившего преступление, от уголовной ответственности, при условии осуществления им определенных действий [11, с. 134-140]. Близкой по смыслу позиции при определении термина «компромисс» придерживается и Н.С. Шахтина: «компромисс предполагает взаимные уступки сторон, что со стороны государства подразумевает полный и частичный отказ от использования своей принудительной силы» [14, с. 66]. Ю.В. Кувалдина применительно к сфере уголовного судопроизводства определяет компромиссное производство как «дифференцированную, особую уголовно-процессуальную форму, в которой уголовно-правовой конфликт разрешается путем допускаемого законом обмена сторонами обоюдными уступками, что обуславливает изменения в структуре процесса и содержании уголовно-процессуальной деятельности» [5, с. 6]. Также представляется интересной точка зрения В.Н. Кудрявцева, который определяет компромиссы как временные соглашения государственной власти в лице органов правосудия и охраны правопорядка с отдельными лицами или группами лиц, совершившими преступления [9, с. 205].

Анализ приведенных определений позволяет сделать вывод о том, что представление о правовом компромиссе большинством авторов сводится, в первую очередь, к взаимным уступкам сторон: государства и лица, совершившего преступление (обвиняемого в его совершении), что вполне объяснимо природой компромисса. Имея свои корни в таких науках как философия, социология, психология, компромисс неизбежно будет пониматься как один из способов разрешения конфликтной ситуации. Сам термин «конфликт» традиционно употребляется в значении столкновения, серьезного разногласия, спора [13]. В сфере уголовного судопроизводства таковым выступает столкновение интересов государства, потерпевшего от преступления и лица, обвиняемого в его совершении. Причиной возникновения такого рода конфликта является нарушение уголовно-правового запрета, порождающее нарушение, искажение нормально функционирующих отношений в сфере охраны права собственности, права на здоровье населения и надлежащий уровень общественной нравственности, права на общественную безопасность и т.д. Разрешение такого уголовно-правового конфликта связано с восстановлением нарушенных прав, компенсацией причиненного преступлением вреда (ст. 6 УПК РФ), наказанием лица, признанного виновным в преступном нарушении (ст. 43 УК РФ). Обязанность по разрешению уголовно-правовых конфликтов в силу принципа публичности уголовного судопроизводства (ст.ст. 20-21 УПК РФ) возложена на государство в лице правоохранительных органов и суда. Поэтому, вне зависимости от того, в целом ли общество, или конкретное физическое или юридическое лицо пострадали в результате совершения преступного деяния, государство является участником уголовно-правового конфликта. Совершение преступления порождает ситуацию, в которой интересы конфликтующих сторон являются диаметрально противоположными. Преступное деяние порождает, с одной стороны, право государства на привлечение лица к ответственности за содеянное, с другой – обязанность обеспечения защиты прав и интересов лица, потерпевшего от преступления, а также обеспечения законных прав и интересов лиц, привлекаемых к уголовной ответственности. Так, лицо, привлекаемое к уголовной ответственности получает право на защиту от необоснованного обвинения, ограничения его прав и свобод в ходе осуществления уголовного преследования, на учет конкретных обстоятельств совершения преступления и его посткриминального поведения. Компромисс в данной связи всегда означает взаимные уступки всех сторон складывающихся уголовно-процессуальных правоотношений в силу того, что он предполагает нахождение приемлемого для всех решения, которым отчасти признается справедливость чужих требований. Получается, что прийти к компромиссу – значит заключить некое соглашение, договор, основанное на взаимных уступках и взаимных поощрениях сторон. Но соглашение, наполненное определенным содержанием, есть итог компромисса, равно как и любого рода правовой договор – итог совокупности действий сторон, его заключающих. Его достижение должна предшествовать деятельность по постановке и обсуждению условий уступок, юридическому закреплению факта их соблюдения сторонами. То есть достижению такого компромисса должна предшествовать эффективная деятельность сторон конфликтных отношений. Инициатива по согласованию целей и содержания взаимных уступок и поощрений может принадлежать любой и сторон правоотношений: как государству в лице правоохранительных органов и суда, так и потерпевшему, обвиняемому (его защитнику). Но юридические последствия такая взаимная деятельность может иметь только в случае, если она поощряется законом, путем закрепления соответствующих правил поведения в тексте УПК РФ.

Наличие компромиссных моделей разрешения уголовно-правовых конфликтов присуще состязательному уголовному процессу, который характеризуется широким внедрением принципа диспозитивности, являющегося своего рода платформой для существования компромисса.

Несмотря на публичный характер отечественного уголовного судопроизводства, тенденции последнего времени заявляют о расширении диспозитивных начал, о чем свидетельствуют новеллы уголовно-процессуального закона и научные исследования. Так, например, И. С. Дикарев говорит о диспозитивном (частном) начале как о принципе: «диспозитивность представляет собой принцип уголовного судопроизводства, в силу которого его участники, отстаивающие в деле свой личный, защищаемый или представляемый интерес, а также иные заинтересованные лица имеют возможность распоряжаться предметом уголовного процесса (обвинением) или спорным материальным правом при производстве по гражданскому иску в уголовном деле, а также распоряжаться в целях защиты отстаиваемых интересов процессуальными правами, реализация которых оказывает значительное влияние на производство по уголовному делу» [4, с. 74]. Аналогичные суждения мы можем встретить и у других авторов [7, с. 282; 12, с. 235]. Сегодняшние реалии таковы, что диспозитивное начало все активнее используется сторонами в построении уголовно-процессуальных отношений. Так, заместитель председателя Верховного Суда РФ В. Давыдов указывает на то, что 65 % уголовных дел рассматривается в особом порядке, который требует инициативного заявления ходатайства обвиняемым о его применении [3].

Таким образом, считаем, что компромиссные производства – перспективное направление развития уголовно-процессуальной доктрины и права. В связи с чем считаем необходимым сформулировать собственное представление об уголовно-процессуальном компромиссе, под которым понимать соглашение основанное на нормах уголовного и уголовно-процессуального права, между лицом, привлекаемым к уголовной ответственности, государством в лице органов, осуществляющих уголовное преследование и суда, с учетом интересов потерпевшего по уголовному делу, обусловленное задачей оптимального разрешения уголовно-правового конфликта, связанного с фактом совершения преступления, посредством реализации сторонами взаимных обязательств, уступок и поощрений, вследствие которого достигается результат в виде скорого и эффективного разрешения уголовного дел.

Список используемой литературы и источников

1. «О Концепции судебной реформы в РСФСР» [Текст]: постановление ВС РСФСР от 24.10.1991 N 1801-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР.- 31.10.1991. - N 44. - Ст. 1435.
2. Аликперов, Х.Д. Проблемы допустимости компромисса в борьбе с преступностью [Текст]: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Х.Д. Аликперов. - М., 1992. - 36 с.
3. Верховный Суд РФ объяснил низкое число оправдательных приговоров // ИА Интерфакс в России. 2 марта 2017 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.interfax.ru/russia/551978> (дата обращения 25.04.2018.)
4. Дикарев, И. С. Принцип диспозитивности в уголовном процессе России [Текст] / И.С. Дикарев // Журнал российского права. - 2008. - №6. - С. 73-78.
5. Кувалдина, Ю.В. Предпосылки и перспективы развития компромиссных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов в России [Текст]: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук / Ю.В. Кувалдина. - Самара, 2011. - 20с.
6. Кузнецов, В.Н. Теория компромисса [Текст] / В.Н. Кузнецов. - М.: Книга и бизнес, 2010. - 588с.
7. Кучинская, О.П. Диспозитивность как принцип уголовного процесса [Текст] / О.П. Кучинская // Законность и правопорядок в современном обществе. - 2011. - № 4. - С. 278-282.
8. Кобзева, Е.В. О содержании и дефиниции понятия «обстоятельства, исключающие преступность деяния» [Текст] / Е.В. Кобзева // Библиотека криминалиста. - 2011. - № 1. - С. 54-68.
9. Кудрявцев, В.Н. Стратегии борьбы с преступностью [Текст] / В.Н. Кудрявцев. - М.: Юрист, 2003. - 352 с.

10. Ожегов, С.И. Словарь русского языка: 70000 слов [Текст] / под ред. Н.Ю. Шведовой. - М.: Русский язык, 1991. - 915 с.

11. Попаденко, Е.В. Уголовно-правовая природа компромисса в борьбе с преступностью // Законодательная техника и дифференциация ответственности в современном уголовном праве и процессе России: сборник научных статей [Текст] / Под ред. Л.Л. Кругликова. – Ярославль, 2005. - С. 134-140.

12. Сангаджиева, Г.В. Диспозитивность в уголовном процессе [Текст] / Г.В. Сангаджиева // Общество и право. - 2010. - № 2. - С. 232-236.

13. Толковый словарь русского языка [Текст] / Под ред. С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой (онлайн версия); Современный толковый словарь изд. «Большая Советская Энциклопедия» (онлайн версия) // URL: <http://bse.slovaronline.com/> (дата обращения: 10 сентября 2019 года)

14. Шахтина, Н.С. Институт медиации в российском уголовном праве [Текст]: дисс. ... канд. юрид. наук / Н.С. Шахтина. – СПб., 2004. - 228 с.

УДК 343.94

*Е.А. Белогурова, студент юридического факультета ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (г. Курск), belogurova.catherine@yandex.ru
Научный руководитель: М.В. Шайкова, канд. психол. наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (г. Курск)*

К ВОПРОСУ ПРИМЕНЕНИЯ ПОЛИГРАФА В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНАХ РФ

Данная статья посвящена рассмотрению вопроса, связанного с изучением института применения полиграфа в правоохранительных органах. Рассмотрены этапы исследования психофизиологических реакций, с помощью полиграфа, подтверждающие, что обследуемое лицо располагает сведениями об обстоятельствах случившегося.

Ключевые слова: полиграф, психофизиологическое исследование, судебная экспертиза, судопроизводство.

TO THE QUESTION OF APPLICATION OF A POLYGRAPH IN THE LAW ENFORCEMENT BODIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

This article is devoted to the consideration of the issue of studying the institution of the use of the polygraph in law enforcement agencies. The stages of the study of psychophysiological reactions using a polygraph are examined, confirming that the person being examined has information about the circumstances of what happened.

Key words: polygraph, psychophysiological research, forensic examination, legal proceedings.

В любом типе государственного устройства, при любой организации человеческого общества широко распространено явление, когда один индивид владеет той или иной принадлежащей ему информацией, приносящей ему определенные блага и преимущества перед другими членами общества, а другие индивиды стремятся получить ее для того, чтобы самим извлечь из нее прибыль. В этой связи имеющий эту информацию индивид зачастую сознательно искажает или вовсе скрывает ее, чтобы сохранить перед другими свое преимущество. Данное сокрытие информации весьма широко распространено в человеческом обществе. При этом владелец информации в своем противостоянии с теми, кто хочет ее получить, тем или иным способом защищает ее, зачастую прибегая к такой форме защиты, как ложь, которая, по сути, является намеренным искажением или утаиванием истины, а также сообщением сведений, не соответствующих

действительности, и делает это умышленно, имея осознанное намерение создать у другого человека иллюзию того, что это сообщение соответствует действительности, т.е. является правдивым.

В глубокой древности было замечено, что страх перед разоблачением лжи и, соответственно, наказанием за нее сопровождается целым рядом определенных изменений некоторых физиологических функций жизнедеятельности человеческого организма, доступных пытливому наблюдателю. Поэтому разные народы в разные эпохи пытались использовать возможность уличить лжеца в обмане, т.е. прибегали к тому или иному способу детекции (от латинского detection – открывать, обнаруживать, разоблачать) лжи.

Таким образом, психофизиологический метод выявления скрываемой информации до появления технических средств детекции лжи основывался на определяемой неаппаратными средствами устойчивой связи скрыто протекающих психических процессов с параллельно им протекающими физиологическими процессами, поддающимися объективной регистрации с помощью органов чувств (зрение, осязание, обоняние и т.п.). Однако до того, как человечество научилось определять проявления этих психологических процессов через сопровождающие их физиологические реакции путем технических средств, оно прошло на этом пути достаточно долгий путь.

Так, в Соединенных Штатах Америки из-за ряда случаев ущерба, нанесенного шпионажем, увеличилось число федеральных служащих, прошедших тестирование на полиграфе; в результате этого большинство военных служб начало вводить в практику программы, основанные на применении этого технического средства. Количество специалистов, подготовленных правительством, увеличилось почти в три раза. Расширяющаяся правительственная деятельность в сфере применения полиграфа не ограничивается проверкой на благонадежность. В семидесятые годы восемь правительственных департаментов имели свои полиграфные службы.

На сегодняшний день к ним относятся следующие ведомства США: Армия; Воздушные силы; Флот; Морской корпус; Федеральное бюро расследований; Центральное разведывательное управление; Агентство национальной безопасности; Почтовая служба; Администрация по борьбе с наркотиками; Секретная служба; Бюро по алкоголю, табаку и огнестрельному оружию; Маршальская служба США; Американская таможенная; Оборонная разведывательная служба.

Не удивительно, что в настоящее время США являются мировым лидером в данной области и выполняют ежегодно не менее миллиона проверок на полиграфе, т.е. больше, чем все остальные страны мира.

В 1992 г. была создана соответствующая группа в МВД России, которая также использует полиграф в оперативно-розыскной деятельности. В 1993 г. Министерство юстиции РФ провело совещание по проблеме полиграфа с участием представителей всех силовых структур, а также Верховного суда России. В результате Минюст зарегистрировал первую ведомственную «Инструкцию о порядке применения специальных психофизиологических исследований с использованием полиграфа федеральными органами государственной безопасности». Вскоре аналогичные инструкции были приняты в МВД и Федеральной службе налоговой полиции России. В 1995 г. в Закон РФ «Об оперативно-розыскной деятельности» были внесены поправки, которые официально разрешили сотрудникам милиции использовать полиграф в расследовании преступлений и правонарушений.

С этого же года в Федеральной службе налоговой полиции также стало работать подразделение высококвалифицированных операторов полиграфа. Своих специалистов, помимо указанных ведомств, сегодня имеют Служба военной разведки России и Главное разведывательное управление Генштаба Министерства обороны России.

Главное, что следует сказать, освещая вопрос правомочности применения полиграфа в нашей стране, – в настоящее время в России использование контактного полиграфа для гласного получения информации законом не запрещено, в частности получение лицензии на его приобретение и использование не требуется. При этом единого нормативного акта, регулирующего применение полиграфа в различных сферах общественной жизни, в России пока нет.

В настоящее время не существует государственных стандартов по применению полиграфа в РФ. Есть только стандарт СТО РАЭБУР 51-02-99 «Порядок проведения опросов с использованием полиграфа», разработанный Институтом криминалистики ФСБ РФ совместно с Российским агентством экономической безопасности при Торгово-промышленной палате в 1999 г., т.е. стандарт общественной организации, который носит рекомендательный характер.

Кроме того, имеются различные ведомственные акты, регламенты, инструкции, касающиеся применения опроса с использованием полиграфа (ОИП). И хотя прямое законодательное регулирование использования полиграфа в деятельности государственных и коммерческих структур отсутствует, анализ российского законодательства позволяет говорить о наличии серьезных и правомочных оснований применения полиграфа в частном секторе. В частности, Министерство юстиции России проводило правовую экспертизу соответствующих нормативных документов, касающихся применения ОИП, в результате чего начиная с 1993 г. этот метод получил «право гражданства» в России. Вот почему ОИП с этого времени все активнее внедряется на ее территории.

Что же касается основных направлений применения ОИП в современной России, то их несколько: оперативно-розыскная деятельность (ОРД); судебные экспертизы в рамках уголовного, гражданского, арбитражного и административного процесса; профессиональный отбор и кадровые проверки в различных государственных ведомствах; служебные проверки в коммерческих организациях.

Статья 2 Конституции РФ гласит, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность Государства». Вместе с тем Конституция РФ утверждает, что «осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц».

Трудовой кодекс РФ (ТК РФ) предоставляет работодателю право осуществлять отбор нанимаемого на работу персонала и прямо указывает, что «не являются дискриминацией установление различий, исключений, предпочтений, а также ограничение прав работников, которые определяются свойственными данному виду труда требованиями, установленными федеральными законами». На необходимость проведения отбора работников указывает п. 1 ч. 1 ст. 81 ТК РФ, согласно которому Закон дает работодателю право расторгнуть Трудовой договор в случае «предоставления работником работодателю подложных документов или заведомо ложных сведений при заключении Трудового договора».

Закон РФ «О государственной тайне» установил, что «допуск должностных лиц и граждан к государственной тайне предусматривает письменное согласие на проведение в отношении их полномочными органами проверочных мероприятий».

Федеральный закон «О коммерческой тайне» существенно расширил правовую основу опроса с использованием полиграфа (ОИП) при защите коммерческих интересов предприятий различных форм собственности. Закон предоставил обладателю информации, составляющей коммерческую тайну, право «определять порядок и условия доступа к этой информации», устанавливать систему «контроля за соблюдением такого порядка» и применять в этих целях при необходимости любые «не противоречащие законодательству РФ меры».

Поэтому мы считаем, что направлениями применения полиграфа в правоохранительной деятельности можно считать: расследование преступлений, отбор персонала; организацию мониторинга при обучении персонала правоохранительных органов навыкам психологической саморегуляции; клиническую экспертизу наличия у сотрудника полиции посттравматического стрессового расстройства; психолого-физиологическую диагностику агрессивности и тревожности личности. За последние годы в России разработана система применения полиграфа в оперативно-розыскной деятельности – создана нормативная база, разработаны квалификационные требования к специалистам, проводящим опросы.

Таким образом, использование полиграфа по-прежнему остается научной, нравственной и практической проблемой, а именно: вероятностный характер результатов ОИП ограничивает их доказательную силу; существует проблема соблюдения методических принципов проведения ОИП, а именно добровольности; большое значение имеет подготовка специалистов (90 % успеха зависит от полиграфолога); при обвинительном характере результатов ОИП не ясно, что делать; отсутствует закон о полиграфе, где закреплены критерии и границы применения, технологии (методики).

Список используемой литературы и источников

1. Конституция Российской Федерации [Текст]: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обновления 09.10.2019).

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Текст]: федер. закон: [принят 18 декабря 2001 г.; в ред. от 02.08.2019] // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обновления 09.10.2019).

3. Трудовой кодекс Российской Федерации [Текст]: федер. закон: [принят 30 декабря 2001 г.; в ред. от 02.08.2019] Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обновления 09.10.2019).

4. «О государственной тайне» [Текст]: закон РФ // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обновления 09.10.2019).

5. «О коммерческой тайне» [Текст]: федеральный закон // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обновления 09.10.2019).

6. О применении полиграфа: проект Федерального закона № 478780-5 (ред., внесенная в ГД ФС РФ, по состоянию на 24.12.2010) // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обновления 09.10.2019).

7. Аккаева, Х.А. Правовые и организационные основы деятельности ОВД по противодействию преступлениям террористического характера [Текст] / Х.А. Аккаева // Бизнес в законе. -2014. -№ 2. -С. 251-253.

8. Жигарьков, А. «Детектор лжи» или Что такое практическая психофизиология [Текст] / А. Жигарьков // Психологическая газета. - 2003. - №4. - С.22-24.

9. Овсяников, О.В. Об использовании полиграфа в уголовном процессе [Текст] / О.В. Овсяников // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1998. - № 1 (220). – С. 172-173.

10. Шайкова, М.В. Соблюдение прав и свобод человека при применении полиграфа (психолого-этический аспект): Проблемы отправления правосудия по уголовным делам в современной России: теория и практика [Текст]: сборник научных статей IV-ой Международной научно-практической конференции. - Юго-Западный государственный университет. -2015.-С.308-312.

11. Шайкова, М.В. Перспективы развития применения полиграфа при раскрытии и расследовании преступлений на современном этапе развития общества. В сборнике: Актуальные вопросы современной юридической науки: теория, практика, методика

[Текст]: сборник материалов II Международной заочной научной конференции. Ответственный редактор В.Е. Бурый. - 2017. - С. 746-749.

12. Шайкова, М.В. Применение полиграфа и других нетрадиционных методов при раскрытии и расследовании преступлений [Текст]: сборник Аубакировские чтения. - Алма-Аты, 2015. - С. 516-523.

УДК 343.123.3(091)

Н.А.Богданович, главный специалист государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь»

**ВЛИЯНИЕ ПОЛОЖЕНИЙ СУДЕБНЫХ УСТАВОВ 1864 Г.
НА ФОРМИРОВАНИЕ ОСНОВАНИЙ ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА
(НА ПРИМЕРЕ ЗАКОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ)**

В статье проводится исторический анализ становления институтов прекращения производства по уголовному делу, исследуются исторические периоды попытки научного обоснования содержания дефиниции «прекращение уголовного дела» и его оснований.

Ключевые слова: основания, уголовное дело, уголовный процесс, прекращение, следователь.

**INFLUENCE OF THE PROVISIONS OF THE JUDICIAL CHARTERS OF 1864 ON
THE FORMATION OF THE GROUNDS FOR CLOSING OF A CRIMINAL CASE (ON
THE EXAMPLE OF CODING OF THE REPUBLIC OF BELARUS)**

The article provides a historical analysis of the formation of institutes for terminating criminal proceedings, and investigates the historical periods of attempts to scientifically substantiate the content of the definition of «termination of the criminal case» and on the grounds.

Keywords: grounds, criminal case, criminal procedure, termination, investigator.

Историческое развитие института «прекращение уголовного дела» можно разделить на 2 части: до принятия судебных Уставов 1864 года и после. Принятию Уставов предшествовала судебная реформа 1864 года, которая в корне изменила в том числе и направления следственно-судебной деятельности. Следует отметить, что Уставы 1864 года поистине можно признать уникальными юридическими документами, поскольку в момент их принятия они являлись современными нормативными актами, соответствующими всем отраслям и направлениям деятельности государственных служб, интересам граждан, общества и государства.

Первый этап: нормативно-правовое регулирование института «прекращение уголовного дела» до принятия Уставов 1864 года. Данный период относится к инквизиционному периоду.

Для Республики Беларусь характерно появление в законодательстве предпосылок формирования института прекращения производства по уголовному делу и уголовного преследования как целостной структуры уголовного процесса [1]. Среди известных памятников права того времени почетное место принадлежит Статутам Великого княжества Литовского 1529, 1566 и 1588 годов. На протяжении 250 лет они были действующими законами на западе нынешней территории Республики Беларусь и являлись основой всей правовой системы. В Судебнике Казимира 1468 г., названных статутах, Соборном Уложении 1649г. детализируются нормы, относящиеся к вопросам уголовного процесса. Например, Статут Великого княжества Литовского 1588 г. содержал нормы

уголовного процесса в 11–12, 14 и частично в 13 разделах. Так, отказ от уголовного преследования имел место в случае смерти лица (убийства), а также по истечении сроков давности совершения преступления [2].

Свод законов (издания 1832, 1842 и 1857 г.г.) не привнес существенных новаций в такой процессуальный сегмент, как прекращение производства по уголовному делу. Возможно в силу того, что в полном объеме нормы его так и не были введены. Параллельно с проведением реформы уголовного процесса предпринимались попытки ее доктринального обоснования. Например, в 1841 г. Я.И. Баршев дал авторское определение понятия «уголовное преследование», обосновав его юридическую природу через определение целей, полагая что главная цель уголовного преследования заключается в собирании доказательств относительно вины или невинности обвиняемого [3]. Например, И.Я. Фойницкий подразумевал под «прекращением уголовного преследования» судебное определение о том, что дальнейшее преследование (рассмотрение в судебном порядке возбужденного обвинения) не имеет смысла и места, а все принятые меры против обвиняемого подлежат отмене [4, с.58]. При этом следовало отличать прекращение уголовного преследования от окончания уголовного дела, так как преследование прекращалось в «распорядительном заседании суда или камерой предания суду, и определение о прекращении не пользуется незыблемостью судебного приговора (*auctoritas rei judicatae*), и порядок приращенного дела и решенного совершенно иной» [4, с.58]. Позиция ученых того времени сводилась к тому, что в связи с прекращением производства уголовного дела на досудебной стадии (дело не доходило до постановления приговора) оно не разрешается по существу [5, с.649].

Все сказанное позволяет сделать вывод об отсутствии в указанные периоды действия законодателя того времени в направлении вопросов прекращения уголовного преследования системного характера, что объясняется, вероятнее всего, активным поиском наиболее эффективных процессуальных образований. Что послужило одной из причин реформирования существующей правовой системы представителями современной юстиции, причем как ученых, так и практиков.

Начало судебной реформе положило преобразование следственной власти, осуществленное именным указом Александра II от 8 июня 1860 г. об утверждении трех актов: «Учреждения судебных следователей», «Наказа судебным следователям» и «Наказа полиции о производстве дознания по происшествиям, могущим заключать в себе преступление или проступок» [6].

Завершается данный период относится к развитию законодательства Российской империи (большая часть современной Беларуси на тот исторический период входила в ее состав – прим. автора), где с 1864 года была проведена Судебно-правовая реформа, в результате которой произошел переход от инквизиционного процесса к состязательному. Впервые детально проработанную правовую регламентацию институт прекращения производства по уголовному делу получил в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. В частности, появилось разграничение понятий «прекращение судебного преследования» и «прекращение предварительного следствия». Напротив, сущностное содержание можно было наблюдать лишь в научной литературе. Например, И. Я. Фойницкий подразумевал под «прекращением уголовного преследования» судебное определение о том, что дальнейшее преследование (рассмотрение в судебном порядке возбужденного обвинения) не имеет смысла и места, а все принятые меры против обвиняемого подлежат отмене. При этом следовало отличать прекращение уголовного преследования от окончания уголовного дела, так как преследование прекращалось в «распорядительном заседании суда или камерой предания суду, и определение о прекращении не пользуется незыблемостью судебного приговора, и порядок приращенного дела и решенного совершенно иной». Позиция ученых того времени сводилась к тому, что в связи с пре-

кращением производства уголовного дела на досудебной стадии (дело не доходило до постановления приговора) оно не разрешается по существу.

Никакие следственные судьи не решали никаких вопросов, если УД прекращалось до суда.

Остальные этапы можно отнести к периоду реализации Уставов 1864 года. Наиболее ярким можно выделить советский период. Позиции, изложенные в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г., нашли свое отражение, в том числе, в нормах УПК БССР 1923 г., где было предусмотрено шесть самостоятельных оснований, исключающих производство по делу. Кроме того, в ст. 4-а УПК 1923 года отдельной нормой было предоставлено право прокурору и суду отказать в возбуждении уголовного дела либо прекратить производство по делу при наличии малозначительности деяния. Перечень оснований для прекращения производства по уголовному делу был значительно изменен в УПК БССР 1960 года, где он стал более реально отражать все многообразие ситуаций, препятствующих дальнейшему производству по уголовному делу либо указывающих на нецелесообразность продолжения уголовного преследования обвиняемого. При этом УПК БССР 1960 года отказался от малозначительности деяния как самостоятельного основания, исключающего производство по делу. С этого момента в правоприменительной практике и теории процессуальной науки наличие указанного обстоятельства стали связывать с отсутствием состава преступления.

Вступление в силу Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь 1999 года ознаменовалось очередным изменением списка обстоятельств, исключающих производство по делу. Наиболее существенные коррективы в него были внесены в связи с проведением судебно-правовой реформы в Республике Беларусь, положения которой были определены Концепцией судебно-правовой реформы 1992 года. Вопросы совершенствования системы оснований прекращения уголовного дела стали одними из приоритетных, что, главным образом, обуславливалось

а) несовершенством сложившейся в УПК 1960 года законодательной регламентации оснований прекращения производства по уголовным делам и необходимостью доработки многих соответствующих законодательных новелл 1990-х г.г. с учетом практики их применения, а также введения дополнительных оснований прекращения уголовного дела и уголовного преследования,

б) большим удельным весом уголовных дел, оканчиваемых прекращением, в результате чего затрагиваются существенные права и интересы граждан,

в) развитием уголовно-процессуальной доктрины института прекращения производства по уголовным делам, располагавшей набором вариантов решения многих «наболевших» вопросов, связанных с формулированием в законодательстве оснований окончания расследования уголовного дела в форме его прекращения.

На сегодняшний день не решены вопросы, касающиеся понимания отличий прекращения от уголовного преследования и прекращение уголовного дела:

1) «прекращение предварительного расследования» является более широким правовым понятием, чем «прекращение уголовного преследования».

2) прекращение предварительного расследования с необходимостью влечет прекращение уголовного преследования;

3) формой окончания предварительного расследования может выступать только прекращение предварительного расследования всего, но не прекращение уголовного преследования, так как в последнем случае расследование по общему правилу продолжается.

Резюмируя сказанное, следует остановить внимание на том, что Уставы 1864 года создали уникальный правовой прецедент и заложили совершенные основы юриспруденции. Эволюционирование института «прекращения предварительного расследования» происходило в неразрывной связи с развитием отечественной юридической науки,

предметом исследования которой были, как фундаментальные, так и прикладные аспекты прекращения уголовно-процессуального производства. Вместе с тем нельзя не отметить, что особый вклад в развитие обозначенного института внесен именно на рубеже последнего столетия.

Список используемой литературы и источников

1. Вішнеўскі, А.Ф. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі [Текст]: Вучэб. дап. / А.Ф. Вішнеўскі. – Мн.: Акад. МУС Рэсп. Бел., 2003. – 319 с.
2. Статут Великого княжества Литовского 1588 г. [Электронный ресурс] // URL: http://history-belarus.by/pages/download/statut_wkl.php (дата обращения: 26.11.2019)
3. Савельева, К. И. Особенности исторического развития института уголовного преследования в России [Электронный ресурс] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-istoricheskogo-razvitiya-instituta-ugolovnogopresledovaniya-v-rossii/viewer> (дата обращения: 20.11.2019).
4. Фойницкий, И.Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2 т. / И.Я. Фойницкий [Текст] / под ред. А.В. Смирнова. – 3-е изд. – СПб.: Альфа, 1996. – Т. 2. – 1996. – 607 с.
5. Уголовный процесс. Проблемные лекции [Текст] / под. ред. В.Т. Томина, И.А. Зинченко. – М.: Издательство Юрайт, 2013. – 799 с.
6. Судебные Уставы 20 ноября 1864 года [Электронный ресурс] // URL: https://civil.consultant.ru/sudeb_ustav/ (дата обращения: 06.10.2019).

УДК 343.163

***Е.В. Богословская, прокурор отдела по надзору за исполнением законов
о несовершеннолетних прокуратуры Московской области, советник юстиции***

МЕРЫ ПРОКУРОРСКОГО РЕАГИРОВАНИЯ ПО УСТРАНЕНИЮ НАРУШЕНИЙ РАЗУМНОГО СРОКА УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

Для успешного выполнения задач, возложенных на прокурора, осуществления им уголовного преследования в досудебном производстве, акты прокурорского реагирования должны обладать обязательностью их исполнения. В законе должен быть предусмотрен механизм обеспечения разумного срока судопроизводства прокурором, что не должно ограничиваться наказанием виновных должностных лиц. Автор предлагает усовершенствовать законодательство. При грубых нарушениях процессуальных сроков должны наступать значимые правовые последствия (например, установление факта бездействия следователя, дознавателя по уголовному делу должно повлечь отказ в удовлетворении ходатайства о продлении сроков содержания под стражей лица).

Ключевые слова: разумный срок уголовного судопроизводства; эффективная уголовно-процессуальная деятельность; уголовное преследование; справедливость, правосудие.

OPTIMIZATION OF PROSECUTOR'S SUPERVISION OVER PRELIMINARY INVESTIGATION OF CRIMINAL CASES IN REASONABLE TIME

This article analyses problems of criminal cases investigation in reasonable time. Prosecutor organizes criminal prosecution, initializes the procedure of criminal prosecution as well as has a right to send materials needed to file a criminal case to preliminary investigation bodies. However, prosecutor doesn't have enough rights to react in time on law violations. Author proposes to optimize law, to formalize in law the obligation of a legal body to attend and give explanations on prosecutor's call and in case of denial to attend right to bring the body beyond his will. Moreover prosecutor should have a right to abolish illegal decision of preliminary investigation bodies to deny to file a criminal case regardless the date of its arrival to public prosecution office.

Keywords: reasonable time, criminal proceedings, effective criminal-procedural activity,

criminal prosecution, introductory investigation, justice.

Требование соблюдения разумного срока уголовного судопроизводства является одним из основных принципов уголовного процесса и распространяется на все его стадии. Данный принцип применим не только к деятельности суда, но и к органам и должностным лицам, осуществляющим уголовное преследование. Особо следует выделить при этом прокурора, так как он является единственным участником уголовного процесса, который принимает участие и обладает большим спектром полномочий во всех его стадиях. В последние годы Генеральным прокурором Российской Федерации в издаваемых приказах указывается на необходимость активизации деятельности прокуроров по соблюдению требований закона о разумном сроке уголовного судопроизводства, причем как в досудебных, так и в судебных стадиях. Обоснованные и своевременные требования прокурора позволяют исключить неоправданную волокиту при производстве предварительного расследования. Заинтересованность прокурора в длительности уголовного судопроизводства, отвечающей требованиям разумности, соответствует его предназначению в разбирательстве судом уголовных дел, поскольку, выступая от имени государства, прокурор в уголовном процессе защищает публичные интересы, способствует своевременному установлению обстоятельств совершенного преступления и достижению целей правосудия.

В настоящее время произведенные с 2010 года реформы уголовно-процессуального законодательства с целью осуществления более быстрого и эффективного расследования и рассмотрения уголовного дела не решили проблему необоснованного затягивания процессуальных сроков и нарушения разумного срока уголовного судопроизводства в целом. Многими прокурорами отмечается, что к требованиям об устранении нарушений федерального законодательства руководители следственных органов относятся формально, особенно подразделений Следственного Комитета РФ, нарушения реально не устраняются либо прокурору отказывается в удовлетворении требований. В настоящее время в законе отсутствуют эффективные рычаги воздействия на следствие при такой ситуации.

С целью получения возможности реально влиять на ситуацию по обеспечению соблюдения разумных сроков уголовного судопроизводства, своевременного выявления фактов волокиты в расследовании и принятия по данным нарушениям мер реагирования прокурор обязан регулярно изучать решения следователей и дознавателей. По закону прокурор вправе в срок не позднее 14 суток с момента получения материалов уголовного дела отменить постановление о приостановлении предварительного следствия, но закон не устанавливает срок, в который материалы уголовного дела должны быть предоставлены для изучения прокурору. Обычно материалы уголовного дела предоставляются после получения соответствующего запроса, что занимает довольно длительный промежуток времени. Если производство предварительного расследования по делу приостановлено впервые, то копия принятого решения и материалы дела предоставляются прокурору, так как это связано с необходимостью подписания у прокурора статистических карточек по делу, но в последующем при принятии повторного решения о приостановлении производства по делу прокурору копия постановления не всегда предоставляется, что затрудняет своевременную проверку принятого решения. Обоснованно было бы вместе с внесенными изменениями в ч. 6 ст. 162 УПК РФ дополнить ч. 4 ст. 213 и ч. 2 ст. 208 УПК РФ обязанностью следователя не только уведомлять о приостановлении предварительного следствия прокурора, путем направления ему копии принятого решения в течение 24 часов с момента его принятия, но и предоставлять прокурору для изучения материалы уголовного дела в течение 5 суток. Это будет способствовать активизации хода расследования по делу, сокращению фактических сроков производства, что повлияет на сокращение общего срока уголовного преследования.

Тем не менее, это не решит коренным образом проблему нарушения разумного срока уголовного судопроизводства. При грубых нарушениях процессуальных сроков должны наступать значимые правовые последствия (например, установление факта бездействия следователя, дознавателя по уголовному делу должно повлечь отказ в удовлетворении ходатайства о продлении сроков содержания под стражей лица). В настоящее время прокуроры сталкиваются с проблемой неэффективности мер прокурорского реагирования, по уголовным делам, по которым проводится следствие. Следовательно фактически является несамостоятельным процессуальным лицом, зависимым от руководителя следственного органа. Прокурор по уголовному делу, находящемуся в производстве у следователя при наличии нарушений уголовно-процессуального законодательства может внести требования об их устранении, внести представление об устранении нарушений и привлечении лиц, нарушивших закон, к дисциплинарной ответственности, предостеречь о недопустимости нарушения закона. Из перечисленных мер прокурорского реагирования наиболее оперативным является требование об устранении нарушений уголовно-процессуального законодательства, поскольку оно в отличие от представления, рассматривается в течение 5 суток в соответствии с ч.4 ст. 39 УПК РФ. При этом в данной статье не установлена обязанность участия либо информирования следователя, в производстве которого находится дело о наличии требования прокурора об устранении нарушений, что не соответствует положениям ч.6 ст.37 УПК РФ, из смысла которой следует, что следователь может не согласиться с требованиями прокурора.

В тоже время не установлен срок исполнения требований прокурора, поскольку в течение 5 суток руководитель следственного органа должен его рассмотреть и уведомить об этом прокурора. На практике это приводит к тому, что требования прокурора удовлетворяются лишь формально, руководитель следственного органа ограничивается указанием следователю на недопущение подобных нарушений впредь и необходимости принятия исчерпывающих мер к активизации расследования, что не позволяя прокурору, каким – либо образом реально осуществлять свои надзорные полномочия.

Таким образом, в ч.4 ст.39 УПК РФ должны быть внесены изменения, закрепляющие необходимость участия следователя, в производстве которого находится уголовное дело требований прокурора об устранении нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе досудебного производства, приобщения данного требования и ответа на него к материалам уголовного дела, а также, в случае согласия с требованиями прокурора, реальное их устранение в течение 5 суток.

В настоящее время прокурор не обладает полномочиями оперативно устранить выявленные им нарушения закона. Такой мерой прокурорского реагирования как представление об устранении нарушений федерального законодательства могут быть предотвращены только повторные нарушения закона, то есть, конкретное должностное лицо, не должно решиться на нарушение закона, в связи с «угрозой» привлечения к ответственности в связи с внесенным прокурором актом реагирования. Такого рода частная и общая превенция мер прокурорского реагирования будет распространяться только на однородные, типичные группы нарушений, которые совершаются систематически. Предотвратить же нарушение закона, допускаемое впервые, такие меры не могут, особенно в условиях низкой правовой и профессиональной грамотности многих сотрудников органов расследования, что наблюдается на практике в настоящее время. Результаты проведенного обобщения Генеральной прокуратурой РФ [1] показали, что наиболее часто при выявлении нарушений по удовлетворенным обращениям граждан используется такая мера реагирования как представление, вносимое в адрес руководства соответствующих структурных подразделений правоохранительных органов в порядке ст. 24 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации». Однако при наличии достаточных оснований для реагирования прокурорами зачастую не использовалась весь

комплекс предусмотренных законом полномочий, в частности положений ст. 37 УПК РФ.

Обеспечить верховенство закона, только методами «устрашения» сотрудников правоохранительных органов дисциплинарными взысканиями, налагаемыми в связи с мерами прокурорского реагирования, в каждом случае, представляется невозможным. Особенно затруднительно выполнить данную задачу представляется при оперативном выявлении нарушений закона. Реально данная цель может быть достигнута только путем оперативного вмешательства в деятельность поднадзорных органов и дачи их сотрудникам оперативных указаний. Тогда как основной задачей прокурора является обеспечение законности, и в частности – соблюдения разумных сроков судопроизводства.

Абсолютно обоснованно утверждение Н.В. Булановой, о том, что использование предусмотренных Законом о прокуратуре актов прокурорского реагирования позволит повысить действенность прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими дознание и предварительное следствие. При этом между нормами Закона о прокуратуре и предписаниями УПК РФ не возникает коллизий, они не противоречат, а дополняют друг друга, позволяя при их системном использовании достигнуть в кратчайшие сроки наибольшего положительного результата по предупреждению, пресечению и устранению нарушений закона, привлечению лиц, виновных в их совершении, к предусмотренной законом ответственности, восстановлению нарушенных прав и свобод участников уголовного судопроизводства [2, с.39].

К.В. Капинус и А.Г. Халиулин полагают, что «среди форм предупреждения нарушения закона ведущее место принадлежит предостережению о недопустимости нарушения закона, письменные указания по вопросам полноты, всесторонности и объективности проведения по заявлениям, сообщениям о преступлениях» [3, с.37]. Но данная мера прокурорского реагирования является весьма специфичной, поскольку по смыслу ст. 25.1 ФЗ «О прокуратуре РФ» принимается при наличии сведений о готовящихся противоправных деяниях, что на практике встречается крайне редко, в единичных случаях.

Для успешного выполнения задач, возложенных на прокурора, осуществления им уголовного преследования в досудебном производстве, акты прокурорского реагирования должны обладать обязательность их исполнения. Ведь как вытекает из УПК РФ и ФЗ «О прокуратуре РФ», прокурор выступает в первую очередь как «фактический руководитель» досудебной стадии судопроизводства. В законе должен быть предусмотрен механизм обеспечения разумного срока судопроизводства прокурором, что должно выражаться не только в наказании виновных должностных лиц, т.е. привлечении к дисциплинарной ответственности, но и проявляться в более значимой форме.

Действенно решить указанную проблему поможет введение «санкции ничтожности» в случае злоупотребления должностными лицами процессуальными правами, нарушающими право лица на уголовное судопроизводство в разумный срок, поскольку санкции выполняют особую роль в регулировании правоотношений. По мнению С.А. Полунина «реализация санкции - это ответная мера на нарушение требований уголовно-процессуального права, на правонарушение в сфере уголовного судопроизводства, там, где происходит принятие и реализация весьма ответственных решений, непосредственно влияющих на осуществление важнейших прав и свобод человека, в том числе конституционных. Совершение уголовного-процессуальных санкций повышает эффективность права и правоприменения в уголовном судопроизводстве» [4, с.21]. Отсутствие своевременного реагирования на нарушения закона на досудебных стадиях производства по делу, в первую очередь со стороны прокурора, порождает в дальнейшем необоснованную волокиту в принятии окончательного процессуального решения, нарушение принципов защиты прав обвиняемых и потерпевших от преступлений и разумного срока уголовного судопроизводства.

Проведенное автором анкетирование 110 прокурорских работников показало, что 31% опрошенных считает, что это будет лишним стимулом для следствия заботиться о соблюдении прав участников уголовного судопроизводства, позволит повысить качество предварительного расследования. При этом отмена прокурором незаконного процессуального решения не всегда стимулирует органы предварительного расследования принять меры для завершения расследования и уголовного преследования в разумный срок.

Наличие санкций ничтожности – наступления значимых правовых последствий в случае повторного неисполнения требований прокурора об устранении нарушений федерального законодательства, с которыми ранее согласился руководитель следственного отдела либо в случае грубого нарушения следователем (дознавателем) процессуальных сроков, сможет результативно решить проблему допускаемой систематической волокиты по уголовным делам, нарушения прав граждан на осуществление уголовного судопроизводства в разумный срок. Например, установление факта бездействия следователя, дознавателя по уголовному делу должно повлечь отказ в удовлетворении ходатайства о продлении сроков содержания под стражей лица. Конечно же, установление таких последствий не должно приводить к освобождению лица от уголовной ответственности, чтобы в результате бездействия должностных лиц не были нарушены права потерпевших. При этом необходимо учитывать наличие возможности фактического исполнения требований прокурора (например, невозможность осуществить допрос свидетеля в силу объективных причин – тяжелой болезни, смерти и т.д.).

Также в уголовно-процессуальный закон необходимо внести изменения, предусмотрев для заинтересованного лица возможность ускорить производство предварительного расследования. Предусмотреть, что в случае, если по уголовному делу длительное время не производятся следственные и процессуальные действия, предварительное расследование затягивается, заинтересованные лица вправе обратиться к прокурору с ходатайством об ускорении расследования, в котором излагаются обстоятельства, обуславливающие необходимость осуществления уголовного производства (или отдельных процессуальных действий, решений) в более короткие сроки, чем те, которые предусмотрены законом.

Список используемой литературы и источников

1. «О практике рассмотрения в органах прокуратуры жалоб на решения и действия (бездействие) органа дознания, дознавателя, следователя, руководителя следственного органа» [Текст]: информационное письмо Генеральной прокуратуры РФ от 24.04.2015 №25-6-15.

2. Буланова, Н.В. Акты прокурорского реагирования на нарушения закона, допущенные органами дознания и органами предварительного следствия в досудебных стадиях уголовного процесса [Текст] / Н.В.Буланова // Вестник Акад. Ген. прокуратуры РФ. -2014. -№4(42). -С. 39.

3. Прокурорский надзор в стадии возбуждения уголовного дела [Текст]: методическое пособие / под. ред. Короткова А.П. и Токаревой М.Е.- М. «Юрлитинформ», 2002. - С. 37.

4. Полунин, С.А. Уголовно-процессуальные санкции и особенности их применения [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук / С.А.Полунин. - Саратов, 1997. - С. 21.

УДК 343.137.9

**С.В. Бурмагин, канд.юрид.наук, доцент, старший научный сотрудник
НЧОУ ВО «Северный институт предпринимательства»**

ЕДИНСТВО И ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ СУДЕБНЫХ ПРОИЗВОДСТВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Настоящая статья посвящена проблеме структуризации уголовно-процессуальной деятельности суда и дифференциации осуществляемых судом уголовных производств. В своем исследовании автор отходит от традиционной трактовки судебного производства как всеохватывающей деятельности исключительно по рассмотрению и разрешению уголовного дела, выделяет в структуре уголовного судопроизводства обособленные от уголовного дела, процессуально самостоятельные судебные-контрольные и судебные-исполнительные производства и раскрывает их сущность.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, стадии уголовного процесса, уголовное дело, процессуальная деятельность суда, судебное производство, исполнение приговора.

UNITY AND DIFFERENTIATION OF JUDICIAL PROCEDURES IN CRIMINAL PROCEEDINGS

This article is devoted to the problem of structuring the criminal procedural activity of the court and differentiation of the criminal proceedings carried out by the court. In his study, the author departs from the traditional interpretation of judicial proceedings as an all-encompassing activity exclusively for the consideration and resolution of a criminal case, identifies in the structure of criminal proceedings separate from the criminal case, procedurally independent judicial control and judicial enforcement proceedings and reveals their essence.

Keywords: criminal proceedings, stages of criminal process, criminal case, procedural activity of court, judicial production, execution of a sentence.

В российской правовой науке превалирует понимание уголовного судопроизводства как упорядоченной нормами уголовно-процессуального права и состоящей из последовательных и взаимосвязанных стадий и этапов системной деятельности государственных органов, должностных лиц и иных участников уголовного процесса по возбуждению, расследованию, рассмотрению и разрешению уголовного дела [1; 3; 4, с.16-19; 7, с.29-36; 8, с.21; 9, с.7; 11, с.9-10], иными словами - *производства по уголовному делу*. При этом, в соответствии с наименованиями частей действующего УПК РФ, непосредственно судебным производством считается та часть уголовного процесса, которая происходит при участии и под эгидой суда, когда уголовное дело находится «во власти суда», в его производстве.

Судебное производство по уголовному делу хотя и едино, но не однородно и, как известно, в соответствии со стадиями уголовного процесса разбивается на последовательные, взаимосвязанные, но различающиеся по своему назначению и процессуальному порядку этапы (части): производство в суде первой инстанции (раздел IX УПК РФ), производство в суде второй (апелляционной) инстанции (раздел XIII УПК РФ), производства по пересмотру вступивших законную силу приговоров и иных решений суда в кассационной и надзорной инстанциях, а также производство по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств (раздел XV УПК РФ). Перечисленные производства, входящие составными элементами в общее судебное производство по уголовному делу, обладают существенными специфическими чертами и нормативно выделены как в организационном, так и в процессуальном аспектах. Такое «горизонтальное» (по Ю. К. Якимовичу) разделение судебного производства на уголовно-

процессуальные этапы [12, с.53] позволяет дифференцировать осуществляемое судом уголовное производство на производства, ведущиеся различными судебными инстанциями.

Одновременно все уголовное судопроизводство подразделяется «по вертикали» на виды уголовных производств [12, с.53]. Соответственно и производство, осуществляемое непосредственно уголовным судом, дифференцируется на виды по различным критериям. Основными в рамках уголовного судопроизводства являются *производства по уголовным делам*, которые в судебных стадиях подразделяются на: 1) производство по обвинению лица в совершении преступления, т.е. производство по уголовному делу, поступившему в суд с обвинительным заключением, обвинительным актом или обвинительным постановлением; 2) производство по применению принудительных мер медицинского характера; 3) производство по ходатайству о применении к несовершеннолетнему лицу мер воспитательного воздействия; 4) производство по ходатайству о назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. В свою очередь, производства по уголовным делам с обвинением по критериям сложности и особенностям порядка осуществления дифференцируются на: а) обычный или общий; б) ускоренные или упрощенные; в) усиленные или «с усиленными гарантиями прав обвиняемого» [6, с.16-21; 10, с.7-8].

Однако разграничением производства по уголовным делам на виды дифференциация уголовного судопроизводства в целом и судебного производства в частности не исчерпывается. Вопреки традиционному взгляду на систему уголовного процесса как на совокупность производств по уголовным делам, которые якобы охватывают собой всю уголовно-процессуальную деятельность любого субъекта уголовного процесса, часть процессуальной деятельности уголовного суда (и весьма значительная) находится за пределами этих производств.

В досудебных стадиях, когда уголовное дело (а до его возбуждения - материал проверки по сообщению о преступлении) находится в производстве и распоряжении органа предварительного расследования, суд, и это очевидно, не осуществляет производство по уголовному делу (материалу проверки) и не руководит его движением. Иное и невозможно, поскольку судебная власть ввиду ее исключительности и независимости не совместима в пределах ее процессуальной компетенции с властно-распорядительной деятельностью других органов власти и «устраняет» последнюю из судебного процесса. Там и тогда, где и когда действует орган правосудия, принимая на себя уголовное производство, процессуальная деятельность других государственных органов утрачивает свой властный характер. Тем не менее, в указанный период суд осуществляет процессуальную деятельность (ч. 2 и ч. 3 ст. 29 УПК РФ), именуемую судебным контролем законности ограничения конституционных прав и свобод личности со стороны органов уголовного преследования, при том, что уголовное дело или материал проверки продолжает находиться в производстве следователя или дознавателя.

На так называемой стадии исполнения приговора суд первой инстанции в порядке статей 399 и 400 УПК РФ проводит разбирательство по вопросам (по большей части перечислены в статьях 397 УПК РФ), связанным с исполнением приговора и иных судебных решений. Эти вопросы возникают и рассматриваются судом в период, когда производство по уголовному делу завершено, приговор или иное итоговое решение суда обращено к исполнению, а дело зачастую списано в архив суда.

В обоих случаях возникает вопрос: какое юридическое дело рассматривает и разбирает суд, если в первом случае уголовное дело еще не поступило в суд и не принято им к своему производству, а во втором - производство по уголовному делу судом уже завершено? Ответ один - в обоих случаях суд осуществляет уголовные (уголовно-процессуальные) производства иного рода, в ходе которых рассматривает не уголовные дела, а производные от них дела судебного контроля и судебные дела по вопросам, свя-

занным с исполнением приговора, скромно именуемые в юридическом обиходе «судебными материалами». Поскольку производства по такого рода делам не включают в себя предварительной процессуальной деятельности властных субъектов, начинаются с момента обращения в суд заинтересованных участников уголовного процесса (государственного органа или частного лица) с соответствующим ходатайством, представлением, заявлением, жалобой, и осуществляются исключительно в суде, они представляют собой всецело *судебные* производства.

Важно отметить, что производимая за пределами основного производства по уголовному делу процессуальная деятельность суда характеризуется иным, отличным от уголовного дела предметом судебного разбирательства, наличием специфических задач и имеет иные отличительные признаки.

Итак, *судебное производство* в уголовном процессе можно определить как обособленный вид уголовно-процессуальной деятельности, совершаемой при непосредственном и доминирующем участии суда и под его непосредственным руководством, представляющий собой структурно определенный и организационно заверченный комплекс процессуальных действий и решений, направленный на разрешение по существу конкретного вида дел (правовых споров), отнесенных к компетенции суда и подлежащих рассмотрению в порядке уголовного судопроизводства. По предметно-целевому критерию все ведущиеся судом уголовные производства можно объединить (по вертикали) в три большие группы: 1) судебно-контрольные производства; 2) производства по уголовным делам; 3) судебно-исполнительные производства [2, с.148-153].

Первую группу *судебно-контрольных производств* образуют производства по рассмотрению ходатайств органов предварительного расследования и прокурора об ограничении конституционных прав и свобод личности посредством выполнения следственных и иных процессуальных действий или применения мер процессуального принуждения, а также жалоб на процессуальные действия (бездействие) и решения органов и должностных лиц, осуществляющих досудебное производство по уголовному делу (статьи 105.1, 106-109, 114-116, 118, 125, 125.1, 203, 165, 203, 435, 463 и части 2 и 3 ст. 448 УПК РФ).

Вторую группу составляют собственно производства по уголовным делам (указаны выше), главным признаком которых является их направленность на решение вопроса о наличии или отсутствии уголовно-правового отношения и его содержания. Это, безусловно, основные судебные производства как по месту в уголовном процессе, так и по роли в достижении его назначения. Они охватывают центральную стадию процесса - судебное разбирательство уголовного дела в суде первой инстанции и позволяют не только установить факт совершения деяния, запрещенного уголовным законом, или его отсутствие, но и решить вопрос об уголовной ответственности и применении наказания и (или) иных мер уголовно-правового воздействия.

К третьей группе относятся производства, реализуемые в порядках, предусмотренных статьями 399 - 400, частями 4 и 5 ст. 427, частями 4 - 8 ст. 432, статьями 445 - 446, 446.5, 470 - 472, 473.4 - 473.6, а также статьями 463 и 466 УПК РФ (в части решения вопросов, связанных с выдачей лица иностранному государству для уголовного преследования или исполнения приговора). Эти производства возникают в период исполнения приговора или иного решения суда по уголовному делу (после вступления их в законную силу) и «не касаются установленных приговором фактических обстоятельств уголовного дела» [5, с.34], а вызваны необходимостью разрешения судом правовых вопросов, так или иначе связанных с исполнением указанных решений. Данные вопросы не были предметом судебного рассмотрения в рамках уголовного дела, а обусловлены юридическими фактами, возникшими по завершении основного производства и породившими новые правоотношения. Указанные особенности позволяют, на наш взгляд,

соединить анализируемые судебные производства в одну группу и условно назвать их *судебно-исполнительными*.

Для всех обозначенных видов судебных производств присущи: 1) отдельно установленные правила подсудности; 2) наличие конкретных, специфических целей и задач; 3) собственный предмет судебного рассмотрения; 4) различия в предмете доказывания; 5) процессуальная автономность; 6) полистадийность; 7) организационная и документально-фиксирующая обособленность; 8) отдельная регламентация процессуальных порядков; 9) особенности процессуальной формы; 9) наличие собственных завершающих производство (итоговых) решений [2, с.154-156]. Перечисленные признаки позволяют выделить судебно-контрольные и судебно-исполнительные производства в качестве самостоятельных, обособленных от основного производства (по уголовному делу) уголовных производств, ведущихся в суде.

Процессуально автономные от уголовного дела судебно-контрольные и судебно-исполнительные производства разбиваются на стадии и проходят «через руки» вышестоящих судебных инстанций, поэтому, так же как и основное производство по уголовному делу, могут быть разделены (дифференцированы) на производства в суде первой, апелляционной, кассационной и надзорной инстанции, а также производство ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств.

Одновременно с дифференциацией судебных производств необходимо отметить и их единство, обусловленное правовой природой, назначением и единством судебной власти, которая реализуется в уголовном судопроизводстве посредством этих производств. Вместе они образуют не просто численное множество, а совокупность взаимосвязанных и дополняющих друг друга элементов, образующих систему процессуальной деятельности суда по отправлению уголовного правосудия.

Все выделенные нами виды судебных производств подчинены целям и задачам, производным от общего назначения уголовного правосудия; подчиняются единым правовым принципам, общим, во многом унифицированным процедурным правилам и условиям, по которым осуществляется разбирательство судебных дел; реализуют в себе единый правовой механизм принятия судебных решений (с определенными особенностями, характерными каждому из видов производств); строятся по общей, присущей правосудию логической схеме: поступление в суд соответствующего обращения (заявления, ходатайства, уголовного дела, жалобы, представления и т. п.) → назначение и подготовка судебного разбирательства → собственно судебное разбирательство по рассматриваемому делу → разрешение обращения по существу с вынесением завершающего (итогового) решения → обжалование судебного решения и пересмотр дела вышестоящей судебной инстанцией → обращение вступившего в законную силу решения суда к исполнению.

Таким образом, структура судебной деятельности в уголовном процессе предстает не в виде имеющего разновидности, но единственного линейного производства (по уголовному делу), разделенного на этапы - инстанционные производства, а в качестве сложной системы взаимосвязанных, но самостоятельных и обособленных друг от друга судебных производств, осуществляемых по разнотипным делам: делам судебного контроля, уголовным делам и делам по вопросам исполнения приговора или иного судебного решения.

Образно такую систему судебных производств в уголовном процессе можно представить в виде разветвленного дерева, стволом которого является основное производство (его разновидности задают разнообразие воображаемых деревьев), а произрастающими из основного ствола боковыми ветками - дополнительные судебно-контрольные и судебно-исполнительные производства, которые хотя и «запитаны от ствола», растут и тянутся вверх самостоятельно, параллельно «стволу» и стремятся вверх (движутся по

стадиям), независимо от развития «ствола» - основного производства и нередко опережая его в своем движении.

Полагаем, что теоретическое осмысление неоднородности уголовно-процессуальной деятельности суда и присутствия наличия в уголовном процессе самостоятельных, отделенных от уголовного дела судебных производств позволяет правильно понять суть и значение реализуемых вне основного производства по уголовному делу судебных полномочий и принимаемых на их основе процессуальных решений. Дальнейшее развитие в процессуальной науке концепции дифференциации судебных производств в уголовном процессе, детальное изучение их общих и особенных закономерностей будет способствовать развитию и совершенствованию процедур дополнительных уголовных производств в общем контексте повышения эффективности уголовного правосудия.

Список используемой литературы и источников

1. Безлепкина, Б. Т. Уголовный процесс в вопросах и ответах [Текст]: учебное пособие. - 9-е изд., перераб. и доп. - М.: Проспект, 2018. - 304 с. // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. Бурмагин, С. В. Судебные производства в уголовном процессе: понятие и виды [Текст] / С.В. Бурмагин // Государство и право. - 2019. - № 2. - С. 146 - 159.
3. Вандышев, В. В. Уголовный процесс. Общая и Особенная части: учебник для юридических вузов и факультетов [Текст] / В.В.Вандышев. - М.: Контракт, Волтерс Клувер, 2010. - 720 с. // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
4. Григорьев, В. Н., Победкин, А. В., Яшин, В. Н. Уголовный процесс [Текст]: Учебник. - М.: Эксмо, 2008. - 816 с.
5. Николок, В. В. Заключение под стражу осужденного, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания: доктрина, законодательная конструкция, толкование и проблемы практического применения [Текст]: монография. - Орел: ОрЮИ МВД России, 2015. - 236 с.
6. Орлова, Т. В. Дифференциация форм судебного разбирательства в уголовном процессе российского государства [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук /Т.В.Орлова. - Екатеринбург, 2016. - 26 с.
7. Строгович, М. С. Курс советского уголовного процесса. Т.1. Основные положения науки советского уголовного процесса [Текст] / М.С. Строгович. - М.: Наука, 1968. - 470 с.
8. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации [Текст]: учебник / отв. ред. П. А. Лупинская. - 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Норма, 2009. - 1072 с.
9. Уголовный процесс [Текст]: Учебник / Под ред. И. Л. Петрухина. - М.: Проспект, 2001. - 520 с.
10. Цыганенко, С. С. Общих и дифференцированных порядки уголовного судопроизводства [Текст]: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук /С.С. Цыганенко. - СПб., 2004. - 46 с.
11. Якимович, Ю. К., Пан Т. Д. Судебное производство по УПК Российской Федерации [Текст] / Ю.К.Якимович. - СПб: Юридический центр Пресс, 2005. - 252 с.
12. Якимович, Ю. К. Понятие, назначение, дифференциация уголовного процесса. Принципы уголовного судопроизводства [Текст] / Ю.К.Якимович. - Томск: Изд-во Том. ун-та, 2015. - 168 с.

УДК 343.13

А.В. Верецагина, канд. юрид. наук, доцент, заведующая кафедрой уголовно-правовых дисциплин Владивостокский государственный университет экономики и сервиса

РЕФОРМИРОВАНИЕ УГОЛОВНОЙ ЮСТИЦИИ В СЕРЕДИНЕ XIX – НА РУБЕЖЕ XX – XXI ВВ.: НЕКОТОРЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ

В статье изложены общее и особенное в подготовке судебных реформ 1864 г. и рубежа XX–XXI вв. и обозначены особенности нормативной регламентации некоторых институтов.

Ключевые слова: судебная реформа, самостоятельность судебной власти, несменяемость, судебный следователь, следственный судья, дознание, предварительное следствие.

CRIMINAL JUSTICE REFORM IN THE MIDDLE OF XIX – AT THE TURN OF XX–XXI CENTURIES: SOME PARALLELS

The article describes the general and special in the preparation of judicial reforms in 1864 and the turn of the XX–XXI centuries and identifies the features of regulatory regulation of some institutions.

Keywords: judicial reform, independence of the judiciary, irremovability, judicial investigator, investigating judge, inquiry, preliminary investigation

Судебная реформа 1864 г. по мнению большинства исследователей является наиболее удачным образцом модернизации юстиции. По-иному относится юридическое сообщество к современной трансформации судостройства и уголовного процесса, характеризуя её как непоследовательную [1; 2; 3 и др.].

Несмотря на полярность оценок судебной реформы 1864 г. и рубежа XX – XXI вв., можно найти общие и особенные моменты в их проведении.

1. Поводами к реформированию в обоих случаях послужили неудачи в Крымской и Афганской кампаниях. Известный российский учёный Б. Н. Чичерин поражение в Крымской войне назвал полезным для России, нашедшей в себе «довольно силы», чтобы внутренне обновиться [4, с. 127]. Афганская война так же обнажила экономические и социальные проблемы, имевшиеся в СССР.

2. Причины судебного реформирования многообразны. Будучи ограничены объёмом публикации, мы укажем лишь одну, на наш взгляд, самую важную, - необходимость изменения отношений собственности. В дореформенной России одним из тормозов развития рыночной экономики являлось прикрепление крестьян к земле и отсутствие рынка труда, необходимого для поступательного развития промышленности. Подобное имело место в СССР, экономический уклад, которого характеризуют как государственный феодализм [5]. Все орудия и средства производства, включая природные ресурсы, объекты недвижимости и т.д., являлись собственностью государства, что ограничивало возможности самореализации личности, её активность.

3. В стратегии подготовки обеих судебных реформ есть общее и особенное. **Общим** является членение процесса на два периода - по месту производства работ, соответственно 1) 1857 - 1861 гг. и 2) 1861 - 1864 гг. На первом этапе судебными преобразованиями занималось II Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии (СЕИВ) под руководством графа Д. Н. Блудова. Отмена крепостного права делала насущной активизацию работ, поскольку помещики лишались юрисдикционных полномочий в отношении крестьян и требовалось ускорить создание учреждений, которые бы выполняли эти обязанности. Кроме того, Государственный секретарь граф В. Л. Бутков доложил Императору о несогласованности подготовленных под руко-

дством Д. Н. Блудова проектов и желательности разработки концепции судебного реформирования [6, с. 67 – 70; 7, с. 20 - 21].

С этого момента центр работы сместился в Морское министерство, где курировался Великим князем Константином. 29.09.1862 Александр II утвердил «Основные положения преобразования судебной части в России» [8], в которых содержалась не только концепция, но и конкретизация наиболее важных судостроительных и уголовно-процессуальных институтов – мировой юстиции (ст. 10 - 21 части I Основных положений); суда присяжных (ст. 27 - 38 части I Основных положений); присяжных поверенных (ст. 73 – 91 части I Основных положений) и др.

В новейшей истории России сначала подготовительные работы проводились специально созданным отделом Государственно-правового управления Президента Российской Федерации (1992 – 1996 гг.). К работе привлекли крупнейших учёных (С. Е. Витцина, Е. А. Золотухина, А. М. Ларина и др.), разработавших Концепцию судебной реформы [9]. В документе нашли отражение 1) критика существовавшей уголовной юстиции, 2) обоснование необходимости её преобразования и 3) обозначение тех институтов, которые следовало бы легализовать. Основанный на Концепции проект УПК, подвергся критике («незрелый» по определению А. Д. Бойкова) [10]. Негативно отнеслись и к альтернативному УПК Института прокуратуры, содержательно тяготившему к советскому уголовно-процессуальному закону.

С 1996 г. судебными преобразованиями занималось Министерство юстиции, проект УПК которого в первом чтении 06.06.1997 приняла Государственная Дума. Только в начале 2001 г. законодатель вернулся к работе над уголовно-процессуальным законом - создаётся специальная межведомственная комиссия при Комитете по законодательству и судебной реформе, в которую вошли представители научного сообщества.

Значительно больше в подготовке реформ различий. Во-первых, в середине XIX в. развитие концептуальных положений реформирования происходило от консервативного к более либеральному видению преобразований, а на рубеже XX – XXI вв. напротив от либеральных политизированных деклараций к квазилиберальному и одновременно советскому подходам, что повлияло на двойственность содержания УПК РФ (например, псевдо-либеральность положения о признании доказательства недопустимым за любое нарушение уголовно-процессуального закона (ч. 3 ст. 7 УПК РФ) [11] и сохранение по сути советской системы уголовно-процессуальных стадий).

Во-вторых, есть принципиальные различия между содержанием Основных положений 1862 г. и Концепции судебной реформы 1991 г. В первом из означенных документов, как указывалось выше, имела достаточно чёткая система и конкретизация предлагавшихся к легализации судостроительных и судопроизводственных институтов. Разработчики Концепции судебной реформы 1991 г. сфокусировались на критике существовавшей советской юстиции и обосновании необходимости её модернизации. Что касается системы введения желательных институтов, то авторы их лишь наместили, не закрепив никаких рамочных положений.

В-третьих, фундаментальным недостатком Концепции 1991 г. является то, что не планировалась разработка подобного Учреждению судебных установлений акта, в котором бы консолидировано и согласовано излагалась регламентация судостройства, являющегося основой правильного отправления правосудия. Такой подход априорен для дореволюционных российских и зарубежных учёных и практиков. Например, Н. Н. Полянский, П. П. Пусторослев, Н. Н. Розин, И. Я. Фойницкий и др., излагали вопросы судостройства и судопроизводства во взаимной связи, о чём свидетельствует структура университетских курсов уголовного судопроизводства [12; 13; 14]. О значимости правильной судебной организации писал И. Бентам [15]. Такое же понимание находим у Э. Ферри, считавшего, что «хорошая судебная организация», лежит в основе защиты «общества от преступлений» [16, с.483 - 484].

В-четвёртых, особенность современной реформы состоит в одновременном принятии судоустройственных и процессуальных актов, зачастую не вполне согласованных, что не могло не сказаться отрицательно на правоприменении.

Если временной промежуток между принятием Основных положений 1862 г. и Судебных уставов составил 2 года, то между Концепцией 1991 г. и принятием УПК РФ прошло почти 10 лет (см. таблицу №1).

№№	Название нормативного правового акта	Дата принятия нормативного правового акта
1.	Концепция судебной реформы	24.10.1991
1	Закон РФ «О статусе судей в Российской Федерации»	26.06.1992
2	Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»	17.01.1992
3	Федеральный конституционный закон «Об арбитражных судах Российской Федерации»	28.04.1995
4	Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации»	31.12.1996
5	Уголовно-процессуальный кодекс РФ	18.12.2001
6	Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях	30.12.2001
7	Федеральный закон РФ «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации»	14.03.2002
7	Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре»	31.05.2002
8	Арбитражный процессуальный кодекс РФ	24.07.2002
9	Гражданский процессуальный кодекс РФ	14.11.2002
10	Кодекс административного судопроизводства	08.03.2015

В-пятых, немаловажной является общественная поддержка преобразований. Судебные уставы 1864 г. конструировались не только с учётом надобностей и особенностей российской жизни, зарубежного законодательства, результатов исследований зарубежных и отечественных учёных, но и при активном участии общества, представители которого направляли в адрес составителей многочисленные индивидуальные и коллективные предложения.

По-иному сложилось на современном этапе. Конечно, некоторые учёные привлекались к деятельности комиссий, занимавшихся проектированием законов, но общественного воодушевления и желания внести свою лепту в дело улучшение правосудия не было.

4. Общее и особенное есть в системе и содержании судоустройственных и уголовно-процессуальных институтов. Судебная реформа 1864 г. была пронизана идеей личности (И. Я. Фойницкий), реализация которой возможна только в рамках самостоятельной судебной власти. Основными положениями, гарантировавшими по мысли разработчиков Судебных уставов 1864 г. самостоятельность судебной власти и подчинение судей при отправлении правосудия только закону, являлись: 1) разграничение полномочий органов законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти; 2) несменяемость судей и исключение в судейском сообществе отношений власти-подчинения; 3) разграничение дознания и предварительного следствия и признание предварительного следствия судебной деятельностью; 4) учреждение присяжной адво-

катуры; 5) изменение статуса прокуратуры в уголовном судопроизводстве; 6) введение суда присяжных; 7) состязательность рассмотрения уголовных дел с рассредоточением процессуальных функций между участниками уголовного судопроизводства [17].

Подобные положения есть в Концепции 1991 г. Однако современная регламентация институтов в некоторых случаях уступает имевшейся до революции и не учитывает положительный и негативный дореволюционный опыт. Коснёмся только некоторых моментов.

4.1. Искажение сущности несменяемости судей и культивирование отношений власти-подчинения в судебных местах. Отцы судебной реформы рассматривали несменяемость как основную гарантию «прочности» судейского положения и пытались создать такую регламентацию, которая бы исключала сподобность судей. Обсуждались вопросы недопустимости ранжирования денежного содержания, присвоения классов чина, награждения, наделения властными полномочиями первоприсутствующих судебных мест и пр. Все основные вопросы в судейском сообществе, включая привлечение к дисциплинарной ответственности, должны были решаться общим собранием судей судебного места. Изложенный подход последовательно провести не удалось. Тем не менее, первоначально именно общее собрание судебного места решало вопросы назначения и удаления судьи с должности, привлечения (не привлечения) судей к дисциплинарной ответственности и др. Никаких прелиминарных процедур привлечения к административной и уголовной ответственности судей дореволюционное законодательство не знало.

Принятый «в видах правительства» закон 20.05.1885 [18] наделил Министра юстиции правом инициирования дисциплинарного преследования судей и усилил надзор за деятельностью судебных мест со стороны Министерства юстиции и первоприсутствующих судебных мест, чтобы «... быстро и без всяких излишних формальностей...» пресекать «... усматриваемые неправильности...» [19, с. 82]. Известный дореволюционный исследователь Г. А. Джаншиев закон от 20.05.1885 назвал «ударом» «...по одной из коренных основ судебной реформы...» [20, с.126].

Современное понимание несменяемости судей сводится к ограждению судей от привлечения их к административной и уголовной ответственности и ставит в полную зависимость от председателя суда [21, с. 62] и выборных органов судейского сообщества. Роль общего собрания судей формальна. Общее собрание может созываться не реже 1 раза в год для 1) обсуждения вопросов совершенствования организации работы суда; 2) выражения законных интересов судей и 3) выборов делегатов на съезд (конференцию) судей (ст. 12 ФЗ «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации») [22].

4.2. Неудачная регламентация досудебного производства. Дореволюционный законодатель попытался поставить под контроль суда деятельность, связанную с уголовным преследованием. Желание отказаться от полицейского дознания, как формы подготовки материалов к судебному разбирательству, было обусловлено недоверием общества к полиции. Тем не менее, полиции разрешили производить следственные действия и объём этих полномочий постоянно увеличивался, особенно по делам о государственных преступлениях. В конечном итоге, в начале XX в. грань между жандармским дознанием и предварительным следствием по некоторым категориям преступлений практически исчезла [23, с. 26 - 27]. Судебный следователь, будучи членом окружного суда, предполагался основным субъектом расследования. На деле деятельность судебного следователя контролировалась осуществлявшим уголовное преследование прокурором. Чему способствовали недочёты нормативной регламентации и некоторые административные приёмы. Почти сразу (с 1867 г.) по инициативе Министра юстиции (Генерала-прокурора) К. И. Палена стала доминировать практика назначения исполняющих должность (и. д.) судебного следователя, не обладавших судейской несменяемостью и всецело подчинявшихся при проведении предварительного следствия прокурору

(ст. 281, 282, 284, 285 и др. УУС) [24]. Право обжалования «законных требований» прокурора ограничивалось только вопросом заключения под стражу по делам, по которым нег (достаточных подозрений) в совершении лицом преступления, за которое оно может лишиться всех прав состояния или утратить особенные права и преимущества (ст. 285 УУС) [24]. К 1898 г. по данным Б. Л. Бразоля из 1487 судебных следователей только 154 пользовались несменяемостью [23, с.41].

Иными словами, де юре предварительное следствие значилось судебной деятельностью, а де факто судебный следователь организационно и процессуально подчинялся прокурору и различия между дознанием и предварительным следствием фактически отсутствовали. Неслучайно участники совещания председателей и прокуроров судебных палат, состоявшегося 28 и 29 декабря 1894 г., оценили предварительное следствие как «рабскую копию» дознания [23, с. 99].

На рубеже XIX – XX вв. Комиссия Н. В. Муравьевы подготовила предложения по корректировке судостроительного и уголовно-процессуального законодательства, включая досудебное производство, которые оказались не востребованными. Предполагалось дифференцировать досудебное производство, расширить полномочия дознания по производству следственных действий с одновременным закреплением некоторых ограничений: запрет на производство дознанием сложных следственных действий; закрепление перечня дел, по которым обязательно предварительное следствие; производство дознания только специально обученными лицами; введение института следственного судьи для контроля за производством дознания и др. [23, с. 101 - 103].

Очевидно, что означенные выше и некоторые другие идеи отчасти воспроизведены в современном уголовно-процессуальном законе. Не имеет значения воспользовался ли современный законодатель дореволюционными разработками, сам ли сформулировал эти нормы. Важно другое - эти положения не решают проблем современного досудебного производства. Во-первых, не решён основной вопрос о сущности предварительного расследования. Если это осуществление уголовного расследования, то оно не должно превосходить решение суда по уголовному делу. Если это судебная деятельность, то, следовательно, стоит произвести соответствующую реорганизацию, в том числе вводя институт следственных судей. Но, вне зависимости от легальной конкретизации сущностного аспекта досудебного производства, что имеет место и сейчас, на оптимизацию уголовного судопроизводства мы можем рассчитывать только тогда, когда в России появится действительно самостоятельная судебная власть, индикатором которой является действительно независимый судья, разрешающий дело в соответствии с законом без каких-либо экивоков и оглядок на первоприсутствующего, ложно понятый государственный интерес и пр.

Изложенное позволяет сделать вывод о наличии общих и особенных черт в подготовке и содержании судебных реформ 1864 г. и рубежа XX – XXI вв. и необходимости учёта имеющегося опыта.

Список используемой литературы и источников

1. Головкин, Л.В. Судебная реформа 1864 г. и современное развитие отечественного уголовного судопроизводства [Текст] / Л.В.Головкин // Вестник Московского университета. -Серия 11. Право. - 2015. - №1. - С. 27 – 36.
2. Кругликов, А. П. Концепция судебной реформы 1991 года и УПК РФ [Текст] / А.П.Кругликов // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского университета бизнеса - 2011. - №2 (15). - С. 262 – 266.
3. Стойко, Н. Г. Реформа российского уголовного судопроизводства в сравнительно-правовом аспекте [Текст] / Н.Г.Стойко // Законы России: опыт, анализ, практика. - 2009. - № 3. - С. 89 – 95.
4. Верещагина, А. В. Становление и развитие уголовной юстиции России: дореволюционный период [Текст]: монография. – Владивосток, Изд-во ВГУЭС, 2009. – 250 с.

5. Восленский, М. С. Номенклатура: господствующий класс Советского Союза [Текст] / М.С.Восленский. – М.: МП «Октябрь» - Советская Россия, 1991. - 623 с.
6. Михайлова, Д. А., Ксендзов, Ю. Ю. Роль Дмитрия Николаевича Блудова в становлении российского судопроизводства [Текст] / Д.А.Михайлова, Ю.Ю.Ксендзов // Мир политики и социологии. - 2018. - №2. - С. 67 – 70.
7. Щедрина, Ю. В. Вопросы обеспечения независимости судей в проектах Д. Н. Блудова (1857-1861 гг. [Текст] / Ю.В.Щедрина // Известия Юго-Западного университета. Серия: История и право. - 2013. - №4. - С. 14 - 22.
8. Основные положения преобразования судебной части в России // ПСЗ. Собр. 2. – СПб., 1865. - № 38761.
9. «О концепции судебной реформы в РСФСР»: постановление ВС РСФСР от 24.10.1991 №1801-1: [Электронный ресурс] // URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=221794#016477762542230168> (дата обращения: 14.10.2019)
10. Бойков, А. Д. Третья власть в России. Книга вторая. Продолжение реформ. Новый УПК Российской Федерации, его правовая и криминологическая оценка. – М., 2002. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.kalinovskiy-k.narod.ru/b/boikov2/index.htm> (дата обращения: 10.10.2019).
11. Верещагина, А. В. Конструктивные дефекты нормы ч. 3 ст. 7 УПК РФ [Текст] / А.В.Верещагина // Российская юстиция. - 2005. - №9. - С. 22 – 26.
12. Полянский, Н. Н. Уголовный процесс. Уголовный суд, его устройство и деятельность [Текст]: лекции. - М., 1911. – 203 с.
13. Розин, Н. Н. Уголовное судопроизводство [Текст] / Н.Н.Розин. - Изд. Юрид. кн. скл. «Право»: Петроград, 1916. – 603 с.
14. Фойницкий, И. Я. Курс уголовного судопроизводства [Текст] / И.Я.Фойницкий: в 2т. Т. 1. – СПб., 1912. - 566 с.; Т. 2. – Петроград, 1914. – 608 с.
15. Бентам, И. О судостроительстве [Текст] / И.Бентам. - СПб., 1860. - 222 с.
16. Ферри, Э. Уголовная юстиция /перевод под ред. С. В. Познышева. – М.: Изд. В. М. Саблина, 1908. – 625 с.
17. Верещагина, А. В. К вопросу о самостоятельности судебной власти и ее реализации в дореволюционном российском законодательстве [Текст] / А.В. Верещагина // Российская юстиция. - 2006. - № 2. - С. 66- 69.
18. Высочайше утверждённое мнение Государственного Совета от 20.05.1885 «О порядке издания Общего Наказа судебным установлениям и о дисциплинарной ответственности чинов судебного ведомства от 20.05.1885 // ПСЗ. Собр. третья. Т. V. - СПб.: Государственная типография. № 2959.
19. Михайловский, И. В. К вопросу об уголовном судье. По поводу предстоящей реформы [Текст] /И.В.Михайловский. - Нежин, Типо-лит М. В. Глезера, 1899. - 92 с.
20. Джаншиев, Г. А. Основы судебной реформы [Текст]: сб. ст. – М.: Статут; РАП, 2004. - 316 с.
21. Морщакова, Т. Г. Контрреформа: угроза и реальность [Текст] / Т.Г.Морщакова// Сравнительное конституционное обозрение. - 2005. - №3 (52). - С. 61-68.
22. «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации»: федеральный закон РФ от 14.03.2002 № 30-ФЗ (в ред. от 26.07.2019 №197-ФЗ) [Электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_35868/ (дата обращения: 05.10.2019).
23. Верещагина, А. В. Судостроительное и уголовно-процессуальное законодательство России конца XIX - начала XX века: тенденции развития и идеи реформирования [Текст]: монография. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2014. – 250 с.

24. Судебные уставы 20.11.1864 с изложением рассуждений, на коих они основаны, изданные Государственной канцелярией в 5 частях. – СПб.: Типография II Отделения СЕИВ Канцелярии, 1867.

УДК 343

С.В. Власова, канд. юрид. наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса Нижегородской академии МВД России

НЕКОТОРЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ О МЕХАНИЗМЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

В данной статье автором раскрывается понимание дефиниций «механизм правового регулирования» и «применение уголовного закона» с позиции науки теории государства и права, уголовного права и уголовно-процессуального права и высказывается мнение о том, каким должен быть современный механизм правоприменения норм уголовного закона.

Ключевые слова: правоприменение, механизм правового регулирования, уголовно-процессуальный механизм, применение права.

SOME REFLECTIONS ON THE MECHANISM OF LEGAL REGULATION

In this article, the author reveals the understanding of the definitions of "mechanism of legal regulation" and "application of criminal law" from the standpoint of the science of the theory of state and law, criminal law and criminal procedure law and expresses an opinion on what should be the modern mechanism of law enforcement of criminal law.

Keywords: law enforcement, mechanism of legal regulation, criminal procedure mechanism, application of law.

Классики отечественной теории права в рамках традиционной юридической предметности поддерживали идею исключительности и единственности механизма правового регулирования[1, С.5-7, С. 3-11]. С.С.Алексеевым не рассматривалась гипотеза о множественности механизмов правового регулирования[2, С. 154]. Однако, к примеру И.Я. Казаченко разрабатывались диаметрально противоположные позиции С.С. Алексеева и др. положения, как раз связанные полиморфизмом института правового регулирования[3, С. 10-12].

Эту идею в своей работе некоторым образом развил Ю.В. Козубенко[4, С.5], им предложено понятие межотраслевого механизма уголовно-правового регулирования. В принципиальном плане мы поддерживаем попытку Ю.В. Козубенко качественно обновить понятийный аппарат науки уголовного и уголовно-процессуального права, который достался системе российского права еще от советского правоведения. Во многом верен также его исходный тезис о том, что представление уголовно-правового регулирования как процесса или механизма – это, по сути дела, выбор исследовательской модели, тем более что никаких методологических запретов на этот счет не имеется.

О механизме уголовно-правового регулирования он говорит, как о системе взаимосвязанных и взаимозависимых нормативно закрепленных отраслевых юридических конструкциях, которые заложены в процесс привлечения к уголовной ответственности (освобождения от нее) лица, которое совершило деяние, последующем отбывании им назначенного наказания и/или иных мер уголовно-правового характера.

Таким образом, понятие механизма уголовно-правового регулирования охватывает две стороны правового регулирования: уголовно-процессуальное и уголовно-правовое, обеспечивая эффективное воздействие на различные уровни поведения людей и их общностей и демонстрируя неразрывную, межотраслевую связь материального и процессуального регулирования. С каждым уровнем поведения сопряжен соответствующий уровень структуры (системы) права. В этом смысле механизм уголовно-правового

регулирования выступает на межотраслевом уровне структуры права в качестве необходимой связующей конструкции, в которой находит отражение двустороннее взаимодействие материального и процессуального уголовного права.

Приведенное понимание механизма накладывает отпечаток и на ту среду, под влиянием особенностей которой процессуальное и материальное уголовное право воздействует на общественные отношения.

В работе Ю.В. Козубенко межотраслевой механизм уголовно-правового регулирования подвергается исследованию с позиции собственно понятия – определенного перечня средств и способов осуществления эффективного, результативного воздействия на общественные отношения и их участников, а также с позиции модели, которая представляется в виде системы взаимосвязанных элементов, подлежащих организации по правилам применения норм материального и процессуального уголовного права, системы мер государственного принуждения, правозащиты, а также правотворчества[4, С.5].

В процессе анализа структуры предметов регулирования материального и процессуального уголовного права Ю.В. Козубенко был выделен единый для данных предметов регулирования элемент, такой как фактические общественные отношения между лицом, которое совершило преступление и потерпевшим, чьи интересы лоббируются государством, возникающие на фоне совершения преступления – это возникающие в связи с совершением преступления. Сердцевиной предмета регулирования уголовного права выступает материальный аспект вышеобозначенных отношений, в качестве сердцевины предмета регулирования уголовно-процессуального права выступает процессуальный аспект. Ю.В. Козубенко указывает на необходимость трактовки данных аспектов (процессуального и материального) с позиции правоотношений, выступающих средствами правового регулирования реальных общественных отношений, указывает на необходимость их считать отраслевыми юридическими конструкциями[4, С.35].

Он указывает, что существует определенная обобщенная конструкция межотраслевого уровня, которая дает объяснение таким вопросам как «дуализм» системы уголовно-правовых последствий и пр. Несмотря на существование позиции вторичности уголовно-правовых отношений по отношению к уголовно-процессуальным отношениям, Ю.В. Козубенко как и ряд других авторов, указывает на вторичность уголовно-процессуальных отношений, акцентируя внимание на том, что они являются процессуальной моделью осуществляемых уголовно-правовых отношений.

Согласно позиции данного исследователя, межотраслевой механизм уголовно-правового регулирования запускается существующим противоречием интересов основных участников уголовного судопроизводства. Свою точку зрения он объясняет таким образом: преступником в отношении лица (потерпевшего) совершено преступление и, данное лицо обращается в органы уголовного судопроизводства с той целью, чтоб государство и уполномоченные им органы встали на защиту его законных интересов и прав. Потерпевший начинает поступательное движение в данной системе, которая в свою очередь будут являться антисистемой системы преступника. Подтверждением существования межотраслевой юридической конструкции с его слов является догматическое утверждение, заложенное в ст. 1 Уголовного кодекса РФ, согласно которой уголовный закон является законом, который предусматривает уголовную ответственность, а уголовно-процессуальный закон в соответствии со ст. 1 УПК РФ устанавливает порядок уголовного судопроизводства, к чему можно отнести порядок привлечения к уголовной ответственности, освобождения от нее и т.д.. То есть для того, чтобы осуществить возложение на лицо уголовной ответственности за совершенное преступление, надо сначала выполнить процедуру привлечения к уголовной ответственности, осуществляя некую процессуальную деятельность (уголовное преследование).

Преступление порождает возникновение взаимодействующих друг с другом уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений [5, С.114-121, С.439-443]. Им констатируется факт передачи (перехода) юридических конструкций от уголовного права к уголовно-процессуальному праву. Ю.В. Козубенко указывает на существование некоей генетической связи между науками права уголовного цикла, заложенной на уровне юридических конструкций, институтов и т.д. Уголовное, уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное право неразрывно связаны друг с другом, образуя в своей совокупности единый уголовно-правовой комплекс, который теряет свою жизнеспособность при исключении хотя бы одного элемента его составляющих. Уголовно-правовой комплекс действует системно, с помощью особого механизма - механизма действия уголовно-правового комплекса (межотраслевого механизма уголовно-правового регулирования) [6, С.16]. В связи с тем, что совершено деяние, запрещенное уголовным законом, возникают общественные отношения между преступником и потерпевшим (интересы последнего представляются государством в лице правоохранительных органов) и звенья существующей системы поочередно приводятся в действие. Именно такие звенья данной системы как состав преступления, уголовная ответственность, уголовное преследование приводят в действие саму собственно систему – межотраслевой механизм уголовно-правового регулирования. На деятельность по реализации норм материального уголовного права, которые предусматривают уголовную ответственность оказывает определенное воздействие межотраслевой механизм уголовно-правового регулирования.

Ю.В. Козубенко сделал вывод о том, что противоречие интересов основных участников уголовного судопроизводства запускает межотраслевой механизм уголовно-правового регулирования [6, С.16].

Ю.В. Козубенко выделил основные элементы межотраслевого механизма уголовно-правового регулирования, к ним он относит нормы материального и процессуального уголовного права в качестве нормативной основы механизма; деятельность компетентных органов власти по привлечению лиц к уголовной ответственности в качестве процессуальной формы реализации уголовно-правовых норм; наказание и иные меры уголовно-правового характера; уголовное преследование и уголовную ответственность; преступление-юридический факт и преступление-юридическая конструкция в качестве промежуточных, связующих звеньев системы между процессуальными и материальными элементами механизма [6, С.18].

Однако мы придерживаемся нового понимания относительно дефиниции «правовой механизм» [7, С.115-116, С. 68-72, С. 33-39, С. 48-55] и он нам видится как правовая организация деятельности сторон, к числу которой относится деятельность представителя исполнительной (обвинительной) власти, и суда в рамках которой они устанавливают основания и вырабатывают решения о применении нормы уголовного права. Подобного рода понимание-применение правовых предписаний имеет место быть в соотношении с уголовно-процессуальной деятельностью, которая должна быть только судебной ввиду того, что вопросы связанные с правоограничением лица, лишением его прав относятся исключительно к юрисдикции судебной власти.

В итоге, мы можем дать некий образ содержания нового «механизма уголовно-процессуального регулирования», который мы пытаемся создать в рамках своего исследования и элементов, входящих в его состав:

1) данный «организационно-правовой механизм» имеет процессуальную сущность, то есть он процессуальный [8]. Он представляет собой *работающее* уголовно-процессуальное право – текст УПК, законодательства в интерпретации его субъектами правоприменения;

2) для него характерен судебно-исковой способ приведения его в действие: уголовный иск (обвинение), иск о признании права на применение уголовного закона и иные

правопритязания стороны обвинения, связанные с реализацией уголовного преследования;

3) данный механизм осуществляет выработку «фактов» и «решений»: промежуточных и итоговых, которые определяют исход уголовного дела – достижение цели уголовного процесса;

4) механизм уголовно-процессуального регулирования [9, С. 333-339] разрешает основной вопрос уголовного дела – применение уголовного закона к лицу – исключительно судом;

5) «работа» данного механизма представляет собой деятельность по толкованию и применению норм уголовного и уголовно-процессуального права.

Список используемой литературы и источников

1. Алексеев, С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве [Текст] / С.С. Алексеев. - М.: Юридическая литература, 1966. - С.5-7. Он же. Право: время новых подходов // Государство и право. - 1991. - № 2. - С. 3-11.

2. Тарасов, Н.Н. Методологические проблемы юридической науки [Текст] / Н.Н. Тарасов. - Екатеринбург, 2001. - С. 154.

3. Козаченко, И.Я. Механизм уголовно-правового регулирования / Уголовное право. Общая часть / под ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамовой. - М., 1999. - С. 10-12.

4. Козубенко, Ю.В. Уголовно-процессуальные аспекты межотраслевого механизма уголовно-правового регулирования [Текст]: дисс. ...доктора юрид.наук / Ю.В. Козубенко. - Екатеринбург, 2018. - С.5.

5. Власова, С.В. О соотношении уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений // Юрист-Правовед. - 2019. - №2(89) – С.114-121; Она же. Правоприменительные риски, заложенные в смешанную модель уголовного судопроизводства // Юридическая техника. Ежегодник. № 13. «Риски в законотворчестве, правореализации, юридической науке: техника формирования и функционирования системы управления» [Текст] / С.В. Власова. - Нижний Новгород, 2019. - С.439-443.

6. См.: Козубенко Ю.В. Уголовно-процессуальные аспекты межотраслевого механизма уголовно-правового регулирования [Текст]: дисс. ...доктора юрид.наук / Ю.В. Козубенко. - Екатеринбург, 2018. - С.16

7. См.: Власова, С.В. Уголовно-процессуальный механизм применения уголовного закона // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями [Текст]: материалы шестнадцатой международной научно-практической конференции / под ред. Ю.В. Анохина. - Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2018. - Ч. 1. - 314 с. - С.115-116; Она же. К вопросу о понимании уголовно-процессуального механизма применения норм уголовного кодекса [Текст]: В сборнике: Актуальные проблемы права на современном этапе развития российской государственности сборник статей Международной научно-практической конференции. 2017. - С. 68-72; Она же. Уголовно-процессуальный механизм применения норм уголовного кодекса за совершение преступлений в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности // Альманах Нижегородской научной школы процессуалистов: Выпуск 1 «Дискуссионные аспекты развития и применения уголовно-процессуального законодательства» / Под ред. д.ю.н., М.П. Полякова, д.ю.н. В.В. Терехина. - Казань, 2018. - С. 33-39; Она же. К вопросу о понятии уголовно-процессуального механизма применения норм уголовного кодекса за совершение преступлений в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности // Уголовно-правовые аспекты выявления, раскрытия и расследования преступлений [Текст]: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 300-летию российской полиции, 28 апреля 2017 года. - Белгород: Бел ЮИ МВД России имени И.Д. Путилина, 2018. - 170 с. - С. 48-55.

8. Согласно постнеклассике процедурность (процессуальность) является сущностным свойством права, как форма - способом существования права.

9. См.: Власова, С.В. К вопросу о понятии правоприменения в уголовном судопроизводстве // Юридическая наука и практика на рубеже эпох: уроки прошлого, взгляд в будущее (к 135-летию со дня рождения профессора Юрия Петровича Новицкого) [Текст]: сб. тр. XIV Всерос. декабрьских юридических чтений в Костроме. Всероссийская научно-практическая конференция (14–16 декабря 2017 г., г. Кострома) / сост. Д. Н. Лукоянов, А. С. Евстегнеев, И. Н. Мельников, О. В. Плюснина, А. Г. Сироткин, О. А. Тетерина; отв. ред. Г. Г. Бриль, В. В. Груздев. – Электронные текстовые, граф. дан. (3,7 Мб). – Кострома: Изд-во Костром. гос. ун-та, 2018. – С. 333-339.

УДК 343.132

Е.Е. Гладкова, студент юридического факультета ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (г. Курск), gladkovchik27@mail.ru
Научный руководитель: Д.О. Чистилина, старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (г. Курск)

ГАРАНТИИ ПРАВ ЛИЧНОСТИ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

В рамках данной статьи автором предпринята попытка исследования содержания основных гарантий прав личности при производстве следственных действий. Выявлены основные нарушения со стороны должностных лиц при производстве следственных действий, которые ведут к нарушению прав человека.

Ключевые слова: следственные действия, конституционные права и свободы человека и гражданина, гарантии обеспечения прав и свобод, ограничения, нарушения.

GUARANTEES OF PERSONAL RIGHTS WHEN PRODUCING INVESTIGATIVE ACTIONS

In the framework of this article, the author made an attempt to study the content of the basic guarantees of individual rights in the course of investigative actions. The main violations on the part of officials in the course of investigative actions that lead to a violation of human rights have been identified.

Key words: *investigative actions, constitutional rights and freedoms of man and citizen, guarantees of rights and freedoms, restrictions, violations.*

Общий познавательный характер стадии предварительного расследования предполагает необходимость наделения органов дознания и предварительного следствия целым арсеналом процессуальных полномочий, направленных на установление различных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Эти полномочия, в первую очередь, выражены в возможности проведения следственных действий [3, с. 130].

В настоящее время своевременное и качественное производство следственных действий является главным и неоспоримым условием эффективности работы органов предварительного расследования.

Следственные действия обладают познавательным характером, основное их назначение сводится к установлению обстоятельств, имеющих существенное значение для уголовного дела. Проведение следственных действий, порядок изменения, порождаемых ими общественных отношений, ограничены предписаниями УПК РФ. Содержательная сторона, которых ставится в зависимость от полномочий, объема прав, обязанностей и ответственности субъектов, принимающих в них участие, а также целей и задач конкретных видов следственных действий. Следственные действия становятся

фундаментом для уголовно-процессуальной познавательной деятельности и для проведения проверки доказательств. Все это становится гарантией обеспечения и реализации прав участников рассматриваемого судопроизводства в том числе и обвиняемого. Однако материалы исследования и обобщения судебной практики помогают сделать вывод о возможности возникновения ситуаций необоснованного и незаконного ограничения интересов участников процесса, именно в рамках претворения в жизнь следственных действий, несмотря на то, что порядок, условия и поэтапность их реализации обеспечена положениями закона.

Говоря о значимости следственных действий, стоит отметить, что институт следственных действий в России – это, прежде всего, устоявшаяся система правовых предписаний, которая формирует сферу и объект следственного действия, его цель и задачи; основания проведения; круг участников и их правовой статус; механизм реализации ими своих прав и обязанностей; порядок осуществления и правила производства познавательно-удостоверяющего действия; способы и формы их фиксации; гарантии защиты прав и свобод человека, меры и границы принуждения и ответственность, и применяется в случае невыполнения требований закона [6, с. 104].

Каждое следственное действие является не только средством познания, средством собирания, исследования и проверки доказательств, но и выступает как акт правоприменительной деятельности. Поэтому институт следственного действия должен устанавливать определенную систему гарантий и обеспечивать соблюдение конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Однако стоит отметить, что на протяжении длительного промежутка времени в действующем законодательстве остро ощущается отсутствие надлежащей законодательной регламентации следственных действий, неполнота которой дает возможность трактовки отдельных положений закона по усмотрению правоприменителя. Данное обстоятельство является благоприятной почвой для нарушения прав лиц, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства [1, с. 1188].

Наиболее распространенное в российской доктрине определение субъективного права как гарантированной законом меры возможного (дозволенного, допустимого, разрешенного) поведения субъекта несет явный оттенок нормативизма и представляется чрезмерно упрощенным. Оно не упоминает ни об интересе, лежащем в основе права, ни о господстве воли управомоченного субъекта над волей других лиц [5, с. 150].

Права являются неотъемлемой частью уголовного процесса, выступающего формой применения уголовного закона.

Безусловно, принудительный характер в той или иной степени практически всех следственных действий требует исключения расширительного толкования норм, ограничивающих права и законные интересы участников уголовного процесса, сведения к минимуму усмотрения следователя в части обеспечения гарантированных законом прав.

Чтобы исключить возможность несоразмерного ограничения прав и свобод человека и гражданина в конкретной правоприменительной ситуации, норма должна быть формально определенной, точной, четкой и ясной, не допускающей расширительного толкования установленных ограничений и, следовательно, произвольного её применения [2, с. 109].

Выделим наиболее часто встречающиеся нарушения закона при производстве следственных действий, которые существенным образом влияют на степень обеспеченности прав граждан. Например, следственное действие, в производстве которого, согласно закону, обязательно участие понятых, произведено без их участия; показания получены с применением обмана, угроз и иных незаконных мер; доказательство получено в результате следственного действия, участникам которого не были разъяснены их права, обязанности и ответственность. Сюда же относится и производство следственных дей-

ствий по истечении установленного уголовно-процессуальным законом срока предварительного расследования, а также их производство до вынесения постановления о продлении данного срока; фактическое производство другого следственного действия, нежели названо в протоколе (обыска под видом осмотра помещения, личного обыска под видом освидетельствования, следственного эксперимента с оформлением проверкой показаний и др.); привлечение к участию в производстве следственных действий в качестве понятых несовершеннолетних, родственников участников уголовного судопроизводства, сотрудников правоохранительных органов, а также заинтересованных в исходе дела лиц [4, с.215-220].

Подводя итог, следует отметить, что обоснованность принятия решения о производстве какого-либо следственного действия прежде всего является предусмотренной законодателем гарантией от различных нарушений. Данная гарантия сводит к минимуму возможность совершения незаконных действий со стороны должностных лиц, что, безусловно, соответствует принципу законности уголовного судопроизводства

Представляется, что единый подход к пониманию такого понятия, как «основания производства следственных действий», окажет не только положительное воздействие на процесс их производства, но и позволит избежать двойственного толкования и свободной трактовки рассматриваемого нами явления.

Проблемным в настоящее время остается вопрос о «наличии достаточных данных» для производства следственного действия. На наш взгляд, это понятие является своеобразным требованием к должностному лицу, располагающему сведениями, на основании которых делается вывод о целесообразности производства следственного действия. Однако стоит отметить, что данная самостоятельность при принятии решения не является субъективным предположением, а является определенной законом объективной категорией, которая ограничена существующими рамками закона.

Трудно представить достижение гармонии между свободой, активностью процесса познания по уголовному делу и жесткой детализацией в законе всех возможных следственных ситуаций, тогда как дополнения и изменения в УПК РФ, внесенные в последнее время в части регулирования следственных действий, свидетельствуют именно о такой тенденции.

Нормативная модель следственного действия, как и всякая норма права, должна быть формально определенной, точной, четкой и ясной. Полагаем, что разумная стабильность нормы позволила бы в определенной степени не только обеспечить законность правоприменительной практики, но и снискать доверие граждан к действиям органов расследования.

Список используемой литературы и источников

1. Поляков, Н.М. Особенности сущности следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав человека [Текст] /Н.М.Поляков // Синергия Наук. - 2019. -№ 31. - С. 1186-1189.
2. Царенко, Н.В. Обеспечение прав граждан при производстве следственных действий, которые ограничивают конституционные права человека и гражданина // В сборнике: Обеспечение прав и свобод человека в уголовном судопроизводстве: организационные, процессуальные и криминалистические аспекты [Текст]: материалы Крымского студенческого юридического форума. Ответственные редакторы М.А. Михайлов, Т.В. Омельченко. - 2018. - С. 109-110.
3. Черепанова, Л.В. Следственные действия, какими им быть? [Текст] / Л.В.Черепанова // Алтайский юридический вестник. -2019. -№ 1 (25). -С. 128-132.
4. Чистилина, Д. О. К вопросу об участии понятых в ходе следственных действий//Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: достижения и проблемы применения [Текст]: сборник материалов III Международной студенческой научно-

практической конференции. Ответственный редактор Рябина Т. К. - 2016. - С. 215 - 220.

5. Якушева, Т.В., Никулин, Н.В. Следственные действия как конституционная гарантия собирания законных доказательств на предварительном следствии [Текст]/Т.В.Якушева, Н.В.Никулин // Известия Алтайского государственного университета.- 2018.- № 6 (104). -С. 148-151.

6. Янкин, А.Н. Соблюдение прав человека на неприкосновенность частной жизни при производстве следственных действий, разрешения суда на проведение которых не требуются [Текст] /А.Н.Янкин // Вестник Евразийской академии административных наук.- 2018. -№ 3 (44). - С. 103-106.

УДК 343.13

О.В. Гладышева, д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой, Кубанский государственный университет

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ДОСУДЕБНОГО И СУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ: СОВРЕМЕННЫЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ И ПРОБЛЕМЫ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ

В данной статье обосновывается целесообразность изменения вектора реформирования уголовного судопроизводства. Дифференциация досудебного и судебного производства должна основываться на создании и обеспечении разумного баланса между процессуальными средствами защиты публичного и частного интереса. Предложены конкретные пути повышения эффективности существующих форм следственных действий, как основного способа получения доказательств.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, дифференциация, процессуальная форма, досудебное производство, следственные действия, баланс, публичные интересы, частные интересы, технические средства.

DIFFERENTIATION OF PRE-JUDICIAL AND JUDICIAL PROCEEDINGS IN CRIMINAL CASES: MODERN CONCEPT-TUAL APPROACHES AND PROBLEMS OF THEIR IMPLEMENTATION

This article substantiates the feasibility of changing the vector of reforming criminal proceedings. The differentiation of pre-trial and judicial proceedings should be based on the creation and maintenance of a reasonable balance between procedural remedies for protecting public and private interests. Concrete ways of increasing the effectiveness of existing forms of investigative actions as the main way to obtain evidence are proposed.

Key words: criminal proceedings, differentiation, procedural form, pre-trial proceedings, investigative actions, balance sheet, public interests, private interests, technical means.

Многие проблемы современного уголовного судопроизводства проистекают из несистемного усложнения или упрощения его процессуальной формы. При этом практика реализации многих вновь созданных процедур свидетельствует об их редком либо неэффективном применении.

Дифференциация процессуальной формы в уголовном судопроизводстве имеет давнюю историю и сопровождается перманентным вниманием со стороны многих ученых [1] и законодателя. Имеются серьезные научные результаты, позволяющие оценить современное уголовное судопроизводство с точки зрения развитости его форм, процедур [2], отдельных правил [3]. Ученые в основном дают им критические оценки, но сопровождают их конструктивными предложениями по совершенствованию процессуальных форм [4].

Законодатель также не обходит вниманием этот аспект и принимает решительные шаги по совершенствованию порядка как досудебного, так и судебного производства, например за последние несколько лет был введен особый порядок судебного разбирательства, разработана и внедрена форма сокращенного дознания.

О необходимости продолжения реформирования процессуального порядка уголовного судопроизводства писали многие известные ученые [5]. Их позиции относительно направлений совершенствования существенно расходятся. Например, С.А. Шейфер отмечал, что «Сложные проблемы борьбы с преступностью, вызванные ее ростом и консолидацией, породили многочисленные призывы к упрощению уголовного процесса, устранению его излишней формализации, перегруженности процессуальными гарантиями и всего того, что служит помехой раскрытию преступлений, мешает эффективной деятельности органов расследования» [6, с. 5]. Выступая против излишнего упрощения процессуальной формы, С.А. Шейфер обоснованно указывал на такие его последствия, как разрушение основ доказывания, существенные изменения в системе правообеспечения и т.д., их, в основном, негативный характер для всего уголовного судопроизводства.

Изучение результатов современных исследований, а также действий законодателя по изменению уголовно-процессуальных правил, позволило констатировать некоторые, как представляется, интересные с теоретической и практической точек зрения, обстоятельства.

1. Происходящие изменения в уголовно-процессуальном законе имеют разнонаправленный (если использовать критерий сложности процессуальной формы) характер. С одной стороны законодатель стремится к упрощению и примером тому выступает сокращенное дознание, а с другой – создает дополнительные правила, усложняющие процедуру совершения некоторых процессуальных действий. Например, правила избрания мер пресечения в отношении предпринимателей.

2. Внедряемые в уголовное судопроизводство новые формы (отдельных производств или процессуальных действий) не всегда в полном объеме систематизированы и могут в отдельных частях вступать в противоречие с иными правовыми положениями. Например, возможные результаты сокращенного дознания не в полной мере соответствуют требованиям особого порядка судебного разбирательства.

3. Фундаментальными считаем проблемы, которые связаны с противоречиями между отдельными процессуальными формами и принципами уголовного судопроизводства [7].

Отмеченные проблемы, полагаем, порождаются не до конца выверенной позицией законодателя относительно вектора развития уголовного судопроизводства, непоработанностью той части уголовно-правовой политики, которая отвечает за развитие уголовного судопроизводства [8].

Не являясь принципиальным противником упрощения в целом, тем не менее, полагаю, что этот процесс должен иметь несколько иной вектор и развиваться в направлении, отвечающем современным потребностям российского государства, общества и интересам граждан.

Рассматривая вопрос о возможных направлениях развития процессуальной формы досудебного и судебного производства, считаем возможным предложить в качестве исходной точки для дальнейших рассуждений такую задачу как *достижение баланса между публичными и личными интересами* [9]. Иными словами изменить цель, которая в нынешних условиях выглядит либо как достижение оперативности (что обуславливает создание более простых форм), либо как создание дополнительных процессуальных гарантий прав личности (путем которого процессуальная форма приобретает более сложный порядок). Отметим, что и тот и другой путь нередко используются без достаточных к тому объективных оснований, а лишь из соображений, что, например, созда-

ние дополнительных правил, усложняющих процедуру, поможет исправить очередную проблемную ситуацию, обусловленную подчас конъюнктурными соображениями. Как это можно наблюдать, в частности, в отношении производства по преступлениям, совершенными предпринимателями в экономической сфере. Какова процессуальная ценность тех изменений, которые были введены законодателем в части изменения (усложнения) процедуры избрания мер пресечения в отношении предпринимателей? Статистика свидетельствует, что принципиальных изменений в данной части не произошло. Официальные сведения Судебного департамента РФ о рассмотрении судами общей юрисдикции ходатайств о применении заключения под стражу демонстрирует даже небольшой рост положительных судебных решений – с 89,6% в 2017 году до 90,3% в 2018 году [10]. Если же смотреть на цифры в отношении именно предпринимателей и на меры пресечения, избираемые по экономическим преступлениям, то здесь показатели удручают еще больше: в отношении предпринимателей по преступлениям, предусмотренным ст. 159-159.3, 159.5, 159.6 УК РФ, совершенные в связи с предпринимательской деятельностью, в 2017 году заявлялось 60 ходатайств, из них удовлетворено 27 (45%), а в 2018 году заявлено 97 ходатайств, из которых 95 закончились положительным судебным решением (97,9%) [10] (т.е. рост составил более чем в 2 раза!). Возникает закономерный вопрос о целесообразности создания усиленных (читай: усложненных) процессуальных форм, которые не дают сколько-нибудь положительного эффекта в решении основной проблемы, а скорее, выступают социальным раздражителем.

Используя же как цель достижение баланса публичных и частных интересов при совершенствовании уголовного судопроизводства и развитии вариативности досудебного и судебного производства, основываясь на современных потребностях их защиты, полагаем есть возможность создания более эффективных процессуальных форм.

При этом необходимо «отойти» от оценки возможных процессуальных форм как упрощенных или усложненных. Полагаем возможным сконцентрироваться на другом аспекте дифференциации, а именно – эффективности вариативных форм досудебного и судебного производства, их обязательной синхронизации. При этом важно, чтобы результаты досудебного производства обеспечивали достижение цели и решение всех задач производства судебного, а именно – вынесение законного, обоснованного и справедливого приговора.

С этих позиций представим собственное видение возможных, не используемых до настоящего времени ресурсов, способных существенным образом повлиять на эффективность (результативность) уголовного судопроизводства. Не имея возможности рассмотреть все возможные аспекты, отметим лишь сферу досудебного производства, а если еще более конкретно, то совершенствование процессуальной формы следственных действий.

Процедура следственных действий очень медленно воспринимает такой внутренний ресурс, как внедрение технических средств, способных ускорить их производство. Предлагаю исключить правило об обязательности протоколирования (на бумажном носителе) хода и результатов следственных действий. Протокол до настоящего времени признается основным процессуальным способом закрепления следственных действий и источником полученных доказательств. Протокол должен быть выполнен в соответствии со специальными, достаточно многочисленными правилами, несоблюдение которых влечет признание доказательства недопустимым. Однако, развитие научно-технического прогресса позволяет использовать иные, более современные и, главное, удобные, средства фиксации хода и результатов следственных действий, упрощающие работу и снижающие процессуальные затраты при их производстве (включая временные), в частности, это видеозапись. Профессор В.А. Семенов по этому поводу пишет: «Сохранение по действующему уголовно-процессуальному законодательству роли виде- и звукозаписи только как приложения к протоколу следственного действия вступает

во все большее противоречие в современных условиях и значением технических средств в расследовании преступлений» [11, с. 8].

Внедрение в процедуру производства следственных действий видеоконференцсвязи, на чем настаивают ученые [12]. Такое техническое устройство способно существенно ускорить производство следственных действий, повысить доступность уголовного судопроизводства, получить иные полезные результаты. В то же время внедрение этой техники должно предусматривать процессуальные правила использования.

Расширение сферы применения иных процессуальных действий. О соотношении следственных и иных процессуальных действий В.А. Семенов написал следующей: «Следственные действия выгодно отличаются от иных процессуальных действий, предназначенных для собирания доказательств, поскольку в тексте УПК РФ содержится подробная их процессуальная регламентация. Отсутствие законодательной трактовки термина "следственные действия" вызывает необходимость закрепления этого понятия в ст. 5 УПК РФ. К числу иных процессуальных действий, предназначенных для собирания доказательств, относятся истребование, представление, запрос, получение объяснения, поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий, получение заключения налогового органа. Простота конструкции истребования и представления позволяет эффективно применять их в случаях, когда отсутствует необходимость в проведении следственных действий, в применении мер уголовно-процессуального принуждения, несмотря на отсутствие в законе прямых указаний на форму закрепления в материалах проверки сообщения о преступлении либо уголовного дела истребованных или представленных документов и предметов» [13, с. 45].

Подводя итог, сформулируем основные выводы.

1. Дифференциация досудебного и судебного производства должна происходить системно, основываясь на общих, фундаментальных положениях, отвечающих за синхронизацию правил уголовного судопроизводства во всех его стадиях. Упрощение, как усложнение формы не позволяет эффективно справиться с задачей ее модернизации. В связи с этим предлагается смена парадигмы в вопросе совершенствования уголовного судопроизводства – от усложнения/упрощения перейти к обеспечению баланса процессуальных средств защиты публичных и личных интересов, с обязательным учетом современных потребностей и возможностей.

2. Учитывая современный уровень развития технических средств, предлагается без существенной корректировки процессуальной формы досудебного производства повысить уровень эффективности производства следственных действий за счет внедрения и расширения использования технических средств.

Список используемой литературы и источников

1. Пашкевич, П.Ф. Процессуальные формы уголовного судопроизводства нужно дифференцировать [Текст] /П.Ф.Пашкевич // Социалистическая законность. -1974. -№ 9; Строгович, М.С. О единой форме уголовного судопроизводства и пределах ее дифференциации [Текст] /М.С.Строгович// Социалистическая законность. -1974. -№ 8. - С. 65-66; Рахунов, Р.Д. Проблема единства и дифференциации уголовно-процессуальной формы [Текст] /Р.Д.Рахунов// Вопросы борьбы с преступностью. -1978. -Вып. 29; Рустапов, Х.У. Уголовный процесс. Формы [Текст]: учебное пособие для вузов. - М.: Закон и право, ЮНИТИ, 1998. - 304 с.; Трубникова, Т.В. Теоретические основы упрощенных судебных производств [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук /Т.В.Трубникова.- Томск, 1999. -132 с.; Цыганенко, С.С. Общий и дифференцированные порядки уголовного судопроизводства [Текст]: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук /С.С.Цыганенко. - СПб., 2004. - 46 с. и др.

2. Качалова, О.В. Ускоренные производства в уголовном процессе: есть ли пределы дифференциации уголовного судопроизводства? [Текст] /О.В.Качалова // Актуальные

проблемы российского права. - 2016. -№ 1 (62). - С. 141-149.

3. См., например: Дикарев, И.С. Дифференциация уголовно-процессуальной формы и факторы, ее обуславливающие [Текст] /И.С.Дикарев // Российская юстиция. -2013. -№ 12. -С. 18-21.

4. См., например: Кесаева, М.С. Проблемы гармонизации уголовно-процессуальных гарантий прав личности и дифференциации форм досудебного производства по уголовным делам [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид.наук /М.С.Кесаева. - Н. Новгород, 2017. - 28 с.

5. Вольтинский, Р.Ф., Вольтинский, В.В. Новый УПК Украины – ответ на вызовы современной преступности или?.. [Текст] /Р.Ф.Вольтинский, В.В.Вольтинский // Российский следователь. -2013. -№ 5. -С. 39-43.

6. Шейфер, С.А Система следственных действий: каковы пути ее развития? [Текст] /С.А.Шейфер // Законы России: опыт, анализ, практика. - 2015. - № 2. - С. 5-16.

7. О чем пишет, например К.В. Колегай. См.: Производство дознания в сокращенной форме [Текст] /К.В.Колегай// Историческая и социально-образовательная мысль. - 2014. - Вып. № 3. - С. 318-320.

8. См., об этом, например: Зайцев О.А. Актуальные проблемы реализации уголовно-процессуальной политики в Российской Федерации [Текст]: материалы Всерос. науч-практ. конф. с междунар. участием: Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной деятельности и национальной безопасности. - Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2018. - 308 с.

9. Об этом см., например: Костенко Р.В. основания постановления оправдательного приговора в России и в некоторых странах ближнего зарубежья [Текст]: материалы Всерос. науч-практ. симпозиума с междунар. участием: Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной деятельности и национальной безопасности. - Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2019. - 226 с.

10. Отчеты о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 2017 г., 2018 г. // <http://www.cdep.ru/>

11. Семенов, В.А. Видео- и звукозапись в доказательственной деятельности следователя [Текст]: учеб.-практ. пособие. -М.: МЦ при ГУК МВД России, 1997. -76 с.

12. Родивилина, В.А. Некоторые вопросы применения видеоконференцсвязи в досудебном производстве [Текст] / В.А.Родивилина// Вестник Иркутского гос. технического ун-та. -2015. - № 2 (97). -С. 278–280; Семенов, В.А. Применение технологии видеоконференцсвязи в судебном заседании и при производстве следственных действий [Текст] / В.А.Семенов// Библиотека криминалиста. -Научный журнал. - 2016. - № 6. - С. 100-106.

13. Семенов, В.А. О соотношении следственных и иных процессуальных действий, предназначенных для собирания доказательств [Текст] /В.А.Семенов // Законы России: опыт, анализ, практика. -2015. -№ 2. -С. 39-45.

УДК 343.11

*О.С. Головачук, канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного процесса УрГЮУ,
г.Екатеринбург, Россия*

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОИЗВОДСТВА У МИРОВОГО СУДЬИ ПО ДЕЛАМ ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ

В статье дан анализ действующего уголовно-процессуального законодательства, регулирующего производство у мирового судьи по делам частного обвинения; особое внимание уделено проблемам, возникающим на этапе возбуждения дел частного обвинения, связанных с защитой прав потерпевших; приведены положения, направленные на совершенствование исследуемого правового института.

Ключевые слова: мировой судья, частное обвинение, частный обвинитель, потерпевший, обвиняемый.

ACTUAL PROBLEMS DEALING WITH MAGISTRATES COURT PROCESS IN PRIVATE PROSECUTION

The paper studies modern criminal procedure legislation governing magistrates court process in private prosecution; special attention is given to the problem connected with the protection of victims of crime's rights and legal interests; the paper contains proposals to improve legislation.

Keywords: justice of the peace, private prosecution, private prosecutor, victim of crime, accused.

В соответствии с частью 1 статьи 318 УПК РФ дела частного обвинения в отношении конкретного лица возбуждаются путем подачи заявления потерпевшим или его законным представителем мировому судье.

Кроме того, правом на подачу заявления в случае смерти потерпевшего наделяются его близкие родственники (супруг, супруга, родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и родные сестры, дедушка, бабушка, внуки – п. 4 ст. 5 УПК РФ), то есть кто-либо один из них.

При этом закон предъявляет определенные требования к заявлению, которое подается мировому судье. Так, в соответствии с частью 5 статьи 318 УПК РФ оно должно содержать:

1) наименование суда, в который подается (правильнее было бы говорить о мировом судье соответствующего судебного участка, так как действующая судебная система не предусматривает мировых судов, а только мировых судей);

2) описание события преступления, места, времени, а также обстоятельств его совершения;

3) просьбу, адресованную суду, о принятии уголовного дела к производству (в связи с тем, что уголовного дела как такового еще нет, следовало бы говорить – «просьба, адресованная мировому судье, о принятии заявления к производству»). Справедливость данной позиции подтверждается и формулировкой части 7 статьи 318 УПК РФ: «с момента принятия...заявления к своему производству».);

3.1) данные о потерпевшем, а также о документах, удостоверяющих его личность;

4) данные о лице, привлекаемом к уголовной ответственности;

5) список свидетелей, которых необходимо вызвать в суд;

6) подпись лица, его подавшего.

При этом ряд ученых-процессуалистов, в частности, Е.Г. Мартынич, считают, что составить заявление с соблюдением всех перечисленных требований закона сможет далеко не каждый потерпевший, тем более, что при составлении заявления требуется дать

юридическую оценку содеянного лицом, в отношении которого ставится вопрос о возбуждении уголовного дела частного обвинения [1, с. 11-15].

Если же потерпевший не справится с поставленной задачей и его заявление не будет в полной мере отвечать требованиям уголовно-процессуального закона, то мировой судья выносит постановление о возвращении его подавшему лицу. В указанном постановлении он предлагает привести заявление в соответствие с имеющимися требованиями, устанавливая для этого определенный срок. В случае неисполнения указаний мировой судья отказывает в принятии заявления к своему производству, о чем уведомляет лицо, его подавшее.

Таким образом, вполне реально следующая ситуация. В силу юридической неграмотности некоторые потерпевшие не смогут должным образом составить заявление мировому судье (особенно это касается юридической квалификации содеянного), чтобы начать уголовное преследование виновных, и останутся без правовой защиты. В современных экономических условиях далеко не каждый потерпевший в состоянии обратиться за помощью к профессиональному адвокату по вопросу составления заявления, а также устных и письменных консультаций. Мировой судья не может вместо них формулировать обвинение. Это было бы осуществление судом обвинительной деятельности. Органы предварительного расследования также не могут возбудить уголовное дело в рассматриваемой ситуации, так как в силу прямого указания закона дела частного обвинения (за исключением случаев, описанных в части 4 статьи 20 УПК РФ) возбуждаются путем подачи заявления потерпевшим или его законным представителем. Но ведь в соответствии с частью 1 статьи 46 Конституции РФ каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод, в том числе и потерпевшим по делам о преступлениях, преследуемых в порядке частного обвинения. Они не должны быть лишены своего права на привлечение обидчика к уголовной ответственности.

У обозначенной проблемы есть еще один аспект. Даже если потерпевший сможет надлежащим образом оформить заявление и оно будет принято мировым судьей к производству, это еще не означает, что все трудности позади. В соответствии со статьей 43 УПК РФ уголовно-процессуальной функцией частного обвинителя (так именуется потерпевший по рассматриваемой категории дел с момента принятия мировым судьей его заявления к производству) является поддержание обвинения. В рамках осуществления этой функции он должен изобличить обвиняемого в содеянном, собрав необходимый доказательственный материал.

Но, как справедливо отмечают З. З. Талынева и Л. У. Резяпова, частный обвинитель оказывается не в состоянии это сделать в силу объективных (уже упоминавшиеся ранее низкая правовая культура, отсутствие правовых знаний у населения, финансовые трудности) и субъективных причин [2, с.174].

Конечно, мировой судья в соответствии с частью 2 статьи 319 УПК РФ по ходатайству частного обвинителя вправе оказать ему содействие в собирании доказательств, которые не могут быть получены им самостоятельно. Формы, в которых мировой судья может оказывать такое содействие в собирании доказательств, прямо законодательством не установлены. Представляется, что содействие в первую очередь может быть выражено в направлении мировым судьей требований о предоставлении предметов и документов, с помощью которых могут быть установлены сведения, имеющие значение для дела. Но даже для заявления ходатайства в ряде случаев требуются элементарные юридические знания, которых нет у многих частных обвинителей.

Следует согласиться с мнением С. А. Шейфера и Н. Е. Петровой, что возложение на потерпевшего всей полноты обязанностей обвинителя в условиях современной России ведет к серьезному ущемлению его прав, так как ныне он не в состоянии ни интеллектуально, ни морально нести в полном объеме бремя доказывания [3, с. 56].

Каков же выход из сложившейся ситуации?

Некоторые ученые-процессуалисты предлагают предоставлять потерпевшим по делам частного обвинения возможность бесплатно пользоваться юридической помощью. Подобную точку зрения высказывали Н. Шабанов и Н. Петрова. Но при этом они сами отмечали, что «реализация такого предложения требует разрешения сложнейшего вопроса, связанного с финансированием бесплатной юридической помощи» [4, с. 27].

Выход из сложившейся ситуации видится в наделении мирового судьи правом передать заявление потерпевшего от преступления, преследуемого в порядке частного обвинения, для производства дознания, если к нему с соответствующим ходатайством обратится сам потерпевший, который не в состоянии нести бремя доказывания. При этом не следует лишать потерпевшего права на примирение с обвиняемым.

Таким образом, анализ действующего уголовно-процессуального законодательства свидетельствует о том, что нормы, регулирующие производство у мирового судьи по делам частного обвинения, нуждаются в дальнейшем совершенствовании.

Список используемой литературы и источников

1. Мартынич, Е. Г. Производство по уголовным делам частного обвинения: прерогативы и особенности мировой юстиции [Текст] / Е.Г.Мартынич // Российский судья.-2003. -№7.- С. 11-15.

2. Талынева, З. З., Резяпова, Л. У., Совершенствование производства по делам частного обвинения как реальная необходимость [Текст] / З.З.Талынева, Л.У.Резяпова // Пробелы в российском законодательстве.-2013.-№2.-С. 174-177.

3. Шейфер, С. А., Петрова, Н. Н., Проблемы реформирования производства по делам частного обвинения в духе расширения частного начал в уголовном процессе РФ [Текст] / С.А. Шейфер, Н.Н. Петров // Государство и право.-1999.-№6.-С. 56.

4. Шабанов, Н., Петрова, Н., Тернистый путь дел частного обвинения [Текст] / Н.Шабанов, Н.Петрова //Российская юстиция.-1998.-№5.-С. 27.

УДК 343.139

А.Н. Горбенко, магистрант ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (г. Курск)

Научный руководитель: В.В. Струкова, канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (г. Курск)

СУДЕБНОЕ СЛЕДСТВИЕ В РОССИИ И В НЕКОТОРЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

В данной статье рассматриваются общие положения о производстве судебного следствия в России и в некоторых зарубежных странах. Анализируются и рассматриваются поэтапно процесс судебного следствия в существующих нормах законодательства.

Ключевые слова: *нормы, судебное следствие, страны, суд, председательствующий, обвинение, защита, подсудимый, законодательство.*

JUDICIAL INVESTIGATION IN RUSSIA AND IN SOME FOREIGN COUNTRIES

This article discusses the General provisions of the judicial investigation in Russia and in some foreign countries. The process of judicial investigation in the existing norms of the legislation is analyzed and considered step by step.

Key words: *norms, judicial examination, the country, the court, the presiding judge, the prosecution, defense, defendant, law.*

Судебное следствие является центральной частью (элементом) судебного разбирательства, в которой судом с участием сторон устанавливаются фактические обстоя-

тельства дела и исследуются доказательства. Именно процесс судебного следствия создает «фундамент», на котором базируются судебные прения и приговор. Поэтому обоснованность и законность приговора определяется во многом качеством проведения процесса судебного следствия.

Судебное следствие в РФ регулируется нормами главы 37 УПК РФ (ст. ст. 273-291). В начале судебного следствия обвинитель излагает обвинение (заявление) подсудимому, после чего в суде председательствующий производит опрос подсудимого: об отношении к предъявленному обвинению; понятно ли оно ему; о признании или не признании себя виновным. После исследования доказательств, производится допрос: подсудимого; потерпевшего; свидетелей; лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, по уголовному делу в отношении соучастников преступления; эксперта. При необходимости может быть назначена судебная экспертиза, осмотр вещественных доказательств, осмотр местности и помещения, следственный эксперимент, предъявление для опознания, освидетельствование, могут быть оглашены протоколы следственных действий, заключение эксперта и иные документы, также могут быть исследованы и приобщены к материалам уголовного дела представленные документы. После исследования доказательств опрашиваются стороны председательствующим о желании дополнить судебное следствие и после рассмотрения соответствующих ходатайств объявляет оконченным судебное следствие. Далее следуют прения сторон, последнее слово подсудимого и постановление приговора [2].

Следует рассмотреть и изучить судебное следствие в некоторых зарубежных странах.

Говоря о Германии необходимо обозначить, что судебное разбирательство разделяется на две части: на подготовительную и само судебное разбирательство, последняя часть разделяется на: судебное следствие; прения сторон; последнее слово подсудимого и постановление подсудимого (некая привилегия в предоставлении своей версии по деянию, приговора [5]. В начале судебного следствия осуществляется допрос которого ему инкриминируется, до рассмотрения других доказательств по делу). В судебном заседании большие дискреционные полномочия имеет председательствующий, в том числе и в отыскании «истины» по рассматриваемому делу. После того как были судом исследованы доказательства, сторонам предоставляется право сделать замечания, далее производятся допросы других участников процесса (стоит отметить, что сторона обвинения и защиты имеют право производить допрос только вызванных по их ходатайству свидетелей, если свидетель не выполняет свои обязательства, например отказывается дать показания, то судом на данное лицо может быть наложен арест сроком до шести месяцев), и порядок судебного следствия считается окончанным. Данные нормы регулируются УПК ФРГ принятого в 1877г., на который достаточно сильное влияние оказал кодекс Наполеона 1808года. Процессуального характера нормы содержатся также и в Законе о судьях (1961 г.), Законе о судостроительстве (1877 г.) и других нормативных актах Германии [3].

Наполеоновское законодательство оказало также не меньшее влияние и на Уголовно-процессуальный кодекс Франции. Судебное следствие во Франции начинается с проверки явки вызванных лиц и оглашения соответствующего постановления о передаче подсудимого суду, затем излагается предъявленное требование прокурором и гражданским истцом, далее следует допрос подсудимого и свидетелей, исследуются представленные доказательства (также как и в Германии, во Франции председательствующий имеет дискреционные полномочия в области доказательств, то есть он имеет право собирать их по собственной инициативе) и заслушиваются эксперты, после чего судебное следствие считается окончанным, затем суд переходит к заслушиванию прений сторон и выносит приговор. Судебное следствие с участием присяжных мало чем отли-

чается от обычного судебного следствия. Судьи и присяжные представляют собой единую судебную коллегия, и под руководством председательствующего также допрашивают обвиняемого, свидетелей, экспертов, исследуют доказательства, задают вопросы, после чего удаляются на совещание для вынесения приговора [4]. Следует обратить внимание, что во Франции в отличие от России подготовительная часть входит в судебное следствие и не является самостоятельной.

Судебное следствие в англосаксонском процессе начинается с зачитывания судом обвинительного акта (информации) подсудимому и производит опрос о признании или не признании вины. Ответ подсудимого играет ключевую роль для дальнейшего процесса, так как в случае признания подсудимым себя виновным, суд без слушания дела направляется для вынесения приговора. Следует отметить, что в литературе этот вопрос является спорным, так как некоторые теоретики утверждают, что признание вины является особым видом доказательства и таким образом становится элементом формальной системы доказательств, однако на самом деле данное право подсудимого, а именно признание вины не является доказательством, а является средством разрешения и прекращения спора, то есть источником движения дела (актом распоряжения). Если подсудимый не признает вину, даже хотя бы в части предъявленного ему обвинения, то судебное разбирательство производится в общем порядке, при этом подсудимому предоставляется время на подготовку к разбирательству (не менее 2-х дней). В начале судебного следствия выступает обвинитель, подтверждая свое обвинение доказательствами, затем предоставляется слово адвокату, который также подтверждает позицию доказательствами. Судебное следствие оканчивается подведением итогов обвинителя и защитника, затем судья произносит речь об общих принципах оценки представленных доказательств, после которой будет вынесен приговор на основании вердикта присяжных заседателей [6].

Таким образом, изучив и проанализировав судебное следствие в России и в некоторых зарубежных странах можно сделать вывод о том, что в судебном процессе в этой части разбирательства есть как сходства у некоторых стран, так и существенное различие. Так, можно сказать, что судебное следствие в РФ во многом схожа с судебным следствием в ФРГ, но в России более подробно регламентирован и расширен данный процесс. Основным отличием законодательных норм в этой области во Франции от других стран является то, что в судебное следствие входит и подготовительная часть. Что же касается процесса в англосаксонских странах, судебное следствие может окончиться на начальном этапе без проведения слушания дела, в случае признания подсудимым вины, таким образом, имеющийся спор считается разрешенным и суд приступает к вынесению приговора. Но если подсудимый вину не признает, то судебное следствие продолжается и в основном высказывание позиций происходит между обвинителем и защитником с предоставлением доказательств, после чего выносятся приговор. Рассмотрение судебного следствия показало, что у данного процесса есть множество граний и в разных странах порядок производства этой части имеет свои особенности, поэтому изучение в этой области будет оставаться актуальным.

Список используемой литературы и источников

1. Конституция Российской Федерации [Текст]. - М.: Проспект, 2019. - 30с.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Текст]. - М.: Проспект, 2019. - 320 с.
3. Уголовно-процессуальный кодекс ФРГ. (1877 г., в редакции 1987 г., по состоянию на 1998 г.) // URL://<http://okpravo.ru/zarubezhnoe-pravo/ugolovnoe-pravo-zarubezhnyh-stran/> уголовный кодекс/html (дата обращения: 11. 11. 2019).
4. Уголовно-процессуальный кодекс Французской Республики 1958 г. [Текст]. (с изменениями, вступившими 31 декабря 2006 г.)// URL://<http://okpravo.ru/zarubezhnoe-pravo/ugolovnoe-pravo-zarubezhnyh-stran/> уголовный кодекс/html (дата обращения: 11. 11. 2019).

[pravo/ugolovnoe-pravo-zarubezhnyh-stran/](http://okpravo.ru/zarubezhnoe-pravo/ugolovnoe-pravo-zarubezhnyh-stran/) уголовный кодекс/html (дата обращения: 11. 11. 2019).

5. Головненков, П., Спица, Н. Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германия: Научно-практический комментарий и перевод текста закона [Текст]/П.Головненков, Н. Спица. - М.: МГЮА, 2012. - 453 с.

6. Лубенский, А.И., Николайчик, В.М. Уголовный процесс США [Текст]/А.И.Лубенский, В.М.Николайчик. - М.: Наука, 1981. - 224 с.

УДК 343.140.02

А.В. Гриненко, д-р юрид. наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Московского государственного института международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Юго-Западного государственного университета, avgrinenko2@mail.ru

О НЕДОПУСТИМОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ДОКАЗЫВАНИИ ДОБРОВОЛЬНЫХ ДЕКЛАРАЦИЙ И ПРОИЗВОДНЫХ ОТ НИХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Статья посвящена исследованию проблемных вопросов, возникающих в производстве по уголовным делам в связи с принятием закона о предоставлении добровольных деклараций. Обоснован вывод о недопустимости сведений, содержащихся в таких декларациях, независимо от того, на какой стадии процесса они появились и в какую процессуальную форму облечены.

Ключевые слова: уголовное дело, доказательство, добровольная декларация, предварительное расследование, судебное разбирательство.

ABOUT THE INADMISSIBILITY OF THE USE OF VOLUNTARY DECLARATIONS AND DERIVED EVIDENCES IN CRIMINAL PROCEDURE

The article is devoted to the issue of problematic issues arising in criminal proceedings in connection with the adoption of the law on the provision of voluntary declarations. The conclusion that the information contained in such a declaration is inadmissible, regardless of at what stage of the process they appeared and in what procedural form, is justified.

Keywords: criminal case, evidence, voluntary declaration, preliminary investigation, trial.

В соответствии со ст. 1 Федерального закона от 8 июня 2015 г. № 140-ФЗ «О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Федеральный закон) [1] целью данного акта должно было стать создание правового механизма добровольного декларирования активов и счетов (вкладов) в банках, находящихся не только в Российской Федерации, но и за рубежом. Из этого правового положения вытекает, что никаких других целей, в том числе связанных с осуществлением уголовного преследования, данный акт не содержит.

В частях 2-6 ст. 4 Федерального закона содержится ряд правил, которые призваны ограждать лицо, которое подало добровольную декларацию, от осуществления в отношении него уголовного преследования с использованием сведений, содержащихся в декларации.

Анализ содержания вышеуказанных норм позволяет сделать вывод о том, что они носят универсальный характер.

Так, в ч. 3 ст. 4 Федерального закона указано, что сам факт предоставления добровольной декларации, документов и сведений, а также содержащиеся в ней сведения не могут быть использованы в качестве основания для возбуждения уголовного дела.

В части 4 ст. 4 Федерального закона установлено правило, согласно которому факт предоставления декларации и документов и (или) сведений, а также содержащиеся в ней сведения не могут быть использованы в качестве доказательств в рамках уголовного дела. Это касается случаев, когда уголовное дело было возбуждено по другому основанию, независимо от того, каким образом это по времени соотносится с датой подачи добровольной декларации.

В ч. 5 ст. 4 Федерального закона установлено исключительное право декларанта представлять копии декларации и документов, а также прилагаемых к декларации иных сведений для их приобщения к уголовному делу в качестве доказательств. С одной стороны, это обеспечивает право лица на защиту в случае, когда в отношении него осуществляется уголовное преследование по любому преступлению, с другой стороны, тем самым подчеркивается, что единственным способом, которым соответствующие документы и сведения могут попадать в уголовное дело, является добровольная и инициативная передача их декларантом.

В соответствии с ч. 6 ст. 4 Федерального закона сведения, которые содержатся в декларации и иных прилагаемых документах, признаются налоговой тайной, причем другие органы, кроме налоговых, доступа к таким документам не имеют. Такие сведения и документы могут быть истребованы только по запросу самого декларанта. Никаких исключений для органов и должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование или оперативно-розыскную деятельность, Федеральный закон не делает. Соответственно и суды не вправе принимать решения, направленные на получение данной информации.

Вместе с тем на практике встречаются случаи, когда добровольная декларация в нарушение вышеуказанных положений закона изымается путем следственных действий (выемка, осмотр документов), затем по содержанию данных документов назначается исследование специалиста, получается заключение специалиста, производится допрос специалиста и т.п. На ходатайства стороны защиты о признании таких сведений и их носителей недопустимыми доказательствами сторона обвинения и суд высказывают не соответствующие закону доводы, что они используют не саму добровольную декларацию, а иные процессуальные документы, в частности протоколы следственных действий.

Однако в этом случае, как отмечено в ч. 4 ст. 5 Федерального закона, запрет использования распространяется не только на добровольную декларацию как документ, но и на содержащиеся в ней сведения. Это делает юридически ничтожными протоколы любых следственных действий, а также результаты оперативно-розыскных мероприятий, которые содержат сведения, полученные из добровольной декларации.

В этой связи надлежит признавать недопустимыми доказательствами не только саму добровольную декларацию, прилагаемые к ней документы и иные сведения, но и любые производные доказательства, первоначальным источником которых является данная декларация и сведения, вне зависимости от того, какой по степени очередности такая производность выступает.

В соответствии с п. 6 ч. 3 ст. 56 УПК РФ сотрудник налогового органа не может быть допрошен в качестве свидетеля по обстоятельствам, которые стали известны из добровольной декларации и иных связанных с ней сведений. Дополним, что данное правило является первичным, поэтому сотрудник налогового органа не может их предоставлять органам предварительного расследования и суду не только в качестве свидетеля, но и посредством иных следственных действий, например, будучи допрошенным специалистом, участвуя в осмотрах документов, в ходе выемки, обыска и т.п.

Что касается вопроса о соотношении данного Федерального закона и УПК РФ по юридической силе, то согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ, изложенной в Постановлении от 29 июня 2004 г. № 13-П [2], приоритет УПК РФ перед другими федеральными законами не является безусловным: он может быть ограничен в том числе правилом о том, что в случае коллизии между различными законами равной юридической силы приоритетными признаются последующий закон и закон, который специально предназначен для регулирования соответствующих отношений. О безусловном приоритете норм уголовно-процессуального законодательства не может идти речь и в случаях, когда в иных (помимо УПК РФ, закрепляющего общие правила уголовного судопроизводства) законодательных актах устанавливаются дополнительные гарантии прав и законных интересов лиц, обусловленные в том числе их особым правовым статусом. К таким лицам, несомненно, относится и лицо, подавшее декларацию в рамках добровольного декларирования.

В связи с вышеизложенным полагаем, что Верховный Суд РФ должен дать разъяснение следующего содержания: *«В случаях, когда добровольная декларация, сведения, содержащиеся в декларации и документах и (или) сведениях, прилагаемых к декларации, были изъяты в ходе уголовного судопроизводства или оперативно-розыскной деятельности, они, а также любые другие процессуальные документы, иные документы и сведения, полученные на их основе, а также производные доказательства должны признаваться недопустимыми доказательствами, которые не могут быть положены в основу обвинительного приговора суда»¹.*

В настоящее время группой депутатов Государственной Думы разработан законопроект о внесении изменений в УПК РФ, которым будет предусмотрено признание недопустимыми доказательств, представляющих собой факт обращения факт обращений подозреваемого, обвиняемого с добровольной декларацией, а также содержащиеся в ней сведения.

Наряду с несомненно позитивной составляющей, законопроект имеет и некоторые недостатки. Во-первых, нужно указать, что такие сведения являются недопустимыми доказательствами, если они поступили от лица, имеющего любой процессуальный статус (например, свидетеля), а не только от подозреваемого или обвиняемого. Во-вторых, из числа доказательств целесообразно исключить и любые другие сведения, которые являются производными от факта поступления декларации и от ее содержания. В-третьих, в ст. 24 УПК РФ необходимо установить новое основание для отказа в возбуждении уголовного дела и прекращения ранее возбужденного уголовного дела, состоящее в том, что поступила добровольная декларация. И, наконец, в-четвертых, в ст. 254 Кодекса целесообразно указать, что уголовное дело подлежит прекращению, если такое основание будет обнаружено непосредственно в суде.

Также является дискуссионным вопрос относительно того, распространяются ли гарантии, установленные ч. 2-6 ст. 4 Федерального закона, на подозреваемых (обвиняемых) только в совершении преступлений, перечисленных в подп. 1 ч. 1 данной статьи (ст. 193, ч. 1 и 2 ст. 194, ст. 198, 199, 199¹, 199² УК РФ), или они могут быть распространены ещё и на подозреваемых (обвиняемых) в совершении других преступлений в сфере экономики?

Пункт 1 ч. 1 ст. 4 Федерального закона устанавливает, что декларант и лицо, информация о котором содержится в декларации, освобождаются от уголовной ответственности за совершение ряда преступлений в сфере налогообложения при наличии оснований, предусмотренных частью 3 ст. 76¹ УК РФ.

¹ Данное предложение было направлено автором в Верховный Суд Российской Федерации 29 октября 2019 г.

Сравнение указанного правоположения с гарантиями, установленными в частях 2-6 ст. 4 Федерального закона, позволяет сделать вывод, что в указанных частях содержится общая, универсальная гарантия против уголовного преследования декларанта по любым преступлениям, обвинение по которым могло бы возникнуть в случае использования добровольной декларации и содержащихся в ней сведений (прежде всего по преступлениям в сфере экономики).

Что же касается самого правила, закрепленного в пункте 1 ч. 1 ст. 4 Федерального закона, то оно касается лишь случаев, когда уголовные дела о налоговых преступлениях были возбуждены ранее, до подачи лицом добровольной декларации, и указывает на то, что в этом случае применяется льготный режим невозмещения ущерба, который содержится в ч. 3 ст. 76¹ УК РФ (кстати, введенной этим же Федеральным законом).

По иным, ранее не известным фактам налоговых преступлений, а также иных преступлений в сфере экономики новые уголовные дела возбуждению (в связи с полученной добровольной декларацией и сведений из нее) не подлежат, а по ранее возбужденным с использованием других поводов и оснований уголовным делам добровольная декларация и содержащиеся в ней сведения стороной обвинения в качестве доказательств использоваться не должны.

Список используемой литературы и источников

1. Сборник законодательства РФ. -2015. -№ 24. -Ст. 3367.
2. «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» [Текст]: постановление Конституционного Суда РФ от 29 июня 2004 г. № 13- П // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.11.2019).

УДК 343.195

А.В. Гришин, канд. юрид. наук, доцент, начальник кафедры уголовного процесса Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова
В.Р. Волкова, курсант 301 учебной группы ФПС Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова

ИСТОРИЧЕСКИЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СТАНОВЛЕНИЯ ИНСТИТУТА СУДА ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ В РОССИИ

В данной статье рассказывается о зарождении и становлении института присяжных заседателей в России, его компетенции и правовой регламентации.

Ключевые слова: суд присяжных заседателей; правовой институт; законодательство; компетенция; преступления.

HISTORICAL AND LEGAL ASPECTS OF THE FORMATION OF THE INSTITUTE OF COURT OF JUDGMENT IN THE RUSSIAN FEDERATION

This article describes the birth and formation of the jury institution in Russia, its competence and legal regulation.

Keywords: jury court, legal institute, legislation, competence, crimes.

В настоящее время одной из самых спорных форм судопроизводства является суд присяжных заседателей. Чтобы разобраться с неоднозначностью данного института, необходимо проследить его историю.

В Англии институт присяжных заседателей зародился еще в XII веке.

В России же о нем впервые заговорили только после судебной реформы 1864 года. 20 ноября ст. ст. (соответственно по новому стилю – это 3 декабря – день Юриста) 1864 года наряду с другими Судебными Уставами был принят Устав уголовного судопроиз-

водства [8]. На подлинном Уставе собственной его императорского величества рукой написано: «Быть по сему». Структура УУС была следующей. Имелись общие положения (ст. 1-32). В частности, в статье первой говорилось, что «...никто не может подлежать судебному преследованию за преступление или проступок, не будучи привлечен к ответственности в порядке, определенном правилами сего Устава» [7, с.34].

По данной реформе, судебная система состояла из двух ветвей - мировых и общих судов [1]. Последние подразделялись на окружные суды и судебные палаты. Именно в окружных судах по делам о тяжких преступлениях и были задействованы присяжные заседатели. Они составляли народную коллегию (в состав коллегии их входило 12 человек), а члены окружного суда - коронную. К присяжным заседателям предъявлялись в то время жесткие требования. Во-первых, ими могли быть только русские подданные. Во-вторых, только мужчины от 25 до 70 лет. В-третьих, существовал ценз оседлости, который должен был составлять не менее 2 лет. В-четвертых, довольно высок был их имущественный ценз. Он предполагал не менее 100 десятин во владении или же другого недвижимого имущества стоимостью от 500 до 2000 рублей, а также наличие жалования или дохода в размере от 200 до 500 рублей в год. В редких случаях присяжными могли стать сельские старосты или волостные старшины. В списки кандидатов не могли попасть священнослужители, лица, занимающие судебные посты, прокуроры, нотариусы, военнослужащие, полицейские, таможенники, учителя и некоторые представители других профессий. Также ни при каких условиях не могли стать присяжными заседателями нищие, инвалиды (слепые и глухие) и лица, находившиеся под судом и следствием.

Стоит отметить, что в то время присяжные назначались, а не избирались. Для этого были учреждены в уездах специальные комиссии, возглавляемые представителями дворянства. Именно они формировали списки кандидатов на эту должность. Затем эти списки передавались в окружные суды, где непосредственно составлялись окончательные списки, причем списки могли быть составлены как на одно конкретное заседание, так и на целый календарный год.

Законодательство о суде присяжных заседателей довольно часто подвергалось изменениям.

Так только за 11 лет (в период с 1878 по 1889 гг.) были утверждены более 10 законов, преобразовавших законодательство о суде присяжных. Можно сказать, что де-факто был создан новый суд присяжных, коренным образом отличающийся от образца 1864 года.

В течение следующих 25 лет (1890-1914 гг.) было принято всего 3 нормативных акта, регулирующих деятельность присяжных заседателей:

1) в Законе от 3 июня 1894 года судам были разъяснены их права, обязанности и ответственность, а также была упрощена процедура принятия присяги присяжными заседателями;

2) с принятием закона 2 марта 1910 года присяжные смогли более объективно подходить к вопросу о виновности или невиновности подсудимого, так как они им теперь предоставлялась информация, какое наказание или другие правовые последствия он понесет;

3) Закон «О назначении присяжным заседателям от казны суточных и путевых денег» от 26 ноября 1913 года. По данному закону любой присяжный, при условии, что он проживает на другой территории, нежели, где случается дело, мог предъявить требования по оплате проезда, а также на суточные.

В 1917 году при Временном правительстве (в соответствии с Постановлением от 30 марта 1917 года) компетенция всех судов, упраздненных Временным правительством (Верховного уголовного суда, судебных палат и других), была передана судам присяжных заседателей. Именно этот период принято считать «рассветом» суда присяж-

ных, так как в это время за все существования данного правового института его компетенция была наиболее широкой.

После Октябрьской революции в соответствии с Декретом №1 «О суде» данный правовой институт был упразднен [2]. Формально он действовал еще около года, но в начале 1918 год деятельность присяжных заседателей была окончательно прекращена.

В СССР вопрос о восстановлении института суда присяжных заседателей начал обсуждаться только с конца 1980-х гг. В этот период было издано несколько нормативно-правовых актов, направленных на возрождения суда присяжных. Среди них:

1) Постановление «Об основных направлениях внутренней и внешней политики СССР» от 9 июня 1989 года;

2) «Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о судостроительстве» от 13 ноября 1989 года. По данному нормативному акту предусматривалось рассмотрение уголовных дел с участием присяжных заседателей, если в качестве наказания предусматривалось лишение свободы на срок свыше 10 лет либо смертная казнь [3];

3) Закон СССР от 10 апреля 1990 года №1423-1 «О внесении изменений в Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о судостроительстве»;

4) УПК и Конституция РСФСР;

5) УПК и Конституция РФ.

Основным правовым актом, регламентирующим деятельность суда присяжных заседателей в современной России, является Федеральный закон от 20.08.2004 г. № 113-ФЗ «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» [4]. Данный закон определяет процедуру рассмотрения дел с участием присяжных заседателей, устанавливает требования, предъявляемые к ним, разъясняет их права и обязанности. Существенным изменениям институт присяжных заседателей подвергся с 2016 года. Поводом форсированного изменения законодательства о присяжных заседателях послужило ежегодное Послание Президента РФ Федеральному собранию 2015 года, в котором Президент предложил концепцию реформирования института присяжных заседателей. Значительная часть озвученных в послании изменений были учтены и реализованы в Федеральном законе от 23.06.2016 г № 190 – ФЗ.

Вместе с тем, обновленному законодательству о присяжных заседателях все же не удалось решить многих проблем, присущих данному институту.

Если обобщить сложившуюся практику деятельности судов присяжных, кардинально не изменились нормы закона, которые позволяют противникам данного института наиболее высказывать достаточно весомые аргументы «против» подобной формы осуществления правосудия в современной России. Прежде всего, присяжные заседатели, как правило, не профессионалы, они по определению не всегда должны обладать юридическими познаниями в той мере, которая является достаточной, чтобы правильно квалифицировать действия подсудимого и ответить на поставленные перед ними вопросы о (ст. 339 УПК РФ). Присяжные заседатели зачастую по причине сложности самого уголовного дела просто не в состоянии разобраться во всех проблемных вопросах юриспруденции, особенно по такому уголовному делу, которое представляет наибольшую сложность как в квалификации, так и в процессе доказывания.

Косвенным подтверждением позиции необходимости профессионализма у присяжного заседателя является позиция современного законодателя, лишившего права суд присяжных заседателей рассматривать дела о терроризме [10, с.60]. Вместе с тем позиция отдельных правоведов англо-саксонской правовой системы сводится к тому, чтобы сместить акценты с рассмотрения судами присяжных наиболее сложных уголовных дел, требующих высокой квалификации и опыта судей на дела небольшой и средней тяжести, по которым при желании обвиняемого мог бы быть назначен суд с участием присяжных заседателей. Такая позиция представляется более взвешенной и оправданной.

Следующей причиной возможной «предвзятости» отдельных присяжных заседателей может служить то обстоятельство, что на их личность Федеральный закон от 20.08.2004 № 113-ФЗ налагает ряд запретов и ограничений и предъявляет требования к персоне присяжного заседателя [9, с.47].

Анализ существующих положений, практики их реализации позволяет сделать вывод, что государство не может в полной мере организовать и обеспечить защиту присяжных от неправомерного воздействия на них, что потенциально отрицательно может сказаться на исходе дела. В практике достаточно редко фиксируются случаи незаконного воздействия на присяжных заседателей. Очевиден необоснованный минимализм законодателя при разработке механизма контроля за такими случаями и действительности тех мер, которые уже существуют. И это при том, что иногда суду присяжных противостоят преступные сообщества, обладающие немалыми ресурсами, а по закону достаточно подкупить или запугать шестерых присяжных, чтобы получить желаемый результат [9, с.48].

Таким образом, мы убедились, что более чем за полтора века действия в нашей стране института присяжных заседателей, он неоднократно подвергался существенным переработкам. Изменялась компетенция суда, количество присяжных заседателей, подвергались пересмотру нормативно-правовые акты, регулирующие данный правовой институт. В настоящий момент, суд присяжных заседателей представляет собой довольно спорный институт. Одни придерживаются мнения, что это наивысшая форма демократии в рамках судопроизводства, другие, что это предоставление возможности опасным преступникам избежать наказания. Именно поэтому на современном этапе уделяется большое внимание данному институту, его правовой регламентации.

Поэтому, следует констатировать, что институту присяжных заседателей в РФ как до, так и после его реформирования, остаются присущи не только положительные стороны, но и ряд отрицательных черт о которых говорилось выше. Полагаем, что изменения уголовно-процессуального законодательства, реализованные в Федеральном законе от 23.06.2016 г № 190 – ФЗ всё же не в достаточной степени приблизили рассматриваемый институт к международным стандартам и устранению существующих проблем и противоречий. Ввиду вышеизложенного считаем, что отечественному законодателю необходимо еще раз на концептуальной основе вернуться к реформированию данного института, учитывая опыт современных экономически развитых европейских стран, традиционно относящихся к континентальной системе права, где данный институт за продолжительный период отсутствия его в нашем государстве прошёл путь не только становления, но и модернизации.

Список используемой литературы и источников

1. Конституция Российской Федерации [Текст]: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ): [Электронный ресурс] // <http://www.consultant.ru>

2. «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» [Текст]: федеральный закон от 20.08.2004 г. № 113-ФЗ: [Электронный ресурс] // <http://www.consultant.ru>

3. «Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о судостроительстве» [Текст]: приняты ВС СССР 13.11.1989 г.: [Электронный ресурс] // <http://www.consultant.ru>

4. «Об основных направлениях внутренней и внешней политики СССР» [Текст]: постановление СНД СССР от 09.06.1989: [Электронный ресурс] // <http://www.consultant.ru>

5. Филиппов, Р.В. Формирование суда присяжных в ходе реформы 1864г.: предпосылки, история, итоги: [Электронный ресурс] // URL:<https://elibrary.ru/item.asp?id=9939265>

6. Чебулаева, А.О. История становления и развития суда присяжных в России. [Электронный ресурс] // URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19541111>

7. Гришин, А. В. Устав уголовного судопроизводства 1864 года и его влияние на развитие современного отечественного уголовного процесса [Текст] / А.В.Гришин // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. -2015. -№ 2 (63).- С. 34.

8. Судебные Уставы 20 ноября 1864 года с изложением рассуждений, на коих они основаны [Текст] / В 5 выпусках. - СПб.: Изд. Гос. канцелярии, 1866.

9. Гришин, А. В. Некоторые проблемы осуществления правосудия в уголовном судопроизводстве судом с участием присяжных заседателей [Текст] / А.В.Гришин // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. -2014. -№ 2 (59). -С. 47-50.

10. Ведерникова, О.Н. Отказ от традиционных принципов уголовного судопроизводства как форма реагирования на угрозу терроризма// Реагирование на преступность: концепции, закон, практика [Текст]: Сб. науч. тр. - М., 2002.- С. 60 - 63.

УДК 343.14

Е.А. Грохотова, старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (г. Курск)

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ И ДОКАЗЫВАНИЕ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В данной статье автор рассматривает актуальный вопрос доказывания по уголовным делам, расследование и производство, по которым осуществляется в дифференцированной уголовно-процессуальной форме.

Ключевые слова: дифференциация, уголовно-процессуальная форма, доказывание по уголовным делам.

DIFFERENTIATION AND PROOF IN CRIMINAL PROCEEDINGS

In this article, the author considers the current issue of evidence in criminal cases, investigation and proceedings, which are carried out in a differentiated form of criminal procedure.

Key words: differentiation, criminal procedure form, proof in criminal cases.

Развитие преступности приводит к невозможности реализации норм уголовно-процессуального закона в строго установленных рамках. В силу этого возникает необходимость изменять порядок производства по уголовному делу, т.е. изменять или дифференцировать его уголовно-процессуальную форму. Дифференциация может проявляться как в судебном порядке, так и досудебном в упрощенных формах (производство у мирового судьи, производство дознания в сокращенной форме) или усложнение процесса (производство по уголовным делам с участием присяжных, производство расследования следственной группой или группой дознавателей).

Особенности в производстве по уголовному делу обуславливают необходимость применения дополнительных гарантий для надлежащей реализации прав участников уголовного процесса. В связи с этим важно определить требуется ли применять дифференцированную форму, если для нее основания.

Как правило, основанием для применения дифференцированной уголовно-процессуальной формы выступает степень общественной опасности преступления, исходя из которой вытекают особенности в расследовании и дальнейшем рассмотрении уголовного дела.

Из всей специфики дифференцированной процессуальной формы особое значение в аспекте назначения уголовного судопроизводства приобретает доказывание по уголов-

ным делам. Современные дифференцированные формы судопроизводства не всегда в полном объеме позволяют реализовать свои права как потерпевшим, так и государству.

При доказывании по уголовным делам, проводимых в сокращенной уголовно-процессуальной форме отсутствует полноценное исследование предмета доказывания, поскольку исключается какой-то его элемент. В силу этого возникают следующие проблемы.

Так отмечается, что институты сокращенного дознания и особого порядка судебного разбирательства по трем категориям дел — при сокращенном дознании, при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве и при согласии с предъявленным обвинением — не обеспечивают в должной мере ни прав и законных интересов обвиняемых и потерпевших, ни интересов общества и государства [4, 145].

Ограничение возможности по исследованию доказательств вины сотрудничающего лица, в рамках норм, предусмотренных главой 40.1 УПК РФ сохраняет риск судебной ошибки по делу не только для лица, заключившего досудебное соглашение, но и его участников [1, 169].

Сокращение перечня исследуемых вопросов сказывается не только на стандартах доказывания, но и провоцирует профессиональную деформацию профессиональных участников уголовного судопроизводства, вызванную снижением качества их работы [3, 148].

Исходя из этого, упрощение уголовно-процессуальной формы может вызвать ряд недостатков в надлежащей реализации прав участников процесса. С другой стороны, при применении усложненной уголовно-процессуальной формы также возникает необходимость дополнительно гарантировать обеспечение прав участников уголовного процесса.

Так, Чистилина Д.О. подчеркивает, что в суде с участием присяжных заседателей имеется ряд особенностей, касающихся исследования доказательств, обусловленных тем, что присяжные заседатели исследуют лишь фактическую сторону дела. Поэтому многие обстоятельства, которые могли бы повлиять выносимое ими решение (вердикт), они не исследуют [6, 226].

Любая уголовно-процессуальная форма основывается на принципах уголовного процесса и не должна им противоречить, что гарантирует исполнение назначения уголовного процесса и достижение истины в расследовании и рассмотрении уголовного дела по существу. Соблюдение прав участников является приоритетным направлением в применении положений как единой, так и дифференцированной форм уголовного процесса.

Уголовно-процессуальная форма содержит гарантии реализации прав и свобод участников процесса, обеспечивает осуществление демократических принципов, создает условия, способствующие всестороннему и объективному рассмотрению и разрешению уголовного дела. Особо отмечается, что несоблюдение требований уголовно-процессуальной формы является основанием для признания того или иного уголовно-процессуального решения незаконным и последующей его отмены [2, 132].

Соблюдению требований особой уголовно-процессуальной формы способствует не только реализация прав участников уголовного процесса, но и правильная квалификация деяния, а также оценка доказательств должностными лицами (следователем, судом, прокурором).

Справедливо замечено, что в уголовно-процессуальной науке давно признано, что важнейшим элементом процесса доказывания, который пронизывает весь путь достижения истины по уголовному делу, выступает оценка доказательств. Из нормы закона следует, что внутреннее убеждение лиц, которые производят оценку доказательств, не образуется случайно, неоправданно, оно должно быть основано на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств [5, 151].

Оценка представленных в уголовном деле доказательств должна осуществляться исходя из особенностей уголовно-процессуальной формы. К примеру, если преступление было совершено несовершеннолетним, в круг оцениваемых доказательств необходимо включать обстоятельства, повлиявшие на его совершение (среда, в которой несовершеннолетний общается; лица, оказывающие на него влияние).

Важно понимать, что применение дифференцированной уголовно-процессуальной формы не влечет использование иного закона. В основе лежит единая форма, правоприменитель лишь обращается к особенностям отдельных процедур, которые предусматриваются также в уголовно-процессуальном законе для особых видов производств. Для правильной реализации положений об измененной уголовно-процессуальной формы требуется дальнейшее совершенствование норм о дополнительных гарантиях прав участников уголовного процесса с дифференцированной уголовно-процессуальной формой.

Список используемой литературы и источников

1. Багаутдинов, К.Ф. Особенности доказывания по уголовным делам, по которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве [Текст] / К.Ф. Багаутдинов // Судебная власть и уголовный процесс. - 2018. - № 2. - С. 167-170.

2. Гимазетдинов, Д.Р. Понятие, социальная ценность и значение уголовно-процессуальной формы [Текст] / Д.Р. Гимазетдинов // Вестник Удмуртского университета. - 2013. - Вып. 1. - С. 131-133.

3. Калугин, А.Г. Доказывание при осуществлении производства по уголовному делу в сокращенных формах: оптимизация или упрощение? [Текст] / А.Г. Калугин // Актуальные проблемы российского права. - 2015. - № 12. - С. 147-154.

4. Качалова, О.В. Ускоренные производства в уголовном процессе: есть ли предел дифференциации уголовного судопроизводства? [Текст] / О.В. Качалова // Актуальные проблемы российского права. - 2016. - № 1. - С. 141-149.

5. Ряполова, Я. П., Снегирева, Д. Е. Совесть как нравственный критерий деятельности по оценке доказательств в уголовном процессе [Текст] / Я.П. Ряполова // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. - 2018. - Т. 8. - №4(29). - С. 151-161.

6. Чистилина, Д.О. Пределы допустимости исследования присяжными заседателями обстоятельств уголовного дела в ходе судебного следствия [Текст] / Д.О. Чистилина // Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: достижения и проблемы применения: сборник материалов IV Международной студенческой научно-практической конференции. - Курск, 2019. - С. 226-231.

УДК 347.97.99

*А.В. Гулевский, Воронежский государственный университет,
Antoniguli739@gmail.com*

*Д.В. Зотов, канд. юрид. наук, доцент, заведующий кафедрой организации судебной
власти и правоохранительной деятельности юридического факультета ВГУ*

**ОТНОШЕНИЕ ОБЩЕСТВА К СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ:
ТЕКУЩЕЕ СОСТОЯНИЕ И БУДУЩИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ**

В статье рассматривается вопрос об отношении общества к судебной власти на данный момент, будущие перспективы, существующие проблемы и потенциальные пути их разрешения, а так же соответствующая статистика по этим вопросам.

Ключевые слова: судебная власть, отношение к власти, общественное доверие, правосудие.

**SOCIETY'S ATTITUDE TOWARDS JUDICIARY: CURRENT STATE AND FUTURE
PERSPECTIVES**

The article focuses on society's attitude towards Russian judiciary, it's current state, future perspectives, existing problems in that field and possible solutions and also relevant data.

Key words: judicial branch, attitude towards state, trust of society, justice.

Отношение к власти является хотя и латентной, но реально действующей силой, задающей вектор социально-политических изменений в обществе. Направление реальным политическим процессам задает доминирующая в обществе модель отношения к власти. [1, с.76]

Логично предположить, что отношение общества конкретно к судебной власти непосредственно влияет на успешность построение в стране правового государства. Оценка эффективности судебной системы в представлениях граждан России является одним из ключевых показателей становления института судебной власти как основного доступного механизма правовой защиты в стране. Именно поэтому одним из основополагающих качеств любого судьи является общественное доверие к нему, то есть осознание большинством - обществом - того факта, что судья осуществляет правосудие в соответствии с законом. [2, с.55]

По поводу российского правосудия не высказывался только ленивый: правозащитники, министр юстиции, президент, да и сами судьи затрагивают эту тему регулярно. Однако видится важным взглянуть на правосудие с точки зрения именно рядовых граждан, поскольку именно они, а не профессиональные юристы или политики, являются «конечными потребителями» этого «продукта». Сама идея правосудия состоит в том, чтобы разрешать споры, примирять противоречия и интересы самых разных членов общества. На практике же российское правосудие иной раз превращается в вещь в себе, институт, не связанный с интересами населения. В идеале же в практическом плане правосудие должно являться не более и не менее, чем одним из инструментов достижения законных целей и защиты законных интересов частных лиц. Этот инструмент характеризуют три основных параметра: степень доверия пользователей, степень доступности и уровень эффективности.

В целом, если проанализировать данные многочисленных социальных опросов, демократия в общественном сознании зачастую имеет не очень высокий вес в качестве социальной ценности. Институт общественного мнения «Квалитас» неоднократно, начиная с 1997 г., обращался к жителям Воронежа с вопросом: «что сейчас более необходимо: демократия или порядок?» Последний замер проводился в октябре 2015 г. (были опрошены 607 человек старше 18 лет по репрезентативной для жителей города Воронежа выборке). Результаты опросов свидетельствуют, что граждане четко разводят по-

нятия «демократия» и «порядок». При этом явный приоритет остается за «порядком» (83%) в противовес «демократии» (9%), хотя теоретически эти понятия друг другу противоречить не должны. Но в общественном сознании они являются антиподами. Наибольшее число сторонников демократии наблюдалось в 1997 г. (30%). Затем кризис 1998 г. обрушил не только рубль, но и веру в демократию, сократив число ее сторонников до 5%. С тех пор число приверженцев демократии никогда не превышало 17% (в 2012 г.), а каждый экономический кризис увеличивал число поборников порядка. [3]

Приходится признать, что действующая Конституция провозглашает современную модель образа власти, а в общественном мнении доминирует традиционная модель.

Однако в последние годы исследователи общественного мнения в России отмечают, что в массовом сознании россиян сформировался устойчивый негативный образ судов и судебной системы в целом. По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), в рейтинге доверия основным политическим и государственным институтам (включая органы федеральной и местной власти, правоохранительные органы, СМИ, политические и общественные организации) судебная система устойчиво занимает лишь 9-10-е место из 14. В основе такого восприятия населением судебной системы лежат как факторы объективного порядка (организационные, кадровые, финансовые проблемы судов, известные в обществе практики нарушения прав граждан и т.д.), так и субъективные обстоятельства, в том числе низкий уровень информированности граждан о работе судебной системы в целом, в значительной степени обусловленный как отсутствием доступной информации о работе судебных органов для широких слоев населения, так и отсутствием интереса значительной части населения в подобном рода информации.

За доверие к правосудию наше государство борется давно. Регулярно раздаются заявления чиновников, что общество доверяет судебной системе. Председатель Мосгорсуда О. Егорова, например, считает, что «доверие общества к судам исключительно велико». Впрочем, видится, что подобные утверждения из уст высокопоставленных чиновников свидетельствуют как раз об обратном. Когда население доверяет судебной системе, об этом нет никакой нужды постоянно говорить.

К сожалению, председатель Мосгорсуда не уточнила, на чем основывается ее уверенность в высокой степени доверия общества к судам. Опыт общения с нашими гражданами обычно свидетельствует, что наши сограждане стремятся всеми силами избежать судебных процессов, а если им самим приходит повестка, это воспринимается чуть ли не как катастрофа. Когда же судебное разбирательство необходимо и неизбежно, заявители склонны уповать не на справедливость и грамотность судьи, даже не на закон, а на «хорошего юриста», который воспринимается как нечто среднее между чернокнижником и Господом Богом. Такое отношение к институту правосудия едва ли возможно назвать хоть сколько-нибудь доверительным.

Так, согласно результатам исследования ВЦИОМ, чуть менее половины опрошенных (44%), оценивая работу судов, затруднились с ответом. Среди же тех, кто смог оценить работу судебных органов, число тех, кто положительно оценивает их работу и доля тех, кто склонен поставить отрицательную оценку, примерно равны – 26% и 28% соответственно. При этом, как видно из данных исследования, среди представителей различных социальных групп не наблюдается существенной дифференциации в оценках.

Функционирование судебной власти в сегодняшней России происходит на фоне значительного юридического нигилизма по поводу возможностей судебной защиты своих прав и интересов у большинства наших сограждан. Ситуация осложняется тем, что пассивная правовая неосведомленность зачастую соседствует с воинствующим юридическим невежеством, легко перерастающим в правовой скепсис, т.е. более или менее осознанное и находящее свое отражение в мотивации поведения неуважительное, ни-

гилистическое отношение ко всему правовому [8, с. 6]. Зачастую человек отказывается от реализации своего конституционного права на обращение в суд по причине того, что лишь бы «не связываться» с правосудием и правоохранительными органами. Речь идет о невостребованности института судебной защиты обществом. [4, с.8]

Тем не менее, можно проследить ряд зависимостей. Прежде всего, чем выше уровень информированности респондентов о работе судов, тем оценки деятельности более однозначны, причем в большинстве случаев с перевесом в сторону отрицательных оценок. Так, это характерно для респондентов, имеющих высшее образование и среднее специальное. Среди них ощутимо меньше тех, кто затрудняется определить свою позицию (35%), и доля тех, кто отрицательно оценивает работу судов, заметно превышает число тех, кто дал положительные оценки – 35% и 28% соответственно. Аналогичная ситуация наблюдается и среди жителей средних городов с численностью жителей 100-500 тыс. (33% отрицательных оценок против 24% положительных) и малых городов, с численностью жителей менее 100 тыс. (32% против 24%), а также представителей средних возрастных групп (35-44 лет) (32% против 26%), среди которых ранее был выявлен более высокий уровень информированности о работе судов.

В тоже время результаты проведенного опроса также свидетельствуют о том, что в массовом сознании большинства россиян российское судопроизводство воспринимается как справедливое. Так, более половины опрошенных (54%) в той или иной степени уверены, что обычный человек, обратившись в суд, может рассчитывать на справедливое решение своего вопроса. Однако следует обратить внимание на то, что полностью в этом убеждены лишь 8% россиян, тогда как относительное большинство опрошенных (46%) склонны к более осторожным ответам. Число же тех, кто склонен воспринимать современный российский суд как скорее несправедливый по отношению к обычному гражданину, соответственно составляет треть опрошенных (34%).

Как показывают результаты проведенного исследования, подобная осторожность связана, прежде всего, с тем, что большинство россиян получают опосредованную информацию о деятельности судебных органов. Если же респонденты имеют опыт участия в судебных процессах, то здесь наблюдается иное соотношение оценок. Так, уверены в том, что обычный человек, обратившись в суд, может рассчитывать на справедливое решение вопроса, большинство опрошенных (64%) этой группы. Причем, 15% из них в этом полностью убеждены. [5]

Впрочем, не добавляет оптимизма гражданам и статистика. Как известно, число оправдательных приговоров в российских судах очень мало и продолжает снижаться с каждым годом. Так, количество оправдательных приговоров в России уменьшилось в три раза с 2013 года. Как передает РБК, ссылаясь на статистику судебного департамента Верховного суда РФ, доля оправдательных приговоров составляет всего 0,2% от общего числа вынесенных судом решений. Чаше судить стали за преступления в сфере экономики и компьютерной информации, неуплату алиментов или преступления, совершенные против безопасности государства, например, возбуждение ненависти или вражды. [6] Вероятность оказаться осужденным в 99,8% случаев едва ли внушает хоть сколько-нибудь оптимизма.

Нередко вторит гражданам и профессиональное сообщество. Так, согласно данным Аналитического обзора результатов Всероссийского мониторинга по проблемам судебной реформы в Российской Федерации, с утверждением о том, что судья стал объективным арбитром, беспристрастно относящимся к сторонам обвинения и защиты, согласились только 66% судей, 32% прокуроров 8% адвокатов. С тем, что Суд стал полностью независим в своей деятельности от прокуратуры и иных правоохранительных органов, выразили согласие лишь 57% судей, 51% прокуроров и 10% адвокатов. [7, с.15-16]

Таким образом, на основе анализа приведённых данных можно сделать вывод о том, что существуют определённые проблемы с восприятием гражданами судебной власти. В то же время, этому можно найти объяснение в низкой степени информированности населения и иных факторах, не имеющих прямого отношения к отправлению судьями своих полномочий. Напротив, большинство граждан, имевших опыт обращения в суд, уверены в справедливости российского правосудия. Таким образом, можно сказать, что в целом в этой области наметилась позитивная динамика, которая с наибольшей вероятностью положительно отразится на восприятии гражданами судебной системы в будущем.

Список используемой литературы и источников

1. Романович, Н.А. Отношение к власти: тенденции и противоречия [Текст] / Н.А.Романович // Власть. – 2016. - №3. – С. 76.
2. См.: Некрасов С.Ю., Галин В.И. Судейское усмотрение и доверие общества к судебной власти [Текст] / С.Ю.Некрасов, В.И.Галин // Российский судья. -2016.- N 1.- С. 55.
3. Ежемесячный Бюллетень социологических сообщений по городу Воронежу // ИОМ «Квалитас». -2015. -№ 10.- С. 12. [Электронный ресурс] // <http://www.qualitas.ru/ru/publications/bulletin>.
4. Ярцун, С. В. Юридический нигилизм [Текст] / С.В.Ярцун // Закон и право. - 2001. -№ 6. - С.8.
5. Социологическое исследование «Оценка деятельности судов в Российской Федерации» // ОАО Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). - 2007. Выборка всероссийская, случайная, бесповторная. Объем выборки 1579 респондентов [Электронный ресурс] // https://wciom.ru/database/open_projects/otsenka_deyatelnosti_sudov_v_rossii/
6. 1 к 466: почему российские суды стали оправдывать еще реже // Информационное агентство «РБК» (зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) 09.12.2015 за номером ИА №ФС77-63848) 2018 [Электронный ресурс] // <https://www.rbc.ru/society/25/04/2018/5added539a79477ac3e23377>
7. Аналитический обзор результатов Всероссийского мониторинга по проблемам судебной реформы в Российской Федерации [Текст]. - М., 2009.-С. 15-16.

УДК 343.137.2

И.В. Данько, канд. юрид. наук, доцент, заведующий кафедрой экономического и финансового права Частного учреждения образования «БИП-Институт правоведения», e-mail: dan231069@gmail.com

**ЗАОЧНОЕ ПРОИЗВОДСТВО В СВЕТЕ РЕАЛИЗАЦИИ
ПРИНЦИПА СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

В статье поднимается проблема правовой природы заочного разрешения дел судом и его соответствия конституционному установлению о состязательности правосудия; констатируется, что существующая в законодательстве Беларуси конструкция состязательности как конституционного принципа фактически выводит процедуру постановления приговора без судебного разбирательства за рамки правосудия. При таких обстоятельствах состязательность ограничивает законодателя в создании более гибкой модели правосудия, отвечающей современным тенденциям упрощения обычных судебных процедур. В этой связи делается вывод о целесообразности пересмотра конституционной редакции принципа состязательности путем дополнения

ст. 115 Конституции Республики Беларусь нормой, допускающей возможность отступления от него в случаях, предусмотренных законом.

Ключевые слова: уголовный процесс; осуществление правосудия; принцип состязательности и равенства сторон; заочное производство.

**PRIVATE PRODUCTION IN THE LIGHT OF IMPLEMENTATION
PRINCIPLE OF COMPETITION IN THE CRIMINAL PROCESS
THE REPUBLIC OF BELARUS**

The article raises the problem of the legal nature of the absentee resolution of cases by the court and its compliance with the constitutional decree on the adversarial justice; It is stated that the existing structure of competition as a constitutional principle in the Belarusian legislation actually takes the procedure for sentencing without trial beyond the scope of justice. In such circumstances, adversarial competition limits the legislator in creating a more flexible justice model that meets current trends in streamlining ordinary court procedures. In this regard, a conclusion is drawn on the advisability of revising the constitutional version of the principle of adversarialism by supplementing Art. 115 of the Constitution of the Republic of Belarus as a norm allowing the possibility of derogation from it in cases provided by law.

Key words: criminal trial; administration of justice; the principle of competition and equality of arms; correspondence production.

В последние годы в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее УПК) вносятся дополнения и изменения, направленные на упрощение и ускорение судебных процедур. Одной из таких новелл стало появление в 2016 году заочного производства, заключающегося в постановлении судом приговора по уголовному делу без судебного разбирательства и вызова сторон. Согласно ч. 1 ст. 459 УПК данный порядок применяется в отношении лица, обвиняемого в совершении преступления, не представляющего большой общественной опасности, когда обвиняемый полностью признает свою вину и гражданский иск, если он предъявлен, сделанное им признание не оспаривается какой-либо из сторон и не вызывает сомнения у судьи, а также не вызывают сомнения виновность обвиняемого, юридическая квалификация деяния и добровольность согласия обвиняемого и потерпевшего на заочное производство в суде, отсутствуют иные препятствия постановлению приговора без судебного разбирательства. В соответствии с ч. 3 ст. 459¹ УПК в описательно-мотивировочной части приговора, вынесенного в заочном производстве, судья вправе указать доказательства виновности, не раскрывая их содержания.

Обвиняемый, прокурор, направивший дело в суд, в течение десяти суток с момента получения копии приговора, постановленного без судебного разбирательства, а защитник, участвовавший в деле, потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик и их представители с момента их уведомления о принятом решении вправе подать в суд свои возражения на приговор, не указывая мотивов несогласия с ним.

В случае подачи таких возражений судья в течение трех суток отменяет постановленный им приговор, а уголовное дело немедленно направляет председателю суда или его заместителю для решения вопроса о его передаче другому судье и назначении судебного разбирательства в общем порядке, предусмотренном для уголовных дел ускоренного производства (ч. 2 ст. 459² УПК).

Приведенные поправки представляют собой иллюстрацию стремления законодателя к упрощению, ускорению и удешевлению судебного процесса по уголовным делам. Как отмечает Конституционный Суд Республики Беларусь в Решении от 29 декабря 2015 г. № Р-1024/2015, «Устанавливаемое законодательное регулирование заочного производства в уголовном процессе направлено на обеспечение оперативности и экономичности судопроизводства, что отвечает интересам как государства, так и сторон ...».

В мировой практике близкие по содержанию процедуры не являются чем-то новым. Они встречаются в государствах с англо-саксонской системой права, в Германии, Франции, Украине. Однако при всей прогрессивности и важности для процессуальной экономии подобного института в Беларуси, анализируемый порядок судопроизводства вызывает некоторые вопросы, как минимум, один из которых носит концептуальный характер: можно ли постановление судом приговора по уголовному делу без судебного разбирательства считать правосудием?

Научные подходы, связанные с исследованием правосудия, разнообразны. В широком философско-феноменологическом понимании правосудие – это исполняемый ритуал (акт, действие), направленный на приобретение законной силы случая применения права при разрешении каких-либо споров, либо как вид правоохранительной и правоприменительной государственной деятельности, в результате которой реализуется (проявляется) судебная власть [1, с. 21].

В юридической науке правосудие рассматривается как самостоятельный вид государственной деятельности, главная и основная функция судебной власти, осуществляемая специальным субъектом – судом [2, с. 40], или как «деятельность суда по рассмотрению дел, отнесенных к его компетенции» [3, с. 42]. При этом значительная часть современных авторов в качестве обязательного элемента понятия правосудия выделяет процессуальную форму, процедуру, в которой должна протекать деятельность суда, именуемая правосудием. Осуществление правосудия «в судебных заседаниях с соблюдением требуемой законом формы процесса» Н. В. Мишакова называет сущностным признаком анализируемого феномена [4, с. 67]. Данная форма урегулирована в соответствующих процессуальных кодексах, однако ее база, фундамент заложены в Конституции Республики Беларусь, ст. 115 которой определяет, что правосудие осуществляется на основе состязательности и равенства сторон в процессе. По сути, это означает форму судопроизводства, в которой может существовать правосудие, – только в условиях состязательности. Причем Основной закон не содержит каких-либо изъятий из данного установления, как в некоторых других схожих ситуациях. Например, в ст. 21 Конституции Республики Беларусь сказано, что государство гарантирует права и свободы граждан, в то же время сама Конституция Республики Беларусь в ст. 23 разрешает их ограничение «в случаях, предусмотренных законом, в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц». Следуя в русле конституционной законности, ч. 2 ст. 10 УПК предписывает, что ограничение прав и свобод лиц, участвующих в уголовном процессе, допускается только по основаниям и в порядке, установленным УПК.

Статья 114 Конституции Республики Беларусь содержит исключение из принципа открытости (гласности) судебного разбирательства, провозглашая, что слушание дел в закрытом судебном заседании возможно лишь в случаях, определенных законом, с соблюдением всех правил судопроизводства. Учитывая это, УПК в ч. 2 ст. 23 предусматривает, что разбирательство уголовного дела в закрытом судебном заседании допускается только в интересах обеспечения защиты государственных секретов и иной охраняемой законом тайны, а также по делам о преступлениях, совершенных лицами, не достигшими шестнадцатилетнего возраста, по делам о половых преступлениях и другим делам в целях предотвращения разглашения сведений об интимных сторонах жизни участвующих в деле лиц либо сведений, унижающих их достоинство, и в случае, когда этого требуют интересы обеспечения безопасности потерпевшего, свидетеля или иных участников уголовного процесса, а также членов их семей или близких родственников и других лиц, которых они обоснованно считают близкими.

Ничего такого относительно состязательности в Конституции Республики Беларусь нет. Это говорит об обязательности рассматриваемого принципа применительно к правосудию, проще говоря, есть состязательность – есть правосудие, нет

состязательности – отсутствует и правосудие.

Состязательность как принцип уголовного процесса на территории современной Беларуси появился в XIX веке в связи с принятием Судебных уставов Российской империи 1864 года. Согласно ст. 3 Устава уголовного судопроизводства обвинение было отделено от власти судебной, т.е. от рассмотрения уголовных дел и постановления приговоров, принадлежащей судам без всякого участия властей административных [5, с. 10]. Таким образом, начиная с этого момента в основу уголовного процесса была заложена состязательная форма [6, с. 7]. Ее суть, по словам известного дореволюционного юриста В. К. Случевского, состояла в наличии в суде обеих сторон – обвинителя и подсудимого, «из взаимного сочетания деятельности которых и слагается вся сущность происходящей в присутствии суда процедуры». Продолжая, он подчеркивал, что «для развития состязательности необходимо, чтобы стороны существовали на суде, т.е. нужно, чтобы был на суде обвинитель и обвиняемый (один или со своим защитником)» [7, с. 79].

После отсутствия данного принципа в УПК советского периода и несколько деформированного его понимания в литературе того времени, современное законодательство практически вернулось к трактовке состязательности второй половины XIX века. В современном понимании сущность состязательности сводится к тому, что стороны в судебном разбирательстве пользуются равными правами по представлению и исследованию доказательств, заявлению ходатайств, высказыванию мнения по любому вопросу, имеющему значение по уголовному делу, участию в судебных прениях, а суд обязан создать необходимые условия для осуществления предоставленных сторонам прав и выполнения ими процессуальных обязанностей (ч. 4, 5 ст. 24 УПК).

Очевидно, заочное производство не отвечает указанным требованиям и не может обеспечить реализацию состязательности, что приводит к выводу о том, что деятельность суда в этом случае нельзя считать правосудием.

Таким образом, состязательность как конституционный принцип фактически выводит процедуру постановления приговора без судебного разбирательства за рамки правосудия.

На то, что в процессуальных кодексах допускаются отступления от состязательности, уже неоднократно обращалось внимание в специальной литературе. Тем не менее, законодатель продолжает издавать предписания, еще больше усугубляющие противоречия между Конституцией и отраслевыми нормами. В Послании Конституционного Суда «О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2015 году» отмечено, что Конституция предоставляет законодателю достаточно широкие дискреционные полномочия, то есть возможность усмотрения, «пространство выбора» в регулировании конкретных общественных отношений, определении особенностей правового регулирования, установлении, изменении и ограничении субъективных прав, условий и механизмов их реализации. Однако при реализации своих полномочий законодатель должен действовать в границах, определенных конституционными принципами и нормами. Но что делать, если эти границы в современных реалиях не всегда оправданы и затрудняют появление новых институтов. Может уже настало время отказаться в определенных случаях от состязательности как установления, не соответствующего быстро развивающимся общественным отношениям, требующим новых подходов к их правовому регулированию, в том числе и к формулированию юридических принципов? Здесь уместно вспомнить известное высказывание Ф. Энгельса: «Принцип – не исходный пункт исследования, а его заключительный результат; принципы не применяются к природе и к человеческой истории, а абстрагируются из них; не природа и человеческое сообщество с принципами, а наоборот, принципы верны лишь постольку, поскольку они соответствуют природе и истории» [8, с. 34]. Смысл приведенного выражения за-

ключается в том, что принципы не могут существовать сами по себе, быть своего рода декларациями и пожеланиями, об их наличии и реальном содержании можно судить только по конкретным процессуальным нормам и механизмам, через которые они реализуются. На развитие правовых принципов оказывает влияние не только действующая система норм, но и складывающаяся юридическая практика, а также правовая идеология. Однажды возникнув, принципы своим существованием начинают активно воздействовать на позитивное право, на процесс правоприменения и правосознание. Важно при этом отдавать себе отчет в том, что принципы не могут оставаться неизменными. Являясь составным элементом уголовно-процессуальной системы, они развивают ее и развиваются вместе с ней. Отрицать сей факт, считать, что процессуальные принципы не могут подвергаться ревизии – значит отвергать основные законы диалектики, противоречить пониманию того, что принципы, как и любая правовая конструкция, есть явление конкретно-историческое, истинность которого ограничена определенным промежутком времени, этапом развития общества и государства.

В этом контексте В. В. Никольский, рассматривая состязательность как форму правосудия, пишет: «Нельзя форму ставить на первый план, служебная роль формы в том, что она должна способствовать реализации содержания. В противном случае соблюдение внешней формы будет в ущерб существу дела» [9, с. 215–216].

Действительно, состязательность подразумевает наличие спора между сторонами. По утверждению В. Н. Бибило, «Защита в суде своих интересов не может происходить иначе как в условиях спора, полемики, что является необходимым атрибутом познания в любой сфере человеческой деятельности. А это и есть состязательность» [3, с. 54]. Главной движущей силой состязательного уголовного процесса выступает спор сторон, в ходе которого ведется активная борьба посредством представления доказательств, заявления ходатайств, отводов и т. д.

Из ч. 1 ст. 459 УПК вытекает, что заочное производство не предполагает спор обвинения и защиты в суде, и, как следствие, надобность состязания между ними. Схожая картина, кстати, присуща и гражданскому процессу при вынесении определения о судебном приказе в порядке, регламентированном главой 31 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь. По этому поводу Э. М. Мурадян замечает: «В приказном производстве, которое имеет мало общего с остальными видами судопроизводства, состязательности нет. Состязательность — принцип правосудия ... приказного правосудия не существует» [10, с. 139].

В этой связи, представляется, назрела целесообразность пересмотра конституционной редакции принципа состязательности путем дополнения ст. 115 Конституции Республики Беларусь нормой, допускающей возможность отступления от него в случаях, предусмотренных законом.

Список используемой литературы и источников

1. Правоохранительные и судебные органы России [Текст]: учебник / В.С. Авдонкин, В.А. Бобренев, О.Н. Диордиева [и др.]; под ред. Н.А. Петухова, А.С. Мамыкина. -М.: Рос.гос. ун-т правосудия, 2015. – 232 с.
2. Данилевич, А.А. Судостроительство [Текст]: учебник / А.А. Данилевич [и др.]; под ред. А.А. Данилевича, И.И. Мартинович. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск, Амалфея, 2010. – 464 с.
3. Бибило, В.Н. Судостроительство [Текст]: Учебник. – Минск: Издательство “Право и экономика”, 2001. – 328 с.
4. Мишакова, Н.В. Организация судебной власти в Российской Федерации (нормативно-правовое исследование) [Текст]: дис...канд. юрид. наук: 12.00.01 / Н.В.Мишакова. -М., 2018. – 174 л.
5. Джаншиев, Г.А. Основы судебной реформы [Текст]: сб. статей / Г.А.Джаншиев. – М.: Статус; РАП, 2004. – 315 с.

6. Каминский, Э.С. Принцип состязательности по уголовно-процессуальному законодательству Российской Федерации [Текст] / Э.С.Каминский // Рос. следователь. – 2009. – № 9. – С. 6-8.

7. Случевский, В.К. Учебник русского уголовного процесса. Введение. Часть 1: Судостроительство [Текст]/ В.К.Случевский; под ред. и с предисловием В.А.Томсинова. – М.: Зерцало, 2008. – 400 с.

8. Маркс, К. Сочинения [Текст]: в 39 т. - 2-е изд. – М.: Гос. изд-во полит. лит., 1978. - Т. 20. - 652 с.

9. Никольский, В. В. К вопросу о разумном определении границ реализации принципа состязательности в уголовном судопроизводстве. eLIBRARY. [Электронный ресурс] // URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_28514844_26160561.pdf (дата доступа: 02.08.2019).

10. Мурадян, Э.М. К вопросу о составе принципов судебного процесса (в связи со статьей Д.В. Даниленко о состязательности) [Текст] / Э.М.Мурадян // Современное право.- № 9. – 2010. – С. 139-141.

УДК343.164.3

С.М. Даровских, профессор кафедры уголовного процесса, криминалистики, судебной экспертизы Южно-Уральского государственного университета (НИУ) (г. Челябинск), д-р юрид. наук, профессор

ПОМОЩНИК СУДЬИ КАК УЧАСТНИК УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

В статье автор рассматривает должность помощника судьи как участника уголовного судопроизводства, наделенного определенным правовым статусом, который охватывает собственно должность, функции, выполняемые в уголовном судопроизводстве, принципы деятельности данного должностного лица, установленные уголовно-процессуальным законом его права и обязанности (полномочия), гарантии реализации предоставленных ему прав и ответственность за невыполнение либо ненадлежащее выполнение обязанностей.

Автор обосновывает целесообразность конкретизации в законе должности помощника председателя суда, наделенного иными полномочиями, и приходит к выводу, что помощник судьи при исполнении своих профессиональных задач выполняет вспомогательную функцию. В статье подробно изучаются полномочия помощника судьи и особенности их реализации.

Ключевые слова: помощник судьи, суд, права участника уголовного судопроизводства

ASSISTANT JUDGE AS A PARTICIPANT OF CRIMINAL PROCEEDINGS

In the article, the author considers the position of assistant judge as a participant in criminal proceedings, endowed with a certain legal status, which covers the position itself, the functions performed in criminal proceedings, the principles of activity of this official, established by the criminal procedure law, his rights and obligations (powers), guarantees of implementation of the rights granted to him and responsibility for failure to perform or improper performance of duties.

The author substantiates the feasibility of concretizing in the law the position of assistant to the chairman of the court, vested with other powers, and comes to the conclusion that the assistant to the judge, in the performance of his professional tasks, performs an auxiliary function. The article examines in detail the powers of the assistant judge and the features of their implementation.

Keywords: *assistant judge, court, rights of a participant in criminal proceedings*

Введя в текст закона нового участника уголовного судопроизводства, помощника судьи, законодатель фактически легализовал положение, сложившееся в судопроизводстве. Должность помощника судьи впервые в России была включена в перечень государственных должностей федеральной государственной службы категории «Б» указами Президента Российской Федерации от 3 сентября 1997 года № 981 «Об утверждении Перечней государственных должностей федеральной государственной службы» и от 29 января 1998 года № 110 «О внесении дополнения в Указ Президента Российской Федерации от 3 сентября 1997 года № 981 «Об утверждении Перечней государственных должностей федеральной государственной службы». Данное решение обосновывалось необходимостью освобождения судей от технической и организационной работы и создания площадки для подготовки кадров на судейские должности.

В уголовно-процессуальном законе первое упоминание о помощнике судьи связано с реализацией положений о производстве в суде с участием присяжных заседателей, на помощника, как и на секретаря судебного заседания возлагались обязанности, связанные с отбором кандидатов в присяжные заседатели (ст.326 УПК РФ).

Поскольку в соответствии с п.58 ст. 5 УПК РФ, участники уголовного судопроизводства – это лица, принимающие участие в уголовном процессе, а помощник судьи именно то лицо, которое участвует в процессе, следовательно мы можем говорить о нем как об участнике уголовного судопроизводства, наделенном определенным правовым статусом. Новеллы, касающиеся процессуального статуса такого участника уголовно-процессуальных отношений как помощник судьи, позволяют выявить положительные и отрицательные стороны этих нововведений, их сущность, обоснованность и определить правовое положение данного должностного лица в настоящем и обосновать необходимость его совершенствования в будущем.

В правовой статус помощника судьи, в широком смысле, на наш взгляд, бесспорно входят: функции выполняемые данным должностным лицом в уголовном судопроизводстве, принципы его деятельности, установленные уголовно-процессуальным законом его права и обязанности (полномочия), гарантии реализации предоставленных ему прав и ответственность за невыполнение либо ненадлежащее выполнение обязанностей.

Можно согласиться с мнением ряда ученых, которые, рассматривая правовой статус участника уголовно-процессуальных отношений, включают в него должность [1]. Применительно к помощнику судьи данная позиция важна, поскольку кроме просто помощников судей в судах имеется должность помощника председателя суда, у которого в соответствии с типовыми должностными регламентами, утвержденными приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ № 272 от 6 декабря 2010 года несколько иные полномочия, предопределяемые статусом председателя суда, но который также рассматривает уголовные дела. В этой связи следует отметить, что законодатель, вводя ст. 244¹ в текст закона не указал, что не только помощник судьи, но и помощник председателя суда вправе выполнять указанные в данной статье процессуальные полномочия. Полагаем, что статью 244¹ УПК РФ следует дополнить после слов «помощник судьи» добавить «помощник председателя суда».

Признавая за помощником судьи, впрочем, как и за секретарем судебного заседания, право на статус участника уголовного судопроизводства, не совсем понятна позиция законодателя, разместившего статьи 244¹ и 245 УПК РФ в главу 35 «Общие условия судебного разбирательства». Во-первых, помощник судьи выполняет свои полномочия не только в рамках стадии судебного разбирательства, но и в стадии предварительного расследования, там, где требуется участие суда, поэтому не вполне обоснованно размещение указанных статей в главе 35. Во-вторых, участвующие в уголовном судопроизводстве лица, указаны в разделе 2 уголовно-процессуального закона применительно к

выполнению ими своих функций: разрешения дела по существу, обвинения и защиты. Все иные участники в том числе и те, которые выполняют вспомогательную функцию отнесены законодателем в отдельную категорию и указаны в главе 8 закона. Вполне логично если нормы, регулирующие процессуальное положение секретаря судебного заседания и помощника судьи, будут размещены именно в данной главе. Считаем не совсем убедительными доводы О. Басовой, возражающей против этого, поскольку характер, выполняемой помощником судьи и секретарем судебного заседания и иными участниками уголовного судопроизводства деятельности по оказанию содействия в осуществлении правосудия по уголовным делам, различен по своему характеру и объему, правами и обязанностями, а также осуществляемым в ходе их реализации процессуальными действиями [2]. Представляется, что деятельность иных участников уголовного судопроизводства и не должна иметь сходства, что подчеркивает и законодатель введя ФЗ от 30 октября 2018 года № 376-ФЗ, еще одного иного участника процесса, лицо в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве.

Считаем, что помощник судьи, как участник процесса, не выполняет ни одну из трех основных уголовно-процессуальных функций: обвинения, защиты или разрешения дела по существу. Он не может разрешать дело по существу, поскольку не вправе выполнять функции по осуществлению правосудия. Функции обвинения и защиты помощник судьи также не выполняет. Выполнение возложенных на него определенных обязанностей, например, ведение протокола судебного заседания, подготовка проектов решений, исключают его заинтересованность в результатах рассмотрения уголовных дел. В силу изложенного полагаем, что у помощника судьи совершенно иная функция – вспомогательная, так как он призван оказывать помощь судье в подготовке и организации судебного разбирательства. Аппарат суда выступает неотъемлемой частью суда, является его структурным подразделением, его деятельность направлена на обеспечение деятельности судьи.

Вспомогательная функция это направление уголовно-процессуальной деятельности, содержание которого образуют действия незаинтересованных в результатах разрешения дела субъектов. Например, ведение протокола судебного заседания, прием и выдача документов, удостоверение копии судебных документов, вручение документов, уведомления и вызовов, контроль уплаты пошлин и сборов, осуществление организационно - подготовительных действий в связи с назначением дел к слушанию, оказание помощи судьям в привлечении присяжных заседателей к осуществлению правосудия, обращение к исполнению судебных решений, осуществление приема граждан, обеспечение контроля за фиксированием хода судебного заседания техническими средствами, подготовка проектов судебных решений и т.п.

Следующим элементом правового статуса помощника судьи как участника уголовно-процессуальных отношений являются принципы, регулирующие деятельность в рамках данных правоотношений. Деятельность помощника судьи имеет свои отличительные признаки от деятельности иных должностных лиц в уголовном судопроизводстве, которые и позволяют помощнику судьи выполнять свои обязанности, реализовать свои права. В силу этой особенности, полагаем, целесообразно выделить принципы деятельности данного участника уголовно-процессуальных отношений. Являясь частью судебной системы, помощники судей обязаны выстраивать свою деятельность на основе законности, разумного срока уголовного судопроизводства, уважения чести и достоинства личности, охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве, тайны переписки телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту и права на обжалование процессуальных действий и решений.

К сожалению, в тексте уголовно-процессуального закона нет четкой информации о полномочиях (правах и обязанностях) помощника судьи. В статье 244¹ УПК РФ указано лишь общее направление его деятельности, которое заключается в оказании помощи судье. В целом все полномочия данного участника уголовного судопроизводства можно разделить на организационные и процессуальные. К первым можно отнести помощь в подготовке и организации судебного разбирательства и такие обязанности как подготовка проектов решений, ведение протокола судебного заседания, контроль за фиксированием хода судебного заседания техническими средствами и в целом применение информационных технологий в уголовном судопроизводстве, проверка явки вызванных лиц в суд. Процессуальные полномочия проявляются в том, что помощник занимается отбором присяжных заседателей, составляет предварительный список присяжных и подписывает его.

Считаем, что необходимо расширить перечень полномочий помощника судьи, а также более четко распределить обязанности между ним и секретарем судебного заседания. Выполнение в настоящее время секретарем всех обязанностей по обеспечению хода судебного разбирательства отвлекают его от ведения протокола, что негативно сказывается на качестве данного процессуального документа. В своих замечаниях на протокол судебного заседания, участники процесса указывают на пробелы, некорректные записи, искажения сути информации, которая была озвучена в ходе судебного заседания. На данное обстоятельство неоднократно указывали ученые [3].

Законодатель посчитал, что и помощник судьи также как секретарь судебного заседания может вести протокол судебного заседания. Полагаем, что это все-таки должна быть прерогатива секретаря судебного заседания и только в случае, если он по каким-либо уважительным причинам не сможет выполнять данную обязанность, например, болезнь, срочное выполнение какого-либо поручения, по распоряжению судьи к ее исполнению может быть привлечен помощник.

В науке звучали предложения относительно возможности надления помощника судьи правом на учреждение подписи на документах не затрагивающих конституционные права граждан, на различных запросах, сопроводительных письмах [4]. Подобный подход вполне приемлем. Считаем возможным согласиться и с предложением о возложении на помощника судьи обязанности по ознакомлении участников процесса с материалами уголовного дела. За исключением ознакомления с протоколом судебного заседания, полагаем что более целесообразно, если с протоколом судебного заседания будет знакомить, то лицо, которое данный протокол судебного заседания изготовило. Объявление подсудимому приговора в случае его удаления из зала суда, а также разъяснение ему сроков и порядка обжалования приговора суда, права на ознакомление с протоколом судебного заседания и принесение на него замечаний, права ходатайствовать об участии в рассмотрении уголовного дела судом апелляционной инстанции, при наличии особого мнения судьи – права в течение трех суток заявить ходатайство об ознакомлении с особым мнением судьи и срок такого ознакомления также может быть поручено помощнику судьи. Оказание помощи судье при осмотре вещественных доказательств, демонстрации снимков, воспроизведении аудио(видео) записи, организации проведения видеоконференцсвязи, отбор присяжных заседателей и иные полномочия так же могут входить в обязанности помощника судьи.

Внедрение в уголовное судопроизводство современных информационных технологий, например, направление электронных повесток, смс-уведомлений, получение электронных копии материалов уголовных дел, подготовка и переход на электронные уголовные дела и работа с ними, работа с интеллектуальными системами анализа материалов уголовных дел требует особой подготовки лиц, обеспечивающих применение этих технологий в процессе. Такими лицами могут, по нашему мнению, стать именно помощники судей.

Гарантиями возможности реализации предоставленных прав помощнику судьи будут являться в первую очередь положения уголовно-процессуального закона, содержащего нормы, регламентирующие его полномочия. В тех случаях, когда конкретные права данного участника процесса не указаны в законе, распоряжение судьи либо председателя суда позволит обеспечить их реализацию.

Что касается ответственности данного участника уголовно-процессуальных правоотношений, то она может наступить только в случае неисполнения либо некачественного исполнения поручений судьи. В силу особенностей процессуального положения указанного участника, речь может идти только о дисциплинарной ответственности.

Полагаем, что появление данного участника уголовно-процессуальных отношении весьма своевременно, те недочеты законодателя, которые имеют место быть, будут откорректированы либо правоприменителями, которым предоставлен большой выбор средств и возможностей для этого, либо со временем устранены самим законодателем.

Что касается обязанностей помощника судьи, то следует обратить внимание на недопустимость ему расширять свои права, например, проводя прием населения не только консультировать по общим вопросам, но и оказывать юридическую помощь обратившемуся. Он не вправе вести переговоры с судьей от одной из сторон, не может высказывать свое мнение о результате рассмотрения уголовного дела. Помощник судьи должен быть беспристрастным и незаинтересованным в результате.

Список используемой литературы и источников

1. Куртяк, И.В. Правовой статус должностных лиц органов внутренних дел [Текст]: дисс. ... канд. юрид. наук /И.В.Куртяк. - СПб., 1998. - С.30.
2. Басова, О. Участие помощника судьи в уголовном судопроизводстве: концептуальный подход [Текст]: дисс. ... канд. юрид. наук /О.Басова.- Саратов, 2018.- С.87.
3. Волобуева, Е.А. К вопросу о процессуальном статусе секретаря судебного заседания и помощника судьи как участников уголовного судопроизводства [Текст] / Е.А. Волобуева //Вестник Самарского государственного университета. -2010. -№3 (77). -С. 232.
4. Кулева, Н.В. Судебная реформа: проблемы, решения, опыт о статусе помощника судьи [Текст] / Н.В.Кулева // Судья. -2008. -№12.- С. 55.

УДК 343.131.4

А.С. Денисов, магистрант ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (г. Курск)

Научный руководитель: И.Н. Чеботарева, канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (г. Курск)

ПРИНЦИП СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ И РАВНОПРАВИА СТОРОН В АСПЕКТЕ МЕЖДУНАРОДНОГО И ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОГО ПРАВА РОССИИ

В данной статье принцип состязательности сторон рассматривается в аспекте одного из основополагающих и фундаментальных принципов, на котором базируется основной порядок и форма судопроизводства. В работе проанализировано правовое значение принципа состязательности сторон, как в международном праве, так и в национальном законодательстве Российской Федерации. Целью работы является изложение основных правовых аспектов и начал соблюдения и реализации состязательности, которые закрепляются международными и внутривнутригосударственными нормативно-правовыми актами.

Ключевые слова: *принципы судопроизводства, состязательность сторон, международное право, общепризнанные принципы и нормы, права и свободы человека и гра-*

жданина, независимый суд, прения сторон, соотношение международного и внутригосударственного права.

THE PRINCIPLE OF COMPETITION AND EQUALITY OF THE PARTIES IN THE ASPECT OF INTERNATIONAL AND DOMESTIC LAW OF RUSSIA

In this article the principle of adversarial parties is considered in the aspect of one of the fundamental and fundamental principles on which the basic order and form of legal proceedings is based. The paper analyzes the legal significance of the principle of adversarial parties, both in international law and in the national legislation of the Russian Federation. The purpose of the work is to present the main legal aspects and principles of compliance and implementation of competition, which are enshrined in international and domestic legal acts.

Keywords: *principles of legal proceedings, adversarial nature of the parties, international law, generally recognized principles and norms, human and civil rights and freedoms, independent court, debates of the parties, correlation of international and domestic law.*

Принципы правосудия – это закрепленные и регламентированные законом правовые предписания, которые обладают высшей юридической силой, определяют порядок осуществления правосудия и его организацию в Российской Федерации, а также находятся под охраной закона от нарушений либо отступления от них.

Принципы обладают важнейшим практическим значением: они являются определяющими началами судопроизводства в целом, подчеркивают важнейшие его особенности и качественные черты, регламентируют формы осуществления полномочий и функций государственных органов, а также их должностных лиц, которые принимают участие в осуществлении правосудия, а также правовой статус иных участвующих в деле лиц и т. д.

В международном праве важнейшим элементом соблюдения и обеспечения прав человека и гражданина в судопроизводстве считается реализация принципа состязательности и равноправия сторон. Само содержание данного принципа предусматривает заботу и охрану прав и интересов человека, являясь одной из основополагающих идей гуманизма при осуществлении правосудия.

Данному принципу в международном законодательстве уделяется большое количество внимания, так как его правовые положения являются одними из важнейших и основополагающих условий справедливого отправления правосудия. Однако стоит заметить, что прямого закрепления данный принцип не имеет – его положения раскрываются через толкование норм изложенных в них. Так, например в п. 1 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах изложены положения, определяющие равенство всех лиц перед судом и трибуналом, право каждого на справедливое судебное разбирательство на основах публичности и гласности компетентным и независимым арбитром – судом.

Также, п. 1 ст. 6 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод процессуальное равноправие сторон и состязательность судебного процесса рассматривается как одна из важнейших составляющих справедливого судебного разбирательства. Нормы пункта данной статьи опираются на положения справедливости и публичности процесса, а также роль независимого и справедливого суда, отделенного от участвующих сторон, обеспечивающего возможность участникам отстаивать свои права и осуществлять обязанности, а также оценивающего доводы сторон, вынося взвешенное решение.

Европейский суд по правам человека в своих решениях, также нередко обращает внимание на важность обеспечения и поддержания состязательности сторон в процессе осуществления правосудия, где поддержание справедливого баланса прав сторон выступает как один из элементов справедливого проведения судебного процесса.

Таким образом, несомненно стоит согласиться с тем, что принцип состязательности сторон выступает в международном праве как основополагающее положение гуманного и демократического правосудия. По этому поводу писал Курохтин Юрий Александрович: «Международное сообщество считает одним из важнейших требований справедливого судебного разбирательства – осуществление его на основе принципа состязательности и полного равенства сторон» [1, ст. 34].

Принцип состязательности сторон закреплен в широком спектре нормативно-правовых актов внутригосударственного законодательства Российской Федерации, которые относятся к различным отраслям права: Конституции РФ, Уголовно-процессуальному кодексу, Гражданско-процессуальному, Арбитражному процессуальному кодексу. Например, статья 123 Конституции Российской Федерации, гласит: «Судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон» [2, ст. 445]. Данное положение определяет сам конституционно-правовой статус индивида, который наделен неотъемлемым правом защищать свои права и интересы, честь, личность, достоинство всеми законными способами и методами, в том числе и в судебном разбирательстве. Такой правовой статус лица, гарантированный на законодательном уровне позволяет обеспечить условия такого судебного процесса, в котором каждый выступает как равноправный участник судебного производства, обладающий правом собственной правовой защиты, спорить с государством, которое олицетворяется любыми органами власти.

Современное уголовное производство представляет собой своеобразное «противоборство» – состязание, противостояние стороны защиты по отношению к обвинению, которое подкрепляется не только требованиями потерпевшей стороны, но также имеет на своей стороне такую весомую фигуру как государственный обвинитель в лице работника прокуратуры.

Статья 15 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации содержит правовые положения, которые представляют собой систему процессуальных положений, регламентирующих порядок осуществления судопроизводства на основе состязательных начал: «Функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела отделены друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо. Суд не является органом уголовного преследования, не выступает на стороне обвинения или стороне защиты. Стороны обвинения и защиты равноправны перед судом». [3, с. 9] Таким образом, принцип равноправия сторон хоть и не имеет прямого закрепления, однако его правовые положения также имеются в качестве неотъемлемой составляющей состязательного построения правосудия в Российской Федерации.

Отдельно стоит сказать об особом положении суда при состязательном судебном процессе. Оно состоит в том, что он не имеет права осуществлять функции, которые присущи самим сторонам либо ставить любого из субъектов в преимущественное положение. Суд выступает в роли независимого арбитра, который создает условия и обстановку для участников процесса, при которой они смогут наиболее эффективно реализовать свои процессуальные права и выполнить лежащие на их плечах обязанности. «Господствующее положение в процессе занимают равноправные стороны, суду же отведена роль «беспристрастного арбитра», который только следит за соблюдением сторонами правил ведения спора и решает вопрос о виновности и мере наказания». [4, с. 450]

Отделение суда также является одной из составляющих понятия разделения процессуальных функций, которое представляет собой одну из составляющих состязательного судебного процесса. Само понятие процессуальных функций – есть полное разграничение функций всех сторон судопроизводства, когда каждая осуществляется определенным субъектом, при этом не может быть осуществлена другой стороной. Сторона обвинения и сторона защиты осуществляют деятельность в пределах предписанных им

полномочий, в то время как суд с позиции независимого арбитра обязан справедливо и объективно разрешить возникший спор, совершенное преступление, однако не может в процессе встать на чью-либо сторону, «так как при совершении такой деятельности равенство сторон будет неизменно утрачено и ни о какой состязательности и равноправии сторон не может идти и речи»[5, с. 413].

Проведя анализ понятия и содержания принципа состязательности сторон, следует сказать, что он выступает в двух правовых началах: как международно-правовая норма, которая регламентируется и вытекает из значения норм статей важнейших международных документов, которые определяют основополагающие начала и принципы построения судебного процесса путем регулирования процессуальных отношений между участниками судебного процесса на основе состязательного судебного процесса, а также равноправия сторон, с одной стороны, а с другой стороны как основополагающий принцип внутригосударственной системы отправления правосудия в Российской Федерации, призванный гарантировать равноправное и справедливое судебное разбирательство для каждого гражданина.

Таким образом, принцип состязательности сторон играет основополагающую роль в отправлении правосудия. Его международно-правовое значение состоит в том, что он является одним из основополагающих условий равноправного и справедливого правосудия, которое обеспечивается независимым и беспристрастным судом. Его реализация в международном праве предоставляет каждой стороне процесса равные возможности по представлению суду всех обстоятельств дела в условиях, которые соответствуют правовым условиям оппонента. Реализация же принципа состязательности на внутригосударственном уровне заключается не только в предоставлении сторонам равных условий для судебного «противоборства», но также регламентирует положения разделения процессуальных функций, равноправия сторон и отдельной роли суда, который выступает в роли гаранта прав и свобод участников процесса, а также беспристрастно разрешает суть спора по существу.

Список используемой литературы и источников

1. Курохтин, Ю.А. Принцип состязательности: к проблеме международного и национального правового регулирования [Текст] / Ю.А. Курохтин // Вестник Тамбовского университета. Серия: гуманитарные науки. - 2006. - выпуск 3 (41). - С. 33-38.
2. Конституция Российской Федерации [Текст]: принята всенародным голосованием 12.12.1993 // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2009. - N 4. - Ст. 445
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Текст]: федеральный закон от 18.12.2001 N 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2001г. - N 52. - Ст. 4921
4. Вишнякова, Г. Ю. Состязательность и равноправие сторон как гарантия судебной защиты [Текст] / Г.Ю.Вишнякова // Молодой ученый. - 2015.-№ 4 (84). -С. 449-451.
5. Зуев, С. В., Сулягин, К. И. Уголовный процесс [Текст]: Учебник.- Челябинск: издательский центр ЮУрГУ, 2016 – 563 с.

УДК 343.131

**И.С. Дикарев, д-р юрид. наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного процесса
Военного университета Министерства обороны Российской Федерации**

**ДОСУДЕБНОЕ ПРОИЗВОДСТВО ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ:
СИСТЕМА СДЕРЖЕК И ПРОТИВОВЕСОВ**

Автор рассматривает систему сдержек и противовесов в ее приложении к досудебному производству по уголовным делам. В статье проводятся параллели между принципом разделения властей и принципом состязательности сторон; раскрывается понятие сдержек и противовесов, исследуется механизм их функционирования при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности.

Ключевые слова: досудебное производство, прокурорский надзор, следователь, прокурор, система сдержек и противовесов

**PRETRIAL PROCEEDINGS IN CRIMINAL CASES: THE SYSTEM OF CHECKS AND
BALANCES**

The author examines the system of checks and balances in its application to the pre-trial procedure in criminal cases.

The paper draws parallels between the principle of distribution of powers and the principle of adversarial proceedings; the concept of controls and counterbalances reveals, the mechanism of their functioning at implementation of criminal procedure activity is examined.

Key words: pretrial procedures, procuracy supervision, investigator, prosecutor, the system of checks and balances

Систему сдержек и противовесов («checks and balances») принято рассматривать прежде всего в контексте проблематики конституционного права, поскольку разделение властей входит в систему принципов именно этой отрасли права.

Вместе с тем, отношения между законодательной, исполнительной и судебной властями складываются не только на государственном уровне, но и в отдельных сферах публичной деятельности, где реализуют свои полномочия те или иные органы государственной власти. Среди таких сфер деятельности, безусловно, и уголовное судопроизводство, в орбите которого функционируют и взаимодействуют органы судебной власти, прокуратуры, федеральные органы исполнительной власти и др.

Назначение системы сдержек и противовесов состоит в том, чтобы сохранять и поддерживать баланс между ветвями государственной власти. Взаимоотношения властей должны быть организованы таким образом, чтобы исключить возможность приобретения любой из них такого объема полномочий, который возвысит эту ветвь над другими и позволит узурпировать всю полноту власти.

Все это в полной мере актуально и для уголовного процесса. Так, нельзя не замечать очевидной связи между принципом разделения властей и принципом состязательности сторон, предполагающим, помимо прочего, отделение функции уголовного преследования, осуществляемой в том числе и в публичном порядке уполномоченными государственными органами, от функции разрешения уголовного дела, реализуемой судом. То же можно сказать и о принципе осуществления правосудия только судом, назначение которого сводится к тому, чтобы четко определить и оградить от постороннего вмешательства сферу исключительной компетенции судебных органов. По сути, эти принципы судопроизводства являются конструктивными элементами системы сдержек и противовесов, обеспечивающей на рассматриваемом уровне реализацию принципа разделения властей.

Система сдержек и противовесов в уголовном судопроизводстве призвана воспрепятствовать приобретению государственным органом или должностным лицом вла-

стных полномочий, которые служат средством реализации одновременно нескольких процессуальных функций. Очевидно, что антиподом уголовного судопроизводства, организованного на основе принципов состязательности и разделения властей, является инквизиционный уголовный процесс, в котором вся полнота власти принадлежит одному субъекту, выступающему в деле одновременно и обвинителем, и судьей. Поэтому вполне закономерно, что переход к состязательному судопроизводству в странах континентальной Европы происходил одновременно с проникновением в законодательство этих стран идей Монтескье о разделении властей. В некотором смысле принцип состязательности сторон является проекцией идеи разделения властей в судопроизводстве, чем и объясняется общность процессуальных механизмов обеспечения реализации этих принципов в уголовном процессе.

В современном конституционном и уголовно-процессуальном законодательстве принцип разделения властей просматривается прежде всего в положениях, закрепляющих гарантии принципа осуществления правосудия только судом (ст. 118 Конституции РФ). Любые вопросы, отнесенные Конституцией РФ или законами к компетенции судебной власти, могут разрешаться только судом. Это исключает возможность присвоения соответствующих полномочий органами исполнительной власти, реализующими в уголовном процессе функцию уголовного преследования. Соответственно, инициативная, осуществляемая в публичном порядке деятельность органов предварительного расследования и прокуратуры по изобличению лица в совершении преступления сдерживается отсутствием полномочия принимать решение, составляющее цель этой деятельности, т.е. привлечь лицо к уголовной ответственности. По смыслу ч. 1 ст. 49 Конституции РФ, принять решение о признании лица виновным в совершении преступления вправе только суд.

За редким исключением (например, ч. 2 ст. 22 Конституции РФ) органы публичного уголовного преследования не вправе также применять в отношении граждан меры процессуального принуждения, сопряженные с ограничением конституционных прав и свобод личности. Конституция РФ определяет перечень прав и свобод личности, ограничение которых допускается только на основании судебного решения, то есть в рамках осуществления правосудия (например, ч. 2 ст. 22, ч. 2 ст. 23, ст. 25, ч. 3 ст. 35 Конституции РФ). История знает немало примеров, доказывающих, сколь велик для обвинителя соблазн прибегнуть к принуждению с целью сломить сопротивление обвиняемого, упорно отстаивающего свою невиновность. Однако власть органов уголовного преследования сдерживается судебной властью, и это служит важнейшей гарантией прав и свобод личности против их незаконного и необоснованного ограничения.

Однако не следует думать, что объектом сдерживания в уголовном процессе являются только органы публичного уголовного преследования. Власть суда также ограничена отсутствием у него возможности проявить инициативу в осуществлении уголовного преследования или применении уголовно-процессуального принуждения. Отсутствие в силу требований принципа состязательности у суда полномочий начинать и осуществлять уголовное преследование служит мощнейшим сдерживающим фактором против монополизации в его руках властных полномочий и превращения уголовного процесса в инквизиционный.

В действующем уголовно-процессуальном законодательстве имеются еще более очевидные примеры, доказывающие функционирование в уголовном судопроизводстве системы сдержек и противовесов. Поскольку функция уголовного преследования осуществляется, главным образом, государственными органами, относящимися к исполнительной ветви власти, законодатель предусматривает гарантии против использования этих полномочий в целях давления на функционеров других ветвей власти. Так, например, относящиеся к компетенции органов исполнительной власти решения о возбуждении уголовного дела или привлечении в качестве обвиняемого могут приниматься в от-

ношении членов Совета Федерации и депутатов Государственной Думы, являющихся представителями законодательной власти, только с согласия соответственно Совета Федерации или Государственной Думы; в отношении судей – с согласия соответствующей квалификационной коллегии судей и т.д. В данном случае власть органов уголовного преследования сдерживается необходимостью обращения за согласием, соответственно, к органам законодательной власти или судебскому сообществу (органы которого формируются для выражения интересов судей как носителей судебной власти).

Несмотря на то, что в юридической литературе выражение «сдержки и противовесы» нередко используется как единое понятие, между «сдержками» и «противовесами» можно провести достаточно четкую границу. Так, *сдержки* представляют собой некоторые ограничения действий, наличие объективных факторов, препятствующих субъекту свободно реализовать свою волю. В этом смысле обязанность Председателя Следственного комитета РФ получать согласие Высшей квалификационной коллегии судей на возбуждение уголовного дела в отношении судьи областного суда (п. 4 ч. 1 ст. 448 УПК РФ) является типичным примером сдержек в уголовном процессе. Назначение *противовесов* – противостоять, противодействовать чему-либо. Соответственно, противовес – это полномочие, которое субъект может использовать в качестве ответной реакции на действия, посягающие, как он полагает, на его (или отстаиваемые им) права и законные интересы. Как правило, в уголовном судопроизводстве роль противовесов выполняют полномочия по обжалованию процессуальных действий или решений.

Говорить о системе сдержек и противовесов в уголовном процессе можно не только в масштабе разделения государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную. Такая система эффективна и необходима везде, где требуется строгое разграничение полномочий в целях предупреждения сосредоточения монопольной власти в руках одного субъекта или ведомства.

Происходившие во второй половине «нулевых» годов преобразования в отечественной системе правоохранительных органов и последующая реформа досудебного производства по уголовным делам 2007 года были нацелены на ликвидацию монопольного права прокуратуры осуществлять уголовное преследование. Напомним, что по ранее действовавшему законодательству вся полнота обвинительной власти была сосредоточена в руках прокурора, который мог самостоятельно возбуждать и расследовать уголовные дела, осуществлял процессуальное руководство и надзор за процессуальной деятельностью органов расследования, поддерживал государственное обвинение в суде. Создание Следственного комитета РФ, выведение предварительного следствия из-под процессуального руководства прокурора привело к *разделению обвинительной власти на прокурорскую и следственную*. И подобно тому, как для решения общегосударственных задач необходима деятельность всех ветвей власти – законодательной, исполнительной и судебной, в сфере уголовного судопроизводства для осуществления уголовного преследования требуются теперь консолидированные усилия прокурорской и следственной властей.

Особенностью современного российского уголовного процесса является четкое разграничение компетенции между прокурором и следственным органом. Вследствие этого прокурорская и следственная власти, с одной стороны, оказались отделены друг от друга, а с другой, являются необходимыми элементами единой системы, без которых она не может эффективно функционировать.

Досудебное производство выстроено в настоящее время таким образом, что в деле достижения назначения уголовного судопроизводства органы предварительного следствия и прокурор попросту не могут обойтись друг без друга. Прокурор не имеет полномочий своей властью начать осуществление уголовного преследования – эту функцию он может реализовать лишь с подачи следственного органа, тогда как орган предварительного следствия, обладая полномочиями на возбуждение и расследование уго-

ловного дела, не в состоянии без участия прокурора добиться применения по делу уголовного закона судом [1; с. 80].

Равновесность прокурора и следственного органа, их независимое по отношению друг к другу положение усиливают диалектику процессуальной деятельности, что в конечном счете способствует достижению назначения уголовного процесса. Ведь разногласия, столкновение позиций по ключевым вопросам досудебного производства обеспечивают своего рода «состязательность» внутри обвинительной власти, что обеспечивает принятие наиболее верных и оптимальных процессуальных решений. Для сохранения такого положения, для поддержания баланса в отношениях прокурора и следственного органа, в лице его руководителя, и требуется система сдержек и противовесов.

Сдерживание, как уже было сказано, заключается прежде всего в том, что ни прокурор, ни должностные лица следственного органа не могут друг без друга реализовать функцию уголовного преследования в полном объеме, т.е. от возбуждения уголовного дела и до поддержания государственного обвинения в суде. Будучи в равной мере причастными к обвинительной деятельности, прокурор и следственный орган осуществляют ее не одновременно, а последовательно – в эстафетном порядке. В итоге разделение обвинительной власти на следственную и прокурорскую проецируется на процессуальную деятельность в виде дробления функции уголовного преследования на этапы: следственный и прокурорский. Тем самым законодатель, во-первых, создает объективные препятствия концентрации всей полноты обвинительной власти в руках одного ведомства, а во-вторых, усиливает гарантии законности и объективности уголовного преследования, поскольку полная и последовательная реализация этой функции возможна теперь только при условии, что основания к тому усматривают и орган предварительного расследования, и, затем, прокурор.

Противовесы находятся в диалектической связи со сдержками, представляя собой полномочия, к которым субъект взаимодействия прибегает в том случае, когда считает применение в отношении него сдержек незаконным или необоснованным.

Так, например, полномочие прокурора вернуть уголовное дело следователю для производства дополнительного следствия, изменения объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или пересоставления обвинительного заключения и устранения выявленных недостатков (п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК РФ) является по отношению к следственной власти сдержкой. Противовесом решению прокурора выступает полномочие следователя с согласия руководителя следственного органа обжаловать данное решение прокурора вышестоящему прокурору (ч. 4 ст. 221 УПК РФ). Тем самым следственная власть имеет возможность добиваться устранения сдержек в осуществлении ею уголовного преследования.

Процессуальные решения, сдерживающие обвинительную деятельность, могут приниматься в ходе досудебного производства и при осуществлении судебного контроля. Например, отказ в удовлетворении ходатайства о производстве следственного действия или избрании меры пресечения в виде заключения под стражу является формой реализации сдержек в отношении следственного органа уже со стороны судебной власти. Очевидно, что следственная власть нуждается в полномочиях, которые могут быть противопоставлены подобным сдержкам, однако таковых не имеет. Между тем, уголовно-процессуальный закон не наделяет должностных лиц органов дознания и предварительного следствия правом на обжалование, к примеру, постановления судьи, вынесенного в порядке, предусмотренном ст. 165 УПК РФ. Как разъяснил Пленум Верховного Суда РФ, законность и обоснованность данного постановления могут быть проверены судом вышестоящей инстанции по представлению прокурора и жалобам лиц, права и законные интересы которых затрагиваются судебным решением [2]. Однако, как было сказано выше, прокурор, вследствие разделения в ходе досудебного производства обвинительной власти, не может рассматриваться как выразитель интересов следственно-

го органа, а значит, последний нуждается в скорейшем наделении соответствующими полномочиями.

Подводя итог, заметим, что взгляд на процессуальную деятельность сквозь призму проблематики разделения властей позволяет не только лучше понять организацию уголовного судопроизводства, но и вскрыть проблемные участки, требующие внимания законодателя. Необходимо отдавать себе отчет в том, что нереализованность системы сдержек и противовесов в отношениях властных субъектов чревата ошибками и злоупотреблениями, присущими всякой монополистической деятельности.

Список используемой литературы и источников

1. Дикарев, И.С. Система сдержек и противовесов в досудебном производстве по уголовным делам [Текст] / И.С. Дикарев // Журнал российского права. -2018. -№3. - С.76-83.

2. «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)» [Текст]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2017 г. №19 // Российская газета. - 2017. - 9 июня.

УДК 343.955

Н.М. Доценко, студент юридического факультета ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (г. Курск)

Научный руководитель: М.В. Шайкова, канд. психол. наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (г. Курск)

ВЛИЯНИЕ СТРЕССА НА ПРОФЕССИОНАЛЬНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Статья освещает проблему влияния стресса на деятельность сотрудников правоохранительных органов. Раскрыты основные стресс-факторы, последствия их воздействия и методы борьбы с ними.

Ключевые слова: стресс, стресс-факторы, профессиональное выгорание, профессиональная деформация, сотрудник правоохранительных органов

INFLUENCE OF STRESS ON PROFESSIONAL ACTIVITIES OF EMPLOYEES OF LAW ENFORCEMENT BODIES

The Article highlights the problem of the influence of stress on the activities of law enforcement officers. The main stress factors, the consequences of their impact and methods of dealing with them are revealed.

Keywords: stress, stress factors, professional burnout, professional deformation, law enforcement officer

Сотрудники правоохранительных органов знают, как никто другой знают, как на служебную деятельность влияют стрессогенные факторы. Их каждодневная деятельность, наполненная как опасными, так и бытовыми ситуациями, вызывает у многих работников этой сферы эмоциональное напряжение и физическое истощение. Поэтому просто необходимо знать, какие факторы влияют на накопление стресса в организме сотрудника правоохранительных органов, что может стать следствием стресса, и как предотвратить наступление этих стресс-результатов.

Стресс – это совокупность ответных реакций организма на реальные или мнимые стресс-факторы, нарушающие внутреннее равновесие организма, т.е. его гомеостаз.

Поэтому именно деятельность работников правоохранительной сферы служит предпосылкой появления у них различных стрессовых состояний. Различают несколько видов стресс-факторов в профессиональной жизни правоохранителя:

1. Социально-бытовые факторы[1] они исходят из социальных условий службы сотрудника, к таким факторам мы относим:

а) конфликт двойных стандартов, заключающийся в несоответствии служебных ценностей реальной действительности. К сожалению, на практике нельзя говорить о всеобщей беспристрастности и законопослушности работников правоохранительных служб. Коррупция, «оборотни в погонах», неудобные преступления, правила «системы» – все это рушит устоявшийся мир ценностей сотрудника, в особенности, новичка;

б) негативные отношения руководства и служебного коллектива. Это отношения могут носить самые разные формы: унижение чести и достоинства, домогательства, многочисленные придирки. О существовании данного стресс-фактора говорит такое громкое дело, как изнасилование женщины-участковой в Новотроицке ее же коллегами[2].

2. Факторы, связанные с процессом служебной деятельности[1]:

а) уверенность в своей профессиональной неподготовленности;

б) разорванный режим дня, отсутствие отдыха, нормальных приемов пищи;

в) недостаточный уровень физических и волевых качеств, нужных для выполнения своей работы;

г) высокая рабочая нагрузка, экстремальный вид деятельности;

д) необходимость общения с различными гражданами, чаще с маргинальными их представителями.

3. Временные факторы[1]:

а) временное ухудшение физического или психического здоровья;

б) трудности при переквалификации;

в) ожидание неблагоприятных изменений в служебном положении.

Многие стресс-факторы невозможно устранить, потому что сама деятельность правоохранительных органов предполагает их наличие, как, например, потребность в постоянной концентрации, боязнь за свою жизнь, высокая ответственность. Не научившись правильно нейтрализовать их воздействие на свою нервную систему, правоохранитель может подвергнуться профессиональному выгоранию или профессиональной деформации.

Поэтому сотрудники правоохранительных органов после 3 лет службы начинают испытывать профессиональное выгорание. Профессиональное выгорание – это процесс постепенной утраты физической, эмоциональной энергии, характеризующийся усталостью, утратой веры в свои силы и снижением эффективной деятельности[4]. У сотрудника, который подвергся влиянию этого синдрома, отмечаются эмоциональное и физическое истощение, состояние безнадёжности, отсутствие карьерных планов, равнодушность, потребность в самооправдании. Юридическими психологами было выявлено, что профессиональное выгорание тесно связано со стажем служебной деятельности. Поэтому мы считаем, что данный тип поведения выступает в качестве защитного механизма от длительного воздействия стресс-факторов, он способствует сохранению внутренней энергии правоохранителя[5].

Профессиональная деформация – это искажение профессиональных и личных качеств сотрудника правоохранительных органов, вызванное негативным влиянием профессиональной деятельности[6]. Профессиональная деформация выражается в состоянии хронической усталости, конфликтном характере отношений с гражданами, злоупотреблении своим служебным положением, халатности, уверенности наличия у себя права на применение насилия и пр. Из-за этого в обществе складывается стереотип о коррумпированности, некомпетентности всех работников правоохранительной сферы в целом. Если граждане перестают верить в эффективность деятельности правоохрани-

тельных органов, то они перестают верить и в закон. Это может пошатнуть устойчивость правопорядка и привести к увеличению количества преступлений, ведь люди будут пытаться «наказать» обидчика собственными силами, без обращения в органы.

Таковы неблагоприятные последствия влияния стресса на сотрудников правоохранительных органов, которые собой олицетворяют действие закона и права. Поэтому сотруднику необходимо бороться со стрессом, а этому ему может способствовать осознание своей значимости в коллективе и общественных отношениях, поддержка семьи, физические упражнения, развитие саморегуляции с помощью дыхательных методик, аутогенных тренировок, медитаций, релаксаций [1, 7]. Но избавление от стресс-факторов зависит не только от индивидуальных стараний правоохранителя, но и от государства и общества.

Таким образом, мы считаем, что государству необходимо повысить социальные условия службы сотрудников правоохранительных органов, а обществу необходимо бороться со стереотипным мышлением насчет профессиональной деятельности сотрудников, когда усердие правоохранителя будет окупаться финансовым вознаграждением, всеобщим признанием, то и влияние стресс-факторов заметно уменьшится, эффективность правоохранительной деятельности возрастет, а значит, укрепятся позиции законности и правомерности.

Список используемой литературы и источников

1. Табурца, В.А. Стресс в служебной деятельности сотрудника правоохранительных органов // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2015. Т. 13. С. 3126–3130 // URL: <https://e-koncept.ru/2015/85626.htm> (дата обращения: 27.10.2019 г.).

2. Ильин, А. В Оренбургской области шестеро полицейских изнасиловали участковую: [Электронный ресурс] // <https://www.mk.ru/incident/2016/05/20/v-orenburgskoy-oblasti-shestero-policeyskikh-iznasilovali-uchastkovuyu.html> (дата обращения: 27.10.2019 г.).

3. Сологуб, Н. «Тяжеловато приходится». Почему российские полицейские становятся самоубийцами // [Электронный ресурс] (дата обращения: 28.10.2019 г.).

4. Чернышева, Е.В., Злоказов К.В. Полицейская психология: [Электронный ресурс] // <http://yurpsy.com/files/ucheb/police/08.htm> (дата обращения: 28.10.2019 г.).

5. Варданын, Ю.В., Воробьева О.М. Исследование эмоционального выгорания сотрудников полиции в контексте психологической безопасности: [Электронный ресурс] // <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-emotsionalno-go-vygoraniya-sotrudnikov-politsii-v-kontekste-psihologicheskoy-bezopasnosti> (дата обращения: 28.10.2019 г.).

6. Кудрицкая, Ю.Е., Тухватуллина, М.А. Профессиональная деформация сотрудников органов внутренних дел: [Электронный ресурс] // <https://scienceforum.ru/2015/article/2015008715> (дата обращения: 28.10.2019 г.).

7. Кшеминский, Г. Стресс. Что это такое и как его снимать: [Электронный ресурс] // <https://4brain.ru/blog/стресс-что-это-и-как-снимать/> (дата обращения: 27.10.2019 г.).

8. Шайкова, М.В. Психологические детерминанты организации взаимодействия служб и подразделений правоохранительных органов [Текст] / М.В.Шайкова // Духовная ситуация времени. Россия XXI век. - 2015. - № 1 (4). - С. 81-84.

9. Шайкова, М.В. Психологическое консультирование руководителей правоохранительных органов при затруднении в профессиональном росте личности [Текст] / М.В.Шайкова // Юридическая психология. - 2009. - № 4. - С. 19-22.

10. Шайкова М.В. Психологические особенности профессиональной деятельности руководителя правоохранительных органов в экстремальных условиях [Текст] / М.В.Шайкова // Auditorium. - 2014. - № 2 (2). - С. 158-163.

11. Шайкова, М.В. Психологический аспект профессиональной пригодности сотрудников правоохранительных органов [Текст]: В сборнике: DNY VEDY - 2012

Materialy VIII mezinarodni vedecko-practicka conference / Материалы VIII Международной научно-практической конференции. - 2012. - С. 74-78.

УДК 343.14

А.С. Евстегнеев, канд. юрид. наук, доцент, зав. кафедрой уголовно-правовых дисциплин Костромского государственного университета

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ДОКАЗЫВАНИИ

В статье рассматриваются вопросы возможного использования результатов оперативно-розыскной деятельности в процессе доказывания по расследуемым уголовным делам на досудебных стадиях. Автор, убедительно доказывает целесообразность внесения изменений и дополнений в действующее законодательство, регулирующие порядок использования оперативно-розыскных данных в уголовном процессе.

Ключевые слова: доказательство, доказывание, оперативно-розыскная деятельность, собирание доказательств, норма права, преступление, преступность.

TO THE QUESTION OF THE USE OF THE RESULTS OF OPERATIONAL AND INVESTIGATIVE ACTIVITIES IN PROVING

The article deals with the possible use of the results of operational-investigative activities in the process of proof in criminal cases under investigation at the pre-trial stages. The author, convincingly prove expediency of introduction of changes and additions in the current legislation regulating an order of use operatively-search data in criminal process.

Key words: proof, proving, operational-search activity, evidence gathering, rule of law, crime, criminality.

Не секрет, современная преступность существенно отличается от её характеристик прошлых лет. Все чаще мы встречаем особо замаскированные способы ее проявлений, а совершаемые преступления носят организованный и межрегиональный характер, обладающие повышенной общественной опасностью. Анализ статистических данных свидетельствует о том, что, примерно, каждое пятое преступление относится к категории тяжких и особо тяжких преступлений. Проводимые исследования указывают на тенденцию криминализации важнейших сфер функционирования общества. Усиливается потенциал преступных организаций, повышается их экономическая и профессиональная составляющие. За последние пять лет наблюдается тенденция, хоть и незначительного, но увеличения относительного показателя таких преступлений с 2,5% до 3,7%. Естественно, такому состоянию преступности должен противостоять надежный заслон из действенных правовых норм, позволяющий вести надежную, беспристрастную борьбу с преступными проявлениями с широким использованием гласных и негласных методов. Анализ правоприменительной практики указывает на то, что эффективная борьба с такими проявлениями без использования специальных, негласных методов практически не возможна. Здесь необходимы: действенное правовое регулирование использования негласных методов, в том числе с применением специальных технических средств и современных технологий; внедрение передовых методик организации и проведения оперативно-розыскной и следственной деятельности по их раскрытию, расследованию и предупреждению.

Сказанное обуславливает необходимость заострить внимание на связи законотворческой, уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности. Дополнительно проанализировать существующие правила выявления, обеспечения сохранности, получения и оценки фактических сведений о преступной деятельности лиц, за которыми осуществляется негласное наблюдение в строгом соответствии с требованиями

законности. Не смотря на то, что действующее уголовно-процессуальное законодательство, вроде как, определяет порядок использования результатов оперативно-розыскной деятельности в процессе доказывания, однако, следует согласиться со специалистами – «введение результатов оперативно-розыскной деятельности в арсенал средств борьбы с преступностью пока... не отразилось на постулатах теории доказательств. ... Анализ многочисленных публикаций, направленных на преодоление противоречия между потребностью использования результатов оперативно-розыскной деятельности и теорией доказательств, показал, что пока теоретико-прикладная ситуация складывается не в пользу оперативно-розыскной деятельности» [1]. Сказанное находит свое подтверждение в положениях действующего законодательства, регулирующего оперативно-розыскную и уголовно-процессуальную деятельность. В частности, статья 89 УПК РФ имеет следующий заголовок «Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности», в то же время текст ее диспозиции начинается с фразы: «В процессе доказывания запрещается использование результатов оперативно-розыскной деятельности ...», после чего, законодатель как бы вспомнил про заголовок и, на наш взгляд, дописал интересную фразу: «... если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам настоящим Кодексом» [2].

Что касается части 1 ст. 11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», то ее положения как бы предусматривают возможность использования результатов такой деятельности в уголовном судопроизводстве. При этом законодатель указывает на то, что эти результаты «могут быть использованы для подготовки и осуществления следственных и судебных действий, проведения оперативно-розыскных мероприятий по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений, выявлению и установлению лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших, а также для розыска лиц, скрывшихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от исполнения наказания и без вести пропавших, имущества, подлежащего конфискации». Часть 2 данной правовой нормы предоставляет возможность правоприменителю использовать результаты оперативно-розыскной деятельности в качестве повода и основания для возбуждения уголовного дела, представлять их в орган дознания, следователю или в суд, в производстве которого находится уголовное дело или материалы проверки сообщения о преступлении, а также использовать в доказывании по уголовным делам в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, регламентирующими собирание, проверку и оценку доказательств, и в иных случаях, установленных данным Федеральным законом [3].

Если же мы обратимся к положениям ч. 1 ст. 86 УПК РФ, то обнаружим, что «Собирание доказательств осуществляется в ходе уголовного судопроизводства дознавателем, следователем, прокурором и судом путем производства следственных и иных процессуальных действий, предусмотренных настоящим Кодексом» [2].

Возвращаясь к анализу положений ст. 11, названного выше закона, то в содержании части 4 мы увидим предписание о том, что «Представление результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю, налоговому органу или в суд осуществляется на основании постановления руководителя органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, в порядке, предусмотренном ведомственными нормативными актами» [3] Таким нормативным актом является межведомственная «Инструкция о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю, прокурору или в суд» от 17 апреля 2007 года.

Между тем, законодательное определение доказательств (ч. 2 ст. 74 УПК РФ) и содержание уголовно-процессуальных норм, регламентирующих осуществление или производство процессуальных действий, с помощью которых было бы возможным признать сведения, полученные в процессе оперативно-розыскной деятельности доказательством, не может быть решено названной Инструкцией. Такой наш вывод вытекает

из того, что в уголовно-процессуальном законодательстве нет указания на данную Инструкцию и нет там ссылки на названное выше постановление руководителя органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, посредством которого могут быть переданы результаты оперативно-розыскной деятельности для использования в уголовном судопроизводстве. По нашему твердому убеждению, эта процедура должна быть урегулирована, в первую очередь, нормами уголовно-процессуального законодательства.

На наш взгляд, следует согласиться с авторами, которые считают, что положения статьи 89 и других норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации не решают этого вопроса [2]. Так как в диспозиции названной нормы указывается, что в процессе доказывания запрещается использование результатов оперативно-розыскной деятельности, если они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам, а порядок проведения оперативно-розыскных мероприятий, перечень которых приведен в статье 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» сам по себе не может отвечать требованиям, предъявляемым к доказательствам. В связи с этим мы приходим к выводу, что в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации даже не предпринята попытка решить проблему использования в уголовно-процессуальном доказывании сведений, полученных оперативно-розыскным путем.

Как отмечено выше, частью 1 статьи 86 УПК РФ предписан порядок собирания доказательств путем производства следственных и иных процессуальных действий, предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом. Из этого следует, что в понятие «собрание доказательств» входит не только получение сведений, о которых говорится в ч. 1 ст. 74 УПК РФ, но и их закрепление (фиксация) при производстве соответствующих следственных и других процессуальных действий в протоколе, так как в части 8 статьи 164 УПК РФ указано, что при производстве следственного действия ведется протокол в соответствии со статьёй 166 УПК РФ. Часть же 1 статьи 166 содержит следующее предписание «Протокол следственного действия составляется в ходе следственного действия или непосредственно после его окончания» [2]. Анализ законодательных положений собирания доказательств и производства доказывания в уголовном судопроизводстве подтверждает наш вывод о том, что действующее уголовно-процессуальное законодательство не содержит норм, позволяющих использовать в доказывании сведения, полученные в процессе оперативно-розыскной деятельности.

Вместе с тем, если мы не имеем урегулированного законом порядка представления и принятия в качестве доказательств результатов оперативно-розыскной деятельности, то это не должно означать, что нам следует полностью отказываться от их использования в процессе доказывания.

Основной проблемой, возникающей в каждом конкретном случае, когда требуется придать результатам оперативно-розыскной деятельности статус доказательств, является определение процессуального источника доказательств и, содержания необходимых для решения этой задачи процессуальных действий. Какие именно источники применять, какие процессуальные действия выполнить и какие тактические комбинации при этом использовать? Этот вопрос должен решаться дифференцированно, применительно к конкретной следственной ситуации на соответствующем этапе расследования конкретного уголовного дела.

По нашему мнению, легализация данных оперативно-розыскной деятельности возможна путем допроса свидетеля. При этом может потребоваться проведение определенных подготовительных действий, тактических операций или комбинаций, обуславливающих необходимость допроса этого лица.

Если речь идет о видео- и аудиозаписи, кино- и фотосъемке, иных предметах и документах, полученных в результате проведения оперативно-розыскных мероприятий, и когда не представляется возможным допросить лиц, выполнявших указанные действия,

допустимо придание им статуса вещественных доказательств, либо иных документов путем проведения ряда процессуальных действий. Например, произвести их выемку с последующим осмотром и приобщением к материалам уголовного дела в полном соответствии с требованиями действующего уголовно-процессуального законодательства. Лицо, у которого предполагается произвести выемку, которым является оперативный работник, предварительно должно быть допрошено об обстоятельствах получения (сбора) им этих материалов и уточнения места, где находятся, интересующие следствие (имеющие отношение к делу) материалы, полученные в результате проведения оперативно-розыскных мероприятий. После допроса этого работника предлагаем вынести постановление о производстве у него выемки соответствующих материалов и произвести их выемку в соответствии с требованиями статьи 183 УПК РФ.

Приведенные выше критические замечания к формулировке ст. 89 УПК РФ обуславливают ее реформирование. В этой норме, как нам представляется, фактически не урегулирован вопрос об использовании в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности, в связи с этим, на наш взгляд, данная норма нуждается в совершенствовании.

Следует отметить, что в юридической литературе не раз предлагалось дополнить Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации положением, определяющим значение данных оперативно-розыскного характера при доказывании. Представляется, что предлагаемые формулировки не всегда можно признать удачными.

Так, В. Борзов полагает, что есть все основания рассматривать Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» как источник уголовно-процессуального права и поэтому результатам оперативно-розыскной деятельности необходимо придать самостоятельный статус доказательств [6]. С точкой зрения В. Борзова, как нам представляется, не следует соглашаться. Результаты оперативно-розыскной деятельности могут быть получены из оперативных источников, способами, присущими этой деятельности, поэтому они сами по себе не имеют признаков уголовно-процессуальных доказательств и ими быть не могут, пока не приобретут такого статуса на основании, предусмотренном уголовно-процессуальным законодательством.

Наиболее удачной, нам представляется формулировка, предложенная В. Зажицким: «Сведения, добытые оперативно-розыскным путем (результаты ОРД), могут стать доказательствами по уголовному делу, если будут получены из процессуальных источников способами, предусмотренными настоящим Кодексом, и надлежащим образом закреплены в материалах уголовного дела» [8].

Названные формулировки действительно заслуживают внимания, но все они так и не содержат указаний на то, что эти действия должны соответствовать не только требованиям уголовно-процессуального, но и положениям Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

Мы предлагаем, статью 89 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации изложить в следующей редакции: «Результаты оперативно-розыскной деятельности могут быть признаны доказательствами, если они направлены на установление обстоятельств, подлежащих доказыванию, или иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, получены из источников и на основании положений, предусмотренных федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» и настоящим Кодексом, с соблюдением установленного этими законами порядка собирания, проверки и оценки доказательств». Автор не претендует на то, что текст данной нормы должен выглядеть именно так, это лишь предложение к обсуждению давно назревшей проблемы.

Список используемой литературы и источников

1. Поляков, М.П. Уголовно-процессуальная интеграция результатов оперативно-розыскной деятельности [Текст]: Монография / М.П. Поляков.- Н. Новгород, 2002. – С. 20.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Текст]: федеральный закон [принят Гос. думой 22 ноября 2001 г.: одобр. Советом Федерации 5 декабря 2001 г., №174-ФЗ]: офиц. текст: по сост. на 26 июля 2019 г. – М.: КНОРУС, 2019. – Ст. 89. – Ст. 86. – Ст. 164. – Ст. 166.
3. «Об оперативно-розыскной деятельности» [Текст]: федеральный закон [принят Гос. думой 5 июля 1995 г.: одобр. Советом Федерации 23 ноября 2005 г. № 144-ФЗ]: офиц. текст: по сост. на 2 августа 2019 г. // Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519/. – Ст. 11. Дата обращения: 22 ноября 2019 г.
4. Борзов, В. Результатам оперативно-розыскной деятельности – статус доказательств в уголовном процессе [Текст] / В. Борзов // Российская юстиция.- 2004. – № 4. – С. 46-48.
5. Зажицкий, В. Новые нормы доказательственного права и практика их применения [Текст] / В. Зажицкий // Российская юстиция.- 2003. – № 7. – С. 47.

УДК 343.102

Д.Б. Ежеченко, магистрант ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (г. Курск)

Научный руководитель: Т.К. Рябина, канд. юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (г. Курск)

**СЛЕДОВАТЕЛЬ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ КАК ОТРАЖЕНИЕ
ИСТОРИЧЕСКОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ РОССИЙСКОГО
УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА**

В статье на примере развития следственных органов рассматривается историческая дифференциация уголовного процесса России. Особое внимание уделено судебной реформе Александра II и, в частности, реформе следствия.

Ключевые слова: формы уголовного процесса, судопроизводство, полиция, следователь, следственный участок, судебная реформа 1864 года, следственно-судебная власть.

**INVESTIGATOR IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA AS A REFLECTION OF THE
HISTORICAL DIFFERENTIATION OF THE RUSSIAN CRIMINAL PROCESS**

The article examines the historical differentiation of the Russian criminal process using the example of the development of investigative bodies. Particular attention is paid to the judicial reform of Alexander II and, in particular, the reform of the investigation.

Key words: forms of criminal procedure, legal proceedings, police, investigator, investigative department, judicial reform of 1864, investigative and judicial power.

За весь период своего существования процессуальная фигура российского и советского следователя перетерпела ряд весьма значительных изменений. История отечественного следствия в целом насчитывает несколько столетий.

В силу особенностей пути исторического развития Российского государства, миновавшего рабовладельческий строй, феодальный тип уголовного процесса сложился в

нём изначально. Феодальный тип уголовного процесса включает в себя три формы: обвинительную, розыскную и смешанную [6, с. 10].

Обвинительная форма, исторически первая, восходит своими корнями ещё к первобытно-общинному строю и предшествует тем самым возникновению самого государства.

В Древней Руси основным нормативно-правовым источником, регулировавшим уголовное судопроизводство, выступала «Русская правда». Данный исторический документ базировался на обычаях, в нём само преступление воспринималась как обида, то есть касалось частных лиц. Противоречия между последними на протяжении длительного периода времени разрешались посредством судебного поединка.

Принципиально иной подход к взаимоотношениям личности и государства в связи совершением преступления возникает с появлением розыскной (инквизиционной) формы уголовного процесса. Центральная власть государства усиливается, в результате чего само государство начинает защищать личность от преступления. Уголовный процесс становится публичным, при этом формируется такой принципиально важный элемент процессуальной деятельности как предварительное расследование уголовных дел. Указывая на постепенное развитие и дальнейшее усиление публичных начал в расследовании преступлений, И.Я. Фойницкий подчёркивал, что с этого момента уголовный процесс становится «делом общественным, государственным» [5, с. 14].

Данный этап развития предварительного следствия характеризуется решающей ролью следователя в исходе всего дела. Само же следствие в указанный период проводится тайно, а права личности при этом игнорируются. Всё это в конечном итоге приводило к тому, что обвиняемый становился де-факто объектом исследовательской деятельности. Ещё одна характерная черта розыскного уголовного процесса – слияние предварительного расследования с деятельностью по разрешению дела и, как результат, возможность разрешения дела уже на этапе предварительного следствия. В совокупности с формальной системой доказательств при таких обстоятельствах судебные органы зачастую подменялись следственными. Однако даже в случае, если судебное следствие по делу всё же начиналось, оно основывалось на письменных документах, которые уже составили в полиции [7, с. 734-744].

Полиция выступала в качестве основного государственного органа, наделённого процессуальными полномочиями по расследованию уголовных дел. В городах следственные осуществляли следственные приставы. Изначально эта должность была учреждена в 1808 году в Санкт-Петербурге. Позднее – в Москве и ряде других крупных городов Российской Империи [4, с. 463].

Судебная реформа 1864 года, проведённая Александром II, в значительной степени изменила положение следователя в дореволюционной России, отделив его от суда. Так, Судебные Уставы, принятые 20 ноября 1864 года – в частности, Устав уголовного судопроизводства – передали само предварительное следствие из рук полиции судебным следователям. Должность последних была впервые учреждена 8 июня 1860 года. Кроме того, в том же 1860 году принимаются Учреждение судебных следователей, Наказ судебным следователям, а также Наказ полиции о производстве дознания – основные нормативно-правовые акты, которые подвели итог реформе следственных органов. В дальнейшем именно эти три вышеуказанных документа вошли в состав Устава уголовного судопроизводства [1, с. 176].

Таким образом, был установлен принципиально новый порядок судопроизводства по уголовным делам (преступлениям и проступкам). Ещё одной важной чертой вышеперечисленных нормативных актов стало то, что именно они официально установили две современные формы, в которых осуществляется предварительное расследование – следствие и дознание [2].

В этих же документах детально регламентировались полномочия, статус судебного следователя и порядок, в котором осуществлялось его взаимодействие с прокуратурой, а также судом и иными субъектами уголовно-процессуальной деятельности. Необходимо отметить, что с самого момента своего возникновения судебный следователь, как должностное лицо, обладал значительной самостоятельностью в части принятия решений и производства действий, которые были необходимы «для приведения обстоятельств дела в полную известность» [2].

Что же касалось суда, то в его компетенцию входили: издание указов и выдача предписаний следователям, проверка их действий, а кроме того, назначение преследования, право останавливать либо прекращать производство следствия, передавать дела от одного судебного следователя другому и направлять расследование.

Положения «Учреждения судебных установлений» устанавливали, что судебный следователь одновременно является членом окружного суда. Отсюда следовал аналогичный с порядком замещения должностей других членов суда порядок замещения должности следователя. Указ о назначении подписывал император по представлению министра юстиции. В этом смысле следователь по аналогии становился носителем судебной власти. Существовавшая правовая конструкция разграничивала его власть с властью прокурора, и в конечном итоге следователь предстал в виде объективной и беспристрастной фигуры, главной его задачей становилось достижение истины [9, с. 432].

Статьей 28 «Учреждения судебных следователей» устанавливалась процессуальная независимость судебного следователя: только вышестоящий суд обладал правом наложить на следователя дисциплинарное взыскание. Уволен же следователь мог быть лишь в случае обвинения его в совершении преступления [3].

В целом судебная реформа 1860 года имела своими социальными причинами такие тенденции, как, например, кризис производства в условиях сохранявшегося крепостного права и поражение России в Крымской войне. Исследуя эту сторону вопроса, исследователи подчёркивают неотделимость судебной реформы от прочих социальных реформ данного исторического периода. В этой связи логично сделать вывод, что сам судебный следователь, как вновь созданная процессуальная фигура, выступал в качестве закономерной реакции государственной власти на ту проблемную ситуацию, которая сложилась в уголовном судостроении. При этом, с точки зрения С.А. Шейфера, именно с преобразования следственной части началась собственно вся судебная реформа, что, вероятно, было обусловлено полицейским произволом [8, с. 45].

Изначально в качестве основной организационной единицы в деятельности судебных следователей Российской империи выступал следственный участок. Следственный участок был введен в ст. 7 и ст. 8 "Учреждения судебных следователей" от 8 июня 1860 г. Данные статьи устанавливали, что следственный участок территориально охватывает город (который, по замыслу законодателя, должен был находиться под юрисдикцией уездного суда), либо часть города или уезда. Основанием выделения следственного участка, как устанавливало "Учреждение судебных следователей", выступали сведения, «полученные от уездных судебных мест и полиции», то есть количество возбуждавшихся на соответствующей территории уголовных дел.

Количество участков, а равно места постоянной дислокации следователей определялись губернатором, который согласовывал данный вопрос с губернским прокурором. Так, восемь уездов Санкт-Петербургской губернии к концу 1860 г. были поделены на 11 следственных участков. На территории Санкт-Петербургского уезда были выделены три участка, на территории Царскосельского - два, на территории Шлиссельбургского, Петергофского, Ямбургского, Новолadoжского, Гдовского и Лужского уездов - по одному [3].

Введение должности судебного следователя, разумеется, не решила все проблемы, существовавшие в российском уголовном процессе того исторического периода. Вновь созданная система имела недостатки, касавшиеся, в частности, практической работы судебных следователей. Среди последних оказалось немало некомпетентных служащих. При этом само устройство нового типа следствия содержало ряд проблем. Например, критические суждения высказывались относительно противоречия, возникшего между его нормативными и теоретическими основами. К числу существенных недостатков правовой регламентации деятельности судебного следствия многие исследователи также относили отступление от положения ст. 3 Основных положений уголовного судопроизводства, касавшихся отделения власти обвинительной от власти судебной. Последнее обстоятельство привело к необходимости осуществления следователем функций обвинения и защиты, поскольку указанные стороны отсутствовали на данной стадии [8, с. 54].

И всё же, по замечанию С.А. Шейфера, с точки зрения логики и психологии полностью освободить от обвинительной функции следователя невозможно, поскольку познавательная деятельность данного субъекта уголовного судопроизводства неизбежно влечёт за собой необходимость во взвешивании «за» и «против» обвинения [8, с. 56].

В конце концов, учёные-процессуалисты времён судебной реформы XIX века так и не смогли выработать в целом ясного определения, что же представляет собой власть следователя. Тот факт, что в его функциях сочетались как розыскные (изобличение виновных лиц), так и исследовательские начала (установление истины по делу), вылился в двойное название, которое получила данная власть: «следственно-судебная» [8, с. 56].

Удивительно, но современная судебная реформа проходит такой же нелёгкий путь, как и реформа XIX века. Такой вывод обусловлен тем, что за более чем 25-летний срок в нашем государстве так и не были определены основные направления реформирования досудебного производства; статус следователя, отнесенного современным уголовно-процессуальным законодательством к стороне обвинения, стал ещё более шатким, противоречивым [10, с. 17-21], что негативным образом влияет на правоприменительную практику. Тем самым и перед наукой, и перед законодателем всё ещё стоит задача по выработке наиболее эффективного правового регулирования статуса следователя в российском уголовном процессе.

Список используемой литературы и источников

1. Виленский, Б.В. Судебная реформа и контрреформа в России [Текст] / Б.В. Виленский. - Саратов, 1969. - 400 с.
2. Дармаева, В.Д. Процессуальный статус российского следователя [Электронный ресурс] / В.Д. Дармаева // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 26.09.2019).
3. Серов, Д.О., Федоров, А.В. Следствие при Александре II: Следственная реформа 1860 г [Электронный ресурс] / О.Д. Серов, А.В. Федоров // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обновления: 26.09.2019).
4. Тарасов, А.В. Реформа предварительного следствия – три века одна проблема [Текст] / А.В. Тарасова // Юридическая техника. – 2011. – №5. – С. 463 – 468.
5. Фойницкий, И.Я. Курс уголовного судопроизводства [Текст] / И.Я. Фойницкий. - СПб.: Сенатская типография, 1902. – Т. 1. - 579 с.
6. Францифоров, Ю.В. Функциональное назначение деятельности следователя и его полномочия в состязательном уголовном процессе. Монография [Текст] / Ю.В. Францифоров, Д.В. Ванин. – М.: «Юрлитинформ», 2013. – 200 с.
7. Чельцов-Бебутов, М.А. Курс уголовно-процессуального права [Текст] / М.А. Чельцов-Бебутов. - СПб., 1995. – 846 с.

8. Шейфер, С.А. Досудебное производство в России: этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти [Текст]: Монография / С.А. Шейфер. - М.: «Норма: ИНФРА-М, 2013». – 192 с.

9. Шейфер, С.А. Становление фигуры следователя в законодательстве России: от пристава следственных дел к судебному следователю [Текст] / С.А. Шейфер // Проблемы современного состояния и пути развития органов предварительного следствия. - М.: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, 2010. – 496 с.

10. Рябинина, Т.К. Следственный комитет или судебный следователь? [Текст] / Т.К. Рябинина // Уголовное судопроизводство. - 2011. - № 1. - С. 17-21.

УДК 343.13

С.Л. Емельянов, канд. юрид. наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права и процесса УО «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины»

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПРОИЗВОДСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: ВОПРОСЫ ИХ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ

В статье рассматриваются вопросы дифференциации уголовного процесса и уголовно-процессуальных производств, выделяются уровни их дифференциации и виды дифференцированных производств, соответствующие каждому уровню. Указываются материальные и процессуальные основания, обуславливающие законодательное определение, регламентацию и применение дифференцированных порядков производства на современном этапе развития уголовно-процессуального права.

Ключевые слова: уголовный процесс, уголовно-процессуальные производства, дифференциация уголовного процесса.

CRIMINAL PROCESS AND CRIMINAL PROCEEDINGS IN THE REPUBLIC OF BELARUS: ISSUES OF THEIR DIFFERENTIATION

The article discusses the differentiation of the criminal process and criminal proceedings highlighted the levels of their differentiation and types of differentiated proceedings corresponding to each level. The material and procedural criteria that determine the legislative definition, regulation and application of differentiated procedures at the present stage of development of criminal procedure law are indicated.

Keywords: criminal process, criminal proceedings, the differentiation of the criminal process.

Деятельность по рассмотрению заявлений и сообщений о преступлениях, предварительному расследованию и рассмотрению (разрешению) в судебных заседаниях уголовных дел, разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, по возмещению вреда, причиненного незаконными действиями органов предварительного следствия и суда, по оказанию международной правовой помощи регламентирована уголовно-процессуальным законом и в данной связи является уголовно-процессуальной деятельностью. Уголовно-процессуальный закон устанавливает определенный порядок осуществления этой деятельности, именуемой уголовным процессом.

Таким образом, уголовный процесс – это осуществляемая в установленном законом порядке деятельность органов уголовного преследования (органа дознания, следователя, прокурора) и суда, содержанием которой является производство по материалам и уголовному делу, наделяемых при этом наряду с иными участниками данной деятельности соответствующими правами и обязанностями.

По материалам уголовно-процессуальная деятельность осуществляется при рассмотрении заявлений и сообщений о преступлениях; при проведении ускоренного производства; рассмотрении судом жалоб на действия и решения органов уголовного преследования; разрешении судом вопросов, возникающих при исполнении приговоров; при возмещении вреда, причиненного незаконными действиями органа, ведущего уголовный процесс; при оказании международной правовой помощи по уголовным делам на основе принципа взаимности по просьбе органа иностранного государства.

По конкретным уголовным делам рассматриваемая деятельность осуществляется с момента их возбуждения и принятия органом уголовного преследования к своему производству и до окончательного исполнения приговора.

В ч. 1 и 2 ст. 1 УПК указано, что Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь, основываясь на Конституции Республики Беларусь, устанавливает порядок деятельности органов, ведущих уголовный процесс, а также права и обязанности участников уголовного процесса. Установленный УПК порядок производства по материалам и уголовному делу является единым и обязательным для всех органов и должностных лиц, ведущих уголовный процесс, а также для иных участников уголовного процесса.

Указанный порядок производства по материалам и уголовному делу представляет собой уголовно-процессуальную форму.

Основу уголовно-процессуальной формы составляет предусмотренный законом единый порядок осуществления процессуальной деятельности, который определяется общими началами уголовного процесса, то есть его принципами. Принципы уголовного процесса опосредуют общие правила осуществления уголовно-процессуальной деятельности, независимые от его конкретных этапов, специфики материалов и особенностей уголовного дела, видов процессуальных действий. В дальнейшем уголовно-процессуальная форма трансформируется путем включения определенных элементов, свойственных различным ступеням, частям процессуальной деятельности и приобретает специфические черты.

Система уголовного процесса через призму процессуальной деятельности может быть представлена как система уголовно-процессуальных производств.

Вопрос о понятии и видах процессуальных производств достаточно глубоко рассмотрен в работах Ю.К. Якимовича. Определяя производство как определенную часть уголовно-процессуальной деятельности, автор в качестве главного и универсального критерия их разграничения видит направленность производства, выражающуюся в его задачах и предмете. Исходя из этого, Ю. К. Якимович разделяет все уголовно-процессуальные производства на три вида: 1) основные производства, 2) дополнительные производства и 3) особые производства.

К основным производствам автором отнесены те, в которых решается вопрос о том, было ли совершено преступление, виновно ли в его совершении конкретное лицо и подлежит ли оно уголовной ответственности. В дополнительных производствах, по мнению Ю.К. Якимовича, решаются процессуальные вопросы, связанные с исполнением приговора суда, изменением или прекращением исполнения наказания. И, наконец, к особым производствам отнесено производство по применению принудительных мер медицинского характера, в котором решаются вопросы о наличии или отсутствии оснований для применения указанных мер. Вид, называемый «основные производства», имеет, в свою очередь, соответствующие подвиды (обычное производство, упрощенное производство, производство с более сложными процессуальными формами). Именно такая система производств образует «каркас», при помощи которого, на взгляд Ю. К. Якимовича, упорядочивается содержание уголовного судопроизводства [1, с. 8-22].

Характеризуя категорию «уголовно-процессуальное производство», С. С. Цыганенко опирается на предложенный Ю.К. Якимовичем критерий разграничения производств и выделяет два их вида:

а) материальные, которые обеспечивают решение вопроса о виновности обвиняемого и его уголовной ответственности;

б) специальные производства, в которых решаются вопросы, не связанные с признанием виновности обвиняемого в совершении преступления, а имеющие обеспечительный для защиты прав личности характер и предназначенные для выполнения иных задач, связанных с деятельностью процессуальных органов.

Автор также отмечает, что по своему характеру, признакам и содержанию специальные производства значительно различаются между собой. Так, производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, дополняет соответствующему характеру этой стадии содержание уголовного судопроизводства, объясняя в целом свое назначение. Сходным с ним по своей роли и другим общим признакам является производство по возмещению вреда при реабилитации гражданина, порядок передачи лица, осужденного судом к лишению свободы, для отбывания наказания в государстве, гражданином которого оно является [2, с. 13–21].

На основании вышеизложенного можно выделить несколько уровней дифференциации уголовного процесса Республики Беларусь. Так, на первом уровне дифференциации уголовный процесс может быть представлен как система следующих видов уголовно-процессуальных производств:

1. Основное производство, ведущееся по поводу совершения предусмотренного уголовным законом общественно опасного деяния, являющегося основанием привлечения конкретного лица к уголовной, гражданской ответственности или применения в отношении такого лица принудительных мер безопасности и лечения;

2. Исполнительное производство;

3. Производство по возмещению вреда, причиненного незаконными действиями органа, ведущего уголовный процесс;

4. Производство по оказанию международной правовой помощи по уголовным делам на основе принципа взаимности по просьбе органа иностранного государства.

Второй вид производства дифференцирован (делится на производство по обращению к исполнению приговора, определения, постановления суда и производство по разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, определения, постановления суда), а третий и четвертый виды производства не дифференцированы.

В рамках каждого из видов уголовно-процессуального производства реализуется правообеспечительное производство, состоящее в обеспечении интересов уголовного процесса, надлежащего поведения всех его участников и защите их прав и законных интересов, в создании тем самым условий для раскрытия преступлений, изобличения и наказания виновных, недопущения осуждения невиновных. Оно включает производство по применению мер процессуального принуждения; производство по применению мер по обеспечению безопасности участников уголовного процесса; производство по устранению из производства по уголовному делу участников уголовного процесса; производство по рассмотрению и разрешению ходатайств и жалоб.

Следует отметить, что специфика правообеспечительного производства заключается в том, что оно не имеет самостоятельного значения и в зависимости от конкретного вида уголовно-процессуального производства могут реализовываться как все образующие его элементы, так и только некоторые из них.

Второй уровень дифференциации уголовного процесса образует дифференциация основного производства.

Прежде чем предложить свой вариант дифференциации основных производств, считаем необходимым исходить из следующего. В первую очередь, должна учитываться специфика регламентации досудебного и судебного производства, обусловленная решаемыми в их рамках задачами, что и нашло отражение в структурном построении УПК. Также во внимание следует принимать разнообразие законодательных конструк-

ций основных процессуальных производств: наряду с общим порядком производства в УПК предусмотрены порядки, закрепляющие, во-первых, самостоятельные формы одновременно досудебного производства и судебного разбирательства, во-вторых, самостоятельные формы только досудебного производства, и, в-третьих, самостоятельные формы только судебного разбирательства.

На основании вышеизложенного можно выделить следующие виды основных производств: досудебное производство, производство в суде первой инстанции, производство по пересмотру судебных постановлений (приговоров, определений (постановлений) суда).

Досудебное производство включает производство по материалам и уголовному делу, осуществляемое в общем порядке; производство по материалам и уголовному делу, определяемое общими правилами УПК и дополнительными процессуальными гарантиями (производство усложненного типа); ускоренное производство; производство по возбуждению уголовных дел частного обвинения.

Производство в суде первой инстанции включает производство по назначению и подготовке судебного разбирательства и непосредственно судебное разбирательство, которое, в свою очередь, охватывает производство по уголовному делу, осуществляемое в общем порядке; производство по уголовному делу, определяемое общими правилами УПК и дополнительными процессуальными гарантиями (производство усложненного типа); производство по делам частного обвинения; производство с сокращенным порядком судебного следствия; заочное производство.

К числу производств усложненного типа можно отнести: производство по уголовным делам о преступлениях, совершенных лицами в возрасте до восемнадцати лет; производство по уголовному делу о применении принудительных мер безопасности и лечения; производство по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц; по уголовному делу в отношении подозреваемого (обвиняемого), с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве; по материалам и уголовному делу в случае смерти подозреваемого, обвиняемого, лица, подлежащего привлечению в качестве подозреваемого, обвиняемого.

В основе законодательного определения и регламентации дифференцированных порядков как досудебного производства, так и судебного разбирательства лежат следующие критерии:

1) размер уголовно-правовой санкции, обусловленный степенью общественной опасности преступления;

2) степень сложности установления факта и обстоятельств совершения общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, и совершившего его лица;

3) пределы реализации публичных и частных начал;

4) наличие определенных свойств у лица, совершившего общественно опасное деяние, предусмотренное уголовным законом.

Производство по пересмотру судебных постановлений (апелляционное производство и надзорное производство) осуществляется в общем порядке и не дифференцируется.

В рамках основных производств также реализуется производство по гражданскому делу (производство по гражданскому иску).

В качестве материально-правовых и процессуальных оснований, обуславливающих применение самостоятельных видов производства (ускоренного производства, производства по делам частного обвинения, судебного разбирательства с сокращенным порядком судебного следствия; заочного производства по делам ускоренного производства), а также производств усложненного типа, следует рассматривать:

1) размер уголовно-правовой санкции, обусловленный степенью общественной опасности преступления;

2) процессуальная позиция органов, ведущих уголовный процесс, и (или) участников уголовного процесса, защищающих свои или представляемые права и интересы, с учетом которой решается вопрос о необходимости или возможности производства в конкретной процессуальной форме;

3) очевидность преступления;

4) совершение преступления в соучастии;

5) наличие (отсутствие) определенных свойств у лица, в отношении которого ведется производство.

Таким образом, ускоренное производство может осуществляться при наличии 1-го, 2-го, 3-го и 5-го оснований; досудебное производство и судебное разбирательство по делам частного обвинения – при наличии 1-го и 5-го основания; судебное разбирательство с сокращенным порядком судебного следствия и заочное производство по делам ускоренного производства – при наличии 1-го, 2-го, 3-го и 5-го оснований; производство по уголовным делам о преступлениях, совершенных лицами в возрасте до восемнадцати лет, о применении принудительных мер безопасности и лечения, в отношении отдельных категорий лиц – при наличии 5-го основания; производство по уголовному делу в отношении подозреваемого (обвиняемого), с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве – при наличии 1-го, 2-го, 4-го и 5-го оснований; производство по материалам и уголовному делу в случае смерти подозреваемого, обвиняемого, лица, подлежащего привлечению в качестве подозреваемого, обвиняемого – при наличии 2-го и 5-го оснований.

Список используемой литературы и источников

1. Якимович, Ю. К. Структура советского уголовного процесса: система стадий и система производств. Основные и дополнительные производства [Текст] / Ю.К.Якимович. - Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991. - 138 с.

2. Цыганенко, С. С. Проблемы процессуальных производств и их типов в новом УПК [Текст] / С. С. Цыганенко // Правоведение. - 2002. - № 4 (243). - С. 13 – 21.

УДК 343.94

К.С. Ильина, магистрант ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (г. Курск), kristin_ilina@mail.ru

Научный руководитель: М.В. Шайкова, канд. психол. наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (г. Курск)

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ ПОЛИГРАФА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В статье автор рассматривает проблемы, возникающие при расследовании преступлений и перспективы проведения психофизиологических экспертиз с применением полиграфа.

Ключевые слова: полиграф, психофизиологическое исследование, психофизиологическая экспертиза, специалист-полиграфолог

PROBLEMS AND PERSPECTIVE THE USE OF THE POLYGRAPH IN THE INVESTIGATION OF CRIMES

In this article the author considers the problems arising in the investigation of crimes and the prospects for psychophysiological examinations using a polygraph.

Key words: polygraph, psychophysiological research, psychophysiological examination, specialist polygraph.

На данный момент полиграф является одним из перспективных средств борьбы с преступностью. Эффективность психофизиологических исследований с применением полиграфа (ПФИ) в наше время не вызывает сомнений.

Полиграф представляет собой техническое устройство для регистрации и измерения физиологических процессов в организме человека при его опросе. Полиграф помогает узнать говорит человек правду или ложь. При ложном ответе специалист-полиграфолог отмечает у обследуемого объекта физиологическое изменение. У лиц, которые не причастны к расследуемому преступлению, такие реакции не регистрируются. [8, с.36]

Проведение ПФИ при расследовании преступления позволяет: оправдать лицо, которое не виновно в преступлении и не имеет к нему отношения; установить людей, которые причастны к преступлению, а также определить роль каждого в происшествии; установить местонахождение причастных к преступлению лиц; установить местонахождение имущества, которое было украдено; в определенных случаях позволяет склонить человека, виновного в преступлении, к даче признательных показаний.

В современной практике при расследовании преступления с помощью ПФИ специалисты-полиграфологи делают психолого-правовые выводы об информированности опрашиваемого и о его причастности к данному преступлению. Суждения полиграфологов имеют вероятностный характер, что значительно уменьшает их доказательную силу. [6, с. 121] В соответствии с нормами УПК РФ оценка достоверности возложена на должностные лица, то есть дознавателя, следователя, прокурора и суда.

В России психофизиологические экспертизы (ПФЭ) с применением полиграфа проводятся с 2001 года. На данный момент в регионах были проведены сотни психофизиологических экспертиз, большинство которых признано судами разных инстанций как доказательство.

Серьезной проблемой применения полиграфа в правоприменительной практике является проблема соблюдения основных принципов. Такими принципами считаются принципы гласности и добровольности, которые заключаются в информировании лица о возможности, сроках, целях и порядке проведения психофизиологического исследования, а также получения от обследуемого участника письменного согласия или несогласия на участие в экспертизе. Не допускается совершение каких-либо действий, направленных на оскорбление чести и достоинства человека и гражданина, нанесения ущерба жизни и здоровью, принуждению к участию в психофизиологическом исследовании.

Также при ПФЭ необходимо учитывать правильную организацию условий проведения опроса с использованием полиграфа. Нарушение данных принципов ведет к уменьшению результативности от ПФЭ с применением полиграфа и делает выводы недостоверными.

Стоит отметить, что до сих пор отсутствует общепринятая методика проведения ПФЭ с применением полиграфа. Российский ученый-юрист Е.Р. Россинская отмечает, что, хотя в Федеральном законе «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» указано, что «государственные судебно-экспертные учреждения одного и того же профиля осуществляют деятельность по организации и производству судебной экспертизы на основе единого научно-методического подхода к экспертной практике, профессиональной подготовке и специализации экспертов», судебно-экспертные методики, которые были разработаны в различных ведомствах, часто противоречат друг другу.[3] Вызвано такое противоречие тем, что существуют различия в методологических подходах к профессиональной подготовке специалистов-полиграфологов и оценке результатов в разных ведомствах.

Штатные полиграфологи МВД действуют согласно инструкции «Об организации проведения психофизиологических исследований с применением полиграфа в системе Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации», которая была у-

верждена Приказом Первого заместителя Генерального прокурора Российской Федерации – Председателя Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации № 64 от 09.12.2010 г.

Полиграфологи УФСБ руководствуются стандартом СТО РАЭБУР 51-01-99 «Порядок подготовки специалистов по опросам с использованием полиграфа (полиграфологов)» (государственный рег. номер 844268 от 9 февраля 1999 г.), который был разработан и введен Институтом криминалистики ЦСТ ФСБ России совместно с Российским агентством экономической безопасности и управления рисками (РАЭБУР) Торгово-промышленной палаты РФ. [2, с. 87]

Мы считаем, что для успешного применения полиграфа при расследовании преступления и уменьшения споров вокруг данного исследования, необходимо определить основания по применению ПФЭ с использованием полиграфа: необходимо разработать и утвердить общую методологию для проведения ПФИ; необходимо создать соответствующий уровень для подготовки специалистов-полиграфологов; необходимо применять средства объективного контроля при ПФИ (аудио-, видеозапись); необходимо допустить возможность проведения экспертной комиссией дополнительной экспертизы для повышения объективности и надежности выводов; необходимо законодательно определить дополнительные гарантии прав лицам, которые обеспечивают добровольность исследования на полиграфе.

Список используемой литературы и источников

1. Иванов, Р.С. Научные основы судебно-психологической экспертизы с применением полиграфа [Текст]: Материалы IX Международной научной конференции «Современная психология: теория и практика» 29 июня 2013 г. - Москва, 2013

2. Комиссарова, Я.В. Основы полиграфологии [Текст]/ Я.В.Комиссарова. - Москва: Проспект, 2017. – 192 с.

3. Россинская, Е.Р. Комментарии к Федеральному закону «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» [Текст] / Е.Р. Россинская.- Москва, 2002.

4. Россинская, Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе [Текст]/ Е.Р. Россинская.- Москва: Норма, 2005. – 656 с.

5. Бабаева, Э.У., Гайдук, А.П., Дворкин, А.И., Касьяненко, В.П. и др. Пособие для следователя. Расследование преступлений повышенной общественной опасности [Текст]/ Науч. ред.: Дворкин А.И., Селиванов Н.А. - Москва: Лига Разум, 1998. - 444 с.

6. Свободный, Ф.К. Полиграф в деятельности правоохранительных органов: проблемы и перспективы применения [Текст] / Ф.К.Свободный // Вестник Томского государственного университета. -2008. -С. 119-124.

7. Холодный, Ю.И. Опрос с использованием полиграфа и компетенция полиграфолога [Текст] / Ю.И.Холодный // Вестник Академия экономической безопасности МВД России.- №8.

8. Холодный, Ю.И. Судебная психофизиологическая экспертиза с использованием полиграфа [Текст] / Ю.И.Холодный // Информационный бюллетень СК МВД РФ. - Москва, 2012.

9. Шайкова, М.В. Соблюдение прав и свобод человека при применении полиграфа (психолого-этический аспект) в сборнике: Проблемы отправления правосудия по уголовным делам в современной России: теория и практика [Текст] / М.В. Шайкова // Сборник научных статей IV-ой Международной научно-практической конференции. Юго-Западный государственный университет. - 2015. - С. 308-312.

10. Шайкова, М.В. Перспективы развития применения полиграфа при раскрытии и расследовании преступлений на современном этапе развития общества. В сборнике: Актуальные вопросы современной юридической науки: теория, практика, методика

[Текст] / М.В. Шайкова // сборник материалов II Международной заочной научной конференции. Ответственный редактор В.Е. Бурый. - 2017. - С. 746-749.

11. Шайкова, М.В. Правовая психология и методы использования полиграфа: учебное пособие. [Текст]/ М.В. Шайкова. - Юго-Зап. гос. ун-т. Курск, 2019. – 215 с.

12. Шайкова, М.В. Применение полиграфа и других нетрадиционных методов при раскрытии и расследовании преступлений [Текст]/ М.В.Шайкова: В сборнике: Аубакировские чтения. Алма –Аты. -2015.- С. 516-523.

УДК 343.131

Д.А. Ирмакова, студент юридического факультета ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (г. Курск)

Научный руководитель: И.В. Ревина, канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (г. Курск)

ПРИНЦИП НЕЗАВИСИМОСТИ СУДЕЙ: РОЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ФАКТОРА ПРИ РАЗРЕШЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

В данной статье рассматривается принцип независимости судей с точки зрения влияния различных факторов извне и в том числе субъективных характеристик конкретного судьи, разрешающего дело по существу.

Ключевые слова: принцип независимости судей, судья, человеческий фактор, судебная ошибка.

THE PRINCIPLE OF INDEPENDENCE OF JUDGES: THE ROLE OF THE HUMAN FACTOR IN THE RESOLUTION OF CRIMINAL CASES

This article discusses the principle of the independence of judges from the point of view of the influence of various factors from the outside, including the subjective characteristics of a particular judge, who decides on the merits.

Keywords: principle of independence of judges, judge, human factor, judicial error.

Правосудие является одним из важнейших показателей современного государства, в сфере деятельности которого реализуется судебная власть. На территории Российской Федерации в силу особенностей менталитета населения правоохранительная и правоприменительная деятельность играет особую роль в поддержании порядка, защиты прав личности и в том числе осуществлении правосудия.

Профессия судьи на сегодняшний день является одной из самых престижных среди населения, потому как социально-правовой статус и некоторые другие аспекты его деятельности играют значительную роль для будущего того человека, который выберет именно это направление своей профессиональной деятельности. Судья же, в свою очередь, обязан отвечать высоким моральным требованиям в силу того, что фактически в его руках находится жизнь и честь человека, над которым вершится правосудие [5, с. 172].

Согласно Федеральному закону «О статусе судей в Российской Федерации» от 26.06.1992 N 3132-1 (ред. от 02.08.2019) судья при исполнении своих полномочий, а также во внеслужебных отношениях должен избегать всего, что могло бы умалить авторитет судебной власти, достоинство судьи или вызвать сомнение в его объективности, справедливости и беспристрастности. Поэтому большинство уголовных дел действительно рассматриваются по существу с соблюдением вышеуказанных начал ввиду наличия у судей достаточных моральных качеств и надлежащего правосознания.

Одновременно, деятельность судей при осуществлении правосудия по уголовным делам должна быть независимой. Судьи обязаны подчиняться только Конституции Рос-

сийской Федерации и федеральному закону (ч.1 ст. 120 Конституции Российской Федерации). Статья 8.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации гласит, что судьи рассматривают уголовные дела в условиях, исключающих постороннее воздействие на них.

Иными словами, раскрытие принципа независимости судей заключается в невмешательстве государственных органов, органов местного самоуправления, иных органов, организаций, должностных лиц или граждан в деятельность судей по осуществлению правосудия. В противном случае в отношении лиц, допустивших подобное вмешательство в правосудие, предусмотрена установленная законом ответственность.

Исходя из того, что судья должен осуществлять свою деятельность, выполняя такие принципы как законность, беспристрастность, объективность в своих решениях и действиях, равенство граждан перед законом и судом, его решения должны быть независимыми и справедливыми.

Однако, среди некоторых ученых-процессуалистов и простых обывателей существует мнение о том, что человеческий фактор, субъективное видение проблемы или давление со стороны участников процесса судье не всегда возможно побороть. Скажем, при разрешении определенных категорий уголовных дел, связанных с особой жесткостью совершения преступления, судья бы может и хотел назначить более суровое наказание, однако, закон предусматривает определенный верхний порог наказания не такой, который заслуживает преступник. Также существует и обратная ситуация, когда судья, исходя из имеющихся фактов, указывающих на то, что именно подсудимый совершил преступление, выносит обвинительный приговор в отношении данного лица, хотя впоследствии оказывается, что вовсе и не он совершил преступление. Речь идет о судебных ошибках, которые обусловлены как сложностями в выяснении действительных взаимоотношений участвующих в деле лиц, так и сложностью правоприменения [6, с. 5]. Безусловно, говорить о безошибочной и отлаженной работе судьи нельзя, потому что это человек, а не робот. Но в силу повышенного уровня ответственности судьи, его ошибку связывают с низким качеством правосудия. Также существует внешний показатель недостаточной реализации принципа независимости судей – это слабое материальное обеспечение судов [7, с. 57]. Отсюда следует мнение о доле коррумпированности и подкупности судей, что противоречит реализации принципа независимости на практике.

Таким образом, сущность человеческого фактора в процессе деятельности судей складывается из нескольких факторов и имеет решающее значение при осуществлении правосудия по конкретному делу, его действительному восприятию со стороны общества, а также авторитету судебной власти в целом.

Список используемой литературы и источников

1. Конституция Российской Федерации [Текст]: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс по состоянию на 14.10.2019г.

2. "О судебной системе Российской Федерации" [Текст]: федеральный конституционный закон от 31.12.1996 N 1-ФКЗ (ред. от 30.10.2018) // Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс по состоянию на 14.10.2019г.

3. "О статусе судей в Российской Федерации" [Текст]: Закон РФ от 26.06.1992 N 3132-1 (последняя редакция) // Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс по состоянию на 14.10.2019г.

4. "Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации" [Текст]: федеральный закон РФ от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 02.08.2019) // Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс по состоянию на 14.10.2019г.

5. Рябинина, Т.К. О содержании и проблемах реализации принципа независимости судей: нравственный аспект [Текст] / Т.К.Рябинина // Судебная власть и уголовный процесс. -2017. -№4. -С. 172-178.

6. Курченко, В.Н. Судебная ошибка: ответственность, но не право [Текст] / В.Н. Курченко // Российское право: Образование. Практика. Наука. -2019. -№3 (111). -С. 4-7.

7. Камардина, А. А. Независимость судей как принцип уголовного судопроизводства [Текст] / А.А.Камардина // АВБсП. - 2015. -№2. -С. 56-58.

УДК 343.152

А.М. Калущих, старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (г. Курск)

СТАДИЯ ИСПОЛНЕНИЯ ПРИГОВОРА И ЕЕ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ В УСТАВЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА 1864 ГОДА

Реформирование современного российского законодательства немыслимо без учета уже имеющегося исторического опыта. Судебная реформа Александра II и создание Устава уголовного судопроизводства 1864 года стало ключевым и переломным этапом в уголовно-процессуальной отрасли права. Данная статья содержит обзор норм, касающихся стадии исполнения приговора в свете нормативных преобразований XIX века.

Ключевые слова: исполнение приговора, стадия исполнения приговора, Устав уголовного судопроизводства, судебная реформа

THE STAGE OF EXECUTION AND ITS REGULATION IN THE STATUTE OF CRIMINAL PROCEDURE OF 1864

The Reform of modern Russian legislation is unthinkable without taking into account the existing historical experience. The judicial reform of Alexander II and the creation of the Statute of criminal procedure in 1864 was a key and turning point in the criminal procedure branch of law. This article provides an overview of the rules relating to the stage of execution of the sentence in the light of normative transformations of the XIX century.

Keywords: execution of sentence, stage of execution of sentence, Statute of criminal proceedings, judicial reform

Важным этапом развития уголовно-процессуального законодательства стала судебная реформа, проведенная Императором Александром II, в рамках которой в 1864 году был разработан и принят Устав уголовного судопроизводства (далее – Устав), заложивший основу для уголовного процесса Советского и постсоветского периода.

С уверенностью можно сказать, что институт исполнения приговора в его уголовно-процессуальном аспекте впервые получил столь детальную регламентацию именно в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. Так, Устав содержал 6-й раздел «Об исполнении уголовных приговоров». Отметим, что данный раздел был разбит на 4 главы, поэтапно раскрывающие механизмы реализации процессуальных действий на завершающем этапе судопроизводства.

В соответствии с главой 1 раздела 6 Устава уголовного судопроизводства, приговор суда вступает в законную силу в случаях отсутствия апелляционной или кассационной жалобы, а также, если данные жалобы были оставлены «без последствий». Обращаясь к современному законодательству, в частности к Уголовно-процессуальному кодексу РФ (далее – УПК РФ), видим, что подобная норма также существует. Так, ч. 1 ст. 390 УПК РФ гласит: «Приговор суда первой инстанции вступает в законную силу по истечении срока его обжалования в апелляционном порядке, если он не был обжалован сторонами». Напомним, что сейчас приговор обращается к исполнению судом первой инстан-

ции в течение трех суток со дня вступления в законную силу или возвращения уголовного дела из суда апелляционной инстанции» (ч.4 ст. 390 УПК РФ).

Устав также выделял исключительные случаи, которые прежде обращения приговора к исполнению представляются «через министра юстиции на усмотрение Императорского величества»:

1. приговоры, связанные с лишением «особенных прав и преимуществ» в отношении дворян, чиновников, священнослужителей, а также лиц, имеющих ордена и знаки отличия;

2. ходатайства о смягчении подсудимому наказания в размере ниже низшего предела, установленного санкцией нормы, или ходатайства о помиловании.

Безусловно, положительным моментом являлось точное распределение полномочий по исполнению приговора между различными органами власти и должностными лицами, участвующими в данный период. Современный же УПК РФ содержит крайне расплывчатую формулировку норм, относительно субъектов-участников стадии исполнения приговора. Более того, УПК РФ в разделе, посвященном участникам уголовного судопроизводства, не указывает среди полномочий, например, суда, деятельность, осуществляемую им в рассматриваемом этапе. Однако, еще в 1864 году Устав уголовного судопроизводства предусматривал специальную главу «Об обязанностях разных властей по исполнению приговоров», в соответствие с которой, основными субъектами были суд и прокурор, отдающий распоряжения по вопросам, выходящим за круг судебных действий. Кроме того, Устав выделял специальную категорию участников стадии – исполнители, обязанные «в точности следовать судебному приговору и исполнять согласные с оным требования прокурора». К таковым относились полиция, губернское правление, духовное ведомство, епархиальное начальство, а также судебные приставы. Несмотря на столь обширный круг субъектов, каждому из них предписывалось совершать точный перечень действий. Так, полиция, например, отвечала за отправку осужденного в места заключения, взятие его под надзор, а судебные приставы – за исполнение приговоров о денежных взысканиях, присужденных в качестве наказания или в качестве возмещения вреда потерпевшим.

Напомним, в современном российском законодательстве определить точный перечень обязанностей того или иного участника стадии исполнения приговора представляется весьма затруднительным, а иногда и невозможным.

Обратимся непосредственно к процессу исполнения приговора, регламентированному в Уставе 1864 года. Следует отметить, что глава, посвященная порядку исполнения приговоров, содержит ряд прогрессивных для своего времени положений. Так, наблюдается введение отсылочных (к примеру, ст. 958 УУС) и бланкетных (ст. 963 УУС) норм.

Особенностью Устава 1864 года можно считать включение в главу «О порядке исполнения приговоров» положений об оправдательном приговоре. В соответствии со ст. 958 Устава уголовного судопроизводства, приговор, оправдывающий подсудимого, исполняется при его провозглашении, тогда же оправданный «получает свободу». Тем самым, вынесение судом оправдательного приговора фактически лишало сторону обвинения права на его обжалование (приговор считался уже исполненным).

Также Устав предусматривал случаи отсрочки исполнения приговора:

1. в случае болезни осужденного – до выздоровления;
2. беременность женщины, а также 40 дней после рождения ребенка;
3. женщины, осужденные к ссылке, не подвергались наказанию до достижения ребенком 1,5 лет. Данная мера предоставляла возможность вскормить ребенка грудным молоком;
4. в случае замены наказания альтернативным наказанием, исполнение приговора приостанавливалось;

5. в случае обвинения осужденного в ином, более тяжком преступлении;

6. в случае побега осужденного, исполнение приговора приостанавливалось до помки.

В УПК РФ положения об отсрочке исполнения приговоров претерпели значительные изменения. Сохранились лишь нормы, касающиеся болезни осужденного, препятствующей исполнению наказания, а также правило об отсрочке в отношении беременной женщины и женщины, имеющей малолетнего ребенка (до достижения им 14 лет, а не 1,5, как это было в Уставе).

Примечательным является и «намек» на разрешение судом вопросов, связанных с исполнением приговоров. В статье 960 Устава указано: «Исполнение приговора в том, что требует непосредственных судебных действий, производится в судебном заседании председателем суда». перечень таковых «судебных действий» в Уставе уголовного судопроизводства 1864 года отсутствует.

До настоящего времени сохранилось правило, согласно которого осужденным могут предоставляться свидания. И если Уставом к осужденным допускались супруги, родственники и знакомые, то УПК РФ сузил круг лиц до родственников и близких родственников.

Интересным представляются положения Устава 1864 года, регламентирующие непосредственно порядок исполнения приговоров «над осужденными к наказаниям уголовным». Однако данные нормы ярко выражают дух того времени и особенности не только уголовно-процессуальные, но и уголовно-правовые (например, по вопросам о видах наказания).

Следует отметить, что Устав уголовного судопроизводства регулирует в основном процедуру исполнения публичной казни. Среди процессуальных моментов следует выделить наиболее важные. Так, обряду публичной казни не подвергались несовершеннолетние (лица, не достигшие 21 года) и престарелые (лица, старше 70 лет). Об исполнении обряда публичной казни составлялся протокол «со скрепой секретаря и подписью прокурора». Немаловажным являлось положение, согласно которого время, проведенное в заключении по вступлении приговора в законную силу, зачислялось в определенный приговором срок отбывания наказания.

И вот уже более полутора веков нормы Устава уголовного судопроизводства являются отправной точкой, ориентиром для законодателей. Многие вопросы, решенные столь масштабным правовым актом, в том числе касаясь стадии исполнения приговора, возможны для заимствования в современное уголовно-процессуальное право с редактированием под реалии XXI века. История циклична, и подобная актуальность правовых норм тому подтверждение.

УДК 343.159

В.С. Каменков, старший научный сотрудник Южно-Уральского университета, заведующий кафедрой финансового права и правового регулирования хозяйственной деятельности Белорусского государственного университета, д-р юрид. наук, профессор

КАЗНИТЬ НЕЛЬЗЯ, А ДОГОВОРИТЬСЯ?

В статье рассмотрены доступная статистика и природа судебных, прокурорских, следственных ошибок, возможный потенциал их снижения, объективные предпосылки для использования, условия применения, вероятные причины их неприятия, отдельные предложения по совершенствованию правового регулирования медиации в уголовно-правовой сфере.

Ключевые слова: право, ошибка, уголовное дело, правонарушение, преступление, вина, наказание, медиация, примирение.

YOU CAN'T EXECUTE, BUT AGREE?

In article are considered actual, important for creation of civil society, effective settlement of the conflicts and legal disputes of a problem of possible use of mediation in the criminal and legal sphere taking into account the current legislation.

Keywords: criminal law, criminal trial, offense, crime, punishment, mediation, reconciliation.

Актуальность темы настоящего научного исследования не требует больших подтверждений и доказательств. Юридическая наука убедительно показывает, что медиация по уголовному делу рассматривается в качестве одной из стратегических моделей развития самого уголовного процесса.

Приведем позицию одного из авторов, основанную на сравнительно-правовом анализе уголовно-процессуального законодательства европейских стран англо-американской и романо-германской правовых систем. Он приходит к выводу, что выработанные учеными разных стран модели уголовного процесса могут быть объединены в рамках шести уголовно-процессуальных стратегий (общих моделей): 1) защита прав и свобод обвиняемого; 2) уголовное преследование; 3) социальная поддержка обвиняемого; 4) социальная поддержка потерпевшего; 5) рациональность и эффективность уголовного судопроизводства; 6) процедуры примирения (медиация) [1].

Сразу же оговоримся, что использование медиации по уголовному делу вообще не нужно увязывать с какими-либо просчетами. Медиация – это самостоятельная процедура и может применяться независимо от наличия или отсутствия по делу ошибок.

Но почему мы предлагаем связать медиацию с ошибками. Для того, во-первых, чтобы по уголовным делам свести возможные ошибки к минимуму. Слишком дорогими они оказываются для всех. Во-вторых, потому, что через субъективную вероятность допущения собственной ошибки следователем, прокурором, судьей легче добиться от них же восприятия медиации по уголовному делу. А не только через теоретические и нормативно-правовые послышки.

Зададимся вопросом: что такое ошибка по уголовному делу? Прямого ответа в действующем законодательстве на этот вопрос нет. В УПК Республики Беларусь [2, ст. 402] со словом «ошибка» имеются только нормы об описках, счетных ошибках и неточностях. Правда, есть более жесткие нормы о неправильном применении уголовного закона [2, ст. 389, 392]. Такие же нормы имеются и в УПК Российской Федерации [3] и иных государств.

А по мнению судьи Верховного Суда Российской Федерации Колоколова Н.А. «...отсутствие четкого определения понятия «судебная ошибка», злоупотребление сто-

ронами правом на обжалование, с одной стороны, несовершенство механизма исправления судебных ошибок – с другой, ведут к коллапсу судебной деятельности по исправлению судебных ошибок, подмене данного направления судебной работы неоправданным вмешательством вышестоящих судебных структур в решения судов первой инстанции» [4].

Более того, он полагает, что такая формулировка правовых норм УПК по выявлению и исправлению судебных ошибок «...вырывает суд из социально-правовой действительности, несмотря на то, что ошибочная работа судов как составной части государственного аппарата порой заранее предопределена ошибками в выборе государственной политики в целом» [4].

Но это в отношении суда. А как быть с незаконностью или неправомерностью у органа дознания, следователя и прокурора? Ведь они отнесены УПК к органам уголовного преследования [2, ст. 6]. И все эти лица могут допустить неправильное применение уголовного закона. Примеры в практике имеются [5]. УПК предоставляет право прокурору [2, ст. 34] или начальнику следственного подразделения [2, ст. 35] реагировать на жалобы, проверять законность, отменять постановления органа дознания, следователя (за некоторым исключением, то есть не все) и т.д.

Но, обратим внимание на различие в правовых нормах, их императивности в одном случае и диспозитивности – в другом. Неправильное применение уголовного закона судом императивно является основаниями к отмене или изменению приговора при рассмотрении уголовного дела в апелляционном порядке [2, ст. 389]. Более того, УПК однозначно расшифровывает, что нужно понимать под неправильным применением уголовного закона [2, ст. 392].

А у прокурора и начальника следственного подразделения есть только право поступить так или иначе, то есть субъективный подход: могут отменить незаконное постановление, могут не отменять, могут дать указания и т.п. Такая субъективность даже при самом жестком контроле вышестоящих прокуроров руководителей органов следствия, но при сохранении единого ведомства или близких ведомств, не обеспечивают полной гарантии от ошибок. Напрашивается, как минимум, необходимость судебного контроля в таких случаях.

Логика подсказывает, что при таком открытом правовом регулировании должна быть и доступная соответствующая статистика. Как бы подтверждающая, что в ведомствах все в порядке в этом смысле или наоборот, сигнализирующая об отсутствии порядка.

Обратимся к статистике. Но доступной статистики тоже нет.

А объективные предпосылки для использования медиации в уголовном судопроизводстве имеются. Их можно подразделить на исторические, религиозные, международные, иностранные, законодательные и иные.

Историческими предпосылками можно назвать достаточно богатый опыт наших и иных государств, использовавших медиацию или иные схожие механизмы в прошлые века.

«Примирение сторон как основание, исключающее уголовное преследование, было представлено еще в Псковской судной грамоте 1467 г. По Судебнику 1497 г. примирение обвинителя с обвиняемым (кроме дел о введомых лихих людях) допускалось в любой стадии процесса. Оно влекло прекращение уголовного дела с уплатой судебных пошлин.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. предусматривало специальное основание – освобождение от наказания вследствие примирения с обиженным. По этому поводу предписывалось: «Когда преступление или проступок такого рода, что оные, на основании законов не иначе могут подлежать ведению и рассмотрению суда, как следствие жалобы, обиженным или оскорбленным через то противозаконное

деяние частным лицом приносимой, то приговор о наказании виновного отменяется, если принесший жалобу примирится с виновным прежде исполнения приговора».

В Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. речь шла о том, что в случае примирения сторон по уголовным делам частного обвинения судебное преследование не может быть возбуждено, начатое же подлежит прекращению» [6].

Религиозные предпосылки медиации, как наиболее давние с духовным содержанием можно обнаружить во всех известных религиях. Например, «...мотив примирения красной нитью проходит через весь Новый Завет. Смирение, способность к прощению обид, мирному разрешению конфликтов, ориентация на потребности и мотивы противоположной стороны – важнейшие христианские добродетели. Примирительные идеи находят свое теоретическое обоснование и развитие в христианстве. В христианстве осуждается и запрещается не просто физическое насилие, но и любое сопротивление нравственного порядка» [7]. И эти предпосылки используются в ряде государств.

К *международным* предпосылкам следует отнести нормы и принципы международного права, регулирующие медиацию в уголовном судопроизводстве. В частности, это Рекомендация N R(99)19 о медиации в уголовных делах [8]. В ней отражено, что основными принципами, на которых строится медиация (посредничество) в уголовных делах, являются: добровольность, согласие сторон, конфиденциальность переговоров, общедоступность посреднических услуг, возможность медиации в любой стадии судопроизводства, независимость служб медиации. Законодательство должно способствовать медиации в уголовных делах.

Так называемыми *иностранными* предпосылками применения медиации в уголовном судопроизводстве является законодательство и опыт его применения в иностранных государствах. О них подробнее пойдет речь ниже в настоящей статье.

Законодательные предпосылки – это те нормы и принципы действующего законодательства, которые можно рассматривать в качестве основания для развития и совершенствования медиации по уголовному делу.

Так, В УК РФ предусмотрено, что «...лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено от уголовной ответственности, если оно примирилось с потерпевшим и загладило причиненный потерпевшему вред» [9, ст. 76].

Также в УПК РФ – «...суд, а также следователь с согласия руководителя следственного органа или дознаватель с согласия прокурора вправе на основании заявления потерпевшего или его законного представителя прекратить уголовное дело в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести, в случаях, предусмотренных статьей 76 Уголовного кодекса Российской Федерации, если это лицо примирилось с потерпевшим и загладило причиненный ему вред» [10 ст. 25].

Аналогичные или очень схожие правовые нормы имеются в УК [11, ст. 89] и УПК [12, ст.ст. 26, 29,30] Республики Беларусь.

Перечисленные правовые нормы называют реальные возможности и условия использования примирения по уголовному делу, они реально применяются и могут служить хорошим основанием для расширения медиативных технологий в уголовном процессе. Достаточно на практике в течение определенного времени провести мониторинг эффективности использования примирения, проанализировать результаты и внести предложения. Так поступали многие иностранные государства.

Применение медиации и иных подобных технологий реально может повлиять на снижение количества ошибок органов дознания, следователей, прокуроров и судов по уголовным делам. То есть медиацию нужно еще рассматривать в качестве потенциального резерва для их снижения.

Причины неприятия или не достаточно активного использования медиации в уголовном процессе могут быть различны.

На первом месте, скорее, находится субъективный фактор. Опыт проведения мероприятий по внедрению медиации, практика общения с представителями правоохранительных органов показывают, что нередко о медиации и в этих структурах знают только понаслышке или близко к этому. Некоторые даже рассматривают медиацию в качестве конкурента соответственно следователю, прокурору, судье. Когда же эти люди вчитываются в смысл медиации или проходят специализированную подготовку, то они становятся ярыми сторонниками медиации в уголовном процессе.

Не менее важен и фактор загрузки, занятости. Когда у органа дознания, следователя, прокурора, судьи в производстве несколько десятков дел и материалов, то у него меньше времени остается для размышления о создании «комфортности» соответствующих лиц по делу с помощью медиации. На первое место выходит фактор законности. Но ведь законность и медиация не являются антагонистами.

Поэтому применение медиации в уголовном деле может активизироваться по инициативе конкретных следователей, прокуроров и судей, их руководителей разных уровней, по инициативе адвокатов и лиц, чьи интересы они представляют.

И это далеко не только теоретический вопрос, а одна из самых практических и жизненных проблем, в разрешении которой заинтересованы человек, государство, общество, в том числе и международное сообщество. Поскольку она напрямую затрагивает права и законные интересы каждого, кто потерпел от преступления, любого, кто его совершил и членов их семей.

Очень часто лица, еще только подозреваемые в совершении преступления, слышат от дознавателя или следователя на вопрос: «что же со мной будет?», ответ – «ищи способ помириться с потерпевшим». Так вот медиация – это и есть официальный и законный способ урегулировать многие вопросы между указанными лицами, не опасаясь совершения нового преступления.

Настоящая тема интересна также для работников подразделений дознания, Следственного комитета, органов прокуратуры, судей, адвокатов, преподавателей, аспирантов и студентов юридических факультетов, для депутатов Национального собрания при разработке проектов законов по медиации и многих иных людей.

Еще три-четыре года назад соответствующие оппоненты возразили бы в категоричной форме против медиации в уголовном праве и уголовном процессе, ссылаясь на публичный характер отношений, возникающих в результате совершения противоправного деяния, господство императивного метода регулирования в данных отраслях права и т.д. Но уже тогда это было бы ошибкой. «...многие современные... юристы понимают медиацию как один из альтернативных методов разрешения исключительно гражданских и арбитражных споров. Уголовно-правовая медиация полностью выпала из поля зрения или даже считается теоретически невозможной и на концептуальном уровне логически противоречивой, поскольку идеи и техника якобы несовместимы с механизмом действия уголовного права и уголовного процесса» [13].

А реальность такова, что сегодня о медиации в уголовном праве и в уголовном процессе уже не только говорят, но ее реально используют. И Республика Беларусь здесь не первая.

«В уголовных правоотношениях медиация в принципе не исключена. Она активно используется в данной сфере в ряде стран Европы, а в отдельных из них в своей разновидности – полицейской медиации. По мнению Арутюнян А.А., медиация в уголовном судопроизводстве (для разрешения уголовно-правовых конфликтов) рассматривается как процедура, в рамках которой независимое и беспристрастное третье лицо – посредник (медиатор) – участвует в разрешении уголовно-правового конфликта между лицом, совершившим противоправное деяние, и лицом, которому

противоправным деянием был причинен вред, с целью примирения сторон и нахождения взаимоприемлемого решения по вопросам возмещения вреда, причиненного противоправным деянием, а также по иным вопросам, которые могут возникнуть при разрешении уголовно-правового конфликта, на основе добровольного волеизъявления сторон, и которая может повлечь юридические последствия для сторон уголовно-правового конфликта в рамках производства по уголовному делу» [14].

Обоснования для использования медиации в уголовном праве и в уголовном процессе могут быть различными для каждой страны, но наиболее вероятными и приемлемыми причинами являются следующие.

Во-первых, медиация рассматривается многими исследователями и странами как модель построения нового механизма правового регулирования общественных отношений не только с позиции государственного императива, но и общественного диспозитива, справедливости и взаимного согласия, позволяющего избежать, или преодолеть возможные кризисы. В уголовно-правовой сфере – это кризис в понимании, соотношении и восприятии обвиняемым (осужденным) и потерпевшим основных категорий: преступления и наказания.

Во-вторых, применение медиации при разрешении уголовных дел логически вытекает из современных теорий, воплощенных в жизнь в различных государствах, о гуманизации наказаний, восстановительном правосудии, альтернативном разрешении конфликтов и споров, о сделке с правосудием (следствием), о развитии ювенальной юстиции. «Карательное» правосудие не приводит к миру между потерпевшим и лицом, совершившим преступление, между этим лицом и государством, обществом. Конфликт остается. Не в этом ли кроется одна из причин рецидивной преступности?

В-третьих, практическая апробация результатов медиации при разрешении конфликтов в различных правовых сферах и международное признание ее результативности, подробная регламентация в международных нормативно-правовых документах ее применения, служит определенной гарантией надежности при внедрении этого правового института в национальные законодательства.

В-четвертых, медиация в уголовном судопроизводстве, как и в иных правовых сферах, несет существенный экономический и правовой результат: уменьшается нагрузка на государственные суды, сокращаются расходы на содержание осужденных, у судей высвобождается больше времени для качественного разрешения иных уголовных дел, для профилактической деятельности и т.п.

В-пятых, в основе всякого правового спора, в том числе уголовно-правового, лежит конфликт между соответствующими субъектами. А любой конфликт потенциально содержит возможность его урегулирования. Высшей степенью конфликта есть война, но и войны завершаются миром. Альтернативой войне является только мир, в том числе в уголовном праве, в уголовном процессе.

Исследователи медиации указывают, что «... в отдельных государствах (например, в Австрии, Германии, Финляндии и Польше) медиативные процедуры регламентированы отдельными законами в отношении ювенальной юстиции. В этом случае процедура посредничества инициируется судьей или государственным прокурором и является альтернативой судебному разбирательству.

Нормы о посредничестве между жертвой и взрослым правонарушителем могут отражаться как в Уголовно-процессуальном кодексе (Австрия, Франция, Бельгия, Финляндия, Польша), так и в Уголовном кодексе (Германия, Финляндия, Польша). Во Франции в Уголовно-процессуальном кодексе закреплено также посредничество для несовершеннолетних. В Европе широко распространена система, связанная с проведением процедуры посредничества по инициативе государственного прокурора, который в соответствии со своей компетенцией может принять решение о проведении медиации

и после обеспечить необходимые дальнейшие шаги по делу с учетом проведенной встречи. Одним из таких шагов часто становится условное осуждение» [15].

В США и иных американских государствах медиация в уголовном судопроизводстве также используется достаточно активно. «В 70-е годы прошлого столетия в США, в результате практикуемой общественными и религиозными организациями восстановительной работы с преступниками, стали появляться различные программы примирения в уголовном судопроизводстве. Примером такой программы является Victim-Offender Mediation program (медиация между жертвой и преступником), которая работала настолько успешно, что к концу 80-х годов действовала по крайней мере в 42 судебных округах (к слову, вся территория США поделена на 94 судебных округа)...

Программы примирения потерпевших и правонарушителей являются самой распространенной формой восстановительного правосудия. В качестве основной технологии в таких программах используется посредничество (медиация)...

В первые годы на медиацию направлялись материалы по преступлениям небольшой тяжести, совершенные несовершеннолетними преступниками, в последнее время все сильнее обнаруживает себя иная тенденция: на медиацию все чаще направляют материалы о преступлениях более тяжелых или совершенных взрослыми преступниками» [16].

В Казахстане нормы о медиации имеются в Уголовном кодексе (далее – УК РК [17]) и в Уголовно-процессуальном кодексе (далее – УПК РК [18]).

Так, ст. 68 УК РК [17] предусматривает возможность освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением.

В частности, несовершеннолетние, беременные женщины, женщины, имеющие малолетних детей, мужчины, воспитывающие в одиночку малолетних детей, женщины в возрасте пятидесяти восьми и свыше лет, мужчины в возрасте шестидесяти трех и свыше лет, впервые совершившие тяжкое преступление, не связанное с причинением смерти или тяжкого вреда здоровью человека, могут быть освобождены от уголовной ответственности, если они примирились с потерпевшим, заявителем, в том числе в порядке медиации, и загладили причиненный вред. При освобождении от уголовной ответственности к несовершеннолетнему применяются принудительные меры воспитательного воздействия (п. 2 ст. 68).

Одновременно УК РК [17] указывает, что названные правовые нормы не распространяются на лиц, совершивших преступления по неосторожности, повлекшие смерть человека либо смерть двух и более лиц, коррупционное преступление, террористическое преступление, экстремистское преступление, преступление, совершенное в составе преступной группы, преступление против половой неприкосновенности малолетних (п. 4 ст. 68).

Кроме того, УК РК [17] предусмотрел, что не подлежат уголовной ответственности за отказ от дачи показаний медиаторы – против лиц и об обстоятельствах, ставших им известными в связи с медиацией (ст. 421).

В УПК РК [17] медиация закреплена на уровне принципа осуществления судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон (ст. 23). При этом подозреваемому, обвиняемому, подсудимому предоставлены следующие права: свободно отрицать свою виновность или признавать себя виновными, примириться с потерпевшим, заключить процессуальное соглашение, соглашение о достижении примирения в порядке медиации.

Кроме того, среди прав подозреваемого названо его право примириться с потерпевшим в случаях, предусмотренных законом, в том числе в порядке медиации (ст. 64).

Такое же право предоставлено потерпевшему: примириться, в том числе в порядке медиации, с подозреваемым, обвиняемым, подсудимым в случаях, предусмотренных законом (ст. 71).

УПК РК также установил, что не подлежит допросу в качестве свидетеля медиатор – об обстоятельствах, ставших известными ему в связи с проведением медиации, за исключением случаев, предусмотренных законом (ст. 78).

Медиатор в УПК РК отнесен к иным лицам, участвующим в уголовном процессе (гл. 10), наряду со свидетелем, экспертом, специалистом, переводчиком, понятым, секретарем судебного заседания и судебным приставом.

В УПК РК содержится и дефиниция понятия «медиатор». Медиатором является независимое физическое лицо, привлекаемое сторонами для проведения медиации в соответствии с требованиями закона о медиации [17].

Медиатор вправе:

- 1) ознакомиться с информацией, предоставляемой сторонам медиации органом, ведущим уголовный процесс;
- 2) ознакомиться с данными об участниках уголовного процесса, являющихся сторонами медиации;
- 3) встречаться с участниками уголовного процесса, являющимися сторонами медиации, наедине и конфиденциально без ограничения количества и продолжительности встреч в соответствии с уголовно-процессуальным законом;
- 4) содействовать сторонам в заключении соглашения о достижении примирения в порядке медиации.

Медиатор обязан:

- 1) при проведении медиации действовать только с согласия сторон медиации;
- 2) до начала медиации разъяснить сторонам медиации ее цели, а также их права и обязанности;
- 3) не разглашать сведения, ставшие ему известными в связи с проведением процедуры медиации.

Медиатор вправе с согласия сторон осуществлять процедуру медиации с момента регистрации заявления и сообщения об уголовном правонарушении и на последующих стадиях уголовного процесса до вступления приговора в законную силу (ст. 85).

Кроме того, УПК РК предусматривает, что по итогам рассмотрения гражданского иска в уголовном деле суд выносит одно из следующих решений, в т.ч. об утверждении мирового соглашения либо соглашения об урегулировании спора в порядке медиации по гражданскому иску и прекращении производства по нему (ст. 170).

Также подробно регламентированы права и обязанности участников уголовного процесса в связи с возможностью заявления ходатайств о медиации, в том числе в апелляции. Столь подробная регламентация статуса медиатора в уголовном процессе свидетельствует о намерении активно использовать эту процессуальную фигуру.

К сожалению, научных исследований и публикаций о медиации в уголовном праве и уголовном судопроизводстве в Беларуси совсем не много. Хотя сомневающийся об эффективности медиации в этих сферах остается все меньше, поскольку «...многообразие моделей медиации в уголовном судопроизводстве различных стран свидетельствует о том, что каждое государство, внедряющее процедуру медиации, стремится найти оптимальный вариант, дающий возможность наиболее эффективно использовать потенциал медиации для разрешения уголовно-правового конфликта и в то же время не нарушать базовые принципы национального уголовного судопроизводства» [19].

Однако для того, чтобы выбрать лучшую вариацию медиации в обсуждаемой сфере, необходимо иметь представление об их разнообразии.

Например, в Австрии в 1985 г. вначале была разработана модель медиации для внесудебного разбирательства дел несовершеннолетних нарушителей, которая получила широкое распространение в рамках уголовного судопроизводства [20]. Через четыре года (в 1989 г.) эта модель была закреплена законодательно. А с 1992 г. эта форма внесудебного разбирательства распространилась также на дела взрослых правонарушителей,

лей, сначала в виде экспериментальной модели, которая впоследствии (с 1 января 2000 г.) была закреплена в законе. И наконец, в июне 2003 г. был принят австрийский Федеральный закон о медиации [21].

В Великобритании используются несколько форм медиации, которые позволяют урегулировать конфликт на любой стадии уголовного процесса по всем категориям дел. В связи с этим в зависимости от стадии процесса, где они применяются, выделяют судебную медиацию и полицейскую медиацию [22].

Финляндии «...в настоящее время процедура медиации в уголовном судопроизводстве... регулируется Законом о примирении в уголовных и некоторых гражданских делах (Act on Conciliation in Criminal and Certain Civil Cases N 1015/2005), который вступил в силу 1 июня 2006 г. Этот документ содержит положения об организации служб медиации, о порядке финансирования медиативных процедур и о правилах проведения самой процедуры. Он предоставляет сторонам право возбудить процедуру посредничества как при обращении в суд, так и в ходе судебного разбирательства, а также в апелляционном производстве. В зависимости от стадии процесса стороны обращаются с просьбой о проведении медиативной процедуры путем подачи ходатайства, апелляционной жалобы» [23]. В соответствии с Законом о медиации по уголовным делам в 2006 г. было проведено 3749 процедур, в 2007 г. – 10 015, в 2008 г. – 11 249. Среди категорий уголовных дел, по которым чаще всего проводятся процедуры медиации, выделяются дела об оскорблении чести и достоинства, нарушении тишины и покоя граждан, избийении, семейном насилии, кражах, нанесении ущерба, насильственных преступлениях. В 2008 г. в 74% случаев заявления о проведении медиации по уголовным делам поступали из полиции; в 22% случаев – из прокуратуры, в 0,2% случаев – по инициативе родителей. Медиацию по уголовным делам проводят добровольные медиаторы, аккредитованные при службах медиации [24].

В Португалии в соответствии с Законом N 21/2007 «О медиации» на урегулирование конфликтов с помощью медиации могут быть переданы уголовные дела о преступлениях против личности или собственности, относящиеся к категории дел частного или частно-публичного обвинения, максимальное наказание за совершение которых не превышает пяти лет лишения свободы [25]. Медиация может быть инициирована прокурором на любой стадии предварительного расследования. Стороны процесса также вправе ходатайствовать о проведении процедуры медиации для разрешения конфликта. Дальнейшее движение процесса зависит от результата медиативной процедуры. Если стороны не заключили медиативное соглашение и не пришли к примирению, то должностное лицо возобновляет производство по делу в общем порядке. Заключение же сторонами примирительного соглашения означает отказ потерпевшего от заявления о возбуждении уголовного дела. Но, если обвиняемый в срок не выполняет обязанности, предусмотренные соглашением, за потерпевшим сохраняется право подачи нового заявления для возобновления производства по делу [26].

Понимая все особенности уголовно-правовой сферы и необходимости особого правового регулирования применения медиации в ней, нужно заметить следующее. Общевропейской и даже общемировой тенденцией последних тридцати лет является активное внедрение в национальные правовые системы процедур альтернативного урегулирования конфликтов в различных правовых областях, в том числе медиации. Уголовно-правовые отношения не составляют исключения. Объективных предпосылок для отказа от медиации в означенной сфере просто не существует.

Список используемой литературы и источников

1. Стойко, Н.Г. Уголовный процесс западных государств и России: сравнительное теоретико-правовое исследование англо-американской и романо-германской правовых систем [Текст]: Дис. ... д-ра юрид. наук /Н.Г. Стойко. - СПб., 2009. - С. 26 (Жариков,

Ю.С. Современная стратегия развития уголовного судопроизводства в России [Текст] / Ю.С. Жариков // Современное право. -2018. -N 7-8. -С. 86 - 91).

2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Текст]: Кодекс Республики Беларусь от 16.07.1999 N 295-З (ред. от 17.07.2018)//Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь.- 28.07.2018.- 2/2569.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Текст]: федеральный закон от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 27.12.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2019) // Собрание законодательства РФ.- 31.12.2018.- N 53 (часть I).- ст. 8478.

4. Колоколов, Н.А. Судебная ошибка в уголовном процессе: понятие, пути исправления [Электронный ресурс] / Н.А. Колоколов // Уголовное судопроизводство.- 2007.- N 2.

5. См., например, Осин, В.В. Кто защитит адвоката от незаконных действий следователя? [Текст] / В.В. Осин // Адвокат. -2011.- N 10. -С. 41 – 52; Артамонова, Е.А. О правомерности производства очной ставки с обвиняемым, отказавшимся от дачи показаний [Текст] /Е.А.Артамонова // Российский судья.- 2017. -N 9. -С. 24 - 27.

6. Российское законодательство X - XX веков Т. 6: Законодательство первой половины XIX века [Текст]. - М., 1991. - С. 206. См. Хидзева, З.Х. Понятие медиации в уголовном процессе Российской Федерации [Электронный ресурс] / З.Х.Хидзева //Российский следователь.- 2008.- N 23// КонсультантПлюс: Дата доступа: 22.01.2019 г.

7. Полуяков, А.Примирение сторон в арбитражном и гражданском процессе [Электронный ресурс] / А. Полуяков // Арбитражный и гражданский процесс.- 2006.- NN 5, 6.

8. См., например, Рекомендация N 6 г (87) 18 Комитета министров Совета Европы "Относительно упрощения уголовного правосудия" [Текст]: Принята 17.09.1987 // Сборник документов Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью.- М.: СПАРК, 1998. С. 116 – 122; Рекомендация Комитета министров Совета Европы от 15 сентября 1999 г. N R(99)19 по медиации в уголовных делах (принята Комитетом министров 15 сентября 1999 года на 679-й встрече представителей Комитета)//Медиация. Национальный информационный портал. [Электронный ресурс] // URL: http://mnip.pro/rekomendacija_komiteta_ministrov.html.UKio3oeN52A.

9. Уголовный кодекс Российской Федерации [Текст]: федеральный закон РФ от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 27.12.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2019)//Собрание законодательства РФ.- 31.12.2018.- N 53 (часть I).- ст. 8495.

10. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Текст]: федеральный закон РФ от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 27.12.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2019) // Собрание законодательства РФ.- 31.12.2018.- N 53 (часть I).- ст. 8456.

11. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Текст]: Кодекс Республики Беларусь от 09.07.1999 N 275-З (ред. от 17.07.2018)//Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь.- 28.07.2018.- 2/2569.

12. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Текст]: Кодекс Республики Беларусь от 16.07.1999 N 295-З (ред. от 17.07.2018)//Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 28.07.2018, 2/2569.

13. Головкин, Л.В. Институт уголовно-правовой медиации и его перспективы в Российской Федерации [Текст] / Л.В.Головкин // Закон. - 2009.- N 4. -С. 127.

14. Амельчяня, Ю.А. Вопросы применения способов альтернативного разрешения споров в Республике Беларусь [Электронный ресурс]/Ю.А.Амельчяня //КонсультантПлюс, 2014 г.; Арутюнян, А.А. Медиация в уголовном процессе [Текст]: автореф. дис.... канд. юрид. наук: 12.00.09 / А.А.Арутюнян; Моск. гос. ун-т. - М., 2012. - 32 с.

15. Ельчанинов, А.П. Зарубежный опыт реализации процедур медиации в уголовно-правовой сфере [Текст] / А.П.Ельчанинов // Мировой судья.- 2013. -N 2. -С. 24 – 28.

16. Василенко, А.С. Медиация в уголовном процессе США [Текст] / А.С.Василенко // Вестник Пермского Университета. Юридические науки.- 2012.- N 2. -С. 202 - 208.

17. Уголовный кодекс Республики Казахстан [Текст]: Кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226 – V ЗРК// Вестник Парламента РК.- 2014 г.- № 13 – II. - ст. 83.

18. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан [Текст]: Кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231//Казахстанская правда.- 10.07.2014.- № 133 (27754).

19. Арутюнян, А.А. Медиация в уголовном процессе [Текст] / А.А.Арутюнян.- М.: Инфотропик Медиа, 2013. - 200 с.

20. Бирюков, П.Н., Пронин А.В. Процедура медиации в Австрии [Текст]/ П.Н.Бирюков // Арбитражный и гражданский процесс. - 2011.- N 10. - С. 42- 43.

21. Гроенхейзен, М. Медиация жертвы и правонарушителя: правовые и процедурные гарантии. Эксперименты и законодательство в некоторых европейских странах [Текст] / М.Гроенхейзен // Восстановительное правосудие. - М., 2003. - С. 38.

22. Головкин, Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном английском праве [Текст] / Л.В.Головкин // Правоведение.- 1998. - N 3.- С. 18.

23. Борисова, Е.А. Российская процедура медиации: концепция развития [Текст] / Е.А.Борисова // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. - 2011. - N 5. - С. 22.

24. Шиловская, А.Л. Повышение эффективности гражданского и уголовного процесса с помощью медиации [Текст] / А.Л.Шиловская // Юридический мир. - 2013. - N 10.- С. 47 - 50.

25. Большова, А.К. О примирительной процедуре с участием посредника [Текст] / А.К.Большова // Журнал российского права. - 2008. - N 5. - С. 98 - 103.

26. Арутюнян, А.А., Добролюбова, Е.А. Медиация как способ урегулирования уголовно-правовых и предпринимательских споров: сравнительно-правовой анализ [Текст] / А.А.Арутюнян, Е.А.Добролюбова// Законодательство. - 2012. - N 7. - С. 28.

УДК 343.163

И.И. Карлин, магистрант ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (г. Курск)

Научный руководитель: В.В. Струкова, канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (г. Курск)

СОДЕРЖАНИЕ И РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОКУРОРОМ ФУНКЦИЙ НАДЗОРА И УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ В ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Данная статья посвящена раскрытию содержания функций прокурора. Особое внимание уделяется таким направлениям деятельности, как прокурорский надзор и уголовное преследование, а также проблемам их реализации.

Ключевые слова: прокурор, надзор, уголовное преследование, досудебное производство, предварительное расследование, органы следствия, органы дознания.

THE CONTENT AND IMPLEMENTATION BY THE PROSECUTOR OF THE FUNCTIONS OF SUPERVISION AND PROSECUTION IN THE PRE-TRIAL STAGES OF THE CRIMINAL PROCESS

Abstract: this article is devoted to the disclosure of the content of the functions of the Prosecutor. Special attention is paid to such areas of activity as prosecutorial supervision and criminal prosecution, as well as problems of their implementation.

Keywords: *prosecutor, supervision, criminal prosecution, pre-trial proceedings, preliminary investigation, investigation bodies, inquiry bodies.*

Согласно ч. 1 ст. 37 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее УПК РФ) прокурор является должностным лицом, уполномоченным осуществлять надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия, а также уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства [1].

Под содержанием функции прокурорского надзора понимается выявление фактов нарушений законодательства, их причин и условий органами дознания и следствия, а также реагирование на выявленные нарушения.

Изучив следственную практику можно сказать, что существует проблема необоснованного и незаконного применения мер процессуального принуждения к подозреваемым и обвиняемым. Горнов А.И. предлагает прокурору тщательно следить за деятельностью следственных подразделений в ходе проверки в части соблюдения порядка задержания, соответствия данных, зафиксированных в протоколе, материалам уголовного дела. По его мнению, необходимо безотлагательным образом принимать меры по пресечению случаев задержания подозреваемых в совершении преступлений на основании протоколов об административных правонарушениях, а также по устранению выявленных нарушений [6, с. 479].

Следует отметить, что прокурор, реализуя функцию надзора, обнаружив лиц, незаконно задержанных или лишенных свободы, незаконно помещенных в медицинский или психиатрический стационар либо содержащихся под стражей свыше срока, определенного уголовно-процессуальным законом, может руководствоваться ч. 2 ст. 10 УПК РФ в своей деятельности. Следует обозначить, что прокурор при надзоре, проверяя законность постановлений о приостановлении предварительного следствия по основаниям пп. 1 и 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, обязуется, как оценивать полноту расследования и оперативно-розыскных мероприятий, так и внимательно изучать материалы приостановленных уголовных дел одновременно с соответствующими делами оперативного учета.

В настоящий период времени, в соответствии с ч. 1 ст. 214 УПК РФ, прокурор имеет право отменить незаконное или необоснованное решение о прекращении уголовного дела или уголовного преследования, кроме дел частного обвинения, не позднее 14 суток с момента получения материалов уголовного дела. Отменив данное решение, прокурор выносит мотивированное постановление и незамедлительно сообщает о нем руководителю следственного органа. В соответствующем документе излагаются конкретные обстоятельства, подлежащие дополнительному расследованию. Однако позиция Конституционного суда Российской Федерации по поводу указанного срока, изложенная в Постановлении от 14.11.2017 № 28-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М.И. Бондаренко», неоднозначна. Суд указывает, что 14-дневный срок начинается тогда, когда прокурор получил материалы дела, которое в целях проверки в рамках надзорной деятельности может быть истребовано, а, соответственно, истечение данного срока не лишает прокурора права принимать соответствующее решение [3]. Иными словами, установленный УПК РФ срок не выступает в качестве пресекающего и препятствующего осуществлению прокурором своей компетенции.

Прокурор в порядке ст. 221 УПК РФ реализует помимо надзорной функции и уголовное преследование, заключающееся в даче письменных указаний о производстве дополнительного расследования, об изменении объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или для пересоставления обвинительного заключения и устранения выявленных недостатков [1]. Прокурор тем самым побуждает следователя к действиям по осуществлению уголовного преследования. Вместе с тем это побуждение идет от уже принятого следователем или дознавателем процессуального решения, причем незаконного и необоснованного. Согласно закону, функция уголовного преследования, в отличие от функции надзора, затрагивающей только деятельность органов предварительного расследования, имеет место быть в уголовном процессе.

Законодатель рассматривает «уголовное преследование» как процессуальную деятельность, которая осуществляется с целью изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления стороной обвинения (п. 55 ч. 1 ст. 5 УПК РФ). Однако некоторые не относят прокурора к полноценным участникам уголовного преследования.

После реформы 2007 г. прокурор не в силах осуществлять эффективное уголовное преследование в целостном виде в связи с тем, что существующих на сегодня его полномочий, направленных на реализацию им функции уголовного преследования в досудебном производстве, недостаточно [7, с. 80].

Получается, что фактически функция уголовного преследования на досудебной стадии осуществляется органами дознания и предварительного следствия. При этом прокурор всячески обязан способствовать осуществлению указанной функции. Вместе с тем следует согласиться с высказыванием профессора С.П. Герасимова по поводу осуществления прокурором уголовного преследования: «прокурор действует по двум направлениям, включая непосредственное осуществление уголовного преследования (возбуждение и расследование уголовных дел) и участие прокурора в уголовном преследовании, осуществляемом другими органами» [4, с. 47].

Актуальной на сегодняшний день выступает проблема начала осуществления функции уголовного преследования. С одной стороны, в силу п. 55 ст. 5 УПК РФ, уголовное преследование имеет место быть с того момента, когда в деле появляются подозреваемый или обвиняемый. С другой стороны, если исходить из положений ст. 21 УПК РФ, то моментом, с которого начинается уголовное преследование, признается обнаружение признаков преступления. В результате, можно считать, что функция уголовного преследования проявляется с обнаружением признаков преступления и в отношении скрывшегося преступника посредством закрепления следов общественно опасного деяния, принятия иных мер для его изобличения.

Сычев Д.А. предлагает наделить прокурора вынесением требования об осуществлении уголовного преследования. По его словам, это поможет прокурору быстро реагировать на уже существующую или потенциальную неполноту расследования дела. Считает правильным внести следующие изменения в п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ: «...требовать от органов дознания и следствия осуществления уголовного преследования и устранения нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе дознания или предварительного следствия» [8, с. 52]. Действительно, наделение прокурора в уголовном процессе подобной задачей поможет и в реализации такого принципа, как разумность срока уголовного судопроизводства.

Василенко А.А. в своей работе говорит о том, что прокурора необходимо наделить полномочиями руководителя деятельности участников уголовного процесса. Такие нововведения будут соответствовать поставленным задачам современного состязательного уголовного процесса России. Здесь имеется виду полноценная и постоянная реализация прокурором функции обвинения на стадии возбуждения уголовного дела и в ходе предварительного расследования, а также осуществление им от имени государства эффективного уголовного преследования. Только таким образом можно говорить о

прокуроре как о доминирующем представителе среди других участников процесса [4, с. 58]. Модернизация прокурорской деятельности в досудебной стадии необходима для искоренения существующего так называемого «противоборства» между прокуратурой и органами расследования.

Таким образом, в силу действия ч. 2 ст. 1 Закона о прокуратуре РФ в целях обеспечения верховенства закона, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также интересов общества и государства прокуратура осуществляет надзор за органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие, в части исполнения законов РФ [2]. Если исходить из уголовно-процессуального законодательства, то прокурор полномочен осуществлять надзор за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования. Иными словами, в соответствии с законодательством РФ, органы прокуратуры выполняют следующие функции: надзор за соблюдением законности и уголовное преследование.

Список используемой литературы и источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Текст]: федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 04.11.2019) // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.11.2019).

2. «О прокуратуре Российской Федерации» [Текст]: федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 26.07.2019) // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.11.2019).

3. «По делу о проверке конституционности отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М.И. Бондаренко» [Текст]: постановление Конституционного Суда РФ от 14.11.2017 № 28-П // Российская газета. - 2017.- № 267.

4. Василенко, А.А. О необходимости расширения полномочий прокурора и их четкой регламентации в досудебном производстве [Текст] / А.А.Василенко// Общество: политика, экономика, право. - 2018. - № 4. - С. 56-59.

5. Герасимов, С.И. Функция уголовного преследования в деятельности прокуратуры [Текст] /С.И.Герасимов // Прокуратура в правовом государстве. - М., 1997. - 157 с.

6. Горнов, А. И. Специфика и проблемы прокурорского надзора за соблюдением законности органами предварительного следствия в Российской Федерации [Текст]: материалы Пятой Международной научно-практической конференции «Актуальные вопросы юриспруденции». - Душанбе: РТСУ, 2018.- С. 477-480.

7. Косицына, О.В. Содержание функции надзора в деятельности прокурора в досудебном судопроизводстве [Текст]: материалы Международной (заочной) научно-практической конференции «Теория и практика научных исследований» / под общ. ред. А.И. Вострецова. - М.: Научно-издательский центр «Мир науки», 2018. - С. 79-84.

8. Сычев, Д.А. Уголовно-процессуальные функции прокурора, осуществляемые в ходе досудебного производства [Текст] /Д.А.Сычев // Криминалист. - 2013. - № 1 (12). - С. 49-54.

УДК 343.139

О.М. Карпачева, студент юридического факультета ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (г. Курск)

Научный руководитель: И.В. Ревина, канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (г. Курск)

ПРИМЕНЕНИЕ ВИДЕОФИКСАЦИИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

В статье рассмотрены изменения и законодательские инициативы в рамках уголовно-процессуального законодательства в контексте применения средств видеофиксации как в досудебных, так и в судебных стадиях.

Ключевые слова: видеофиксация, судебное заседание, видео-конференц-связь, допрос свидетеля, протокол судебного заседания.

APPLICATION OF VIDEO FIXATION IN CRIMINAL PROCEEDINGS: PROBLEMS AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT

The article discusses changes and legislative initiatives in the framework of criminal procedure legislation in the context of the use of video fixation tools both in pre-trial and judicial stages.

Keywords: video recording, court session, video-conference communication, witness interrogation, court record

В последнее время во все сферы деятельности государства и общества осуществляется интенсивное внедрение информационных технологий. Не осталось без внимания и уголовное судопроизводство, где на сегодняшний день повсеместно применяются современные информационные технологии. Однако на практике в случае применения современных информационных технологий возникает ряд проблем, в особенности при использовании видео-конференц связи.

Федеральным законом от 28 марта 2017 г. № 46-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [1] установлены правила осуществления трансляций судебных заседаний, а также основания фото- и видеосъемки в ходе процесса. В качестве основания применения технических средств записи во время судебного заседания следует рассматривать разрешение председательствующего. При этом согласно ч.5 ст.259 УПК РФ при осуществлении фотографирования, аудио- или видеозаписи, киносъемки допросов, трансляций по радио, телевидению или в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» должна быть сделана соответствующая отметка в протоколе судебного заседания. Помимо этого, подлежат приобщению к материалам уголовного дела все материалы, полученные в результате осуществления таких действий.

Важным нововведением является осуществление трансляции судебного заседания в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и в средствах массовой информации. В законе указано требование к процессуальному оформлению данного действия посредством отметки в протоколе судебного заседания.

В настоящее время отмечается тенденция к распространению использования в уголовном судопроизводстве систем конференц-связи. Особую актуальность такая тенденция приобретает в отношении лиц, находящихся в местах лишения свободы. Так, ч.2 ст. 401.13 УПК РФ предусматривает возможность лица, содержащегося под стражей, или осужденного, отбывающего наказание в виде лишения свободы, принять участие в судебном заседании посредством использования систем видеоконференц-связи при наличии ходатайства об этом. В данном случае отмечается такой

положительный аспект применения видео-конференц-связи в отношении указанной категории граждан, как экономия бюджетных денег и времени на этапирование заключенного к месту рассмотрения уголовного дела.

На практике остается дискуссионным вопрос о местонахождении защитника при использовании системы видеоконференц-связи. Представляется, что право на защиту будет наиболее полно реализовано, если защитник и его подзащитный будут находиться в одном городе, так как во время судебного заседания с использованием информационно-телекоммуникационной системы видео-конференц-связи защитник сможет непосредственно давать краткие консультации своему подзащитному.

Данная проблема рассматривалась Европейским судом по правам человека. Правовая позиция Европейского суда по правам человека довольно четко обозначена в деле Сахновского. Европейский суд признал, что не было никаких препятствий для российских властей для назначения защитника в городе, где непосредственно содержался гражданин Сахновский. Далее поясняется, что в таком случае защитник мог бы посещать своего подзащитного в изоляторе временного содержания и находиться с ним во время слушания дела [2].

Еще одной проблемой при использовании системы видео-конференц-связи является допрос лиц, обладающих различными дефектами восприятия (речи, слуха, зрения). Современные технологии позволяют решить некоторые из этих проблем, например, используя субтитры, сурдоперевод и другое. При этом судьи не обладают специальными познаниями, позволяющими определить психофизические дефекты, влияющие на правильное рассмотрение дела. В связи с этим представляется целесообразным при допросе лица, обладающего дефектами восприятия, посредством системы видео-конференц-связи обязательно присутствие соответствующего специалиста, как в судебном заседании, так и рядом с допрашиваемым лицом.

Отметим, что 5 апреля 2018 года в Государственную Думу был внесен Законопроект № 434998-7, закрепляющий ряд поправок в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, касательно особенностей допроса свидетеля посредством видео-конференц-связи по правилам ст. 189 УПК РФ «Общие правила проведения допроса», а в отношении несовершеннолетних – в соответствии со ст. 191 УПК РФ. Как следует из Пояснительной записки к законопроекту «допрос свидетелей посредством видеоконференц-связи на протяжении длительного времени применяется судами, что способствует разрешению уголовных дел в установленные законом сроки и соблюдению основных требований и принципов рассмотрения уголовного дела судом» [3].

Анализируя суть предлагаемых поправок уголовно-процессуального законодательства, необходимо отметить, что, с одной стороны, дополнение УПК РФ ст.189.1 УПК РФ способствует сокращению сроков расследования уголовного дела, что также удобно и для самих свидетелей, с другой стороны, предложенный порядок допроса свидетеля ни в коей мере не должен ограничивать его в правах, а технические средства не должны приводить к тому, чтобы показания могли исказиться и быть неправильно отражены в протоколе следственного действия.

Отметим, что Правительством РФ в отношении законопроекта было сделано ряд замечаний:

- ограничение возможности использования видео-конференц-связи в отношении других участников уголовного судопроизводства;
- допрос может быть произведен на основании поручения следователя в порядке ст.152 УПК РФ (в законопроекте указано, что проведение видео-конференц-связи осуществляется на основании постановления следователя);
- отсутствует норма, устанавливающая необходимость проверки протокола свидетеля, поступившего следователю;

- отсутствует процедура наделения следователя по месту нахождения допрашиваемого лица полномочиями по совершению процессуальных действий, направленных на обеспечение производства допроса, а также по составлению и подписанию протокола указанного следственного действия [4].

Данные замечания являются вполне обоснованными. Так, председатель коллегии адвокатов г. Москвы Герман Каневский солидарен с заключением Правительства РФ в части необходимости распространения такого порядка допроса и на других участников уголовного судопроизводства, оперируя тем фактом, что «по сути, предлагается ввести процедуру, аналогичную той, которая с 2011 г. применяется судами в ходе судебного разбирательства (ст. 278.1 УПК РФ), но теперь и на стадии предварительного расследования»[5].

Подводя итог, отметим, что в настоящее время в связи с развитием информационных технологий достаточно широкое распространение приобретает использование технических устройств видеозаписи и видео-конференц связи в уголовном судопроизводстве. Сложившаяся тенденция не является совершенной для российского уголовного процесса, так как процедура применения указанных средств в полной мере не детализирована и, соответственно, приводит к возникновению ряда проблем, решение которых возможно посредством конкретизации уголовно-процессуальных норм.

Список используемой литературы и источников

1. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Текст]: федеральный закон от 28 марта 2017 г. № 46-ФЗ// Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс по состоянию на 14.10.2019г.
2. Дело «Сахновский (Sakhnovskiy) против Российской Федерации» (жалоба № 21272/03) [Текст]: постановление ЕСПЧ от 02.11.2010 // Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс по состоянию на 14.10.2019г.
3. Пояснительная записка к Законопроекту № 434998-7 [Электронный ресурс]: официальный сайт системы обеспечения законодательной деятельности // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/434998-7> (дата обращения 21.09.2019)
4. О заключении Правительства на законопроект об использовании видео-конференц-связи в уголовном судопроизводстве [Электронный ресурс]: официальный сайт Правительства РФ // URL: <http://government.ru/activities/selection/303/31853/> (дата обращения 21.09.2019)
5. Поправки в УПК о применении видео-конференц-связи для допроса свидетелей внесены в Думу [Электронный ресурс]: официальный сайт «Адвокатской газет»// URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/popravki-v-upk-o-primenenii-video-konferents-svyazi-dlya-doprosa-svideteley-vneseny-v-dumu/> (дата обращения 21.09.2019)

УДК 343.15

**Н.Н. Ковтун, д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса
Нижегородской академии МВД России**

**КАССАЦИОННОЕ ПРОИЗВОДСТВО В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ:
ФОРМА ДИФФЕРЕНЦИРОВАННАЯ ИЛИ ГИБРИДНАЯ
(ВОЗВРАЩЕНИЕ К «СОВЕТСКИМ» ИСТОКАМ)**

*Автор критически оценивает итоги законодательных новелл, связанных с «оптимизацией» процессуальной формы нового кассационного производства России (ФЗ РФ от 29.12.2010 № 433-ФЗ, ФЗ РФ от 11.10.2018 № 361-ФЗ), поскольку в результате последних, по факту, нивелированы экстраординарная суть этого производства, реальный предмет и пределы проверки актов суда, вступивших в законную силу, смысл исключительных оснований к отмене / изменению окончательных актов суда, гарантии пресекательных сроков к данной проверке и в целом система процессуальных гарантий, в той или иной мере формирующих основу принципа *res judicata*, как составного элемента идеи более высокой степени общности – фундаментального принципа правовой определенности. В итоге, «новое» кассационное производство России – суть ординарное, удобное и всегда готовое средство к обеспечению единой публичной законности, средство управления российской судебной системой*

Ключевые слова: новая кассация, предмет проверки суда, окончательный акт, существенные и фундаментальные основания кассационной проверки, принцип *res judicata*

**THE CASSATION PROCEEDINGS IN THE CRIMINAL PROCESS OF RUSSIA:
DIFFERENTIATED OR HYBRID FORM
(RETURN TO THE «SOVIET» ORIGINS)**

*The results of legislative innovations related to the «optimization» of the procedural form of the new cassation proceedings in Russia (FL of RF from 29.12.2010 № 433-ФЗ, FL of RF from 11.10.2018 № 361-FL) were critically appreciated by the author because the extraordinary essence of this proceedings, the real object and limits of verification of the court's acts, entered into force, the meaning of the exceptional grounds for revocation / change the final court's acts, guarantees of preclusive deadlines to the check and in whole the system of procedural guarantees to one extent or another forms the basis of the principle of *res judicata* as an integral element of the idea of a greater degree of commonality – a fundamental principle of legal certainty were graded as a result of last innovations. As a result, the «new» cassation proceedings in Russia is an ordinary, convenient and always ready means to ensure a single public legality, the means of administration by the Russian judicial system.*

Key words: new cassation, object of court check, conclusive act, essential and fundamental grounds of cassation check, principle of *res judicata*

Учитывая рамки этой работы, мы конвенционально откажемся от «исследования» генезиса кассационного производства в уголовном судопроизводстве России, ибо, во-первых, этот предмет более чем изучен в доктрине российского уголовного-процессуального права. Во-вторых, давно и достоверно расставлены основные акценты в определении сути и содержания «самобытной советской кассации», идеологически отвергнувшей классические свои образцы, как в виде «чистой» французской кассации, так и ее, аккуратно инкорпорированного, аналога в нормах Устава уголовного судопроизводства Российской империи 1864 года. Как в первом, так и во втором случае «отцы-основатели» указанной формы достаточно точно и ясно понимали суть и значение фундаментальной категории *res judicata*, правовую определенность окончательных

актов суда, значение окончательно установленных судом правовых состояний и отношений, однозначно закрепляя в итоге незыблемые основы классической континентальной кассации, по сути, которых:

проверка окончательных актов суда может иметь место только по предмету возможных нарушений закона, но никак не фактической стороны приговора, в том числе, в части переоценки исследованных судом доказательств;

сроки подобной проверки носят краткий и пресекательный, по сути, характер, изначально препятствуя длящемуся состоянию неопределенности окончательно установленных судом правовых состояний и отношений;

основания, как к данной проверке, так и к реализации возможного решения *casser*, призванного к полной / частичной отмене окончательного акта суда, должны носить существенный или фундаментальный характер, что единственно позволяет «сломать» указанный акт;

сама процедура судебной кассационной проверки не может быть инициирована исключительно интересом кассаторов, а требует процедуры предварительной проверки наличных кассационных оснований, что, конечно, несколько ограничивает начало «широкой свободы обжалования», но служит весомой гарантией ценности принципа *res judicata*; это же правило требует особых публичных субъектов инициации процедуры кассационной проверки непосредственно в кассационном суде;

кроме того, процедура кассационной проверки должна осуществляться строго по материалам разрешенного дела и в пределах кассационного отъезда, так как ревизионное средство проверки – суть публичное средство к установлению единой публичной законности и несовместимо с правовой природой экстраординарной «чистой» кассации;

наконец, факт кассационной проверки возможен лишь в одной (строго определенной) судебной инстанции, в силу чего повторные кассационные жалобы от тех же лиц или по одному и тому же предмету проверки в принципе исключены.

В итоге, либо в виде целостной системы, либо в «наборе» основополагающих своих элементов, эта система гарантий выступала и средством обеспечения идеи *res judicata*, и средством формирования состояния правовой определенности в целом в государстве и обществе.

По итогам октября 2017 года Россия, как известно, отказалась от *res judicata*, а равно от «буржуазной» и чуждой ей в целом системы уголовной юстиции. К формированию, как нового правосудия, так и процедур проверки постановленных актов суда власть неслась дифференцировано – процессуальная форма «советской» кассации бала «соткана» из симбиоза элементов апелляции и кассации, в силу чего предметом данной проверки выступали свойства законности, обоснованности и справедливости постановленных актов суда, а непосредственно процедуры проверки тщились копировать кассационный порядок. Последнее получалось – «...не очень», так как в итоге проверялись далеко не окончательные акты суда, основаниями отмены / изменения указанных актов служили любые из нарушений закона, сама процедура проверки инициировалась фактом внесения жалобы; тем не менее, этот симбиоз «советской» квазикассации был последовательно воспроизведен в нормах УПК 1922, 1923, 1960, 2001 гг.

Федеральным законом от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ законодатель «реформировал» систему проверки постановленных актов суда, восстановив в полном объеме (отвергнув) апелляционную форму проверки и реорганизовав в соответствии с экстраординарным надзорным порядком собственно кассационное производство. Как следствие, применительно к этой форме российской «кассации» в публичном правовом обороте чрезмерно зазвучали константы: о безусловной ценности *res judicata* для сферы правовых отношений, об экстраординарной форме новой кассации, принципиальном отличии апелляционных и кассационных оснований к отмене / изменению окончательных актов суда и т. п.

Основания для этого, признаем, имелись, так как именно в нормах закона в качестве непосредственного предмета кассационной проверки были определены исключительно свойства законности окончательных актов суда. Сами кассационные жалобы являлись не более чем поводом к кассационной проверке, ибо реально последняя могла быть инициирована лишь по итогам предварительного изучения жалобы судьей на предмет установления существенных или фундаментальных нарушений закона; сроки инициации кассационной проверки были объективированы в качестве пресекательных; повторные кассационные жалобы, по идее, не допускались. Определенные сомнения, правда, высказывались в уголовно-процессуальной доктрине и, прежде всего, в части того, что сути *res judicata* и «чистой» кассации явно не соответствует инстанционный порядок проверки, посредством которого окончательный акт суда может быть проверен в двух кассационных инстанциях, а затем еще и в надзорной с отменой / изменением приговора. Тревожило и то, что в качестве управомоченных субъектов обжалования были указаны потерпевший и прокурор с акцентуацией мотива обжалования, направленного к ухудшению положения осужденного, в чем уже виделись апелляции к справедливости, как предмету проверки. Тем не менее, общий посыл был явно позитивным – мы, наконец, возвращаемся к классической «французской» кассации, отказываясь от самобытности [1, с. 40].

«Отрезвление» наступило быстрее, чем ожидалось, ибо уже в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 28 января 2014 года № 2 судам исчерпывающе разъяснили «истинную» волю закона:

отменяя приговор и направляя дело на новое судебное рассмотрение по мотивам, ухудшающим положение осужденного, суд кассационной инстанции не оценивает справедливость окончательных актов, а лишь проверяет вопросы о правильном соблюдении норм Общей части Уголовного кодекса РФ; в итоге, проверяет законность, которая является надлежащим предметом проверки (п. 10 пост. № 2). В этой связи правомочие кассационного суда на изменение вида и размера наказания, назначенного осужденному, не может быть поставлено под сомнение;

следует реагировать и на допущенные судом нижестоящей инстанции нарушения в исследовании и оценке доказательств по делу, в том числе в контексте их причинно-следственной связи с неправильностью установления фактических обстоятельств дела (абз. 2 пункта 10 пост. № 2). Суть ошибок, как акцентируется, надо оценивать в качестве надлежащего кассационного основания – неправильная оценка доказательств по делу (ст. 17 УПК). В итоге, и в этом случае суд имеет дело с надлежащим предметом проверки и кассационным основанием – существенным нарушением закона.

Отсюда, в контексте указанных выводов, отчасти, можно понять «генезис» позиций одного из основных авторов Закона № 433-ФЗ (Председателя Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ) В.А. Давыдова, который в принципе не видит особых проблем в том, чтобы одновременно констатировать:

«...вступившие в законную силу судебные решения по уголовным делам, по вопросам факта считаются окончательными и не могут быть пересмотрены в кассационном порядке» [1, с. 764, 781];

«...нет особой проблемы в том, что в рамках экстраординарной проверки суд примет решение с учетом оценки не только законности, но и самостоятельно оцененной фактической обоснованности окончательных актов суда» [2, с. 533].

По сути того же генезиса, видимо, надо оценивать и нормы закона от 31 декабря 2014 года, по сути которых сторона защиты более не ограничена строгим пресекательным сроком для обжалования окончательных актов суда и инициации процесса кассационной проверки в своих интересах.

Весьма дифференцировано судебная практика также оценила запрет к внесению повторных или новых кассационных жалоб по тем же или иным основаниям, теми же

или иными кассаторами в тот же суд кассационной инстанции (ст. 401.17 УПК). Заместитель Председателя Верховного Суда РФ В.А. Давыдов, предельно ясно расставляет акценты в этом вопросе: повторные кассационные жалобы подлежат рассмотрению в общем порядке, но другим судьей соответствующего суда. Не препятствует инициации кассационного пересмотра и наличие «отказного» постановления иного судьи, не нашедшего оснований для собственно кассационной проверки, в силу чего нет потребности в его процессуальной отмене. Что же касается новых кассационных жалоб, то они подлежат рассмотрению и без указанных оговорок, по общим правилам, как это имело место до 1 января 2013 года. [3, с. 56]

Как следствие, в системе этих «изыятий» кассационная форма судебной проверки, по факту, утратила не только свою экстраординарную сущность, но и значение быть гарантией *res judicata*.

Те же векторы дифференциации «до буквы» восприняты Федеральным законом РФ от 11 октября 2018 года № 361-ФЗ и «разъяснившим» основные его положения Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 25 июня 2019 года № 19. Данными актами нам вновь разъяснили безусловное право кассационной инстанции входить в «правильную» оценку фактической стороны обвинения; право «перепроверить» соблюдение норм Общей части УК РФ при назначении наказания; пределы действия пресекательных сроков для инициации кассационной проверки. Естественно, «остались» неотъемлемое право кассационного суда к проверке повторного кассационного отзыва и многократно-инстанционный порядок перманентной кассационной проверки.

Среди «свежих» новаций: глубокая дифференциация собственно процессуальной формы все более новой российской кассации, связанной, как утверждается, с формированием в судебной системе России кассационных судов общей юрисдикции. Видимо в целях оптимизации последней и одновременно для целей «экономии» усилий и средств кассационных составов собственно Верховного Суда РФ практике предложили «форму сплошной кассационной проверки» постановленных актов суда и формы «кассации выборочной». При первой кассационная жалоба, по сути, императив для полной кассационной проверки (практически как в апелляции); при второй – «вспомнили» про фильтры-гарантии в виде предварительной судебной проверки (на предмет наличия искомых кассационных оснований); *res judicata* все же – не шутка. При этом переходы «формы» из первой во вторую столь процессуально изысканы, что понять истинные цели реформы не так уж и сложно.

В итоге, сформирована столь самобытная форма российской кассации, что истинная суть последней объективируется без особых усилий, и это не экстраординарное средство судебной проверки, и не реальная гарантия фундаментальной идеи *res judicata*. Кассация – суть ординарное средство обеспечения единой публичной законности; естественно, в сугубо «советском» ее исполнении, но с публично и весьма громко провозглашаемыми лозунгами о том, что все это в интересах обеспечения интересов и прав личности, общества, государства, в интересах законного отправления подлинно справедливого правосудия. Идеологическая основа указанного в незыблемом тезисе: российское государство в целом и судебная система в частности в принципе не могут согласиться с малейшим нарушением закона. Отсюда, суд должен исходить из того, что ошибочное судебное решение не может рассматриваться как справедливый акт правосудия и должно быть исправлено. Соответственно, суд кассационной инстанции (по своему усмотрению) вправе не согласиться с просьбой об отзыве жалобы, продолжить судебное разбирательство и проверить законность приговора, определения или постановления суда, вступивших в законную силу на предмет устранения любых нарушений закона [5, п. 7].

Цель, конечно, благая, однако зачем же при столь ясной и значимой цели, при столь трепетном отношении к соблюдению социалистической законности надо было отказы-

ваться от апробированных образцов классической европейской апелляции, публично убеждая общественность, что новая апелляция – суть изначально форма документальной проверки, а не новое, полное и всестороннее рассмотрение дела вышестоящим более опытным и компетентным судом.

Список используемой литературы и источников

1. Ковтун, Н.Н. Правовая определенность российского уголовно-процессуального права [Текст] / Н.Н.Ковтун // Государство и право. - 2015. - № 8. - С. 32-42.

2. Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Текст] / под общ. ред. В.М. Лебедева. - 6-е изд., перераб. и доп. - М., 2013. - С. 764, 781 (автор гл. 10 – проф. В.А. Давыдов).

3. Апелляция, кассация, надзор: новеллы ГПК РФ, УПК РФ. Первые результаты применения [Текст]: монография. В 2 ч. Ч. 1 / Под общ. ред. докт. юрид. наук, проф. Н.А. Колоколова. - М., 2015. - С. 533 (автор гл. 9 разд. 3 – проф. В.А. Давыдов).

4. Давыдов, В.А. Запрет на повторное обращение в кассацию не согласуется с позициями Конституционного Суда РФ [Текст] / В.А.Давыдов // Уголовный процесс. - 2013. - № 9. - С. 56-58.

5. О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции [Текст]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 июня 2019 г. № 19 // Доступ из справочно-правовой системы Консультант Плюс по состоянию на 14.10.2019г.

УДК 343.13

В.Г. Каминский, Воронежский государственный университет, vladislav-kaminskiy@yandex.ru

В.А. Ефанова, канд. юрид. наук, доцент кафедры организации судебной власти и правоохранительной деятельности юридического факультета ВГУ

СУДЕБНЫЙ ШТРАФ КАК ДИФФЕРЕНЦИРОВАННАЯ ФОРМА ДОСУДЕБНОГО И СУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В статье рассматривается вопрос о юридической природе судебного штрафа как меры уголовно-правового характера и штрафа как меры уголовного наказания, их соотношения в контексте единства и дифференциации досудебного и судебного производства в уголовном процессе, анализируются проблемные аспекты условий освобождения от уголовной ответственности как сущностного содержания института досудебного штрафа.

Ключевые слова: судебный штраф, меры уголовно-правового характера, досудебное производство, судебное производство.

JUDICIAL FINE AS A DIFFERENTIATED FORM OF PRE-TRIAL AND TRIAL IN CRIMINAL PROCEEDINGS

The article considers the legal nature of a judicial fine as a measure of criminal law and a fine as a measure of criminal punishment, their relationship in the context of unity and differentiation of pre-trial and judicial proceedings in criminal proceedings.

Keywords: judicial fine, criminal law measures, pre-trial proceedings, judicial proceedings

Вопрос о правовой природе судебного штрафа тесно связан с единством и дифференциацией досудебного и судебного производства в уголовном процессе, учитывая, что законодатель в статьях 446.2, 446.3 УПК РФ указывает на возможность прекращения уголовного дела как в досудебном, так и в судебном производствах. Выдвинем те-

зис, что дифференциация формы в уголовном процессе предопределена сущностью института, для применения которого она существует. Так, правовая природа судебного штрафа повлияла на выбор соответствующей процессуальной формы. И здесь следует остановиться на нескольких моментах.

Во-первых, введение в 2016 году института освобождения от уголовной ответственности в связи с назначением судебного штрафа не является чем-то новым. Это «усеченный» вариант статьи 50.1 УК РСФСР 1960 года «Освобождение от уголовной ответственности с привлечением к административной ответственности». Но следует оговориться: нынешнее основание освобождения от уголовной ответственности предусматривает возможность в случае неуплаты судебного штрафа возобновить уголовное преследование, и никаким образом не связано с административной ответственностью [1, с.98]. Таким образом судебный штраф нельзя относить к безусловным основаниям освобождения от уголовной ответственности.

В свете этого необходимо рассмотреть вопрос о соотношении понятий «освобождение от С уголовной ответственности» и «судебный штраф». Как справедливо указывает И. Звечаровский, они не только взаимосвязаны, но и взаимозависимы. Если лицо не уплатит судебный штраф, то освобождение от уголовной ответственности в данном случае утратит свое уголовно-правовое значение [1, с.98]. Статья 76.2 УК РФ не указывает, с какого момента лицо считается освобожденным от уголовной ответственности: уплаты судебного штрафа или вынесения постановления о прекращении дела. Судебный штраф сам по себе не имеет самостоятельного значения, так как применяется вслед за актом освобождения от уголовной ответственности, которое, в свою очередь происходит в связи с заглаживанием причиненного преступлением вреда. По своей сути уплата судебного штрафа является условием освобождения от уголовной ответственности, поэтому об освобождении от уголовной ответственности мы можем лишь говорить, когда судебный штраф будет уплачен в срок, установленный судьей.

Во-вторых, судебный штраф отнесен к «иным мерам уголовного-правового характера», если следовать логике его размещения в главе 15.2 «Судебный штраф» в разделе VI УК РФ «Иные меры уголовно-правового характера». Но это разрушает определенность в системе уголовных наказаний и мер уголовно-правового характера. Последние не имеют негативного характера, в них отсутствует ярко выраженный карательный элемент. Во многом при введении судебного штрафа не учитывалось то обстоятельство, что правовая природа мер уголовного наказания и уголовно-правового характера различна по основаниям, целям и правовым последствиям.

Размер судебного штрафа в статье 104.5 УК РФ определяется через санкцию статьи Особенной части УК РФ, тем самым можно увидеть его карательный характер. Следует согласиться с мнением Д.В. Голенко о том, что определение судебного штрафа через вид наказания ведет к смешению этих разных по своей правовой природе явлений [2]. При этом законодатель установил лишь максимальный размер судебного штрафа, не указав минимальный, и в литературе предлагают руководствоваться положениями законодательства о штрафе (ч.2 ст.46 УК РФ), что ведет еще к большим проблемам [3, с.14].

В-третьих, судебный штраф и штраф как мера уголовного наказания практически ничем не отличаются, за исключением того, что назначение судебного штрафа не влечет судимости и не устанавливается приговором суда. Некоторые ученые называют судебный штраф «суррогатом» штрафа как меры уголовного наказания [4, с.23]. Его применение в значительной степени зависит от условий жизни, имущественного положения осужденного, его семьи, возможностью получения осужденным заработной платы или иного дохода, что не лишено рационального зерна. Ведь любое денежное взыскание всегда сопряжено с риском его неуплаты. Другие ученые говорят о судебном штрафе как своеобразно симбиозе альтернативного разрешения уголовно-правового

конфликта и наказания [5, с.34], третьи наблюдают сходство с освобождением от уголовной ответственности несовершеннолетних (ст. 90 УК РФ) [6, с.78]. Оба вида освобождения являются дискреционными и условными; уголовная ответственность заменяется иными мерами уголовно-правового характера - судебным штрафом (ст. 76.2 УК РФ) или принудительными мерами воспитательного воздействия (ст. 90 УК РФ). Считаем, что судебный штраф нельзя отнести к мерам уголовно-правового характера ввиду его карательного содержания. Поэтому для устранения неопределенности в понимании правовой природы судебного штрафа необходимо вернуть в существующее законодательство основание освобождения уголовной ответственности, которое было предусмотрено статьей 50.1 УК РСФСР, и отнести сам судебный штраф к мерам административной ответственности.

Говоря о правовой природе судебного штрафа, нельзя не упомянуть о его содержании как основании освобождения от уголовной ответственности, а именно условиях освобождения от уголовной ответственности. К ним законодательство относит совершение преступления небольшой и средней тяжести впервые, возмещение ущерба (заглаживание вреда).

В литературе некоторые ученые, например, А.С. Бурцев, И.В. Миронюк считают, что термин «впервые» в ст. 76.2 УК РФ законодатель указал применительно к одному преступлению, тем самым предусмотрел возможность прекращения уголовного дела в отношении лиц, обладающих меньшей степенью общественной опасности [7, с.126]. Так или иначе, практика сложилась таким образом, что, руководствуясь разъяснениями ВС РФ, суды прекращают дела в случае совершения совокупности преступлений [8], что не соотносится с целями института освобождения от уголовной ответственности, обусловленными, прежде всего, невысокой степенью общественной опасности. Вряд ли можно говорить об этом, если лицо совершает несколько преступлений сразу. Видится, что в таком случае нельзя назначать судебный штраф, так как нарушается напрямую одно из условий освобождения от уголовной ответственности.

При этом актуальным является то, каким образом должен заглаживаться вред или возмещаться ущерб, учитывая, что прекращать дело в связи с назначением судебного штрафа можно даже в случае совершения преступления против интересов государства. Например, Ленинский районный суд г. Воронежа прекратил уголовное дело в связи с назначением судебного штрафа в отношении обвиняемой, совершившей преступление средней тяжести – ч.1 ст. 285 УК РФ («Злоупотребление должностными полномочиями»). Она сообщила о предстоящих мероприятиях налогового контроля в отношении коммерческой организации, тем самым исключила возможность у становления факта нарушения законодательства о налогах и сборах [8]. В данном примере суд ограничился лишь общими формулировками законодательства об условиях освобождения от уголовной ответственности, акцентировав внимание на других обстоятельствах, а именно - на данных о личности.

Видится, что не во всех случаях возможно загладить вред или возместить ущерб (например, к ним можно также отнести преступления в сфере незаконного оборота оружия, наркотиков, порнографических материалов, официальных документов и т. п.). Статья 76.2 УК РФ не содержит запрета на применение судебного штрафа в случаях, если диспозиция Особенной части УК РФ не предусматривает причинение ущерба либо иного вреда в качестве обязательного признака состава преступления, либо когда в результате совершения преступления ущерб (вред) фактически не причинен.

Эта возможность вызывает дискуссии как в науке, так и на практике. Н.Ю. Скрипченко считает, что освобождение от уголовной ответственности в связи с назначением судебного штрафа допустимо только по тем формальным составам, по которым лицо принял меры по заглаживанию вреда, возмещению ущерба (принесение извинений, компенсация морального вреда). Если нельзя восстановить нарушен-

ные права потерпевшего и законные интересы личности, общества и государства, решение не должно приниматься, так как отсутствует выполнение одного из условий освобождения от уголовной ответственности [9, с.106]. В данном случае с ней следует согласиться, так как законодатель прямо связал одно из условий освобождения от уголовной ответственности с возмещением ущерба (заглаживанием вреда), а значит - преступлением должен быть причинен вред.

Главное отличие от основания, предусмотренного статьей 76 УК РФ, является отсутствие необходимости получения согласия потерпевшего. А, следовательно, прекратить дело можно даже в случае наличия возражений со стороны потерпевшего. Однако объектами посягательства при совершении преступлений против личности являются неприкосновенность жизни, здоровья, личная свобода, честь и достоинство, половая свобода и половая неприкосновенность, которые имеют повышенную социальную значимость, поэтому принимать во внимание и учитывать мнение потерпевшего при рассмотрении ходатайства о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) в связи с назначением меры уголовно-правового характера необходимо [10, с.8]. Сразу следует сказать, что отличием оснований, предусмотренных ст. ст.76, 76.2 УК РФ, является согласие потерпевшего. Учитывать мнение потерпевшего необходимо для установления достоверности доказательств в материалах уголовного дела, направленных в суд, подтверждающих возмещение ущерба (заглаживания вреда). При этом если для применения статьи 76 УК РФ вышеупомянутый Пленум указывает, что способы заглаживания вреда, а также размер его возмещения определяются потерпевшим. В случае с судебным штрафом необходимо руководствоваться мнением потерпевшего (но оно уже не будет иметь определяющего значения) и последствиями преступления (материальными и нематериальными).

Таким образом, существующая неопределенность в правовой природе судебного штрафа, характере условий освобождения от уголовной ответственности по данному основанию влияют и на дифференциацию процессуальной формы.

Список используемой литературы и источников

1. Звечаровский, И. Э. О юридической природе судебного штрафа (ст. 76.2, 104.4 УК РФ) [Текст] / И.Э. Звечаровский // Уголовное право. – 2016. – № 6. – С. 98-101.
2. Голенко, Д.В. Судебный штраф как иная мера уголовно-правового характера [Электронный ресурс] / Д.В. Голенко // Юридический вестник Самарского университета. – 2018. – №1. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sudebnyy-shtraf-kak-inaya-mera-ugolovno-pravovogo-haraktera-2> (дата обращения: 22.10.2019).
3. Лобанова, Л.В. Правовая природа судебного штрафа и перспективы масштабной декриминализации преступных деяний [Текст] / Н.В. Лобанова // Вестник ВолГУ. Серия 5: Юриспруденция. – 2017. – №3. – С.14-19.
4. Мазюк, Р.В. Судебный штраф [Текст] / Р.В. Мазюк // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2017. – №2. – С. 23 – 35.
5. Апостолова, Н.Н. Прекращение уголовного дела или уголовного преследования с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа [Текст] / Н.Н. Апостолова // Российская юстиция. – 2016 – № 10. – С. 34-37.
6. Плаксина, Т.А. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа [Текст] / Т.А. Плаксина // Алтайский юридический вестник. – 2016. – № 4 (16). – С. 78-82.
7. Бурцев, А.С. Судебный штраф: критический очерк [Текст] / А.С. Бурцев, И.В. Миронюк // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2017. – № 2 (81). – С.126-129.
8. Постановление Ленинского районного суда города Воронежа № 1-82/2017 от 3 апреля 2017 года [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты Российской

Федерации // URL. <http://sudact.ru/regular/doc/Kkzd6DjQiq6V/> (дата обращения: 10.04.2019).

9. Скрипченко, Н.Ю. Судебный штраф: проблемы реализации законодательных новелл [Текст] / Н.Ю. Скрипченко // Журнал российского права. – 2017. – № 7. – С.106-114.

10. Авдеева, Е.В. Судебный штраф как основание прекращения уголовного дела или уголовного преследования за преступления против личности // Уголовная ответственность и наказание [Текст]: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Рязань, 17 февраля 2017 года. – Рязань: Изд-во Академии права и управления ФСИН, 2017. – С.8-12.

УДК 343.95

В.Е. Колесникова, студент юридического факультета ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (г. Курск), vichka-kolesnikova-97@mail.ru
Научный руководитель: М.В. Шайкова, канд. психол. наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (г. Курск)

СОСТАВЛЕНИЕ «ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА» НЕУСТАНОВЛЕННОГО ПРЕСТУПНИКА С ПОМОЩЬЮ СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

В статье рассматривается изучение процесса составления «психологического портрета» в ходе производства судебно-психологической экспертизы.

Ключевые слова: «психологический портрет», судебно-психологическая экспертиза, преступление, уголовный процесс .

DRAWING UP A “PSYCHOLOGICAL PORTRAIT” OF AN UNSTEADY CRIMINAL USING A FORENSIC PSYCHOLOGICAL EXAMINATION

The article discusses the study of the process of compiling a “psychological portrait” during the production of forensic psychological examination.

Key words: «psychological portrait», forensic psychological examination criminal. crime, criminal procedure.

В связи с происходящими преобразованиями в области уголовного процесса, меняются и устоявшиеся установки расследования, что влечет для системы открытием новых технологий, совершенствование и внедрение новых методов.

Увеличение количества насильственных преступлений и невозможность их расследования прежними методами подтолкнуло правоохранительные органы к использованию в практической деятельности новых психологических методов, позволяющих выявлять необходимую информацию о лицах, совершивших преступления, тем самым определяя успешность деятельности. В качестве одного из ключевых методов данного направления выступает составление психологического портрета преступника.

«Психологические портреты» неустановленных преступников, совершивших антиобщественные действия, имеет нередко большое значение в оперативно-розыскной работе и при выдвигании версий о лицах, причастных к расследуемому событию, в то же время доказательственного значения не имеют, независимо от квалификации специалистов-составителей и применяемых ими методик.

Одним из наиболее актуальных вопросов при рассмотрении уголовного дела в судебном заседании выступает назначение и производство судебно-психологической экспертизы. Сам факт использования специальных знаний говорит о том, что участникам

посредством разрешения обстоятельств уголовного дела, необходимы познания в области науки, техники, искусстве или ремесле, которые помогут суду вынести справедливый, обоснованный и законный приговор.

Для оказания содействия государственным органам, в качестве самостоятельного участника уголовного процесса привлекается психолог, который проводит экспериментальное исследование и делает предположительные выводы о состоянии лица.

Первостепенной моделью, положившей развитие судебно-психологической экспертизы относится модель ФБР (страна происхождения – США) [1]. Началом практики создания послужила инициативность полицейских подразделений привлечь психиатров и психологов к клиническому анализу действий неизвестных преступников.

Отличительной особенностью проведения судебно-психологической экспертизы является заполнение соответствующей формы при помощи компьютерной системы, где содержится широкий перечень типов преступников от лиц, страдающих депрессией до женщин и мужчин, страдающих медицинскими заболеваниями.

Другим подходом, раскрывающим сущность психопрофиля неизвестного преступника, является географическая модель (Канада).

Под географическим профилирование понимают систему информации, использующей оценку отдельных деталей места преступления, а также причинно-следственную связь с потерпевшим и совокупность доказательств, направленных на раскрытие и расследование расследования.

Особенность применения в том, что путем совокупности полученных фактических данных восстанавливается фокус преступника и действия его применения, так как в нем анализируются внутренние и внешние факторы преступности, и элементы окружающей среды.

Помимо этого, на практике, имеет место быть статистическая модель Д. Кантера (страна происхождения – Великобритания). В ходе применения используется база данных САТСHEM на основе собранных эмпирических данных от 1960 годов. Такая база данных весьма полезна для расследования уголовных дел, так как позволяет найти сходства раскрытых дел с расследуемыми [6, с.271].

Как показывает зарубежная практика применения по установлению личности преступника, эксперт должен обладать специальными знаниями в области психологии для реализации следующих подходов по составлению психологического портрета: модель ФБР; географическая модель; модель Д. Кантера; иные, применяемые экспертом или специалистом по усмотрению из сложившейся ситуации преступления.

Таким образом, под судебно-психологической экспертизой понимают совокупность специальных знаний, применяемых экспертом или специалистом в целях установления обстоятельств дела и вынесение конечного заключения о эмоциональном состоянии предполагаемого преступника, личность которого предстоит установить всей совокупностью исследований в ходе раскрытия и расследования преступления [2].

Использование возможностей судебно-психологической экспертизы посредством составления «психологического портрета» неустановленного преступника выступает для следователя помощью при расследовании преступлений.

По реализации расследования преступления, следователь получает справку (заключение) от эксперта, который принял участие в построении психологического портрета, то есть указал на признаки преступления, которые по его мнению способны дать ход следствию или дознанию. На основе типичной методики раскрытия тяжких преступлений против личности, экспертом-психологом могут быть даны следующие рекомендации:

1. Поведение преступника характеризуется эмоциональным расстройством, которое сопровождается жестокостью;

2. Предполагаемый преступник мужского пола, признаков психических расстройств не выявлено, имеет хромату и склонность к ношению женской одежды;

3. Место преступления характеризуется типичным совершением типичных серийных преступлений, примерное месторасположение вблизи дома;

4. Необходимость личного присутствия эксперта-психолога на опросе свидетелей или потерпевших в целях установления более точных фактов [3].

К особенностям расследования преступлений при составлении психологического портрета в ходе судебно-психологической экспертизы также можно отнести процесс построения прогностических оценок, с помощью которого обнаруженные факты, могут использоваться в рамках доказывания по уголовному делу.

Это связано с тем, что большинство тяжких преступлений против личности носят конспиративный характер. Неустановленные личности применяют различные средства маскировки преступных действий по сокрытию трупа, следов и т.д. В таких условиях очень важно установить связь между обнаруженными преступными действиями и результатами ОРМ и следственных действий. Именно поэтому помощь экспертов важна для первоначальных действий по раскрытию преступлений по своевременному выдвижению версий, корректировке круга подозреваемых, определению тактики расследования.

Очень важно при расследовании данных дел использовать специалиста, как это предусмотрено приказом Председателя Следственного комитета России от 11 августа 2011 г. № 130. 905 «Об опыте использования специальных познаний в области психологии при расследовании серийных убийств» Однако, на практике имеет место быть, когда единоличное составление имеет расплывчатый характер в виде отсутствия расстройств, либо имеет совсем малую патологию [9.с.20].

Психологический портрет содержит общую характеристику личности и данные о преобладающей мотивации поведения; о его привычках, склонностях, возрасте, районе проживания, месте работы, службы, учебы, об уровне образованности и профессиональной деятельности, о родительской семье, семейном положении и наличии детей, наличии в прошлом судимости, наличии психической патологии, о типе внешности, телосложении и др.

На наш взгляд, составления психологического профиля преступника можно назвать неким искусством, способным прояснить события происходящего и создать внешний образ предполагаемого преступника. Личность преступника должна характеризоваться с уголовно-правовой, оперативно-розыскной, криминологической, психологической, психиатрической, сексопатологической и других точек зрения. Но важно понимать, что данный вид уголовного розыска со стороны института судебной экспертизы, не может работать без самого эксперта, обязательно специалиста и других лиц, которые могут эффективно применить специальные знания и повлиять на ход и результат расследования.

Так для наиболее эффективного расследования преступлений помимо прочего необходимо максимально подробно изучить личность преступника, причем не только с точки зрения объекта, являющегося источником информации, иными словами слепообразующего объекта. Но и как один из наиболее важных факторов раскрытия преступления [10].

В ходе производства СПЭ могут применяться как традиционные методы, так и методы имеющее практическое значение со стороны эксперта-психолога и других специалистов, а именно дедуктивный метод, метод построения личности преступника с помощью информационных технологий зарубежных стран и др.

При составлении «психологического портрета» разыскиваемого лица необходимо учитывать его интеллектуальные, эмоциональные и волевые свойства. Сведения о разыскиваемом человеке позволяют спрогнозировать его поведение, определить его веро-

ятное местонахождение, возможные действия и поступки. При сборе информации для составления портрета личности необходимо тщательно исследовать место происшествия.

Построение психологического портрета преступника, установление субъективного содержания его действий, а также выявление предопределивших их побуждений позволяют не только выдвигать более аргументированные версии относительно события совершенного преступления, предсказывать поведение преступника в ходе проведения мероприятий по раскрытию и расследованию, но и выбрать наиболее эффективную тактику их проведения, что, безусловно, позволит в будущих действиях оптимизировать процесс доказывания в суде.

Поэтому мы считаем, что составление психологического профиля должно быть совместной работой представителей разных специальностей и результаты судебно-психологической экспертизы в ходе составления психологического портрета имеют значение при расследовании преступлений и служит дополнительным приемом по установлению личности преступника.

Список используемой литературы и источников

1. Уголовный кодекс Российской Федерации [Текст]: федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 08.01.2019) // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обновления: 07.04.2019).

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Текст]: федер. закон: [принят 18 декабря 2001 г.; в ред. от 06.03.2018] // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обновления 07.04.2019).

3. Бурвиков, Н.В. Криминалистический (психологический) портрет как модель личности неустановленного преступника [Электронный ресурс] // Официальная сайт Юридическая Россия. // URL: <http://www.law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1250755> (дата обращения: 07.04.2019).

4. Возможность использования психологического портрета преступника при раскрытии и расследовании коррупционных преступлений, совершаемых сотрудниками ОВД [Электронный ресурс] // Официальный сайт Криминалисты.ру // URL: <http://kriminalisty.ru/stati/vozmozhnosti-ispolzovaniya-psihologicheskogo-portreta-pristupnika> (дата обращения: 08.04.2019).

5. Варданян, А.В. Метод построения психолого-криминалистического портрета преступника как средство повышения эффективности раскрытия и расследования тяжких насильственных преступлений против личности [Текст] / А.В.Варданян // *Философия права*. – 2011.

6. Гуро-Фролова, Ю.Р. Зарубежный опыт имплементации профилирования личности неустановленного преступника в ходе оперативно-следственных мероприятий: сравнительный анализ [Текст] / Ю.Р.Гуро-Фролова // *Научно-методический электронный журнал «Концепт»*. – 2016. – Т. 15. – С. 271–275.

7. Информационное письмо Генпрокуратуры от 31.12.1998 г. № 28-17/98-905 «Об опыте использования специальных познаний в области психологии при расследовании серийных убийств» [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООО Издательство «Новый Индекс». // URL: <https://www.sovremennopravo.ru/> (дата обращения: 07.04.2019).

8. Милоков, С.В. К вопросу о составлении комплексного портрета личности [Электронный ресурс] // Официальный сайт Юридическая психология. // URL: <https://centerbereg.ru/11628.html> (дата обращения 07.04.2019).

9. Малыхина, Н.И. Криминалистический портрет лица, совершившего преступление: понятие, виды, основы построения [Текст] / Н.И.Малыхина // *Научный вестник омской академии МВД России*. – 2013. - № 1 (48). – С. 20-23.

10. Назарова, Е.А. Сравнительный анализ различных методов составления психологического портрета предполагаемого преступника [Электронный ресурс] // Официальный сайт Психология и право. // URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2011/n3/46577.shtml> (дата обращения: 07.04.2019).

11. Судебно-психологическая экспертиза [Текст]: учебник для академического бакалавриата / Ф. С. Сафуанов. — М.: Издательство Юрайт, 2014. — 421 с. — Серия: Бакалавр. Академический курс.

12. Сибгатуллина, С.Р. Психологический портрет преступника // Официальный сайт Электронный научно-практический журнал «Современные научные исследования и инновации». [Электронный ресурс] // URL: <http://web.snauka.ru/issues/2017/05/82304> (дата обращения: 07.04.2019).

13. Шуклин, А.Е. Использование криминалистического портрета преступника в расследовании серийных убийств [Электронный ресурс] / А.Е. Шуклин // Российский юридический журнал. — 2017. - № 4. — С. 93-101.

14. Шайкова, М.В. Судебно-психологическая экспертиза как средство доказывания в уголовном судопроизводстве. В сборнике: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: 15 лет правоприменения: [Текст]: сборник научных статей, посвященный 15-летию принятия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации / М.В. Шайкова. - Курск, 2016. - С. 112-116.

15. Шайкова, М.В. Особенности назначения и производства судебно-психологической экспертизы несовершеннолетних [Текст]: В сборнике: Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях Материалы VII Международной научно-практической конференции / М.В. Шайкова. - 2019. - С. 548-553.

УДК 343.13

Н.А. Колоколов, судья Верховного Суда РФ (в отставке), профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин МПГУ, д-р юрид. наук (г. Москва)

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ДОСУДЕБНОГО И СУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ ОТ УСТАВА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ДО РЕГЛАМЕНТОВ, ПРИНЯТЫХ В РАМКАХ ТЕКУЩЕЙ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ

В статье автор рассматривает исторические аспекты становления и развития различных форм уголовного судопроизводства России на рубеже эпох; изучает организацию правосудия на примере отдельных зарубежных стран.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, дифференциация, правосудие, судебная власть, следователь.

CONCEPTUAL PROBLEMS OF ENSURING DIFFERENTIATION OF PRE-JUDICIAL AND JUDICIAL PROCEEDINGS IN THE CRIMINAL PROCESS OF RUSSIA FROM THE CHARTER OF CRIMINAL PROCEEDINGS TO THE REGULATIONS ADOPTED WITHIN THE FRAMEWORK

In the article, the author considers the historical aspects of the formation and development of various forms of criminal justice in Russia at the turn of the eras; studies the organization of justice on the example of individual foreign countries.

Keywords: criminal proceedings, differentiation, justice, judicial power, investigator.

Уголовное судопроизводство – всего лишь элемент общей правовой культуры в государстве. Следовательно, уровень развития уголовного судопроизводства фактически

предреши характеристиками, заданными обществом в сферах экономики и ее концентрированного выражения политики. Как мы уже отмечали уголовная политика, в том числе и современная российская, – это «загадочная очевидность» [1], каковая, в свою очередь, может быть как явной, так и тайной. При этом следует особо подчеркнуть, что речь идет только строго об официальной политике. Альтернативная, реально существующая теневая политика – тема отдельного разговора и нами в данном материале совершенно не рассматривается.

В рамках явной официальной политики органы, нацеленные на борьбу с преступностью (в наши дни Министерство внутренних дел РФ, Федеральная служба безопасности РФ, Следственный комитет РФ и Прокуратура РФ), обязаны зарегистрировать 100% выявленных ими преступлений, после чего, опять-таки, в рамках этой явной официальной политики от них требуется 100% их раскрытие, а затем, ни много, ни мало, привлечение по всем возбужденным уголовным делам 100% виновных к ответственности в соответствии с регламентом Общей части УК РФ.

Опять-таки, официально утверждается, что для виновного значимо не само реальное уголовное наказание и даже не его суровость, а некая гипотетическая неотвратимость (inevitability) ответственности за содеянное.

Ход мысли авторов данного лозунга, начиная с Ч. Беккариа [2], таких его последователей, как П.А. Фелелов [3] примитивен до наивности. Их рассуждения легко разбиваются, во-первых, об айсберг массы латентных (нерегистрируемых) преступлений, во-вторых, о потенциальную неспособность правоохранительной системы не то, что расследовать, а просто раскрыть хотя бы половину зарегистрированных уголовно-наказуемых деяний.

Неслучайно проф. В.В. Лунеев по этому поводу честно писал, что сейчас в уголовном порядке реально наказывается не более 2-3% лиц совершивших преступление [4]. Даже если допустить, что уважаемый мэтр ошибся на порядок, то все равно мы вынуждены признать, что скамью подсудимых минует, как минимум, 70% преступников. Исследования криминологов показывают, что раскрывается только лишь каждая 75 карманная кража, число выявленных взяток и вовсе стремится к нулю. Среди нераскрытых преступлений хватает и убийств, совершенных вне рамок очевидности.

Мощности государств по наращиванию уголовно-правового воздействия на преступность в целом, преступников в частности далеко не беспредельны. Не случайно академик В.Н. Кудрявцев констатировал, что не нужно возмущаться существованием в стране преступников, коль сам образ жизни людей не соответствует провозглашенным идеалам. Он также отмечал, что у государства борьба с преступностью цель – не самая главная, в рамках иерархии целей финансируется она по остаточному принципу [5].

Наличие неразрешимого противоречия между лозунгами и возможностями кадрового и материально-технического характера неизбежно порождает тайную официальную политику, суть которой: бороться с преступностью только там, где намечается тактический успех. Именно данное обстоятельство, во-первых, формирует баланс между компетенцией органов предварительного расследования и судами; во-вторых, дифференцирует формы как досудебного, так и судебного производств.

Не исключено, что в этом месте читатель воскликнет, а как же права человека? Позволим себе сказать горькую правду, что таковые права (как потерпевших, так и обвиняемых) в деле борьбы (читай – войны со свойственными ей законами и писаными и неписаными правилами) с преступностью зачастую вторичны. Попробуем ответить на вопрос: почему развитие уголовного судопроизводства на стратегическом уровне пошло именно на таком пути?

Наши рассуждения начнем с констатации: практически все существующие в мире судебные системы, свойственные их функционированию технологии – порождение эпохи индустриальной (это XVIII-XIX век, в лучшем случае начало века XX). В эпоху

буржуазных революций, сначала в Англии, а затем во Франции зародились стандарты организации судебных систем, элементами которых, по большому счету, являются органы предварительного расследования.

В канун буржуазных революций вопрос о правах человека как таковой практически не стоял, ибо за монархом, а равно за его аппаратом признавалось право на произвол. Не будем спорить, право монарха на произвол ограничить пытались довольно давно, достаточно вспомнить: средневековую Великую хартию вольностей (*Magna Charta Libertatum*) 1215 года, а также документ принятый уже в переходный период в новому времени - *Habeas Corpus Act* 1679 года. Но, как говорится, «пара ласточек весны не делает». Только в XVIII веке сформировались основные (концептуальные) требования к организации собственно правосудия, что было описано И. Бентамом (*Jeremy Bentham*), жившим все в той же Англии в 1748-1832 годах.

Предложенная И. Бентамом схема была предельно простой: коронеры (*coroner*), представляющие с 1194 года интересы Короны (публичное обвинение) расследуют убийства, появившаяся позже полиция – прочие преступления. Коронеры и полиция – органы, формирующие публичное обвинение, передают уголовные дела в суды, которые в случае непризнания вины подсудимыми раз в квартал в состязательном процессе (прокурор против адвоката) с обязательным привлечением присяжных заседателей (*juror*) рассматривают их по существу. При этом И. Бентам не забывал подчеркивать два важных, по его мнению, обстоятельства:

- правосудие вершил народ (*juror*);
- обязательно в присутствии народа [6].

Однако, это было общее правило, которое, как известно, не существует без исключений. К таковым следует отнести институт *The Plea Bargaining* (фактически «мольбу о помощи», часто трактуемую у нас, как «делку с правосудием»). В силу целого ряда факторов, не в последнюю очередь, экономических институт *The Plea Bargaining* сравнительно быстро вытеснил классический процесс с участием *juror*. Данный процесс, правда, уже в США очень ярко описан Георгом Фишером (*George Fisher*) в книге «*Plea Bargaining*s Triumph. A History of Plea Bargaining in America*». [7]

Скажем больше, народ, который еще в позапрошлом веке «валом валил» в суды, чтобы посмотреть на схватку барристеров (*barrister*), к началу века XX судебными разбирательствами пресытился. В наши дни публику в зале судебного заседания обычно представляют, в лучшем случае, потерпевшие, родственники, друзья подсудимого.

Механизм классического состязательного процесса императору Франции Наполеону не понравился, поэтому он, человек военный, привыкший верить будущее только конкретным и проверенным лицам, принимая свой знаменитый УПК 1808 года (*code de procedure penale*), ввел в уголовный процесс фигуру следственного судьи (*juge d*instruction*, дословно – инструктор), чиновника, задача которого: положить на стол суда полностью завершенное (готовое) расследование.

Что при таких обстоятельствах оставалось делать суду, работающему по Великому кодексу, весьма ярко и образно описано А.Ф. Кони (1844-1927) в мемуарах. Вот, что писал про Францию второй половины XIX века просвещенный наблюдатель (эксперт) Анатолий Федорович:

- президент (судья):
«Дело Матье!»
- подсудимый:
«Здесь господин президент!»
- президент (судья):
«Вы обвиняетесь в нанесении удара полицейскому. Признаете ли себя виновным?»
- подсудимый:
«Да, помилуйте! Это он меня ударил...»

- президент (судья):
«Молчать! Это всегда у вас – вас бьет полиция. Свидетели есть?»
- судебный пристав:
«Есть – муниципальный сержант»
- президент (судья) к свидетелю:
«Он вас ударил?»
- свидетель:
«Да, господин президент»
- президент (судья) к подсудимому:
«Что скажите в свою защиту?»
- подсудимый:
«Да, помилуйте! Ведь не я его, а он меня...»
- Прокурор поддерживает обвинение в полном объеме.
- президент (судья):
«Подсудимый приговаривается к трем месяцам тюрьмы» [8].

Не исключено, что читатель в этом месте поинтересуется: «Зачем такая спешка?» Ответ наш будет предельно простой из соображений процессуальной экономии. Скажем больше: данная схема принята практически повсеместно. Например, автор этих строк лично наблюдал в 2000 году нечто подобное в провинциальном суде в Калгарии (Канада, провинция Альберта). Процесс был еще более кратким:

- судья:
«Смит?»
- подсудимый:
«Да, сэр»
- судья:
«Виновен?»
- подсудимый:
«Да, сэр».

Неудивительно, что при таких обстоятельствах судье остается только провозгласить приговор, который он сам не пишет, поскольку текст приговора – бланк на плотной бумаге, в котором нужно лишь следует подчеркнуть.

Органы предварительного расследования (королевская конная полиция, не забываем Канада – де юре все еще Англия, традиции) не стесняется, когда это возможно, возлагать бремя доказывания на обвиняемого, у которого обнаружили то, чего у него быть не должно. В современной России, например, по делу Д.В. Захарченко государство действует таким это способом: «Откуда деньжата? Объяснить не можешь? Изымаем в доход государства».

Уголовно-процессуальный кодекс Наполеона был откопирован в российском Уставе уголовного судопроизводства 1864 года. В частности в нем был сохранен институт судебного следователя – судейского чиновника, который «поставлял» уголовные дела отечественному варианту *juror*, в соответствии со стандартами, признаваемыми присяжными заседателями.

Великая Октябрьская социалистическая революция перевернула все с ног на голову, постепенно сформировалась схема, согласно которой игнорирование судом стандартов следствия даже реальной жизни не поощрялось. Советский следователь по УПК 1922 и 1961 годов был главным человеком в уголовном процессе. В отдельные годы, особенно по делам с политической подоплекой, выводы следователя, одобренные прокурором, в судах сомнению подвергались крайне редко.

В тоже время, идеологи советского уголовного процесса, в первую очередь, М.С. Строгович (1894-1984), считали, что добросовестный следователь в состоянии устано-

вить истину по каждому делу, направляемому в суд. Орган судебной власти имел право: возратить уголовное дело следователю для дополнительного расследования.

В советское время раскрываемость преступлений редко опускалась ниже 90%. Данный показатель достигался путем игнорирования «мелких» неочевидных преступлений, укрывательства тяжких неочевидных преступлений, а равно путем приравнивания «мелких» очевидных преступлений к тяжким неочевидным.

Существовал своего рода выставочный вариант уголовного процесса, так свойственный общей политике приписок и показухи, ценилось количество, даже в ущерб качеству.

Авторы УПК РФ 2001 года, пусть далеко и не сразу, уяснили, что процесс, базирующийся на классическом состязании бесперспективен в силу его чрезвычайной затратности. Решение проблемы, как водится нашли за пределами Отечества, выбор пал на институт *The Plea Bargaining*. Думается, что читатель согласится: договариваться гораздо легче, чем искать доказательств. Результат инноваторов быстро превзошел все ожидания: в некоторых регионах по правилам глав 40 и 40.1 УПК РФ рассматривается свыше 90% уголовных дел. Это конечно, не США и Канада, где данная цифра давно застыла на отметке 98%, однако оставшиеся 8% - мелочь, которой можно пренебречь. Главное на смену соперничеству, борьбе – пришло обоюдовыгодное сотрудничество.

Критики «особых», давно ставшими «основных» порядков не без оснований утверждают, что вместо одних «приписок», точнее «недописок» в виде укрытия преступлений от учета, пришли приписки другие: на обвиняемых «вешают» те преступления, которые они не только не совершали, но таковых на самом деле и не было. Кто-то скажет, издержки уголовного судопроизводства. Однако, пока ясно одно: институт *The Plea Bargaining* приемлем только в среде лиц не только обладающих высокой культурой, но и в высшей степени нравственных.

Институт *The Plea Bargaining* в тех же США пришел далеко не один, а в купе со службой пробации, различными формами смягчения наказания, освобождения от наказания. В современной России стали шире практиковать различные формы примирения сторон, появился судебный штраф – прекращение уголовного преследования вне зависимости от позиций прокурора и потерпевшего.

Речь, как видим, идет о совершенно новых для нас технологиях. Совершенно очевидно, что для тех приемов предварительного расследования и судебного разбирательства, которые сейчас лежат в базе нашего уголовного судопроизводства скоро просто не найдется места в постиндустриальном в обществе. Уже сейчас на смену «классическому судебному офису» (помпезный дворец правосудия, в котором восседают судьи в мантиях, адвокаты перед жугог произносят пространственные речи) стремительно идет «офис», именуемый по инерции все еще судебным, но уже виртуальный.

В частности, система массового квазиправосудия, в рамках которой в России рассматривается подавляющее большинство дел об административных правонарушениях, допускаемых в сфере организации дорожного движения (ч. 2 ст. 12.9 КоАП РФ, ч. 1 ст. 12.16 КоАП РФ), работает практически без участия человека (ч. 1 ст. 2.6.1, ч. 3.1 ст. 4.1., ч. 3 ст. 28.6, ст. 29.10 КоАП РФ).

Общезвестно также и то, что смена систем мысли неизбежно ведет к смене всех прочих стратегических схем и систем, в ряду которых системы защиты жертв правонарушений (преступлений), системы привлечения виновных к юридической ответственности, назначения им наказания. Например, введение вышеозначенной системы квазиправосудия с легкостью трансформировало наше традиционное правопонимание, в рамках которого ответственность за содеянное несет исключительно лицо, совершившее правонарушение, в нечто новое, характерное скорее для права частного, гражданского, по правилам которого наказывается уже не персонально правонарушитель, а

владелец источника повышенной опасности - транспортного средства (ч. 2 ст. 2.6.1 КоАП РФ).

С одной стороны, казалось бы, что принципы организации судопроизводства предельно просты. Действительно, соотноси единичные правонарушения с густой сеткой законов, квалифицируя таким образом частное по правилам общим. С другой стороны, анализ судебной практики заставляет сделать обескураживающий вывод: наряду с рациональным в деятельности судебных систем предостаточно иррационального.

Неслучайно основатель психоанализа Зигмунд Фрейд (1856-1939) любил рассказывать своим ученикам притчу. В деревне жил кузнец, который совершил убийство за что по закону должен был быть казнен. Однако кузнец в деревне был только один, а вот портных целых трое. В итоге, по результатам судебного решения решили казнить не кузнеца, а всего-навсего одного из портных. Примеров, подобных этому в нашей современной жизни более чем предостаточно.

Например, дело Ивана Голунова (2019): наркотические средства обнаружили у него, а по итогам разбирательства уволили двух генералов из системы МВД. За что? Широкой публике объяснить не стали [9].

Аналогична демонстрация иррациональности и по делу Павла Устинова (2019) – изначально участника массовых беспорядков.

3 августа 2019 года он задержан.

4 августа 2019 года в отношении него возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 318 УК РФ, суть обвинения – вывихнул плечо сотруднику Росгвардии.

5 августа 2019 года Устинов заключен под стражу.

16 сентября 2019 года по приговору Тверского районного суда г. Москвы за совершения вышеуказанного деяния он осужден к 3 годам 6 мес. лишения свободы.

20 сентября 2019 года Мосгорсуд изменил ему меру пресечения на подписку о невыезде.

30 сентября 2019 года Мосгорсуд снизил наказание Устинову до 1 года лишения свободы, которое тогда же было признано считать условным.

Вопрос: а как же такое опасное преступление как массовые беспорядки? Были ли таковые? Ответа нет. Читателя попрошу в этой связи вспомнить вышеприведенный автором пример из А.Ф. Кони.

По мнению автора, российский следователь – это, в лучшем случае, просвещенный инквизитор с человеческим лицом [12]. Что касается нашего видение перспектив в организации судебных систем, то оно отражено в статье «Правосудие эпохи постмодерна» [13], никому не нужные споры о возможности прекращения уголовных дел описаны в статьях «Обязан ли суд прекратить дело, если на этом настаивают стороны» [14] и «Судебный штраф: как преодолеть незаконный отказ в освобождении от уголовной ответственности» [15].

Наши основные научно-практические выводы:

1. Судебная власть – важнейший элемент государственной власти, однако суд далеко не единственный механизм разрешения споров, в силу его дороговизны и громоздкости. Следовательно, общество должно задуматься о диверсификации механизма разрешения споров, смело идти на легализацию аутсорсинга многих его функций. Например, в Англии существует четкое разграничение между медиацией, арбитражем и собственно традиционным правосудием. Лица, жаждущие защиты в государственном суде, обязаны сначала доказать обществу, почему их интерес не может быть удовлетворен без государственного вмешательства.

2. Крепнет такой институт квазиправосудия как *Rechtspflegung* - разрешения споров помощниками судей (квазиправосудие). Широкое распространение медиации, арбитража, триумф института *Plea Bargaining*, прочих формы аутсорсинга в некоторых странах позволили сократить нагрузку на судей более, чем на 80%. Как видим, экономия

государственных средств налицо, однако авторы этих идей признают, что классическое правосудие, его «аромат», исчезает.

3. Каждая правовая система характеризуется уникальностью в построении своей судебной системы, различием в понимании и достижениях справедливости по конкретным юридическим делам. Поскольку в наши дни принято считать, что все мы дети единой цивилизации (Ю. Харари), то в последние десятилетия наметилась устойчивая тенденция по унификации национальных систем правосудия, неизбежная при этом пока еще частичная утрата таковыми государственного суверенитета [10. Стратегия развития правосудия в условиях глобализации. М., 2017.].

4. Изучение организации правосудия на примере отдельных стран позволяет проследить такие характеристики судебных систем как: общее, частное и особенное. Например, общим параметром для России и Румынии является уровень финансирования судебных систем [11. Европейские судебные системы. Совет Европы, октябрь 2018 года. Отпечатано в Издательстве Совета Европы Издание на французском языке: «Systemes judiciaires europeens - Efficacite et qualite de la justice» Edition 2018 (donnees 2016) Etudes de la CEPEJ N 26 ISBN 978-92-871-8565-5.], который на порядок отличается от топовых показателей. При этом не следует забывать, что в бюджет правосудия состоит не только из государственных средств, в него по полной программе вкладываются и стороны (расходы на адвокатов, экспертизу).

5. Общим является ориентир на защиту прав человека, что касается о путях достижения данной цели, то судебные системы, используемые ими техники и технологии, как правило, существенно различаются.

6. Бесспорно, что в организации судопроизводства особую значимость имеют информационные технологии. Уже в наши дни ничто (кроме уровня подготовки персонала судов и пользователей правосудия) не мешает, организовать «умный суд», сотрудники которого, как и его пользователи смогут коммуницироваться не выходя из дома.

7. Как правило, большинству авторов, исследующих судебную власть, не удается обозначить и четкую позицию относительно роли личности в организации управления судебными системами. Вместе с тем, именно идеология их кадрового корпуса – одна из основ эффективности функционирования любой системы.

8. Судебная власть – явление объективное, как и все прочие виды власти, свойственные человеческому обществу, начиная от организации отношений в семье, заканчивая властью государственной. Аппарат судебной власти – судебная система, архитектура которой предопределена уровнем развития общества целом. Судебно-властные отношения – элемент государственно-властных отношений, что и определяет потолок их эффективности. Прежде чем ответить на вопрос, каким должен быть суд, необходимо ответить другой вопрос: «Как называется общество, в котором мы живем и каковы его запросы?»

9. О реальном уровне эффективности российских судов общей юрисдикции лучшего всего сказал М.В. Кротов – полномочный представитель Президента РФ в Конституционном Суде РФ, выступая в Общественной палате РФ: многие дела наша судебная система разрешить не в состоянии, граждане по пустяковым вопросам вынуждены обращаться в Конституционный СУ РФ, Европейский Суд по правам человека. Данные инстанции, несмотря на то, что разрешение этих «пустяковых вопросов» не их функция, терпеливо разрешают возникшие коллизии, вынесенные в результате этого судебные решения – база для пересмотра правовых позиций судов общей юрисдикции. Что касается привлекательности судов – то, их как и Родину, не выбирают.

Список используемой литературы и источников

1. Колоколов, Н.А. Уголовная политика: загадочная очевидность [Текст]/Н.А.Колоколов.- М.: Юрлитинформ, 2014.

2. Беккария, Ч. О преступлениях и наказаниях [Текст]/ Ч.Беккария. - М., 2020.

3. Феллов, П.А. Неотвратимость наказания – важный принцип советского уголовного права [Текст]: автореф. дис... канд. юрид. наук.- Свердловск, 1965.

4. Лунеев, В.В. Эффективность борьбы преступностью и ее отдельными видами в современной России [Текст]/ В.В.Лунев // Государство и право.- 2003.- №7.

5. Кудрявцев, В.Н. Стратегии борьбы преступностью [Текст]/В.Н.Кудрявцев. - М.: Юрист, 2003.

6. Бентам, И. О судостроения [Текст] / И.Бентам. - СПб: Правительствующий сенат, 1860.

7. Fisher G. Plea Bargaining*s Triumph. A History of Plea Bargaining in America». California. Stanford. Stanford University Press, 2003.

8. Кони, А.Ф. Собр. Соч. [Текст]/ А.Ф.Кони. - М.: Юрид.лит., 1966.

9. Цветков, Ю.А. Дело Голунова: противники следствия наносят ответный удар [Текст]/Ю.А.Цветков // Уголовный процесс. 2019. №9.

10. Стратегия развития правосудия в условиях глобализации. - М., 2017.

11. Европейские судебные системы. Совет Европы, октябрь 2018 года. Отпечатано в Издательстве Совета Европы Издание на французском языке: «Systemes judiciaires europeens - Efficacite et qualite de la justice» Edition 2018 (donnees 2016) Etudes de la CEPEJ N 26 ISBN 978-92-871-8565-5.

12. Колоколов, Н.А. Российский следователь – просвещенный инквизитор с человеческим лицом [Текст]/ Н.А.Колоколов // Уголовное судопроизводство. - 2018. - №3.

13. Колоколов, Н.А. Правосудие эпохи постмодерна [Текст]/ Н.А.Колоколов // Мировой судья. - 2019. - №10.

14. Колоколов, Н.А. Обязан ли суд прекратить дело, если на этом настаивают стороны [Текст]/ Н.А.Колоколов // Уголовный процесс. - 2019. №9.

15. Колоколов, Н.А. Судебный штраф: как преодолеть незаконный отказ в освобождении от уголовной ответственности [Текст]/ Н.А.Колоколов // Уголовный процесс. - 2019.- №10.

УДК 343.152

В.В. Конин, доцент кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия (г. Санкт-Петербург), канд. юрид. наук, доцент

К ВОПРОСУ ОБ ОКАЗАНИИ КВАЛИФИЦИРОВАННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ В СТАДИИ ИСПОЛНЕНИЯ ПРИГОВОРА

Право на защиту в уголовном судопроизводстве гарантируется Конституцией Российской Федерации. Из разъяснений высших судебных инстанций следует, что это право действует на всех стадиях уголовного процесса, в том числе и в стадии исполнения приговора, которая является неотъемлемой частью уголовного процесса. В то же время, нечеткие формулировки породили дискуссию о том, как действует это право в стадии исполнения приговора, и кем оно реализуется.

Ключевые слова: стадия исполнения приговора, адвокат, защитник, квалифицированная юридическая помощь, приговор, осужденный, право на защиту.

ON THE ISSUE OF PROVIDING QUALIFIED LEGAL ASSISTANCE AT THE STAGE OF EXECUTION OF THE SENTENCE (THESES)

The right to protection in criminal proceedings is guaranteed by the Constitution of the Russian Federation. It follows from the explanations of the higher courts that this right is valid at all stages of the criminal process, including at the stage of execution of the sentence, which is an integral part of the criminal process. At the same time, the vague wording gave

rise to a debate about how this right operates at the stage of execution of the sentence, and by whom it is implemented.

Keywords: *stage of execution of the sentence, lawyer, defender, qualified legal assistance, sentence, convicted person, right to defense.*

Лица, признанные судом виновными в совершении преступления и осужденные к лишению свободы, лишаются части гарантированных прав и свобод, и в тоже время приобретают достаточно значительный ряд ограничений. Это соответствует конституционному положению, закрепленному в ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации, согласно которому права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Однако это не превращает осужденных в абсолютно бесправных лиц. За осужденными сохраняются некоторые права, гарантированные Конституцией Российской Федерации, в частности такие как право на жизнь, право на защиту чести и достоинства, право на информацию, право на образование, право на обращение в государственные органы, право на частную собственность и ее наследование, право на охрану здоровья и медицинскую помощь, право на доступ к квалифицированной юридической помощи и некоторые другие.

Вместе с тем, реализация осужденным права на квалифицированную юридическую помощь, порождает вопрос о действии в стадии исполнения приговора принципа, гарантирующего право на защиту в уголовном судопроизводстве, неотъемлемой частью которого является стадия исполнения приговора.

Этот вопрос, возникший в период действия УПК РСФСР и ИТК РСФСР, вызывал научную дискуссию, [1, с. 42-43; 2; 3] которая продолжается и по настоящее время, привлекая все новых и новых участников. Главный вопрос дискуссии на современном этапе - это вопрос не столько о гарантиях конституционного права на защиту для осужденного, сколько о процессуальном статусе адвоката в стадии исполнения приговора. [4, с. 2-5; 5, с. 64-72; 6, с. 34-37; 7, с. 385-388; 8, с. 316-324; 9, с. 13-18; 10 и др. авторы]

При этом современные авторы не принимают во внимание то обстоятельство, что советское законодательство, регулирующее правоотношения в сфере борьбы с преступностью, и в частности советский уголовный процесс, уголовное право и исправительно-трудовое законодательство преследовало иные задачи, нежели современное законодательство, в том числе и современный российский уголовный процесс. В советском уголовном праве и уголовном процессе ведущим был принцип публичности, подкрепленный соответствующей идеологической составляющей.

Параллельно с этим, в уголовном процессе выдвигалось требование всесторонности (понимаемое многими советскими процессуалистами как требование установления истины), которое звучало следующим образом: суд, прокурор, следователь и лицо, производящее дознание, обязаны принять все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, выявить как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, а также смягчающие и отягчающие его ответственность обстоятельства.

При этом советское законодательство в сфере уголовно-правовых правоотношений, в том числе УК РСФСР и УПК РСФСР, нельзя было отнести к числу законодательных актов, стоящих на страже прав и свобод человека и гражданина, поскольку, повторимся, принцип публичности был одним из ведущих принципов советского уголовного процесса.

Примерно такое же положение занимало и советское уголовно-исправительное законодательство.

Так, например, Исправительно-трудовой кодекс РСФСР устанавливал, что «В отношении осужденного, к которому в соответствии со статьями 53, 53.2 и 55 Уголовного кодекса РСФСР может быть применено условно-досрочное освобождение от наказания или замена неотбытой части наказания более мягким наказанием, либо условное освобождение из мест лишения свободы с обязательным привлечением к труду, орган, ведающий исполнением наказания, вносит совместно с указанными в перечисленных статьях Уголовного кодекса РСФСР органами и общественными организациями в суд представление об условно-досрочном освобождении осужденного от наказания или о замене ему неотбытой части наказания более мягким наказанием, либо об условном освобождении осужденного из мест лишения свободы с обязательным привлечением его к труду.

В представлении должны содержаться данные, характеризующие поведение осужденного, его отношение к труду и обучению за все время отбывания наказания. Одновременно с представлением в суд направляется личное дело осужденного».

Часть 2 и 3 ст. 53 УК РСФСР устанавливали, к кому могло быть применено условно-досрочное освобождение, и субъектов обращения в суд для решения вопроса об улучшении положения осужденного.

Так, в части 2 было достаточно жестко установлено, что «Условно-досрочное освобождение от наказания или замена неотбытой части наказания более мягким наказанием может быть применено к осужденному лишь в том случае, если он примерным поведением и честным отношением к труду доказал свое исправление». Таким образом, если осужденный не привлекался к труду по каким либо причинам, даже при наличии примерного поведения, он не вправе был претендовать на улучшение своего положения.

Часть 3 устанавливала что «Условно-досрочное освобождение от наказания и замена неотбытой части наказания более мягким наказанием применяются судом по месту отбытия наказания осужденным по совместному представлению органа, ведающего исполнением наказания, и наблюдательной комиссии при исполнительном комитете местного Совета народных депутатов, в отношении лиц, условно осужденных к лишению свободы с обязательным привлечением к труду и условно освобожденных из мест лишения свободы с обязательным привлечением к труду, - также и по совместному представлению администрации и общественных организаций по месту работы осужденного, а к отбывающему наказание в дисциплинарном батальоне - по представлению командования дисциплинарного батальона».

Считаем необходимым уделить особое внимание тому обстоятельству, что осужденный, согласно требованиям УК РСФСР, УПК РСФСР и ИТК РСФСР, был лишен права самостоятельно обратиться в суд с ходатайством об улучшении своего положения, это мог сделать только орган, ведающий исполнением наказания, согласовав указанное обращение с наблюдательной комиссией при исполнительном комитете местного Совета народных депутатов. Именно поэтому советские ученые-процессуалисты и ставили вопрос о процессуальном положении адвоката в стадии исполнения приговора, поскольку адвокат в соответствии с представленными ему полномочиями, вправе был обратиться в суд в интересах осужденного, и поставить вопрос об улучшении его положения.

В отличие от советского уголовного процесса, на развитие российского законодательства, в том числе и уголовного процесса, самым активным образом влияет Конституционный Суд Российской Федерации, разъясняя правовой смысл тех или иных норм, и заставляя законодателя вносить в законодательство, в том числе и УПК РФ те или иные изменения, что позволяет УПК РФ соответствовать не только требованиям Конституции Российской Федерации, но и общепризнанным нормам международного права.

Соответственно, современное российское законодательство, в отличие от ранее действовавшего советского законодательства, регулирующего правоотношения в уголовном судопроизводстве, в том числе и в стадии исполнения приговора, носит более защитительный характер в отношении лица, имеющего статус подозреваемого, обвиняемого, осужденного.

В то же время, процессуальный статус лица в уголовном судопроизводстве всегда связан с правами (и обязанностями), которыми УПК РФ наделяет участника уголовного процесса, и эти права (и обязанности) всегда связаны с уголовным делом.

Процессуальный статус у лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве со стороны защиты (подозреваемый, обвиняемый, подсудимый), существует исключительно в период наличия уголовного дела, поскольку весь процесс связан с движением уголовного дела по стадиям. После вступления приговора в законную силу процессуальный статус прекращает свое существование, и лицо получает статус осужденного, который не является процессуальным, поскольку отсутствует сам процесс (спор о виновности лица в совершенном преступлении).

С вступлением в законную силу приговора суда обвинительный тезис в совершении обвиняемым конкретного преступления перестает существовать.

Исходя их формальной логики, раз в стадии исполнения приговора отсутствует обвинение, следовательно, должна отсутствовать и защита от выдвинутого обвинения в совершении преступления. Невозможно защищаться от не выдвинутого обвинения.

Следовательно, адвокат в стадии исполнения приговора выступает в роли советника (консультанта) либо представителя, оказывающего осужденному квалифицированную юридическую помощь.

Вместе с тем, некоторые авторы полагают, что «... следует согласиться с авторами, полагающими, что права и интересы осужденного осуществляются защитником. В уголовное судопроизводство в качестве такового допускается только лицо, имеющее статус адвоката. Следовательно, термины «защитник» и «адвокат» можно считать синонимами». [11, с. 184]

На наш взгляд, вышеприведенное мнение является ошибочным, несмотря на то, что указанная трактовка основывается на официальных толкованиях. Права и интересы осужденного в основной своей массе не могут осуществляться защитником, поскольку тот усеченный перечень прав, которыми наделен осужденный, являются неотъемлемыми (право на жизнь, право на защиту чести и достоинства, право на информацию, право на обращение в государственные органы, право на частную собственность и ее наследование, право на охрану здоровья и медицинскую помощь, право на образование, право на доступ к квалифицированной юридической помощи и другие), и не могут осуществляться защитником, а реализуются исключительно осужденным. Адвокат, как и иной представитель, может лишь оказать помощь осужденному в реализации некоторых прав, в частности права на квалифицированную юридическую помощь, на обращение в государственные органы, в том числе и в суды.

Термины «адвокат» и «защитник» совпадали в ранее действовавшем советском уголовном процессе, но в современном уголовном процессе совпадают не в полном объеме, поскольку адвокатом является лицо, имеющее статус адвоката, получившее его в установленном законом порядке, а защитником, в соответствии с ч. 2 ст. 48 УПК РФ, может выступать лицо, не имеющее статус адвоката. Более того, согласно правовым позициям Конституционного Суда Российской Федерации следует, что «Из взаимосвязанных положений статьи 48 Конституции Российской Федерации, согласно которой каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи (часть 1), каждый задержанный, заключенный под стражу, обвиняемый в совершении преступления имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) (часть 2), вытекает, в частности, что применительно к подозреваемым и обвиняемым Конституция

Российской Федерации связывает реализацию права на получение квалифицированной юридической помощи именно с помощью адвоката. ... Иные лица в качестве защитника могут быть допущены только по ходатайству обвиняемого, только по определению или постановлению суда, только наряду с адвокатом (кроме производства у мирового судьи) и только на судебной стадии производства по делу» [13]. Таким образом, Конституционный Суд Российской Федерации разделил участников процесса со стороны защиты, на адвоката, имеющего статус защитника в силу специфики своей профессии, и защитника, не имеющего статуса адвоката.

Еще ранее Конституционный Суд Российской Федерации, пришел к выводу, что конституционная гарантия на право на квалифицированную юридическую помощь относится лишь только к подозреваемым и обвиняемым, а в остальных случаях «... посылка часть 1 статьи 48 Конституции Российской Федерации не уточняет, кем именно должна быть обеспечена квалифицированная юридическая помощь нуждающемуся в ней гражданину, конституционную обязанность государства обеспечить каждому желающему достаточно высокий уровень любого из видов предоставляемой юридической помощи нельзя трактовать как обязанность пользоваться помощью только адвоката» [14]. Соответственно, представлять интересы осужденного может любое лицо, в том числе и не имеющее статус адвоката. Эта правило нашло свое отражение в ч. 8 ст. 12 УИК РФ, согласно которой для получения юридической помощи осужденные могут пользоваться услугами адвокатов, а также иных лиц, имеющих право на оказание такой помощи (под иными лицами необходимо понимать законных представителей, а также лиц, допущенных судом в качестве защитника наряду с адвокатом, и которые продолжают оказывать юридическую помощь осужденному в стадии исполнения приговора, а также представителей правозащитных организаций, которые в соответствии с Уставом организации вправе оказывать юридическую помощь различным категориям граждан, в том числе осужденным).

Полагаем, что вопрос о процессуальном статусе адвоката в стадии исполнения приговора является преувеличенным, не влияющим на процессуальные правоотношения, складывающиеся в данной стадии процесса. На наш взгляд, дискуссия о процессуальном статусе адвоката в стадии исполнения приговора была вызвана недостаточной четкостью формулировок в правовых позициях, выработанных и высказанных высшими судебными органами.

Представляется, что адвокат, а также иной участник, имеющий право оказывать юридическую помощь, участвуя в данной стадии, выступает не в качестве защитника, а исключительно в качестве:

- советника, задачей которого является консультирование, разъяснение действующего законодательства, правовых позиций высших судебных органов, сложившейся судебной практики, помощь в подготовке и составлении тех или иных документов, в том числе процессуальных, связанных с постановленным судом приговором;
- представителя, при обращении осужденного в суд для решения тех или иных вопросов, перечисленных в ст. 397 УПК РФ, и обжаловании состоявшихся судебных решений в вышестоящие судебные инстанции.

Целью оказания квалифицированной юридической помощи адвокатом, а также иным лицом, выступающим в качестве представителя осужденного, является защита прав и свобод от их произвольного нарушения со стороны представителей администрации исправительного учреждения, иных государственных органов, а также участие в судебных заседаниях, как совместно с осужденным, так и порознь (при согласии осужденного) при рассмотрении вопросов, перечисленных в ст. 397 УПК РФ в районном суде, а также в качестве представителя в вышестоящих судах при обжаловании тех или иных действий или решений, как должностных лиц, так и постановленных судом решений.

В то же время, в данных правоотношениях существует проблема, практически незамеченная научной общественностью и полностью игнорируемая законодателем. Указанная проблема заключается в том, что на осужденных не распространяется закрепленное в Конституции Российской Федерации и УПК РФ право на получение квалифицированной юридической помощи с возложением расходов на федеральный бюджет, в случае, если осужденный, обратившийся в суд для рассмотрения тех или иных вопросов, перечисленных в ст. 397 УПК РФ, не в достаточной мере владеет языком, на котором ведется судопроизводство, либо в силу тех или иных обстоятельств, в том числе и в силу возраста, не может самостоятельно отстаивать свои права и законные интересы, но в связи с финансовой несостоятельностью не может позволить себе заключить соглашение с адвокатом. Тем самым осужденный лишается доступа к квалифицированной юридической помощи, что противоречит принципу, закрепленному в части 1 ст. 48 Конституции Российской Федерации о том, что каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи, в случаях, предусмотренных законом, юридическая помощь оказывается бесплатно.

Одной из первых на эту проблему обратила внимание С.В. Колобова, указав, что «Разрешая вопрос об обеспечении права на помощь защитника лицу, в отношении которого уже вынесен приговор, при рассмотрении его дела судом второй инстанции, Европейский суд по правам человека в Постановлениях от 13 мая 1980 г. по делу "Артико против Италии" и от 25 апреля 1983 г. по делу "Пакелли против Федеративной Республики Германии" исходил из того, что непредоставление осужденному помощи защитника, если у него нет достаточных средств для оплаты его услуг и если того требуют интересы правосудия, является нарушением прав, гарантированных Конвенцией о защите прав человека и основных свобод». [12, с. 111-116]

Считаем необходимым обратить внимание законодателя на указанную проблему, которая требует своего разрешения.

Список используемой литературы и источников

1. Адаменко, В. Д. Сущность и предмет защиты обвиняемого [Текст]/ В.Д.Адаменко.- Томск, 1983
2. Выдря, М. М. Функция защиты в советском уголовном процессе [Текст]/ М.М.Выдря // Сов. государство и право. - 1978. -№ 1.
3. Свиридов, М.К. Порядок разрешения дел об условно-досрочном освобождении от наказания: учебное пособие [Текст] / М.К.Свиридов.- Томск: Изд-во Томского университета, 1972.
4. Воронин, О. В. О функциональном содержании деятельности адвоката осужденного в стадии исполнения приговора [Текст]/ О.В.Воронин // Адвокатская практика. - 2012. - № 2.
5. Воронин, О. В. О защите в стадии исполнения приговора [Текст]/ О.В.Воронин // Вестник Томского государственного университета. Право. - 2011. - № 2.
6. Калущих, А. М. К вопросу об участии защитника в стадии исполнения приговора [Текст]/ А.М.Калущих //Адвокатская практика.- 2016. - № 3.
7. Камардина, А. А. Участие адвоката на стадии исполнения приговора [Текст] / А.А.Камардина //Известия Оренбургского государственного аграрного университета. - 2011. - Т. 3. - № 31-1.
8. Качалов, В. И. Проблемы доказывания на этапе исполнения итоговых судебных решений в уголовном судопроизводстве [Текст]/ В.И.Качалов // Российское правосудие. -2016. - № 51.
9. Кузнецова, О. Б. Полномочия адвоката-защитника на стадии исполнения приговора [Текст]/ О.Б.Кузнецова // Адвокатская практика.- 2012.- № 3.
10. Тулянский, Д. В. Стадия исполнения приговора в уголовном судопроизводстве [Текст]: монография. - М.: Юрлитинформ, 2010.

11. Калущих, А.М. Адвокат в стадии исполнения приговора: представитель или защитник? // Современное уголовно-процессуальное право России: уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования [Текст]: Сборник материалов Международной конференции к 60-летию доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ В.В. Николюка. – Орел, 2016.

12. Колобова, С.В. Гарантии судебной защиты на разных стадиях уголовного судопроизводства [Текст]/ С.В.Колобова // Современное право.- 2013. - N 11. - С. 111 - 116.

13. "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Арнольда Альберта Павловича на нарушение его конституционных прав пунктом 4 части первой статьи 135 и частью четвертой статьи 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" [Текст]: определение Конституционного Суда РФ от 17.06.2013 N 1044-О // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обновления: 07.04.2019).

14. "По жалобам граждан Л.Д. Вальдмана, С.М. Григорьева и региональной общественной организации "Объединение вкладчиков "МММ" на нарушение конституционных прав и свобод рядом положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и Федерального закона "Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации" [Текст]: определение Конституционного Суда РФ от 05.12.2003 N 446-О // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обновления: 07.04.2019).

УДК 343.13

А.И. Конорева, Е.А. Хорунжая, студенты юридического факультета ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (г. Курск)

Научный руководитель: И.В. Ревина, канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (г. Курск)

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ФАЛЬСИФИКАЦИИ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Данная статья посвящена рассмотрению правовой сущности результатов ОРД. Раскрыта система элементов, составляющих содержание указанного понятия. Затронуты отдельные вопросы фальсификации результатов оперативно-розыскной деятельности.

Ключевые слова: *результаты оперативно-розыскной деятельности, фальсификация результатов ОРД, оперативно-розыскные мероприятия, оперативно-розыскной орган.*

TO THE QUESTION OF THE CONCEPT OF FALSIFICATION OF RESULTS OF OPERATIONAL-SEARCH ACTIVITY

This article is devoted to consideration of the legal nature of the results of the ARD. A system of elements constituting the content of this concept is disclosed. Some issues of falsification of the results of operational-search activities are discussed.

Key words: *results of operational investigative activities, falsification of the results of the ARD, operational investigative measures, operational investigative body.*

На сегодняшний день, под термином «результаты оперативно-розыскной деятельности (далее ОРД)» понимается документально-предметная информационная система, которая включает в себя любые сведения и их источники, полученные с соблюдением предусмотренных в законе «Об ОРД» требований и иных подзаконных актов уполномоченными на то органами и их должностными лицами, о признаках, обстоятельствах, субъектах подготавливаемого, совершаемого или оконченного преступления, лицах,

подготавливающих, совершающих или совершивших преступление, а также о месте нахождения лиц, скрывшихся от органов дознания, следствия или суда [1, с. 95].

Термин «результаты ОРД» употребляется как в законе, для обозначения правового понятия, так и в различных юридических науках, например, ОРД, уголовное право, уголовно-процессуальное право и криминалистика. Каждая из представленных наук имеет свой предмет исследования, свою направленность в анализе данного понятия [2, с. 76-77]. Такой подход позволяет выделить различные аспекты феномена «результаты ОРД», так как в ходе раскрытия и расследования преступлений они могут иметь не только оперативно-розыскное, но и криминалистическое, уголовно-процессуальное и даже уголовно-правовое назначение. Что касается употребления данного термина в законе, то Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» не дает определение термина «результаты ОРД». Оно содержится в п. 36.1 ст. 5 УПК РФ, в соответствии с которым к результатам ОРД относятся сведения, полученные в соответствии с Федеральным законом «Об ОРД», о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление и скрывшихся от органов дознания, следствия или суда.

Результаты ОРД целесообразно рассматривать как систему, состоящую из нескольких взаимосвязанных и взаимодействующих между собой элементов [3, с. 644-652].

Первый элемент системы заключается в безусловном соответствии результатов ОРД, в первую очередь, требованиям ФЗ «Об ОРД», а также и иным нормативно-правовым актам. Вторым элементом этой системы является источник, а именно: носитель любых сведений, то есть в результате каких оперативно-розыскных мероприятий были получены результаты ОРД. Это может предоставить возможность доказать их истинность, объективность и достоверность. Третьим элементом представленной системы являются способы фиксации результатов ОРД. Оперативные сведения фиксируются в специальных оперативно-служебных документах [4, с. 45-48]. К их числу относят: рапорт, справка, акт, сводка, отчет, меморандум и т.п. Помимо всего прочего, к ним могут прилагаться различные материальные носители информации, например, фонограммы, кино- и видеокассеты, фотоснимки. Четвертый элемент системы – это порядок передачи результатов ОРД органу дознания, следователю или суду. Важно отметить, что без данного элемента результаты ОРД теряют свою основную цель. И, наконец, заключительным, пятым элементом системы является то, что результаты ОРД обязательно должны быть получены специально уполномоченными на то органами и их должностными лицами.

Полученные оперативно-розыскные сведения должны быть легализованы, то есть должны быть расшифрованы методы и некоторые другие сведения, которые определяют организацию и тактику оперативно-поисковых и оперативно-технических мероприятий [5, с. 71].

Абсолютно каждый из пяти элементов системы имеет собственное содержание, выполняет определенные функции и представляет собой совокупность более простых элементов. Важно отметить, что состав указанных элементов отличается от основных тем, что может меняться в зависимости от вида, способа получения и закрепления результатов ОРД. На каждый отдельный элемент накладывается определенная функциональная нагрузка, то есть любой из элементов в отдельности выполняет присущую лишь ему функцию. Так, сведения несут информационную функцию; их источники являются носителями и средствами фиксации информации; способы и порядок передачи сведений и их источников – техническую, а органы и их должностные, уполномоченные законом на проведение оперативно-розыскных мероприятий и иных действий лица – субъектов ОРД.

В настоящее время в правоприменительной деятельности не исключается объективная возможность для фальсификации результатов ОРД. По большей мере это связано с

тем, что при осуществлении ОРД могут быть получены данные, которые вовсе не соответствуют действительности. Зачастую осуществить полную, всестороннюю проверку и оценку результатов ОРД бывает не только затруднительно, но и иногда практически невозможно. Не следует исключать также и возможность дезинформации и провокации при выполнении оперативно-розыскных мероприятий [7, с. 94-101]. Так, например, изучение следственной и судебной практики продемонстрировало, что для обоснования ареста подозреваемого, а в некоторых случаях и для продления срока ареста обвиняемого, следователи чаще всего предъявляют не соответствующие действительности результаты ОРД. Чаще всего в представленных по инициативе следователя рапортах оперативных сотрудников особое внимание уделяется тому, что подозреваемый (обвиняемый) скроется от следствия, воспрепятствует расследованию, а также может оказывать воздействие на потерпевшего либо свидетелей. В данном случае, возможность проверить такие сведения в судебном порядке отсутствует, так как при предъявлении такой информации отсутствует источник, методы и условия ее получения.

Также следует учитывать, что оперативная информация может основываться на анонимных заявлениях, предположениях. Такая информация носит неконкретный характер, не соответствует требованиям, которым должны отвечать «результаты ОРД», что отчасти приводит к их фальсификации [8, с. 108].

В аспекте сказанного представляется актуальным дополнение ст. 303 Уголовного кодекса РФ путем закрепления в качестве отдельной части новой нормы, - «Фальсификация доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности». Данное нововведение устраняет серьезные сложности уголовно-правовой оценки действий, порождающих проблему конкуренции норм об ответственности за должностные преступления (ст. ст. 285 и 286 УК РФ). В настоящее время, для того чтобы привлечь к уголовной ответственности за соответствующее деяние, не требуется установления существенного нарушения прав и законных интересов граждан или организаций [6, с. 221].

Обобщая изложенное, важно отметить, что при фальсификации результатов ОРД возможно противоправное использование мощного технического и оперативного потенциала влиятельных силовых структур, осуществляющих ОРД. Данные действия выполняются под видом обеспечения государственной безопасности, борьбы с коррупцией и т.д. Фальсификация результатов ОРД возможна только путем активных действий, которые явно выходят за пределы полномочий должностного лица.

Список используемой литературы и источников

1. Нагиленко, Б.Я. О понятии результата оперативно-розыскной деятельности [Текст] / Б.Я. Нагиленко // Оперативник (сыщик). -2006.- № 4.-С. 95.
2. Доля, Е. А. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности [Текст] / Е. А. Доля.- М.: Дашков и К., 2015. - С. 76-77.
3. Васильев, Н.Н., Егоршин, В. М., Зорин, В. В. Соотношение оперативно-розыскной информации и доказательств в уголовном судопроизводстве [Текст] / Н.Н. Васильев, В.М. Егоршин, В.В. Зорин // Основы оперативно-розыскной деятельности : учеб. для юрид. вузов. -М., 2014. -С. 644-652.
4. Чучаев, А., Дворянсков, И. Фальсификация доказательств [Текст] / А. Чучаев, И. Дворянсков // Уголовное право. - 2001. - № 2. - С. 45-49.
5. Пархоменко, С.В., Радченко, А.А. Фальсификация результатов оперативно-розыскной деятельности [Текст] / С.В. Пархоменко, А.А. Радченко: учеб. пособие. – Иркутск, 2016. - С.71.
6. Байсалуева, Э.Ф. Преступления против правосудия, совершаемые лицами, осуществляющими предварительное расследование: квалификация, ответственность [Текст] / Э.Ф. Байсалуева.-Тюмень, 2015. - С. 221.
7. Шейфер, С.А. Доказательственные аспекты Закона об оперативно-розыскной деятельности [Текст] / С.А. Шейфер // Государство и право. - 2016.- № 1. - С. 94-101.

8. Давыдов, Я.В. Оперативно-розыскная деятельность [Текст] / Я.В. Давыдов // Конспект лекций. - М.: Приор-издат, 2005. - С. 108.

УДК 343.123.1

Е.Я. Корень, магистрант ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (г. Курск)

Научный руководитель: В.В. Струкова, канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (г. Курск)

ДОЗНАНИЕ: ПОНЯТИЕ, НАЗНАЧЕНИЕ, ПОРЯДОК ПРОИЗВОДСТВА

Статья посвящена исследованию института дознания как форме предварительного расследования наряду с предварительным следствием. Автор анализируется обе данные формы и выявляются имеющиеся между ними различия.

Ключевые слова: дознание, предварительное расследование, судопроизводство, преступление, уголовное дело.

INQUIRY: CONCEPT, PURPOSE, PROCEDURE OF PRODUCTION

The article is devoted to the investigation of the institution of inquiry as a form of preliminary investigation along with preliminary investigation. The author analyzes both of these forms and identifies the differences between them.

Keywords: inquiry, preliminary investigation, legal proceedings, crime, criminal case.

Дознание - одна из форм предварительного (досудебного) расследования преступлений наряду с предварительным следствием [7, с. 211]. Оба они направлены на реализацию целей уголовного судопроизводства, основаны на единых принципах судопроизводства, а общие условия предварительного расследования распространяются и на дознание, за отдельными исключениями, предусмотренными гл. 32 УПК РФ.

Вместе с тем следствие и дознание как самостоятельные формы предварительного расследования различаются по ряду признаков.

1. Предварительное следствие - основная форма расследования, поскольку этой сферой деятельности охватывается производство по большинству уголовных дел, за исключением преступлений небольшой и средней тяжести, перечисленных в ч. 3 ст. 150 УПК РФ. Согласно п. 11 ч. 2 ст. 37 УПК РФ прокурор уполномочен изъять любое уголовное дело у органа дознания и передать его следователю с обязательным указанием оснований такой передачи.

2. Субъект производства предварительного следствия - следователь (п. 41 ст. 5 УПК РФ), а субъект дознания - дознаватель (п. 7 ст. 5 УПК РФ) либо следователь (п. 8 ст. 5 УПК РФ). Следователи Следственного комитета РФ осуществляют дознание по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ч. 3 ст. 150 УПК РФ и связанных со специальным правовым статусом лиц, указанных в ч. 1 ст. 447 УПК РФ, либо совершенных должностными лицами правоохранительных органов и Вооруженных Сил РФ, названных в п.п. "в" п. 1 ч. 2 ст. 151 УПК РФ, а следователи органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ дознание по преступлениям этой категории [3, с. 371-373].

3. Предварительное следствие осуществляется в два этапа: лицо вначале привлекается в качестве обвиняемого, а потом в отношении его составляется обвинительное заключение. В ходе же дознания выносится обвинительный акт, который сочетает элементы как постановления о привлечении в качестве обвиняемого, так и обвинительного заключения.

4. Дознание производится в течение 30 суток со дня возбуждения уголовного дела с возможным продлением срока прокурором до 12 месяцев. Срок предварительного следствия составляет 2 месяца с возможным его продлением свыше 12 месяцев.

Дознание производится, как правило, по преступлениям небольшой или средней тяжести. По преступлениям, которые относятся к категории дел частного обвинения, дознание производится лишь в случае возбуждения их в публичном порядке при неспособности пострадавшего самостоятельно защищать свои права и законные интересы. В остальных случаях жалоба потерпевшего направляется прямо в мировой суд, минуя предварительное расследование [2, с. 14-22].

Закон сохраняет возможность передачи прокурором любого уголовного дела от органа дознания или дознавателя следователю для производства предварительного следствия - как до составления обвинительного акта, так и после. Решением прокурора производство предварительного следствия может быть признано обязательным по уголовному делу, относящемуся к компетенции дознания или к категории дел частного обвинения. Письменное указание прокурора об этом должно быть мотивировано. В частности, прокурор может дать указание о производстве следствия вместо дознания, если за сокращенные сроки дознания невозможно полно и объективно провести расследование данного дела или если уголовное дело имеет особое общественное значение (например, получило широкий резонанс в средствах массовой информации) и т.д. [1, с. 38].

Дознание не производится по деяниям, совершенным невменяемыми лицами, а также по преступлениям, совершенным в отношении лиц, обладающих служебным иммунитетом или статусом сотрудника правоохранительного органа, военнослужащего или приравненного к ним лица. Правом производства дознания как упрощенной формы расследования наделены дознаватели и следователи.

Дознаватели как штатные сотрудники специализированных подразделений дознания предусмотрены только в некоторых органах дознания: органах внутренних дел, пограничных органах Федеральной службы безопасности, органах службы судебных приставов на уровне субъектов РФ, таможенных органах, органах государственного пожарного надзора федеральной противопожарной службы и органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ. Компетенция остальных органов дознания ограничена производством лишь неотложных следственных действий [4, с. 267].

Дознание производится в течение 30 суток со дня возбуждения уголовного дела. При необходимости этот срок может быть продлен прокурором до 30 суток.

Одной из существенных особенностей дознания является то, что оно осуществляется не специальным следственным аппаратом, а определенными административными органами, органами государственного управления.

Их компетенция не ограничена пределами своего ведомства; она распространяется на любое ведомство, где осуществляется данный вид деятельности и где указанным административным органам принадлежит право внешнего контроля. Указанные органы потому наделяются функцией дознания, что в процессе осуществления своей управленческой и контрольной деятельности им приходится выявлять преступления, требующие соответствующего реагирования.

В отличие от следствия, которое при определенных в УПК условиях производится по любому делу о преступлении, дознание может быть произведено лишь по делам о преступлениях, посягающих на область или сферу управления данного административного органа, что, в свою очередь, свидетельствует об ограниченности компетенции органов дознания и не позволяет рассматривать их как «универсальные» органы расследования.

Для наглядности следует провести сравнительный анализ российского и зарубежного дознания [6, с. 325].

В Австрии, также как и в Российском уголовном процессе, предварительное расследование осуществляется в форме предварительного следствия, дознания и смешанной форме (в виде первоначального дознания с последующим предварительным следствием).

Дознание подразделяется на обычное и судебное. Обычное дознание, как правило, проводится прокурором, но может быть проведено по его поручению полицией, жандармерией, районным судом и следственным судьей суда первой инстанции. Судебное дознание проводится следственным судьей или по его поручению - районным судом. Главные различия между дознанием и предварительным следствием заключаются в следующем: предварительное следствие производится только судом (судьей), дознание - также прокурором и органами общественной безопасности; предварительное следствие осуществляется только в отношении известных преступников, дознание - в отношении неизвестных лиц.

В Нидерландах уголовный процесс начинается с досудебного расследования, проводимого уголовно-следственной полицией, как только ей станет известно об уголовном правонарушении. Цель досудебного расследования заключается в сборе информации о правонарушении и о подозреваемом. Полиция вправе допрашивать любое лицо по поводу совершенного преступления, принимать принудительные меры (арест, личный досмотр, обыск в помещениях) [7, с. 209].

Досудебное расследование считается законченным, когда полиция направляет прокурору письменные протоколы для решения вопроса о судебном преследовании. Изучив материалы, прокурор возбуждает судебное преследование и, если считает необходимым, вправе просить судью по следствию начать предварительное расследование.

В ФРГ предварительное расследование от начала до конца производится в форме дознания. Полиция, как уже указывалось, получив сообщение о совершении преступления, вправе произвести неотлагательные следственные действия, а затем обязана передать все материалы прокурору для дальнейшего дознания. Однако на практике полиция, как правило, не ограничивается выполнением неотложных следственных действий, а производит дознание по делу до конца (т. е. до установления лица, совершившего преступление) и лишь после этого представляет материалы в прокуратуру для решения вопроса о возбуждении уголовного преследования. По сложным делам полиция осуществляет дознание и после передачи материалов прокурору, выявляя другие эпизоды преступной деятельности и лиц, их совершивших.

При производстве дознания, как полиция, так и прокурор осуществляют так называемое свободное доказывание, которое не связано процессуальной формой и не регулируется законом. Для установления обстоятельств совершенного преступления орган дознания может проводить любые следственные и оперативно-розыскные действия. Во многих случаях достаточно вероятного вывода [5, с. 198].

В производстве дознания может участвовать по поручению прокурора следственный судья. Обычно прокурор просит судей допросить обвиняемых, признавших свою вину на допросе в полиции или в прокуратуре, важных свидетелей.

Окончание дознания производится в двух формах: либо путем возбуждения публичного обвинения, либо прекращения дела.

Приняв решение о возбуждении публичного обвинения, прокурор составляет обвинительный акт. В нем приводятся данные об обвиняемом, о месте, времени преступления, закон, подлежащий применению, доказательства. Обвинительный акт вместе с материалами дела направляется в соответствующий суд.

Основными задачами полицейского расследования (дознания) в США являются: 1) сбор сведений для обоснования ордера на обыск или арест; 2) сбор сведений о преступлении и лице, его совершившем. Полиция в своих действиях не связана какими-либо формальными требованиями. Как правило, полиция для этого осуществляет негласные,

оперативные мероприятия, а также получает объяснения, необходимые материалы (предметы и документы), составляет протоколы и заключения, в которых формулирует свои выводы [6, с. 572-573].

Таким образом, анализ зарубежного законодательства показывает, что дознание является важной частью досудебного производства и присутствует в уголовном процессе любого государства независимо от формы судопроизводства, хотя и имеет в разных странах определенные особенности.

Список используемой литературы и источников

1. Артамонов, А.Н. Надзор за производством дознания в сокращенной форме [Текст] / А. Артамонов // Законность. - 2013. - № 7. - С. 38.
2. Иванова, А.С. Дознание в сокращенной форме: проблемы и перспективы [Текст] / А.С.Иванова // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. - 2013. - №23. - С.14-22.
3. Нохрин, А. В. Проблемы дознания в сокращенной форме [Текст] / А.В.Нохрин // Молодой ученый. - 2014. - №5. - С. 371-373.
4. Практикум по уголовному процессу [Текст] / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Л.В. Головки. 6-е изд., перераб. и доп. - М.: Статут, 2017. - 456с.
5. Уголовный процесс [Текст]: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Под ред. В.П. Божьева. 3-е изд., испр. и доп. - М.: Спарк, 2016. - 312 с.
6. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации [Текст]: учебник / Т. Ю. Вилкова и др. - Москва: Юрайт, 2018. - 859 с.
7. Уголовный процесс России [Текст]: учебник / А.С. Александров, Н.Н. Ковтун, М.П. Поляков, С.П. Сереброва; науч. ред. В.Т. Томин. - М., 2016. - 414 с.

УДК 343.195

*П.Г. Корсакова, студент I курса магистратуры Института Прокуратуры Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Научный руководитель: Т.И. Отческая, д-р юридических наук, профессор Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*

СУД ПРИСЯЖНЫХ – НАСЛЕДИЕ ВЕЛИКОЙ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ. ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В статье раскрывается сущность института присяжных заседателей в Российской Федерации и его историческое развитие, а также современные тенденции расширения его сферы применения.

Ключевые слова: присяжные заседатели, правосудие, уголовный процесс.

COURT OF JURISDICTIONS - HERITAGE OF GREAT JUDICIAL REFORM. HISTORY AND MODERNITY

The article deals with the history and development trends of the Institute of jurors in the Russian Federation. The question of expanding the scope of jury trial is considered.

Key words: jurors, justice, criminal process.

Значение Судебной реформы 1864 года для истории Российского государства невозможно переоценить. Именно она заложила основные демократические начала судопроизводства и ознаменовала уход от тайного письменного судопроизводства к гласному, устному и состязательному типу процесса. При этом одним из главных достижений данных преобразований является введение суда присяжных заседателей.

Впервые институт присяжных заседателей был введен в России Судебными уставами 20 ноября 1864 года. По мнению современников той эпохи, его усложненная процессуальная форма содержала механизмы, позволяющие препятствовать коррупции и произволу в суде.

Введение суда присяжных вызвало всеобщее уважение к суду, повсеместный рост правовой культуры населения. Представители абсолютно разных сословий, сидя рядом на скамье присяжных и пользуясь одинаковыми правами при вынесении вердикта, ощущали свою значимость и социальное равноправие. Это помогало сгладить и без того накаленную атмосферу в обществе.

С наступлением советского периода произошел переворот всей государственной системы, который не обошел стороной и судебную власть, поэтому институт присяжных заседателей был упразднен Декретом «О суде» № 1 от 22 ноября 1917 год. Это обстоятельство подтверждает то, что суд присяжных – это воплощение демократического строя государства, беспристрастного и объективного суда, которому нет места в тоталитарном и деспотичном государстве.

Возрождение суда присяжных в качестве действующего процессуального института по историческим меркам произошло не так давно. Он был восстановлен Законом РФ от 16 июля 1993 г. № 5451-1 «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судостроительстве РСФСР», УПК РСФСР, УК РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях».

Конституция 1993 года в статьях 20 и 46 также закрепила право на суд присяжных. Исходя из этого, можно прийти к выводу о том, что данному институту в современной России придается конституционное значение как одному из важнейших проявлений демократизации осуществления правосудия.

Еще недолгое время назад воспользоваться данным правом мог лишь ограниченный круг субъектов. Так, например, изначально реализовать данное право могли лишь лица, обвиняемые в преступлении, за совершение которого федеральным законом устанавливается исключительная мера наказания - смертная казнь. Данное положение неоднократно оспаривалось в Конституционный Суд РФ, правовые позиции которого заложили основу реформирования института присяжных в современной России, а именно, расширение сферы его применения.

Существенные изменения касательно области применения суда присяжных произошли в 2016 году в связи с жалобой А. С. Лымарь, по итогу рассмотрения которой Конституционным судом было признано право женщин на рассмотрение уголовных дел судом присяжных заседателей [1].

Так, по делу отмечалось, что любая дифференциация правового регулирования, вводимая законодателем, должна соблюдать баланс конституционных ценностей и обеспечивать гарантированные Конституцией РФ права. Лишение женщин суда присяжных, предусмотренного законом для мужчин в возрасте от 18 до 65 лет, не отвечает принципу юридического равенства, приводит к дискриминации и ограничивает их право на судебную защиту.

Также необходимо отметить, что суд присяжных в том виде, который он известен современной России был не с самого начала введен на всей ее территории. Изначально в 1993 году он начал свою работу в Московской, Ивановской, Рязанской, Саратовской областях и в Ставропольском крае, с 1994 года к названным субъектам добавились Ростовская и Ульяновская области, а также Алтайский и Краснодарский края. К 2004 году суд присяжных функционировал почти на территории всей Российской Федерации, за исключением Чеченской республики, там суд с участием присяжных появился лишь в 2010 году. А что касается присоединившейся Республики Крым и города федерального значения Севастополь, то там такие суды были учреждены в 2018 году. К сегодняшнему дню суды присяжных созданы во всех субъектах Российской Федера-

ции, что в полной мере соответствует положениям Конституции Российской Федерации [2].

В настоящее время по-прежнему происходит расширение сферы применения суда присяжных. Так Федеральным законом от 23 июня 2016 г. № 190-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с расширением применения института присяжных заседателей» возможность реализовать право на рассмотрение дел судом присяжных появилась и в судах районного звена, а не только в суде уровня субъекта как это было ранее [3].

Однако это не единственная новелла предусмотренная данным законом. Необходимо отметить еще возможность рассмотрения дел присяжными в отношении женщин, а также мужчин старше 65 лет (которые до этого момента не имели права на суд присяжных в связи с тем, что к ним не может быть применен самый суровый вид наказания). Настоящий федеральный закон также расширяет число категорий преступлений УК РФ, которые могут быть рассмотрены в суде с участием присяжных заседателей. Так, к уже существующему перечню добавлены уголовные дела по ч. 1 ст. 105 (убийство без отягчающих обстоятельств) и ч. 4 ст. 111 УК РФ (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее смерть потерпевшего).

Становление суда присяжных в Российской Федерации – многоэтапный и сложный процесс, который растянулся на многие десятилетия. Он продолжается и в настоящее время, поэтому представляет особый интерес для исследования.

Институт присяжных заседателей является наиболее ярким проявлением демократизации уголовного процесса, который позволяет с одной стороны выбрать так называемых судей факта профессиональным судьям, а с другой предоставляет возможность гражданам напрямую участвовать в осуществлении правосудия. В последние годы наметилась тенденция увеличения оправдательных приговоров, чем при рассмотрении дел в обычном порядке, а также все большего обращения подсудимых к присяжным заседателям. Так, судами с участием присяжных заседателей в 2017 г. рассмотрено 224 дела с вынесением приговора - против 217 в 2016 г., а в 2018 г. - 319. Число осужденных за отчетный период составило 448 человек против 361 годом ранее, а в 2018 г. - 428; число оправданных - 51 человек против 60, а в 2018 г. - 90. Это демонстрирует то, что рассматриваемый институт стал больше пользоваться доверием граждан [4].

Также в завершение справедливым будет вывод о том, что Судебные уставы, в том числе и Устав уголовного судопроизводства Александра II, внесли неоценимый вклад в историю развития Российского государства не только на уровне теории, но и стали прообразом нынешней судебной системы, что подтверждает практическую значимость Судебной реформы 1864 года даже спустя 155 лет [5].

Список используемой литературы и источников

1. «По делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки А.С. Лымарь» [Текст]: постановление Конституционного Суда РФ от 25.02.2016 № 6-П // *Собрание законодательства РФ*. 07.03.2016. - № 10. - ст. 1476.

2. Головкин, Л.В. Курс уголовного процесса [Текст] / Л.В.Головкин. - 2-е изд., испр. - М.: Статут, 2017.

3. «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с расширением применения института присяжных заседателей» [Текст]: федеральный закон от 23.06.2016 № 190-ФЗ (ред. от 29.12.2017) // *Собрание законодательства РФ*. - 27.06.2016. - № 26 (Часть 1). - ст. 3859.

4. Обзор статистических данных о рассмотрении в Верховном Суде Российской Федерации административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, дел об административных правонарушениях и уголовных дел в 2018 году [Электронный ресурс] // <https://www.vsrfl.ru/documents/statistics/27651/>

5. Исаев, И. А. История отечественного государства и права [Текст]: учебник / отв. ред. - Москва: Проспект, 2012. - 432 с.

УДК 343.132

*Е.А. Коршикова, студент юридического факультета ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (г. Курск), katu.korshikova@list.ru
Научный руководитель: Д.О. Чистилина, старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (г. Курск)*

ОЧНАЯ СТАВКА КАК СЛЕДСТВЕННОЕ ДЕЙСТВИЕ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ

В составе следственных действий, проводимых в ходе расследования преступлений, важное значение имеет очная ставка. В данной научной статье раскрывается сущность производства очной ставки, целью которой является установление истины по делу. При проведении очной ставки подтверждаются оказавшиеся верными версии и опровергаются иные, выясняются действительные обстоятельства дела, а также устраняются существенные противоречия в показаниях допрошенных ранее лиц.

Ключевые слова: очная ставка, уголовное судопроизводство, Уголовно-процессуальный кодекс, показания.

CONFRONTATION AS AN INVESTIGATIVE ACTION IN THE CRIMINAL PROCEDURE OF RUSSIA

As part of the investigative actions carried out during the investigation of crimes, confrontation is important. This scientific article reveals the essence of confrontation, the purpose and task of which is to establish the truth in the case. During the confrontation, the versions that turned out to be true are confirmed and others are refuted, the actual circumstances of the case are clarified, and significant contradictions in the testimonies of previously interrogated persons are eliminated.

Keywords: confrontation, criminal proceedings, Code of Criminal Procedure, testimony.

Преступность – явление, встречающееся в любом государстве. Борьба с преступностью носит сложный ситуационный характер. Противодействие расследованию осуществляется в виде ухищрений, уловок со стороны преступников и заинтересованных лиц в исходе данного дела. Наиболее рациональным следственным действием в конкретной следственной ситуации является проведение очной ставки.

Любое следственное действие обладает строго установленной уголовно-процессуальной формой, обеспечивающей возможность признания полученных результатов полноценными доказательствами без необходимости последующего признания их законными в судебном заседании. Именно этим следственные действия выгодно отличаются от других познавательных приемов: оперативно-розыскного, административного характера [5, с. 143].

Очная ставка – это единственное следственное действие, в отношении которого действует аналогия уголовно-процессуального закона, поскольку закон не конкретизирует категории участников уголовного процесса, с которыми можно проводить очную ставку. Это могут быть потерпевшие, обвиняемые, подозреваемые, свидетели, ранее допрошенные, в показаниях которых наблюдаются противоречия [1, с. 99].

Производство очной ставки регламентируется ст. 188, ст. 189 и ст. 192 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ).

Очная ставка – это независимое процессуальное действие, которое проводится с целью установления истины по делу при соблюдении целостности объекта, предмета,

места, времени проведения и документирования, схожести условий восприятия допрашиваемых вопросов следователя и показаний друг друга. Очная ставка состоит в попеременном допросе в присутствии друг друга нескольких ранее допрошенных по поводу одного и того же обстоятельства дела лиц из числа участников уголовного судопроизводства, анализе и постоянном сопоставлении (сравнении) поступающих показаний [6, с. 443].

Очная ставка, в системе следственных действий имеет отношение к проверочной (производной) группе и играет существенную роль на этапе предварительного расследования. Данное следственное действие необходимо для проверки показаний ранее допрошенных лиц путем их сравнения, а также для проверки иных обстоятельств по уголовному делу при выявляющихся противоречиях. Как показывает практика, в большинстве ситуаций как раз следователь заинтересован в производстве очных ставок [7, с. 321].

Цель очной ставки следует полагать достигнутой лишь в том случае, если противоречия ликвидированы на основе показаний, которые отражают подлинное положение вещей, то есть таких показаний, которые не только честны, но и правдивы. При этом нужно предвидеть и вероятные негативные итоги настоящего следственного действия, когда один из участников очной ставки, прежде дававший правдивые показания, изменяет их на ложные или с умыслом, или под воздействием второго участника очной ставки [2, с. 125].

Одной из особенностей очной ставки является непосредственное восприятие недобросовестным допрашиваемым источника уличающей его информации. При этом второй участник должен не просто сообщать какую-либо информацию, а своим поведением, речью показывать свое отношение к этой информации, к личности допрашиваемого. Это обстоятельство поднимет степень выражаемого психологического влияния на более высокую ступень по сравнению, например, с обычным оглашением показаний второго участника уголовного судопроизводства при производстве допроса.

Производство очной ставки, в силу своей привязанности к производству других следственных действий, таких как допрос, предоставляет лицу, осуществляющему расследование, ряд преимуществ. Для следователя (дознателя) встреча с допрашиваемыми лицами уже не первая, их личность им уже изучена, а таким образом, их поведение в целом и реакция на те или другие вопросы, предъявление каких-либо доказательств для него предсказуема. Лицо, осуществляющее расследование, при проведении очной ставки, непроизвольно будет сопоставлять, подвергать анализу поведение ее участников с их поведением в ходе предыдущих допросов, а это позволит ему определиться с долей честности даваемых показаний и, в свою очередь, с избранной тактикой производства очной ставки и дальнейших следственных действий.

В процессе очной ставки добросовестные допрашиваемые, в особенности лица, не достигшие совершеннолетия, должны быть ограждены следователем (дознателем) от попыток лиц, которые дают ложные показания, подействовать на их поведение. Подобный вид психологического влияния свойственен как раз для очных ставок и всякое его проявление должно пресекаться следователем (дознателем).

Перед началом производства очной ставки, перед лицом, выполняющим расследование, часто, возникает вопрос об установлении очереди постановки вопросов участникам очной ставки. Следователь (дознатель) в обязательном порядке должен учесть это обстоятельство: как правило, добросовестный участник уголовного судопроизводства в связи с обстоятельствами, в которых он должен обличить второго участника очной ставки, ощущает понятное для подобных случаев беспокойство, эмоциональное напряжение. Вследствие этого, чтобы нейтрализовать допустимые отрицательные результаты подобного беспокойства, лицу, осуществляющему очную ставку, разумно по-

сле изложения данным допрашиваемым показаний в общих чертах задавать ему детализирующие, уточняющие вопросы.

Непосредственно сам процесс допроса (после разъяснения участникам их прав и предупреждения об уголовной ответственности за отказ или уклонение от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний), как правило, начинается с вопроса следователя к лицам, между которыми проводится очная ставка, знают ли они друг друга и в каких находятся отношениях. Далее допрашиваемым предлагается поочередно дать показания по тем обстоятельствам, для выяснения которых проводится очная ставка. Вопрос первенства дачи показаний тем или иным лицом законодательно не урегулирован и находится на усмотрении следователя. Следственная практика показывает, что в подавляющем большинстве случаев следователь предоставляет первое слово тому, кто, по его мнению, говорит правду. В данном случае допрашиваемое лицо подтвердит правдивость своих показаний и не изменит их под влиянием второго участника очной ставки. Ввиду значительной эмоциональной напряженности, поведение недобросовестного участника модифицируется – он ориентируется на взаимодействие присутствующих, его поведение становится ситуативно-реактивным, при этом возможны различные проговорки, просчеты, прорывы в защитной позиции.

Инициатива проведения очной ставки может исходить и от защитников, потерпевших (законных представителей), подозреваемых и обвиняемых. Указанные лица вправе заявлять ходатайства о проведении очной ставки в целях защиты своих прав, свобод, законных интересов, строго соблюдая предписания закона о наличии существенных противоречий в показаниях допрошенных лиц с тем, чтобы убедить следователя (дознавателя) или прокурора в обоснованности их просьбы. В целом особенности участия адвоката-защитника в проведении очной ставки заключаются:

- 1) в обнаружении ошибок, упущений и процессуальных нарушений, допускаемых стороной уголовного преследования, с целью ослабления ее позиций;
- 2) в оказании правомерного воздействия на потерпевшего и свидетеля с целью корректировки их позиции, чтобы она адекватно отражала реальные события происшедшего.

Адвокат-защитник может существенно повлиять на ход очной ставки, обнаруживая ошибки, допускаемые стороной обвинения, а также оказывая правомерное воздействие на потерпевшего и свидетеля с целью корректировки их позиции, чтобы она адекватно отражала реальные события происшедшего.

Часто очная ставка применяется в отношении обвиняемых (подозреваемых) с целью оказания психологического влияния на лицо, дающее уличающие его показания; и в этом случае отсутствует элемент внезапности производства самой очной ставки. Обвиняемый (подозреваемый) готовится к ее проведению: заблаговременно обдумывает ход проведения очной ставки, устанавливает линию своего поведения при ее производстве, выбирает способы влияния на второго участника [3, с. 281].

Использование аудио-, видеозапись, либо киносъемки в производстве очной ставки избавляет следователя от необходимости ведения протокола, либо черновых записей параллельно с допросом, что позволяет упростить работу следователя и не терять визуального контакта с допрашиваемыми [8, с.215-220]. Фонограмма (видео пленка, кинолента) с записью хода очной ставки прикладывается к протоколу согласно требованиям, закрепленным в УПК РФ [4, с. 367].

Таким образом, очная ставка входит в систему следственных действий и производится с целью устранения разногласий и противоречий, возникших в ходе предварительного расследования. В большинстве случаев очная ставка назначается следователем, он может применять технические средства при осуществлении очной ставки, например, вести запись очной ставки.

Список используемой литературы и источников

1. Воронин, С.Э. Диалоги об уголовном судопроизводстве России [Текст]: монография. – Хабаровск: Изд-во Дальневосточного института МВД РФ. – 2007. – 176 с.
2. Воронин, С.Э. Ситуационное моделирование в судебной экспертизе [Текст] /С.Э.Воронин. – Красноярск: Изд-во Красноярского государственного аграрного университета, 2013. – 159 с.
3. Вологина, Е.В. Психологические аспекты подготовки и проведения очной ставки [Текст] / Е.В.Вологина // Форум. Серия: гуманитарные и экономические науки. – 2015. – № 1(5). – С. 279-282.
4. Головин, М.В. Тактика проведения очной ставки // Научное обеспечение агропромышленного комплекса [Текст]: сборник статей научно-практической конференции. – 2016. – С. 366-367.
5. Россинский, С.Б. Очная ставка как превентивное средство обеспечения права на справедливое судебное разбирательство [Текст] / С.Б. Россинский // Вестник Восточно-Сибирского института МВД. – 2019. – № 2(89). – С. 143-154.
6. Семенова, С.В. Очная ставка как разновидность допроса [Текст] /С.В.Семенова // Научно-образовательный потенциал молодежи в решении актуальных проблем XXI века. – 2017. – № 7. – С. 442-444.
7. Тронева, Н.Н. Очная ставка как следственное действие: отдельные аспекты тактики проведения // Правовые, социально-гуманитарные и экономические проблемы в фокусе научных исследований [Текст]: материалы научно-практической конференции. – 2016. – С. 321-327.
8. Чистилина, Д. О. К вопросу об участии понятых в ходе следственных действий//Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: достижения и проблемы применения [Текст]: сборник материалов III Международной студенческой научно-практической конференции. Ответственный редактор Рябинина Т. К. – Курск, 2016. - С. 215 -220

УДК 343.13

*С.М. Коцюмбас, заместитель председателя Белгородского областного суда, канд.юрид.наук, доцент кафедры судебной экспертизы и криминалистики Белгородского государственного национального исследовательского университета
И.А. Моргунов, помощник судьи Белгородского областного суда*

ВНЕДРЕНИЕ ПРИМИРИТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕДУР КАК ОДНО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ МОДЕРНИЗАЦИИ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ

В данной статье мы обратились к концепции восстановительного правосудия, попытались разобраться целесообразно ли внедрение медиации и служб пробации в отечественное уголовное право.

Ключевые слова. Восстановительное правосудие, примирительные процедуры, медиация, пробация.

INTRODUCTION OF CONCILIATION PROCEEDINGS AS A MATTER OF MODERNIZATION OF CRIMINAL JUSTICE POLICY

The article appeals to the concept of restorative justice and makes an attempt to study out whether it is worthwhile to introduce mediation and probation services into national criminal law.

Key words: restorative justice, conciliation proceedings, mediation, probation

Прежде чем перейти к основной теме нашей статьи, хотелось бы обозначить основные задачи уголовной политики, которые предстоит решить законодателю в ближай-

шее время. Итак, эффективность уголовного закона невозможна без упорядочения его текста, переработки системы уголовных наказаний и санкций, а также развития иных, альтернативных наказанию мер уголовно-правового характера. Целью уголовной политики в настоящее время является экономия уголовной репрессии (на что указывают расширение сферы применения института административной преюдиции, проекты введения уголовного проступка и т.п.).

По мнению специалистов Центра стратегических разработок, составивших дорожную карту уголовной политики на 2017-2025 г.г., современное общество не может преследовать наказанием все совершенные преступления – оно должно дополнять наказание иными мерами уголовно-правового характера [1]. Возможно, стоит задуматься о введении пробаии и медиации.

Еще 21 сентября 2017 года на встрече с главами крупных корпораций, банков, общественных организаций Президент РФ Путин В.В. поручил Правительству РФ совместно с Верховным Судом РФ рассмотреть вопрос о совершенствовании регулирования медиации [2]. В итоге, 17 июля 2019 года, Государственная Дума РФ приняла пакет законов, нацеленных на «реанимацию» примирительных процедур. Предполагается, что в судах появятся специальные судебные примирители (возможно, судьи в отставке), которые помогут сторонам договариваться, но только в рамках гражданского, административного и арбитражного процессов [3]. О возможности медиации в уголовном судопроизводстве пока ведутся дискуссии.

Обратимся к истории, так, в 70 – 80-е года XX века появилась концепция «восстановительного правосудия», суть которой заключалась в примирении сторон конфликта, возникающего в результате совершения преступного деяния, с целью восстановления положения, существовавшего до его совершения, удовлетворения интересов потерпевшего, а также исправления и ресоциализации лица, преступившего закон.

Однако возможность примирения сторон конфликта была известна отечественному праву задолго до появления названной концепции, так Арутюнян А.А. в своем исследовании упоминает Псковскую судную грамоту, предусматривающую, что в случае драки допускалось решение дела миром; Соборное уложение, запрещающее повторный пересмотр дела, завершено примирением сторон; Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., которое допускало примирение только по делам, возбужденным по жалобе потерпевшего (письменная клевета, нанесение легких ран); Устав уголовного судопроизводства 1864 г. допускал примирение по делам частного обвинения. Исследователь указывает на три сложившиеся в настоящее время модели медиации, применимые именно для разрешения уголовно-правового конфликта: 1) является частью обычного уголовного процесса и предполагает, что на определенной его стадии дело направляется уполномоченным лицам для осуществления процедуры медиации; 2) рассматривается как альтернативная уголовному судопроизводству процедура; 3) является дополнительной к традиционному судопроизводству процедурой, которая применяется уже после окончания судебного разбирательства. Автор считает, что медиация невозможна по делам, в которых отсутствует потерпевший или если потерпевшим является юридическое лицо; относящимся к категории особо тяжких, в силу их повышенной общественной опасности. На его взгляд медиация допустима по делам о преступлениях небольшой и средней тяжести, а также по тяжким преступлениям, связанным с причинением имущественного вреда [4].

Обращаясь к современным нормативно-правовым актам, в первую очередь стоит отметить Рекомендацию Комитета министров Совета Европы №R (99) 19, посвященную медиации в уголовных делах, согласно которой она является гибкой, доступной, нацеленной на разрешение существа конфликта и вовлечения в его разрешение сторон мерой, которая может усилить понимание как отдельным человеком, так и местным сообществом в целом их важной роли в предупреждении и сдерживании преступлений, а

также в разрешении сопутствующих конфликтов, способствуя этим достижению целей правосудия по уголовным делам более конструктивными и менее репрессивными средствами. Рекомендация закрепляет основные принципы медиации: только при добровольном согласии сторон; конфиденциальна; общедоступность посреднических услуг; должна быть возможна на любой стадии уголовного судопроизводства; службы медиации должны обладать достаточной самостоятельностью в рамках системы уголовной юстиции [5].

Давыденко А.В., обращаясь к зарубежному законодательству, отмечает, что, к примеру, в УК Республики Молдова указаны конкретные составы преступлений, по которым при подписании соглашения о примирении уголовное преследование прекращается, при этом примирение сторон возможно и после вступления обвинительного приговора в законную силу, а также после отбытия наказания. Однако процесс медиации не заменяет и не приостанавливает уголовный процесс, а факт участия в медиации не может служить доказательством признания вины. В Республики Казахстан проведение медиации осуществляется по взаимному согласию сторон и при заключении между ними договора о медиации. Позитивной стороной медиации, по мнению исследователя, является то, что ее внедрение в уголовное судопроизводство позволяет реализовать концепцию гуманизации и дифференциации наказаний, уменьшает загруженность судебной системы, способствует сокращению наказаний, связанных с лишением свободы, снижает проблемы уголовно-исполнительной системы, сопряженные с исполнением наказаний в виде лишения свободы. При этом автор констатирует, что введение медиации продуктивно только в государствах с низким уровнем коррупции, в противном случае процедуры медиации в уголовно-правовой сфере могут привести к необоснованному освобождению преступника от уголовной ответственности [6].

Ситдикова Л.Б. и Шилова А.Л., исследовав использование восстановительного правосудия в отношении несовершеннолетних в странах Европы, отмечают, что в Венгрии соглашения, достигнутые в ходе медиации, рассматриваются как деятельное раскаяние, что приводит либо к прекращению производства по делу, либо к смягчению наказания; в Словакии в каждом территориальном суде действуют службы пробаии и медиации, которая возможна как на досудебном, так и на судебном этапе по преступлениям, караемым на срок не более 5 лет; в Словении медиация применяется чаще всего до суда как мера освобождения от ответственности [7].

Волков В.В., Калиновский К.Б., Лапкин А.В. в целом положительно оценивают медиацию как меру, ставящую во главу угла интересы потерпевшего, максимально быстрое заглаживание причиненного ему вреда и предотвращение ревиктимизации - процесса вторичного становления жертвой, т.е. ожидания вступления в силу приговора суда. Одновременно медиация облегчает как участь обвиняемого (подсудимого), поскольку нет обвинительного приговора, так и работу следователей и дознавателей, прокуроров и судей, не портя им статистику [8].

Следует согласиться с Габараевым А.Ш., что в отличие от карательного правосудия, служащего публичным интересам, восстановительное правосудие призвано служить частным интересам. Процедура же медиации посредством проведения переговоров побуждает осознать преступником противоправность своего поведения. С профилактикой преступности в обществе, по мнению автора, могла бы справиться и служба пробаии, соединяющая в своей деятельности контрольно-надзорные функции и полномочия по социальной адаптации и реабилитации лица, совершившего преступление.

Предусмотренный отечественным правом административный надзор, деятельность уголовно-исполнительных инспекций не могут подменить собой пробаию, поскольку осуществляют исключительно контроль за поднадзорным лицом, но не организуют примирительные процедуры (медиации) между сторонами уголовно-правового конфликта, не разрабатывают и не осуществляют коррекционные программы социального

поведения подконтрольных лиц, не решают задачи оптимального обеспечения интересов осужденного, не проводят с ним психологических работ по социальной адаптации [9].

Нам наиболее близко понятие института пробации, данное Антонян Е.А., под которым он понимает комплекс мер уголовно-правового воздействия на лицо, совершившее преступление, включающий в себя установление за ним надзора, внесудебное урегулирование уголовно-правовых отношений, содействие восстановлению справедливости, проведение психолого-педагогической коррекционной работы и оказание помощи - правовой, медицинской, психологической, психотерапевтической, в трудоустройстве [10].

Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года предусмотрено формирование и развитие механизмов восстановительного правосудия, создание службы пробации, обеспечивающей социально-психологическое сопровождение лиц, освободившихся из мест лишения свободы [11].

Первозванский В.Б. в качестве средства сокращения численности осужденных в исправительных учреждениях также рассматривает создание службы пробации, отмечая, что во многих зарубежных странах указанная служба оправдывает себя многие десятилетия.

В ее пользу «говорит» сокращение численности лишенных свободы, снижение рецидивной преступности, сохранение оступившейся личности в социуме, экономия бюджетных средств [12].

По мнению Жилкина М.Г. к лицам, совершившим преступления в сфере предпринимательской деятельности, целесообразно применять пробацию. В этом случае не происходило бы «выпадения» осужденного из социума, на пенитенциарную систему не накладывалось бы дополнительной нагрузки по его содержанию, а сам он сохранял бы возможность трудиться, компенсировать причиненный преступлением ущерб и выплачивать назначенный ему судом штраф [13].

Ученые, выступающие против введения пробации, в защиту своей позиции указывают на закрепленное в отечественном законодательстве условное осуждение, однако как справедливо отмечает Шатанкова Е.Н., в отличие от условного осуждения, предусматривающего только контроль без оказания поддержки осужденному, пробация слагается как из надзора, так и из мер, рассчитанных на оказание помощи. Сотрудник службы пробации выполняет правовую и социальную работу с поднадзорным и его семьей, способствует установлению прочных связей между осужденным и его социальным окружением; обеспечивает его интеграцию в общество. В такой ситуации устраняется опасность пополнения «тюремного населения», распространения обычаев и традиций криминальной среды. Данные меры обладают также значительными экономическими преимуществами, позволяют разгрузить пенитенциарные учреждения и направить усилия государства на решение социальных задач [14].

Малинин В.Б., Смирнов Л.Б. изучив применение института пробации в США, обращают внимание, что дополнительно назначенными судом альтернативными условиями пробации могут быть: 1) материальная поддержка лиц, находящихся на иждивении осужденного; 2) осуществление реституции в отношении потерпевшего; 3) добросовестная работа; 4) воздержание от посещения определенных мест и общения с определенными лицами; 5) воздержание от чрезмерного потребления алкоголя либо наркотических веществ; 6) воздержание от владения огнестрельным оружием; 7) прохождение доступного медицинского, психиатрического или психологического лечения; 8) проживание либо воздержание от проживания в указанном судом месте или районе; 9) периодические отчеты перед чиновником службы пробации о выполнении возложенных обязательств; 10) своевременное извещение службы пробации о любых изменениях

места жительства и работы; 12) своевременное извещение службы пробации о том, что был арестован либо подвергнулся допросу и т.д. Если осужденный нарушает условия пробации во время ее отбывания, то по инициативе службы пробации суд может принять следующие решения: 1) продолжить пробацию с продлением или без продления ее срока, с изменением либо без изменения ее условий; 2) отменить приговор к пробации и назначить другое наказание, которое может быть применено за совершенное преступное деяние [15].

В заключение хотелось бы отметить, что ввиду всеобщей направленности уголовной политики на гуманизацию наказания, сокращения числа лиц, содержащихся в местах лишения свободы, где в условиях кастовости и влияния асоциальных элементов исправление лиц, преступивших закон, становится затруднительным, законодателю следует всерьез задуматься о расширении сферы применения медиации на уголовное судопроизводство, тем более как показывает зарубежный опыт, сломив психологические барьеры по отношению к нетрадиционным и непривычным формам разрешения конфликта, возникшего в результате совершения преступления, можно добиться положительного эффекта. Кроме того, лица, освобождающиеся из исправительных колоний, зачастую теряют социальные связи и не могут самостоятельно адаптироваться к жизни в обществе, в чем им могла бы помочь служба пробации. В любом случае изложенные идеи требуют детальной проработки научным сообществом совместно с законодателем, необходимо оценить все «за» и «против» и принять продуманное решение.

Список используемой литературы и источников

1. Есаков, Г.А., Долотов, Р.О., Филатова, М.А., Редчиц, М.А., Степанов, П.П., Цай, К.А. Уголовная политика: дорожная карта (2017-2025 г.г.) [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://csr.ru/wp-content/uploads/2017/04/Report-CP.pdf>, свободный (дата обращения: 27.10.19)
2. Президент РФ. Встреча с представителями деловых кругов [Электронный ресурс]. // Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/55675>, свободный. (дата обращения: 27.10.19)
3. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Текст]: федеральный закон от 26.07.2019 № 197-ФЗ // Доступ из справ. - правовой системы «Консультант Плюс». http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_329959/
4. Арутюнян, А.А. Медиация в уголовном процессе [Текст] /А.А.Арутюнян.- М.: Инфотропик Медиа, 2013. - 200 с.
5. Рекомендация № R(99) 19 комитета министров государствам – членам совета Европы, посвященная медиации в уголовных делах (принята Комитетом министров 15.09.1999 на 679-й встрече представителей Комитета [Электронный ресурс]. // Режим доступа: http://mediators.ru/rus/about_mediation/international_law/eu_council_1?print, свободный (дата обращения: 27.10.19)
6. Давыденко, А.В. Актуальность применения в Российской Федерации института медиации [Текст] /А.В.Давыденко // Российский судья. - 2015.- № 2.- С. 14 - 17.
7. Ситдикова, Л.Б., Шиловская, А.Л. Особенности восстановительного правосудия в отношении несовершеннолетних в странах Восточной Европы [Текст] /Л.Б.Ситдикова // Всероссийский криминологический журнал. - 2018.- Т.12. - №1. - С.141-151
8. Обвинение и оправдание в постсоветской уголовной юстиции [Текст]: сборник статей / В.В. Волков, К.Б. Калиновский, А.В. Лапкин и др.; под ред. В.В. Волкова. - М.: НОРМА, 2015. - 320 с.
9. Габараев, А.Ш. Пенитенциарная медиация как инструмент совершенствования уголовно-исполнительной политики Российской Федерации [Текст] /А.Ш.Габараев //

Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. - 2017. - № 4. - С. 3 - 5.

10. Антонян, Е.А. Принудительные меры воспитательного воздействия: проблемы назначения и применения [Текст] / Е.А.Антонян // Lexrussica. - 2018.- № 9. - С. 112 - 118.

11. «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» [Текст]: распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс» // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/

12. Первозванский, В.Б. Об апробации пробации [Текст] / В.Б. Первозванский // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. - 2017. - № 2. - С. 18 - 21.

13. Жилкин, М.Г. Преступления в сфере предпринимательской деятельности: проблемы классификации и дифференциации ответственности [Текст]: монография. - М.: Юриспруденция, 2019. - 144 с.

14. Шатанкова, Е.Н. Условное осуждение и пробация зарубежом: сравнительно-правовой анализ [Текст]: диссертация кандидата юридических наук. - Москва, 2008. - 247 с.

15. Малинин, В.Б., Смирнов, Л.Б. Уголовно-исполнительное право [Текст]: учеб. для юридических вузов и факультетов. - М.: Межрегиональный институт экономики и права, КОНТРАКТ, ВолтерсКлувер, 2010. - 368с.

УДК 343.137.9

О.А. Куницина, канд. юрид. наук, преподаватель кафедры организации судебной власти и правоохранительной деятельности Воронежского государственного университета

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ МЕХАНИЗМ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ КАК РЕЗУЛЬТАТ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ СУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА В ОТЕЧЕСТВЕННОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В статье рассматривается особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве в свете учения о единстве и дифференциации досудебного и судебного производств в отечественном уголовном процессе. Автор относит уголовно-процессуальный механизм досудебного соглашения о сотрудничестве, регламентированный гл. 40.1 УПК РФ, к особой (упрощенной) форме судебного уголовного судопроизводства.

Ключевые слова. Дифференциация уголовного судопроизводства, уголовный процесс, досудебное соглашение о сотрудничестве.

CRIMINAL PROCEDURE MECHANISM OF PRE-TRIAL COOPERATION AGREEMENT AS A RESULT OF DIFFERENTIATION OF JUDICIAL PROCEEDINGS IN THE DOMESTIC CRIMINAL PROCESS

The article considers a special procedure for making a court decision when concluding a pre-trial cooperation agreement in the light of the doctrine of unity and differentiation of pre-trial and judicial proceedings in the domestic criminal process. The author considers the criminal procedure mechanism of the pre-trial cooperation agreement regulated by Chapter 40.1 of the code of criminal procedure to be a special (simplified) form of judicial criminal proceedings.

Key words. Differentiation of criminal proceedings, criminal process, pre-trial cooperation agreement.

Современное российское уголовное судопроизводство характеризуется дифференциацией его процессуальных форм. Дифференциация определяется как «специфический метод правового выражения в уголовно-процессуальной форме материально-правовых и процессуальных условий деятельности», ведущий «к структуризации процессуальных отношений в виде комплекса различающихся свойствами и положением процессуальных порядков (производств по уголовному делу)» [3, с. 24–25].

Дифференциация отечественного уголовного судопроизводства может быть связана и с упрощением процессуальной формы. Одним из успешных шагов отечественного законодателя сделанным на этом фоне стало принятие ФЗ от 29 июня 2009 года № 141-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». Данным законом в уголовный процесс был введен «Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве».

Появление особого вида уголовного судопроизводства обуславливается рядом обстоятельств, связанных, с одной стороны, с необходимостью отыскания баланса между оптимизацией предварительного расследования, быстрым и эффективным рассмотрением и разрешением уголовных дел в суде, борьбой с организованными преступными формированиями, а с другой – обеспечением прав и законных интересов лиц, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства, минимизацией и нейтрализацией уголовно-правового конфликта.

Следует заметить то, что вопрос о сокращенном судебном разбирательстве был известен еще советскому уголовно-процессуальному законодательству. Согласно ч. 1 ст. 282 УПК РСФСР 1923 г. если подсудимый соглашался с обстоятельствами, изложенными в обвинительном заключении, признавал правильным предъявленное ему обвинение и давал показания, суд мог не производить дальнейшего судебного следствия и переходил к приемам сторон [7. Ст. 106]. Вместе с тем представляется важным отметить, что в УПК РСФСР 1922 г., 1923 г. не содержалось норм о соглашениях между сторонами обвинения и защиты.

В свое время П. Ф. Пашкевич предлагал предоставить суду право сокращать судебное следствие, когда, по его мнению, собранных доказательств будет достаточно для правильного рассмотрения и разрешения уголовного дела [4, с. 175]. Однако позиция автора была критично оценена П. С. Элькиндр. В качестве аргументов она указала, что использование упрощенной формы в уголовном судопроизводстве приведет к: неполноте сбора доказательств по уголовному делу, ставя во главу угла собственное признание вины; отсутствию исследования либо неполному исследованию собранных по делу доказательств в ходе судебного заседания; уменьшению воспитательного эффекта судебного разбирательства [1, с. 88-89]. Подобной позиции придерживается и М. С. Строгович [5, с. 51]. Считаем, что не стоит столь категорично относиться к подобному роду производств, поскольку при поступлении уголовного дела в суд судья самостоятельно изучает материалы уголовного дела, содержащие доказательства обоснованности обвинения. Кроме того при постановлении приговора судья принимает во внимание не только собственные признательные показания подсудимого, но и другие доказательства по делу во всей их совокупности. Ведь известно, что приговор не может быть основан только на признательных показаниях.

Таким образом, отнесение особого порядка принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, регламентированного гл. 40.1 УПК РФ, к особой (упрощенной) форме судебного уголовного судопроизводства является логичным выводом, поскольку судебное следствие, направленное на исследование и оценку доказательств, собранных по уголовному делу, по которому заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, не проводится. В рамках судебного заседания, проводимого с учетом норм, закрепленных ст. ст. 316, а также 317.6 и 317.7 УПК РФ

изучаются лишь обстоятельства, характеризующие личность подсудимого, обстоятельства смягчающие и отягчающие его ответственность. Закономерно и то, что анализ доказательств, собранных по данному уголовному делу, и их оценка судьей в приговоре не отражаются (ч. 8 ст. 316 УПК РФ). Логичным в этой связи является законодательный запрет на обжалование вынесенного в особом порядке приговора по такому основанию как несоответствие выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам дела (ст. 317 УПК РФ).

Список используемой литературы и источников

1. Горский, Г. Ф., Кокорев, Л. Д., Элькинд, П. С. Проблемы доказательств в уголовном процессе [Текст] / Г.Ф.Горский, Л.Д. Кокорев, П.С.Элькинд. – Воронеж, 1978. – С. 88–89.
2. Цыганенко, С. С. Общий и дифференцированные порядки уголовного судопроизводства [Текст]: дис. ... д-ра юрид. наук/С.С.Цыганенко. – СПб., 2004. – 498 с.
3. Пашкевич, П. Ф. Рациональное исследование и использование доказательств уголовном судопроизводстве. Проблемы совершенствования советского законодательства [Текст] /П.Ф.Пашкевич. – М., 1976. – С. 175.
4. Строгович, М. С. О единой форме уголовного судопроизводства и пределах ее дифференциации [Текст] /М.С.Строгович // Соц. законность. – 1974. – № 9. – С. 50–53.
5. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР [Текст] // СУ. – 1923. – №7. – Ст. 106.

УДК 343.13

А.А. Лаврентьева, Я.Ю. Сальникова, студенты юридического факультета ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (г. Курск)

Научный руководитель: И.В. Ревина, канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (г. Курск)

ПРАВОВОЙ СТАТУС ЛИЦ, ОКАЗЫВАЮЩИХ СОДЕЙСТВИЕ ОРГАНАМ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИМ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

В данной статье рассматривается вопрос о содействии граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, а также проанализировано их правовое положение и статус.

Ключевые слова: *оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскные мероприятия, оперативно-розыскные органы, граждане, правовой статус, защита.*

THE LEGAL STATUS OF THE PERSONS ASSISTING THE AUTHORITIES, CARRYING OUT OPERATIONAL AND INVESTIGATIVE ACTIVITIES

This article discusses the issue of assistance to citizens of the bodies engaged in operational-search activities, as well as analyzes their legal status and status.

Key words: *operational-search activities, operational-search activities, operational-search bodies, citizens, legal status, protection.*

В борьбе с преступностью в нашей стране существует множество специальных средств и методов, которые являются эффективными, особенно в тех случаях, когда преступники совершают свои деяния по заранее продуманному плану.

Обычно при таких обстоятельствах для раскрытия преступлений привлекаются граждане, которые не являются должностными лицами государственных органов, наделённых полномочиями осуществлять оперативно-розыскную деятельность. Именно эти люди оказывают содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскные мероприятия.

Основным источником нормативно-правового регулирования сферы такого сотрудничества является Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности», в котором оговорены отдельные права и специальные гарантии граждан, оказывающих содействие правоохранительным органам в сфере борьбы с преступностью.

В ст. 17 указанного закона говорится о том, что лицом, которого привлекают к сотрудничеству, должен быть дееспособный гражданин, который может предоставить оперативно-розыскному органу полезную информацию или иным образом участвовать в решении задач оперативно-розыскной деятельности [1, с. 89]. При этом, согласно требованиям закона, лица, которые на добровольной основе согласны оказать содействие органам ОРД могут быть привлечены к подготовке или проведению оперативно-розыскных мероприятий с сохранением по их желанию конфиденциальности.

В ст. 18 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» указано, что лица, которые содействуют данным органам, находится под защитой государства.

Можно выделить две основные формы такой защиты:

1. правовая защита;
2. социальная защита.

Эта защита предоставляется только в тех случаях, когда гражданин:

1. осуществляет содействие органам оперативно-розыскной деятельности на контрактной основе;
2. даёт только правдивые показания, которые могут быть полезны в раскрытии преступления и добросовестно выполняет возложенные на него обязанности;
3. может или непосредственно подвергается реальной угрозе, со стороны представителей преступного сообщества.

Так же эти лица, в соответствии со ст. 19 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», имеют возможность получать вознаграждение и другие различные выплаты, которые выделяются из федерального бюджета нашей страны. Полученные денежные вознаграждения, в соответствии с федеральным законодательством не облагаются налогами и не указываются в декларациях о доходах.

Социальная и правовая защита граждан, оказывающих содействие правоохранительным органам в сфере борьбы с преступностью, целиком и полностью возлагается на государство. Оно обязано для воспрепятствования совершению противоправных действий в отношении указанных лиц принимать необходимые меры для их предотвращения, а так же устанавливать виновных в подобных действиях и привлекать их к ответственности, которая предусмотрена законодательством [2, с. 127].

Стоит отметить и то, что государство обязано обеспечить защиту личности и всех законных её прав, предусмотренных ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» от возможных неправомерных действий, вызванных сотрудничеством с органами правопорядка.

Анализируя полномочия граждан, оказывающих содействие органам ОРД, на наш взгляд, необходимо законодательно урегулировать следующие положения:

- право на добровольное содействие органам оперативно-розыскной деятельности, а не принужденное. Закрепление данного права исключает использование в оперативно-розыскной деятельности незаконных методов получения согласия лица на сотрудничество [3, с. 73];
- право на негласность такого содействия. Каждый гражданин, который сотрудничает с органами оперативно-розыскной деятельности, должен быть уверен, что сведения о нём как о конфиденциальном сотруднике будут сохраняться в тайне;
- право на безопасность содействия органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность;
- конкретизировать право на социальную защиту граждан, содействующих и содействовавших органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность;

- регламентировать право на правовую защиту граждан, содействующих и содействовавших органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность.

- право на получение информации о результатах проверки сведений, полученных от конфиденциального сотрудника. При формулировании данного предложения стоит исходить из того, что конфиденгент должен располагать сведениями о результатах своей разведывательной деятельности. Безусловно, реализация данного права должна быть ограничена режимом секретности и конспирацией, так как не должна ущемлять или нарушать прав иных лиц;

- право на защиту от неправомерного поведения должностных лиц органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность.

Справедливости ради, необходимо подчеркнуть, что отдельные вопросы, обусловленные социальными гарантиями данной категории граждан, законодательно установлены, но, полагаем, этого недостаточно. Так, сотрудничество граждан по контракту с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, как правило, является их основным занятием и поэтому при желании может быть включено в трудовой стаж. Оформление трудового стажа и пенсий не должно предавать гласности факт конфиденциального сотрудничества граждан [4, с. 53]. Порядок подготовки документов, необходимых для органов социального обеспечения, определяется ведомственными нормативными актами.

Согласно требованиям уголовно-процессуального закона, в случае смерти лица, заключившего контракт, в связи с его участием в проведении оперативно-розыскных мероприятий семье потерпевшего и лицам, находящимся на его иждивении, из средств соответствующих бюджетов выплачивается единовременное пособие в размере десятилетнего постоянного месячного заработка умершего, а также в установленном законом порядке назначается пенсия по случаю потери кормильца [5, с. 117].

В случае же получения лицом, которое сотрудничает по контракту, телесных повреждений, ранений, контузий, увечий, возникающих в связи с его участием в проведении оперативно-розыскных мероприятий и исключающих для него возможность дальнейшего сотрудничества, этому лицу из средств соответствующих бюджетов выплачивается единовременная выплата в размере пяти его регулярных месячных окладов, а также в установленном законом порядке назначается пенсия по инвалидности.

Таким образом, стоит отметить, что определение правового статуса лиц, содействующих оперативно-розыскным органам имеет весьма важное значение для решения задач оперативно-розыскной деятельности и в немалой степени влияет не только на оперативно-розыскной процесс, но и на рассмотрение вопроса о справедливости судебного разбирательства.

Список используемой литературы и источников

1. Железняк, Н.С. О целесообразности закрепления в оперативно-розыскной деятельности термина «конфидент» [Текст] / Н.С. Железняк, А.Д. Васильев // Актуальные вопросы теории и практики оперативно-розыскной деятельности - М.: Инфра – М., 2015. - С. 87 - 93.

2. Омелин, В. Н. Проблемы совершенствования законодательного регулирования оперативно-розыскной деятельности [Текст] / В.Н. Омелин.- Алтайский юридический вестник. - 2017. - № 2. - С. 124-128.

3. Маркушин, А.Г. Оперативно-розыскная деятельность: необходимость и законность [Текст] / А.Г. Маркушин. - М.: Новгород, 2017. - 94 с.

4. Гушин, А.Н. Сущность и понятие оперативно-розыскной деятельности, её основные задачи [Текст] / А.Н. Гушин, В.А. Колдин, В.В. Лисоволенко, Н.А. Громов // Следователь. - 2014. - № 7. - С. 50-55.

5. Шумилов, А.Ю. Проблемы законодательного регулирования оперативно-розыскной деятельности в России [Текст]: Монография. - Волгоград: Перемена, 2017. - 142 с.

6. Дубоносов, Е. С. Основы оперативно-розыскной деятельности: курс лекций [Текст] / Е.С. Дубоносов. - Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2016. - 132 с.

УДК 343.15

Н.В. Лантух, доцент кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: lana-lant@yandex.ru

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПЕРЕСМОТРА СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

В статье приводится анализ законодательных изменений, которые коснулись апелляционного и кассационного производств в уголовном процессе. Автор статьи делает вывод о несбалансированности данных новелл, и предлагает более тщательно подойти к рассмотрению вопросов судостроительства и судопроизводства при проверке судебных решений в апелляции и кассации.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, пересмотр судебных решений, апелляция, кассация, судебная система.

PROBLEM ISSUES AND PROSPECTS FOR IMPROVING REVISION OF CRIMINAL DECISIONS

The article provides an analysis of legislative changes that affected the appeal and cassation proceedings in criminal proceedings. The author of the article draws a conclusion about the imbalance of these novels, and suggests a more thorough approach to the consideration of the judicial system and judicial proceedings when checking court decisions in appeal and cassation.

Keywords: criminal proceedings, judicial review, appeal, cassation, judicial system.

Федеральным конституционным законом от 29 июля 2018 г. № 1-ФКЗ «О внесении изменений в федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» и отдельные федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции» на территории Российской Федерации создано девять кассационных судов общей юрисдикции, действующих в пределах судебных кассационных округов (ч. 2 ст. 23.1).

Сложным аспектом данных изменений, как нам представляется, выступает территориальное определение кассационных судов, а значит и доступности правосудия для сторон и участников процесса. Многие юристы уже сейчас подвергают сомнению правильность решения вопросов судостроительства и прогнозируют сложности в правоприменении при пересмотре уголовных дел. Мы фактически отошли от классической судебной пирамиды: первая инстанция, апелляция и кассация, а взамен получили не совсем понятную конструкцию в виде пяти апелляционных и девяти кассационных судов.

Важнейшее изменение, касающееся процессуального аспекта при производстве в вышестоящих судах – это переход к сплошной кассации, который предполагает, что на уровне кассационных судов будет прямой доступ в кассационную инстанцию и свобода обжалования будет обеспечена наиболее полно. Однако, как отмечает Л.В. Головкин, принцип свободы обжалования не совместим с институтом вступившего в законную силу приговора. После апелляции приговор окончательный, фактическая сторона уголовного дела не выступает здесь предметом спора. При этом приговор не вступает в законную силу, пока не будет рассмотрена кассационная жалоба или пройдет срок на ее

подачу, и только после этого приговор вводится в законную силу и должен быть обращен к исполнению [1, с. 37-38]. Поэтому необходимо определиться, на чем должна быть построена законодательная логика: на вступлении приговора суда в законную силу или на кассационном пересмотре приговора.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2019 № 19 «О применении норм главы 47.1 УПК Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» отмечено, что в кассационном производстве предусмотрены два порядка производства - «с назначением судебного заседания без предварительного решения судьи о передаче кассационных жалоб для рассмотрения в судебном заседании (сплошной кассации) и с предварительным решением судьи о передаче кассационных жалоб (выборочной кассации)». В порядке сплошной кассации могут быть пересмотрены приговор или иное итоговое судебное решение мирового судьи, районного или гарнизонного военного суда, а также итоговое судебное решение по уголовному делу, рассмотренному в апелляционном порядке областными или приравненными к ним судами или окружным военным судом. Жалобы по таким делам подаются через суд первой инстанции, вынесший приговор, но он не может ее отклонить, а лишь проверит правильность оформления жалобы либо кассационного представления прокуратуры, после чего передает ее на рассмотрение с уведомлением сторон. Судья кассационного суда в течение 20 суток после поступления уголовного дела с кассационной жалобой решает вопрос о дате назначения заседания. Если же жалоба противоречит требованиям УПК, судья возвращает ее и устанавливает срок для устранения выявленных недостатков. Тем самым, рассмотрение жалоб в кассационном порядке является обязательным. В случае обнаружения грубых нарушений норм закона, повлиявших на приговор, кассационная инстанция вправе его изменить, прекратить производство по делу (в случае, если это связано с улучшением положения подсудимого, обвиняемого или оправданного) либо направить на новое рассмотрение в нижестоящий суд или вообще вернуть прокурору.

В порядке сплошной кассации могут быть пересмотрены приговоры или иные итоговые решения по уголовным делам, вынесенные судами субъектов РФ или окружными (флотскими) военными судами по первой инстанции, даже в тех случаях, если они не были обжалованы в апелляционном порядке, а также решения апелляционных судов, пересмотревших такие решения первой инстанции. Верховный Суд пояснил, что хотя УПК запрещает подавать повторную кассационную жалобу, этот запрет не может рассматриваться «в качестве основания, препятствующего выявлению и устранению ошибок, свидетельствующих о неправомерности принятого судом решения». Если в повторных кассационных обращениях «усматриваются основания для отмены или изменения судебного решения», такая жалоба может быть рассмотрена в еще более высокой инстанции (в судебных коллегиях по уголовным делам или по делам военнослужащих Верховного суда), но уже «в порядке выборочной кассации», когда судья этой коллегии решит, насколько она приемлема к рассмотрению.

Как отмечает А.В. Кудрявцева, кроме проблемы возможности рассмотрения дел судами кассационной инстанции в условиях сплошной кассации, возникает вопрос регулирования этапа принятия кассационных жалоб и представлений, распределения ответственности на этом этапе между судами первой и кассационной инстанций. Она высказывает опасение, что ограничение срока, предоставленного на сплошную кассацию может поставить участников процесса в неравное положение [2, с.48-50]. Также существует проблема возможности восстановления срока кассационного обжалования в случае пропуска срока по уважительной причине, кто и в каком порядке будет восстанавливать этот срок, на кого будет возложена обязанность решения вопроса о приемлемости кассационной жалобы: на суд первой инстанции или на судью кассационной инстанции.

При разбирательстве в суде кассационной инстанции могут быть рассмотрены не только материалы, имеющиеся в уголовном деле, но и дополнительные материалы, поступившие с жалобой или представлением либо представленные сторонами, если они содержат сведения, имеющие значение для правильного разрешения дела, и не свидетельствуют о наличии новых или вновь открывшихся обстоятельств.

Дополнительные материалы могут быть положены в основу решения об отмене приговора, определения и постановления суда с возвращением уголовного дела прокурору либо с его передачей на новое судебное разбирательство в суд первой или апелляционной инстанции. Изменение приговора и последующих судебных решений или их отмена с прекращением производства по уголовному делу на основании дополнительных материалов не допускаются, за исключением случаев, когда достоверность фактов, устанавливаемых такими материалами, не нуждается в проверке судом первой или апелляционной инстанции (документы, свидетельствующие о недостижении осужденным возраста, с которого наступает уголовная ответственность, об отсутствии судимости, о применении акта об амнистии по предыдущему приговору и др.).

В ходе судебного разбирательства в порядке сплошной и выборочной кассации суд вправе выйти за пределы доводов жалобы и представления как относительно лица, в отношении которого ставится вопрос о пересмотре судебного решения, так и в отношении других осужденных по тому же уголовному делу в ревизионном порядке. При этом следует принять меры к извещению лиц, интересы которых затрагиваются с учетом пределов проверки судом уголовного дела.

Список используемой литературы и источников

1. Головкин, Л. В. «Карманные» адвокаты - это издержки прогресса и результат законодательных подходов [Текст] /Л.В.Головкин // Уголовный процесс. -2019. -№ 2. - С. 32-41.
2. Кудрявцева, А. В. Создание апелляционных и кассационных судов повысит авторитет судебной власти [Текст] /А.В.Кудрявцева// Уголовный процесс. -2019. -№ 2. -С. 47-53.

УДК 343.98

О.И. Локтевич, ведущий инспектор (по организационно-кадровой работе) Ленинского районного отдела Следственного комитета Республики Беларусь (г. Минска)

ОСОБЕННОСТИ БЕСКОНФЛИКТНОЙ СЛЕДСТВЕННОЙ СИТУАЦИИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ С УЧАСТИЕМ ЗАЩИТНИКА

Статья посвящена исследованию особенностей бесконфликтной следственной ситуации при расследовании уголовных дел с участием защитника. Рассматриваются разновидности данной следственной ситуации, их особенности. Обосновывается вывод о необходимости проведения целенаправленной деятельности по установлению и поддержанию бесконфликтной следственной ситуации в ходе производства по уголовному делу.

Ключевые слова: адвокат, бесконфликтная ситуация, защитник, конфликт, следователь, следственная ситуация, типичная следственная ситуация.

FEATURES OF A CONFLICT-FREE INVESTIGATIVE SITUATION IN CRIMINAL INVESTIGATIONS INVOLVING DEFENCE COUNSEL

The article is devoted to the study of the peculiarities of the conflict-free investigative situation in the investigation of criminal cases with the participation of the defender. The variations of this investigative situation and their peculiarities are considered. The conclusion that

it is necessary to carry out targeted activities to establish and maintain a conflict-free investigative situation in the course of criminal proceedings is justified.

Keywords: lawyer, conflict-free situation, defender, conflict, investigator, investigative situation, typical investigative situation.

Типичными следственными ситуациями, которые имеют место в следственной практике в связи с участием в предварительном расследовании защитника, являются: отказ подозреваемого (обвиняемого) от услуг защитника (имеет место в 38,9 % случаев); ситуации, когда подозреваемый (обвиняемый) и его защитник имеют стойкую установку на конфликт (о том, что предварительное расследование в ситуации участия защитника довольно часто носит конфликтный характер, заявили 12,1 % опрошенных нами следователей и 39,3 % адвокатов); бесконфликтные ситуации (67,9 % следователей и 59, % адвокатов)¹.

Учитывая, что большинство практических сотрудников склоняется к мнению, что бесконфликтная ситуация является наиболее распространенной в практике предварительного расследования, считаем необходимым рассмотреть ее особенности более подробно.

В научной и учебной литературе особенностям предварительного расследования уголовных дел, в котором участвует защитник, в условиях бесконфликтной ситуации уделено недостаточно внимания (в основном акцент делается лишь на изучении конфликта). Вместе с тем, наличие данной (бесконфликтной) ситуации констатируют многие исследователи.

Так, А. Р. Ратинов по данному поводу говорил, что «бесконфликтная ситуация характеризуется полным или частичным совпадением интересов участников взаимодействия, отсутствием противоречий в целях, к достижению которых направлены их усилия на данном этапе расследования [1, с. 157]. С данным мнением соглашается и Е. П. Ищенко [2, с. 333]. По мнению О. Я. Баева, в бесконфликтной ситуации «интересы взаимодействующих сторон – следователя по установлению истины и допрашиваемого – объективно не противоречат друг другу: допрашиваемый обладает искомой следователем информацией, адекватно ее воспринял, желает и может без искажений передать ее следователю; у последнего нет оснований сомневаться в таком отношении допрашиваемого к искомой информации» [3, с. 113]. В этой связи представляется, что к бесконфликтным ситуациям можно отнести и те из них, когда лицо не умышленно, в связи с неправильным восприятием произошедшего или в связи с особенностями процесса запоминания, неверно воспроизводит обстоятельства произошедшего. Следует также отметить, что ученые, которые придерживаются теории конфликтного следствия, все так же соглашаются с тем, что бесконфликтная ситуация может иметь место. Так, И. А. Зайцева называет бесконфликтной ситуацию, когда обвиняемый правдиво рассказывает о совершенном преступлении, или когда следователь убедился в необоснованности предъявленного обвинения, а защитник, приняв такую позицию подзащитного, положительно относится к его правдивым показаниям [4, с. 142].

Итак, бесконфликтная ситуация характеризуется следующими особенностями:

1. Полное или частичное совпадение интересов участников уголовного процесса. Совпадение интересов следователя и защитника в производстве по уголовному делу имеет место, как минимум, в вопросе обеспечения подозреваемому (обвиняемому) права на защиту. Кроме того, следователь, в процессе всестороннего, полного и объективного расследования уголовного дела (например, в процессе отыскания и фиксации до-

¹ Указанные данные получены по результатам анкетирования 734 следователей и руководителей следственных подразделений Следственного комитета Республики Беларусь по областям и г.Минску, 117 адвокатов, а также изучения 180 уголовных дел.

казательства, исключаящих преступность или наказуемость деяния), фактически способствует деятельности защитника. Стоит, однако, отметить, что осуществляемые следователем следственные и процессуальные действия нельзя рассматривать как разновидность деятельности по защите прав подозреваемого, обвиняемого. В данном случае можно вести речь об оказании содействия в осуществлении защиты по уголовному делу, способствовании обеспечению и реализации функции защиты [5]. Кроме того, в практической деятельности могут иметь место ситуации, когда защитник, фактически, содействует обвинению (например, когда эффективная защита прав доверителя невозможна иным путем, кроме как избрание другого подозреваемого по уголовному делу). Вместе с тем, вопрос о соответствии возможности адвоката фактически обвинять не своего подзащитного нравственным принципам деятельности адвокатуры является дискуссионным [6, с. 157 – 159], при этом, согласно классическим позициям защиты, такого допускать нельзя [7, с. 29].

2. Как правило, характерно полное признание подозреваемым (обвиняемым) своей вины в совершенном преступлении, чистосердечное раскаяние, либо наличие иных мотивов, в связи с которыми лицо заинтересовано оказывать всевозможную помощь следствию в установлении всех обстоятельств уголовного дела, обнаружении доказательств, установлении причин и условий, способствовавших совершению преступлений.

3. Нестабильный характер следственной ситуации. Грань между конфликтом и бесконфликтной ситуацией в ходе производства по уголовному делу довольно подвижна: учитывая разнообразие условий и факторов возникновения конфликтов, любая бесконфликтная ситуация в любой момент расследования может приобрести конфликтный характер.

Анализ материалов уголовных дел, а также данных, полученных в ходе анкетирования практических сотрудников (следователей и адвокатов), позволил нам выделить наиболее часто встречающиеся на практике разновидности бесконфликтных ситуаций. При этом, важно понимать, что приведенный нами перечень не является исчерпывающим и носит весьма условный характер, поскольку практика расследования уголовных дел довольно многообразна.

Итак, рассматриваемая нами типичная следственная ситуация может иметь следующие разновидности:

1. Когда подозреваемый (обвиняемый) считает себя непричастным к преступлению, заинтересован разобраться в произошедшем, в связи с чем он и его защитник оказывают всевозможную помощь следствию;

2. Когда имеет место равнодушное отношение подозреваемого (обвиняемого) к своему будущему при одновременном формальном отношении следователя и защитника к исполняемым обязанностям;

3. Когда лицо искренне заблуждается и считает себя виновным в совершении преступления, признает вину;

4. Когда преступление совершено непосредственно с целью понести наказание за содеянное, зачастую, чтобы вернуться в места лишения свободы;

5. Когда преступление носило ситуативный характер, лицо искренне раскаивается, признает вину, желает стать на путь исправления и др.

Вместе с тем, важно понимать, что бесконфликтный характер ситуации при производстве, например, допроса, совершенно не гарантирует достоверность полученных результатов, поскольку подозреваемый (обвиняемый) может просто забыть о каких-либо обстоятельствах, либо же неверно их истолковать, да и может просто приукрасить события. Кроме того, это совершенно не означает, что в дальнейшем, в ходе расследования либо на судебных стадиях, подозреваемый (обвиняемый) и защитник, который свя-

зан позицией своего подзащитного, не изменит ранее данные показания и ситуация не приобретет конфликтный характер.

Представляется необходимым особое внимание обратить на то, что меры по поддержанию бесконфликтной ситуации должны приниматься не только в ходе расследования конкретных уголовных дел, а должна иметь место целенаправленная деятельность по разъяснению всем участникам уголовного процесса необходимости установления и поддержания бесконфликтной ситуации в ходе производства по уголовному делу (как минимум, между его «профессиональными» участниками – следователем и защитником). Активная демонстрация следователем позиции «не враг», проявление профессионализма и объективности в каждом поступке, готовность к компромиссу — вот позиция следователя для поддержания доверия со стороны защитника, с целью «удержания» ситуации как бесконфликтной [8, с. 121]. В связи с этим, по нашему мнению, внимание на данную проблему необходимо акцентировать еще на стадии подготовки специалистов: как следователей, так и адвокатов.

Список используемой литературы и источников

1. Ратинов, А. Р. Судебная психология для следователей [Текст]: учеб. пособие. – М.: Высш. школа МООП СССР, 1967. – 290 с.
2. Ищенко, Е. П. Криминалистика [Текст] / Е. П. Ищенко, А. А. Топорков. – 2-е изд. испр. и доп. – М.: Юрид. Фирма «Контракт»: ИНФРА-М., 2007. - 746 с.
3. Баев, О. Я. Тактика следственных действий: учеб. пособие [Текст] / О. Я. Баев. – Воронеж: изд-во Воронеж гос. ун-та, 1992. – 205 с.
4. Зайцева, И. А. Тактика допроса подозреваемого и обвиняемого, проводимого при участии защитника [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / И. А. Зайцева. – Саратов, 2002. – 191 с.
5. Шувалов, М. Н. Права защитника на стадии предварительного расследования [Текст] / М. Н. Шувалов, Л. В. Денисов // Вестн.Нижегор. ун-та им. Н. И. Лобачевского. – 2017. – №3. – С. 191 – 195.
6. Горский, Г. Ф. Судебная этика [Текст] / Г. Ф. Горский, Л. Д. Кокорев, Д. П. Котов. – Воронеж: Воронеж ун-т., 1973. – 271 с.
7. Плевако, Ф. Н. Избранные речи [Текст] / Ф. Н. Плевако. – М.: Юрайт, 2008. – 648 с.
8. Попова, И. А. Тактико-криминалистическое обеспечение компромиссных процедур в уголовном судопроизводстве [Текст]: монография / И. А. попова, О. В. Полстова-лов. – М.: Юрлитинформ, 2013.- 163 с.

УДК 343.13

А.В. Лясковец, старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (г. Курск)

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

В рамках статьи рассматриваются проблемные вопросы определения института международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства. Анализируется система взглядов на содержание рассматриваемого института.

Ключевые слова: международное сотрудничество в уголовном судопроизводстве, проблемы международного сотрудничества, доказательства в рамках международного сотрудничества.

ORGANIZATIONAL AND PROCEDURAL PROBLEMS OF INTERNATIONAL COOPERATION IN THE FIELD OF CRIMINAL COURT PROCEEDINGS

The article addresses the problematic issues of determining the institution of international cooperation in the field of criminal justice. The system of views on the content of the institution in question is analyzed.

Key words: international cooperation in criminal proceedings, problems of international cooperation, evidence in the framework of international cooperation.

Далеко не секрет, что современная преступность уже достаточно давно перешагнула национальные границы и вышла на международный уровень. Вполне естественно, что необходимость противодействия данному явлению потребовала от государств создания систем сотрудничества в области противодействия преступности. Следствием этого явилось формирование и развитие института международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства.

В то же время необходимо отметить, что при всей важности рассматриваемого института его роль в современной науке уголовного судопроизводства не столь существенна, как этого требуют реалии современности. Даже рамки обучения студентов уголовному процессу отводят вопросам международного сотрудничества в области уголовного судопроизводства небольшую роль. Нужно признать, что рассматриваемый институт в известной степени обделен вниманием как со стороны теоретиков, так и со стороны практиков, что выражается даже в вопросе его законодательной регламентации.

Регламентация международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства в действующем уголовно-процессуальном законодательстве вызывает целый ряд вопросов. Первой важной проблемой в данной связи выступает отсутствие законодательно закрепленного определения данного института. Следствием этого является весьма расширительная трактовка рассматриваемой категории в среде специалистов, что, безусловно, не помогает однозначному пониманию направлений деятельности, которые подпадают под международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства.

Неопределенность категориального аппарата применительно к осуществлению международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства, по сути, сводит к минимуму эффективность его практической реализации. Прежде всего необходимо четко определить само понятие «международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства», так как неоднозначность понимания сущности данного института может оказать негативное воздействие на слаженность системы взаимоотношений, возникающих между правоохранительными органами различных государств в деле борьбы с преступностью.

Законодатель в известной степени сводит понимание международного сотрудничества в уголовном процессе к оказанию правовой помощи иностранным государствам со стороны отечественных правоохранительных органов и запросу таковой от компетентных органов иностранного государства. [2, с. 150]. Безусловно, с точки зрения практической составляющей подобный подход в известной степени раскрывает сущность правоотношений, возникающих в ходе международного сотрудничества. Однако категория «оказание правовой помощи» видится несколько размытой с позиции юридической техники, а, следовательно, на практике весьма сложно бывает определить конкретные направления, в которых оказывается правовая помощь.

Как отмечает П. В. Фадеев, в настоящее время среди ученых нет единого мнения по вопросам соотношения международного сотрудничества и международной правовой помощи. Одни юристы полагают, что международная правовая помощь является отдельным видом международного сотрудничества и не тождественна с ним по своей форме и сути. Другие считают, что международная правовая помощь и международное сотрудничество не имеют принципиальных различий, будучи одной и той же деятельностью разного уровня, суть явления одного порядка. [3, с. 69]

Как нам кажется первая точка зрения более близка к реальной действительности, так как сужение рамок международного сотрудничества лишь до оказания правовой помощи является искусственным ограничением. Безусловно оказание правовой помощи важнейшая составляющая международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства. Вполне можно утверждать, что она занимает центральное место. Однако, при всей важности правовой помощи – это не единственный элемент международного сотрудничества.

Как отмечает К. К. Клевцов понятие «международно-правовая помощь по уголовным делам» и «международное сотрудничество в уголовном судопроизводстве» взаимосвязаны, но между ними нельзя поставить знак равенства. Международное сотрудничество в уголовном судопроизводстве – это широкая по масштабам и разнообразная по формам деятельность компетентных органов, направленная на оказания правовой помощи, в целях борьбы с преступностью. Международно-правовая помощь по уголовным делам подразумевает выполнение отдельных процессуальных действий на основании запросов (поручений) в соответствии с условиями международного договора или на основе принципа взаимности. Следовательно, международное сотрудничество в уголовном судопроизводстве более широкое понятие. [1, с. 11]

Практическая сущность международного сотрудничества, с нашей точки зрения, состоит в комплексе различного рода правоотношений, которые возникают в процессе реализации надлежащего функционирования правового механизма привлечения к уголовной ответственности лиц, виновных в совершении преступления, с позиции установившихся условий транснационального характера уголовно-процессуальной деятельности при производстве по конкретному делу.

Следует отметить, что данная, на первый взгляд, сугубо теоретическая дискуссия не может не отражать на практической деятельности.

Как отмечает Ю. Л. Шепелева, основной задачей, стоящей перед правоохранительными органами при осуществлении международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства по уголовным делам, является получение доказательств. [4, с. 79]

Однако вопрос получения доказательств, в особенности на территории иностранного государства в рамках института международного сотрудничества видится весьма неоднозначным, так как законодательные формулировки ряда статей УПК РФ не позволяют с однозначной четкостью построить механизм данного процесса. Подобные сложности вызывают логичные организационные проблемы реализации международного сотрудничества, так как не имея четких правил правоприменитель становится заложником данной ситуации.

Помимо этого получение доказательств на территории иностранного государства в рамках запроса о правовой помощи занимает достаточно продолжительный срок, что также негативно сказывается на расследовании в целом. Постоянное затягивание срока расследование существенно снижает юридическую ценность материала полученного в рамках международного сотрудничества.

В то же время с учетом договорного характера международного сотрудничества нужно понимать, что решения проблем в рамках рассматриваемого института – комплексная юридическая задача.

Нормативная регламентация осуществления исследуемого процесса включает в себя не только законодательное закрепление данного института в действующем УПК РФ, но и разработку международных соглашений в рассматриваемой области, причем договорной характер подобных соглашений ставит на первый план проблему взаимоприемлемости условий, которые могут быть включены в их состав. Таким образом, условия международного соглашения должны быть сформулированы так, чтобы они принимались государствами-участниками без каких-либо существенных возражений и были исполнимыми, то есть имели практическую возможность их реализации. При отсутствии таких условий международные соглашения по вопросам сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства будут не более чем декларацией, что, безусловно, следует рассматривать как негативное явление.

Список используемой литературы и источников

1. Клевцов, К.К. Понятие и правовая природа передачи уголовного преследования (судопроизводства) [Текст] / К.К.Клевцов // Международное уголовное право и международная юстиция. - 2018. - № 6.- С. 11-14.
2. Лясковец, А.В. О некоторых проблемах законодательной регламентации института международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства и допустимости доказательств, получаемых при его осуществлении// Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: 15 лет правоприменения [Текст]: сборник научных статей, посвященный 15-летию принятия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. - Курск, 2016. - С. 149-155.
3. Фадеев, П.В. О соотношении международной правовой помощи и международного сотрудничества в уголовном судопроизводстве [Текст] / П.В.Фадеев // Законодательство и практика. - 2014. - № 2 (33). - С. 69-70.
4. Шепелева, Ю.Л. Актуальные проблемы практики международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства в современных геополитических условиях [Текст] / Ю.Л.Шепелева // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. - 2018. - № 1 (10). - С. 77-83.

УДК 343.122

М.О. Малютин, магистрант 2 курса ФГБОУ ВО Красноярский государственный аграрный университет

Научный руководитель: С.М. Курбатова, канд. юрид. наук, доцент ФГБОУ ВО Красноярский государственный аграрный университет

ДОПРОС ПОТЕРПЕВШЕГО С ОТСТАВАНИЕМ В ПСИХИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ: ПРОБЕЛЫ ДЕЙСТВУЮЩЕГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

В статье рассмотрены особенности проведения допроса потерпевшего с психическими недостатками в контексте анализа содержания действующих уголовно-процессуальных норм, выявления их недостатков и поиска путей их преодоления.

Ключевые слова: следственное действие, допрос, психические недостатки, отставание в психическом развитии, когнитивные особенности, потерпевший.

THE QUESTIONING OF VICTIMS WITH MENTAL RETARDATION: THE GAPS IN LEGISLATION AND WAYS TO OVERCOME THEM

The article describes the features of interrogation of the victim with mental disabilities in the context of analyzing the content of existing criminal procedural norms, identifying their shortcomings and finding ways to overcome them.

Keywords: investigative action, interrogation, mental deficiencies, mental retardation, cognitive features, victim.

Допрос, являясь самым распространенным следственным действием, требует по отношению к себе особого внимания со стороны законодателя, обуславливая тем самым важность подробной правовой регламентации. Тем не менее, отдельные его аспекты недостаточно четко прописаны в нормах действующего Уголовно-процессуального кодекса РФ.

В частности, в качестве одной из основных таких проблем можно назвать отсутствие специальных уголовно-процессуальных норм, которые бы регламентировали проведение допроса лиц, имеющих проблемы с психическим развитием.

Вообще, данная проблема относится к производству допроса как следственного действия, но, учитывая традиционно сложившийся подход к выделению видов допроса, с учетом процессуального статуса допрашиваемых лиц (хотя, как справедливо отмечает проф. Л.В. Бертовский, это не является правильным, т.к. при правовой регламентации допроса важен сам факт того, что это есть коммуникативный акт, и именно это и необходимо регулировать, а уж процессуальный статус допрашиваемого не влияет на общие правила его производства [4, с. 23]), остановимся на допросе потерпевших с отставанием в психическом развитии, т.к. именно потерпевшие, по-нашему мнению, зачастую оказываются в неравном процессуальном статусе по сравнению, например, с подозреваемыми, обвиняемыми, которым законодателем предоставлен ряд дополнительных гарантий (возможность потребовать предоставления защитника по назначению, отсутствие уголовной ответственности за дачу ложных показаний и др.). Тогда как потерпевшие, в большинстве случаев, оказываясь жертвами преступлений, получают из-за этого психологические травмы, а вовлеченность их в производство по уголовному делу лишь усугубляет их. Если же у лица уже имеются психические отклонения, то риск их обострения увеличивается, и более того, повышается вероятность того, что данные лица не смогут в полной мере осознавать характер происходящих процессуальных действия и, в частности на допросе, давать показания, которые будут не соответствовать действительности и даже могут навредить им.

Так, согласно статистическим данным [1, с. 44], в России каждый четвертый имеет в разной степени психические расстройства; при этом достаточно велика доля лиц, имеющих психические отклонения (умственную отсталость).

Соответственно, риск вовлечения в уголовный процесс лиц из числа данной категории весьма велик. На наш взгляд это является поводом для консолидации в уголовном судопроизводстве положений, направленных на закрепление прав человека и гарантии их реализации.

У лиц с психическими отклонениями [2] проявляется врожденная или приобретенная в раннем возрасте задержка, а также неполное развитие психики, проявляющаяся в нарушении интеллекта, вызванная патологией головного мозга, ведущая к социальной дезадаптации [7], и нарушении когнитивных функций головного мозга, которые и отвечают за способность лица воспринимать информацию и передавать ее от себя, что и является основным действием при производстве допроса. У данной категории лиц интеллект взрослого (физически) человека в своем развитии так и не достигает нормального уровня.

В настоящее время в нормах действующего УПК РФ правовое урегулирование участия лиц с отставанием в психическом развитии не существует. Так, верно отмечает в своих работах С.М. Курбатова [8], что законодателем отражены международно-правовые идеи [6], только специального правового статуса несовершеннолетних, а именно: подозреваемого, обвиняемого (в гл. 50 УПК РФ); частично прописаны особенности участия в отдельных процессуальных действиях несовершеннолетних потерпевших и свидетелей (в ст. 191 УПК РФ), но данная особенность заключается именно в факте не достижения лицом возраста, с которым закон связывает наступление дееспособности, а не в уровне его психического развития как такового [3], а также специфичность производства о применении принудительных мер медицинского характера в отношении лиц, совершивших запрещенное уголовным законом деяние в состоянии невменяемости, или лиц, у которых после совершения преступления наступило психическое расстройство, делающее невозможным назначение наказания или его исполнение, но не особенности их правового статуса (в гл. 51 УПК РФ), но в нормах данной главы также нет отражения понимания законодателем особенностей участия таких лиц в качестве участников уголовного судопроизводства.

Опыт расследования преступлений, совершенных в отношении лиц с психическими отклонениями до сих пор не обобщен. Данная категория населения в той или иной степени становится мишенью для субъекта преступления, и проблема расследования уголовных дел с такой категорией потерпевших является наиболее сложной и актуальной.

Одной из сложностей является проведение допроса потерпевшего. По данным профессора Л.В. Бертовского «при расследовании уголовного дела, у следователя проведение допросов и очных ставок занимает 23-27%» [4, с. 5]. Практика показывает, что частую именно показания являются самыми нестабильными доказательствами. Показания потерпевшего неразрывно связаны с процессом формирования показаний, состоящим из восприятия, запоминания и воспроизведения в рамках допроса [8]. На досудебных стадиях допрашиваемые лица неоднократно могут менять свои показания в силу тех или иных дефектов (например, малой точностью и прочностью запоминания деталей) при производстве допроса. Законодатель же уделяет особое внимание именно показаниям, регламентируя перечень недопустимых доказательств (в ч.2 ст. 75 УПК РФ). В частности, этот факт обязывает выбрать определенные (нестандартные) методы для проведения допроса.

Также хочется отметить сложность проведения данного следственного действия в соблюдении процессуальных гарантий, конституционных прав личности. К сожалению, зачастую регламентация принципов, а также норм регулирующих основания и порядок производства допроса носит несоответствующий характер, а где то находится в проти-

воречии с системой тактических приемов криминалистики. По мнению А. С. Моторина, «... данный вывод усиливается спецификой допроса, проявляющийся в действиях, оказывающих непосредственное влияние на допрашиваемого: установление психологического контакта, преобразование запечатленных в сознании лица идеальных следов в показания, несомненные с точки зрения требований, предъявляемых к доказательству» [5, с. 3].

Публичный характер уголовного судопроизводства может обуславливать вопреки воли потерпевшего таких процессуальных действий как: вызов на допрос, несмотря на что-либо, приводу в случае неявки; предупреждения потерпевшего об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний, а также за дачу заведомо ложных показаний и т.п.

На наш взгляд, (ч. 6 ст. 113 УПК РФ), регулирующая основания невозможности привода нуждается в дополнении нормой следующего содержания: «Не подлежат приводу несовершеннолетние в возрасте до четырнадцати лет, беременные женщины, лица с отставанием в психическом развитии, а также больные, которые по состоянию здоровья не могут оставлять место своего пребывания, что подлежит удостоверению врачом. В случае отсутствия врача, удостоверение производится следователем в присутствии понятых».

Также для защиты прав, законных интересов, полного соблюдения и предоставления процессуальных гарантий потерпевшему данной категории лиц, считаем, что нужно дополнить (ч. 2 ст. 45 УПК РФ), нормой следующего содержания: «Для защиты прав и законных интересов потерпевших, являющихся несовершеннолетними или по своему физическому или психическому состоянию лишенных возможности самостоятельно защищать свои права и законные интересы, к обязательному участию в уголовном деле привлекаются их законные представители или представители, а так же для лиц с отставанием в психическом развитии, необходимо участие адвоката в качестве представителя, вызов которого возлагается на дознавателя или следователя. Расходы на оплату труда адвоката компенсируются за счет средств федерального бюджета».

На основании выше изложенного, необходимо ввести законодательные нормы в области участия лиц с отставанием в психическом развитии, для более полной, всесторонней, и объективной защиты прав и обязанностей, а также гарантии их реализации. Предложение участия адвоката за счет бюджета, при производстве допроса потерпевшего лица с отставанием в психическом развитии, также играет важную роль на отражении достоверности и объективности, полноты показаний, и конечно же на соблюдении прав и свобод гражданина.

«Участие в «Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием – Единство и дифференциация досудебного и судебного производств в уголовном процессе: новые концептуальные подходы в свете наследия Великой Судебной Реформы» проведено при поддержке Красноярского краевого фонда науки».

Список используемой литературы и источников

1. Здравоохранение в России. 2017 [Текст]: Статистический сборник / Ред. колл.: Г.К. Оксенойт, С.Ю. Никитина и др. – М.: Росстат, 2017. – 170 с.
2. Малютин, М.О. Защита прав и законных интересов лиц с психическими отклонениями при производстве по уголовным делам: роль и значение для современного демократического общества и социального государства [Текст] / М.О. Малютин // Вестник восточно-сибирской открытой академии. – 2019. – № 31. – С. 12.
3. Баранова, И.С. Уголовно-процессуальная регламентация допроса несовершеннолетних в США и РФ / И.С. Баранова, Л.В. Бертовский / Актуальные проблемы уголовного права и процесса в условиях реформирования законодательства [Текст]: Материалы междунар. научн. конф. – М., 2014. – С. 371-377.

4. Бертовский, Л. В. Допрос: тактика и технологии [Текст]: монография / Л. В. Бертовский. – М.: Экзамен, 2015. – 303 с.

5. Моторин, А.С. Производство допроса в контексте современной системы уголовно-процессуальных гарантий [Текст]: автореф. дис. канд. юрид. наук / А.С.моторин. – Ростов-на-Дону, 2009. – 36 с.

6. Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних [Текст]: приняты 10.12.1985 г. Резолюцией Генеральной ассамблеи ООН № 40/33 // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

7. Тиганов, А.С., Снежневский А.В., Орловская Д.Д. и другие. Руководство по психиатрии [Текст] / Под ред. А.С. Тиганова. – М.: Медицина, 1999. – Т. 2. – 783 с.

8. Курбатова, С.М. Когнитивные особенности личности как фактор, влияющий на объем реализации правового статуса участников уголовного судопроизводства. [Текст] / С.М. Курбатова // Современная молодежь и вызовы экстремизма и терроризма в России и за рубежом. – 2019. – С. 134-136.

УДК 343.102

Н.С. Манова, д-р юрид. наук, профессор, заведующая кафедрой уголовного процесса ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СЛЕДСТВИЕ КАК ОСНОВНАЯ ФОРМА ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА И ПРОБЛЕМЫ ЕЕ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ

В статье рассматриваются проблемы, связанные с порядком предварительного следствия как основной формы досудебного производства. Анализируя положения УПК РФ, устанавливающие процедуру следственной деятельности, автор приходит к выводу, что она не зависит от вида расследуемого преступления, и излагает свое видение возможностей совершенствования предварительного следствия.

Ключевые слова: формы досудебного производства, процедура предварительного следствия, совершенствование следственной деятельности.

PRELIMINARY CONSEQUENCES AS THE BASIC FORM OF PRE-TREATMENT AND PROBLEMS OF ITS DIFFERENTIATION

The article discusses the problems associated with the order of the preliminary investigation as the main form of pre-trial proceedings. Analyzing the provisions of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation establishing the procedure for investigative activities, the author concludes that it does not depend on the type of crime being investigated, and sets out his vision of the possibilities for improving the preliminary investigation.

Keywords: forms of pre-trial proceedings, preliminary investigation procedure, improvement of investigative activities

Предварительное следствие в отечественном уголовном процессе традиционно является основной формой досудебной деятельности. Действующий УПК РФ также закрепляет это положение, установив, что предварительное следствие обязательно по всем уголовным делам, за исключением тех, расследование которых допускается в форме дознания (ч. 2 ст. 150). Только в форме следствия осуществляется подготовка к судебному разбирательству уголовных дел от тяжких и особо тяжких преступлений, и при необходимости в этой форме может быть расследовано дело о любом преступлении.

Следствие – это та исходная форма российского предварительного расследования, на основе которой осуществляется дифференциация других его форм. И процедура предварительного следствия составляет ту унифицированную регламентацию, от которой

отталкиваются и ученые, и законодатель, предлагая или создавая иные формы основного этапа досудебного производства – стадии предварительного расследования.

Процедура осуществления следственной деятельности едина, она не зависит от вида расследуемого преступления. Но в процессуальной литературе существует мнение о дифференциации формы предварительного следствия, ее усложнении по некоторым категориям уголовных дел [1, с. 388]. Подобные представления связаны с тем, что уголовно-процессуальный закон предусматривает ряд дополнительных правил, обеспечивающих права лиц, подвергаемых уголовному преследованию, в тех случаях, когда они имеют какие-либо особенности, либо если расследуется дело о тяжком или особо тяжком преступлении.

Так, если субъектом преступления является несовершеннолетний, то в качестве дополнительных гарантий прав и законных интересов обвиняемого предусмотрено обязательное участие защитника (ст. ст. 49-51 УПК РФ) и законного представителя несовершеннолетнего обвиняемого (ст. 426 УПК РФ); наличие некоторых особенностей в предмете доказывания (ст. 421 УПК РФ); особый порядок применения в отношении несовершеннолетнего отдельных мер процессуального принуждения (ст. 105, ч. 2 ст. 108, ст. 423, 429 УПК РФ); наличие специальных оснований прекращения дела в отношении несовершеннолетнего (ч. 3 ст. 27, ст. 427 УПК РФ) и т.д.

При этом УПК РФ исключил обязательность производства предварительного следствия по всем уголовным делам о преступлениях несовершеннолетних. В зависимости от тяжести совершенного подростком преступления расследование может осуществляться и в форме дознания. Но указанные выше особенности предварительного расследования действуют безотносительно к форме его осуществления.

В тех случаях, когда предварительное следствие проводится по делам лиц, которые в силу наличия у них определенных физических или психических недостатков либо в силу незнания ими языка, на котором осуществляется досудебная деятельность, не могут в полной мере самостоятельно осуществлять свое право на защиту, УПК РФ предусматривает следующие дополнительные правила: обязательное участие в деле защитника (ст. 51 УПК РФ); участие переводчика и обеспечение права давать показания, заявлять ходатайства на родном языке или на том языке, которым владеют участники предварительного следствия, вручение обвиняемому, подозреваемому, потерпевшему копий следственных документов на этом языке (ст. 18 УПК).

И в этом случае указанные особенности действуют безотносительно к форме предварительного расследования, в равной степени сохраняясь и тогда, когда расследование осуществляется в форме дознания.

Если следствие осуществляется по делам о применении принудительных мер медицинского характера, то закон предусматривает обязательное участие защитника с момента вынесения постановления о назначении судебно-психиатрической экспертизы, если он ранее не участвовал в деле (ст. 438 УПК РФ); тщательное исследование обстоятельств, связанных с характером и тяжестью психического расстройства и поведением лица до совершения деяния, в момент его совершения и ко времени расследования дела (ч. 2 ст. 434 УПК РФ), включающее обязательное производство судебно-психиатрической экспертизы (ст. 196 УПК РФ); участие законного представителя лица, в отношении которого ведется расследование (ст. 437 УПК РФ); возможность выделения уголовного дела в отношении лица, нуждающегося в применении принудительных мер медицинского характера, в отдельное производство, если деяние было совершено в соучастии с другими лицами (ст. 436 УПК РФ) и т.п.

Процедура предварительного следствия по делам о тяжких и особо тяжких преступлениях также имеет некоторые особенности: по делам, подсудным суду присяжных, а также при обвинении лица в совершении преступления, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы на срок свыше 15 лет, пожизненное лишение

свободы или смертная казнь, обязательным является участие защитника (ст. 51 УПК РФ); при ознакомлении обвиняемого с материалами законченного предварительного следствия по делам, подсудным суду присяжных, следователь обязан разъяснить ему право ходатайствовать о рассмотрении дела судом присяжных заседателей, и заявленное обвиняемым ходатайство либо его отказ от использования права на рассмотрение дела в указанной форме, следователь обязан зафиксировать в протоколе об ознакомлении с материалами дела (ст. ст. 217, 218 УПК РФ).

Именно эти процедурные особенности следственной деятельности по перечисленным категориям уголовных дел, по мнению ряда авторов, выступают в качестве показателя дифференциации процессуальной формы предварительного следствия [2]. Как представляется, вести речь о дифференциации форм досудебного производства в целом и предварительного следствия, в частности, в указанных случаях нельзя, так как нет никакой особой формы осуществления следственной деятельности, а существуют лишь некоторые (очень ограниченные) дополнительные правила производства расследования. Они в равной степени действуют как при осуществлении предварительного следствия, так и при расследовании некоторых из дел указанных категорий в форме дознания. Одни из таких правил (например, об обязательном участии защитника) действуют во всех названных случаях, другие определяются конкретными особенностями субъекта преступления. Но при этом качественного отличия формы следственной указанной особенности не создают и, следовательно, не позволяют говорить о дифференциации его формы [3, с. 97-104].

Определенные основания для заявлений о дифференциации форм следственной деятельности дает структура УПК РФ, который выделяет в отдельные разделы и главы производство по некоторым категориям уголовных дел. Так, в законе традиционно выделены нормы, регламентирующие особенности досудебного производства и производства в суде первой инстанции по делам несовершеннолетних. Однако сам законодатель оговаривается, что судопроизводство по делам несовершеннолетних определяется общими правилами (ч. 2 ст. 420 УПК РФ).

При обсуждении проблем дифференциации формы предварительного следствия высказывались мнения о том, что она не учитывает современные реалии в структуре и динамике преступности, включает в себя ряд устаревших норм, излишне усложнена и поэтому не позволяет эффективно расследовать дела о преступлениях небольшой общественной опасности [4, с. 142], либо, напротив, не позволяет эффективно противодействовать наиболее тяжким и общественно опасным преступлениям в силу наличия чрезмерных гарантий прав лиц, в отношении которых ведется уголовное преследование [5, с. 53; 6, с. 14; 7, с. 16-18]. Сторонники последней точки зрения предлагали увеличить срок следствия и содержания обвиняемых под стражей, предоставить следователю право прослушивать телефонные и иные переговоры и накладывать арест на корреспонденцию без предварительного решения суда, расширить круг следственных действий, производство которых допустимо в стадии возбуждения уголовного дела и т.д. Несмотря на то, что в последние годы некоторые из этих предложений в определенной части были реализованы в российском уголовно-процессуальном законодательстве, полагаем, что любые изменения в процедуре предварительного следствия, ведущие к сокращению процессуальных гарантий, в условиях современной российской действительности способны привести лишь к произволу и незаконности, но не к действительной оптимизации формы следственной деятельности и усилению борьбы с преступностью.

Однако, при сохранении общей процедуры осуществления следственной деятельности по всем уголовным делам (без каких-либо изъятий и ограничений прав участников процесса), по нашему мнению, было бы целесообразно установить сокращенный до одного месяца срок следствия и срок содержания обвиняемого под стражей по ряду преступлений средней тяжести. Изучение и анализ практики, интервьюирование следова-

телей подтверждают достаточность месячного срока для проведения полного и всестороннего расследования по определенной части уголовных дел. Сокращение срока следствия и срока содержания обвиняемого под стражей по тем преступлениям средней тяжести, которые несложны по своим фактическим обстоятельствам, возможно и даже необходимо еще и потому, что ныне многие следователи в силу инерции мышления предпочитают приурочивать окончание следствия к моменту полного истечения установленного законом срока даже, если фактическое производство следственных действий было закончено значительно раньше [3, с. 105].

В качестве способа решения многочисленных сложных проблем следственной деятельности многими учеными предлагается возрождение института следственных судей. Мы неоднократно высказывали свое мнение по данным предложениям [8, с. 3-7; 9, с. 44-46; 10] и полагаем, что правы те авторы, которые считают, что в настоящее время «оснований для замены сложившейся в России формы предварительного следствия альтернативными видами не имеется. Предпочтение той или иной модели уголовного процесса должно быть обусловлено глубоко устоявшимися традициями, наличием корпуса подготовленных специалистов» [11, с. 52].

Совершенствование же следственной деятельности возможно и необходимо за счет усиления состязательных начал, последовательного осуществления требований закона о строгом соблюдении процессуальной формы при получении доказательств и недопустимости использования тех фактических данных, которые получены с нарушением требований УПК. Для начала необходимо законодательно реализовать неоднократно высказанное в специальной литературе предложение об отказе от причисления следователя к стороне обвинения, о необходимости посвятить ему самостоятельную главу в УПК РФ, предусмотрев в ней полномочия следователя, гарантии его процессуальной самостоятельности, юридическую схему его взаимоотношений с руководителем следственного органа, прокурором, судом и органом дознания [12; 13; 14]. Здесь же, в этой главе должна быть четко сформулирована концептуальная задача предварительного расследования - всестороннее, полное и объективное исследование (доказывание) обстоятельств совершенного преступления, результатом которого должно быть выдвижение и обоснование обвинительного или оправдательного вывода, сформулированного в ответствующем решении.

И еще одно необходимое условие превращения следователя из обвинителя в следователя. Сломать десятилетиями формировавшийся обвинительный уклон в деятельности следователя возможно только, если будет изменено отношение к итогам его деятельности, их оценка, в том числе, и в отчетности и официальной статистике. Только тогда, когда решение о прекращении производства по делу будет оцениваться как закономерное завершение уголовно-процессуальной деятельности, равное по своему процессуальному значению направлению дела в суд с обвинительным заключением, а не как свидетельство незаконности возбуждения дела, результат ошибок и недоработок следователя, и увеличение количества прекращенных дел перестанет восприниматься как ухудшение качества работы следственных органов, только тогда следователи перестанут отождествлять себя с обвинителями, обязанными всегда и любой ценой направить дело в суд с обвинительным заключением.

Также необходима оптимизация системы тех уголовно-процессуальных норм, которые регламентируют задачи предварительного следствия, права и обязанности участников соответствующих правоотношений, процедуру осуществления следственной деятельности с точки зрения их соответствия общему назначению российского уголовного судопроизводства.

Список используемой литературы и источников

1. Руднев, В.И. Концепция развития уголовно-процессуального законодательства [Текст] / В.И.Руднев // Концепции развития российского законодательства. - М., 2004.

2. Якимович, Ю.К. Структура советского уголовного процесса: система стадий и система производств. Основные и дополнительные производства [Текст] / Ю.К.Якимович.- Томск, 1991.

3. Манова, Н.С. Досудебное и судебное производство: сущность и дифференциация процессуальных форм [Текст] / Н.С. Манова. - Саратов, 2003.

4. Гусева, И.И. Перспективы совершенствования форм предварительного расследования // Аубакировские чтения [Текст]: матер.междунар. науч.-прак. конф. 19 февраля 2017 г. - Алматы, 2017.

5. Токарева, М.Е. Современные проблемы законности и прокурорский надзор в досудебных стадиях уголовного процесса [Текст]: дис...докт. юрид. наук в форме научно-го доклада / М.Е.Токарева. - М., 1997.- С. 53.

6. Соловьев, А.Б. Проблемы уголовного судопроизводства в период правовой реформы в России [Текст] / А.Б.Соловьев // Проблемы обеспечения законности и борьба с преступностью. - М.-Кемерово, 1997.

7. Марчук, А.Д. Подразделения по борьбе с организованной преступностью как орган дознания [Текст]: автореф. дис... канд. юрид. наук. - Н. Новгород, 2001.

8. Быков, В.М., Манова, Н.С. Следственный судья: дискуссия продолжается [Текст] / В.М.Быков, Н.С.Манова // Уголовное судопроизводство. -2015. -№ 3.- С. 3 – 7.

9. Быков, В.М., Манова, Н.С. Нужен ли уголовному судопроизводству России следственный судья? [Текст] / В.М.Быков, Н.С.Манова // Законность.- 2015. - № 6.- С. 44-46.

10. Манова, Н.С. Предварительное следствие в России: старые идеи и современные реалии // Актуальные проблемы предварительного расследования [Электронный ресурс]: сбор. науч. тр. Междун. науч.-прак. конференции. 28-29 октября 2015 г. Волгоградская академия МВД России.- Волгоград, 2015.

11. Колоколов, Н. А. Укрепление власти следственной [Текст] / Н.А.Колоколов // Уголовный процесс. -2007. -№ 7. - С. 52.

12. Дианов, В.А. Следователь в системе субъектов обвинения [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук / В.А.Дианов. - Саратов, 2009.

13. Бабич, А.В. Процессуальная самостоятельность и независимость следователя как основа его статуса в уголовном судопроизводстве [Текст]: дис. ...канд. юрид. наук / А.В.Бабич. - Саратов, 2012.

14. Шабунин, В.А. Руководитель следственного органа: нормативное регулирование и практика осуществления процессуальных функций и полномочий [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук / В.А.Шабунин. - Саратов, 2013.

УДК 343.13

Е.В. Марковичева, д-р юрид. наук, доцент, главный научный сотрудник Научного центра исследования проблем правосудия, Российский государственный университет правосудия

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ПЕРСПЕКТИВЫ ДОМАШНЕГО АРЕСТА

Статья раскрывает эволюцию домашнего ареста как меры пресечения в российском уголовном процессе. Вносятся предложения, связанные с полным исключением домашнего ареста из системы мер пресечения.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, меры пресечения, домашний арест, запрет определенных действий.

DIFFERENTIATION OF PUNISHMENT MEASURES IN THE RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS: THE POTENTIAL FUTURE OF HOUSE ARREST

The article reveals the evolution of house arrest as a preventive measure in the Russian criminal process. The author makes suggestions related to the complete exclusion of house arrest from the system of preventive measures.

Keywords: criminal proceedings, preventive measures, house arrest, prohibition of certain actions.

Отечественный уголовный процесс прошел длительный эволюционный путь, итогом которого стало современное российское уголовное судопроизводство. Трансформация затронула отдельные производства и процессуальные институты и позволила выявить определенные закономерности, требующие учета при определении направлений современной уголовно-процессуальной политики.

Российский уголовный процесс часто критикуют за недостаточную дифференцированность и приверженность единой процессуальной форме. Однако недостаточная дифференцированность проявляется и в функционировании отдельных институтов, в частности, института мер пресечения. Ограниченность системы мер пресечения проявлялась практически на всех этапах развития российского уголовного процесса и закономерно вела к одному негативному последствию – избыточному применению самой строгой меры пресечения в виде заключения под стражу. К сожалению, исторически у данной меры пресечения было мало альтернативных вариантов. Одной из таких альтернатив выступал домашний арест, так и не получивший широкого, то есть сопоставимого по количественным показателям с заключением под стражу, применения. Несмотря на то, что данная мера пресечения появилась в российском уголовном процессе достаточно давно и была предусмотрена, в том числе Уставом уголовного судопроизводства 1864 г., широкого применения она не получила. По данным П.И. Люблинского, детально исследовавшего практику распространения домашнего ареста в России конца XIX в., в 1898 г. домашний арест был применен всего два раза, а в 1899 г. вообще не применялся [1, с. 380]. Столь незначительные показатели применимости домашнего ареста были связаны с дороговизной обеспечения надзора за лицами, находящимися под домашним арестом, и наличием условий для его отбытия. В силу этих причин домашний арест был привилегированной мерой пресечения, применяемой в редких случаях к людям с определенным статусом и положением в обществе.

Хотя советское уголовно-процессуальное законодательство и предусматривало применение домашнего ареста в 20-е годы XX в., в качестве меры пресечения он избирался в единичных случаях, например, чтобы обеспечить возможность несовершеннолетнему обвиняемому посещать школу, но и здесь практика применения практически прекратилась к 30-м годам прошлого века.

Возрождение в XXI в. домашнего ареста как меры пресечения было также весьма проблемным в силу отсутствия организационно-правовых условий для его применения. Поэтому практика его применения до 2011 г. когда появилась определенность в исполнении обязанностей органами ФСИН за применением данной меры, была весьма ограниченной.

Долгое время российский уголовный процесс следовал принципу применения только одной меры пресечения. Именно поэтому, изменения, внесенные в УПК РФ в 2018 г. применительно к мерам пресечения по своей сути представляли маленькую революцию [2]. Законодатель не только ввел новую меру пресечения – запрет определенных действий, но и допустил комбинирование мер пресечения, когда домашний арест применяется только в сочетании с отдельными запретами, установленными п. 3-6 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ. Таким образом, избрание меры пресечения в виде домашнего ареста в настоящее время требует формального комбинирования двух мер пресечения – собственно домашнего ареста и запрета определенных действий.

Однако необходимость такого комбинирования не только породила целый ряд правоприменительных проблем, но и поставила на повестку дня более фундаментальный вопрос о том, как трансформируется домашний арест и является ли он жизнеспособной мерой пресечения.

Следует отметить, что до 2018 г. домашний арест рассматривался в качестве практически единственной работающей альтернативной заключению под стражу меры пресечения. Хотя частота его применения в целом по России не превышала 7000 удовлетворенных ходатайств в год, а в 2018-2019 гг. и это количество несколько уменьшилось в связи с заменой домашнего ареста по некоторым уголовным делам запретом определенных действий [3]. Такому ограниченному применению домашнего ареста способствовали как недостатки действующего законодательства и целый ряд проблем организационного характера, так и отсутствие сформированной исторической традиции ее избрания. Несмотря на то, что в российской системе мер пресечения домашний арест известен с XIX в., его применение и в тот период было крайне ограниченным в силу затратности его обеспечения и распространялось преимущественно на знатных особ, к которым нельзя было применить арест на общих основаниях [3, с. 380]. В советский период домашний арест как мера пресечения был утрачен еще в 20-е годы прошлого столетия, но и в тот период он применялся скорее в исключительных случаях, например, в отношении несовершеннолетнего, который днем посещал учебное заведение, а вечером и ночью был обязан находиться по месту жительства. После введения домашнего ареста в систему мер пресечения в УПК РФ 2001 г. его распространению в судебной практике препятствовала правовая неопределенность по осуществлению контроля за подозреваемым или обвиняемым, что на практике приводило к тому, что суды возлагали такую обязанность на различные органы: милицию, органы местного самоуправления, приставов и т.д. И только после законодательного возложения в 2011 г. на органы Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН) обязанности по соблюдению лицом ограничений и запретов, сопряженных с домашним арестом, последний получил более широкое распространение.

Возвращаясь к современному российскому уголовному процессу, отметим, что применение домашнего ареста как комбинированной меры пресечения сопровождается целым рядом проблем [4].

Первая из них была связана с изменением сущности самого домашнего ареста, который трансформировался из меры пресечения, предполагающей полную или частичную изоляцию лица, в меру пресечения, сущность которого составляет полная изоляция. Вследствие этого суды столкнулись с проблемой продления данной меры пресечения после апреля 2018 г. и необходимостью ухудшения положения обвиняемого, подозреваемого без соответствующих оснований. Это ситуации, когда первоначально домаш-

ний арест избирался с частичной изоляцией и допускал отлучки лица из жилища. Кроме того, о дискриминационном характере ст. 107 УПК РФ в ее новой редакции стали вести речь и адвокаты, указывая, что фактически лицо лишается прогулок, тогда как, даже для лиц, находящихся под стражей, такая возможность предусмотрена. Ситуация усугублялась и отсутствием обновленной редакции Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (ред. от 24.05.2016) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» [5]. Понадобилось несколько месяцев для выработки законного и работающего алгоритма разрешения таких ситуаций в судебной практике.

Целый ряд вопросов практического характера до сих пор остается открытым. В частности, это вопросы обеспечения лицу, находящемуся под домашним арестом, доступа к неэкстренной медицинской помощи, доступа лица к продуктам и товарам первой необходимости в случае проживания в жилище без близких родственников и т.д.

Но более важным на сегодняшнем этапе видится разрешение другого вопроса: необходим ли домашний арест в системе мер пресечения в условиях, когда вновь введенная мера пресечения может обеспечить его полную замену, в том числе, и в условиях полной изоляции? Как показывает опыт ряда зарубежных стран, наметилась четкая тенденция к трансформации домашнего ареста как собственно изолированного нахождения лица в определенном помещении в различные формы электронного мониторинга за ним. В большинстве современных государств используются именно электронные системы контроля за лицом, которое формально находится под такой мерой пресечения как аналог российского домашнего ареста. С этой позиции можно предположить постепенное отмирание указанной меры пресечения и в российском уголовном процессе с заменой ее более гибкой мерой – запретом определенных действий. Развитие системы запретов позволит обеспечить более гибкое применение мер пресечения и учет обстоятельств каждого конкретного уголовного дела, а неформальное следование системе общих обстоятельств и условий, заложенных в уголовно-процессуальном законе. Однако условием такой трансформации должна стать законодательная доработка новой меры пресечения и создание соответствующих организационных условий для ее эффективного применения.

Список используемой литературы и источников

1. «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста» [Текст]: федеральный закон от 18.04.2018 № 72-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

2. Люблинский, П.И. Свобода личности в уголовном процессе [Текст] / П.И. Люблинский.- С.-Пб.: Сенат. Тип., 1906.

3. Основные статистические показатели деятельности судов общей юрисдикции // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ [Электронный ресурс] // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 18.09.2019).

4. Марковичева, Е.В. Запрет определенных действий как основа избрания комбинированных мер пресечения [Текст] / Е.В. Марковичева // Уголовное право. - 2019. - № 2. - С. 107-111.

5. «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» [Текст]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19.12.2013 № 41 (ред. от 24.05.2016) // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

УДК 343.150.1

Н.О. Машинникова, адвокат НО «Удмуртская республиканская коллегия адвокатов», аспирант кафедры уголовного процесса и правоохранительной деятельности Института права, социального управления и безопасности ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»

Научный руководитель: Л.Г. Татьяна, д-р юрид. наук, профессор, Email: n-alico@mail.ru

ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ, КАК ИСКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ ФОРМА ВЫРАЖЕНИЯ СУДЕБНОГО УСМОТРЕНИЯ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПРАВОСУДИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В статье рассматривается институт особого мнения судьи при принятии решения по делу в коллегиальном составе как исключительной формы усмотрительной деятельности. Автор указывает на важность оформления особого мнения судьи в установленном законом порядке, поскольку его наличие в деле может указывать на неоднозначность принятого по делу решения и свидетельствовать о вероятности совершённой судебной ошибки в связи с чем предлагается сделать правовую позицию, изложенную в особом мнении, предметом обязательной проверки вышестоящим судом в случае, если в этот суд поступит дело для проверки в апелляционном либо кассационном порядке.

Особое мнение является предметом обязательной проверки вышестоящим судом в случае поступления дела.

Ключевые слова: правосудие, особое мнение, усмотрительная деятельность, коллегиальное рассмотрение дела.

THE JUDGE'S DISSENTING OPINION AS AN EXCLUSIVE FORM OF EXPRESSING JUDICIAL DISCRETION IN THE ADMINISTRATION OF JUSTICE IN CRIMINAL PROCEEDINGS.

The article considers the institution of the judge's dissenting opinion when deciding the case by a collegiate panel as an exclusive form of discretion. The author highlights the importance of implementing the judge's dissenting opinion in accordance with the law, since the existence of such opinion can indicate both ambiguity in the case decision and probable judicial error. Therefore, it is proposed that legal position contained in the judge's dissenting opinion must be reviewed by a higher court if it receives the case either in the appeal or cassation stage.

Keywords: justice, dissenting opinion, discretionary activity, collegial consideration of the case.

Согласно ч. 1 ст. 1 Конституции РФ, Россия представляет собой правовое демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления, государственная власть в котором в соответствии со ст. 10 Конституции РФ осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Таким образом демократия, как необходимое и обязательное свойство власти в Российской Федерации должна находить своё выражение и во всех её ветвях, в частности и во власти судебной.

Одним из таких институтов, обеспечивающих демократическое начало в отечественном уголовном судопроизводстве является институт особого мнения судьи по постановленному приговору, как исключительная форма выражения судебного усмотрения при коллегиальном рассмотрении уголовных дел.

Особое мнение судьи по уголовному делу представляет собой позицию судьи входящего в состав коллегии рассматривающей дело по существу и несовпадающую с принятым по делу коллегиальным решением, изложенную им в письменной форме.

В Большом юридическом словаре под редакцией В.Н. Додонова можно найти следующее определение: «особое мнение - это изложенная письменно и приобщенная к делу позиция судьи или народного заседателя, не согласного с решением или приговором суда, вынесенным большинством голосов. Особое мнение может быть по делу в целом или по отдельным вопросам, которые должны быть разрешены судом при вынесении решения, приговора, определения, постановления. В зале судебного заседания не оглашается» [3].

Институт особого мнения в отечественном уголовном судопроизводстве известен с середины XIX века. Впервые на этот правовой институт указывалось в Уставе уголовного судопроизводства 1864 года согласно которому, особые мнения членов, если они были представлены, приобщались к протоколу, который составлялся по правилам, изложенным в Уставе уголовного судопроизводства [2]. В период становления советского уголовного процесса он также получил своё развитие и нашёл отражение в ст. 325 УПК РСФСР 1923 г. и ст. 307 УПК РСФСР 1960 г.

В соответствии с ч. 5 ст. 301 УПК РФ, судья оставшийся при особом мнении по постановленному приговору, вправе письменно изложить его в совещательной комнате. Согласно ч. 5 ст. 310 УПК РФ особое мнение судьи приобщается к приговору и оглашению в зале судебного заседания не подлежит. Коллегиальное рассмотрение уголовных дел по первой инстанции обусловлено их повышенной сложностью и неоднозначностью и в силу п. 3 ч. 2 ст. 30 УПК РФ возможно только по делам о тяжких и особо тяжких преступлениях.

Как справедливо отмечают В.М. Быков и Н.С. Манова, в соответствии с УПК РФ рассмотрение абсолютного большинства уголовных дел в судах первой инстанции осуществляется единолично, и в силу этого положения закона об особом мнении судьи при коллегиальном осуществлении правосудия, казалось бы, утратило свою актуальность [4].

Между тем, с 2013 года введён пересмотр не вступивших в законную силу судебных актов по уголовным делам в апелляционном порядке. Апелляционное рассмотрение уголовных дел в областных (и приравненных к ним) судах, а также в Верховном Суде РФ осуществляется в коллегиальном составе. В состав коллегии входят только профессиональные судьи, образование, стаж, опыт, а также правосознание которых позволяет и способствует развитию их собственного индивидуального взгляда на предмет судебного разбирательства.

Однако, ни ранее, ни сейчас законодатель не определил правового значения особого мнения судьи. Между тем, особое мнение представляет собой профессиональное суждение судьи по рассмотренному им в составе судебной коллегии уголовному делу. При этом надо понимать, что этот судья имеет соответствующую квалификацию, стаж работы в должности и опыт в рассмотрении этой категории дел. Возможность такого суждения обеспечивается государственным принуждением.

В 2012 году Конституционный суд РФ разъяснил, что «по смыслу уголовно-процессуального закона, право судьи на особое мнение - как устное, так и изложенное письменно - выступает процессуальной гарантией принципа его независимости, закрепленного в статье 120 (часть 1) Конституции Российской Федерации. Особое мнение судьи не является актом, имеющим самостоятельное значение и определяющим права и обязанности участников уголовного судопроизводства или влекущим для них какие-либо иные процессуальные последствия. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации также не содержит норм, предусматривающих ограничение прав обвиняемого в зависимости от наличия либо отсутствия особого мнения судьи по делу. Кроме

того, права обвиняемого непосредственно затрагиваются не особым мнением судьи, изложенным письменно, а постановленным по уголовному делу приговором. Вместе с тем судьи кассационной и надзорной инстанций вправе исследовать письменно изложенное особое мнение судьи и учесть приведенные в нем доводы при оценке правосудности принятых по уголовному делу решений» [1].

При коллегиальном рассмотрении дела, каждому судье имеет право свободно выражать своё мнение и делать суждения по нему, как в общем по делу, так и по конкретным частным вопросам в рамках этого дела. Право каждого судьи на независимость суждений внутри коллегии и равные права на выражение собственного мнения относительно любой части рассматриваемого уголовного дела обеспечивают принцип независимости судей и его подчинение только закону в процессе осуществления правосудия. Формально современный отечественный уголовный процесс и не направлен на установление истины по делу, но именно коллегиальное рассмотрение дел в большей степени способствует её отысканию в рамках судебного следствия, поскольку истина рождается в споре. При этом в ходе коллегиального рассмотрения уголовного дела спор (диалог) об обстоятельствах события преступления происходит не только между стороной обвинения и стороной защиты, но и внутри судебной коллегии.

Особое мнение судьи, оставшегося в меньшинстве при постановлении приговора является очень важным как для остальных членов коллегии, так и для вышестоящих судов, поскольку представляет собой определённый маркер относительно качества принятого по делу решения и его неоднозначности. Оно является крайней формой усмотрительной деятельности судьи при коллегиальном рассмотрении уголовных дел. С точки зрения морали судья, не только вправе, но и обязан письменно изложить своё мнение по делу в случае, если оно касается события преступления, квалификации рассматриваемого деяния, причастности и виновности лица привлекаемого к уголовной ответственности.

Дискуссионным вопросом данной формы усмотрительной деятельности является вопрос о том, должно ли наличие особого мнения по делу являться безусловным основанием для его проверки вышестоящим судом и не нарушит ли это право подсудимого на защиту?

Постановление в отношении подсудимого обвинительного приговора за тяжкое либо особо тяжкое преступление накладывает на судью повышенную моральную ответственность, иногда непосильную для него, поскольку санкции по ним предусматривают наиболее существенное ограничение, а иногда и лишение личных прав и свобод осужденных. А совершенная судебная ошибка может иметь самые фатальные последствия. Задачей коллегиального рассмотрения уголовного дела является исключение вероятности постановления в отношении подсудимого ошибочного приговора и воспрепятствование привлечению невиновного лица к уголовной ответственности за такие виды преступлений. Кроме того, со стороны государства коллегиальность в рассмотрении уголовных дел является дополнительным гарантом соблюдения основных принципов уголовного судопроизводства - его объективности, независимости и беспристрастности, с учётом его назначения. Теоретически, достигается эта задача посредством индивидуальной работы каждого судьи в коллегии и их совместной работы при рассмотрении уголовного дела по существу.

В настоящее время, как уже указывалось ранее, вышестоящий суд вправе, но не обязан исследовать особое мнение судьи при рассмотрении дела. Однако, вероятность ошибочности приговора принятого судебной коллегией не единогласно - велика. Принципиальная позиция судьи, оставшегося в меньшинстве и выразившаяся в надлежащем оформлении особого мнения, не являющегося частью приговора, но приобщенная к нему, может помочь судьям вышестоящей инстанции посмотреть на дело с разных сторон независимо от доводов заявителей жалоб.

Полагаем, что если коллегия не пришла к общему единогласному мнению по существу дела, а у судьи, который имеет отличное от других судей мнение по делу, есть аргументированная правовая позиция по нему, то она должна быть предметом обязательной проверки вышестоящим судом в случае обжалования приговора одной из сторон. В случае, если ни одна из сторон не обжаловала приговор по которому имеется особое мнение, то пересмотру в вышестоящем суде такое дело не подлежит. То есть, если в суд вышестоящей инстанции для пересмотра поступает дело, в котором к приговору приобщено особое мнение, то правовая позиция изложенная в нём, должна подлежать обязательной проверке вышестоящим судом, который должен дать ему правовую оценку при вынесении своего судебного акта. Само же по себе особое мнение (без наличия жалобы либо представления пусть даже по иным основаниям) в настоящее время не может и не должно являться безусловным основанием для проверки правосудности вынесенного по делу решения, поскольку это бы являлось безусловным нарушением принципа состязательности сторон, который является одним из базовых принципов современного уголовного процесса.

Согласно буквальному толкованию закона особое мнение может быть оформлено и приложено только к постановленному по делу приговору по результатам рассмотрения дела по существу. При разрешении же судебной коллегией в ходе судебного заседания вопросов об избрании, изменении или отмене меры пресечения в отношении подсудимого, а также о продлении срока содержания его под стражей, такой вид усмотрительной деятельности судьи как «особое мнение» законодатель не предусмотрел. С учётом длительности рассмотрения некоторых уголовных дел по тяжким и особо тяжким преступлениям в силу их сложности и неоднозначности могут существенно меняться некоторые текущие обстоятельства, например такие как, состояние здоровья подсудимого и его близких родственников, и т.д. При этом с большой долей вероятности можно предположить, что не всегда такого рода постановления выносятся судебной коллегией единогласно, особенно если речь идет о многократном продлении либо избрании меры пресечения в отношении обвиняемого за преступление совершённое при неочевидных обстоятельствах. Однако, правовая и моральная позиция судьи оставшегося в меньшинстве при разрешении такого рода вопросов оформлению не подлежит и в материалы дела не приобщается, а следовательно узнать её впоследствии невозможно. По нашему мнению, предоставление законодателем судье возможности в установленной законом форме выражать особое мнение по вопросу обоснованности той или иной меры пресечения в отношении подсудимого обеспечит гарантию независимости и объективности судебного разбирательства в этой части. Кроме того, возможность приобщения к такому постановлению особого мнения будет способствовать справедливости судебного разбирательства как в целом, так и в части.

Список используемой литературы и источников

1. "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Юдина Юрия Рудольфовича на нарушение его конституционных прав статьями 301 и 312 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Текст]: определение Конституционного Суда РФ от 17.01.2012 N 174-О-О // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс» // <http://www.consultant.ru/law/> .

2. Свод законов Российской империи. Устав уголовного судопроизводства [Текст]. - 1914 г. - ст. 164.

3. Большой юридический словарь [Текст] / под ред. В.Н. Додонова.- М.: Издательство Инфра-М, 2001 г.

4. Быков, В.М., Манова, Н.С., О праве судьи на особое мнение: продолжение темы [Электронный ресурс] / В.М. Быков, Н.С. Манова // <http://www.consultant.ru/law/> .

Т.А. Морозова, канд. юрид. наук, старший преподаватель кафедры предварительного расследования Нижегородской академии МВД России

ВНУТРЕННЕЕ УБЕЖДЕНИЕ КАК РЕЗУЛЬТАТ ОЦЕНКИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Статья посвящена принципу свободы оценки доказательств, основанному на внутреннем убеждении. Особое внимание уделяется понятию и содержанию внутреннего убеждения, рассматриваемого как результат оценки доказательств, основывающийся на уверенности органов расследования, прокурора и судей в достоверности доказательств и обоснованности выводов, к которым они пришли в ходе уголовно-процессуального доказывания

Ключевые слова: внутреннее убеждение, принцип свободы оценки доказательств, формальная оценка доказательств.

INTERNAL BELIEF AS A RESULT OF EVIDENCE EVALUATION

The article is devoted to the principle of freedom of evaluation of evidence based on internal conviction. Special attention is paid to the concept and content of internal conviction, considered as a result of the evaluation of evidence, based on the confidence of the investigation bodies, the Prosecutor and judges in the reliability of evidence and the validity of the conclusions they reached in the course of criminal procedural evidence

Keywords: internal belief, the principle of freedom of evaluation of evidence, formal evaluation of evidence.

Раскрывая содержание принципа свободы оценки доказательств, законодатель подчеркивает, что судья, присяжные законодатели, прокурор, следователь, дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств. Это требует и ч.1 ст. 88 УПК РФ – все собранные доказательства подлежат оценке в совокупности с целью определения их достаточности для разрешения уголовного дела.

Нормативное определение возможности принятия процессуального решения по каждому юридическому факту только на основании достаточной совокупности доказательств представляется очень важным. Трудно доказать наличие или отсутствие любого обстоятельства по уголовному делу при помощи одного отдельно взятого доказательства. В любом случае следует использовать совокупность взаимно проверенных доказательств, поскольку только она способна подтвердить или опровергнуть любое обстоятельство, входящее в предмет доказывания по уголовному делу. Подобное правило в настоящее время прямо сформулировано пока только в отношении виновности обвиняемого в случае признания им своей вины. Думается, однако, что его необходимо соблюдать применительно к любому юридическому факту.

В процессе развития науки уголовного процесса в юридической литературе по вопросу о понятии и содержания внутреннего убеждения сложилось несколько точек зрения.

Так, А.Р. Ратинов считает, что указание закона на внутреннее убеждение нужно, прежде всего, понимать как исключительность компетентного лица, ведущего производство по делу. Внутреннее убеждение предполагает:

-необязательность оценки доказательств, данной одним должностным лицом, для другого;

-необязательность оценки доказательств предыдущей процессуальной инстанцией для последующей;

-необязательность оценки доказательств вышестоящим органом для нижестоящего;

-необязательность для лица, ведущего производство по делу, оценок, даваемых доказательствам различными участниками процесса;

-необязательность оценок, даваемых доказательствам лицами и органами вне уголовного процесса[1,С.475].

П.А. Лупинская определяет внутреннее убеждение как принцип оценки доказательств, в основе которого должно лежать всестороннее, полное и объективное рассмотрение всех обстоятельств дела в их совокупности [2,С.162].

М.А. Чельцовым, Л.Д. Ульянова внутреннее убеждение рассматривается как критерий, метод или результат оценки доказательств [3,С.38; 4, С.52-58]. Как метод оценки доказательств, внутреннее убеждение характеризуется следующими положениями:

-уголовно-процессуальные нормы не предписывают, какими доказательствами должны быть установлены те или иные обстоятельства дела, не устанавливают заранее силы доказательств, преимущественного значения какого-либо вида доказательств. Уголовно-процессуальный закон не содержит правил, предопределяющих силу и значение доказательств. Содержащиеся в процессуальных источниках сведения о преступлении оцениваются судом, прокурором, следователем, дознавателем не по формальным признакам, а по внутреннему убеждению-с точки зрения правильности их по существу;

-все субъекты, оценивающие доказательства, свободны в своих оценочных суждениях и выводах, которые они делают на основании исследования и рассмотрения всех обстоятельств дела. Оценка доказательств по внутреннему убеждению предполагает, что лицо, производящее оценку доказательств, не связано той оценкой, которую дали другие лица или органы в предшествующих стадиях процесса или в пределах данной стадии. В этом случае обязательным является оценить все собранные доказательства заново. Оценки, даваемые доказательствам различными участниками процесса в объяснениях, показаниях, ходатайствах и т.п., являются необязательными для лица, ведущего производство по делу. Также необязательными признаются оценки, даваемые лицами и органами вне уголовного процесса- это средства массовой информации, представители общественности, должностные лица различных учреждений.

Внутреннее убеждение, как результат оценки доказательств, означает уверенность органов расследования, прокурора, судей в достоверности доказательств и обоснованности выводов, к которым они пришли в ходе уголовно-процессуального доказывания. Каждый процесс доказывания должен завершаться возникновением такой уверенности, если же ее нет, значит, доказывание страдает изъянами, и от оценки доказательств следует вновь вернуться к их собиранию и проверке.

Внутреннее убеждение в значительной мере формируется на подсознательном уровне, не сводящемся к формально-логическим выводам, несмотря на то, что на него оказывают влияние объективные факторы. Поэтому нельзя смешивать внутреннее убеждение с интуицией, догадками. Оно достигается в ходе объективного познания реальной действительности, основанной на всестороннем исследовании и оцененных доказательствах и их источниках. Решить по внутреннему убеждению- значит осознать единственно правильное утверждение или отрицание, иметь строго обоснованную уверенность в истинности своих суждений и располагать необходимым для этого объективным материалом, поэтому внутреннее убеждение, как результат оценки доказательств, - это и знание, и вера в правильность этого знания, и волевой стимул, побуждающий к определенным действиям.

Такое решение вряд ли можно принять за основу, поскольку по своей сути внутреннее убеждение является сложным и многогранным понятием, которое включает в себя разные стороны деятельности органов предварительного расследования и суда по доказыванию –психологическую, гносеологическую, морально-этическую и процессуальную.

Как отмечает, Ю.К. Орлов в психологическом аспекте внутреннее убеждение означает чувство уверенности и убежденности в правильности своих выводов. Морально-этическая сторона внутреннего убеждения характеризует действия, поступки, совер-

шенные в соответствии со своими убеждениями, в согласии с самим собой. Гносеологический аспект выражает соответствие в чем-либо объективной действительности. В частности, он выделяет два признака свободной оценки доказательств:

- не связанность свободной оценки субъекта самим законом, отсутствие в нем каких-либо формальных предписаний;

-не связанность субъекта оценки мнением других субъектов, запрет вмешательства в оценочную деятельность [5, С. 51].

Таковы существенные признаки свободной оценки доказательств по мнению Ю. К. Орлова.

Закон гарантирует субъекту как внутреннюю свободу, не связывая его никакими формальными предписаниями, так и внешнюю, охраняя его от влияния извне.

Однако, стоит не согласиться с Ю.К. Орловым. Первый признак противоречит положению ч.2 ст. 17 УПК РФ. В данном случае субъекту оценки дается вполне четкое указание о недопустимости использования конкретного метода оценки доказательства, то есть нельзя говорить о какой-либо не связанности субъекта оценки самим законом, свободной оценке. Уголовно-процессуальный закон содержит и некоторые иные предписания, касающиеся оценки доказательств. Например, указанная статья и ст. 88 УПК РФ содержит предписание о том, что оценка доказательств происходит в совокупности. Что касается второго признака, указанного Ю.К. Орловым- не связанности субъекта оценки доказательств мнением других субъектов, то он, безусловно, является существенным признаком внутреннего убеждения субъекта такой оценки. Внутреннее убеждение отражает личную оценку субъекта доказывания. В тоже время непропорциональным является включение в содержание данного признака указания на запрет вмешательства в оценочную деятельность. Такой запрет имеет важное значение для доказывания и в тоже время является лишь условием, при котором формируется внутреннее убеждение того или иного субъекта доказывания. Необходимо отметить, что содержание рассматриваемой категории не исчерпывается лишь указанием на самостоятельную и личную оценку доказательств субъектом доказывания. Равноценное, а может быть и более важное значение в данном случае имеет психологический компонент- уверенность субъекта доказывания в том, что оцененные им доказательства в полной мере отвечают критериям относимости, допустимости, достоверности и достаточности.

Но почему все же принята именно эта, а не иная система оценки доказательств и возможно ли в какой то человеческой деятельности принятия решений не по своему внутреннему убеждению. Да, вполне. Это бывает, когда имеется заранее заданное обязательное правило, четкий алгоритм действий. В наш модернизированный век такие ситуации встречаются часто-на транспорте, в строительстве. Существует множество правил, регламентирующих как следует поступать в той или иной ситуации, что вполне оправданно. Субъекту не нужно ломать голову, все рассчитано и выверено без него, поэтому никакого внутреннего убеждения от него не требуется. Всякий бухгалтер или прораб знает- действуй по инструкции и будешь прав.

Аналогично дело обстоит и в познавательном процессе. Там, где имеется четкое правило, жесткий алгоритм получения вывода и принятия решения, там нет места внутреннему убеждению.

Таким образом, возможны лишь две взаимоисключающие системы оценки доказательств- формальная и свободная, на основе внутреннего убеждения. Формализованный путь познания имеет целый ряд преимуществ. Он исключает или сводит к минимуму ошибки, не оставляет места субъективизму и произвольному усмотрению, и наконец, он более экономичен. Но все это верно лишь при одном условии-правильности алгоритма. Многовековая человеческая практика, однако, показывает, что создать такой алгоритм для уголовно-процессуального доказывания не возможно в принципе.

Как известно, формальная оценка доказательств, характерная для средневекового процесса в том и состояла, что каждое доказательство имело заранее определенную силу и заранее определялась их достаточная совокупность. К примеру, признание обвиняемого считалось самым совершенным доказательством, царицей доказательств, для признания обвиняемого виновным было достаточно двух согласных показаний незаинтересованных свидетелей, показания одного незаинтересованного свидетеля приравнивались к показаниям двух заинтересованных. Эта система была основана на приблизительных житейских презумпциях - что человек не станет оговаривать самого себя. Однако стоит отметить, что она была не надежна в чисто гносеологическом плане, давала большой процент судебных ошибок. Слишком далек был от совершенства применяемый алгоритм. Никогда нельзя исключать, что оба незаинтересованных субъекта могут давать по каким-либо причинам ложные показания или добросовестно заблуждаться. Каждое дело по своему неповторимо, поэтому формальная система оценки доказательств как гносеологический инструмент исторически себя не оправдал и была заменена свободной оценкой.

В последние десятилетия создались новые возможности для формализации процесса доказывания уже на ином, качественно новом уровне. В этом направлении сделано немало, особенно в области экспертного исследования доказательств, где создаются и широко применяются автоматизированные методики. Но, несмотря на отдельные элементы формализации, в целом, процесс доказывания остается содержательным. Более того, любые более или менее реальные перспективы его развития не дают оснований для каких-либо принципиальных изменений в этом вопросе.

В завершении отметим, что никакого универсального алгоритма, пригодного для всех случаев доказывания, не существует и вряд ли он когда-нибудь будет создан. Поэтому основой оценки доказательств остается внутреннее убеждение, как ее метод.

Список используемой литературы и источников

1. Ратинов, А.Р. Внутреннее убеждение при оценке доказательств. Теория доказательств в советском уголовном процессе [Текст] / А.Р.Ратинов. - М.,1973. - С.475.
2. Лупинская, П.А. Оценка доказательств. Уголовно-процессуальное право [Текст] / под ред. Лупинская П.А. - М.,1997.- С.162.
3. Чельцов, М.А. Советский уголовный процесс [Текст] /М.А.Чельцов. - М.,1957. - С.38.
4. Ульянова, Л.Д. Внутренне убеждение в условиях формирования и его роль в оценке доказательств [Текст] /Л.Д.Ульянова. - М.,1974.- С.52-58.
5. Орлов, Ю.К. Заключение эксперта как источник выводного знания в судебном доказывании [Текст]: дис...д-ра юрид. наук / Ю.К.Орлов.- М.,1985.- С.51.

УДК 343

К.В. Муравьев, д-р юрид. наук, доцент, начальник кафедры криминалистики Омской академии МВД России

ОПТИМИЗАЦИЯ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВИЛЬНОГО ПРИМЕНЕНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА

В статье автор акцентирует внимание на несовершенстве норм действующего законодательства, обозначает отдельные коллизии уголовно-правового законодательства, отмечает необходимость модернизации процедуры досудебного и судебного производства, предлагает пути реформирования соответствующих положений уголовного и уголовно-процессуального закона с точки зрения обеспечения справедливого правосудия по уголовным делам.

Ключевые слова: уголовно-процессуальный закон, уголовное право, доступ к правосудию.

OPTIMIZATION OF THE CRIMINAL PROCESS IN THE CONTEXT OF ENSURING THE CORRECT APPLICATION OF THE CRIMINAL LAW

In the article, the author focuses on the imperfection of the norms of the current legislation, denotes certain conflicts of the criminal law legislation, notes the need to modernize the pre-trial and trial procedures, suggests ways to reform the relevant provisions of the criminal and criminal procedure law from the point of view of ensuring fair justice in criminal cases.

Keywords: criminal procedure law, criminal law, access to justice,

Вот уже три десятилетия в Российской Федерации перманентно осуществляется судебная реформа. Бесспорно, имеются определенные достижения. Однако, как верно отмечает профессор Л.В. Головкин, внедрение большей части новаций не приводит к реальному улучшению работы уголовно-процессуальных институтов. Многие изменения незначительны по содержанию или по полученным правоприменительным результатам, фактически не подвергаются критическому и социологическому анализу *post factum*, что позволяет уходило от обсуждения успехов или неудач реформ, продолжая критиковать уголовно-процессуальную систему в силу якобы имманентно присущих ей негативных качеств [1, с. 74].

Большинство ученых-юристов склоняются к выводу о необходимости изменения подходов к реформированию уголовно-процессуального законодательства и принятию иного УПК РФ, взамен действующего [2; 3, с. 8; 4, с. 68; 5, с. 163]. Однако изданию нового закона обязательно должна предшествовать работа по определению его методологически верной концепции. На её основе возможно создание модели оптимального (эффективного и рационального) уголовного процесса, внедрение которой на нормативном уровне, в свою очередь, позволит получить соответствующие правоприменительные результаты.

Полагаем, что основой оптимизации уголовного процесса должен являться принцип единства законодательства уголовно-правового блока. При модернизации процедуры досудебного и судебного производства следует исходить из того, что уголовный процесс является формой применения уголовного закона, выступающей необходимой предпосылкой для исполнения санкций уголовно-правовых норм. Юридическая оценка содеянного последовательно проходит этапы от квалификации деяния, содержащего отдельные признаки состава преступления (при поступлении первичной информации), к уголовно-правовой оценке деяния, содержащего все признаки состава преступления (в решениях, оканчивающих досудебное производство), и до квалификации преступления (в обвинительном приговоре суда и последующих решениях). При учете санкций

уголовно-правовых норм в рамках уголовного судопроизводства применяются меры процессуального принуждения [6], а по его окончании назначается наказание или применяются иные меры уголовно-правового характера. Исходя из этого, действующие законодательные конструкции не должны создавать проблемы для правильной квалификации деяния и выбора справедливого уголовно-правового воздействия.

Вместе с тем, УПК РФ (в ч. 2 ст. 146) требует уже в постановлении о возбуждении уголовного дела указывать точные пункт, часть, статью УК РФ, на основании которых возбуждается производство. Данное обстоятельство в системе с чрезмерной дифференциацией процесса по предметному признаку и зависимостью его порядка от тяжести предполагаемого преступления требуют от правоприменителей смещения доказывания на этап, который предшествует первоначальной уголовно-правовой оценке деяния. Уголовный процесс перестает соответствовать критериям своевременности и наступательности, затрудняется доступ граждан к правосудию.

Наблюдается разбалансированность уголовно-процессуальной формы и в порядке уведомления преследуемых лиц о применении норм уголовного закона. С одной стороны, имеющиеся законодательные конструкции не способны в каждом случае своевременно обеспечить изобличаемым лицам должные процессуальные гарантии. С другой, УПК РФ содержит процедуры, предназначенные для корректировки квалификации содеянного в соответствии с вновь установленными фактическими обстоятельствами, такие, как изменение и дополнение обвинения, возвращение уголовного дела прокурору. Они требуют существенных затрат, а потому не являются рациональными.

Необходимы и симметричные меры – пересмотр формулировок норм Особенной части УК РФ с целью снижения уровня зависимости юридической оценки деяния, например, от различного рода экспертиз, существенно и нередко неоправданно загромождающих, удлиняющих и удорожающих процесс расследования. Чрезмерная градация уголовной ответственности на законодательном уровне не всегда оправдана [7, с. 3].

Таким образом, уголовный и уголовно-процессуальный кодексы должны развиваться не только системно и планомерно, но и параллельно, учитывая потребности и технические возможности друг друга [8, с. 77].

Обращаем внимание, что критические суждения высказываются не в меньшей степени и к действующему УК [9, с. 44-48; 10, с. 5-13]. Официальные лица страны выступают с предложениями о необходимости принятия в целом нового законодательства в области борьбы с преступностью [11]. В Совете Федерации создана межведомственная рабочая группа по мониторингу проблем в сфере уголовной политики; регулярно происходят парламентские слушания по актуальным вопросам, связанным с состоянием и перспективами российского «антикриминального» правового комплекса. Наиболее приемлемый вариант реализации комплексной уголовной политики (включая уголовно-правовое, уголовно-процессуальное, уголовно-розыскное, уголовно-исполнительное, уголовно-превентивное, уголовно-организационное её направления) – это синхронное и согласованное принятие новых Кодексов. Так было при одновременном их принятии в 1922 и 1960 гг. При формировании же нынешнего уголовно-правового блока эти традиции были нарушены, что послужило причиной масштабных коллизий, многие из которых не преодолены до сих пор.

Синхронное «рождение» новых УК, УПК, а также УИК само по себе не может гарантировать их непротиворечивость. Важно, чтобы согласованность проявлялась в адекватном нормативном отражении предметно-системных связей, которые устанавливаются между общественными отношениями, составляющими предмет уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного правового регулирования. У входящих в «уголовно-правовой блок» отраслей наличествуют собственный предмет регулирования, а следовательно, они самостоятельны; вместе с тем нормы каждого из законов не должны «вторгаться» в смежное законодательство, а тем более противоречить

ему [12]. Необходимость внутренней логической согласованности права, которое не опровергало бы само себя в силу внутренних противоречий, является важным системообразующим фактором.

Обратим внимание на отдельные коллизии, которые в настоящий момент содержит законодательство уголовно-правового блока:

1. В ст. 6 УПК РФ продекларировано, что уголовное судопроизводство имеет назначением защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений. Однако, УК РФ предусматривает ответственность за уголовные преступления, где конкретного потерпевшего вовсе нет (это посягательства против интересов государства, налоговые, некоторые экономические составы). Кроме того, любые преступления, даже если и направлены против конкретного лица, общественно опасны, т.е. причиняют вред всему обществу. Они ослабляют государство, вынуждают его отвлекаться от решения насущных социальных проблем, повышают нагрузку на государственный бюджет и т.п. Отсутствие в действующем УПК принципиальных положений о том, что уголовное судопроизводство, а значит и его средства, направлены на обеспечение правильного применения положений УК РФ, охраняющего интересы государства и общества от преступных посягательств, является существенным недостатком современного нормативного регулирования.

2. УПК РФ выделяет дела частного и частно-публичного уголовного преследования. При отсутствии заявления потерпевшего по этой категории дел предусматривается отказ в возбуждении или прекращение производства по п. 5 ч. 1 ст. 24 УПК РФ. Но в этих ситуациях решение об отказе государства от применения уголовно-правового воздействия не имеет какого-либо корреспондирующего основания в уголовном законе.

Кроме того, в ч. 2 ст. 20 УПК РФ закрепляется самостоятельное основание освобождения от уголовной ответственности – примирение потерпевшего по делу частного обвинения. Статья 76 УК РФ в данном случае не подлежит применению, поскольку не обязывает, а предоставляет уполномоченным органам право освобождения от ответственности. Кроме того, она предъявляет дополнительные условия для этого – совершение лицом преступления впервые и заглаживание причиненного потерпевшему вреда.

Таким образом, юридические факты, прекращающие уголовно-правовые отношения, регламентируются не материальным, а процессуальным кодексом. Для правильного отражения предметно-системных связей антикриминальных законов главу 11 УК РФ следует дополнить нормами, предусматривающими освобождение лица от уголовной ответственности в связи с отсутствием волеизъявления потерпевшего.

3. Еще один пример отсутствия стройности в системе законодательства уголовно-правового блока. В 2018 году были внесены изменения, связанные с регламентацией сроков домашнего ареста и новой меры пресечения – запрета определенных действий. В настоящий момент в ч. 10 ст. 109 УПК РФ отмечается, что в срок содержания под стражей засчитывается время запрета действий (из расчета два дня его применения к одному «стражному» дню) и домашнего ареста (без установления какой-либо формулы зачета). И только после обращения к ст. 72 УК РФ, можно уяснить, что время нахождения лица под домашним арестом засчитывается в срок содержания лица под стражей из расчета два дня к одному.

Ряд эпизодов «вторжения» в смежное законодательство, существенных коллизий, не говоря уже о мелких противоречиях, можно продолжить.

Вместе с тем одним из «пороков» современной государственной стратегии обеспечения криминологической безопасности является недостаточное внимание к вопросам уголовно-процессуального законодательства и деятельности. Так, весной 2012 г. Общественной палатой Российской Федерации разработана Концепция уголовно-правовой политики, в которой при провозглашении целей, задач и определении основных её направлений о взаимосвязи с уголовно-процессуальной политикой даже не упоминается

[13, с. 4-12]. На парламентских слушаниях 5 апреля 2017 г. Центром стратегических разработок представлена дорожная карта уголовной политики [14]. В документе обозначен правильный тезис о том, что уголовная политика в её комплексном понимании предполагает параллельный анализ и при необходимости корректировку уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства. Однако высказав удовлетворенность современными конструкциями уголовно-процессуального закона в целом и отметив, что действующий УПК создает действенный механизм справедливого и законного разрешения дел с искаженной в ряде случаев практикой его применения, авторы посчитали необходимым обсудить лишь некоторые «крупные корректирующие шаги, направленные на совершенствование уголовного судопроизводства». Не случайно по результатам обсуждения дорожной карты в адрес её разработчиков высказаны критические замечания. В частности, Уполномоченный по правам человека в РФ Т.Н. Москалькова отметила, что «уголовная политика в этом труде отражена не в полной мере», поскольку не затрагивает области «уголовно-процессуальной науки и практики, уголовно-исполнительного законодательства и тем более криминологии и криминалистики» [15].

Таким образом, оптимизация уголовного процесса невозможна без концептуального понимания того, что целью уголовного судопроизводства является результат «правильного» применения норм уголовного кодекса, т.е. такого – при котором лица, совершившие запрещенные уголовным законом деяния, подвергнуты справедливому уголовно-правовому воздействию и не один невиновный не осужден и (или) ограничен в правах и свободах. При определении комплекса правовых и организационных мер, направленных на повышение эффективности и рациональности деятельности уполномоченных государственных органов и должностных лиц по применению норм УК, обязательно должен учитываться принцип единства законодательства уголовно-правового блока. Пленарный подход, учет национальных традиций и комплексность реформирования, на наш взгляд, позволят прийти к завершённой, стабильной и институционально непротиворечивой нормативной модели уголовного судопроизводства, рассчитанной на длительное применение [1, с. 82].

Список используемой литературы и источников

1. Головкин, Л.В. Уголовное судопроизводство в условиях перманентной судебной реформы [Текст] / Л.В.Головкин // Закон. – 2019.- № 4.- С. 67-82.
2. России нужен новый УПК // Известия. - 2006. - 30 авг.
3. Азаров, В.А. Уголовно-процессуальная идеология и одноименная фразеология [Текст] / В.А.Азаров // Вестник Оренбургского государственного университета.-2006. - № 3. - С. 4-8.
4. Зайцев, О.А. К вопросу о необходимости принятия нового Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Текст] /О.А.Зайцев // Вестник КРАГСиУ. Серия «Государство и право». - 2014. -№ 18. -С. 66-68.
5. Шадрин, В. С. Уголовно-процессуальная политика и уголовно-процессуальное право. Ч. 2 [Текст] / В.С.Шадрин // Рос. журнал правовых исследований.- 2015. -№ 3 (4). -С. 163-165.
6. Муравьев, К.В. Меры процессуального принуждения – особые средства уголовно-правового воздействия[Текст]: монография. - Омск, 2017. - 228 с.
7. Гуляев, А. П. Концепция реформирования предварительного расследования преступления [Текст] / А.П.Гуляев // Рос. следователь. - 2012. - № 11. - С. 2-4.
8. Головкин, Л. В. Необходимость принятия организационных мер по преодолению негативных тенденций развития уголовного и уголовно-процессуального законодательства [Текст] / Л.В. Головкин // Закон.- 2012. - № 9. - С. 70-82.

9. Наумов, А. В. Проблемы кодификации российского уголовного законодательства: новый Уголовный кодекс или новая редакция Кодекса? [Текст] / А.В.Наумов // Уголовное право. - 2009. - № 4. - С. 44-48.

10. Лопашенко, Н.А. О доктринальных предпосылках создания нового уголовного закона [Текст] / Н.А.Лопашенко // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. - 2014. - № 4. - С. 5-13.

11. Крашенинников, П. Пора писать новый Уголовный кодекс [Текст] / П.Крашенинников // Рос. газета. - 2014. - 13 февр.

12. Гончаров, Д.Ю. Взаимосвязи и коллизии норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук /Д.Ю.Гончаров. - Екатеринбург, 2004. - 187 с.

13. Бабаев, М., Пудовочкин, Ю. Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации [Текст] / М.Бабаев, Ю. Пудовочкин // Уголовное право.- 2012. - № 4. - С. 4–12.

14. Есаков, Г.А., Долотов, Р.О., Филатова, М.А. и др. Уголовная политика: дорожная карта (2017 – 2025 гг.) [Текст] / Г.А.Есаков, Р.О. Долотов, М.А.Филатов. - М., 2017.- 73 с.

15. Юристы раскритиковали доклад Центра стратегических разработок [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://kommersant.ru/doc/3262653>. Дата обращения: 15.05.2017.

УДК 343.14

М.В. Муравьев, ГУ МВД России по Нижегородской области, старший оперуполномоченный по особо важным делам УЭБ и ПК, адъюнкт заочной формы обучения по кафедре уголовного процесса Нижегородской академии МВД России
Научный руководитель: В.В. Терехин, д-р юрид. наук, профессор

ФОРМИРОВАНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ НА ОСНОВАНИИ МАТЕРИАЛОВ, ПОЛУЧЕННЫХ В РЕЗУЛЬТАТЕ ГЛАСНОГО ОБСЛЕДОВАНИЯ ПОМЕЩЕНИЯ

В российской уголовно-процессуальной системе основным способом получения доказательств являются следственные действия. Между тем, на практике гласные оперативно-разыскные мероприятия также превратились в средство получения доказательственной информации. Недостаточная правовая регламентация порядка проведения гласного обследования помещения снижает его эффективность. Мерами по усилению юридического и информационного потенциала этого правового инструмента могли бы стать, во-первых, усиление прокурорского надзора, а во-вторых, следственного судьи.

Ключевые слова: гласные оперативно-разыскные мероприятия, следственные действия, прокурор, следственный судья

GENERATING EVIDENCE IN A CRIMINAL CASE BASED ON MATERIALS OBTAINED AS A RESULT OF A PUBLIC EXAMINATION OF THE PREMISES

In the Russian criminal procedure system, the main way to obtain evidence is through investigative actions. Meanwhile, in practice, vowels of operational investigative measures have also become a means of obtaining evidence-based information. Insufficient legal regulation of the procedure for conducting a public examination of the premises reduces its effectiveness. Measures to strengthen the legal and informational potential of this legal instrument could be, firstly, strengthening prosecutorial supervision, and secondly, an investigating judge.

Keywords: *vowels of operational-search measures, investigative actions, prosecutor, investigating judge*

В нашем уголовно-процессуальном праве воплощена следственная доктрина формирования доказательств, в том числе и на основе материалов, полученных оперативно-разыскным путем.

Согласно действующему законодательству материалы, получаемые в ходе оперативно-разыскной деятельности, могут стать доказательствами после их проверки посредством проведения следственных действий в ходе предварительного или судебного следствия (статья 89 УК РФ).

Без проверки следователем, дознавателем информации, полученной с помощью оперативно-разыскных мероприятий, и ее фиксации или подтверждения ее достоверности в протоколах следственных действий, доказательство не может «превратиться» в полноценное средство доказывания.

Не являются в этом плане исключением и материалы, полученные в при проведении гласных оперативно-разыскных мероприятий. Несмотря на большое сходство по способу проведения и фиксации результатов со следственными действиями, они таковыми формально не являются. Потому их результаты остаются своего рода «неполными доказательствами», недопустимыми для установления следователем (судом) фактических обстоятельств дела, имеющих существенное значение для принятия процессуальных решений.

В теории уже давно ставится вопрос о приравнивании результатов гласных оперативно-разыскных мероприятий в виде протоколов и приложений к ним к следственным действиям и рассмотрении их в качестве «готовых» уголовно-процессуальных доказательств [5, С. 77–81].

В пользу такой позиции можно истолковать смысл формулировки, использованной законодателем в новой редакции части первой статьи 144 УПК РФ, а именно: «искребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном настоящим Кодексом». В стадии возбуждения уголовного дела «гласное обследование помещения», проводимое для обнаружения и изъятия документов и предметов, вполне укладывается в эту формулировку. Такая логика приводит некоторых исследователей к выводу о том, что гласное обследование помещений, наряду с таким следственным действием как осмотр места происшествия, помещения, позволяет как минимум получить в качестве вещественных доказательств предметы, документы, включая электронные носители информации [9, С. 123-124].

Таким образом, в уголовно-процессуальной теории есть тенденция к приравниванию такого гласного оперативно-разыскного мероприятия, как обследование помещений к следственному действию, к «легальному» способу получения доказательств по уголовному делу. На практике это, надо прямо признать, иногда означает фактическое проведение обыска под видом гласного обследования помещения. Против чего, естественно, резко протестуют представители предпринимательского сообщества и защищающие их интересы юристы [7, С. 47-49]. Надо признать, что на их стороне следственная теория уголовно-процессуальных доказательств, общий смысл нашего законодательства и позиция большинства представителей научного сообщества.

В настоящее время кодекса не регламентируется проведение оперативно-разыскных мероприятий. Их нормативно-правовой базой является ФЗ «Об оперативно-разыскной деятельности» [1] (далее – ФЗ «Об ОРД»), где в пункте восьмом части первой статьи шестой предусмотрено анализируемое нами оперативно-разыскное мероприятие. Гласное обследование помещений регулируется не уголовно-процессуальными нормами, а нормами этого федерального закона и нормами специальной Инструкции, регламентирующей порядок проведения и оформления результа-

тов проведения гласного обследования сотрудниками оперативных подразделений органов внутренних дел [2].

Буквальное толкование смысла этих нормативно-правовых актов не дает доводов в пользу точки зрения на превращение гласного обследования помещений в разновидность следственного действия, о чем мы неоднократно писали в наших ранее опубликованных статьях [8, С. 141–143].

Более того, в результате обострения проблемы обеспечения прав предпринимателей усилился следственный стандарт обеспечения прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности, в отношении которых осуществляется уголовное преследование.

Подтверждением тому является позиция Пленума Верховного Суда РФ, который в своем постановлении от 15.11.2016 № 48, специально подчеркнул, что результаты гласных оперативно-разыскных мероприятий, включая гласное обследование производственных помещений, зданий, сооружений, могут стать основанием для формирования уголовно-процессуальных доказательств только при условии соблюдения положений статей 75 и 89 УПК РФ, имущественных и иных прав и свобод предпринимателей [3, пункт 5].

В указании Генерального прокурора России от 01.12.2017 № 815/36 подчеркивается необходимость обращать особое внимание на правомерность изъятия предметов, документов, компьютерной техники и носителей информации при проведении гласных оперативно-разыскных мероприятий по обследованию помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств, проведенных в отношении субъектов предпринимательской деятельности [4, пункты 1.12, 1.13].

Очевидно, на данном этапе правового развития следует ставить вопрос только об оптимизации существующей модели превращения результатов оперативно-разыскной деятельности, в том числе материалов полученных в ходе проведения гласного обследования помещений в следственные уголовно-процессуальные доказательства.

В этой связи заслуживает поддержки предложение об усилении прокурорского надзора за соблюдением законодательства при проведении гласного обследования помещения. Его инициаторы выступают за то, чтобы дополнить статью 6 ФЗ «Об ОРД» положением о наделении уполномоченного прокурора давать согласие на проведение гласного оперативно-разыскного мероприятия обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств [6, С. 31-34].

На наш взгляд, данное предложение могло бы быть реализовано в комплексе с введением института следственных судей в досудебное производство. Полагаем, что в случае не терпящем отлагательства гласное обследование помещения, в котором осуществляется предпринимательская деятельность, могла бы санкционировать прокуратура. Во всех прочих случаях вопрос о проведении такого гласного оперативно-разыскного мероприятия должен решаться через следственное судью.

Список используемой литературы и источников

1. «Об оперативно-разыскной деятельности» [Текст]: федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 02.08.2019) // Собрание законодательства РФ.– 1995. – № 33. – Ст. 3349.

2. «Об утверждении Инструкции о порядке проведения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации гласного оперативно-разыскного мероприятия обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств и Перечня должностных лиц органов внутренних дел Российской Федерации, уполномоченных издавать распоряжения о проведении гласного оперативно-разыскного мероприятия обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» [Текст]: приказ МВД России от 01.04.2014 N 199

(ред. от 17.04.2017) (Зарегистрировано в Минюсте России 21.05.2014 № 32369)//Российская газета. – 2014. – 28 мая. – № 118

3. «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» [Текст]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2016 № 48 // Российская газета. – 2016. – 24 ноября. – № 266.

4. «Об усилении прокурорского надзора за соблюдением прав субъектов предпринимательской деятельности на досудебных стадиях уголовного судопроизводства и при осуществлении оперативно-розыскной деятельности» [Текст]: указание Генпрокуратуры России от 01.12.2017 № 815/36 // <http://www.consultant.ru/law/>.

5. Александров, А.С., Терехин, В.В., Кухта, А.А. О правовом значении результатов гласных оперативно-розыскных мероприятий для уголовного дела и реформы досудебного уголовного процесса [Текст] / А.С.Александров, В.В.Терехин, А.А.Кухта // Уголовное право. – 2009. – № 6. – С. 77–81.

6. Багаутдинов, Ф.Н., Нуриев, Т.М. Актуальные проблемы защиты прав предпринимателей при осуществлении оперативно-розыскной деятельности [Текст] / Ф.Н.Багаутдинов, Т.М.Нуриев // Законность. – 2017. – № 3. – С. 31–34.

7. Гетманов, А.С. Уголовная ответственность руководителей предприятий: правовой анализ и практические советы [Текст] / А.С.Гетманов. – М.: Редакция «Российской газет», 2019. – Вып. 5. – С. 47–49.

8. Муравьев, М.В. О пересмотре правовых стандартов доказывания и доказательств в уголовном процессе [Текст] / М.В.Муравьев // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2017. – № 2 (38). – С. 141–143.

9. Ураков, Д.И. Уголовное преследование по уголовным делам о мошенничестве в сфере экономической деятельности [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук /Д.И.Ураков. – Н. Новгород, 2017. – С. 123–124.

УДК 343.13

И.В. Назаренко, А.В. Смирнова, студенты юридического факультета ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (г. Курск), irina-nazarenko-2011@mail.ru

Научный руководитель: Д.О. Чистилина, старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (г. Курск)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ГРАЖДАН В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В данной статье рассматриваются основные проблемные аспекты защиты прав граждан в уголовном судопроизводстве и причины, способствующие их нарушению.

Ключевые слова: уголовный процесс, защита, права, подозреваемый, обвиняемый, защитник.

ACTUAL PROBLEMS OF PROTECTION OF THE RIGHTS OF CITIZENS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

This article discusses the main problematic aspects of the protection of citizens' rights in criminal proceedings and the reasons contributing to their violation.

Keywords: criminal procedure, defense, rights, suspect, accused, defender.

Установление конституционной обязанности государства по признанию, соблюдению и защите прав человека и гражданина закрепленной в статье 2 Конституции Российской Федерации требует применения наиболее эффективного комплекса мер, на-

правленных на обеспечение личной и имущественной безопасности участников уголовного процесса.

Проблема защиты прав человека в уголовном процессе в настоящее время является актуальной задачей юридической науки. Одной из основных проблем в сфере защиты прав человека является определение самого понятия защиты прав личности в уголовном процессе.

В уголовно-процессуальном смысле защита рассматривается как функция, состоящая в опровержении или ослаблении обвинения (подозрения), то есть ее в полной мере имеют возможность реализовать обвиняемый, подозреваемый и защитник.[2,С.124]

Основным принципом защиты прав граждан в уголовном процессе является презумпция невиновности, согласно которой каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда. При этом обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность при судебном разбирательстве, так как эта деятельность может быть поручена защитнику (причем если того желает сам подзащитный), то есть законному представителю, способному отстаивать интересы обвиняемого в зале суда [5, 152–155].

В Конституции отражены положения, связанные с определением действий суда в отношении ограничения конституционных прав и свобод граждан, а именно производство некоторых процессуальных действий, таких как наложение ареста на почтовую телеграфную корреспонденцию, заключение под стражу, допускается лишь в том случае, когда имеется судебное решение, разрешающее производство этих действий, в иных случаях, их производство будет считаться нарушением прав граждан.

Необходимо также отметить и то, что эффективной защите конституционных прав и свобод граждан в сфере уголовного судопроизводства может способствовать введение требования обязательного приведения в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого основных доказательств, на которых оно основывается. Действующий закон говорит о необходимости мотивировать постановление о привлечении в качестве обвиняемого, то есть в постановлении должны быть указаны обстоятельства совершения преступления. Последствием неприведения самих доказательств будет являться то, что обвиняемый и его защитник лишатся возможности осуществлять действительную защиту от предъявленного обвинения [4, С.12–14]. Введение в закон предлагаемого решения позволит более эффективно защищать законные интересы обвиняемого и в кратчайшие сроки показать несостоятельность обвинения, если оно таковым является.

Защите прав граждан в судебном разбирательстве способствует также принцип свидетельского иммунитета, закрепленный в Конституции (ст.51). Данный принцип означает, что никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников, круг которых определяется федеральным законом.

Защита прав граждан должна осуществляться не только в процессе судебного разбирательства, но и на досудебных стадиях, когда только начинается процесс сбора доказательств и т.д. Это связано, прежде всего, с тем, что часто нарушения обнаруживаются уже на досудебной стадии, а граждане имеют право на защиту без ограничений по стадиям уголовного процесса.

Защита конституционных прав граждан в уголовном судопроизводстве определяет смысл процессуального законодательства. Именно поэтому применительно к роли прокурора, следователя, дознавателя государственный интерес заключается в реализации прав человека и гражданина независимо от того, какое процессуальное положение занимает субъект, является ли он потерпевшим либо подозреваемым (обвиняемым).

Практика прокурорского надзора свидетельствует о существенных сдвигах механизма такой защиты. Число выявленных нарушений в действиях органов следствия и дознания имеет тенденцию к постоянству, в некоторых периодах даже к увеличению.

Основными причинами нарушения прав граждан в уголовном процессе являются следующие:

1) формирование незаконно полученной доказательственной базы по уголовным делам - граждане попросту принуждаются к оговору, к ним применяется насилие, психологическое давление;

2) непрофессионализм отдельных сотрудников, причинами такого положения являются системные управленческие сбои, а также пробелы в законодательном регулировании [1, С.57].

Один из основных факторов, подталкивающих недобросовестных сотрудников к применению незаконных методов дознания и следствия - упрощенная, основанная исключительно на статистических показателях система ведомственной оценки работы правоохранителей.[3, С.63] Именно этим объясняются попытки добиться от человека признания в том, чего он не совершал, т.е., не утруждая себя работой, как можно скорее отрапортовать о раскрытии преступления. Такое отношение к службе в угоду созданию искусственных показателей успешной работы отнюдь не редкость и не всегда пресекается непосредственными руководителями.

Решить эту проблему можно, только избавив сотрудников от статистического прессинга, зависимости их служебного положения от "красоты" общих показателей раскрываемости преступлений. Именно введение объективных критериев оценки результатов служебной деятельности позволит раз и навсегда отбить желание "лакировать" статистику, в том числе путем фальсификации доказательств и документов, укрытия от учета сложных в раскрытии преступлений.[2,С.124]

Для этого стоит учесть международный опыт, максимально упростить показатели оценки, обеспечить их неразрывную связь с общественным мнением и отношением граждан к работе правоохранительных органов.

Прежде всего, речь может идти об отношении к повседневной работе: своевременности принятых мер, их полноте, качестве, правильности принимаемых решений, в том числе по квалификации действий, недопустимости ее искусственного завышения или занижения и т.п.

Важнейшим критерием, по которому можно будет судить о сотруднике правоохранительных органов, должна стать законность его действий.

Например, деятельность оперуполномоченного не может быть признана положительной, если он незаконно отказал в принятии хотя бы одного заявления о преступлении, вне зависимости от того, сколько криминальных посягательств им раскрыто. В этом случае каждый из ответственных должностных лиц будет знать, что любое нарушение прав гражданина перечеркнет все его достижения по службе, а, следовательно, "поставит крест" на карьерном росте, получении премий, наград и т.п. В любом случае система оценки должна мотивировать сотрудников правоохранительных органов на добросовестное выполнение своих задач, а не на имитацию отчетности.

Другим критерием, стимулирующим к принятию оперативных мер к защите граждан, может быть также скорость реакции на правонарушения, их пресечение на стадии приготовления, возмещение ущерба применительно к каждому делу, а не общему массиву посягательств, как сейчас, и т.п.

Осуществление эффективной защиты прав граждан является неременным условием существования правового. Граждане имеют право на защиту также в ходе уголовного судопроизводства, для того, чтобы быть уверенным в том, что в отношении них не будет нарушен какой-либо из принципов уголовного процесса. Основные причины нарушения права гражданина на защиту это формирование незаконно полученной доказательственной базы по уголовным делам и непрофессионализм отдельных сотрудников. При осуществлении контроля в отношении данных обстоятельств возможно устранить пробел, связанный с нарушением прав граждан в уголовном судопроизводстве.

Список используемой литературы и источников

1. Буфетова, М.Ш. Проблемы реализации права на защиту в современном уголовном судопроизводстве [Текст] / М.Ш.Буфетова // Глаголь правосудия. - 2016. - №2(12). - С.56-59.

2. Иванов, И.И. Актуальные проблемы уголовно-процессуального права [Текст] / И.И.Иванов // Актуальные вопросы современного права: пути теоретического и практического решения проблем. -2018. - №36.- С.123-130.

3. Цибарт, К.С. Нарушение прав подозреваемого на стадии предварительного расследования [Текст] / К.С. Цибарт // Научное обозрение. Педагогические науки. - 2019. - №4-2.- С.61-63.

4. Чеботарева, И.Н. Средства и способы участия адвоката-защитника в доказывании по уголовным делам [Текст] / И.Н.Чеботарева //Мировой судья. - 2011. - № 9. - С. 12-14.

5. Чистилина, Д.О. Адвокатское расследование по уголовным делам и бесплатная квалифицированная юридическая помощь: финансирование как проблема и пути ее решения [Текст] / Д.О. Чистилина // Библиотека криминалиста. Научный журнал. - 2017. - №1(30). - С.152-157.

УДК 347.9

*Н.Р. Нариманова, канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного права и процесса
Ставропольского института кооперации (филиала) БУКЭП*

ОСНОВНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ СУДЕБНЫХ ПРИСТАВОВ И КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА

В статье освещены показатели деятельности Федеральной службы судебных приставов, проанализированы критерии оценки эффективности исполнительного производства, раскрыты проблемные аспекты исполнения судебных решений, возникающие на практике.

Ключевые слова: исполнительное производство, критерии, показатели, обязательства, судебное решение, эффективность.

KEY PERFORMANCE INDICATORS OF THE FEDERAL BAILIFF SERVICE AND CRITERIA FOR ASSESSING THE EFFECTIVENESS OF ENFORCEMENT PRO- CEEDINGS

The article highlights the performance indicators of the Federal bailiff service, analyzes the criteria for assessing the effectiveness of enforcement proceedings, reveals the problematic aspects of the execution of judgments arising in practice.

Keywords: enforcement proceedings, criteria, indicators, obligations, judgment, efficiency.

Эффективное правосудие не может существовать и без эффективного исполнения судебных решений, поскольку в противном случае оно полностью теряет смысл. В целом под «эффективностью» понимается результативность правового воздействия. Данное определение, в полной мере касается и исполнения судебных решений, осуществляемого судебными приставами-исполнителями.

По нашему мнению, эффективность исполнения судебных решений должна состоять из четырех составляющих: 1) правильной организации работы судебных приставов-исполнителей; 2) наличия идеального процессуального механизма, способного обеспечить выполнение поставленных задач; 3) высокого профессионализма судебных приставов, не допускающего в своей деятельности профессиональных и процессуальных ошибок; 4) морального облика судебных приставов и осознание ими ответственности

за принимаемые решения. Полагаем, что при отсутствии в этой системе хотя бы одного из элементов вся система судебных приставов будет давать сбои, и деятельность судебных приставов будет неэффективна.

Согласно точке зрения известного теоретика В.В. Лазарева, в качестве критериев эффективности выступают не только показатели, составляющие оценку достижения цели, но и средства ее достижения [5, с.97]. Следовательно, на наш взгляд можно выделить несколько элементов обеспечения исполнения судебных решений, эффективность которых и должна сказываться на эффективности исполнения судебных решений.

Во-первых, формально-юридический блок, т.е. система нормативно-правового регулирования исполнения судебных решений, да и в целом исполнительного производства. Ссылаясь на теоретиков права, можно указать, что «эффективность, понимаемая как соотношение между фактически достигнутым результатом действия нормы и той целью, для достижения которой соответствующая норма была принята. Первый компонент этого соотношения – фактически достигнутые результаты действия нормы – является эмпирическим, а второй компонент – цели – представляет собой реализацию определенных положений, выводов науки в правотворческой и правоприменительной практике» [6, с.431]. Безусловно, динамика развития общественных отношений требуют научно-обоснованной правотворческой деятельности, направленной на совершенствование процедуры исполнительных действий. «Право вынуждено непрестанно приспосабливаться к ситуации, чтобы сохранить свою эффективность перед лицом социальных преобразований» [3, с. 147]. Вместе с тем, частые изменения в законодательстве свидетельствуют об отсутствии стабильности регулирования общественных отношений, обусловленном, в числе прочих, отсутствием научно-обоснованной концепции. В частности, за двенадцать лет существования Федерального закона «Об исполнительном производстве» [1], в него было внесено более 50 изменений.

Говоря об эффективности нормативно-правового обеспечения исполнительного производства необходимо затронуть следующий аспект. Процесс правосудия в обществе базируется, с одной стороны, на деяниях и поведении граждан, с другой стороны, на эффективности судебных процедур, в том числе связанных с исполнением судебных решений. Жан-Луи Бертельс полагает, что в противоположность обычаю, эффективность закона зависит от того, «принят» ли он, есть ли согласие его принять на уровне социальной группы и юридического сообщества [3, с.147]. Отталкиваясь от данной мысли, следует указать, что критерием оценки эффективности исполнения судебных решений является, в том числе, уровень развития правосознания в обществе.

В качестве второго блока, определяющего эффективность исполнения судебных решений, необходимо выделить организационный, который характеризует эффективность механизма исполнительного производства. Данный блок, обеспечивающий динамику норм права, означает деятельность самих органов по совершению исполнительных действий. Поскольку при рассмотрении организационного блока можно опираться на статистические данные, показатели деятельности ФССП, остановимся на их анализе.

Самым простым критерием оценки эффективности ФССП является анализ соотношения сумм, направляемых на обеспечение деятельности ФССП и сумм принудительного взыскания, т.е. реализация принципа «самоокупаемости». В частности, в 2018 году судебными приставами-исполнителями взыскано 301 804 752, 0 тыс. рублей, в том числе доходы федерального бюджета от взыскания исполнительского сбора составили 7 662 778, 0 тыс. рублей [4].

Приказом Министерства юстиции РФ «Об утверждении плана работы и показателей деятельности Федеральной службы судебных приставов на 2018 год» № 60 [2] утверждена методика расчетов, используемых в системе оценки эффективности деятельности территориальных органов Федеральной службы судебных приставов. Под системой оценки эффективности деятельности ФССП, в первую очередь понимается, совокуп-

ность взаимосвязанных и взаимодополняющих показателей, характеризующих деятельность ФССП и позволяющих определить результатов работы и произвести оценку этих результатов.

Важно также отметить, что эффективность деятельности ФССП оценивается по направлениям «Организация дознания» «Организация исполнительного производства», «Организация обеспечения установленного порядка деятельности судов», и «Организационно-управленческая деятельность». Также для итоговой оценки эффективности применяются показатели, отражающие состояние и результаты работы по отдельным направлениям деятельности.

Результатом оценки эффективности деятельности является формирование рейтинга эффективности. Рейтинг формируется как по всем направлениям вместе, так и по каждому направлению в отдельности. Итоговый рейтинг формируется путем ранжирования территориальных органов. Ранжирование осуществляется сначала по количеству невыполненных прогнозных и плановых значений основных показателей, затем - дополнительных показателей, а затем по набранной сумме мест в группе территориальных органов, не выполнивших одинаковое количество показателей.

Таким образом, доля фактического исполнения исполнительных документов рассчитывается от общего числа производств, которые находились на исполнении. То есть, если например, на исполнении находятся 100 исполнительных листов, то необходимо подсчитывать, сколько из них окончено фактическим исполнением. В этом плане индикаторные показатели государственной программы «Юстиция» составляет 50%. Иными словами, судебные приставы должны достигнуть 50-процентного фактического исполнения документов. Бесспорно, рубеж поставлен очень высокий. Средняя исполняемость судебных решений в Европе составляет около 25-35%. Самая высокая исполняемость требований исполнительных документов в Израиле. Она достигла 60%. Но, с другой стороны, там применяются и самые жесткие меры к должникам. Это блокировка абсолютно всех финансовых документов с момента возбуждения исполнительного производства, ограничение специальных прав, запрет на выдачу загранпаспорта, арест в онлайн-режиме всех счетов, отсутствие срока давности на исполнение требований исполнительных документов.

ФССП России не ставит задачу 100-процентного исполнения судебных решений. Существует множество оснований, объективно обуславливающих невозможность исполнения судебных решений в полном объеме. Например, у должника нет имущества, следовательно, арестовать и взыскать у него нечего. Так, в Бурятии гражданин А. без определенного места жительства непогашенной сигаретой сжег 10 га леса. Было вынесено судебное решение на 580 млн. руб.[7]. В то же время, этот ущерб неисполним. Получается, есть и такая категория исполнительных документов, которые просто не могут быть исполнены.

Продолжая анализировать критерии оценки эффективности, исполнения судебных решений, целесообразно отметить результаты деятельности ФССП России по Ставропольскому краю за 2018 год. Так, всего на исполнении находилось 803 780 исполнительных производств, из которых остаток неоконченных производств составляет 47,0%.

Устойчивой тенденцией продолжает оставаться повышение нагрузки – 231,6 исполнительных производств в месяц на одного судебного пристава-исполнителя (в 2017 году – 217).

Продолжая анализ статистических данных, нельзя не отметить, что укомплектованность Управления по состоянию на 01.01.2019 составила 94,0%, текучесть кадров составила 24,98 (в 2018 году - 20,86)%.

Следует отметить, что в настоящее время система исполнения судебных решений сталкивается с главной проблемой – ростом нагрузки на судебного пристава. По нашему мнению, это нормальный процесс на пути становления правового государства.

Тем не менее, можно утверждать, что основными причинами столь низкой эффективности исполнения судебных решений являются как социально-экономическое положение в стране, не всегда высокая квалификация судебных приставов-исполнителей, так и очевидные законодательные пробелы и недоработки. Проводя поспешные преобразования, в экономической сфере, государство должно было, в частности, прогнозировать, что либерализация хозяйственных отношений приведет к необходимости разрешать споры, возникающие в хозяйственной практике, исполнять судебные решения. Однако с самого начала реформ власть упустила инициативу в этой области. Система исполнения решений по гражданским и арбитражным делам длительное время вообще не реформировалась, отсутствовал принципиально новый законодательный механизм – все это и привело к нарастающей неадекватности исполнительного производства потребностям гражданского оборота.

Анализ Приказов Минюста и ФССП об утверждении планов работы и показателей деятельности Федеральной службы судебных приставов на предстоящие годы позволяет утверждать, что в основу системы оценки эффективности территориальных органов положен расчет баллов при выполнении прогнозных, плановых и среднероссийских значений показателей. В конечном счете, сумма баллов по всем направлениям деятельности определяет место территориального органа в итоговом рейтинге.

По нашему мнению, для оценки качества планов целесообразно иметь совокупность показателей, определяющих их реальность и напряженность. «Реальность планов» представляет собой необходимость их осуществления в ближайший отрезок времени. А «напряженность» является оценочным показателем качества планов. Основным показателем, на базе которого осуществляется оценка эффективности по определенному показателю, является достигнутый результат или процент выполнения планового значения показателя. На современном этапе плановые показатели деятельности территориального органа утверждаются сверху центральным аппаратом ФССП России. При этом значение планового показателя может быть существенно ниже среднероссийского значения.

Достигнутый результат рассчитывается по плановому значению. Получается, что территориальный орган, имеющий заниженное плановое значение показателя, обеспечивает его перевыполнение и получает высокую оценку своей деятельности, а территориальный орган, имеющий напряженное значение показателя и получивший более скромный результат, может получить самую низкую оценку. Устранением отмеченного недостатка может быть введение коэффициента напряженности планирования.

«Коэффициент напряженности планирования». Алгоритм формирования показателя: $K_{\text{нп}} = P_{\text{знач}} / \Phi_{\text{знач}}$, где: $K_{\text{нп}}$ - коэффициент напряженности планирования; $P_{\text{знач}}$ - планируемое значение показателя для территориального органа; $\Phi_{\text{знач}}$ - фактическое значение показателя по России.

Конечное значение балла, полученное при оценке эффективности деятельности территориального органа по данному показателю, корректируется с учетом коэффициента напряженности. Так, $K_{\text{зб}} = P_{\text{б}} * K_{\text{нп}}$, где: $K_{\text{зб}}$ – конечное значение балла; $P_{\text{б}}$ - полученный балл; $K_{\text{нп}}$ - коэффициент напряженности планирования.

Например, территориальный орган ФССП России получил низкий балл по показателю - 2, $K_{\text{нп}} = 6,6\% / 5,8\% = 1,137$, т.е. превысил среднероссийское значение. Затем вычисляется конечное значение балла для территориального органа первого субъекта Федерации: $2 * 1,137 = 2,274$. Бесспорно, территориальный орган первого субъекта Федерации получает более высокое конечное значение балла за счет принятия более напряженного плана.

Допустим, территориальный орган ФССП России получил высокий балл по показателю - 4, $K_{\text{нп}} = 0,8\% / 4,8\% = 0,166$, т.е. значительно ниже среднероссийского значения.

Затем вычисляется конечное значение балла для территориального органа второго субъекта Федерации: $4 * 0,166 = 0,66$. В этом случае территориальный орган второго субъекта Федерации получает более низкий конечный балл за счет принятия заниженного планового задания.

Предлагаемый подход к расчету баллов по основным показателям деятельности территориальных органов ФССП России делает систему оценки более полной и стимулирует к установлению более напряженных плановых заданий, что, несомненно, повысит эффективность работы ФССП в целом.

Список используемой литературы и источников

1. «Об исполнительном производстве» [Текст]: федеральный закон РФ от 02 октября 2007 г. № 229-ФЗ (ред. от 01.10.2019г.) // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант»
2. «Об утверждении плана работы и показателей деятельности Федеральной службы судебных приставов на 2018 год» [Текст]: приказ Министерства юстиции РФ от 29 марта 2018 г. № 60 // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант»
3. Бергель, Ж.Л. Общая теория права: пер. с франц. [Текст] / под ред. В.И. Даниленко. – М.: NOTA BENE, 2000. – 290 с.
4. Движение денежных средств по исполнительным документам, находившимся в отчетном периоде в производстве судебных приставов-исполнителей (в тыс. руб.) / Ведомственная статистическая отчетность за 2018 год [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://fssprus.ru/statistics/> (дата обращения: 27.09.2019).
5. Лазарев, В.В. Эффективность правоприменительных актов. (Вопросы теории) [Текст] / В.В.Лазарев. - Казань, Изд-во Казанского университета, 1975. – 194 с.
6. Сырых, В.М. Логические основания общей теории права [Текст]: В 2 т. Т. 1: Элементный состав. 2-е изд., испр. и доп. - М.: Юридический Дом «Юстицинформ», 2010. – 540 с.
7. Архив Иволгинского мирового суда Республики Бурятия [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://ivolginzky.bur.sudrf.ru/> (дата обращения: 25.09.2019).

УДК.343.132

**И.А. Насонова, профессор, д-р юрид. наук, профессор кафедры уголовного процесса
ВИ МВД России (E-mail: nasonova-amelina@mail.ru)**

Р.Ю. Малуева, адъюнкт института МВД России (E-mail: malueva8787@mail.ru)

КАТЕГОРИЯ «СОГЛАСИЕ» В КОНТЕКСТЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОСМОТРА ЖИЛИЩА (НА ПРИМЕРЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ)

В данной статье рассматривается круг лиц, уполномоченных давать согласие на проведение осмотра жилища. Анализируются ошибки, допускаемые правоприменителем при даче согласия на производство указанного следственного действия. Проводится сравнение получения согласия на осмотр в жилище по российскому и белорусскому законодательству. Предлагаются пути совершенствования действующего законодательства с целью повышения эффективности категории «согласие» в контексте правового регулирования осмотра жилища.

Ключевые слова: согласие, жилище, осмотр жилища, следственное действие, руководитель следственного органа, следователь, прокурор, суд

THE CATEGORY "CONSENT" IN THE CONTEXT OF THE LEGAL REGULATION OF THE INSPECTION OF THE HOME (ON THE EXAMPLE OF THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF BELARUS)

In given article the circle of persons, authorised to agree to carrying out of survey of dwelling is considered. The errors supposed nправоприменителем at consent on manufacture of specified investigatory action are analyzed. Comparison of reception of the consent to survey is spent to dwelling under the Russian and Belarus legislation. Ways of perfection of the current legislation for the purpose of increase of efficiency of a category "consent" in a context of legal regulation of survey of dwelling are offered.

Key words: *the consent, dwelling, dwelling survey, investigatory action, the head of investigatory body, the inspector, the public prosecutor, court*

Категория «согласие» активно используется в регламентации отдельных видов осмотра, предназначенных для обнаружения следов преступления и выяснения иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Речь идет об осмотре жилища. Такой вид осмотра создает немалую угрозу нарушения важного принципа уголовного судопроизводства – принципа неприкосновенности жилища. Реализация данного принципа немыслима без получения согласия лица, проживающего в жилище, на осмотр данного жилища. Данное обстоятельство зафиксировано в ч. 2 ст. 12 УПК РФ. Вместе с тем сущность неприкосновенности жилища как правового явления, на наш взгляд, не получила должного закрепления в действующем законодательстве. Остановимся на этом более подробно.

Отправные моменты правового закрепления права лица на неприкосновенность его жилища в российском законодательстве содержатся в Конституции Российской Федерации и в международно-правовых документах. В статье 25 Конституции РФ говорится следующее: «Жилище неприкосновенно. Никто не вправе проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц иначе как в случаях, установленных федеральным законом, или на основании судебного решения» [1].

В международно-правовых документах указанной проблеме уделяется не меньшее внимание. Так, в ст. 17 Международного пакта о гражданских и политических правах обращается внимание на то, что «никто не может подвергаться произвольному или незаконному вмешательству в его личную и семейную жизнь, произвольным или незаконным посягательствам на неприкосновенность его жилища или тайну его корреспонденции или незаконным посягательствам на его честь и репутацию» [2]. В ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод закрепляется, что каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни, его жилища и его корреспонденции» [3]. Наконец, в ст. 12 Всеобщей декларации прав человека подчеркивается: «Никто не может подвергаться произвольному вмешательству в его личную и семейную жизнь, произвольным посягательствам на неприкосновенность его жилища, тайну его корреспонденции или на его честь и репутацию. Каждый человек имеет право на защиту закона от такого вмешательства или таких посягательств» [4].

На соблюдение национальными правоохранительными органами требования о неприкосновенности жилища особое внимание обращает Европейский Суд по правам человека при рассмотрении поступающих к нему жалоб. К сожалению, ЕСПЧ фиксирует немало нарушений в данной области. Достаточно назвать постановление Европейского суда по правам человека по делу «Имакаева против России» (жалоба №7615/02) от 9 ноября 2006 г., вступившее в силу 9 февраля 2007 г., которым были установлены факты незаконного вмешательства в право заявительницы на уважение жилища, нарушающие статью 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод [5].

Соблюдение требования о неприкосновенности жилища напрямую зависит от грамотного закрепления его сущности в уголовно-процессуальном законодательстве. В разные периоды развития уголовно-процессуального законодательства в нашей стране правовая регламентация принципа неприкосновенности жилища менялась.

Так, на советском этапе его развития в УПК РСФСР ч. 1 ст. 12 «Неприкосновенность жилища, охрана личной жизни и тайны переписки» начиналась с раскрытия сущности данного явления и выглядела следующим образом: «Гражданам гарантируется неприкосновенность жилища. Никто не имеет права без законного основания войти в жилище против воли проживающих в нем лиц».

Кстати, существующая ныне в УПК Республики Беларусь формулировка сущности неприкосновенности жилища, во много напоминает положения части 1 ст. 12 УПК РСФСР. Так, в ч. 1 ст. 14 УПК Республики Беларусь отмечается: «Неприкосновенность жилища и иных законных владений физических и юридических лиц гарантируется законом. Никто не вправе войти в жилище и иное законное владение лица против его воли».

Что же касается используемой в УПК РФ формулировки неприкосновенности жилища, то ей больше характерна лаконичность по сравнению с аналогичной формулировкой из УПК РСФСР. Статья 12 УПК Российской Федерации «Неприкосновенность жилища», не раскрывая сущности данного принципа, содержит указание лишь на общие правила производства осмотра жилища, обыска и выемки в жилище, то есть тех следственных действий, которые способны ограничить право личности на неприкосновенность жилища. Статья 12 УПК Российской Федерации содержит следующую формулировку: «1. Осмотр жилища производится только с согласия проживающих в нем лиц или на основании судебного решения, за исключением случаев, предусмотренных частью пятой статьи 165 настоящего Кодекса. 2. Обыск и выемка в жилище могут производиться на основании судебного решения, за исключением случаев, предусмотренных частью пятой статьи 165 настоящего Кодекса».

Как видно, законодатель в данной статье отступил от традиционных правил закрепления принципа неприкосновенности жилища.

Полагаем, что статья 12 УПК РФ как минимум должна воспроизводить соответствующую конституционную норму (ст. 25 Конституции РФ). Поэтому следует присоединиться к мнению тех авторов, которые считают, что начало статьи 12 УПК РФ должно содержать указание на то, что жилище неприкосновенно и никто не имеет права проникать в жилище для производства следственных действий против воли проживающих в нем лиц, иначе как в случаях и в порядке, установленных законом [6, с.14].

Закрепление указанного тезиса должно осуществляться при сохранении указания в тексте ст. 12 УПК РФ на необходимость получения согласия у соответствующих участников для выполнения следственных действий, выполнение которых угрожает полноценной реализации права человека на неприкосновенность жилища, соблюдению законных интересов собственников, обеспечению дипломатической неприкосновенности официальных представителей других государств и международных организаций. Текст статьи 12 УПК РФ в действующей редакции необходимо сохранить для конкретизации предлагаемого для включения в указанную статью положения о том, что жилище неприкосновенно и никто не имеет права проникать в него для производства следственных действий против воли проживающих в нем лиц, иначе как в случаях и в порядке, установленных законом.

Однако воля лица, проживающего в жилище, в указанном контексте является не единственным случаем согласования осмотра жилища. В соответствии с УПК РФ при регламентации производства осмотра в жилище к категории согласия законодатель обращается не единожды. Во-первых, для выполнения осмотра в жилище необходимо получить согласие проживающих в нем лиц (п. 4 ч. 2 ст. 29 УПК РФ). Во-вторых, если согласие проживающих в жилище лиц не получено, то для производства указанного следственного действия требуется разрешение суда (ст. 165 УПК РФ). В-третьих, в случае если следователь или дознаватель ориентируются на получение судебного разрешения на осмотр жилища, то для возбуждения перед судом соответствующего хода-

тайства им необходимо получить согласие у лиц, осуществляющих за их деятельностью контрольно-надзорные полномочия. Так, следователь с указанной целью обращается за согласием к руководителю следственного органа, а дознаватель – к прокурору (ч. 1 ст. 165 УПК РФ). В-четвертых, для выполнения процессуальных действий в отношении лиц, пользующихся иммунитетом от таких действий в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации, необходимо получить согласие иностранного государства, на службе которого находится или находилось лицо, пользующееся иммунитетом, или международной организации, членом персонала которой оно является или являлось (ч. 2 ст. 3 УПК РФ).

При этом дачу согласия в первом случае следует рассматривать в составе механизма уголовно-процессуальной защиты, куда входит множество других элементов. Разрешение суда на осмотр жилища является разновидностью судебного санкционирования в уголовном судопроизводстве. Согласие руководителя следственного органа на возбуждение перед судом ходатайства о производстве осмотра в жилище есть одна из форм реализации ведомственного контроля. Наконец, согласие прокурора – это один из атрибутов прокурорского надзора в уголовном процессе.

Несколько зауженный круг согласования осмотра жилища и иного законного владения представлен в УПК Республики Беларусь. В соответствии с ч. 7 ст. 204 УПК Республики Беларусь данный вид рассматриваемого следственного действия при отсутствии согласия собственника либо лиц, проживающих в жилище, проводится по постановлению следователя, органа дознания с санкции прокурора или его заместителя. Санкционирование прокурора на выполнение осмотра жилища и иного законного владения является способом выражения прокурорского надзора в уголовном процессе Республики Беларусь. А вот суд выпадает из круга субъектов, наделенных правом давать разрешение на производство следственного действия.

Из всех лиц, задействованных в даче согласия на осмотр в жилище, лицо, проживающее в жилище, требует наибольших пояснений. Разъяснение сущности указанного субъекта начнем с белорусского законодательства.

Проживающие в жилище по белорусскому законодательству – это совершеннолетние (достигшее к моменту проведения следственного действия восемнадцатилетнего возраста) лица, постоянно или временно проживающие в подлежащем осмотру жилом помещении, независимо от факта их регистрации в жилище (ч. 7 ст. 204 УПК Республики Беларусь) [7, с.26]. Такое проживание может быть как правомерным, так и не правомерным. В последнем случае также необходимо получать согласие у лиц.

Что касается российского уголовно-процессуального законодательства, то согласно ч. 5 ст. 177 УПК РФ согласие на осмотр жилища могут дать проживающие в нем лица. При этом не указано, кого понимать под проживающими в жилище лицами. В УПК Республики Беларусь лица, дающие согласие на осмотр в жилище, представлены в более подробном варианте. В ч. 7 ст. 204 УПК Республики Беларусь речь идет о собственнике жилища и проживающих в нем совершеннолетних лицах.

Полагаем, что соответствующие нормы УПК Российской Федерации также нуждаются в коррекции. Для этого в ч. 5 ст. 177 УПК Российской Федерации необходимо предусмотреть в качестве условий производства осмотра в жилище:

получение согласия на это у собственника жилища или проживающих в нем совершеннолетних лиц;

обязательное присутствие при осмотре жилища проживающего в нем совершеннолетнего лица [8, с.127].

Еще одной проблемой, сопровождающей получение согласия на осмотр жилища, является круг лиц, у которых следует получать согласие на производство данного следственного действия. У всех ли проживающих в жилище необходимо получать согласие

на его осмотр? Буквальное толкование соответствующих норм и по УПК РФ, и по УПК РБ дает основание утверждать, что согласие следует получать у всех названных лиц. Однако правоприменительная практика Республики Беларусь, представленная в одной из работ, ориентирована на получение согласия только у тех лиц, которые на момент осмотра находятся в жилище или ином законном владении. Объясняется это тем, что получить согласие всех собственников либо жильцов иногда бывает невозможно [9, с.128].

Насколько данный подход актуален для российского правоприменителя? Полагаем, что в подобных ситуациях следует получать разрешение суда на осмотр в жилище. Данная поправка объясняется необходимостью особого внимания законодателя к гарантированию основных конституционных прав лица, включая и его право на неприкосновенность жилища. Полагаем, в спорных ситуациях получения согласия на осмотр в жилище следует в обязательном порядке страховаться судебным решением. Вот и Пленум Верховного Суда РФ идет по данному пути, предусматривая в пункте 8 своего постановления от 01.06.2017 № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)» следующее правило: «С учетом положений части 5 статьи 177 УПК РФ на производство осмотра жилища требуется разрешение суда, если хотя бы одно из проживающих в нем лиц возражает против осмотра» [10]. Вместе с тем в похожей ситуации белорусский правоприменитель поступает иначе: «следователь, лицо, производящее дознание, обязаны выносить постановление о проведении осмотра жилища и иного законного владения» [11, с.84].

Таким образом, не только нормативное регулирование осмотра жилища, но и правоприменительная практика указанного следственного действия имеют некоторые отличия для Российской Федерации и Республики Беларусь.

Вместе с тем в части основных правил выполнения осмотра жилища наблюдается много общего и для Российской Федерации, и для Республики Беларусь. К числу таких основных правил осуществления осмотра жилища относится получение согласия у лица, проживающего в жилище.

В заключение следует отметить, что без категории «согласия» не может обойтись правовое регулирование осмотра жилища ни в Российской Федерации, ни в Республике Беларусь. Следовательно, эффективность такого правового регулирования напрямую зависит от выполнения указанной категорией своего назначения.

Список используемой литературы и источников

1. Конституция Российской Федерации [Текст]: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 г. № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. – 04.08.2014. – № 31. – ст. 4398.

2. Международный пакт о гражданских и политических правах [Текст]: принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года // Ведомости Верховного Совета СССР. – 28.04.1976. – № 17. – ст. 291.

3. Конвенция о защите прав человека и основных свобод [Текст]: Заключена в г. Риме 04.11.1950 (с изм. от 13.05.2004) (вместе с «Протоколом [№ 1]») (Подписан в г. Париже 20.03.1952), «Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней» (Подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), «Протоколом № 7» (Подписан в г. Страсбурге 22.11.1984) // Собрание законодательства РФ. – 08.01.2001. – № 2. – ст. 163.

4. Всеобщая декларация прав человека [Текст]: принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948 // Российская газета. – 10.12.1998.

5. Имакаева (Imakayeva) против Российской Федерации (жалоба № 7615/02) [Текст]: постановление ЕСПЧ от 09.11.2006 // Российская хроника Европейского Суда. – 2008. – № 2.

6. Наумов, С.Н. Производство следственных действий, ограничивающих неприкосновенность жилища [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук / С.Н. Наумов. – М., 2010. – С. 14.

7. Власенко, Н., Иванов, А. Осмотр жилища [Текст] / Н. Власенко, А. Иванов // Законность. – 2004. – № 11. – С. 26.

8. Шкаплеров, Ю.П., Родевич, Л.И., Насонова, И.А. Осмотр и освидетельствование на досудебных стадиях уголовного процесса в Республике Беларусь и Российской Федерации [Текст] / Ю.П. Шкаплеров, Л.И. Родевич, И.А. Насонова. – М.: Юрлитинформ, 2015. – С. 127.

9. Шкаплеров, Ю.П., Родевич, Л.И., Насонова, И.А. Осмотр и освидетельствование на досудебных стадиях уголовного процесса в Республике Беларусь и Российской Федерации [Текст] / Ю.П. Шкаплеров, Л.И. Родевич, И.А. Насонова. – М.: Юрлитинформ, 2015. – С. 128.

10. О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ) [Текст]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2017 № 19 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2017. – № 7.

11. Насонова, И.А. Сравнительное исследование порядка производства осмотра в уголовном процессе Белоруссии и России [Текст]: учебное пособие / И. А. Насонова, Ю. П. Шкаплеров, Л. И. Родевич; Воронежский институт МВД России. – Воронеж: Воронежский ин-т МВД России, 2017. – С. 84.

УДК 343.162

Е.А. Овчинникова, преподаватель кафедры уголовного-процессуального права Российского государственного университета правосудия (Северо-Кавказский филиал в г. Краснодаре), аспирант кафедры уголовного процесса Кубанского государственного университета

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ СТАТУС СУДА, СУДЬИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И СОВРЕМЕННОЕ РАЗВИТИЕ

Исторические традиции российского уголовного процесса обусловили формирование и сохранение устойчивых представлений о надлежащем процессуальном поведении судьи, как активном, инициативном и самостоятельном субъекте доказывания. Современные условия диктуют настоятельную потребность не только в расширении компетенции суда, но и в дифференциации его процессуальных полномочий.

Ключевые слова: судья, суд, функции, компетенция, полномочия, доказывание.

PROCEDURAL STATUS OF THE COURT, JUDGES IN CRIMINAL PROCEEDINGS: HISTORICAL CONTINUITY AND MODERN DEVELOPMENT

The historical traditions of the Russian criminal process have led to the formation and maintenance of stable ideas about the proper procedural behavior of judges, as an active, proactive and independent subject of proof. Modern conditions dictate an urgent need not only to expand the competence of the court, but also to differentiate its procedural powers.

Keywords: judge, court, functions, competence, authority, proof.

Применительно к теме нашего исследования Устав уголовного судопроизводства 1864 г. (далее – УУС) имеет особое значение. Как пишет В.Н. Григорьев, «устав уголовного судопроизводства послужил источником больших и малых научных открытий» [1, с. 1409]. Именно в этом контексте мы оценили содержание ряда положений этого исторического правового документа, приступив к изучению процессуальной компетенции и полномочий судьи в уголовном процессе.

Первое на что было обращено внимание, так это на наличие в УУС достаточно подробного распределения процессуальных полномочий судьи в зависимости от стадии и формы судебного производства, включая доказывание. Так, УУС предусматривал полномочия:

- судебного следователя;
- мирового судьи;
- члена-докладчика судебной палаты по уголовным делам, подлежащим рассмотрению окружным судом;
- председателя суда с участием присяжных;
- председателя суда без участия присяжных;

Председатель суда не мог отказать участвующим в деле лицам, за исключением случаев, определенных в законе, в вызове свидетелей, сделавших показания при предварительном следствии (ст. 574 УУС). С точки зрения современных воззрений на задачи суда дискуссионным могло бы выступить право судьи приостановить судебное заседание для собирания дополнительных сведений (ст. 634 УУС).

Об активном участии судьи (председателя) в исследовании доказательств и реализации других форм установления обстоятельств уголовного дела говорят положения ст. ст. 679, 682-684, 686 УУС – когда по делу подсудимых несколько, то каждый из них допрашивается порознь или в отсутствие его соучастников, или в их присутствии по усмотрению председателя суда. В ст. 687 УУС предусматривалось оглашение в судебном заседании протоколов об осмотрах, освидетельствованиях, обысках и выемках лишь в том случае, когда стороны того потребуют или когда судьи или присяжные признают это нужным. Согласно ст. 692 УУС, по замечанию сторон или присяжных заседателей, или по собственному усмотрению суд может назначить новое освидетельствование или испытание через избранных им или указанных сторонами сведущих людей.

Такая регламентация процессуальных полномочий судьи в части доказывания не вполне типична для современного уголовного судопроизводства.

В соответствии с положениями гл. 7 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ) суд, судья в уголовном судопроизводстве призваны осуществлять правосудие в пределах предоставленных процессуальных полномочий, подкрепленных механизмами их реализации. Несмотря на заданный в Конституции РФ вектор формирования процессуальных полномочий судьи, отдельные аспекты современной теории уголовного процесса, законодательное определение его статуса, а также практическая сторона реализации отдельных судебных полномочий, представляются проблематичными, вызывают научные дискуссии, осложняют правоприменительную деятельность и, в конечном результате, создают базу для нарушения конституционных и иных прав участников уголовного судопроизводства. Отметим, в плане постановки проблем, некоторые обстоятельства.

Суд призван разрешать вопросы, не только традиционно, исторически относимые к его компетенции (как, например, разрешение уголовного дела по существу предъявленного обвинения), но и множество других, включая те, что возникают в рамках досудебного производства. Принятие в досудебном производстве таких процессуальных решений, как отказ в возбуждении уголовного дела или прекращение уголовного дела, свидетельствует об окончании уголовно-процессуальной деятельности, поскольку это итоговые решения соответственно стадий возбуждения уголовного дела и предвари-

тельного расследования. Вместе с тем обжалование этих решений в суд (формально после окончания уголовного судопроизводства) регламентируется уголовно-процессуальным законом, что свидетельствует о продолжении судебной (а также следователя, руководителя следственного органа, дознавателя, прокурора) деятельности, формы и правила которой не учитывают сложившейся ситуации. При этом полномочия судьи определяются в этих случаях не вполне четко и системно.

Следует также отметить, что активное развитие различных форм судебного разбирательства в первой инстанции не всегда сопровождается столь же необходимой модернизацией процессуального статуса суда, судьи, содержание которого должно отвечать особенностям этих форм. Так, при особом порядке принятия решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением, либо при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (гл. 40, 40.1 УПК РФ) существенно изменяются правила доказательственной деятельности судьи. Но эта особенность судебного разбирательства не нашла отражения ни в компетенции судьи, рассматривающего уголовное дело, ни в совокупности его полномочий, и по-прежнему связана с применением стереотипных механизмов реализации. Проведенное анкетирование практических работников показало, что почти 62 % респондентов считают необходимым предусмотреть дифференциацию процессуального статуса судьи в различных формах судебного разбирательства, включая сферу доказывания.

Требуют своего научного осмысления решения Конституционного Суда Российской Федерации, затрагивающие или непосредственно касающиеся компетенции суда в досудебных стадиях уголовного судопроизводства (например, дача разрешения на допрос адвокатов и должностных лиц органов предварительного расследования, производство процессуальных, в том числе, следственных действий, в отношении адвокатов, и др.).

Довольно часто предметом исследования становилась процессуальная активность суда в судебном разбирательстве. Основой для выводов ученых в данной сфере выступает совокупность полномочий суда, судьи в доказывании. Однако полагаем, что не только характер участия судьи в доказывании может служить критерием активности суда в судебном разбирательстве, но и его *инициативность* в рассмотрении иных процессуальных вопросов: о применении меры пресечения или отказе в таковом, признании лиц участниками уголовного судопроизводства, вынесении решений по гражданскому иску и др.

Перечисленные вопросы обуславливают постановку научной задачи по определению современных теоретических основ процессуальной компетенции и разработке дифференцированного процессуального статуса суда, судьи в уголовном судопроизводстве.

В основе современного уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации находится концепция состязательного судебного разбирательства, самым непосредственным образом связанная с компетенцией и процессуальными полномочиями суда. И, если при введении в действие УПК РФ эта концепция выглядела приоритетной, то с течением времени, при ее практической реализации, ученые и практики стали все чаще задаваться вопросом о ее состоятельности, возможности полного и безоговорочного воплощения. Есть точка зрения о том, что состязательность судебного разбирательства скорее выступает идеальной моделью судопроизводства, чем его практическая возможность [2].

Проведенное исследование, изучение и анализ научной литературы, привели к следующим результатам.

На уровне концепций рассматриваются и выдвигаются:

- 1) перечень функций судьи;
- 2) характер, содержание и совокупность процессуальных полномочий суда в условиях состязательного уголовного судопроизводства;

3) пределы активности суда по участию в доказывании и с этим вопросом тесно связан другой, составляющий одну из краеугольных проблем уголовного судопроизводства в целом, – установление объективной истины.

Не менее важными, полагаем, но не столь активно обсуждаемым являются вопросы:

- о независимости суда и его самостоятельности;
- о процессуальной ответственности судьи;
- о содержании, объеме и пределах применения усмотрения судьи и ряд других.

На этом основании мы делаем вывод, что суд принимает решение о законности/незаконности процессуальных действий, бездействия или решений, находясь в границах своей единственной функции – разрешения правового вопроса (спора). Даже, если речь идет об обращении следователя (дознавателя) к суду с ходатайством о производстве следственного действия, то и в этой ситуации суд *разрешает это обращение как правовой вопрос и принимает (должен принимать) законное и обоснованное решение*.

Основываясь на приведенных соображениях, считаем, что применительно к функционалу суда можно говорить о единственной функции – разрешении судом правового вопроса или спора с постановлением законного, обоснованного и справедливого решения по его существу.

И с этим выводом тесно связан другой важный вопрос, имеющий самое непосредственное отношение к совокупности и характеру процессуальных полномочий судьи – это *определение объема полномочий и пределов активности участия судьи в доказывании*. В настоящее время сформировались две основные позиции по данному вопросу:

1. Исключительно пассивный тип процессуального положения судьи при исследовании доказательств, основываясь на классической формуле состязательности [3].

Суд, следуя презумпции невиновности, убеждается в обоснованности предъявленного обвинения. При этом обоснованность обвинения состоит не только в выяснении виновности или невиновности лица, свидетельстве тому полномочие судьи о переквалификации предъявленного обвинения. Суд обеспечивает законность как процессуальной, так и материальной составляющей уголовного дела, итогом которого выступает решение судьи, будь то приговор или иное решение по существу дела. Одновременно Ю.А. Ляхов отмечает, что суд обязан постановить законный, обоснованный приговор [4]. Аналогичной позиции придерживается Н.Н. Апостолова [5].

2. Активное участие судьи в исследовании доказательств и в установлении обстоятельств уголовного дела [6]. Данная позиция основана на идее установления объективной истины, как обязанности судьи, когда всякие ограничения активности судьи в исследовании доказательств рассматриваются как препятствия в правосудии.

3. В настоящее время стали формироваться некие промежуточные позиции об участии судьи в доказывании. Как считает, например, Д.П. Туленков, при размежевании процессуальных функций между участниками судебного разбирательства, познавательная активность председательствующего по делу судьи должна быть четко определена законодателем, в связи с чем предлагает наделить председательствующего судью в судебном разбирательстве такими процессуальными полномочиями, как определение обстоятельств, подлежащих дополнительному доказыванию по делу сторонами; проведение проверки представленных сторонами доказательств, в том числе, путём производства дополнительных процессуальных действий; исследование доказательств в судебном заседании, но только лишь после их исследования сторонами; истребование и исследование доказательств, необходимых для установления данных о личности подсудимого, имеющих значение для дела по собственной инициативе [7].

Есть мнение о наделении судьи вспомогательной активностью в доказывании, которая может «осуществляться судьей не только в пользу подсудимого, но и в пользу потерпевшего (частного обвинителя)» [8].

Определяя исходные позиции для формирования собственного подхода к разрешению проблем процессуальной компетенции и статуса судьи в доказательственной деятельности отметим некоторые, как полагаем, важные обстоятельства:

- 1) доказывание осуществляется во всех судебных стадиях;
- 2) доказывание реализуется через деятельность уполномоченных субъектов, включая суд, в отношении которых УПК РФ предусматривает совокупность специальных правил (например, ч. 1 ст. 86 УПК РФ определяет участие суда в процессе доказывании на всех его этапах; ст. 87 УПК РФ предусматривает возможность собирания доказательств при проверке доказательств судом; ст. 240 УПК РФ устанавливает обязательность исследования судом всех доказательств, а также предусматривается особенность доказывания по уголовным делам в случае применения особого порядка принятия судебного решения; положения ст.ст. 275, 278, 281, 282–290 УПК РФ регламентируют формы участия суда в доказывании, проводимом в судебном следствии и т.д.).

Основываясь на результатах анализа уголовно-процессуального закона, участие суда в доказывании выражается:

- в производстве процессуальных действий по собиранию доказательств;
- в производстве процессуальных действий по проверке доказательств
- в непосредственном исследовании доказательств;
- в оценке доказательств.

При этом сама возможность оценки указанных направлений деятельности суда с точки зрения их обязательности или факультативности нам представляется методологически неверной. Указанные предписания уголовно-процессуального закона не содержат формулировок, которые могли бы дать основания сомневаться в императивности.

Приведенные соображения позволяют заключить следующее.

1. Существующие концепции и доктрины свидетельствуют о продолжении научного поиска оптимального процессуального положения суда в уголовном судопроизводстве. Поиск ведется в разных направлениях, но следует отметить укрепление позиций направленных на расширение процессуального потенциала суда по его участию в доказывании.

2. Полагаем, что есть достаточные (исторические, теоретические и законодательные) основания для того, чтобы рассматривать *доказательственную деятельность суда как специфичную, отличающуюся по своему содержанию и формам от доказательственной деятельности сторон*. При этом суд должен быть процессуально способен участвовать в процессе доказывания на всех его этапах (собрании, проверке, оценке).

3. Суд в уголовно-процессуальном доказывании участвует исключительно как субъект вынесения *законного, обоснованного, мотивированного и справедливого решения, с соответствующим процессуальным интересом*.

4. Насущной представляется необходимость в дифференциации процессуального статуса судьи, суда, в том числе в сфере доказывания применительно к различным формам судебного разбирательства

Список используемой литературы и источников

1. Григорьев, В.Н. Устав уголовного судопроизводства 1864 г. как источник изначального смысла современных уголовно-процессуальных категорий [Текст] / В.Н.Григорьев // Актуальные проблемы российского права.- 2014. - № 7 (44). - С. 1409-1414.

2. См., например: Рыбинская, Е.Т. Состязательность российского уголовного судопроизводства при рассмотрении дел в суде первой инстанции [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук /Е.Т.Рыбинская. - Иркутск, 2008. 23 с.; Смирнов, А.В. Состязательный процесс [Текст] /А.В.Смирнов.- СПб.: Альфа, 2001. - 320 с.; Смирнов, А.В. Модели уголовного процесса [Текст] / А.В.Смирнов.- СПб.: Наука, 2000.-224 с.

3. См., например: Карякин, Е.А. Теоретические и практические проблемы формирования истины по уголовному делу в суде первой инстанции [Текст] / Е.А.Карякин. - М.: Юрлитинформ, 2009. - 296 с.; Лазарева, В.А. Состязательность и доказывание в уголовном процессе [Текст] / В.А.Лазарева // Уголовное право. - 2007.- № 3. - С. 98-102.; Лупинская, П.А. Доказательства и доказывание в новом уголовном процессе [Текст] /П.А.Лупинская // Российская юстиция. - 2002. - № 7. - С. 5-8; Михайловская, И.Б. Права личности – новый приоритет Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Текст] / И.Б.Михайловская // Российская юстиция. - 2002.- № 7. - С. 2-4.

4. Ляхов, Ю.А. Конституционный принцип состязательности уголовного судопроизводства и права личности [Текст] / Ю.А.Ляхов // Научные труды РАЮН. - Вып. 14. - В 2 т. Т. 2. - М.: Юрист, 2014. - С. 766-770.

5. См.: Апостолова, Н.Н. Предварительное расследование и судебное следствие [Текст] / Н.Н.Апостолова // Российская юстиция. - 2014. - № 7. - С. 21-24.

6. См., об этом: Орлов, Ю. Принцип состязательности в уголовном процессе: значение и пределы действия [Текст] / Ю.Орлов // Российская юстиция. - 2004. - № 2. - С. 52-53; Поляков, М.П. Принцип чистой состязательности как источник проблем судебного следствия [Текст] / М.П.Поляков // Уголовное судопроизводство. - 2007.- № 1. - С. 36-39; Гладышева, О.В. Значение состязательности для справедливого уголовного судопроизводства [Текст] / О.В.Гладышева // Право и политика. - 2008. - № 1. - С. 145-149; Козьявн, А.А., Рябинина, Т.К. Противоречия реализации конституционного принципа состязательности судебного разбирательства по уголовному делу [Текст]: материалы Междунар. науч.-практ. конф, посв. 15-летию Конституции Российской Федерации. - М., 2009. - Т. 2. - С. 496-501.

7. Туленков, Д.П. Познавательная деятельность при производстве по уголовным делам с участием присяжных заседателей [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук /Д.П.Туленков.- Волгоград, 2017. - 25 с.

8. Смирнов, А.В. Реформы уголовной юстиции конца XX века и дискурсивная состязательность [Текст] / А.В.Смирнов // Журнал российского права.- 2001. - № 12. - С. 145-155.

УДК 343.137

И.В. Озерова, студент юридического факультета ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (г. Курск)

Научный руководитель: И.В. Ревина, канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (г. Курск)

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ РЕФОРМИРОВАНИЯ ОСОБОГО ПОРЯДКА ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ

Статья посвящена исследованию актуальных вопросов реформирования досудебного соглашения о сотрудничестве как перспективного вида упрощенной процедуры уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: досудебное соглашение о сотрудничестве, упрощенная процедура, назначение наказания, дознание, возбуждение уголовного дела.

TO THE QUESTION OF THE NEED FOR REFORMING THE SPECIAL PROCEDURE FOR THE CONCLUSION OF THE PRE-JUDICIAL AGREEMENT ON COOPERATION

The article is devoted to the study of topical issues of reforming the pre-trial agreement on cooperation as a promising type of simplified criminal procedure.

Key words: *pre-trial cooperation agreement, simplified procedure, sentencing, inquiry, criminal case.*

В условиях оптимизации уголовного судопроизводства институт досудебного соглашения о сотрудничестве, являющийся своеобразной новеллой для Российской Федерации, в настоящее время выступает в качестве одного из наиболее резонансных и обсуждаемых феноменов российского уголовно-процессуального законодательства, что связано с изменением императивно-публичного режима реализации принципа неотвратимости уголовной ответственности на компромиссный режим.

Переход к новым способам противодействия организованным формам преступной деятельности посредством расширения нормативно-правовой основы сотрудничества стороны обвинения и обвиняемого является положительной тенденцией в рамках осуществления уголовного судопроизводства. Однако, в процессе реализации института досудебного соглашения о сотрудничестве возникает ряд проблем, основным источником которых является несовершенство правовой базы, что обусловлено рядом факторов: во-первых, рецепция указанного института из англо-саксонской системы права в условиях российского менталитета не нашла должного отражения в уголовно-процессуальных нормах; во-вторых, поспешность при разработке и принятии Федерального закона, регламентирующего порядок заключения досудебного соглашения о сотрудничестве и дальнейшего судебного разбирательства, отразилась на его содержании.

Согласно статистическим данным Судебного Департамента при Верховном Суде РФ за 2015-2018 гг. число уголовных дел, рассмотренных в особом порядке при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве составляло менее 0,5 %: 2015 – 4543 (0,47%), 2016 – 4121(0,39 %) 2017 – 4381 (0,48 %), 2018 – 3997 (0,45%) [1]. За I полугодие 2019 года в особом порядке при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве было рассмотрено 1664 уголовных дела, доля осужденных лиц составила 1480 человек [2]. Такие данные свидетельствуют о том, что указанный институт не получил достаточно широкого распространения в России, что обусловлено наличием коллизий уголовно-процессуальных норм, закрепленных в главе 40.1 УПК РФ, а также их несовершенством.

В определенной мере, Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» [3] (далее – Постановление) устранило некоторые недостатки, однако ряд спорных вопросов, касающихся применения данного института на практике, остался не решенным. Наличие таких спорных моментов обусловило необходимость в совершенствовании действующего уголовно-процессуального законодательства посредством корректировки норм, посвященных рассматриваемой процедуре.

Во-первых, актуальным остается вопрос о возможности заключения досудебного соглашения о сотрудничестве по уголовным делам, находящимся в производстве органов дознания. А.В. Лазарева и Ю.В. Кувалдина считают, что «одним из элементов правового регулирования досудебного соглашения о сотрудничестве может стать возможность заключения досудебного соглашения по делу путем расследования в форме дознания» [4, с.130].

Согласно п.3 Постановления досудебное соглашение о сотрудничестве может быть заключено с обвиняемым (подозреваемым) при расследовании уголовного дела в форме предварительного следствия. Исходя из буквального толкования ст.317.1 УПК поста-

новление о возбуждении перед прокурором ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве может вынести только следователь.

Указанные нормы свидетельствуют о наличии запрета на заключения досудебного соглашения о сотрудничестве по уголовным делам, находящимся в производстве органов дознания. Однако 9 ноября 2010г. на рассмотрение Государственной Думы был внесен законопроект № 451832-5 «О внесении изменений в УК РФ и УПК РФ» о распространении института досудебного соглашения о сотрудничестве на дознание). В Пояснительной записке к проекту указывалось, что право подозреваемого (обвиняемого) при производстве дознания по уголовному делу на заключение досудебного соглашения необоснованно ограничивается. В связи с этим в законопроекте были предусмотрены изменения и дополнения, позволяющие распространить положения указанной главы и на случаи, когда расследование осуществляется в форме дознания [5]. Несмотря на то, что данный законопроект получил официальные положительные отзывы Председателя Верховного Суда РФ и заключение Правительства РФ, профильными комиссиями рассмотрен не был.

Однозначно говорить о целесообразности применения такой процедуры органами дознания не представляется возможным в силу сложности действующих норм о передаче уголовного дела по подследственности при использовании досудебного соглашения в дознании.

Во-вторых, целесообразным является предложение О.А. Чабукиани касательно обеспечения возможности заключения досудебного соглашения о сотрудничестве на стадии возбуждения уголовного дела [6]. В обосновании целесообразности данного предложения необходимо отметить, что ч. 2 ст. 317.1 УПК РФ вступает в противоречие с п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ «Обстоятельствам, смягчающим наказание».

Так, ч. 2 ст. 317.1 УПК РФ допускается подать ходатайство с момента уголовного преследования до объявления об окончании предварительного следствия. Однако, в соответствии с п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ первоначальным этапом будет являться явка с повинной, а, следовательно, теоретически применения вышесказанного возможно до стадии возбуждения уголовного дела.

В-третьих, институт досудебного соглашения о сотрудничестве непосредственно связан с институтом назначения наказания. Правила назначения наказания при применении досудебного соглашения о сотрудничестве, предусмотренные ч.ч. 2 и 6 ст. 62 УК РФ являются правилами, введенными в Уголовном кодексе РФ (далее – УК РФ) на основании уголовно-процессуальных предпосылок. В соответствии с ч. 2 ст. 62 УК РФ, смягчение наказания при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве обусловлено наличием следующих условий: наличие смягчающих обстоятельств, изложенных в п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ, отсутствие отягчающих наказание обстоятельств. Смягчающими наказание обстоятельствами, предусмотренными п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ, являются явка с повинной, активное способствование раскрытию и расследованию преступления, изобличению и уголовному преследованию других соучастников преступления, розыску имущества, добытого в результате преступления. Указанные смягчающие обстоятельства, кроме явки с повинной, могут служить условием и основанием заключения досудебного соглашения о сотрудничестве. Однако наличие либо отсутствие отдельных смягчающих обстоятельств, на которые ссылается ч. 2 ст. 62 УК РФ не влияет на разрешение вопроса заключения досудебного соглашения о сотрудничестве, поскольку суды должны исходить из факта исполнения или не исполнения его условий [7, с.214].

Отсутствие отягчающих наказание обстоятельств в качестве условия смягчения наказания при заключении соглашения, предусмотренного главой 40.1 УПК РФ, и вовсе оценивается исследователями как «нарушение логики и первоначальных целей введения досудебного соглашения о сотрудничестве» [8, с. 24]. По мнению А.В. Боярской и

А.И. Леонова, «отягчающие обстоятельства, хотя и не препятствуют заключению досудебного соглашения о сотрудничестве, тем не менее, делают его исполнение менее выгодным для подозреваемого и обвиняемого» [9, с.125]. В связи с этим в научной литературе встречается предложение об исключении ч. 2 ст. 62 УК РФ указания на необходимость наличия смягчающих обстоятельств, изложенных в п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ, и на необходимость отсутствия отягчающих наказание обстоятельств. Представляется целесообразным изменить систему поощрения для лиц, заключивших досудебное соглашение о сотрудничестве, в целях побуждения лиц, совершивших преступление в соучастии, в сотрудничестве со следствием.

Таким образом, институт досудебного соглашения о сотрудничестве представляет собой сложное правовое явление, которое значительно отличается от общего порядка судебного разбирательства. В связи с этим возникает ряд дискуссионных вопросов, касательно его применения: о возможности заключения досудебного соглашения о сотрудничестве по уголовным делам, находящимся в производстве органов дознания; обеспечение возможности заключения досудебного соглашения о сотрудничестве на стадии возбуждения уголовного дела; необходимость изменения системы поощрения в отношении лиц, заключивших досудебное соглашение о сотрудничестве.

Список используемой литературы и источников

1. Данные судебной статистика Судебного Департамента при Верховном Суде РФ [Электронный ресурс] // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения 30.10.2019)

2. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции [Электронный ресурс]// URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5083> (дата обращения 30.10.2019)

3. О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 №16// Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс.

4. Лазарева, В.А. Применение института досудебного соглашения о сотрудничестве в свете разъяснений Пленума Верховного Суда РФ [Текст]/ В.А. Лазарева, Ю.В. Кувалдина// Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2014. - № 6 (17). – С. 129-141.

5. Чернобаев, А.А. Досудебное соглашение о сотрудничестве при проведении дознания [Электронный ресурс] // URL: <http://www.trubech.ru/index.php/prokuratura-trubechевского-rajona/1776-dosudebnoe-soglashenie-o-sotrudnichestve-pri-provedenii-doznaniya> (дата обращения 30.10.2019)

6. Чабукиани, О.А. Заключение досудебного соглашения о сотрудничестве: понятие, практические вопросы, особенности предварительного расследования [Текст]/ О.А.Чабукиани // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2013. - № 4 (60). – С. 101-108.

7. Тебеньков, А.В. Назначение наказания при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве [Текст]/ А.В. Тебеньков// Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2016. – № 4. – С. 213-216

8. Ключников, С.С. Правовая природа института досудебного соглашения о сотрудничестве [Текст]/ С.С. Ключников// Российский следователь. – 2012. – № 23. – С. 23-24.

9. Боярская, А.В. Материально-правовые основы производства, предусмотренного гл. 40.1 УПК РФ [Текст]/ А.В. Боярская, А.И. Леонов// Уголовное право. – 2016. – № 1. – С. 122-129.

УДК 343.133

М.Р. Омарова, старший следователь Следственного управления УМВД России по г. Архангельску, старший лейтенант юстиции, tegggy.orel@bk.ru

ИНСТИТУТ ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ ОБВИНЕНИЯ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ

Статья раскрывает основные научные подходы к проблеме сохранения в российском уголовном процессе специальной процедуры надления лица статусом обвиняемого. Автор обозначает направления совершенствования анализируемого процессуального института.

Ключевые слова: *уголовный процесс, обвинение, обвиняемый, предъявление обвинения, следователь.*

LEGAL INSTITUTE OF INDICTMENT IN THE RUSSIAN CRIMINAL PROCESS: DISCUSSION ISSUES

The article reveals the main scientific approaches to the problem of maintaining in the Russian criminal process a special procedure for granting a person the status of an accused. The author indicates the directions of improvement of the analyzed procedural institute.

Keywords: *criminal proceedings, prosecution, accused, indictment, investigator.*

Выразившееся в ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса РФ назначение уголовного судопроизводства, предусматривает такую организацию уголовно-процессуальной деятельности, которая обеспечивала бы надлежащую охрану прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

В первую очередь, это касается создания специальных гарантий прав лица, подвергающегося уголовному преследованию. К сожалению, в истории российского уголовного процесса нередко «законными признавались лишь такие интересы обвиняемого, которые совпадали с задачами уголовного судопроизводства или могли быть удовлетворены не в ущерб общественным» [1, с. 15].

Исследуя историю становления и развития процессуальных форм надления уголовно преследуемого лица процессуальным статусом обвиняемого, можно выявить ряд особенностей, характерных для различных исторических периодов. Согласимся с выводом Б.Я. Гаврилова о том, что Устав уголовного судопроизводства 1864 г. еще не включал в себя нормы, которые составили бы процессуальный институт привлечения лица в качестве обвиняемого [2]. Очевидно, что потребность в таком институте возникла позднее, в советский период, когда стала очевидной необходимость трансформации процессуального статуса уголовно преследуемого лица с тем, чтобы обеспечить ему соответствующий его статусу уровень защиты. Именно институт предъявления обвинения долгое время позволял осуществить качественную трансформацию процессуального статуса подозреваемого в процессуальный статус обвиняемого.

Российский законодатель сохранил в уголовно-процессуальном законе возможность пребывания уголовно преследуемого лица как в статусе подозреваемого, так и в статусе обвиняемого. Примечательно, что первоначально предъявление обвинения рассматривалось как важный процессуальный момент, позволяющий обвиняемому в полном объеме реализовать право на защиту через допуск в процесс адвоката-защитника. Однако в результате реформирования УПК РФ в 2013 г. появилась легальная возможность более раннего допуска адвоката-защитника к участию в уголовном деле, когда уголовно преследуемое лицо находится в процессуальном или фактическом статусе подозреваемого [3]. В настоящее время на основании п.6 ч.3 ст.49 УПК РФ доступ защитника к выполнению функции защиты происходит с момента начала осуществления каких-либо процессуальных действий в отношении лица, подозреваемого в совершении преступления.

Такая законодательная трансформация закономерно поставила вопрос о целесообразности сохранения института предъявления обвинения в российском уголовном процессе. Данный вопрос стал предметом достаточно острой научной дискуссии, в ходе которой высказывались различные точки зрения.

Например, М.Ю. Колбеева, исследовавшая эту проблематику в рамках своего диссертационного исследования, пришла к выводу об архаичности данного института и несоответствии его сущности современного российского уголовного процесса [4, с. 13]. Противоположной точки зрения придерживается А.В. Андреев, полагающий, что привлечение лица в качестве обвиняемого имеет важное процессуальное значение не только для обеспечения прав этого лица, но и для последующего постановления судом законного и справедливого приговора [5].

В целом, согласимся с мнением Б.Я. Гаврилова, подчеркивающего, что институт предъявления обвинения в российском уголовном процессе нуждается в концептуальном переосмыслении и реформировании [6].

Однако нельзя признать справедливой точку зрения авторов, настаивающих на полном упразднении данного процессуального института в связи с его избыточностью. Считаю, что процедура предъявления обвинения имеет важное правообеспечивающее значение. Доведение до сведения уголовно преследуемого лица сформулированного следователем обвинения и подтвержденного необходимой совокупностью доказательств позволяет обвиняемому более эффективно защищаться от предъявленного обвинения, а следователю выполнять не только возложенную на него процессуальную функцию уголовного преследования, но и не менее важную функцию по созданию условий для обеспечения защиты прав и законных интересов участников уголовного процесса.

В этой связи более правильно вести речь о трансформации или реформировании данного процессуального института с тем, чтобы устранить его недостатки, связанные с неоднократным предъявлением обвинения, сроками производства по уголовному делу, участием адвоката-защитника. Открытым остается и вопрос о моменте предъявления обвинения и участия в данной процедуре иных лиц органов уголовного преследования. Однако обозначенные пути трансформации российского предварительного следствия ни в коем случае не должны привести к утрате процессуального института предъявления обвинения.

Список используемой литературы и источников

1. Лазарева, В.А., Иванов, В.В., Утарбаев, А.К. Защита прав личности в уголовном процессе России [Текст]/В.А.Лазарева, В.В.Иванов, А.К.Утарбаев. - М.: Юрайт, 2017. - 233с.

2. Гаврилов, Б.Я. Современное досудебное производство: эпоха становления [Текст]: Сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 50-летию юбилею доктора юридических наук, профессора А.В. Гриненко. - М., 2016. - С.38-43.

3. О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Текст]: Федеральный закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ // Собрание законодательства РФ. - 2013. - № 9. - Ст. 875.

4. Колбеева, М.Ю. Институт привлечения лица в качестве обвиняемого в условиях реформирования уголовно-процессуального законодательства [Текст]: автореф. дис. ...канд. юрид. наук /М.Ю.Колбеева. - М., 2013. - 22с.

5. Андреев, А.В. Обеспечение прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства при привлечении в качестве обвиняемого [Текст]: автореф. дис. ...канд. юрид. наук /А.В.Андреев. - М., 2017. - 24 с.

6. Гаврилов, Б.Я. О мерах по законодательному совершенствованию досудебного производства [Текст] / Б.Я.Гаврилов // Российский следователь. - 2011. - №16. - С. 10-13.

УДК 343.13

М.Д. Оралбекова, преподаватель кафедры уголовного права, процесса и криминалистики КарГУ им. Е.А. Букетова

ЕДИНСТВО И ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФОРМЫ

Уголовно-процессуальная форма, понятие и значение, которые будут подробно обсуждаться в статье, является одной из правовых моделей государственной деятельности. Именно в нем выражены особенности и этапы расследования и производства по делу.

Рассматриваемая модель включает в себя комплекс деталей, установленных законодательством условий выполнения, последовательности и правил оформления действий, которые осуществляются в ходе судебного разбирательства по делу. В таком виде структура самого уголовного процесса и его отдельные этапы фиксируются. Соответствующие нормативные акты устанавливают порядок производства по делу. В частности, сформулирована последовательность этапов, условия перехода от одного этапа к другому. Кроме того, определяются факторы, которые характеризуют разбирательство на определенном уровне, основания, порядок и обстоятельства, при которых принимаются определенные меры, суть решений, которые могут быть приняты. Концепция уголовного процесса занимает ключевое место в науке. Его важность обусловлена как непосредственно сущностью рассмотрения дела, так и принципами, по которым оно ведется.

Ключевые слова: судопроизводство, дифференциация, преступление, расследование, субъекты, процессуальная форма, уголовное дело, защита, законность, правосудия.

UNITY AND DIFFERENTIATION OF CRIMINAL PROCEDURE FORM

The criminal procedure form, concept and meaning, which will be discussed in detail in the article, is one of the legal models of state activity. It expresses the features and stages of the investigation and proceedings. The model under consideration includes a set of details established by law for the conditions for implementation, the sequence and rules for formalizing actions that are carried out during the trial. In this form, the structure of the criminal process itself and its individual stages are fixed. The relevant regulatory acts establish the procedure for the proceedings. In particular, the sequence of stages, the conditions for the transition from one stage to another are formulated. In addition, factors are identified that characterize the proceedings at a certain level, the grounds, procedure and circumstances under which certain measures are taken, the essence of decisions that can be taken. The concept of criminal process occupies a key place in science. Its importance is due both directly to the essence of the consideration of the case, and to the principles by which it is conducted.

Keywords: legal proceedings, differentiation, crime, investigation, subjects, procedural form, criminal case, defense, legality, justice.

В уголовном судопроизводстве единство определяется единством его цели, задач, принципов и основных положений. Общеизвестно, что едином уголовном процессе имеются различные виды производств, которые различаются между собой по степени сложности форм. Дифференциация представляет создание различных по степени сложности процедур рассмотрения уголовных дел, в том числе имеющих упрощенную форму. Ускорение и упрощение производства достигается не в ущерб правам и законным интересам подозреваемого или обвиняемого, поскольку они имеют

возможность в состязательном порядке воспользоваться всем объемом прав, предусмотренных для них уголовно процессуальным законом. Это способствует стремительности, эффективности и быстрой судебной защите законных интересов самих обвиняемых.

На современном этапе уголовно-процессуального законодательства проблемы процессуальной формы остро ставятся в связи с вопросом о дифференциации процесса. Для основания градации процессуальной формы необходимо установить дополнительные гарантии для граждан вовлеченных в уголовное судопроизводство. Надо учитывать что необходимость дифференциации уголовного судопроизводства определяется его назначением-правильно и законно применять нормы уголовного материального права. Чем опаснее преступление, тем сложнее должна быть процессуальная форма и наоборот [1]. Тяжкие и особо тяжкие преступления не могут ограничиваться дознанием. По таким делам предварительное следствие является обязательным. К критериям уголовно-процессуальной дифференциации относятся: степень сложности установления фактических обстоятельств дела, определенные свойства лица в отношении которого ведется производство, особая общественная значимость преступления.

Бывают так называемые очевидные преступления, когда например известен подозреваемый, имеются свидетели и т.д. Такое преступление расследовать проще. Однако по делам тяжких и особо тяжких преступлениях ни досудебное, ни судебное производство не может упрощаться даже при очевидности преступления. Усложненными являются производство по делам несовершеннолетних, по делам о преступлениях совершенными депутатами, судьями и т.д.

Значение процессуальной формы в том, что она позволяет придать единообразие судебной и следственной деятельности, а также процессуальная форма призвана обеспечить наиболее целесообразные условия и порядок для ведения дел. Само единство уголовно-процессуальной формы выражается в следующем: единством уголовно-процессуального законодательства, единством принципов уголовного процесса. Содержательная сторона процессуальной формы охватывает всю уголовно-процессуальную деятельность участников производства на любой его стадии. Соблюдение уголовно-процессуальной формы это выполнение установленных законом требований, обеспечение законность в действиях и решениях. Дифференциация процессуальных форм делает эффективным уголовное производство поскольку позволяет учитывать его интересы, и особенности дела [2].

Правомерность дифференциации уголовного производства в рамках единого процесса является одной из предпосылок совершенствования уголовно-процессуального законодательства как в направлении усиления гарантий, так и в сторону упрощения тех процессуальных форм, которые неоправданно осложняют процесс.

Процессуальные формы судопроизводства должны быть научно обоснованными, должны быть взяты во внимание достижения теоритических разработок соответствующие современному развитию общественных отношений. Традиционно считается что есть два направления дифференциации: усложнение форм по одним категориям дел и упрощение по другим [3]. Как правило под усложнением понимается увеличение сроков производства по делу, введение дополнительных прав личности, участие большого количество субъектов, существование различных проверочных процедур. Строгое соблюдение требований является непременным условием правосудной решений суда.

Подводя итоги можно утверждать, что дифференциация уголовного процесса является отражением реалий судебной практики, своеобразным показателем. Изменения уголовно-процессуального законодательства будет непременно сопровождаться изменением форм дифференциации уголовного производства. В целом это должно положительно отразиться а эффективности правосудия в уголовном производстве.

Список используемой литературы и источников

1. Доля, Е. Принцип законности в уголовном судопроизводстве: онтологический, гносеологический и правовой аспекты [Текст] /Е.Доля // Законность. -2010. -№1. -С. 3.
2. Сычев, А. А. Дифференциация уголовно-процессуальной формы производства по делам несовершеннолетних [Текст]: автореф. дис. канд. юрид. наук / А. А. Сычев. – Нижний Новгород, 2009. – 28 с.
3. Монуров, В. К. Досудебное и судебное производство: сущность и проблемы дифференциации процессуальных форм [Текст] / В. К. Монуров// Правоведение. – 2012. – № 3. – С. 16-23.

УДК 343.13

О.С. Пащутина, канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Юго-Западного государственного университета

И.Н. Чеботарева, канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Юго-Западного государственного университета

ОБЕСПЕЧЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ГРАЖДАН НА ЭТАПЕ ДОСЛЕДСТВЕННОЙ ПРОВЕРКИ СООБЩЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ

В статье исследуется современное нормативно-правовое регулирование вопроса обеспечения конституционного права на квалифицированную юридическую помощь при проведении доследственной проверки сообщения о преступлении и связанные с ним проблемы правоприменения.

Ключевые слова: *квалифицированная юридическая помощь, доследственная проверка, возбуждение уголовного дела, защитник.*

ENSURING THE CONSTITUTIONAL RIGHTS OF CITIZENS AT THE STAGE OF PRE-INVESTIGATION VERIFICATION OF A CRIME REPORT

The article investigates the current legal regulation of the issue of ensuring the constitutional right to qualified legal assistance during the pre-investigation verification of a crime report and related problems of law enforcement.

Keywords: *qualified legal assistance, pre-investigation check, initiation of a criminal case, defender.*

Конституция Российской Федерации каждому гарантирует право на получение квалифицированной юридической помощи (ч. 1 ст.48). Указанное право очень важно, поскольку, как отметил Европейский Суд по правам человека применительно к обвиняемому, «когда обвиняемый не имеет адвоката, он в меньшей степени информирован о своих правах, и, как следствие, менее вероятно, что они будут соблюдаться» [1]. Это положение в равной степени имеет отношение и к другим участвующим в уголовном процессе лицам.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) непосредственно предусматривает возможность получения квалифицированной юридической помощи подозреваемым и обвиняемым со стороны защитника (ст.ст.49-53 УПК РФ), потерпевшим, гражданским истцом и гражданским ответчиком со стороны представителя (ст.ст.45, 55 УПК РФ), а также предусматривает возможности свидетеля явиться на допрос с адвокатом (ч.5 ст. 189 УПК РФ) и лица, в помещении которого проводится обыск, воспользоваться помощью адвоката (ч.11 ст.182 УПК РФ). В своих нормах кодекс с разной степенью детализации регулирует указанные возможности, устанавливая общую обязанность должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, разъяснить участникам уголовного судопроизводства их права, обязанности и ответственность, а также обеспечить возможность осуществления этих прав

(ч.1 ст. 11 УПК РФ). Особую актуальность указанное положение обретает на стадии возбуждения уголовного дела, поскольку проводимое в нашей стране правовое реформирование указанной стадии существенным образом затронуло и субъектов уголовного судопроизводства, породив значительные трудности с определением процессуального статуса многих из них и обеспечением возможности реализации ими своих прав.

Часть 1.1 ст. 144 УПК РФ дополнительно устанавливает, что лицам, участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, разъясняются их права и обязанности, предусмотренные УПК РФ, и обеспечивается возможность осуществления этих прав в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы, в том числе и права пользоваться услугами адвоката. И тут начинаются первые трудности правоприменительного характера.

Расплывчатая формулировка положения закона резонно порождает вопрос о том, кого понимает законодатель под данными лицами. Попробуем дать на него ответ, опираясь на детальный анализ норм уголовно-процессуального законодательства. Положения глав 19 и 20 УПК РФ позволяют нам говорить о заявителе (ст. 141, ч. 4 ст. 144, ч. 2 ст. 145 УПК РФ) и лице, явившемся с повинной (ст. 142 УПК РФ). В п. 11 ст. 5 УПК РФ мы находим упоминание о лице, фактически задержанном по подозрению в совершении преступления, а, опираясь на положение п. 1 ч. 1 ст. 46 УПК РФ, мы можем говорить о лице, в отношении которого решается вопрос о возбуждении уголовного дела. Кроме того, исходя из обобщения материалов правоприменительной практики, и руководствуясь правилами формальной логики, можно выделить и таких участников стадии возбуждения уголовного дела, как: пострадавший, очевидец или иное лицо, которому могут быть известны обстоятельства, имеющие значение для решения вопроса о возбуждении уголовного дела (лицо, которое дает объяснение, еще не свидетель в процессуальном смысле этого слова, так как не вызвано на допрос), лицо, которое условно можно назвать «заподозренный в совершении преступления» (данный участник появляется в случае возбуждения уголовного дела по факту совершения преступления, при наличии сведений о возможной причастности конкретного лица к его совершению).

Отметим, что в большей или меньшей степени указанную позицию разделяет и опрошенный нами правоприменитель: 100 % респондентов к числу участников стадии возбуждения уголовного дела отнесли заявителя, 88% - лицо, явившееся с повинной, 80% - пострадавшего и 82% - фактически задержанного[2]. Лишь в некоторых случаях имело место указание на иных, предложенных нами участников.

Но, если вопрос о круге участников стадии возбуждения уголовного дела, которых, по нашему мнению, подразумевает законодатель в ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ, разрешается достаточно просто, то вопрос о том, с какого момента они вправе пользоваться предоставленной законом возможностью реализовывать свои права, представляется более затруднительным.

Верховный Суд РФ обращал внимание на то, что по смыслу ст.16 УПК РФ обеспечение права на защиту является одним из принципов уголовного судопроизводства, действующих во всех его стадиях [3]. Исходя из положений ст. 49 УПК РФ, мы можем утверждать, что право на защиту, которое может быть реализовано с помощью защитника, возникает с момента фактического задержания лица, подозреваемого в совершении преступления (в случаях, предусмотренных ст. ст. 91, 92 УПК РФ) или с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ. Буквальное толкование закона позволяет нам сформулировать вывод о том, что речь идет только о защитнике задержанного, либо лица, в отношении которого проводится следственная проверка (в частности, явившегося с повинной). Тем самым лицо, которое мы условно называем «заподозренное в соверше-

нии преступления», не имеет возможности пользоваться услугами защитника в стадии возбуждения уголовного дела (и практика идет по пути отказа в предоставлении защитника данным лицам). Данный вывод вытекает и из позиции Конституционного Суда, который считает, что право на защиту не распространяется на следственные действия, которые не связаны с дачей лицом показаний, подготавливаются и проводятся без уведомления лица об их проведении [4].

Кроме того, участию защитника на стадии возбуждения уголовного дела присущ и еще один проблемный аспект. В соответствии с ч. 1 ст. 48 Конституции РФ, в случаях, предусмотренных законом, юридическая помощь оказывается бесплатно. Положение основного закона отсылает нас к ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 21.11.2011 г. № 324-ФЗ (ред. от 28.11.2015 г.) «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации», согласно которой граждане имеют право на получение бесплатной юридической помощи в случаях и в порядке, которые предусмотрены настоящим Федеральным законом, другими федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации. Возникает вопрос: «Имеют ли на это право лица, в отношении которых производится следственная проверка сообщения о преступлении?». К сожалению, нет: бесплатной юридической помощью защитника в уголовном процессе могут пользоваться только подозреваемый, обвиняемый, которым защитник назначен должностным лицом, осуществляющим производство по делу, при отсутствии об этом ходатайства указанных лиц или в случае, когда их отказ от защитника не удовлетворяется следователем или дознавателем (в интересах правосудия) (ст. 131 УПК РФ). Гипотетически, это право может быть только реализовано только лицом, фактически задержанным по подозрению в совершении преступления.

Но вернемся вновь к ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ... Закрепленные в ней положения связывают обеспечение возможности осуществления прав, в том числе, и пользоваться услугами адвоката, лицам с началом производства процессуальных действий. И, если на практике не возникает проблем с привлечением заявителями - лицами, в отношении которых было совершено преступление, пострадавшими, адвокатов (следователи и дознаватели, исходя из анализа практики, как правило, допускают их к участию в проверочных мероприятиях), то очевидцы (т.е. лица, которые дают объяснения на стадии возбуждения уголовного дела), в отличие свидетелей (лиц, которые вызваны на допрос для дачи показаний на стадии предварительного расследования), которыми, впрочем, они потом и становятся, лишаются такой возможности. Это связано не только с усмотрением правоприменителя, но и с несовершенством самого законодательного регулирования, затрудняющим реализацию такого права. Обратимся вновь к положениям ч.1.1 ст. 144 УПК РФ: «Лицам, участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении...». Как мы видим, законодатель связывает право воспользоваться услугами адвоката с производством действий, под которыми в соответствии п. 32 ст. 5 УПК РФ понимаются следственное, судебное или иное действие, предусмотренное УПК РФ. В соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК РФ, при проверке сообщения о преступлении дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе получать объяснения. Анализ научного материала, правоприменительной практики, норм УПК РФ, в части, относящейся к теме исследования, позволяют нам говорить о том, что дача объяснений – весьма распространенное на практике явление, под которым следует понимать не регламентированное уголовно-процессуальным законом добровольное сообщение очевидцем или иным лицом, которому известны какие-либо факты о совершенном преступлении сотрудникам правоохранительных органов сведений, относящихся к предмету проверки сообщения о преступлении. Таким образом, с точки зрения современного уголовно-процессуального законодательства, дача объяснений не относится к процессуальным действиям и исключает возможность лица, являющегося потенциальным свидетелем, воспользоваться

услугами адвоката. Этим, как правило, и объясняет свои действия правоприменитель, отказывая в присутствии адвоката при получении сведений от граждан в ходе доследственной проверки сообщения о преступлении. Выход из данной, конкретно сложившейся ситуации нам видится в необходимости внесения в УПК РФ нормы, регламентирующей процедуру получения и фиксации объяснений. Во-первых, нельзя не согласиться с мнением С.А. Шейфера, высказанного еще в прошлом веке, о том, что при получении объяснений налицо присущее собиранию доказательств целенаправленное получение информации, преобразование ее формы и сохранение для последующего использования [5], которое, по своей сути является весомым аргументом в пользу придания данному действию статуса процессуального. Кроме того, доказательственное значение объяснений подчеркивает и сам законодатель, закрепляя в п. 2 ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ положение о том, что дознаватель вправе не допрашивать лиц, от которых в ходе проверки сообщения о преступлении были получены объяснения, за исключением случаев, прямо указанных в законе. Во-вторых, это бы не ставило в зависимость от наличия статуса «свидетель» получение возможности реализовывать свои конституционные права лицами, которым известны какие-либо обстоятельства, касающиеся совершенного или готовящегося преступления.

Восполнение имеющихся пробелов в нормативно-правовом регулировании представляется весьма актуальным как для практических целей, так и для более глубокого и последовательного развития конституционных начал в отраслевом законодательстве. Необходим более тонкий подход законодателя к вопросу обеспечения граждан возможностью пользоваться квалифицированной юридической помощью на стадии возбуждения уголовного дела.

Список используемой литературы и источников

1. Постановление Европейского суда по правам человека по делу «Пищальников (Pishchalnikov) против Российской Федерации» от 24.09.2009 по жалобе № 7025/04, п.78 [Электронный ресурс] // URL// <https://www.lawmix.ru/vas/45542> (дата обращения: 11.10.2019)
2. В анкетном опросе приняло участие 60 сотрудников органов дознания и предвзятельного следствия г. Курска.
3. "О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве" [Текст]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 N 29 // URL// http://www.consultant.ru/document/cops_doc_LAW_181898/ (дата обращения: 11.10.2019)
4. "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Барабаша Кирилла Владимировича на нарушение его конституционных прав пунктами 1 и 5 части первой статьи 53 и пунктом 6 части четвертой статьи 56 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" [Текст]: определение Конституционного Суда от 17.02.2015 № 415-О, "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Перетягко Натальи Николаевны на нарушение ее конституционных прав подпунктом "а" пункта 3 части третьей статьи 49 и пунктом 1 части второй статьи 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации" [Текст]: определение Конституционного Суда от 18.07.2017 №1451-О // URL// <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-ot-18072017-n-1451-o/> (дата обращения: 12.11.2019)
5. Шейфер, С.А. Сущность и способы собирания доказательств в советском уголовном процессе [Текст] /С.А.Шейфер. – М., 1972. - С. 57.

УДК 343.195

**Н.М. Перетягко, канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»**

ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ СУДОПРОИЗВОДСТВА С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ: ОПЫТ УСТАВА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗ- ВОДСТВА В СОВРЕМЕННОМ ПРОЧТЕНИИ

В статье исследуется позитивный опыт законодательной регламентации института присяжных заседателей по Уставу уголовного судопроизводства 1864 г. в сравнении с современным отечественным законодательством.

Ключевые слова: Устав уголовного судопроизводства 1864 г., формирование коллегии присяжных заседателей, отвод кандидатов в присяжные заседатели, обжалование приговора, постановленного с участием присяжных заседателей.

PROCEDURAL REGULATION OF JUDICIAL PROCEEDINGS WITH PARTICIPATION OF JURORS: EXPERIENCE OF THE CHARTER OF CRIMINAL PROCEEDINGS IN MODERN READING

The article examines the positive experience of legislative regulation of the Institute of jurors under the Statute of criminal proceedings in 1864 in comparison with modern domestic legislation.

Keyword: Charter of criminal proceedings of 1864, the formation of the jury, the withdrawal of candidates for jurors, appeal against the verdict, decided with the participation of jurors.

Устав уголовного судопроизводства 1864 г. (далее – УУС) имел для своего времени прогрессивный характер не только в смысле регламентирующего судопроизводство акта, но и в историческом, политическом и этическом значении. По мнению А.Ф. Кони, его этическое значение заключалось в проникновении в правосудие нравственных правил с одной стороны, и соответственно, развитие народного правосознания – с другой [1, с. 1]. Этому способствовало утверждение роли внутреннего убеждения судей взамен формальной оценки доказательств, а также введение института присяжных заседателей.

Вместе с тем, введение суда присяжных заседателей неоднозначно было воспринято как учеными, так и общественными деятелями, как впрочем, и в современных реалиях. Так, доводы противника введения суда присяжных заседателей графа Блудова [1, с. 10-11] можно встретить и в современном прочтении: недостаточный уровень правосознания населения, терпимость к преступлениям, особенно против собственности, отсутствие не только юридического, но и общего образования, и вследствие этого, недостаточный кругозор для тонкого анализа и логических выводов, и наконец, чуждость отечественной правовой системе[2, с. 56; 3, с. 42].

Анализ научной литературы исследуемого периода показывает и схожесть проблем функционирования института присяжных заседателей, к ним, например, можно отнести проблемы с формированием коллегии присяжных заседателей. Так А.Ф. Кони отмечает, что состав присяжных заседателей зачастую представляет собой не фактические единение представителей разных слоев общества, а собрание людей, которым не удалось избежать внесения их в списки[1, с. 12]. В настоящее время в целях формирования коллегии присяжных заседателей вызов направляется порядка тысячи гражданам[4]. В связи с этим представляется неубедительным тезис о положительном влиянии предусмотренной в УУС ответственности за неявку присяжного в судебное заседание [5, с. 197].

Законодательная регламентация процессуального порядка функционирования института присяжных заседателей по УУС имеет как общие черты, так и различия с современным порядком. Так, в УУС была детально прописана процедура отбора предварительного списка кандидатов в присяжные заседатели (ст. 550-555), отсутствовала процедура мотивированного отвода (ст. 655-660) (впоследствии в ред. закона от 12 июня 1884 г. Устав узаконил смешанную систему отвода), была предусмотрена возможность сокращенного судебного следствия при признании подсудимым своей вины (ст. 681-682), допускалась возможность исследования личности подсудимого (ст. 684), отсутствовал установленный период времени, в течение которого присяжные должны были стремиться к принятию единогласного решения (ст. 813), имелась законодательно установленная ответственность присяжного заседателя за соби́рание каких-либо сведений по делу вне судебного заседания (ст. 676), невозможность апелляционного обжалования приговора (ст. 855).

Особого внимания заслуживают законодательные нормы, регулирующие порядок формирования коллегии присяжных заседателей. За три недели до открытия судебных заседаний должны были быть отобраны тридцать кандидатов в присяжные заседатели и шесть запасных (в последующих редакциях закона – три). На практике трехнедельный срок обычно увеличивался, по причинам несвоевременности вручения повесток полицией и отдаленности от суда уезда, откуда вызывались присяжные заседатели [6, с. 137]. Выбор кандидатов в присяжные заседатели осуществлялся судом, в состав которого входил председатель и два члена суда, секретарь, прокурор или его товарищ.

Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации первоначальные действия по формированию коллегии присяжных заседателей возложены на секретаря судебного заседания или помощника судьи (ст. 326 УПК РФ). Учитывая, что от действий этого участника процесса зависит формирование предварительного списка кандидатов в присяжные заседатели, подлежащих затем вызову в судебное заседание для формирования коллегии, т.е. законного состава суда, представляется, что порядок, предусмотренный УУС, в большей степени отвечает интересам гласного и независимого судопроизводства.

Отбор кандидатов осуществлялся путем случайной выборки. Методика ее производства подробно описана в ст. 550-555 УУС. В практических пособиях того времени авторы идут еще дальше, детализируя все подробности. Так, например, в руководстве для присяжных заседателей, составленном А. Квачевским, описывается устройство ящиков, из которых председателем вынимаются билеты в виде карты двух цветов, поскольку билеты очередных присяжных не должны смешиваться с запасными. Ящик целесообразно использовать вращающийся, с тем, чтобы находящиеся внутри него билеты могли разбрасываться в разные стороны. Отверстие для руки должно быть небольшим и закрываться дверкой – чтобы нельзя было видеть какой билет вынимается, «иначе выбором будет руководить не слепой жребий, а усмотрение председателя» [6, с. 140-142]. Жребий производился при открытых дверях присутствия. По спорным вопросам выслушивалось мнение прокурора, но не как представителя стороны обвинения, а как представителя органа, осуществляющего надзор за законностью. Имена кандидатов, выпавших в результате жребия, фиксировались в двух списках, скрепляемых секретарем и подписями судей. О проведении отбора составлялся протокол.

Как видим, законодательством исследуемого периода придавалось принципиальное значение беспристрастному, открытому, гласному и понятному для общественности порядку формирования коллегии народных судей. Верховный Суд РФ так же считает соблюдение надлежавшего порядка внесения кандидатов в списки принципиальным для постановления приговора законным составом суда [7]. Однако методика производства случайной выборки не содержится ни в УПК РФ, ни в Инструкции по судебному делопроизводству в районном суде [8]. Современный законодатель не требует фикса-

ции действий секретаря судебного заседания, что по нашему мнению является пробелом. Учитывая значение порядка формирования коллегии присяжных заседателей, представляется целесообразным учет опыта законодательной регламентации отбора кандидатов в присяжные заседатели УУС применительно к современным реалиям.

Принципиальное значение составители УУС придавали праву на немотивированный отвод присяжных заседателей. Если решение о виновности или невиновности подсудимого принимается по внутреннему убеждению судей, то совершенно необходимо, чтобы состав суда внушал к себе доверие. Широкое право на немотивированный отвод гарантирует стороне участие в правосудии именно тех лиц, которым она доверяет. Присяжный заседатель – избранный обществом, соответственно, он должен быть и избранным стороны. Именно это обстоятельство придает ему высокий нравственный авторитет, чем глубже корни, пущенные институтом присяжных, тем тверже и шире право отводов [9, с. 234]. Данный тезис, на наш взгляд, характеризует саму сущность правосудия с участием присяжных заседателей – право быть судимым судьями – представителями общества, не назначенными председательствующим судьей или представителями власти, а определенными волею случая. Данное положение в определенной степени утрачено нашим законодательством. Основное внимание в ст. 328 УПК РФ уделено процедуре мотивированного отвода. Однако председательствующий судья вправе не согласиться с просьбой стороны об отводе присяжного заседателя. В судебной практике, в том числе и Верховного Суда РФ, приведены позиции, когда председательствующий судья отказывает в удовлетворении мотивированного отвода по тем основаниям, что доводы стороны о невозможности участия присяжного заседателя не основаны на законе [10]. Вместе с тем смысл отводов, в том числе и в том, что сторона должна иметь возможность устранить тех лиц, которые не вызывают у нее доверия, не способных по ее мнению оценить содеянное, дойти до истины. Безусловно, право на немотивированный отвод не должно быть безграничным, однако действующее положение о немотивированном отводе одного кандидата в присяжные представляется недостаточным, противоречащим сущности судопроизводства с участием присяжных заседателей.

Имеется пробел и в части, посвященной регулированию формирования коллегии присяжных заседателей относительно заявления немотивированных отводов. Немотивированные отводы не оглашаются, в ч.ч. 13-17 ст. 328 УПК РФ описан следующий порядок. Государственный обвинитель вычеркивает фамилию кандидата из списка. Защитник по согласованию с подсудимым (подсудимыми) так же вычеркивает фамилию кандидата. После разрешения всех самоотводов и отводов составляется окончательный список, затем председательствующий объявляет *результаты отбора* (курсив мой – П.Н.), т.е. объявляет фамилии оставшихся. Таким образом, остается неурегулированным вопрос – должен ли председательствующий судья уведомить защитника о результатах немотивированного отвода, произведенного государственным обвинителем. Полагаем, данные действия необходимы в целях обеспечения наиболее полной реализации принципа состязательности сторон. Для устранения данного пробела целесообразно внести изменения в ст. 328 УПК РФ, дополнив ч. 14 указанием на то, что председательствующий должен ознакомить сторону защиты о том, кто отведен государственным обвинителем в результате немотивированного отвода.

УУС разделял способ пересмотра судебных решений в зависимости от вида обжалуемого решения. Обжалование приговоров окончательных (в т.ч. постановленных окружным судом с присяжными заседателями), не вступивших в законную силу было возможно посредством кассации. Сравнивая данные нормы с современной законодательной регламентацией, отметим следующее. Конкретизируя решения, которые вправе принять суд апелляционной инстанции, законодатель подчеркивает возможность отмены оправдательного приговора, постановленного на основании оправдательного вердикта коллегии присяжных заседателей лишь при наличии таких существенных нару-

шений уголовно-процессуального закона, которые ограничили право прокурора, потерпевшего или его законного представителя и (или) представителя на представление доказательств либо повлияли на содержание поставленных перед присяжными заседателями вопросов или на содержание данных присяжными заседателями ответов (ст. 389.25 УПК РФ). Коллегия присяжных заседателей при вынесении вердикта высказывает свое мнение по существу фактических обстоятельств дела, поэтому у суда второй инстанции остается право проверки только юридической части приговора, что в свою очередь является прерогативой кассации. Следует согласиться с мнением О.А. Калякина, указывающего на неприемлемость апелляции применительно к приговору, вынесенному с участием присяжных заседателей [11, с. 23]. Думается, законодательное решение Устава уголовного судопроизводства относительно возможности обжалования приговоров, вынесенных с участием присяжных заседателей, в кассационном порядке, в большей степени отвечает задачам данного процессуального института.

В заключение следует отметить, что судопроизводство с участием присяжных заседателей представляет собой уголовно-процессуальный институт, имеющий особое социальное значение, олицетворяющий демократические ценности, поскольку позволяет осуществлять народный контроль за справедливостью выносимых судебных решений, доказавший с течением времени свою жизнеспособность. Вместе с тем, несовершенство законодательства в указанной сфере воспринимается особенно остро, в определенной степени, способствует формированию недоверия граждан к данной форме осуществления правосудия, нивелирует достаточно серьезные материальные затраты государства на его содержание.

Безусловно, любой законодательный акт определяется своей эпохой, своими задачами, отвечающими социальным, политическим, экономическим реалиям того или иного государства. Некоторые положения Устава уголовного судопроизводства 1864 г., несмотря на прогрессивный для своего времени характер, уже неприменимы к современным условиям. Однако такие его достижения как состязательность, гласность, уважение к правам сторон должны стать фундаментальными началами, реализуемыми и в современном уголовном судопроизводстве с участием присяжных заседателей.

Список используемой литературы и источников

1. Устав уголовного судопроизводства: Систематический комментарий/ при участии сенаторов Кони А.Ф., Случевского В.К., Таганцева Н.С. [Электронный ресурс] под общ. ред. проф. Гернета М.Н. Выпуск 1 // Опыт отечественной судебной реформы 1864 г. Библиотека администрации Президента Российской Федерации // КонсультантПлюс, 2010. - Диск 2.
2. Алексеев, И.Н. Суд присяжных заседателей как угроза российской правовой системе [Текст] / И.Н. Алексеев // Уголовный процесс. – 2005. – №5. – С. 52–59.
3. Ефименко, С. Социально-экономические препятствия функционированию суда присяжных [Текст] / С. Ефименко // Законность. – 2007. – №4. – С. 41–43.
4. Справка по результатам изучения судебной практики рассмотрения Саратовским областным судом уголовных дел с участием присяжных заседателей за 2014-2016 гг. Официальный сайт Саратовского областного суда. [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://oblsud.sar.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=10119
5. Силакова, В.С. Формирование коллегии присяжных заседателей по уставу уголовного судопроизводства 1864 года [Текст] / В.С. Силакова // Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире. – 2016. – № 15. – С. 197-199.
6. Суд присяжных по русским законам. Руководство для присяжных заседателей, составленное А. Квачевским [Электронный ресурс] // Опыт отечественной судебной реформы 1864 г. Библиотека администрации Президента Российской Федерации // КонсультантПлюс, 2010.- Диск 2.

7. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 04.10.2016 № 18-АПУ16-19СП [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB002&n=479447#015158607964434423> Дата обращения: 17.08.2019

8. Об утверждении Инструкции по судебному делопроизводству в районном суде [Текст]: приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 29.04. 2003 № 36 (в ред. от 10.04.2019 № 79) // Российская газета. - 2004. - 5 ноября.

9. Фойницкий, И.Я. Курс уголовного судопроизводства. В двух томах. Том 1. [Текст] / И.Я.Фойницкий. - СПб.: «Изд-во Альфа», 1996. – 353 с.

10. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 16.02.2011 № 58-О11-6СП [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://base.garant.ru/70219132/> Дата обращения: 03.09.2019

11. Калякин, О.А. Апелляция в системе современных проверочных производств [Текст] / О.А. Калякин // Уголовное судопроизводство. – 2014.– № 3. – С. 19-24.

УДК 343.988

Н.Н. Подольная, канд. экон. наук, доцент Казанского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ВИКТИМНОСТЬ И ЗАЩИТА ПРАВ ПОСТРАДАВШЕГО ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Не только преступление, но и его расследование способно приносить страдание потерпевшему. Это зависит во многом от умения и навыков следователя, но это также зависит и от тех процедур, которые установлены уголовно-процессуальным законодательством. Поэтому развитие уголовно-процессуального законодательства должно исходить из того, чтобы вводимые нормы не вносили процедур, которые могут причинять страдания потерпевшему. Кроме того, подлежат ревизии те нормы, которые способны наносить потерпевшему дополнительные душевные травмы.

Ключевые слова: процессуальная виктимность; потерпевший; предварительное расследование; возбуждение уголовного дела; справедливость.

PROCEDURAL VICTIMITY AND PROTECTION OF THE RIGHTS OF AN AFFILIATED FROM CRIME IN THE CRIMINAL PROCESS

Not only a crime, but also its investigation can bring suffering to the victim. It depends largely on the skills of the investigator, but it also depends on the procedures established by the criminal procedure law. Therefore, the development of criminal procedure legislation should proceed from the fact that the introduced standards do not introduce procedures that may cause suffering to the victim. In addition, those norms that are capable of inflicting additional emotional trauma on the victim are subject to revision.

Keywords: procedural victimization; victim; preliminary investigation; criminal proceedings; justice.

Правосудие уже традиционно воспринимается, как социально установленный институт по восстановлению нарушенной справедливости [1]. Уголовное правосудие – это вид правосудия, которым восстанавливается нарушенная преступлением справедливость [2]. Исходя из этого сформулированы нормы уголовно-процессуального законодательства – они ориентированы на установление правил, следование которым способно обеспечить восстановление нарушенной справедливости. Одной из ключевых фигур уголовного правосудия является потерпевший, поскольку он претерпел вполне определенный ущерб, который выразился в испытанных им страданиях [3]. Уголовно-

процессуальным законодательством с учётом этого определяется его статус, состоящий в системе прав и гарантий, использование которых способно обеспечить восстановление той социальной ситуации, в которой лицо, пострадавшее от преступления, находилось до совершения преступления (хотя бы отчасти). К сожалению, для пострадавшего полного восстановления этой социальной ситуации невозможно, поэтому уголовное-процессуальное законодательство предусматривает порядок, который хотя бы отчасти этого достигнуть. В той части, где невозможно полного восстановления нарушенных прав (например, уничтожение вещи или гибель человека) предусматривается определённая компенсация, призванная хотя бы отчасти восполнить утрату. В связи с этим в ст. 42 УПК РФ достаточно чётко сформулирован статус потерпевшего. Однако хотелось бы обратить внимание на ту сторону, которая оказалась, как представляется, вне поля зрения законодателя. Несомненно, важным признаком потерпевшего является то, что это лицо, испытывавшее вполне определённые страдания от совершённого в отношении него преступления. По этой причине представлялось бы правильным, чтобы процедура восстановления нарушенных преступлением прав потерпевшего сама не стала причиной новых страданий для него. К сожалению, практика уголовного процесса свидетельствует об обратном. Уже само обращение в правоохранительные органы для пострадавшего от преступления становится достаточно серьёзным испытанием, приносящим немалые страдания. Пострадавший сталкивается с формализмом, бюрократизмом и чёткостью со стороны должностных лиц, уполномоченных принимать заявления. Часто он видит безразличие к проблеме, с которой он столкнулся, нежелание утруждаться установлением обстоятельств совершённого преступления и восстановления его нарушенных прав. Учитывая то, что пострадавший от преступления вполне осознанно идёт на это, вполне можно говорить о процессуальной виктимности – готовности претерпеть страдания от действий процессуального характера, которые выполняются в ходе уголовного судопроизводства.

Процессуальная виктимность – это по своей сути повторная виктимность, поскольку первопричиной является уже совершённое преступление, которое расследуется и в связи, с которым осуществляется уголовное правосудие. Но вполне очевидно также и то, что при отсутствии заявления со стороны пострадавшего от преступления могло и не начаться предварительное расследование, не состояться уголовное судопроизводство, а значит и не было бы страданий от выполняемых следственных и иных процессуальных действий. Понимание этого со стороны пострадавших от преступления останавливает их от того, чтобы обращаться в правоохранительные органы с заявлением, что избавляет их от страданий и даже унижений, связанных с выполнением соответствующей процессуальной процедуры. Такие соображения часто являются причиной того, что отдельные преступления так и остаются неизвестными для правоохранительных органов, что является причиной латентной преступности, когда общество и государство остаются в неведении относительно истинных масштабов совершения преступлений определённого вида [4,5]. Пострадавшие предпочитают иногда оставить в неведении правоохранительные органы о совершённом в отношении них преступлении лишь бы не испытывать новых страданий, связанных уже с расследованием этого преступления. В некоторых случаях пострадавшие боятся расследования, поскольку полагают, что обращение к совершённому преступлению даже в показаниях будет влечь для них немалое унижение в связи с упоминанием отдельных фактов и деталей того, что имело место. Подобное особенно актуально для лиц, пострадавших от совершения преступления против половой неприкосновенности и половой свободы. Для пострадавших унижительно бывает сообщать о деталях этих преступлений, а вопросы, которые им могут быть заданы могут оказаться недостаточно корректными, что становится дополнительным фактором унижения личности пострадавшего. Кроме того, неаккуратные вопросы в таких случаях воспринимаются, как скабрёзные, задаваемые не в интересах установ-

ления истины, а лишь из простого любопытства к «пикантностям» со стороны следователя. Но не только по этой группе преступлений, но и по иным, лишние напоминания о совершённом в отношении них преступлении у пострадавшего вызывают достаточно сильные страдания. Поэтому, предвидя их, пострадавший от преступления в отдельных случаях отказывается от обращения в правоохранительные органы. А это нежелательно для общества и государства, поскольку преступление без уголовной ответственности за него часто приводит к безнаказанности, что создаёт благоприятные условия для совершения новых преступлений тем же лицом, а также другими лицами, которые видят такую безнаказанность.

Страдания, которые испытывает пострадавший от преступления являются одним из доводов того, чтобы не было излишних процедур, которые могли бы причинять эти страдания. Любое упоминание о совершённом преступлении причиняет вполне определённые страдания потерпевшему, а потому необходимо избегать излишнего обращения к совершённому преступлению, чтобы не причинять ему излишней боли. Уголовное судопроизводство имеет своей целью установление справедливости и не должно влечь за собой причинение страданий пострадавшему пусть даже в тех случаях, когда это мотивировано необходимостью установления обстоятельств совершения конкретного преступления. Данные соображения, как представляется, являются достаточно весомым доводом в пользу отказа от стадии возбуждения уголовного дела, как стадии излишне затягивающей процесс восстановления нарушенной справедливости. Помимо этого, данная стадия не знает такого участника, как потерпевший поскольку в соответствии с ч. 1 ст. 42 УПК РФ решение о признании потерпевшим принимается незамедлительно с момента возбуждения уголовного дела, а потому до возбуждения (то есть на стадии возбуждения уголовного дела) решения о признании лица в качестве потерпевшего не может быть вынесено [6]. Статус потерпевшего, следовательно, может охватывать предварительное расследование и все последующие стадии уголовного процесса, но не стадию возбуждения уголовного дела. В этом усматривается отступление от справедливости, поскольку лицо, пострадавшее от преступления, лишено возможности отстаивать свои права и законные интересы, что несомненно может отображаться на полноте, всесторонности и объективности всех тех действий, которые выполняются на стадии возбуждения уголовного дела. Лицо, пострадавшее от преступления, на стадии возбуждения уголовного дела может выступать лишь в качестве заявителя, что существенно ограничивает его права и не позволяет защищать свои законные интересы [7]. Заявитель не является участником уголовного судопроизводства, а потому обладает лишь ограниченным перечнем прав, что не соответствует представлениям о социальной справедливости.

В соответствии со ст. 144 УПК РФ на стадии возбуждения уголовного дела от пострадавшего в общем порядке получают объяснения, исходя из которых в совокупности с другой информацией, делают вывод о наличии или отсутствии преступления. При получении объяснения пострадавшее лицо вынуждено опять, помимо допроса в ходе предварительного расследования, обращаться к травмирующим его событиям, воспоминания о которых причиняют ему страдания. То есть, существующий порядок, включающий стадию возбуждения уголовного дела, является травмирующим для лица пострадавшего от преступления. Это, как представляется, является неопровержимым доводом против необходимости стадии возбуждения уголовного дела в уголовном судопроизводстве.

Также следует отметить, что и практика уголовного судопроизводства является достаточно безжалостной к потерпевшему. Это проявляется, в частности, в том, что в ходе предварительного расследования потерпевшего допрашивают неоднократно. Данная практика также является источником страданий потерпевшего в ходе предварительного расследования. Чаще всего причиной этого является несобранность следователя, его

неумение планировать порядок производства и контролировать ход допроса. В результате потерпевший вновь и вновь вынужден обращаться к событиям, которые явились травмирующими его психику, принёсшим ему немалые страдания. Создаётся ситуация, когда уже не преступник, а следователь становится источником страданий потерпевшего, многократно возвращая потерпевшего в момент совершения преступления, причинившего ему страдания. Вполне очевидно, что это является нежелательным и не соответствует принципам уголовного судопроизводства. К примеру, повторяя допросы потерпевшего при расследовании преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы, следователь вновь и вновь ставит под удар честь и достоинство потерпевшего, то есть действует вразрез с принципом уважения чести и достоинства личности (ст. 9 УПК РФ). В зависимости от особенностей совершённого преступления и особенностей расследования могут нарушаться и иные принципы уголовного судопроизводства. В связи с этим представлялось бы правильным внесение дополнения к статусу потерпевшего, состоящего в запрете повторного допроса потерпевшего за исключения случаев несоответствия его показаний иным доказательствам и установленным обстоятельствам. Это стало бы гарантией защиты потерпевшего от дополнительных страданий, которые способен ему причинить дополнительный или повторный допрос. Возможно необходимо ввести также нормативное правило, в соответствии с которым следователь должен для производства дополнительного или повторного допроса выносить постановление, в котором он должен излагать мотивы, по которым данное следственное действие должно быть выполнено. Это позволило бы контролировать обоснованность решения следователя провести дополнительный или повторный допрос.

С учётом изложенного, уголовное судопроизводство должно рассматриваться не только с точки зрения общественного интереса, с точки зрения прав и законных интересов подозреваемого, обвиняемого, но и с точки зрения потерпевшего. Уголовный процесс не должен таить в себе процессуальную виктимность, являющуюся причиной, порождающей страдания лица, уже и так пострадавшего от совершённого преступления. Исходя из этого должны выстраиваться процессуальные процедуры, процессуальные действия и приниматься процессуальные решения.

Список используемой литературы и источников

1. Правосудие в современном мире [Текст]: монография / Верховный Суд РФ; Под ред. Т.Я. Хабриевой, В.М. Лебедева. – М.: Норма: НИЦ Инфра-М, 2018. – С. 20.
2. Исаков, В.С. Справедливость и равенство в уголовном судопроизводстве [Текст] / В.С. Исаков, Е.А. Шушакова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2018. – № 4. – С. 109-112.
3. Павлова, Л.В. Права потерпевшего как участника конфликтного охранительного уголовного правоотношения в структуре правового статуса потерпевшего [Текст] / Л.В. Павлова // Вестник Полоцкого государственного университета. – Серия D: Экономические и юридические науки. – 2018. – № 5. – С. 185-192.
4. Жиров, Р.М. К вопросу о сущности латентной преступности [Текст] / Р.М. Жиров, М.А. Кабжихова // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. – 2017. – № 3 (23). – С. 101-105.
5. Серёгина, Е.В. Криминология / Е.В. Серёгина, Е.Н. Москалёва [Текст]: учебное пособие. – М.: РГУП, 2018. – С.45.
6. Румянцева, М.О. Возбуждение уголовного дела: проблемы и перспективы [Текст]: монография. - М.: Юстицинформ, 2019. – С.14
7. Артемова, В.В. Обеспечение прав заявителя при принятии заявления о преступлении [Текст] / В.В. Артемова // Вестник Московского университета МВД России. – 2012. – № 5. – С. 117-120.

УДК 343.132

**Н.А. Подольный, д-р юрид. наук, профессор Казанского института (филиала)
Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)**

К ВОПРОСУ О СЛЕДСТВЕННЫХ ХИТРОСТЯХ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Следственная хитрость – это средство оптимизации предварительного расследования, позволяющее с наименьшими затратами решать сложные тактические задачи по установлению обстоятельств совершения конкретных преступлений. Несмотря на это вполне очевидное достоинство со следственной хитростью связано множество сомнений о её нравственной допустимости. В связи с этим встаёт также вопрос и о возможности применения её в рамках уголовного судопроизводства. Это является предметом рассмотрения данной статьи.

Ключевые слова: следственная хитрость; следственная тайна; предварительное расследование; тактический приём.

ON THE ISSUE OF INVESTIGATIVE TRICKS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Investigative trick is a means of optimizing the preliminary investigation, which allows solving complex tactical tasks with the least expenses to establish the circumstances of the commission of specific crimes. Despite this obvious merit of investigative trick, there are doubts about its moral admissibility. In connection with this, the question also arises of the possibility of using it in the framework of criminal proceedings. This is the subject of the article.

Key words: investigative trick; investigative secret; preliminary investigation; tactical technique.

Вряд ли кто поспорит с тем, что криминалистика всегда ориентирована на разработку методов и средств эффективного выявления, раскрытия и расследования преступлений. Заподозрить в этом науку уголовного процесса достаточно сложно, поскольку здесь основные разработки связаны с совершенствованием гарантий прав и свобод гражданина в уголовном судопроизводстве. Тем не менее, именно благодаря развитию криминалистики в уголовно-процессуальное законодательство вводятся нормы, которые способствуют оптимизации уголовного судопроизводства по установлению обстоятельств соответствующего преступления. Так, в уголовный процесс вводится целый ряд следственных действий, которые становятся дополнительным средством по установлению обстоятельств совершения преступления. Введение этих следственных действий указывает на то, что уголовно-процессуальное законодательство ориентировано не только на гарантию прав и законных интересов лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве. Это также указывает на то, что законодатель стремится к тому, чтобы уголовное судопроизводство было эффективным, позволяя устанавливать обстоятельства совершения конкретного преступления. В этом вполне отчётливо читается желание государства и общества иметь дополнительные (кроме уже ставших традиционными – допроса, обыска) источники доказательств, благодаря которым можно не только достоверно восстановить картину совершённого преступления, но и гарантировать то, что в ходе уголовного процесса будут приняты справедливые процессуальные решения, что не будет необоснованного привлечения к уголовной ответственности и необоснованного ограничения прав и свобод граждан. Поэтому эффективное расследование – это вовсе не антитеза гарантиям прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, напротив, — это дополнительная гарантия того, что невиновный не будет привлечён к уголовной ответственности. Эффективное расследование предполагает высокий уровень качества в действиях следователя, которые направлены

на достижение истины, необходимой для обеспечения справедливости принятия процессуальных решений. Поэтому, хотя в ст. 6 УПК РФ в качестве назначения уголовного судопроизводства не названа эффективность выявления, раскрытия и расследования преступления, однако и защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, и защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод со стороны государства, его органов и должностных лиц требуют качественного, а значит эффективного расследования, в ходе которого могут быть установлены обстоятельства совершения конкретного деяния (возможно преступного). В связи с этим можно говорить о влиянии криминалистики на уголовный процесс, которая всегда стремится к оптимизации выявления, раскрытия и расследования преступлений, в том числе и посредством поиска новых средств, методов и источников получения доказательств.

Практика предварительного расследования уже давно использует следственную хитрость, рассматривая её, как достаточно эффективное средство решения тактических задач, помогающие устанавливать обстоятельства совершения преступления. В некоторых случаях она позволяет даже обеспечить “перелом”, состоящий в отказе соответствующего участника уголовного судопроизводства от противодействия установлению истины. Это особенно важно поскольку позволяет получить от свидетеля важные для установления обстоятельств совершения преступления доказательства, от подозреваемого, обвиняемого - добиться деятельного раскаяния и содействия в установлении истины. Вполне очевидно, что такая эффективность заставляет обратить внимание на следственную хитрость теорию расследования. Но теория расследования может принять её, как средство оптимизации расследования лишь при условии её соответствия требованиям уголовно-процессуального законодательства. То есть необходимо подтверждение её легитимности. К сожалению, здесь далеко не всё так просто и однозначно. В соответствии с ч.1 ст. 164 УПК РФ при производстве следственных действий недопустимо применение насилия, угроз и иных незаконных мер, а равно создание опасности для жизни и здоровья участвующих в них лиц. Указание на неопределённое множество действий, которые могут быть незаконными заставляет обратиться к принципам уголовного судопроизводства. Здесь нет принципов, которые прямо указывают на незачинность или на несоответствие требованиям морали и нравственности, но есть принцип, сформулированный в ст. 9 УПК РФ, где речь идёт об уважении чести и достоинства личности. В соответствии с данным принципом запрещается совершение действий и принятие решений, которые унижают честь участника уголовного судопроизводства, а также обращение, унижающее его человеческое достоинство. Понятия «честь» и “достоинство” — это понятия, которое активно используется этикой и которое является ключевым для морали и нравственности [1]. Они определяют этические требования к предварительному расследованию и всей совокупности действий, выполняемых следователем в ходе установления обстоятельств соответствующего преступления. Эти этические требования следует рассматривать, как условие проведения предварительного расследования, условие, которое оказывает влияние на качество получаемых в ходе выполнения соответствующих следственных действий доказательств.

Но не только этот принцип является отсылкой к нормам морали и нравственности. В уголовно-процессуальном законодательстве имеется и другое упоминание этической категории. В ст. 297 УПК РФ сформулировано требование, предъявляемое к приговору суда. В соответствии с ним приговор должен быть законным, обоснованным и справедливым [2]. Среди этих трёх требований к приговору одно – справедливость – является этической категорией. Справедливый для приговора – значит соответствующий нравственным представлениям общества о том, каким должен быть приговор. При этом понятие справедливости в уголовном процессе несколько шире понятия справедливости в уголовном праве, поскольку в уголовном законодательстве справедливость рассматри-

вается, как соответствие наказания характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и особенностям личности виновного (ст. 6 УК РФ) [3]. Понятие справедливости в уголовном процессе несколько шире и помимо сказанного включает в себя не только сложившиеся в обществе представления о наказании и его соответствии содеянному преступлению и личности преступника, но и иные представления о том, каким должен быть приговор суда [4]. Понимание справедливости всегда является индикатором зрелости общества, для зрелого общества важным является гуманизм и индивидуализация наказания, а вовсе не его жестокость. Хотя справедливость, как это видно из уголовно-процессуального закона, относится прежде всего к приговору суда, однако это требование, как представляется, необходимо рассматривать и применительно к иным видам процессуальных решений, в том числе процессуальных решений, принимаемых в ходе предварительного расследования и возбуждения уголовного дела. Обусловлено это тем, что все процессуальные решения, принимаемые на досудебных стадиях, ориентированы на обеспечение справедливости судебного заседания и судебного приговора. От справедливости постановления о привлечении в качестве обвиняемого, от справедливости обвинительного заключения во многом зависит справедливость приговора суда. По этой причине справедливость следует рассматривать в качестве требования, распространяемого на все процессуальные решения, принимаемые на досудебных стадиях уголовного процесса, а также на все выполняемые в ходе этих стадий действия следователя, дознавателя. Не соответствие действия или процессуального решения этому требованию может стать серьёзным препятствием для последующего вынесения приговора судом.

Названные требования распространяются и на действия, которые именуют «следственной хитростью». Однако именно здесь нет единства взглядов и мнений в среде криминалистов и процессуалистов. Из-за этого следственная хитрость в своём теоретическом осознании по-прежнему уже около 50 лет не может преодолеть стадию постановки проблемы. Основным упреком к следственной хитрости является её, якобы имеющаяся безнравственность. Этот упреком основан на том, что хитрость, рассматривается в качестве синонимами обмана, то есть получается, что сказать о том, что в ходе предварительного расследования была выполнена следственная хитрость равносильно тому, что сказать об использовании следственного обмана. В таком понимании у следственной хитрости конечно же нет никаких шансов на жизнь в предварительном расследовании, она не может рассматриваться в качестве средства оптимизации предварительного расследования и отдельных следственных действий. Для обоснования столь бескомпромиссного и однозначного вывода явилось толкование, которое давалось в некоторых токовых словарях. Это словари В.И. Даля и С.И. Ожегова. При этом, следует отметить то, что и в этих словарях нет однозначного определения значения «хитрость». Хитрость здесь рассматриваются не только, как обман, но и как искусный, мудрёный, изобретательный. Примечательным является то, что при раскрытии значения хитрости в словаре В.И. Даля вначале указывается не на обман, а искусность, мудрёность [5]. В словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, который выходит позже на первом месте в толковании хитрости уже стоит изворотливый, скрывающий свои истинные намерения, идущий обманными путями [6]. Налицо эволюция в понимании хитрости, когда хитрость становится фактически синонимом обмана или, по крайней мере, словом по значению достаточно близким к обману. Однако, уже на сегодняшний день можно говорить о дальнейшей эволюции понимания «хитрости», теперь данное слово определяется чаще всего в связи с умением решить сложную, требующую нестандартных подходов, задачу. То есть, уже само слово «хитрость» — это вовсе не однозначно синоним «обмана». Более того, в Большом толковом словаре правильной русской речи Л.И. Скворцова, изданном в 2009 году [7], «хитрость» больше не рассматривается, как обман, она рассматривается, как искусный, в каком-либо мастерстве, вирту-

озно исполненный, труднодостижимый. Иной нежели у «обмана» смысл добавляет слово «следственная», создавая новое значение, связанное с профессиональной деятельностью. «Следственную хитрость» следует рассматривать, как термин следственной деятельности, который обозначает не обман, а действия следователя, основанные на креативном подходе при решении сложной тактической задачи, которую сложно или почти невозможно решить посредством применения типовых рекомендаций.

Действительно, следственная хитрость часто основана на отсутствии достаточного объема какой-либо информации у лиц, в отношении которых она применяется. Достаточно часто следственная хитрость бывает основана на ложных предположениях соответствующего лица о ходе следствия, осведомленности следователя относительно совершения преступления и участия в нём определённых лиц. Недостаточная информированность о ходе расследования – это вовсе не ложь, не обман, а следователь вовсе не обязан давать полный объём сведений о ходе расследования и о том, насколько восстановлена картина произошедшего, участникам уголовного судопроизводства до окончания предварительного расследования. Действующее уголовно-процессуальное законодательство предусматривает достаточно эффективный механизм, которым защищается информация о степени осведомленности следователя и иных сотрудников правоохранительных органов, оказывающих ему содействие в расследовании преступлений, об их планах и намерениях. В ч. 1 ст. 161 УПК РФ сформулировано правило, в соответствии с которым данные предварительного расследования не подлежат разглашению. Данное правило не вызывает никаких нареканий и критики, поскольку его действие предполагает создание благоприятных условий для объективного и всестороннего раскрытия и расследования преступлений [8]. Но именно данное правило предполагает в качестве условия успешного расследования отсутствие полной информации (в рамках, определённых следователем) у подозреваемого, обвиняемого, их защитников, гражданского истца, потерпевшего, гражданского ответчика, свидетеля, то есть у всех тех лиц, которые могут создать сложности в установлении обстоятельств совершения конкретного преступления. То есть уже само уголовно-процессуальное законодательство предполагает необходимым держать в неведении о ходе предварительного расследования лиц, которые могут оказать негативное влияние на объективность принятия процессуальных решений. При этом, никто не считает это обманом названных лиц. Очевидно то, что данное неведение, в котором предполагается держать отдельных участников уголовного судопроизводства относительно хода предварительного расследования и степени осведомленности следователя об обстоятельствах совершённого преступления, имеет инструментальное значение, состоящее в том, что, благодаря ему разрешаются вполне определённые задачи и достигаются, стоящие перед расследованием цели. В этом видится функциональное назначение следственной тайны, которая сформулирована в ч. 1 ст. 161 УПК РФ. Законодатель предоставил следственную тайну в качестве средства, использование которого способно оптимизировать весь ход предварительного расследования посредством предупреждения возможного противодействия со стороны лиц, которые могут воспрепятствовать установлению истины по конкретным уголовным делам. Данная норма позволяет сделать вывод о том, что с точки зрения уголовно-процессуального законодательства нет ничего предосудительного в том, чтобы следователь использовал неведение участников уголовного судопроизводства для установления обстоятельств совершения конкретного преступления. Следственная хитрость является одним из способов использования такого неведения в интересах правосудия, когда устанавливается объективная картина совершения конкретного преступления. То есть, ч. 1 ст. 161 УПК РФ следует рассматривать не только, как законодательное установление следственной тайны, но и как законодательную основу, допускающую возможность выполнения следователем действий «следственной хитростью». Вполне возможно внесение в названную норму дополнения о том, что

следователь вправе использовать неведение подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего и свидетеля в интересах установления обстоятельств совершения соответствующего преступления. Однако, представлялось бы это излишним, поскольку уже имеющаяся формулировка следственной тайны предполагает, что следователь может не только пассивно, но и активно – в следственной хитрости – использовать неведение названных лиц.

Следственная хитрость – это один из видов тактических приёмов. Его особенностью является то, что он предполагает креативный способ решения тактических задач, которые встают перед следователем в ходе проводимого предварительного расследования. Креативность всегда предполагает решение проблем и задач не в соответствии с уже наработанными стереотипами и шаблонами, а нестандартно, с максимально возможной эффективностью в сложившихся условиях. Креативность следственной хитрости состоит в том, что следователь действует неожиданно для участников уголовного судопроизводства, но, при этом, максимально выгодно использует преимущества сложившейся ситуации для решения поставленных ходом предварительного расследования тактических задач. Следственная хитрость не может быть не креативной, поскольку она всегда должна быть неожиданной, она не должна быть просчитана теми, в отношении кого она совершается. К примеру, обвиняемый или его защитник не должны иметь возможность предвидеть то, какую следственную хитрость применить следователь. Если они будут это знать, то это уже изначально не будет следственной хитростью. То есть, следственная хитрость предполагает активное использование следственной тайны, поскольку это основа следственной хитрости, один из источников её эффективности. Поэтому в следственной хитрости нет ничего предосудительного ни с точки зрения действующего уголовно-процессуального законодательства, ни с точки зрения норм морали и нравственности. Следственная хитрость – это вполне допустимый тактический приём, который позволяет решать самые сложные тактические задачи. Он помогает следователю достигать перелома в стратегии расследования даже тогда, когда существующая следственная ситуация не позволяет надеяться на судебную перспективу соответствующего уголовного дела. Следственная хитрость – это способ решения проблем, встающих перед предварительным расследованием, при привлечении минимума сил и средств для этого. Можно ли говорить о безнравственности, если посредством неведения о ходе предварительного расследования, следователю удалось установить обстоятельства совершения конкретного преступления, что явилось основанием принятия справедливого процессуального решения, а в последующем – вынесения справедливого приговора судом? Справедливость – это цель правосудия. Она предполагает то, что к уголовной ответственности привлечено виновное в совершении преступления лицо и не допущено ошибки привлечения к уголовной ответственности невиновного лица. По этой причине следственную хитрость необходимо рассматривать, как одно из многочисленных средств установления справедливости в уголовном судопроизводстве.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что следственная хитрость – это вполне оправданный уголовно-процессуальным законодательством тактический приём, который в полной мере соответствует нормам морали и нравственности и в связи с тем, что, благодаря ему можно оптимизировать установление обстоятельств совершения конкретных преступлений, должен активно использоваться в ходе предварительного расследования. Следственная хитрость также, как и следственная тайна, не нуждается в своём нравственном оправдании, поскольку используется для того, чтобы в ходе уголовного судопроизводства достигалась справедливость. Следственная хитрость – это способность следователя креативно решать задачи уголовного судопроизводства, которая гарантирует от самой возможности совершения следственных и судебных ошибок. При этом практика предварительного расследования уже давно приняла следственную

хитрость в свой арсенал и не ставит перед собой вопросов о её нравственности, поскольку видит в ней средство установления справедливости.

Список используемой литературы и источников

1. Нечай, Е. А. Защита чести, достоинства и деловой репутации гражданина [Текст] / Е.А. Нечай // Вестник науки. – 2018. Т. 3. – № 9 (9). – С. 82-85.
2. Ольков, С. Г. О справедливом приговоре [Текст] / С.Г. Ольков // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2014. – № 6 (17). – С. 151-156.
3. Зубкова, В.И. Принцип справедливости в уголовном законодательстве Российской Федерации [Текст] / В. И. Зубкова // Уголовно-исполнительное право. – 2018. Т. 13. – № 1. – С. 14-18.
4. Галкина, Е.А. Справедливость приговора или справедливость уголовного процесса? [Текст] / Е.А. Галкина // Вестник Самарского юридического института. – 2018. – № 2 (28). – С. 133-138.
5. Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля // [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/tolkovjy-slovar-zhivogo-velikorusskogo-jazyka-v-i-dalja/>
6. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка [Текст] / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. - Азбуковник, 1997-1999.
7. Скворцов, Л. И. Большой толковый словарь правильной русской речи: 8000 слов и выражений [Текст] / Л. И. Скворцов. – М.: ООО «Издательство Оникс»: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2009. – С. 957.
8. Зорин, Р. Г. Криминалистическое и уголовно-процессуальное обеспечение механизма формирования следственной тайны в уголовном судопроизводстве [Текст] / Р. Г. Зорин, И. В. Смолькова // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. – 2012. – № 2 (32). – С. 25-32.

УДК 343.163

**Е.О. Потапова, Е.А. Щербинина, студенты юридического факультета
ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (г. Курск),
oleg.rotarovataya@yandex.ru**

Научный руководитель: Д.О. Чистилина, старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (г. Курск)

ПРОБЛЕМЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫМ СЛЕДСТВИЕМ

В данной статье рассматривается актуальный вопрос реализации прокурорского надзора за предварительным следствием. Авторы проанализировали теоретические положения нормативно-правового регулирования, относящиеся к теме исследования.

Ключевые слова: прокурорский надзор, предварительное следствие, права граждан, уголовный процесс, полномочия.

PROBLEMS OF PROSECUTORIAL SUPERVISION OF THE PRELIMINARY INVESTIGATION

This article discusses the urgent issue of the implementation of prosecutorial supervision of the preliminary investigation. The authors analyzed the theoretical provisions of legal regulation related to the research topic.

Keywords: prosecutor's supervision, preliminary investigation, citizens' rights, criminal procedure, powers.

После отделения Следственного комитета от прокуратуры, существенно изменились полномочия данных органов в рамках предварительного следствия. Предполагалось, что создание Следственного комитета как самостоятельного органа должно сформировать необходимые условия для правильного осуществления полномочий прокуроров по надзору за деятельностью органов предварительного следствия, улучшения взаимодействия следственных органов с органами прокуратуры, повысить объективность следствия, тем самым обеспечив исполнение требований закона в сфере уголовного судопроизводства и точное соблюдение конституционных прав граждан.

Такое решение законодателя способствовало изменению полномочий прокурора в судопроизводстве по уголовным делам. Так, в рамках предварительного следствия его полномочия были сужены. Теперь прокурор не может возбуждать уголовное дело, так же, как и давать согласие на возбуждение уголовного дела, давать письменные указания, чтобы направить ход расследования, участвовать в предварительном расследовании, производить следственные действия, продлевать срок предварительного следствия, отстранять следователя от производства расследования. Большая часть полномочий была делегирована руководителю следственного органа. Тем не менее, у прокурора сохранились некоторые полномочия, которые позволяют надзирать за предварительным следствием.

Прокурорский надзор — специфическая деятельность государственных федеральных органов прокуратуры, осуществляемая от имени Российской Федерации и состоящая в проверке точности соблюдения Конституции РФ и исполнения законов, действующих на ее территории [1, С.6]. Одним из самых важных направлений прокурорского надзора является надзор за соблюдением законов органами, осуществляющими предварительное следствие. Эта отрасль выделена из единого прокурорского надзора в связи с особой важностью для каждого гражданина и государства деятельности органов, осуществляющих предварительное следствие, спецификой этой деятельности и комплексом законов, ее регулирующих. Эта деятельность затрагивает важнейшие права и свободы граждан, их нарушения влекут за собой тяжелые, иногда непоправимые последствия для граждан, могут причинять им невосполнимый вред.

Реализация властно-распорядительных полномочий при осуществлении надзора за исполнением законов органами дознания и предварительного следствия направлена на то, чтобы не были нарушены права и законные интересы участников уголовного процесса и других граждан, и чтобы одновременно предпринимались все необходимые, предусмотренные законом меры для раскрытия преступлений и привлечения виновных к уголовной ответственности [2, с.75].

В федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации» существует отдельная глава, посвященная надзору за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие. Однако специфика реализации данной функции находит свое отражение в УПК РФ.

Согласно статье 37 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее - УПК РФ), прокурор наделен полномочиями, носящими надзорный характер за органами предварительного следствия. Например, он может вернуть уголовное дело следователю со своими письменными указаниями о производстве дополнительного расследования, однако прокурор лишен права на самостоятельное его проведение.

В ходе же судебного разбирательства прокурор может в полной мере реализовать свою функцию по осуществлению уголовного преследования, посредством поддержания государственного обвинения, обеспечивая его законность и обоснованность [1, С.6]. Однако ввиду отсутствия полномочий по участию в расследовании качественно реализовать ее получается не всегда [3, С. 403-406].

Несмотря на отсутствие ряда полномочий по непосредственному участию в расследовании, прокурор все же остается должностным лицом, осуществляющим надзорные

функции. Согласно статье 146 УПК РФ, в течение 24 часов после получения материалов, которые послужили основаниями для возбуждения уголовного дела, прокурор вправе отменить постановление о возбуждении уголовного дела, если признает такое постановление незаконным и необоснованным, о чем он выносит мотивированное постановление. Кроме того, прокурор вправе отменить и постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, если посчитает такое постановление незаконным и необоснованным [4, С.170-172].

На сегодняшний день функция надзора прокуратуры над производством предварительного следствия стала соответствовать своему названию, так как прокурор лишился полномочий контроля, а не надзорных. Главными отличиями надзора и контроля является то, что органы контроля могут вмешиваться в организаторскую и хозяйственную деятельность объекта контроля, влиять на их деятельность, вынося соответствующие предписания, тогда как органы надзора так вмешиваться не могут. Кроме того, надзорные органы, в отличие от контрольных органов, не могут устранять нарушения самостоятельно, привлекать виновных к ответственности, тогда как органы контроля в пределах своей компетенции имеют такое право.

Прокурорский надзор за соблюдением порядка предварительного расследования преступлений в форме предварительного следствия служит гарантией обеспечения прав и законных интересов участников уголовного процесса, неотвратимости уголовной ответственности за совершённое преступление, защиты общества, государства от преступных посягательств.

В целях проверки выполнения требований законодательства органами предварительного следствия прокурор вправе требовать от этих органов уголовные дела, документы, материалы и различные иные сведения о совершённых преступлениях, о продвижении предварительного следствия и установления лиц, совершивших преступление. Важнейшим, по нашему мнению, является наделение прокурора правом отменять незаконные и необоснованные постановления должностных лиц органов предварительного расследования. Как мы считаем, именно при помощи этого инструмента прокурор может влиять на законность действий, осуществляемых следователем в ходе предварительного расследования [5, С.234-235].

Хотя прокурорский надзор за органами следствия направлен в большей степени на законность и обоснованность производства следственных и иных процессуальных действий и решений в рамках конкретных уголовных дел, нельзя забывать и о так называемом перманентном надзоре. Обычно он включает в себя изучение и обобщение практики исполнения законов органами предварительного следствия по категориям уголовных дел, либо по отдельным вопросам (законность задержаний за определённый период времени, законность привлечения к уголовной ответственности и т.д.), проведение проверок на наиболее подверженных нарушениям законности участках работы следователей. К организации надзора относится также распределение обязанностей по надзору за законностью в деятельности этих органов [6, С.664-666].

Таким образом, в настоящее время, прокуратура больше не занимается расследованием уголовных дел, как это происходило раньше, а лишь осуществляет прокурорский надзор за предварительным следствием. Говорить об абсолютной независимости следователя и об отсутствии вмешательства со стороны прокуратуры с полной уверенностью тоже невозможно. Но, несмотря на это, указанные нововведения создали благоприятные условия для эффективной борьбы с коррупцией, в том числе в высших органах исполнительной власти, что раньше представлялось затруднительным.

На сегодняшний день эффективность прокурорского надзора за органами предварительного следствия ставится под сомнение из-за недостаточного инструментария прокурора по отношению к органам следствия. Ее повышение во многом зависит от ус-

вершенствования законодательной базы, регламентирующей деятельность прокуратуры.

Целесообразно внести соответствующие изменения в процессуальное законодательство, тем самым наделив прокурора большим объемом полномочий по отношению к органам предварительного следствия. И, тем самым, сделать прокурорский надзор за деятельностью органов предварительного следствия более эффективным.

Список используемой литературы и источников

1. Винокуров, Ю.Е. Прокурорский надзор [Текст]: Учебник. - М.: Высшее образование, 2015. - 352 с.
2. Кузнецова, Д.А. Особенности прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими предварительное следствие и дознание [Текст] / Д.А.Кузнецова // Актуальные вопросы науки. - 2017. - № 32.- С. 75-77.
3. Чистилина, Д.О. Повышение эффективности правосудия путем реформирования уголовно-процессуального законодательства // Современное уголовно-процессуальное право России: уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования [Текст]: сборник материалов Международной конференции к 60-летию доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ В.В. Николюка. - 2016. - С. 403-406.
4. Шабанов, Э.Р. Прокурорский надзор за предварительным следствием: проблемы и перспективы развития [Текст] / Э.Р.Шабанов // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. - 2016. - № 2 (23). - С. 170-172.
5. Родионова, А.Д. Значение и проблемы прокурорского надзора за производством дознания и предварительного следствия [Текст] / А.Д.Родионова // Молодой ученый. - 2018. - № 25 (211). - С. 234-235.
6. Дементов, К.А. О прокурорском надзоре за предварительным следствием [Текст] / К.А.Дементов // Аллея науки. - 2018. - Т. 4. - № 11 (27). - С. 664-666.

УДК 343.102

*И.В. Ревина, канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (г. Курск)
А.Ю. Краснописцев, магистрант ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (г. Курск)*

ОПРОС КАК ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЕ МЕРОПРИЯТИЕ: ОТГРАНИЧЕНИЕ ОТ ДОПРОСА КАК СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЙСТВИЯ

Проведение такого оперативно-розыскного мероприятия, как «опрос» позволяет выявить граждан, которые могут обладать важной информацией, способствующей как выявлению, так и быстрому раскрытию преступления. При этом необходимо учитывать не только практическую сторону проведения опроса, но и теоретические аспекты его осуществления.

Важность осуществления данного оперативно-розыскного мероприятия заключается в том, что оно не требует какого-либо санкционирования для его проведения, используется на первоначальном этапе наиболее часто и по существу не влияет на конституционные права опрашиваемых, что в целом обеспечивает наиболее быстрое поступление оперативно-значимой информации, а также способствует возможности быстрого раскрытия преступлений.

Ключевые слова: оперативно-розыскное мероприятие, следственное действие, опрос, допрос, уголовное дело.

SURVEY AS OPERATIONAL SEARCH ACTIVITY DISTINCTION BETWEEN INTERVIEW AND INTERROGATION

The practical conduct of a search activity, such as a "survey," makes it possible to identify citizens who may have important information that contributes to the detection of the crime. At the same time, it is necessary to take into account not only the practical aspect of the survey, but also the theoretical aspects of its implementation.

The importance of investigation is that it does not require initial authorization, is used at the initial stage most frequently and in essence does not affect the constitutional rights of the interviewees, which in general ensures the fastest receipt of promptly relevant information, as well as contributes to the possibility of rapid detection of crimes.

Keywords: *operational search action, investigative action, poll, interrogation, criminal case.*

Общие оперативно-розыскные мероприятия (далее - ОРМ) - это совокупность связанных единым тактическим, стратегическим замыслом организованных действий органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, направленных на решение поставленных задач. Одним из общих оперативно-розыскных мероприятий является опрос лиц.

В Российской Федерации законодатель не дает определения ОРМ «опрос». Этот пробел компенсируют ведомственные нормативные правовые акты. Несмотря на многообразие частных определений данного ОРМ, они не имеют принципиального отличия от изложенных в юридической литературе дефиниций [2, с. 259].

Опрос лиц - это оперативно-розыскное мероприятие, направленное на сбор фактической информации, имеющей значение для решения задач оперативно-розыскной деятельности, со слов опрашиваемого лица, которое располагает или может располагать ею [4, с. 496].

К основным объектам ОРМ, прежде всего, «относятся лица, подготавливающие, совершающие или совершившие преступления, а также граждане, скрывающиеся от органов следствия и суда, уклоняющиеся от уголовного наказания, и лица, без вести пропавшие. ...Объектами отдельных ОРМ могут выступать лица, не причастные к противоправной деятельности, но располагающие сведениями о такой деятельности других людей» [3, с. 63].

Опрос допускается только при добровольном согласии лица на беседу. Он может проводиться как по месту нахождения граждан, так и в служебном помещении ОВД либо ином удобном для беседы месте.

Лица, отказавшиеся явиться для опроса по приглашению, не могут быть подвергнуты приводу, поскольку участие в опросе является их правом, а не обязанностью.

Любой вид опроса, независимо от места его осуществления, может включать пять стадий: подготовка к опросу, установление психологического контакта с опрашиваемым, достижение цели опроса, окончание опроса и оформление результатов опроса.

Однако, практика показывает, что не все оперативные сотрудники в должной мере владеют методикой осуществления опроса. Мы считаем, что успех данного оперативно-розыскного мероприятия зависит от двух основных факторов: организации подготовки и проведения опроса, а также использования при его осуществлении методик оперативно-розыскной психологии.

Организационная составляющая предопределяет целенаправленность опроса, получение в результате его осуществления нужной информации, ее достоверность, обоснованность выводов, сделанных на основе анализа и оценки этих сведений.

Правильное формулирование конкретных задач, намеченных для решения путем проведения опроса, во многом обуславливает эффективность этого мероприятия. Без четкого их определения опрос становится стихийным и не гарантирует поступления полной и объективной информации.

Правильный выбор места и условий проведения опроса во многом определяет успех мероприятия. В значительной мере эти факторы зависят от вида планируемого опроса, потенциальных сильных и слабых его сторон.

Отметим, что оперативно-розыскное законодательство разрешает при опросе использовать различные технические средства фиксации получаемой вербальной информации. В отдельных случаях возможно применение технических средств аудио- или видеозаписи и с согласия опрашиваемого – полиграфа [2, с. 260].

Результаты ОРМ «опрос» используются сотрудниками оперативных подразделений по-разному.

Если не требуется засекречивание источника информации, то опрос можно легализовать очень просто. Следователь вправе вновь допросить лицо, которому что-либо известно по уголовному делу, составив при этом протокол допроса.

Если уголовное дело еще не возбуждено, то можно оформить полученные сведения в объяснение.

Опрос по своей правовой природе схож с таким следственным действием, как допрос.

Допрос является самым распространенным, наиболее необходимым следственным действием и одновременно сложным средством доказывания с точки зрения тактики его производства. Анализ следственной практики показывает, что на производство допросов у следователя уходит более 30% всего рабочего времени [1, с. 245].

В ходе проведения допроса следователь сталкивается с тактическими и психологическими сложностями этого следственного действия, которые состоят в том, что показания, получаемые в ходе его производства, во многом зависят от конкретной следственной ситуации, складывающейся по делу, а также имеют субъективный характер.

Допрос проводится в рамках уже возбужденного уголовного дела и явка на допрос – обязанность, а не право участников судопроизводства. Опрос же проводится в рамках доследственной проверки, и принудить гражданина явиться на опрос не может ни один сотрудник правоохранительных органов. То есть – прохождение опроса - это право человека, но, никак, не обязанность.

Изложенное позволяет констатировать, что, с одной стороны, опрос является общедоступным и распространенным оперативно-розыскным мероприятием, с другой — представляет основанное на жизненном опыте сложное в методическом плане действие оперативного сотрудника, сопряженное с познаниями не только в сфере юриспруденции, но и логики, психологии и др. Обучить методике опроса можно практически любого человека, но не каждый оперативный сотрудник в одном и том же конкретном случае способен получить оперативно-значимую информацию.

Список используемой литературы и источников

1. Волобуева, Е.А. Процессуальная регламентация проведения допроса: дискуссионные вопросы // В книге: Борьба с преступностью: теория и практика Тезисы докладов VII Международной научно-практической конференции [Текст]/ Редколлегия: Ю.П. Шкаплеров [и др.]. – М., 2019. - С. 243-245.

2. Чистяков, Н.О. Подмена следственных действий оперативно-розыскными мероприятиями на примере опроса и допроса [Текст]: Материалы II Всероссийской молодежной научно-практической конференции / Под общей редакцией А.М. Багмета. – М.: Приор, 2019. - С. 259-261.

3. Шмагина, К.Д. О применении сотрудниками полиции специальных психологических знаний при осуществлении опроса или допроса подозреваемых и задержанных лиц [Текст]: Сборник материалов статей, тезисов, докладов курсантов и слушателей. – М., 2018. - С. 62-64.

4. Шмыков, В.И. Психология в юридической практике – когнитивные аспекты допроса (опроса) [Текст] / В.И.Шмыков // Пермский юридический альманах. -2018. -№ 1. -С. 495-501.

УДК 343.13

**Н.С. Романенко, аспирант кафедры государственно-правовых дисциплин
Байкальского государственного университета, e-mail: nrserg91@gmail.com**

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС КАК ОСОБЫЙ ВИД ЮРИДИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА (ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

В статье автор говорит о юридическом процессе и его важности для правового регулирования общественных отношений, междисциплинарном характере и связующей роли между материальным и процессуальным правом. Также автор говорит о уголовном процессе как о виде (разновидности) юридического процесса. Автор говорит о том, что юридический процесс выступает как общее родовое понятие, а уголовный процесс как видовое, частное. Юридический процесс рассматривается автором как форма деятельности регламентируемая нормами процессуального и материального права последовательную динамическую уполномоченных органов государства, должностных лиц также заинтересованных субъектов права, имеющих права и обязанности, направленную на достижение юридически значимого результата.

Объединяет юридический и уголовный процесс общие (основные) признаки юридического процесса. Основными признаками юридического процесса являются динамичность, нормативность, стадийность, правовая регламентация, целенаправленность, результативность

Каждый из указанных признаков имеет свое особенное проявление в уголовном процессе. Уголовный процесс и осуществляемая следственная деятельность одна из основополагающих видов деятельности направленная на сохранения общественного порядка и защите интересов не только общества но и личности заслуживает своего пристального изучения не только в отраслевых науках но и в теории права и способна обогатить своими выводами дальнейшее изучение юридического процесса.

В статье автор говорит о том, что признаки юридического процесса имеют свое особое значение и проявление в уголовном процессе. В статье автор дает определение каждому из признаков юридического процесса и говорит о их проявление в уголовном процессе. Также в статье автор подчеркивает проявление юридического процесса на практике через уголовный процесс и его важном значение как для отраслевых наук так и науки теории государства и права.

Ключевые слова: юридический процесс, уголовный процесс, материальное право, процессуальное право.

CRIMINAL PROCEDURE AS A SPECIAL TYPE OF LEGAL PROCESS (THEORETICAL ASPECT)

In the article the author speaks about the legal process and its importance for the legal regulation of public relations, interdisciplinary nature and connecting role between substantive and procedural law. The author also speaks about the criminal process as a type (variety) of the legal process. The author says that the legal process acts as a General generic concept, and the criminal process as a specific, private. The legal process is considered by the author as a form of activity regulated by the norms of procedural and substantive law consistent dynamic authorized bodies of the state, officials and interested subjects of law with rights and obligations, aimed at achieving a legally significant result.

Brings together law and criminal procedure General (basic) characteristics of the legal process. The main features of the legal process are dynamism, normativity, stages, legal regulation, purposefulness, effectiveness

Each of these features has its own special manifestation in the criminal process. Criminal proceedings and investigative activities one of the fundamental activities aimed at preserving public order and protecting the interests of not only society but also the individual deserves its close study not only in the branch of science but also in the theory of law and is able to enrich their findings further study of the legal process.

In the article the author says that the signs of the legal process have their special significance and manifestation in the criminal process. In the article the author defines each of the features of the legal process and speaks about their manifestation in the criminal process. Also in the article the author emphasizes the manifestation of the legal process in practice through the criminal process and its importance for the branch of science and science of the theory of state and law.

Key words: legal process, criminal process, substantive law, procedural law.

В настоящее время вопросы процессуального права и процессуального законодательства становятся особо актуальными. Вопросы процессуального права рассматриваются не только в отраслевых науках, таких как уголовный процесс, административный процесс, гражданский процесс, но и в теории права. Вопросами теории процессуального права занимаются многие современные ученые. В частности А.А.Павлушина, О.Е.Солдатова, В.Н.Баландин. В данном случае все выше названные современные ученые в своих научных работах писали о юридическом процессе. В своих диссертационных исследованиях указанные авторы рассматривали юридический процесс как регламентируемую нормами процессуального права последовательную динамическую деятельность уполномоченных органов государства, должностных лиц также заинтересованных субъектов права, имеющих права и обязанности, направленную на достижение юридически значимого результата [2, с.9]. Данная точка зрения не вызывает каких-либо споров и разделяется нами полностью с одной лишь оговоркой, что при рассмотрении юридического процесса как деятельности следует говорить о применении и норм материального права, и норм процессуального права.

Юридический процесс, во-первых является важным атрибутом правового государства, так как общественные отношения, охватываемые юридическим процессом регулируются и нормами материального и нормами процессуального права. Во-вторых юридический процесс как деятельность является связующим звеном между материальным и процессуальным правом. В-третьих, недостаточная исследованность некоторых вопросов в теории государства и права оставляет юридический процесс в рамках дискуссионной категории признаваемой не всеми учеными.

Юридический процесс это важная междисциплинарная категория и особое родовое общее понятие, но в настоящей статье хотелось бы поговорить об уголовном процессе как особой видовой разновидности юридического процесса. Если юридический процесс это наиболее общее понятие, то уголовный процесс это частное. Общее что объединяет юридический и уголовный процесс это признаки юридического процесса и их особое проявление в уголовном процессе.

Юридический процесс как деятельность обладает такими признаками как динамичность, нормативность, стадийность, правовая регламентация, целенаправленность, результативность[1, с.32].

Признак динамичности заключается в том, что юридический процесс рассматривается как подвижная, видоизменяющаяся, прогрессивная правовая категория непосредственно связанная с практикой[1, с.32].

Уголовный процесс так же как юридический процесс способен видоизменяться на публичный, частный и частно-публичный процесс и непосредственно связан с практикой.

Уголовный процесс связан с практикой через деятельностью органов следствия и суда по установлению события преступления в реальной действительности, установлению лиц виновных в его совершении и привлечение их к уголовной ответственности.

Признак нормативности заключается в том, что юридический процесс как деятельность регулируется как материальными, так и процессуальными нормами права [1, с.33].

В уголовном процессе органы следствия в лице следователя, дознавателя, руководителя следственного органа применяют нормы уголовного закона для правильной квалификации преступления, определения наличия такой важной конструкции как состав преступления и предъявления законного и обоснованного обвинения виновному лицу и определения его официального статуса в уголовном процессе обвиняемый, подозреваемый, свидетель или потерпевший.

В дальнейшем процессуальный статус лица влияет на содержание его процессуальных прав и обязанностей, и определения стороны чью позицию поддерживает лицо обвинение или защиты, также содействуя осуществлению правосудия и установления истины в деле.

Признак стадийности заключается в том, что юридический процесс осуществляется в определенный пространственно-временной промежуток (срок). Этот срок есть и в материальных и процессуальных правоотношения.

Он указывает на время когда субъект права может, воспользоваться своим правом, реализовать свое право, защитить его в случае нарушения посредством деятельности. В случае если указанный срок будет пропущен субъект права утрачивает возможность в полной мере исполнить свои права и обязанности [1, с.33].

Уголовный процесс также как юридический процесс делится на стадии досудебное производство в виде дознания и предварительного следствия и судебное производство.

Указанные стадии уголовного процесса осуществляются каждая в свой строго отведенный ей срок, отступление от этих сроков может привести к затягиванию процесса, злоупотреблению своими процессуальными правами одной из сторон процесса, истечению сроков давности совершения преступления и не достижению юридически значимого результата привлечения к уголовной ответственности виновных в совершении преступления лиц и восстановлению социальной справедливости.

Признак правовой регламентации заключается в том, что юридический процесс как деятельность определенных лиц находится в правовых рамках, подчиняется определенным правилам, стандартам. Она определяет последовательность совершаемых действий, устанавливает определенные ограничения с целью недопущения злоупотребления правом, ущемления прав других лиц [1, с.33].

Признак правовой регламентации в уголовном процессе проявляется в том, что деятельность следственных органов, стороны защиты, суда и иных лиц регламентируется Уголовно-процессуальным кодексом и процессуальными сроками. От их соблюдения зависит движение процесса от стадии к стадии, выполнение каждым из участников определенных действий с целью достичь истины в деле.

Признак целенаправленности заключается в том, что определяет мотив деятельности конкретного субъекта права направленной на достижение определенного результата. Иначе такая деятельность лишается какого-либо смысла, а сам субъект теряется в огромном правовом поле и выборе направления действия и достижения результата. Цель – понятие субъективное, поскольку без конкретных действия, конкретного лица, нельзя ее достичь или определить, что цель достигнута, а все вышеупомянутые подпункты цели, именуемые задачами решены [1, с.33].

В уголовном процессе цель преследуется стороной обвинения и стороной защиты и судом. У стороны обвинения - это избличение виновного и совершение преступления лица, доказательство его вины и привлечение его к уголовной ответственности в соот-

ветствие с уголовным кодексом. У стороны защиты - это оказание квалифицированной юридической помощи обвиняемому лицу, доказательство его невиновности, смягчение уголовной ответственности либо вовсе ее устранение. У суда - это обеспечение соблюдения процессуальных прав и обязанностей участников процесса, объективное и всестороннее рассмотрение дела, определение относимости и допустимости представленных сторонами доказательств в ходе судебного следствия, учет общественной опасности и противоправности совершенного деяния, характеристики личности подсудимого, смягчающих и отягчающих обстоятельств и вынесение приговора в соответствие с требованием уголовного и уголовно - процессуального закона.

Субъективный момент проявляется в том, что каждая из сторон в уголовном процессе действует независимо и самостоятельно друг, от друга руководствуясь в своей деятельности законом и сформировавшейся правоприменительной практикой.

Признак опосредованности юридического процесса заключается в том, что характеризует процесс непосредственно как деятельность. Поскольку он будет осуществляться путем совокупности действий конкретного лица наделенного или не наделенного властными полномочиями, преследующими промежуточный или конкретный результат [1, с.33].

Опосредованность в уголовном процессе выражена в деятельности конкретных участников процесса следователя в проведение и фиксирование хода и результата проведенных следственных действий и формирование доказательственной базы по уголовному делу в отношении обвиняемого.

В деятельности адвоката в обеспечении права обвиняемого или подозреваемого на защиту и обеспечение соблюдение его процессуальных права, а также сборе доказательственной базы подтверждающей невиновность обвиняемого лица.

В деятельности суда в принятие законного и обоснованного обвинительного или оправдательного приговора с соблюдением требования уголовного и уголовно - процессуального закона.

Признак результативности юридического процесса заключается в том, что дает качественную оценку юридическому процессу как деятельности [1, с.33].

Результат в итоге как промежуточный, так и окончательный будет либо положительным, либо отрицательным.

Результат в уголовном процессе может быть промежуточным, например, на стадии предварительного следствия - проверка сведений о совершенном преступлении, если информация подтверждается, органы следствия принимают решения о возбуждении уголовного дела и каждое следственное действие фиксируется документально, что и составляет промежуточный результат до передачи дела в суд. Окончательным результатом в уголовном процессе будет в виде приговора суда в отношении подсудимого обвинительного или оправдательного.

Настоящие признаки юридического процесса являются основными, характерными для него как общего родового понятия, но они также проявляются в уголовном процессе и характерно иллюстрируют то, что проявление юридического процесса на практике имеет место быть и дальнейшее рассмотрение юридического процесса может принести пользу, как теории, так и практике и дать ответы на многие вопросы и отраслевых наук и теории государства и права.

Список используемой литературы и источников

1. Романенко, Н.С. Юридический процесс: понятие и признаки (теоретико-правовой анализ) [Текст]: сборник Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран материалы VII Межд. научно.-практ. конф. - Иркутск, 2018. - С.31-34.

2. Солдатова, О.Е. Юридический процесс (теоретико-правовой аспект) [Текст]: дис ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / О.Е. Солдатова. - Челябинск, 2014. - 178с.

УДК 343.192

М.Д. Рябенко, студент юридического факультета ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (г. Курск)

Научный руководитель: И.Н. Чеботарева, канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (г. Курск)

ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОСОБОГО ПОРЯДКА ПРИ СОГЛАСИИ ОБВИНЯЕМОГО С ПРЕДЪЯВЛЕННЫМ ЕМУ ОБВИНЕНИЕМ

Статья посвящена исследованию актуальных законодательных инициатив в контексте применения особого порядка судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением. Рассмотрена позиция законодателя относительно применения особого порядка с момента введения процедуры до настоящего времени.

Ключевые слова: *особый порядок, согласие обвиняемого с предъявленным обвинением, упрощенная процедура, категории тяжести, уголовное судопроизводство.*

PROBLEMS AND TRENDS IN THE LEGAL REGULATION OF THE SPECIAL ORDER WITH THE CONSENT OF THE ACCUSED TO THE CHARGE BROUGHT TO HIM

The article is devoted to the study of relevant legislative initiatives in the context of the application of a special procedure for judicial decision with the consent of the accused with the charges against him. The position of the legislator regarding the application of a special order from the moment the procedure was introduced to the present is considered.

Keywords: *special procedure, the accused's consent with the accusation, simplified procedure, categories of gravity, criminal proceedings.*

Одним из наиболее актуальных направлений уголовно-процессуальной политики России признан поиск оптимальных альтернативных способов разрешения конфликта, возникающего в результате совершения преступления, в частности, посредством дифференциации (в сторону либо ускорения, либо упрощения) производств рассмотрения и разрешения уголовных дел. Это, в свою очередь, обусловлено требованиями минимизации материальных и процессуальных затрат на уголовное судопроизводство. Подобной дифференцированной формой уголовного процесса является особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением, регламентированный главой 40 УПК РФ.

Допустимость применения упрощенных процедур в уголовном судопроизводстве, в том числе особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением, и их урегулированность на законодательном уровне не устраняет всех противоречий уголовно-процессуальной доктрины и правоприменительной практики. По мнению И.В. Жеребятьева, мирового судьи судебного участка № 1 Ленинского района г. Оренбурга, «существующая в силу закона объективная возможность применения данных процедур должна быть подкреплена разумным субъективным фактором судейского усмотрения, лежащего в основе признания упрощенной процедуры допустимой с учетом обстоятельств конкретного уголовного дела» [1, с.143]. Указанная точка зрения является вполне обоснованной в силу того, что в деле зачастую имеют место быть обстоятельства, препятствующие вынесению обвинительного приговора, либо имеющие основания для изменения квалификации содеянного. Не менее важную роль имеет и степень общественной опасности совершенного преступного деяния.

В настоящее время в судебно-следственной практике наличествует мнение касательно необходимости внесения изменений в действующее уголовно-процессуальное законодательство, регламентирующее особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением. Обоснование сложившейся необходимости осуществляется на основании анализа статистики применения особого порядка при рассмотрении уголовных дел.

Официальная статистика свидетельствует о том, что почти 70% всех рассматриваемых судами общей юрисдикции дел рассматриваются по правилам главы 40 УПК РФ. Согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, в 2018 году в особом порядке при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением рассмотрено 554021 уголовных дел, по итогам рассмотрения которых осуждено 481316 лиц. Из них обвиняемые в преступлениях небольшой тяжести составляют 58,9% лиц (283337), осужденных в особом порядке; обвиняемые в преступлениях средней тяжести – 23,7% (114094); обвиняемые в тяжких преступлениях – 17,4% (83884) [2].

Исходя из статистических показателей, в прошедшем году в особом порядке рассмотрены уголовные дела о тяжких преступлениях в отношении 83884 лиц, что составляет 59,6 % от общего числа осужденных по указанной категории тяжести преступлений. Тенденция к увеличению доли лиц, осужденных за совершение тяжких преступлений, при рассмотрении уголовного дела в особом порядке, предусмотренном главой 40 УПК РФ, не является приемлемой, что обусловлено рядом факторов, преимущественно связанных с категорией тяжести.

Как известно, уголовные дела, отнесенные к категории тяжких, обладают повышенной степенью общественной опасности и, как правило, затрагивают интересы значительного числа потерпевших. Наряду с данным фактом, указанная категория дел в большинстве случаев приобретает широкий общественный резонанс и освещается в средствах массовой информации, тем самым повышая интерес населения не только к конкретному случаю, но и к уголовному судопроизводству в целом. Соответственно, обеспечение справедливого правосудия должно базироваться на установлении законодателем высокой степени процессуальных гарантий, что представляется реалистичным при рассмотрении дела в общем порядке судебного разбирательства при неукоснительном соблюдении принципа непосредственности и устности исследования доказательств в судебном заседании.

Сложившаяся тенденция рассматривается в контексте сущности применения особого порядка, то есть в добровольном отказе сторон от целого ряда возможностей, предоставляемых российским состязательным процессом. Как отмечает Виктор Викторович Момотов, член Президиума Верховного Суда Российской Федерации, «по мнению Верховного суда Российской Федерации, по делам о тяжких преступлениях возможность такого отказа должна быть исключена, поскольку эти дела являются сложными и требуют качественной проверки результатов работы органов расследования» [3]. В обосновании такого мнения в Государственную Думу Российской Федерации 17 апреля 2019 году внесен законопроект № 690652-7 «О внесении изменений в статьи 314 и 316 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», предусматривающий возможность рассмотрения в особом порядке принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением уголовных дел только небольшой и средней тяжести.

Рассматривая указанную законодательную инициативу, необходимо отметить, что первоначальная редакция ст.314 УПК предусматривала применения особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением только по уголовным делам небольшой и средней тяжести. Законодатель, устанавливая максимальный срок в размере 5 лет, преследовал цель обеспечения процессу-

альной экономии по делам о преступлениях, не представляющих повышенной общественной опасности. Однако Федеральным законом от 04.07.2003 № 92-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» были внесены изменения, расширяющие сферу применения особого порядка на рассмотрение уголовных дел о тяжких преступлениях.

В законопроекте предлагается изложить ч.1 ст.314 УПК РФ в следующей редакции: «по уголовным делам о преступлениях небольшой или средней тяжести обвиняемый вправе заявить о согласии с предъявленным ему обвинением и ходатайствовать о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства в общем порядке» [4]. Законодатель помимо того, что сужает сферу применения особого порядка, вносит ясность в вопросе оснований и условий применения такого порядка, дополняя ч.2 ст.314 УПК РФ следующим содержанием: «3) государственный или частный обвинитель и (или) потерпевший не возражают против заявленного обвиняемым ходатайства». Помимо этого, как отмечается в пояснительной записке к законопроекту, «предлагаемая в проекте федерального закона редакция ст.314 УПК РФ устраняет некоторую логическую неточность отражения в действующей норме момента получения согласия государственного или частного обвинителя и потерпевшего на особый порядок судопроизводства» [4]. Это в полной мере обеспечивает целесообразность применения особого порядка при наличии разумного субъективного фактора судебскому усмотрению.

В настоящее время в ст. 314 УПК РФ в первой и второй части статьи законодателем приведён перечень оснований постановления приговора без проведения судебного разбирательства, но если обратиться к части 3 этой же статьи, нельзя не заметить, что законодатель вышеуказанные части уже именуется условиями. Обращаясь к мнению ученых-процессуалистов, необходимо отметить, что каждый автор при разграничении оснований и условий руководствуется своим критерием деления указанных обстоятельств и далеко не каждый автор выделяет основания, указывая в своих работах лишь на условия применения особого порядка. Наиболее рациональной является точка зрения Т. К. Рябининой, указывающей что «единственным основанием применения особого порядка является заявленное обвиняемым ходатайство о проведении судебного разбирательства в упрощённой форме, а все правила и требования, которые должны быть при этом соблюдены, относятся к условиям проведения особого порядка» [5, с.21]

Таким образом, упрощенная процедура в виде особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением, направленная на оптимизацию уголовного судопроизводства, требует корректировки посредством внесения изменений и дополнений в действующее уголовно-процессуальное законодательство. Законопроект № 690652-7 предусматривает установление возможности применения особого порядка судебного разбирательства лишь по делам о преступлениях небольшой и средней тяжести, а также устраняет неточности касательно определения момента получения согласия государственного или частного обвинителя и потерпевшего на особый порядок судопроизводства, тем самым устраняя противоречия касательно определения оснований и условий применения упрощенной процедуры.

Список используемой литературы и источников

1. Жеребятъев, И.В. Особый порядок судебного разбирательства и процессуальные издержки: что пора менять? [Текст]/ И.В. Жеребятъев, Е.В. Саюшкина// Труды Оренбургского института МГЮА. – 2019. - №38. – С.141-144.

2. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 2018 год [Электронный ресурс]: официальный сайт Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации// URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4891> (13.10.2019)

3. Выступление председателя Совета судей Российской Федерации Виктора Викторовича Момотова на заседании Клуба имени Д.Н.Замятнина по теме «Состязательность

судебного процесса в России: современные реалии и перспективы развития» [Электронный ресурс]: официальный сайт Совета судей Российской Федерации // URL: <http://www.ssrj.ru/news/vystupleniia-intierv-iu-publikatsii/34774> (13.10.2019)

4. О внесении изменений в статьи 314 и 316 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: законопроект № 690652-7 //Доступ из системы обеспечения законодательной деятельности// URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/690652-7> (13.10.2019)

5. Рябинина, Т.К. Особый порядок судебного разбирательства как одна из сокращенных форм уголовного судопроизводства [Текст]/Т.К. Рябинина// Российский судья. – 2009. - № 9. – С. 20-23.

УДК 343.102

Т.К. Рябинина, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (г. Курск), канд. юрид. наук, профессор, Заслуженный юрист РФ

Д.Е. Снегирева, магистрант ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (г. Курск)

В ПРОДОЛЖЕНИЕ ДИСКУССИИ О ФУНКЦИЯХ СЛЕДОВАТЕЛЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Статья посвящена проблеме реформирования предварительного расследования и связанной с ней не менее важной проблеме функциональной направленности деятельности следователя. Реформирование уголовного процесса и достижение целей судебно-правовой реформы не может считаться успешным без преобразования досудебного производства по уголовному делу. Между тем, неоднократные коррективы, вносимые в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации¹ относительно правового регулирования досудебного производства, имеют в основном фрагментарный и бессистемный характер, свидетельствующий об отсутствии у законодателя целостного представления о том, каким должно быть уголовное судопроизводство в России и в каком направлении оно должно развиваться.

Разработчики Концепции судебной реформы в Российской Федерации², рассуждая о расширении состязательных начал в уголовном судопроизводстве, совершенно справедливо связали это важнейшее направление проводимой реформы с предварительным расследованием, для которого состязательность менее всего была характерна. В связи с этим была предложена идея создания такой следственной структуры, которая должна соответствовать и принципу состязательности, и в которой в то же время именно следователь должен стать центральной и независимой от административных начальников фигурой.

Ключевые слова: судебная реформа, досудебное производство, функции следователя, прокурор, состязательность.

TO CONTINUE THE DISCUSSION ABOUT FUNCTIONS OF THE INVESTIGATOR IN CRIMINAL PROCEEDINGS

The article is devoted to the problem of reforming the preliminary investigation and the related no less important problem of functional orientation of the investigator. The reform of the criminal process and the achievement of the objectives of judicial and legal reform cannot be considered successful without the transformation of pretrial proceedings in a criminal case. Meanwhile, the repeated amendments made to the criminal procedure code of the Rus-

¹ Далее – УПК РФ.

² Далее – Концепция судебной реформы.

sian Federation regarding the legal regulation of pre-trial proceedings are mostly fragmentary and haphazard, indicating the absence of a holistic view of the legislator about what should be the criminal proceedings in Russia and in what direction it should develop.

The developers of the concept of judicial reform in the Russian Federation, arguing about the expansion of adversarial principles in criminal proceedings, quite rightly linked this important direction of the reform with the preliminary investigation, for which the least adversarial was characteristic. In this regard, the idea was proposed to create an investigative structure that should be consistent with the principle of competition, and in which, at the same time, it is the investigator who should become the central and independent figure from the administrative heads.

Keywords: *judicial reform, pre-trial proceedings, functions of the investigator, the Prosecutor, competitiveness.*

Вот уже много лет российское уголовное судопроизводство подвергается несомненно реформам, истоки которых заложены в официальном документе «Концепция судебной реформы в Российской Федерации» [1], вдохновившем законодателя на кардинальные изменения уголовно-процессуального закона, в том числе касающиеся правового регулирования досудебного производства и статуса лиц, его осуществляющих. На сегодняшний день вряд ли можно найти более обсуждаемый в юридическом сообществе вопрос, чем проблема реформирования досудебного производства. При этом многочисленные предложения по его реформированию никак не складываются в стройную систему ввиду того, что они касаются сразу нескольких «болевых точек» досудебного производства [2, с. 199].

Внимание именно к этому этапу уголовного судопроизводства обусловлено и расширением состязательных начал в уголовно-процессуальной сфере. Существует мнение о том, что законодатель не всегда выдерживает линию о разделении функций между сторонами, возложив на органы предварительного расследования наряду с функцией уголовного преследования и осуществление функции защиты, предоставив им полномочия по сбору оправдательных доказательств, и функцию разрешения уголовного дела, предоставив право на прекращение уголовного дела по реабилитирующим основаниям, что равнозначно постановлению оправдательного приговора [3, с. 96-97; 4, с. 46; 5, с. 280].

Кроме того, законодатель, провозгласив на конституционном уровне правило об осуществлении уголовного судопроизводства на состязательных началах, сузил его проявление в досудебном производстве ввиду смешанного типа российского уголовного судопроизводства, для которого характерны обвинительный характер досудебного производства и состязательный характер судебных стадий. И даже то обстоятельство, что элементы состязательности проявляются в стадии предварительного расследования, когда суд осуществляет судебный контроль, и что расширены полномочия защитника в досудебном производстве, не меняет формы самого уголовного процесса и не придает принципу состязательности общепроцессуальный характер [6, с. 14-16; 7, с. 14; 8, с. 27-28; 9, с. 139-142].

Следуя задачам, сформулированным в Концепции судебной реформы, с принятием УПК РФ законодатель признал такие важнейшие принципы уголовного судопроизводства, как презумпция невиновности, состязательность, расширив права участников процесса и установив систему их гарантий, введя судебный контроль в досудебное производство, лишив суд полномочий, носивших обвинительный характер, и пр. Лишь предварительное расследование осталось без существенных изменений, не считая отдельных процедурных моментов. Сложности правоприменения в досудебном производстве не новы, их корни следует искать в прежнем, советском правовом регулировании этой деятельности, недостатки которого плавно перешли в нынешний уголовно-

процессуальный закон. Такое положение обусловлено несоответствием положений УПК РФ существующей системе компетентных органов, уполномоченных осуществлять свою деятельность в досудебном производстве по уголовным делам, то есть модель досудебного производства не только не учитывает потребности правоохранительной системы, но и не соответствует ее возможностям, что было характерно и для советского периода [10, с. 11].

Вполне очевидно, что настало время переосмысления всей системы досудебного производства в российском уголовном процессе, но изобретать что-то новое нет смысла, поскольку российская история развития уголовного судопроизводства и мировой опыт давно предложили модель досудебного производства, отвечающую и современным российским реалиям. Основана эта модель на концепции разделения властей, признанной не только в цивилизованных, правовых государствах, но уже и в России, которая усиленно стремится тоже стать правовым государством. Суть этой концепции применительно к уголовному судопроизводству сводится к тому, что уголовный процесс представляет собой сложную деятельность комплексного характера, в которой так или иначе участвуют все представители властных государственных структур: непосредственно органы судебной и исполнительной власти, косвенным образом — законодатель, принимающий законы, которыми руководствуются непосредственные участники уголовно-процессуальной деятельности и которые могут влиять на их деятельность, на характер их взаимодействий и взаимоотношений. При этом каждый орган, каждое должностное лицо в этой сфере деятельности должны обрести свое вполне определенное место и действовать как звенья соответствующих роду деятельности каждого органа власти ее относительно самостоятельных ветвей, занимаясь непременно своим делом, полностью отвечая за него, функционировать относительно автономно, самостоятельно от других ветвей власти [11, с. 55; 12, с. 7]. Это положение получило дальнейшее закрепление и развитие в уголовно-процессуальном законе. Так, в ст. 15 УПК РФ провозглашен принцип состязательности сторон, предусматривающий отделение друг от друга функций уголовного преследования, защиты и разрешения уголовного дела, основанный на концепции разделения властей. В ст. 40 УПК РФ впервые закреплено, что к органам дознания относятся органы исполнительной власти.

Однако, исходя из данной концепции, не ясно, какую функцию осуществляет следователь. Так, УПК РФ отнес следователя к стороне обвинения, при этом, отстранив в 2007 г., насколько возможно, его от прокурора, возглавлявшего сторону обвинения и долгое время считавшегося «хозяином» досудебного производства. Некоторые авторы видят в таком реформировании положительные шаги законодателя по обособлению предварительного следствия от прокурорского надзора [13, с. 9-11], то есть приданию статусу следователя большей независимости.

Однако такое регулирование правового статуса следователя представляется противоречивым. Если следователь выполняет функцию уголовного преследования, то он должен ее осуществлять совместно с прокурором и сокращение полномочий прокурора по отношению к нему выглядит нелогичным шагом. Следователь — обвинитель не может быть независим ни от прокурора, ни от руководителя следственного органа. Более того, считаем, что в таком случае законодатель следовало бы более четко урегулировать полномочия каждого из них, скоординировав их деятельность, имеющую единую направленность. При таком подходе вполне разумным и рациональным видится создание единого Следственного комитета, который, независимо от того, при Правительстве РФ или Президенте РФ он будет состоять, относиться будет к органам исполнительной власти. Но может ли орган исполнительной власти быть независимым от этой власти, в частности от прокурора? Поэтому законодательное закрепление статуса следователя как представителя стороны обвинения не согласуется ни с принципом разделения властей, ни с принципом состязательности. При таком варианте следовало бы вернуть

прокурору те полномочия, которые способствовали бы эффективному надзору прокурора за законностью производства предварительного следствия, а также усовершенствовать и регламентировать дознание как основной процессуальной, обвинительной деятельности, поднадзорной прокуратуре.

При такой конструкции в целях укрепления состязательных начал надо существенным образом усилить защиту, чтобы она могла эффективно противостоять многочисленным представителям обвинительной власти – прокурору, руководителю следственного органа, органу дознания, дознавателю и, конечно же, следователю. Однако предложение о введении в российский уголовный процесс параллельного адвокатского расследования [14] не нашло отклика ни у законодателя, ни у практиков, ни у большинства ученых.

Другой вариант – оставить осуществление функции обвинения за прокурором и органами дознания, а следователю придать статус судебного следователя или следственного судьи, наделив его функцией предварительного разрешения уголовного дела с предоставлением полномочий в условиях независимости и объективности собирать и исследовать доказательства без всякого «обвинительного» или «оправдательного» уклона [5, с. 281]. Споры по этому поводу ведутся уже несколько лет [15, с. 17-21; 16, с. 315-322].

Положение о тесной взаимосвязи предварительного и судебного следствия глубоко развивается в современной уголовно-процессуальной теории. Так, А.И. Трусов отмечает, что наши нынешние следователи, являясь органами прокурорско-полицейских структур, осуществляют отнюдь не предварительное судебное, но фактически прокурорско-полицейское расследование, в отличие от судебных следователей 19 века, которые считались и по своему правовому статусу действительно являлись судебными деятелями, для чего им стремились обеспечить процессуальную независимость и самостоятельность практически такую же, как и судье [11, с. 62-63]. В развитие этой же мысли Ю. Дерришев пишет, что по своей гносеологической, правовой, аксиологической и историко-генетической природе следственная власть является производной от власти судебной при полном тождестве их назначения, в связи с чем предварительное следствие есть функция юстиции, а следователь должен находиться при суде. Любое иное построение следственного аппарата, так или иначе, ставит следователя в полную или частичную зависимость от интересов ведомств, которые он представляет [17, с. 82].

Сторонники данной точки зрения ссылаются на положительный опыт функционирования института судебного следователя в дореволюционный период, когда была обеспечена процессуальная самостоятельность следователя, что способствовало освобождению предварительного следствия от обвинительного уклона и обеспечению прав личности в досудебном производстве. Однако представление о том, что институт судебного следователя позволит решить проблемы досудебного производства, — заблуждение, о чем свидетельствует опять же исторический опыт. Так, В. Случевский одним из слабых сторон уголовного процесса того времени назвал соединение в руках следователя воедино функций судьи, обвинителя и защитника, что мешает беспристрастности следователя, в отличие от судебного следствия, где принцип состязательности реализован (в судебном заседании участвует и защитник, и прокурор), и, кроме того, предварительное и судебное следствие преследуют общую цель – установление материальной истины, но достигается она разными средствами. Другим существенным недостатком предварительного следствия В. Случевский называл недостаточно решительное обособление в этой стадии процесса действий розыскных от действий следственных. Так, следователь, являясь органом судебским, тем не менее, обязан направлять деятельность органов дознания по розыску виновного и обнаружению оснований к его изобличению. Такая же двойственность наблюдается и во взаимоотношениях судебного следователя с прокурором. С одной стороны, эти органы являются носителями само-

стоятельной и независимой друг от друга власти, а с другой стороны, прокурор как носитель власти обвинительной, обнаруживающей преступления и преследующей виновных, нуждается в соответствующих средствах действия, поэтому он вправе требовать от следователя выполнения его указаний по расследованию преступлений и собиранию доказательств. Выход из создавшейся ситуации уже тогда был виден во введении в предварительное следствие состязательной деятельности сторон, в первую очередь, путем возложения на них обязанности обнаружения доказательств обвинения и защиты, но поскольку общество не было готово к развитию и обеспечению частных интересов лиц в этой стадии процесса, не была развита адвокатура, строго руководящая в своей деятельности сознанием своего публичного назначения, реорганизация предварительного производства была немыслима [18, с. 246, 503-505].

Как видим, проблемы, обсуждавшиеся 100 лет назад, не потеряли своей актуальности и сегодня. Современные процессуалисты, обсуждая вопрос о необходимости возрождения института судебного следователя, тем не менее, опасаются возникновения тех же проблем: 1) двойное подчинение судебного следователя — со стороны прокурора и суда; 2) господство «розыскных начал» в предварительном следствии, что проявляется в многофункциональности деятельности следователя; 3) отсутствие у судебного следователя организационных и материальных возможностей для осуществления своей деятельности, то есть специальных служб, подчиненных судебному следователю [19, с. 162]. Предварительное следствие было самым «узким местом» уголовного судопроизводства; положение судебного следователя было столь же двойственным, как и положение следователя советского и современного периодов, и иначе как инквизиционным дореволюционное предварительное следствие современники не называли [20, с. 25-26].

В Концепции была также высказана идея о введении фигуры следственного судьи, который должен осуществлять исключительно функцию судебного контроля за законностью проведения предварительного следствия. Однако по поводу и этих предложений разгорелась острая дискуссия, разделившая ученых на два лагеря – сторонников и противников введения данного института. Ярким примером противоборства в этом вопросе является научная полемика между А.В. Смирновым и Л.В. Головкин [21, с. 200-213].

Таким образом, перед российскими процессуалистами и законодателем по-прежнему стоит задача по пересмотру всей концепции реформирования досудебного производства и созданию следственного органа совершенно иного образца, подведомственного такой властной структуре, чтобы следователь, будучи независим в своей деятельности, расследовал бы дела всесторонне, полно и объективно и принимал бы решения по уголовному делу самостоятельно, без вмешательства прокурора. На наш взгляд, самым оптимальным видится, что реформирование предварительного расследования, направленное на действительное, а не мнимое наделение следователя самостоятельностью и независимостью, должно быть связано с отделением дознания от предварительного следствия; возложением на дознание функции уголовного преследования под контролем суда и надзором прокурора, а на следствие - функции предварительного разрешения дела с передачей следствия под юрисдикцию судебных органов, лишением его прокурорской опеки и расширением состязательных начал [22, с. 47-48]. Но как структурно оформить это переподчинение, как скоординировать полномочия следователя, суда, руководителя следственного органа и прокурора, не является ли кто-то лишним в данной системе органов - в этом и состоит сложность решения проблемы.

Список используемой литературы и источников

1. Концепция судебной реформы в Российской Федерации [Текст] / сост. С. А. Пашин. – М.: Республика, 1992. – 111 с.

2. Рябинина, Т.К. К вопросу о концепции реформирования предварительного расследования [Текст] / Т.К. Рябинина // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. Юриспруденция. - 2014. - № 11 / 2 (122). - С. 199-205.

3. Строгович, М.С. Уголовный процесс [Текст] / М.С. Строгович. - М., 1946. - 511 с.

4. Безлепкин, Б.Т. Уголовный процесс России [Текст] / Б.Т. Безлепкин. - М.: ООО «ТК Велби», 2003. - 480 с.

5. Судебная власть [Текст] / Под ред. И. Л. Петрухина. - М.: ООО «ТК Велби», 2003. - 720 с.

6. Азаров, В.А. Состязательность в контексте функциональной характеристики современного уголовного процесса России [Текст] / В.А. Азаров // Актуальные проблемы права России и стран СНГ - 2005: матер. междунар. науч.-практ. конф. - Ч. 1. - Челябинск: ЮУрГУ, 2005. - С. 14-16.

7. Кириллова, Н.П. Процессуальные функции профессиональных участников состязательного судебного разбирательства уголовных дел. Монография [Текст] / Н.П. Кириллова. - СПб.: Издательский Дом С.-Петербур. гос. ун-та, Издательство юридического факультета СПбГУ. - 2007. - 408 с.

8. Лазарева, В.А. Пределы уголовного преследования в состязательном уголовном процессе [Текст] / В.А. Лазарева // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России: межвуз. Сб. научных трудов / под ред. проф. В.А. Лазаревой. - Самара: Изд-во «Самарский университет», 2010. - Вып. 5. - С. 26-32.

9. Якимович, Ю.К. Понятие, назначение, дифференциация уголовного процесса. Принципы уголовного судопроизводства [Текст] / Ю.К. Якимович. - Томск: Изд-во Том. ун-та, 2015. - 168 с.

10. Морозкина, И.А. Роль совершенствования института дознания в концепции совершенствования досудебного производства по уголовным делам [Текст] / И.А. Морозкина // Российский следователь. - 2007. - № 6. - С. 11-13.

11. Трусов, А.И. Уголовный процесс в системе разделения властей [Текст] / А.И. Трусов // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. - 1994. - № 5. - С. 54-63.

12. Королев, Г. Реорганизация досудебного производства: проблемы и перспективы [Текст] / Г. Королев // Законность. - 2008. - № 1. - С. 6-10.

13. Гуськова, А.П., Емельянов, В.А., Славгородских, А.А. Проблемные вопросы реформирования досудебного производства России [Текст] / А.П. Гуськова, В.А. Емельянов, А.А. Славгородских // Российский судья. - 2008. - № 4. - С. 9-11.

14. Мартынич, Е.Г. Адвокатское расследование в уголовном процессе. Теоретико-методологические основы доктрины адвокатского расследования [Текст] / Е.Г. Мартынич. - М.: Юнити, 2009. - 173 с.

15. Рябинина, Т.К. Следственный комитет или судебный следователь? [Текст] / Т.К. Рябинина // Уголовное судопроизводство. - 2011. - № 1. - С. 17-21.

16. Рябинина, Т.К. Спорные вопросы введения института следственного судьи в российский уголовный процесс [Текст] / Т.К. Рябинина // Библиотека криминалиста. - 2016. - № 5. - С. 315-322.

17. Деришев, Ю. Уголовное досудебное производство: проблемы и пути реформирования [Текст] / Ю. Деришев // Уголовное право. - 2005. - № 1. - С. 81-83.

18. Случевский Вл. Учебник русского уголовного процесса [Текст] / Вл. Случевский. - Изд. четвертое, доп. и испр. - С.-Петербург: Тип. М.М. Стасюлевича, 1913. - 684 с.

19. Верещагина, А.В. Нужна ли реформа предварительного следствия? [Текст] / А.В. Верещагина // Правоведение. - 2005. - № 1. - С. 160-168.

20. Верещагина, А.В. Новеллы Уголовно-процессуального кодекса РФ: концептуальный аспект [Текст] / А.В. Верещагина // Журнал российского права. - 2003. - № 10. - С. 24-30.

21. Рябинина, Т.К. Необходим ли российскому уголовному процессу институт следственного судьи? [Текст] / Т.К. Рябинина // Lex Russica (Научные труды Московской государственной юридической академии имени О.Е. Кутафина). - 2017. - № 12 (133). - С. 200-213.

22. Рябинина, Т.К. Дознание как самостоятельная, сокращенная форма досудебного производства [Текст] / Т.К. Рябинина // Российский следователь. - 2013. - № 19. - С. 44-48.

УДК 343.13

Я.П. Ряполова¹, канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (г. Курск)
В. Войцеховская, магистрант ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (г. Курск)

ЗНАЧЕНИЕ СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ДЛЯ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА: ОТ ПРОШЛОГО К НАСТОЯЩЕМУ

Статья отражает результаты аналитического обзора нормативных источников, регламентирующих уголовно-процессуальные отношения на самом раннем этапе уголовного судопроизводства начиная с дореволюционного этапа развития отечественного законодательства и завершая периодизацией развития института возбуждения уголовного дела по новому УПК РФ. Авторы в историческом контексте исследуют значение процессуальной деятельности по выяснению наличия или отсутствия юридических и фактических оснований для возбуждения уголовного преследования.

Ключевые слова: стадия, возбуждение уголовного дела, проверка, сообщение о преступлении, повод.

VALUE OF THE STAGE OF EXCITATION OF CRIMINAL CASE FOR THE RUSSIAN CRIMINAL PROCESS: FROM THE PAST TO THE PRESENT

The article reflects the results of an analytical review of regulatory sources regulating criminal procedural relations at the very early stage of criminal proceedings, starting from the pre-revolutionary stage of the development of domestic legislation and ending with the periodization of the development of the institution of criminal proceedings under the new Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. The authors in a historical context examine the significance of procedural activities to ascertain the presence or absence of legal and factual grounds for initiating criminal prosecution.

Keywords: stage, initiation of criminal proceedings, verification, report of a crime, reason.

Истоки правовой регламентации правовых отношений по инициации обвинительной деятельности берут свое начало со времен царской России. В допетровскую эпоху уголовные и уголовно-процессуальные нормы не разделялись, а определенную законодательную регламентацию первоначальный этап расследования уголовного дела получает в 1715 году в «Кратком изображении процессов или судебных тяжб», появился частный и публичный порядок возбуждения дел о преступлениях: «1) когда челобитчик, который на ответчика учиненного ради преступления пред судом жалобу приносит, и со оным только процесс имеет; 2) когда судья ради своего чину по должности судебной вопрос и розыск чинит, где, каким образом, как и от кого такое учинено преступле-

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке Российского научного фонда, номер проекта 19-78-00088.

ние...» (гл. 2 ст. 2)[1]. В период правления Екатерины согласно «Учреждения для управления губерний» 1775 г. было установлено правило, что суд сам не вступает в «разбор» дела, «принимается за дело по жалобам или по иску частных людей или стряпчих, или по сообщению другого суда или по повелению губернии наместнического правления или палаты или верхнего земского суда» (гл. 7 ст. 198) [2, С.167].

В последующем положении Свода законов Российской империи закрепили поводы к началу следствия (извещение, жалоба, донос, доношение прокурора и стряпчих и явка с повинной (п.34, гл. I, раздел II)[3], полиция также приступала к следствию по сведениям, поступившим к ней как о явном преступлении, так и о таких происшествиях, по которым «без предварительного следствия нельзя заключить, случайно они учинились или по какому умыслу», устанавливали правило для «всякого об обязательном извещении начальства об известных ему признаках учиненного преступления», о необходимости «немедленно расспрашивать того, кто учинил оное, об обстоятельствах происшествия, а равно и о том, на чем утверждается вероятность его показаний»... «если извещение будет найдено вовсе несостоятельным, то не производить никакого следствия». Примечательно, что положения Свода регламентировали проверку анонимных сведений (народный голос, молва, т.е. слух об учинившемся преступлении): полиция без достаточных улик не должна производить следствия в таком случае, но должна «усугублять меры местного надзора» (п.39 гл. I), закреплялось правило для доносителей о предупреждении о наказании за ложный донос (п.55), возможность сохранения втайне имени доносителя (п.54) и пр. Таким образом, можно констатировать, что вышеуказанные нормы заложили предпосылки к регламентации отношений [4, С.31], составляющих существо доследственной проверки, именуемой в Своде «первоначальным исследованием о происшествиях» – квинтэссенции института возбуждения уголовного дела в современном его виде.

В 1864 году был принят Устав уголовного судопроизводства [5], были выделены поводы к начатию следствия (по жалобам потерпевших, по сообщениям полицейских и других административных властей, по усмотрению). Полиция, узнав о преступлении, должна сообщить судебному следователю, прокурору или его товарищу, при этом не была наделена полномочиями по рассмотрению сообщений. В отсутствие уполномоченных лиц, а также в каждом случае, когда признаки преступления или проступка сомнительны или «не вполне достоверный» источник информации о них, «прежде сообщения о том по принадлежности» полиция проводила дознание. Устанавливались и способы производства проверки – «посредством розысков, словесными расспросами и негласным наблюдением, не производя ни обысков, ни выемок в домах» (ст. 253-254). Таким образом, дознание в дореволюционном периоде, осуществлявшееся полицией, проводилось для установления факта совершения преступного деяния и его признаков, его можно рассматривать в качестве прообраза стадии возбуждения уголовного дела. В дальнейшем, в процессе совершенствования уголовно-процессуального законодательства, проверочная деятельность получила нормативное закрепление, приобрела процессуальный характер и стала определять содержание стадии возбуждения уголовного дела [6, С. 180].

Революция 1917 года упразднила прошлый порядок уголовного судопроизводства. Правовое регулирование стадии возбуждения дела не было сосредоточено в едином документе, находилось в различных нормативных источниках: в Постановлении НКЮ РСФСР от 18 декабря 1917 г. «О революционном трибунале печати» были закреплены поводы к возбуждению дела «сообщения судебных или административных мест, общественных организаций или частных лиц»[7], впоследствии в качестве поводов к началу следствия упоминались просьба граждан, предложение Советов и должностных лиц, а также собственное усмотрение в тех случаях, когда суд (или один из его членов) сам наблюдал нарушение закона[8], в 1919 году была закреплена явка с повинной[9].

В ходе последующей судебной реформы были приняты УПК РСФСР 1922 и 1923 гг.[10,11], также закреплялись поводы к возбуждению дела (добавились новые поводы – предложение прокурора и непосредственное усмотрение органов дознания, следователя или суда). Проверка сообщений еще не имела самостоятельного характера и не регламентировалась, факт начатия следствия или дознания также документально не оформлялся, а анонимные заявления могли служить поводом к возбуждению уголовного преследования только после предварительной негласной проверки их органами дознания. В целом уполномоченные субъекты были более свободны на начальном этапе уголовного процесса в своих действиях как по способам, так и по времени их осуществления.

Впервые типовая форма постановления о возбуждении дела была утверждена в 1937 году Циркуляром Прокуратуры СССР от 5 июня 1937 г. №41/26[12]. Как потом заключал профессор М.С. Строгович, «возбуждение уголовного дела составляет начальный момент уголовного процесса. Существо этого процессуального момента заключается в решении... органа расследования о необходимости реагировать на тот или иной факт как на преступление»[13, С. 150]. Однако в течение двух последующих десятилетий процессуальная норма о возбуждении уголовного дела в Уголовно-процессуальный кодекс так и не была введена, и научное сообщество на этом не настаивало[14, С.20].

В УПК РСФСР 1960 г. были выделены основания для возбуждения дела, порядок рассмотрения сообщений о преступлениях, полномочия государственных органов и прокурора. Были предусмотрены проверка сообщения о преступлении (от 3 до 10 суток), возможность получения объяснений и истребования материалов, в исключительных случаях до возбуждения уголовного дела допускалось производство осмотра места происшествия, при этом закреплялось требование немедленного возбуждения уголовного дела после проведения осмотра места происшествия (при наличии к тому оснований).

Как мы видим задачи стадии возбуждения уголовного дела советского этапа сводились к проверке сообщения о преступлении в целях установления основания для принятия решения по делу.

Принятый в 2001 г. УПК РФ открыл новую страницу истории начальной стадии процесса, ее развитие по степени концентрированности вносимых изменений в седьмой раздел УПК РФ можно условно разделить на три этапа.

1) Начальной этап, 2001 г.- 2007 г., принятый в 2001 г. УПК РФ послужил благоприятной почвой для развития взглядов о необходимости ликвидации стадии возбуждения уголовного дела, ее непроцессуальном характере, несовместимости с процессуальным доказыванием и т.д., поскольку форма проверки сообщения о преступлении долгое время была представлена в значительно упрощенном виде, ст.144 УПК РФ изначально вообще не предусматривала никаких способов доследственной проверки, кроме возможности истребовать у средств массовой информации материалы и документы. Допустимым следственным действием на этом этапе являлся осмотр места происшествия, в ч. 4 ст. 146 УПК вскользь (в скобках) упоминалось о возможном проведении освидетельствования и назначения экспертизы. Полномочиями по возбуждению уголовного дела обладали прокурор, а также дознаватель и следователь (с согласия прокурора). В этот период отсутствовала единообразная практика проведения и оформления результатов доследственной проверки, большинство полученных материалов (справка об исследовании, объяснения, протокол досмотра, добровольной выдачи и пр.) не могли использоваться в доказывании, их роль заключалась исключительно в обосновании вывода о наличии или отсутствии фактических обстоятельств, указывающих на признаки преступления. Федеральным законом от 04.07.2003 г. № 92-ФЗ ст. 144 УПК РФ была дополнена правом требовать производства документальных проверок, ревизий и при-

влекать к их участию специалистов, впервые закреплена возможность продления срока проверки до 30 суток.

2) 2007 г.- 2013 г. Федеральный закон от 05.06.2007 г. № 87-ФЗ исключил из полномочий прокурора право на возбуждение уголовного дела, тем самым законодатель распределил функции прокурорского надзора и уголовного преследования в досудебном судопроизводстве [15, С.157.], прокурора наделили правом в 24-часовой срок отменять постановление о возбуждении уголовного дела, в отношении отказных материалов, вынесенных следователем, прокурор мог выносить только мотивированное постановление о направлении соответствующих материалов руководителю следственного органа для решения вопроса об отмене постановления об отказе в возбуждении уголовного дела. Насущной проблемой, так и не получившей достойного разрешения в новой редакции закона, стала возможность проведения следственных действий и иных процессуальных действий по собиранию доказательств до возбуждения уголовного дела, ч.2 ст. 176 УПК РФ допускала производство только осмотра места происшествия.

Последующие преобразования седьмого раздела УПК РФ были столь же ожидаемыми, сколь практически необходимыми и обусловленными недостатками обновленной редакции УПК РФ 2007 г.: Федеральный закон от 02.12.2008 г. № 226-ФЗ спустя полтора года восполнил пробел и наделил руководителя следственного органа правом возбуждать уголовное дело, закрепил обязанность прокурора незамедлительно направлять постановление об отмене постановления о возбуждении уголовного дела должностным лицам, его возбуждавшем. С 2010 г. усилия законодателя направлялись на постепенное расширение арсенала проверочных средств: добавились требование производства исследований предметов, документов и трупов и возможность привлекать к участию в этих исследованиях специалистов (Федеральный закон от 09.03.2010 № 19-ФЗ), а также дача органу дознания обязательного для исполнения письменного поручения о проведении оперативно-розыскных мероприятий (Федеральный закон от 28.12.2010 г. №404-ФЗ). В этот же период прокурору возвратили полномочие отменять незаконное и необоснованное постановление следователя об отказе в возбуждении уголовного дела. Внимание законодателя сосредоточилось на оптимизации системы поводов для возбуждения уголовного дела: добавлен четвертый повод – постановление прокурора о направлении материалов для решения вопроса о возбуждении уголовного дела, Федеральным законом от 06.12.2011 № 407-ФЗ введен специальный налоговый повод – материалы, которые направлены налоговыми органами в соответствии с законодательством о налогах и сборах для решения вопроса о возбуждении уголовного дела.

3) Третий этап с 2013 г. по настоящее время. Пожалуй, именно в этот период сосредоточена большая часть изменений института возбуждения дела, отражающих, главным образом, пункты новой уголовно-процессуальной стратегии всего досудебного производства. Совершенствование стадии было продолжено путем очередного расширения полномочий следователя на этапе доследственной проверки, положения Федерального закона от 04.03.2013 г. №23-ФЗ видоизменили процессуальную форму порядка рассмотрения сообщений о преступлении: до возбуждения уголовного дела было разрешено производство всех видов следственных осмотров (осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование), назначение судебной экспертизы и получение заключения эксперта в разумный срок, получение образцов для сравнительного исследования. Впервые в качестве процессуальных проверочных действий на данном этапе названы получение объяснений; истребование документов и предметов, их изъятие в предусмотренном законом порядке. Новая ч.1.2. ст. 144 УПК РФ закрепила возможность использования в качестве доказательств полученных сведений в ходе проверки сообщения о преступлении, впервые введены положения, закрепившие основы процессуального статуса лиц, участвующих в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении.

Оптимизация системы поводов для возбуждения уголовного дела обусловлена наметившей в российском законодательстве общей тенденцией гуманизации уголовно-правовой ответственности за совершение преступлений в сфере предпринимательской деятельности, вместе с тем специальные поводы для возбуждения уголовного дела стали скорее помехой в расследовании преступлений определённых категорий, чем ожидаемым благом (так называемый налоговый повод исключен Федеральным законом от 22.10.2014 №308-ФЗ, взамен введён особый порядок рассмотрения сообщений о налоговых преступлениях; закреплённый Федеральным законом от 21.07.2014 № 218-ФЗ специальный повод для возбуждения уголовного дела о преступлениях, предусмотренных ст. 172.1 УК РФ, также действовал непродолжительное время и был упразднен в конце 2018 г.).

Таким образом, уголовно-процессуальная деятельность, реализуемая на стадии возбуждения уголовного дела, имеет исторические предпосылки существования в отечественном уголовно-процессуальном праве, изначально была призвана служить правовой основой для всех дальнейших процессуальных действий при расследовании и разрешении уголовного дела. В настоящее время не опровергнуто положение о том, что стадия является важной гарантией личности от необоснованного вовлечения в механизм уголовно-процессуального принуждения с его мощным правоограничительным потенциалом. Сохранилось до сих пор ее значение как фильтра, позволяющего на самом начальном этапе ограничить поступающую информацию о признаках уголовного наказуемого деяния от сведений, очевидно, не связанных с преступным событием. Достаточно упомянуть удельный вес заявлений, по которым возбуждаются уголовные дела в процентном отношении от общего числа зарегистрированных заявлений: в 2006 г. – уголовное дело возбуждалось в отношении 16,9 % поступивших сообщений о происшествиях, в 2013 г. – в 6,2 %, в 2017 г. – 5,6% [16].

Проанализировав развитие института возбуждения уголовного дела в новейшее время, справедливо говорить об усложнении и дифференциации процессуальной формы проверки сообщений о преступлении, при этом роль института существенно возросла за счет обеспеченной законом возможности реализации полноценного уголовно-процессуального доказывания в ходе проверки сообщений о преступлении, расширении надзорной компетенции прокурора, закрепления дополнительных процессуальных гарантий обеспечения прав лиц, вовлекаемых в орбиту уголовно-процессуальных отношений на самых ранних этапах уголовного судопроизводства. Изменения, регулярно вносимые в текст ст. 140-149 УПК РФ, также свидетельствуют о большом желании законодателя сохранить первоначальную стадию, сделать деятельность на данном этапе эффективной, отвечающей потребностям современной правоохранительной практики.

Список используемой литературы и источников

1. Глава II. О процессе или тяжбе. Краткое изображение процессов или судебных тяжб (1715 г.) История России Мультимедиа учебник (сайт). [Электронный ресурс] // <http://www.history.ru/content/view/1276/87/1/1/> (дата обращения 01.10.2019)
2. Российское законодательство X-XX в.в. [Текст] / Под ред. О.И. Чистякова. - М, 1987. - Т.5. - С. 167-168.
3. Свод законов Российской империи. Издание 1857 г. Том XV Законы уголовные. Книга вторая. Законы о судопроизводстве по делам о преступлениях и проступках Руниверс. Факсимильная историческая библиотека (сайт). [Электронный ресурс] // <https://runivers.ru/bookreader/book388232/#page/7/mode/lup/> (дата обращения 01.10.2019).
4. Акперов, Р.С. Законодательная регламентация института возбуждения уголовного дела в России по Уставу уголовного судопроизводства 1864 г. [Текст] / Р.С. Акперов // Уголовное судопроизводство. - 2009. - № 3. - С. 30 - 33.

5. Устав уголовного судопроизводства 1864 г. // Свод Законов Российской Империи. Том XVI. (сайт) КонсультантПлюс: Классика Российского Права. [Электронный ресурс] // <http://civil.consultant.ru/reprint/books/238/414.html#img415> (дата обращения 01.10.2019)

6. Сиверская, Л.А., Смирнова Н.А. К вопросу о стадии возбуждения уголовного дела [Текст] / Л.А.Сиверская, Н.А.Смирнова // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. - 2015. - № 1. - С. 179-183.

7. «О революционном трибунале печати» [Текст]: постановление НКЮ РСФСР от 18 декабря 1917 // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917-1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР.- М., 1942. - С. 154-155.

8. «Об организации и действии местных народных судов» [Текст]: Инструкции НКЮ РСФСР от 23 июля 1918 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917-1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. - М., 1942. - С. 699-708.

9. Положение о революционных трибуналах от 20 ноября 1919 г.// Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1919 г. Управление делами Совнаркома СССР. - М., 1943. - С. 783-791.

10. «Об Уголовно-Процессуальном Кодексе» [Текст]: Постановление ВЦИК от 25.05.1922 (вместе с «Уголовно-Процессуальным Кодексом РС.Ф.С.Р.») // СУ РСФСР.- 1922.- № 20 – 21.-ст. 230.

11. «Об утверждении Уголовно-Процессуального Кодекса РС.Ф.С.Р.» [Текст]: Постановление ВЦИК от 15.02.1923 (ред. от 31.01.1958) (вместе с «Уголовно-Процессуальным Кодексом РС.Ф.С.Р.»)// СУ РСФСР.- 1923.- № 7.- ст. 106.

12. О повышении качества расследования [Текст]: циркуляр Прокуратуры СССР от 05.06.1937 г. № 41/26 // Социалистическая законность. -1937. -№ 7.

13. Строгович, М.С. Уголовный процесс [Текст]: учебник. - М., 1940.

14. Гаврилов, Б.Я. Роль института возбуждения уголовного дела в обеспечении прав потерпевших на их доступ к правосудию [Текст] / Б.Я.Гаврилов // Вестник Сибирского юридического института МВД России.- 2018. - № 2 (31).- С. 19-27.

15. Ковалева, М.Г. Возбуждение уголовного дела и обеспечение его законности и обоснованности [Текст]: Дис... канд. юр. наук. / М.Г.Ковалева.- СПб., 2005. - 238 с.

16. Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации и расчетные варианты ее развития: аналитический обзор [Текст] / Ю. М. Антонян, Д. А. Бражников, М. В. Гончарова и др. – М.: ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2018. – 86 с.

УДК 343.131.8

А.Ю. Селезнева, А.А. Мясоедова, студенты юридического факультета ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (г. Курск)

Научный руководитель: В.В. Струкова, канд.юрид.наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (г. Курск)

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ИНСТИТУТА АНОНИМНОСТИ СВИДЕТЕЛЯ

Согласно статистике, каждый пятый свидетель нуждается в обеспечении его безопасности в связи с высказыванием угроз в его адрес, связанных с производством по уголовному делу. В данной статье рассматриваются актуальные проблемы, связанные с реализацией института анонимности свидетеля, а также предлагаются некоторые пути их решения.

Ключевые слова: анонимность, свидетель, меры безопасности, угрозы, конфиденциальные сведения.

PROBLEMS OF IMPLEMENTATION OF THE WITNESS ANONYMITY'S INSTITUTE

According to statistics, every fifth witness needs to ensure his safety in connection with the statement of threats against him related to the criminal proceedings. This article discusses the actual problems associated with the implementation of the Institute of witness anonymity, as well as some ways to solve them.

Keywords: anonymity, witness, security measures, threats, confidential information.

Согласно УПК РФ свидетелем является лицо, которому могут быть известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для расследования и разрешения уголовного дела и которое вызвано для дачи показаний [1]. Дача показаний свидетелем является не только его гражданским и моральным долгом для помощи выяснении обстоятельств дела на этапе предварительного расследования и судебного разбирательства, но и его прямой обязанностью, за уклонение от которой предусмотрена ответственность УК РФ, за исключением некоторых случаев [2]. Однако правоприменители нередко сталкиваются с ситуацией, когда лица не желают давать свидетельские показания, опасаясь за свою жизнь и жизнь близких им людей, потому что в их адрес поступают угрозы различного содержания.

Во избежание подобных ситуаций российскими законодателями был разработан ряд мер, способствующих защите такой категории граждан. Например, такие меры прямо указываются в статьях УПК РФ, а также существует отдельный нормативно-правовой акт – Федеральный закон «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» (далее ФЗ).

Вышеуказанный федеральный закон гласит, что применение мер безопасности осуществляется после рассмотрения поступившего заявления от лица, к которому были применены угрозы относительно его безопасности, а также уничтожения или повреждения его имущества, в течение 3 суток со дня поступления такого заявления. Суд, руководитель органа дознания, следователь с согласия руководителя следственного органа могут продлить данный срок до 30 суток. Поступившее заявление будет являться поводом для применения мер безопасности в отношении лица.

Основанием же для применения таковых мер будет наличие достаточных данных полагать, что заявленная угроза реальна и осуществима. На практике данный вывод чаще всего делается на основании отбора объяснений по данному факту у лица, в отношении которого были высказаны подобные угрозы [3, с.220-223].

Однако, исходя из вышесказанного, возникает проблема, связанная с тем, что реализация мер безопасности возможны только после удовлетворения ходатайства соответ-

ствующим субъектом. Тем не менее, нет детальной регламентации права лица на отказ от дачи свидетельских показаний до удовлетворения заявленного ходатайства в силу опасения за свою жизнь. Это говорит о недостаточности защиты права граждан за защиту.

По нашему мнению, УПК следует дополнить нормой, исключающей уголовную ответственность за отказ от дачи показаний свидетелем на период рассмотрения его ходатайства, а также в случае отказа в удовлетворении данного ходатайства соответствующим правоприменительным субъектом, на период рассмотрения его жалобы для исключения коррупционной составляющей.

В части 1 ст. 6 ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» приведен конкретный перечень мер безопасности, применяемых для защиты жизни, здоровья и имущества участников уголовного судопроизводства. В отношении свидетеля могут применяться одновременно несколько либо одна из следующих мер безопасности:

1. Личная охрана, охрана жилища и имущества;
2. Выдача специальных средств индивидуальной защиты, связи и оповещения об опасности;
3. Обеспечение конфиденциальности сведений о защищаемом лице;
4. Переселение на другое место жительства;
5. Замена документов;
6. Изменение внешности;
7. Изменение места работы (службы) или учебы;
8. Временное помещение в безопасное место;
9. Применение дополнительных мер безопасности в отношении защищаемого лица, содержащегося под стражей или находящегося в месте отбывания наказания, в том числе перевод из одного места содержания под стражей или отбывания наказания в другое [4].

Кроме того, существует перечень мер безопасности, применяемых в ходе уголовного судопроизводства, а именно: сохранение в тайне данных о личности, контроль и запись телефонных и иных переговоров, проведение опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым, проведение закрытого судебного разбирательства, а также допрос свидетеля в судебном заседании без оглашения данных о его личности и в условиях, исключающих визуальное наблюдение другими участниками процесса.

Эффективная реализация данных мер осложняется отсутствием законодательно проработанного комплексного подхода при обеспечении безопасности свидетелей.

Для более детального рассмотрения проблем применения вышеуказанных мер и выявления способов их разрешения следует провести анализ некоторых их перечисленных способов защиты свидетелей.

Особое место среди других мер безопасности занимает институт анонимности, который был введен ныне действующим Уголовно-процессуальный кодекс РФ (далее УПК РФ).

Применительно к уголовному процессу, анонимность свидетелей определяет основанную на законе процедуру сохранения в тайне каких-либо сведений о личности участника процесса, получения показаний, исключает либо существенно уменьшает возможность оказания на свидетеля неправомерного воздействия со стороны заинтересованных в исходе дела лиц, противодействующих правосудию [5, с. 85-89]. Институт анонимных свидетелей является составной частью института защиты свидетелей и других лиц в уголовном судопроизводстве.

С одной стороны, в случаях, когда личность свидетеля засекречена, стороной защиты не могут быть представлены доводы о возможной заинтересованности лица в исходе

дела. Данное обстоятельство может привести к неправильной оценке представленных сведений, что повлечет судебную ошибку.

С другой стороны, защита свидетелей от неправомерного воздействия и давления со стороны других участников уголовного судопроизводства существенно увеличивает эффективность реализации мер по борьбе с преступностью и изобличению виновных. Однако, реализации права на анонимность затрудняется некоторыми законодательными проволочками.

Остается открытым вопрос, когда лицо уже было допрошено по материалам уголовного дела и его данные были внесены в уголовное дело, а после этого оно стало получать угрозы. По нашему мнению, в данном случае необходимо законодательное закрепление нормы, предусматривающей составление нового, уже анонимного допроса свидетеля и исключение из материалов дела предыдущего. Примером позитивного использования подобной нормы является Польский Уголовно-процессуальный кодекс.

Другим примером правовой коллизии является содержание ч. 6 ст. 278, согласно которой в случае заявления сторонами обоснованного ходатайства о раскрытии подлинных сведений о лице, дающем показания, в связи с необходимостью защиты подсудимого либо установления каких-либо существенных для рассмотрения уголовного дела обстоятельств суд вправе предоставить сторонам возможность ознакомления с указанными сведениями. Данная норма полностью противоречит применению института анонимности, т.к. данные лица, желающего остаться инкогнито в силу опасения реализации высказанных ему угроз могут оказаться раскрытыми без его ведома. Таким образом, при неразрешенной проблеме осуществления угрозы, анкетные данные могут стать известны другим участникам судопроизводства. Соответственно, законодательно закрепленные гарантии безопасности на практике не могут быть реализованы.

По нашему мнению, данная статья нуждается в дополнении своей диспозиции текстом, которой предусматривал бы таковое согласие свидетеля либо же было указание на то, что данная норма может применяться в случае, когда основания опасаться за жизнь свидетеля отпадают.

В соответствии с ч. 9 ст. 166 УПК РФ при необходимости обеспечения безопасности свидетеля и его близких родственников должностное лицо вправе в протоколе следственного действия указать псевдоним, при этом выносится соответствующее постановление, которому прилагается конверт с подлинными анкетными данными лица, который хранится при материалах уголовного дела. Такая степень защиты личных сведений видится не самой надежной и целесообразнее было бы придание сведениям конфиденциального характера грифа секретности.

Кроме того УПК РФ не регламентирует порядок установления личности свидетеля в судебном заседании, если его данные были засекречены. Согласно ч.2 ст.278 данная процедура является обязательной при проведении допроса свидетеля. Следовало бы включить в УПК РФ дополнение данной статьи, которое бы указывало на то, что установление личности свидетеля, данные о котором скрываются, следует производить в отсутствие присутствующих на судебном заседании лиц. Протокол же судебного заседания с указанием таких данных не должен предъявляться для ознакомления сторонам.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что при существовании достаточного количества нормативной базы в отношении проведения в жизнь права на безопасность свидетеля, в том числе его анонимность, в предусмотренных случаях, существует определенное количество правовых коллизий, которые мешают правоприменителям реализовывать их в полном объеме. Предложенные меры могли бы усовершенствовать законодательство и избавить его от пробелов, препятствующих применению института анонимности свидетелей.

Список используемой литературы и источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Текст]: федер. закон: [принят 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ: по состоянию на 02 авг. 2019 г.] // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 02.11.2019).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации [Текст]: федер. закон: [принят 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: по состоянию на 02 авг. 2019 г.] // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.11.2019).
3. Тенгизова, Ж.А. Поводы и основания применения мер безопасности участников уголовного судопроизводства [Текст]/ Ж.А. Тенгизова // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. - 2017. - №4. - С.220-223.
4. О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства [Текст]: федер. закон: [принят 20 авг. 2004 г. № 119-ФЗ: последняя редакция] // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.11.2019).
5. Шестакова, С.Д. Право на анонимность в российском уголовном процессе [Текст] / С.Д. Шестакова, Е.А. Маркова // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. - 2016. - №1(69). - С. 85-89.

УДК 343.132

В.А. Семенцов, д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса Кубанского государственного университета

**ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФОРМЫ
СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ**

Обосновывается выделение обычной, усложненной и упрощенной процессуальной формы следственных действий. По мнению автора, наличие детальной процедуры производства, это объективная характеристика видов следственных действий, свидетельствующая не об усложнении процессуальной формы, а о ее конкретизации.

Ключевые слова: процессуальная форма, следственные действия, общие правила, усложнение и упрощение, цифровизация.

**DIFFERENTIATION OF PROCEDURAL FORM
INVESTIGATIVE ACTIONS IN PRE-TRIAL PROCEEDINGS**

Allocation of the usual, complicated and simplified procedural form of investigative actions is proved. According to the author, the existence of a detail procedure of production is an objective characteristic of the types of investigative actions, indicating not the complication of the procedural form, but its concretization.

Key words: procedural form, investigative actions, general rules, complication and simplification, digitalization.

В современной отечественной науке уголовного процесса актуальным является вопрос о дифференциации (разнообразии) уголовно-процессуальной формы, когда для каждого процессуального действия и решения или отдельных их групп устанавливаются определенные правила их производства, регламентируются сроки, способы, особенности фиксации и др. В частности, отличаются разнообразием процессуальной формы следственных действия (осмотр, освидетельствование, обыск, выемка, допрос и др.).

Обращение к Уставу уголовного судопроизводства 1864 г. (далее – Устав) убеждает в том, что там впервые был применен системный подход к формированию института следственных действий как упорядоченного, внутренне согласованного и взаимообусловленного комплекса процессуальных действий. В Уставе последовательность проведения следственных действий отражала типичный ход предварительного расследова-

ния по уголовному делу – осмотр, освидетельствование, обыск, выемка, допрос обвиняемого, свидетеля, что в дальнейшем послужило основой разнообразия и совершенствования процессуальной формы следственных действия. В то же время в тексте Устава не использовался термин «экспертиза», поскольку, по мнению его составителей, экспертиза не могла рассматриваться как самостоятельная форма следственного действия, а считалась разновидностью осмотра и освидетельствования. А вот сегодня уже нет сомнений в самостоятельном доказательстве значения заключения эксперта, хотя по-прежнему дискуссионен вопрос об отнесении судебной экспертизы к числу следственных действий.

Учитывая степень детализации процессуальных предписаний, определяющих порядок осуществления процессуальной деятельности, традиционно принято выделять *обычную* процессуальную форму, *усложненную* и *упрощенную*, в связи с чем необходимо выяснить, возможно ли такое разграничение уголовно-процессуальной формы в рамках института следственных действий, нормы которого обеспечивают правовое регулирование общественных отношений, возникающих в связи с производством этой разновидности процессуальных действий, предназначенных для собирания и проверки доказательств.

Опираясь на требования действующего УПК РФ, можно констатировать, что к *обычной* процессуальной форме следственных действий относится набор общих предписаний, правомочий и запретов, которыми должен руководствоваться следователь при производстве следственных действий, содержащихся в ст. 164 УПК РФ. Наличие в законе общих правил производства следственных действий обусловлено высокой их значимостью и способствует более ясному и четкому пониманию этого института, гарантируя соблюдение прав личности и обеспечивая эффективность уголовного судопроизводства.

В то же время в числе общих правил не названы фактические основания производства следственных действий, свидетельствующие о необходимости и возможности получения сведений, имеющих значение для установления обстоятельств уголовного дела, путем выполнения того или иного следственного действия. Но формальная выраженность фактических оснований производства следственных действий имеет важное значение для использования полученных результатов в доказывании.

По мнению профессора С.А. Шейфера, следует выделять три необходимых элемента, составляющих фактические основания производства следственных действий: а) источники, из которых следователь может черпать доказательственную информацию; б) цель проведения; в) объем фактических данных, необходимых для вывода о том, что в источниках действительно содержится искомая информация [1, с. 106].

При отсутствии в общих правилах следственных действий указания на фактические основания их производства остается предполагать, что они сформулированы в нормах, регламентирующих порядок проведения отдельных видов следственных действий. Однако достаточно определенно фактическое основание выражено применительно лишь к такому следственному действию, как обыск: наличие достаточных данных полагать, что в каком-либо месте или у какого-либо лица могут находиться орудия преступления, предметы, документы и ценности, которые могут иметь значение для уголовного дела (ч. 1 ст. 182 УПК РФ). Об основании проведения осмотра прямо говорится в названии ст. 176 УПК РФ. В отношении же остальных следственных действий может указываться цель их производства, но не фактическое основание, свидетельствующие о необходимости и возможности получения сведений (повторим это еще раз).

В результате игнорирования законодателем уголовно-процессуальной формы фактических оснований производства следственных действий привело к различию мнений ученых и практиков об их объеме и содержании. Особенно остро дискутируется про-

блема использования в качестве фактического основания следственных действий не доказательств, а сведений, полученных из оперативно-розыскных источников.

В общих правилах следственных действий не находим указания на условия их производства, от выполнения которых зависит допустимость полученных доказательств. Поэтому перечень этих условия (в досудебном производстве) приходится «выводить» из текста УПК РФ:

1) наличие возбужденного уголовного дела, кроме случаев, предусмотренных ч. 1 ст. 144 УПК РФ;

2) строгое соответствие уголовно-процессуальному закону порядка производства следственных действий и их процессуального оформления;

3) своевременность, законность и обоснованность производства следственных действий, ответственность за которые несет следователь или дознаватель;

4) учет предусмотренного в законе запрета на производство следственных действий после приостановления или окончания предварительного следствия (ч. 3 ст. 209, п. 8 ч. 2 ст. 213, ч. 1 ст. 215 УПК РФ).

Кроме того, при регламентации отдельных разновидностей следственных действий закон закрепляет дополнительные условия, выполнение которых также обязательно. Например, условием проведения таких следственных действий, как очная ставка, предъявление для опознания и проверка показаний на месте, является предварительный допрос.

Допустив возможность производства в стадии возбуждения уголовного дела следственных действий, поименованных в ч. 1 ст. 144 УПК РФ, законодатель не уточнил своеобразие их процессуальной формы, имеющей здесь особенности, обусловленные задачами и процессуальным порядком деятельности в этой стадии. Так, традиционно принято считать, что до возбуждения уголовного дела производство следственных действий имеет исключительный характер, хотя только по отношению к освидетельствованию прямо указано в законе на возможность его производства до возбуждения уголовного дела, в случаях, не терпящих отлагательства (ч. 1 ст. 179 УПК РФ). Опять же не ясно, обеспечивается ли процессуальным принуждением получение эффективного результата при производстве следственных действий в стадии возбуждения уголовного дела, и если да, то в какой мере?

Невыполнение требований закона о допустимости производства в стадии возбуждения уголовного дела лишь тех следственных действий, исчерпывающий перечень которых дан в ч. 1 ст. 144 УПК РФ, на практике порой приводит к фальсификации доказательств. Например, из материалов уголовного дела № 1-685/2018 следует, что Е., осуществляя дознание по делу в отношении Ч., представила сфальсифицированные ею доказательства, что выразилось в фактическом проведении допроса Ч. и проверки его показаний на месте до возбуждения уголовного дела, исказив в протоколах этих следственных действий дату проведения и указав заведомо ложные сведения о месте проведения. Протоколы допроса и проверки показаний на месте были затем указаны в перечне доказательств, подтверждающих обвинение, в обвинительном акте по делу Ч. [2]

А теперь – об *усложнении* и *упрощении* процессуальной формы следственных действий.

Думается, что наличие детальной процедуры производства, предусмотренной законом, несмотря на общие правила, – это объективная характеристика отдельных видов следственных действий, свидетельствующая не об усложнении процессуальной формы, а о ее конкретизации.

В то же время существенно *усложняет* процедуру следственных действий использование технических средств фиксации, которые хотя и позволяют компенсировать недостатки человеческого восприятия, запоминания, сохранения, воспроизведения, переработки и передаче поступающей информации, создавая тем самым предпосылки по-

вышения эффективности уголовного судопроизводства, но процессуальный порядок их применения и доказательственное значение как приложения к протоколу следственного действия, нивелирует преимущества технической фиксации перед ее письменной формой.

Представляется, что при упрощении процессуального порядка применения технических средств фиксации в досудебном производстве вполне станет возможным распространение накопленного положительного опыта видео-конференц-связи в судах при производстве таких следственных действий как допрос, очная ставка, опознание и проверка показаний на месте, объединенных методом расспроса. Это позволит более полно и всесторонне устанавливать обстоятельства, подлежащих доказыванию, обеспечит оптимизацию и сокращение сроков, повышение его эффективности, послужит дополнительной гарантией реализации прав участников.

Наряду с этим, рассматриваем как оптимальную и неизбежную форму совершенствования уголовного судопроизводства цифровые технологии, когда экономия средств на бумагу – только самая малая часть выгоды от цифровизации. Переход на электронный документооборот, создание электронного аналога уголовного дела, включая оцифровку постановлений и протоколов следственных действий, – вот основные компоненты цифровизации уголовного судопроизводства.

Однако критически оцениваем предложение А.С. Александрова о новом следственном действии: получении цифровой информации, представленной в электронном виде, которое должно заменить существующую систему следственных действий, а субъектом его проведения может стать не только человек, но и робот [3, с. 80-84].

Теперь об институте понятых, который в современном отечественном уголовном судопроизводстве перестает быть универсальным средством обеспечения безусловной достоверности доказательств, но законодатель все же не может полностью от него отказаться, сохраняя обязательность (по общему правилу) участия понятых в обыске, личном обыске и предъявлении для опознания, для удостоверения факта, содержания, хода и результатов указанных следственных действий. Тем самым констатируется недоверие к следователю и дознавателю, призванных осуществлять публичное уголовное преследование, при отсутствии этого института в других странах, и как результат этого – опять же неоправданное усложнение порядка проведения следственных действий.

И еще. Согласно закону следователь, будучи фигурой процессуально самостоятельной и лично ответственной за результат расследования, прежде чем обратиться с ходатайством в суд, должен получить согласие руководителя следственного органа на производство тех следственных действий, которые связанных с вторжением в сферу гарантированных Конституцией Российской Федерации прав и свобод личности. Но возникает, как минимум, два вопроса, требующих своего разрешения:

1. Если следователь действительно процессуально самостоятелен, то зачем ему согласовывать с руководителем следственного органа столь значительное число следственных действий, допустимых к производству на основании судебного решения?

2. Насколько оправданно подобное усложнение процессуальной формы принятия решения о следственных действиях, связанных с ограничением конституционных прав граждан?

Со 2 декабря 2008 г. необычайно широкие процессуальные права при следственных действиях предоставлены следователю-криминалисту, который в соответствии с п. 40.1 ст. 5 УПК РФ участвует по поручению руководителя следственного органа в производстве отдельных следственных действий или производит отдельные следственные действия без принятия уголовного дела к своему производству. Необычайность прав следователя-криминалиста в том, что сам следователь ими не обладает, имея право проводить следственные действия без принятия уголовного дела к своему производству

только в одном случае – при выполнении письменного поручения другого следователя, когда возникает необходимость их производства в другом месте (ч. 1 ст. 152 УПК РФ).

Что касается *упрощения* формы следственных действий, то это такой порядок, который предусматривает определенные изъятия из общих правил их производства.

В числе таких изъятий с полным правом можно указать сокращенную форму дознания, одной из отличительных особенностей которого является право дознавателя не допрашивать лиц, от которых были получены объяснения в ходе проверки сообщений о преступлении, не назначать судебную экспертизу по вопросам, ответы на которые содержатся в заключении специалиста по результатам исследования, не производить иные следственные действия, направленные на установление фактических обстоятельств, сведения о которых содержатся в материалах проверки сообщения о преступлении, если такие сведения отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам, установленным УПК РФ.

Специфична форма процессуальной деятельности при осуществлении уголовного преследования в частном порядке (за исключением случаев, предусмотренных ч. 4 ст. 20 УПК РФ), при которой частный обвинитель, не имея властных полномочий, не вправе производить следственные действия, о чем свидетельствуют предписания ч. 2 ст. 43 и ч. 4-6 ст. 246 УПК РФ. Поэтому законодатель наделил его правом ходатайствовать перед судом об оказании содействия в собирании доказательств, которые не могут быть получены самостоятельно (ч. 2 ст. 319 УПК РФ).

Список используемой литературы и источников

1. Шейфер, С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма [Текст] / С.А.Шейфер. С. 106.

2. Приговор Свердловского районного суда г. Иркутска № 1-685/2018 1-7/2019 от 18 января 2019 г. по делу № 1-685/2018.

3. Александров, А. С. Учение о следственных действиях на пороге «цифрового мира» [Текст] / А.С.Александров // Юридический вестник Самарского ун-та. -2017. -Т. 3. - № 4. -С. 80-84.

УДК 343.102

А.А. Сизов, канд. юрид. наук, доцент ФГБОУ ВО «Курский государственный медицинский университет»

Р.Ф. Шахбазов, преподаватель ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»

ЗАРОЖДЕНИЕ ИНСТИТУТА СЛЕДОВАТЕЛЯ В РОССИИ

Данная статья посвящена историческим предпосылкам возникновения института следователя в российском уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: *уголовный процесс, следователь, дознание, следствие, расследование.*

THE ORIGIN OF THE INSTITUTE OF INVESTIGATOR IN RUSSIA

This article is devoted to the historical background of the institution of the investigator in the Russian criminal proceedings.

Keywords: *criminal process, investigator, inquiry, investigation.*

При рассмотрении исторической литературы, представляется возможным прийти к выводу, что следователь в российском уголовном судопроизводстве, как самостоятельный уголовно-процессуальный институт возник в результате принятия целого ряда нормативных актов, которые, в свою очередь, были утверждены Императором Александром II 08.06.1860 г.

К упомянутым нормативным актам следует отнести:

- «Учреждение судебных следователей».
- «Наказ судебным следователям».
- «Наказ полиции о производстве дознания по происшествиям, могущим заключать в себе преступление или проступок».

Соответственно, до нормативного закрепления следователя в качестве отдельного субъекта расследования преступления, данная обязанность возлагалась на городскую, а также земскую полицию.

На уровне уездов расследованием преступлений занимался становой пристав, земский исправник, уездный стряпчий и отделение земского суда, которое состояло из перечисленных должностных лиц.

На уровне уездов преступление расследовали частные либо следственные приставы.

Следует акцентировать внимание на том, что расследование преступления включало в себя осуществление действий, направленных на собирание доказательств, которые в совокупности позволяли бы изобличить виновного.

В свою очередь, расследование преступления было дифференцировано на предварительное и формальное.

Предварительное расследование преследовало цель установить обстоятельства, при которых, непосредственно, и было совершено преступное деяние. [1, С. 63].

В рамках формального расследования необходимо было выяснить, на самом ли деле обвиняемым было совершено преступление либо его следует освободить от уголовного преследования.

Примечательно, что в некоторых нормативных актах, которые действовали до 1860 года, представляется возможным наблюдать термин «следователь».

Данный термин, в свою очередь, использовался и некоторыми учеными в своих научных трудах [3, С. 51]. Однако, очевидно, что все же следователь в то время не выступал в качестве самостоятельного процессуального участника уголовного судопроизводства, поскольку для того, чтобы можно было признать то или иное лицо самостоятельным участником уголовного процесса, необходимо наличие следующих условий:

- 1) об этом должно быть прямо указано в законе;
- 2) должен быть закреплен перечень его процессуальных прав и обязанностей;
- 3) он должен взаимодействовать с иными субъектами уголовно-процессуальных отношений при выполнении своих функций в рамках расследования преступного деяния.

Данные условия в полной мере были выполнены лишь после издания Александром II Указа в 1860 году, благодаря которому была закреплена должность судебных следователей [2, С. 88].

Можно с уверенностью констатировать, что отделение следователя от полиции стало событием революционного характера, которое, в свою очередь, свидетельствовало о начале перехода российского уголовного судопроизводства от розыскного типа к состязательному.

Кроме того, справедливо полагать, что данное событие есть самостоятельная следственная реформа, которая создала предпосылки для судебной реформы 1864 г.

После следственной реформы полиция не перестала заниматься расследованием, в ее ведении остались маловажные преступные деяния и проступки, а также первоначальное дознание по преступлениям более высокой значимости.

К Указу Александра II был издан Наказ судебным следователям, установивший порядок производства следствия, определивший взаимоотношения между следователем, полицией и судами, установивший регламент по иным сторонам деятельности судебных следователей.

Судам было поручено осуществлять контроль за действиями следователей. За судами закрепилось право приостановления, а также прекращения следствия, дачи предписаний следователям, а также право отмены вынесенных следователем распоряжений.

По своей сути должность судебного следователя была равнозначна должности члена уездного суда. При этом, самостоятельность судебных следователей была гарантирована как раз-таки предоставлением права давать предписания следователям, отменять их распоряжения, а также контролировать их деятельность в целом, исключительно судам, в которых расследуемое дело и должно было быть рассмотрено.

Рассматриваемая нами следственная реформа основывалась на принципе независимости судебных следователей. В соответствии с данным принципом судебные следователи были независимы от местной администрации, и это, в свою очередь, проявлялось в назначении данных должностных лиц, непосредственно, министром юстиции по представлению губернатора, а также при согласовании с губернским прокурором.

Представляется, что этим самым был закреплён один из важнейших элементов статуса судебных следователей.

В соответствии с табелем о рангах должность судебного следователя была отнесена к 8 классу (гражданский чин, воинское звание майора). Соответственно им причислялись определенные привилегии, а также жалование.

Кроме того, можно с уверенностью констатировать, что должность судебного следователя была весьма престижной, поскольку отнесение к чину 8 класса означало присвоение звания потомственного дворянина, что давало право на передачу своего титула по наследству [4, С. 62].

Вместе с тем, заметим, что подавляющее количество следователей, которые были назначены на должность, практически, сразу после осуществления следственной реформы, не обладали юридическим образованием, а некоторые из них и вообще не проходили обучение в каких-либо учебных заведениях.

Досудебное расследование было разделено на:

1. дознание;
2. предварительное следствие.

Судебный следователь в соответствии с рассматриваемой реформой 1860 года выполнял, одновременно, функции обвинителя, а также защитника.

Таким образом, судебный следователь был обязан заниматься сбором доказательств, которые как обличали лицо в совершении преступного деяния, так и тех доказательств, которые подтверждали невиновность лица и необходимость его освобождения от уголовного преследования.

Список используемой литературы и источников

1. Гуляев, А. П. Следователь в уголовном процессе [Текст] / А.П. Гуляев- М.: Голориздат 1981. - 81 с.
2. Гуськова, А.П. Процессуально-правовые и организационные вопросы подготовки к судебному заседанию по УПК РФ [Текст] / А.П. Гуськова – Оренбург: Изд-во ОрГУ, 2002. -117 с.
3. Дармаева, В.Д. О процессуальной самостоятельности следователя [Текст] / В.Д. Дармаева // Следователь. - 2002. -№ 10. –С.81.
4. Зинатуллин, З.З., Зезянов, В.В. Судебная власть и правосудие по уголовным делам: соотношение с судебным контролем [Текст] / З.З. Зинатуллин, В.В. Зезянов // Росийский судья. - 2005. - № 5. –С.82.

УДК 343.13

*К.С. Солохин, А.А. Башкирева, студенты юридического факультета ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (г. Курск)
Научный руководитель: И.Н. Чеботарева, канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (г. Курск)*

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

В данной работе был проведен анализ гносеологических основ уголовного процесса и их влияния на процесс доказывания, как на один из основных элементов уголовного процесса в целом, выделена проблема соответствия научного познания и познания в уголовном процессе и ряд других вопросов, связанных с влиянием гносеологии и диалектического материализма на отечественный уголовный процесс.

Ключевые слова: уголовный процесс, гносеология, диалектический материализм, гносеологические основы, истина, познание в уголовном процессе.

EPISTEMOLOGICAL FOUNDATIONS OF THE CRIMINAL PROCESS

In this work, an analysis was made of the epistemological foundations of the criminal process and their impact on the process of proving, as one of the main elements of the criminal process as a whole, the problem of the correspondence of scientific knowledge and cognition in the criminal process and a number of other issues related to the influence of epistemology and dialectical materialism are highlighted. on the domestic criminal process.

Keywords: criminal process, epistemology, dialectical materialism, epistemological foundations, truth, knowledge in the criminal process.

Назначение любого процесса судопроизводства заключается в необходимости правильного и своевременного рассмотрения дела с целью защиты нарушенных прав. Для достижения этого в рамках как уголовного процесса, так и других видов процессов, ключевую роль играет процесс доказывания. Это обуславливает важность изучения общих положений доказательств, их источников, предмета, пределов и целей доказывания, а также структуры и содержания доказывания, а также ряда других не менее важных положений, позволяющих уяснить сущность доказательств, понять важность одной из ключевых частей науки уголовного процесса – теории доказывания.

Тут может возникнуть вопрос – в чем заключается связь процесса доказывания и гносеологии? Первично следует определить само понятие гносеологии, вследствие чего мы обратимся к его варианту, данному в журнале «Философия науки», где под гносеологией понимается «общая теория познания, один из важнейших разделов философии. Главной проблемой гносеологии является вопрос о том, как (при каких условиях, необходимых и достаточных) возможно человеческое познание вообще и его различные виды (научное, художественное, философское, религиозное, мистическое, обыденное и др.)». Следует отметить, что сущность этого понятия является довольно широкой отраслью философии, но не самой крупной, и чаще используется другая концепция, характеризующая философское направление, содержащая в себе гносеологические начала – диалектический материализм. Она часто используется в философии, в особенности в марксистско – ленинском крыле, и крепко «срослась» с отечественным уголовным процессом. При этом, как уже отмечалось, сама гносеология не является отдельным крупным разделом философии, она является подразделом диалектики, корни которой прослеживаются не только в работах Гегеля и Канта, но и в работах Сократа, Аристотеля, Парменида, а также одним из базовых понятий диалектического материализма – философского течения материалистического порядка, разработанного К. Марксом и Ф. Энгельсом и доработанного В. Лениным. Именно определение гносеологии как подразде-

ла диалектического материализма важно для определения роли гносеологии в уголовном процессе России и поэтому целью работы будет рассмотрение как раз-таки гносеологии в спектре диалектического материализма, лежащего в основе уголовного процесса. Если обратиться к работе В. Я. Дорохова «Марксистско-ленинская гносеология — основа теории доказательств», то в его работе отмечается несколько базовых положений, касающихся диалектического материализма: первичности материи и вторичности сознания; возможности познания человеком объективного мира; объективной, относительной и абсолютной истины; ступеней познания; роли общественно-исторической практики в познании и т. д. [1. С.36]

Непосредственно переходя к рассмотрению вопросов гносеологии в уголовном процессе, следует вспомнить одну из его (процесса) целей: выяснение всех обстоятельств дела, необходимых для правильного его разрешения. И вот тут возникает ряд проблем, которые целесообразно показать на примере. Обращаясь к работе доктора юридических наук Барабаш А.С. «Соотношение понятий «объект» и «предмет» познания и использование их при описании уголовно-процессуальной деятельности» мы можем выделить одну интересную идею: «уголовный процесс как наука должен описывать технологию мышления и деятельности в сфере расследования и судебного рассмотрения уголовных дел» [2. С.41]. Это положение можно трактовать двояко: с одной стороны, само понятие гносеологии подразумевает изучение знания как такого, без привязки к сущности этого знания, с другой стороны, гносеология вмещает в себя понятия как о сущем, то есть о существующем, так и о должном (как должно быть), что далеко не всегда способствует нормальному функционированию уголовно – процессуальной системы, так как объективно, что для уголовного процесса превалирует именно должное, из которого и берётся информация о преступлении. Руководствуясь последним тезисом, Г. Риккерт определял критичность расширения должного в гносеологических теориях познания, что позволяло относить их к «техническим учениям о мышлении» и констатировало возможность их превращения в «нормативные дисциплины», что, объективно, не свойственно философии. [3. 56 – 57]

Но для данной работы существенную важность представляют те теории познания, анализируемые гносеологией, которые включают определенные техники познавательной деятельности, базирующиеся как на сущем (вопрос о сущности познания), так и на должном (как познавать), вследствие чего и составляют важность для уголовного процесса. Нельзя не отметить первостепенность «должного» в соответствующих теориях познания, так как уголовный процесс нуждается не в теории знаний и их природы, а в способах их достижения, то есть в определении техник познания, хотя полностью отбрасывать «сущее» нельзя, так как именно совместность должного и сущего порождает методы познания, используемые во всех сферах познания: индукция и дедукция, которые в своей совокупности имеют схожесть с метафизическим методом, диалектический метод. Обосновать это суждение можно тем, что в рамках определенной теории, методы (должное) не вытекают сами собой, а базируются на определенных аксиомах, вышедших, во многом, из «сущего», что позволило сконструировать соответствующие методы.

Если опираться на вышеописанное, то можно сделать определенные выводы касательно необходимости использования гносеологии в уголовном процессе (сущее и должное в этих выводах определяется как сущность познания и способы познания):

1. наличие разработанных и апробированных многолетних техник и правил проведения познавательной деятельности – должное;

2. отвлеченность теории познания от конкретного уголовно – процессуального вопроса, то есть изучение общих (абстрактных) вопросов, что позволяет формировать новые и дополнять старые методы гносеологического исследования – сущее;

Углубляясь в тематику работы, можно непроизвольно отождествить гносеологию в уголовном процессе с познанием. В каком-то смысле это утверждение верно, так как сама по себе гносеология - это, как отмечено в самом первом определении данной работы, «общая теория познания». Ключевое в данном случае слово «общая», так как гносеология включает в себя довольно много различных теорий познания, например: субъектоцентризм, фундаментализм и нормативизм и др., но не все теории познания приемлемы для уголовного процесса.

Также одним из важнейших проблемных моментов гносеологии уголовного процесса является соотношение научного познания и познания в уголовном процессе. Данный вопрос осветил известный ученый-юрист И.Я. Фойницкий, который определял, «что историческая истина», выработанная при научном познании и «судебная истина достигается при помощи тех же приемов и способов, как и научная истина, она столь же реальна, отличаясь от последней лишь тем, что содержит не общие законы, а признаки и явления отдельных фактов или групп фактов» [4. С.173]. Но тут же можно отразить и определенные противоречия, заключающиеся в целях научного и уголовно – процессуального познания: первое стремится выявить что-то новое, доселе не известное миру, а второе – выявить наличие или отсутствие определенных оснований, отмеченных в ст.73 УПК РФ, что, объективно, не является инновацией.

Важность определения познания в уголовном процессе как одного из видов научного познания нельзя преуменьшать, так как при наличии предпосылок отнесения познания в уголовном процессе к научному, вследствие «внедрения инструментария научного познания в область практической юриспруденции» [5. С.250], возникнет необходимость кардинальных изменений в российском уголовном судопроизводстве, что кардинально усложнит существующую уголовно – процессуальную ситуацию.

Но при всем при этом остается фактом наличие как схожих, так и отличительных моментов в научном познании и гносеологии российского уголовного процесса.

Начав работу с упоминания диалектического материализма, следует снова к нему обратиться. Так почему же именно диалектический материализм стал основой гносеологии уголовного процесса? Если не касаться политической подоплеки данного вопроса, то ценность диалектического материализма для уголовно – процессуального познания заключалась в трех законах данного направления диалектики:

- 1) законе единства и борьбы противоположностей;
- 2) законе перехода количественных изменений в качественные;
- 3) законе отрицания отрицания.

К примеру, закон перехода количественных изменений в качественные, в уголовном процессе проявляется в поэтапном накоплении доказательств и последующей замене количества на качество, что мы и наблюдаем в современном уголовном процессе.

Вследствие всего вышеуказанного можно сделать вывод о том, что те положительные результаты уголовно – процессуального познания, преследующие основные цели уголовного процесса, которые были побуждены использованием диалектической теории познания и именуемые целью установление наличия или отсутствия обстоятельств, отмеченных в статье 73 УПК РФ, объективно позволяют определить именно диалектический материализм как гносеологическую основу уголовного – процесса.

Список используемой литературы и источников

1. Дорохов, В. Я. Марксистско-ленинская гносеология — основа теории доказательств [Текст] / В. Я. Дорохов // Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н. В. Жогин. — 2-е изд. — М.: Юрид. лит., 1973. — 736 с.

2. Барабаш, А. С. Соотношение понятий «объект» и «предмет» познания и использование их при описании уголовно-процессуальной деятельности (тезисы) [Текст] / А. С. Барабаш // Юридическая наука и юридическое образование в России на рубеже ве-

ков: состояние, проблемы, перспективы : материалы регион. науч.-практ. конф. — Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2001. — Ч. 3. — С. 41–45.

3. Риккерт, Г. Два пути теории познания / Г. Риккерт // Новые идеи в философии [Текст]: сборник / под ред. Н. О. Лосского, Э. Л. Радлова. — СПб.: Образование, 1913. — Вып. 7: Теория познания II. — С. 1–79.

4. Фойницкий, И. Я. Курс уголовного судопроизводства [Текст] / И. Я. Фойницкий. — 3-е изд., пересм. и доп. — СПб.: Сенат. тип., 1910. — Т. 2. — 573 с.

5. Скоблик, К. В. Гносеология российского уголовного процесса и критерии ее выбора [Текст] / К. В. Скоблик // Известия Байкальского государственного университета. - 2017. - Т. 27. - № 2. - С. 246–256.

УДК 341

Б.И. Сосна, канд. юрид. наук, и.о. профессора Комратского государственного университета, ведущий научный сотрудник Института юридических, политических и социологических исследований Республики Молдова

В. Михалаш, магистр права, преподаватель юридического факультета Европейского университета Молдовы

ПОВЫШЕНИЕ КАЧЕСТВА ПРАВОСУДИЯ ЯВЛЯЕТСЯ НЕОБХОДИМЫМ УСЛОВИЕМ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

В статье освещается правовое государство, его основные признаки, роль судебной власти как одной из трех ветвей государственной власти, призванной защищать права и свободы физических и юридических лиц, нарушенные органами публичной власти, и возмещать ущерб, причиненный неправомерными действиями органов публичной власти.

В статье анализируются основные законы, которые регламентируют деятельность судебных инстанций Республики Молдова: Гражданский процессуальный кодекс Республики Молдова, Административный кодекс Республики Молдова, вступивший в силу с 1 апреля 2019 года, Кодекс Республики Молдова о правонарушениях и другие законы, регулирующие порядок обращения физических и юридических лиц в судебные инстанции Республики Молдова и порядок рассмотрения судебными инстанциями гражданских дел, а также дел о правонарушениях.

Ключевые слова: правовое государство, качество правосудия, исковое заявление, истец, ответчик, апелляционная жалоба, кассационная жалоба.

IMPROVING THE QUALITY OF JUSTICE IS A NECESSARY CONDITION OF EUROPEAN INTEGRATION

The article highlights the rule of law, its main features, the role of the judiciary as one of the three branches of government, designed to protect the rights and freedoms of individuals and legal entities violated by public authorities, and to compensate for damage caused by unlawful actions of public authorities. The article analyzes the main laws that regulate the activities of the courts of the Republic of Moldova: the Civil Procedure Code of the Republic of Moldova, the Administrative Code of the Republic of Moldova, which entered into force on April 1, 2019, the Code of the Republic of Moldova on Offenses and other laws regulating the treatment of individuals and legal entities to the courts of the Republic of Moldova and the procedure for consideration by the courts of civil cases, as well as cases of offenses.

Keywords: rule of law, quality of justice, statement of claim, plaintiff, defendant, appeal, cassation appeal.

Авторы проводят сравнительный анализ законов, регулирующих деятельность судебных инстанций и деятельность Высшего совета магистратуры, уполномоченного привлекать судей к дисциплинарной ответственности.

Авторы обращают внимание на действующее законодательство, которое создаёт условия для нарушения судебными инстанциями права на свободный доступ к правосудию и права на справедливое судебное разбирательство, которое гарантировано ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и другими статьями этой Конвенции и Протоколов к ней, ратифицированных Республикой Молдова.

Авторы полагают, что одной из основных причин невысокого качества правосудия в Республике Молдова, которое подтверждается не только социологическими исследованиями, но и многими решениями Европейского Суда по правам человека о взыскании с Республики Молдова материального и морального ущерба и судебных издержек, является несовершенство правовых норм, регулирующих деятельность судебных инстанций, и вносят предложения по совершенствованию этих норм. [1, стр. 230]

Изложение основного материала. Некоторые ученые определяют правовое государство как организацию политической власти, которая создаёт условия для наиболее полного обеспечения прав и свобод человека и гражданина.

Правовое государство должно последовательно исполнять своё главное предназначение – гарантировать каждому гражданину возможность всестороннего развития личности.

Также, современное правовое государство предполагает высокий уровень правосознания и правовой культуры в обществе, соблюдением законов всеми субъектами права.

По нашему мнению, государство – есть организация политической власти в классовом обществе, для которой характерны государственный суверенитет и особый аппарат управления.

Согласно части (3) ст. 1 Конституции РМ, принятой 29 июня 1994 года, Республика Молдова - демократическое правовое государство, в котором достоинство человека, его права и свободы, свободное развитие человеческой личности, справедливость и политический плюрализм являются высшими ценностями и гарантируются. [2]

Согласно ст. 6 Конституции РМ в Республике Молдова законодательная, исполнительная и судебная власти разделены и взаимодействуют при осуществлении своих prerogatives в соответствии с положениями Конституции.

Государственная власть подразделяется на самостоятельные и независимые друг от друга: законодательную, исполнительную и судебную власти.

Хотя ст. 1 Конституции РМ провозгласила Республику Молдова правовым государством, Республика Молдова пока не обладает в полном объеме основными признаками правового государства. Кроме того, в Республике Молдова довольно часто нарушаются права и свободы человека и высок уровень коррупции. [3, стр. 218]

Судебная власть в соответствии с теорией разделения властей – самостоятельная и независимая сфера публичной власти (наряду с законодательной и исполнительной), представляет собой совокупность полномочий по осуществлению правосудия, т.е. полномочий по рассмотрению и разрешению уголовных, гражданских, административных и конституционных дел (споров) в порядке, установленном процессуальным законом. [4, стр. 598]

В Республике Молдова правосудие осуществляется судами первой инстанции, апелляционными палатами и Высшей судебной палатой Республики Молдова.

Причинами невысокого уровня качества правосудия являются недостатки правовых норм как материального права, так и процессуального права, регулирующего деятельность судебных инстанций, а также довольно быстрое изменение и дополнение законов и большое количество подзаконных нормативных актов, которые нередко содержат

нормы, противоречащие Конституции РМ и действующим законам. Низкому качеству правосудия способствует, и недостаточная активность Высшего совета магистратуры, который очень редко привлекает к дисциплинарной ответственности судей, нарушивших при отправлении правосудия императивные нормы законодательства.

Судей, выносящих неправосудные приговоры, решения, определения, крайне редко привлекают к уголовной ответственности.

Отсутствует закон о материальной ответственности судей за ущерб, причиненный незаконными приговорами, решениями и определениями. Очевидно, что безнаказанность способствует новым нарушениям.

Качественное правосудие является одним из важнейших элементов правового государства, ибо судебные инстанции призваны защищать права и свободы человека путём рассмотрения и разрешения гражданских, уголовных дел и дел об административных правонарушениях.

Социологические опросы населения свидетельствуют о том, что большинство населения Республики Молдова недовольно качеством правосудия.

Одной из причин невысокого качества правосудия является несовершенство отдельных правовых норм, регулирующих порядок рассмотрения гражданских дел судебными инстанциями.

Порядок рассмотрения гражданских дел регулируется:

Гражданским процессуальным кодексом Республики Молдова (далее – ГПК РМ) № 225-ХV от 30.05.2003 года, Административным кодексом Республики Молдова (далее – АК РМ) № 116 от 19.07.2018 года, законом РМ «О возмещении государством вреда, причиненного нарушением права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного решения в разумный срок» № 87 от 21.04.2011 года, законом РМ «О порядке возмещения ущерба, причиненного незаконными действиями органов уголовного преследования, прокуратуры и судебных инстанций» № 1545-ХIII от 25.02.1998 года, Трудовым кодексом Республики Молдова (далее – ТК РМ) № 154-ХV от 28.03.2003 года, и другими законами.

ГПК РМ является основным законом, регулирующим рассмотрение гражданских дел с учётом особенностей, установленных специальными законами (АК РМ и др.).

Согласно ст. 4 ГПК РМ задачами гражданского судопроизводства являются правильное, осуществляемое в разумный срок рассмотрение гражданских дел в целях защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов физических и юридических лиц и их объединений, органов публичной власти, других лиц, являющихся субъектами гражданских, семейных, трудовых и иных правоотношений, а также защита интересов государства и общества, содействие укреплению законности, правопорядка, предупреждение случаев нарушения закона.

Согласно ст. 277 ГПК РМ любое лицо, считающее себя ущемленным в каком-либо своем законном праве органом публичной власти посредством какого-либо административного акта или неудовлетворением прошения в предусмотренный законом срок, вправе обратиться в компетентную судебную инстанцию в целях отмены акта, признания своего права и возмещения причиненного ему ущерба.

ГПК РМ регулирует порядок рассмотрения и разрешения гражданских, семейных, трудовых дел (споров), а также споров, вытекающих из административных правоотношений.

Между отдельными нормами ГПК РМ и нормами специальных законов имеются противоречия.

Эти противоречия должны разрешаться в соответствии с частью (3) ст. 5 закона РМ «О нормативных актах» № 100 от 22 декабря 2017 года. [5]

Например, согласно части (1) ст. 118 ГПК РМ каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основание своих требований и возражений, если законом не установлено иное.

А согласно части (2) ст. 89 ТК РМ при рассмотрении индивидуального трудового спора судебной инстанцией работодатель обязан доказать законность и привести основания перевода или освобождения работника. В случае обжалования работником – членом профсоюза приказа об увольнении судебная инстанция затребует согласие (консультативное мнение) профсоюзного органа (профсоюзного организатора) относительно увольнения данного работника.

В этом случае суд должен применить специальную норму – часть (2) ст. 89 ТК РМ.

Авторы считают целесообразным включить в ГПК РМ все нормы других кодексов, регулирующих рассмотрение трудовых, семейных и административных споров, исключив эти нормы из соответствующих кодексов.

ГПК РМ содержит ряд норм, затрудняющих реализацию права на свободный доступ к правосудию, которое гарантировано ст. 20 Конституции РМ, и реализацию права на справедливое судебное разбирательство, гарантированное ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, подписанной в Риме 4 ноября 1950 года, которая была ратифицирована постановлением Парламента РМ № 1298-ХIII от 24.07.1997 года.

Так, согласно части (2) ст. 166 ГПК РМ исковое заявление должно содержать обширный перечень требований.

По нашему мнению, пункты b¹) и c¹) части (2) ст. 116 ГПК РМ, требующие чтобы физическое лицо указывало в исковом заявлении номер телефона, номер факса и адрес электронной почты свой и ответчика, следует исключить как излишние.

Согласно части (1) ст. 58 ГПК РМ способность в полном объеме лично или через представителя осуществлять в суде процессуальные права и выполнять процессуальные обязанности (гражданская процессуальная дееспособность) принадлежит физическим лицам, достигшим 18 лет, юридическим лицам, а в предусмотренных законом случаях также лицам, не являющимся юридическими лицами, но имеющим собственные органы управления.

Согласно пункту g) ст. 267 ГПК РМ судебная инстанция оставляет заявление без рассмотрения, в частности, в случае, если истец не просил о судебном разбирательстве в его отсутствие.

Таким образом, часть (1) ст. 58 ГПК РМ позволяет физическому лицу по его усмотрению осуществлять в суде свои процессуальные права и исполнять процессуальные обязанности лично или через представителя.

Пункт g) ст. 267 ГПК РМ позволяет истцу просить о судебном разбирательстве в его отсутствие.

Истец может работать в Румынии, России, Франции, США, Израиле, Таиланде и других более отдаленных странах. Но судья, ссылаясь на часть (3) ст. 40 АК РМ, может потребовать личной явки истца и других участников судопроизводства.

Очевидно, что личная явка истца или ответчика, работающего за рубежом, повлечет немалые, а главное, ничем не оправданные расходы.

Ещё одной причиной ненадёжного качества правосудия в Республике Молдова является отсутствие закона о материальной ответственности судей и прокуроров за причиненный их неправомерным действием ущерб.

Согласно части (5) ст. 2 закона РМ № 87 от 21.04.2011 года после возмещения вреда, причиненного нарушением права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного решения в разумный срок, государство имеет право предъявить регрессное требование к виновному лицу.

Согласно части (1) ст. 20 закона РМ № 1545-ХIII от 25.02.1998 года Министерство юстиции или, по обстоятельствам, органы местного публичного управления после воз-

мещения из соответствующего бюджета ущерба, причиненного незаконными действиями органов уголовного преследования, прокуратуры или судебных инстанций, обращаются в Генеральную прокуратуру в целях установления, могут ли действия или бездействие должностного или иного лица (лиц), причинившего материальный и моральный ущерб, быть квалифицированы как преступления. Суммы, полученные в результате регрессного иска, вносятся в государственный бюджет или, по обстоятельствам, в бюджет соответствующего органа местного публичного управления.

Несмотря на то, что по вине судей и прокуроров взысканы в пользу физических и юридических лиц значительные денежные суммы, регрессные иски Министерства юстиции к судьям и прокурорам были в 2018 году отклонены судебными инстанциями РМ.

Именно поэтому следует принять закон о материальной ответственности судей и прокуроров, в котором должны быть указаны основания, условия и виды материальной ответственности судей и прокуроров за причиненный ими при исполнении служебных обязанностей ущерб.

Список используемой литературы и источников

1. Фрунзе, Ю., Боршевский, А., Сосна, Б. Проактивные методы в обучении правом человека [Текст]: Учебно-Методические рекомендации. - Кишинэу, 2019 г. - С. 230
2. Официальный монитор РМ № 1 от 12.08.1994 г.
3. Сосна, А. Современные правовые аспекты защиты конституционных прав граждан Молдовы. Обучение правам человека [Текст]: Сборник статей.- Комрат, 2017.- С.218
4. Большой юридический словарь [Текст] / под ред. Сухарева А.Я., Крутских В.Е.- Москва, 2004. – С.598

УДК 343.158

Г.В. Стародубова, канд. юрид. наук, доцент, заведующая кафедрой уголовного процесса Воронежского государственного университета

ПЕРЕСМОТР ПРИГОВОРОВ СУДА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ: ПРОБЛЕМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ В ПЕРИОД СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ 1864 ГОДА И В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

В статье анализируются меры по обеспечению эффективности пересмотра приговоров суда по уголовным делам, которые предпринимались законодателем в период судебной реформы 1864 года и предпринимаются современным законодателем.

Ключевые слова: *приговор, пересмотр, апелляция, уголовный процесс, эффективность.*

REVIEW OF SENTENCES OF THE CRIMINAL COURT: THE PROBLEM OF EFFICIENCY DURING THE JUDICIAL REFORM OF 1864 AND CURRENTLY

The article analyses measures to ensure the effectiveness of the review of criminal court sentences taken by the legislator during the 1864 judicial reform and taken by the modern legislator.

Keywords: *sentencing, review, appeal, criminal trial, effectiveness.*

Институт пересмотра приговоров и иных решений суда по уголовным делам имеет длинную и сложную историю возникновения и развития. Первое упоминание о возможности обжалования судебного решения относится ко второй половине XV века [1, с. 77]. Правила, сформировавшиеся ко времени судебной реформы 1864 года, оценивались как неэффективные. Изменения порядка обжалования решений общих судебных

установлений обосновывались тем, что «слишком большое число судебных инстанций (которых по отдельным делам насчитывалось до шести – Г.С.) ведет лишь к замедлению дела, без явной пользы для правосудия», наличие разных порядков пересмотра решений для разных дел «противно чувству справедливости», установления о протестах прокурора «весьма неудобны для исполнения», и «сей порядок едва ли согласен с тем значением, которое должен иметь приговор судебного места и с самим достоинством суда» [2, с. 310-311]. А.Ф. Кони отмечал, что «в апелляционном порядке дело могло и даже должно было тянуться многие годы», а условия отправления уголовного правосудия характеризовал как «обрекавшие население на судебную волокиту по множеству инстанций и представлявшие полное смещение административной и судебной власти» [3, с. 415]. С учетом этих и других существенных недостатков существовавшего порядка составители текста Устава уголовного судопроизводства формировали модель пересмотра уголовных приговоров.

В основу новой модели обжалования было положено правило об отмене ревизионного порядка пересмотра судебных приговоров, вследствие чего исключалась возможность пересмотра приговора вышестоящим судом без жалобы заинтересованного лица или прокурорского протеста.

Вторым принципиально важным установлением было то, что «каждое дело решается не более как в двух судебных инстанциях» [4, с. 1421]. Таким образом исключалась возможность передачи уголовного дела из апелляционной инстанции в вышестоящую апелляционную инстанцию, что было рассчитано на ускорение судопроизводства. Устав уголовного судопроизводства определил два основных способа обжалования приговоров по уголовным делам: апелляционный пересмотр для дел в мировых судебных установлениях, за исключением «самых маловажных» и дел в общих судебных установлениях, по которым постановлены приговоры без участия присяжных заседателей, и кассационный пересмотр для приговоров, которые апелляционному обжалованию не подлежат и приговоров второй инстанции.

Процессуалисты той эпохи прекрасно понимали значение обжалования и пересмотра приговоров по уголовным делам. К примеру, В.К. Случевский указывал на заинтересованность государства в том, чтобы приговор был согласован с материальной истиной, а в обществе существовало сознание его правосудности, от чего зависит репрессивная сила деятельности уголовного суда; возможность судебных ошибок при постановлении приговоров никогда не может быть устранена; система их обжалования слагается под влиянием необходимости позволить восторжествовать справедливости [5, с. 404-405].

Однако при всем том, что закрепленная Уставом система уголовного судопроизводства в части процедур пересмотра приговоров по уголовным делам позволила решить дореформенные проблемы волокиты и неэффективности проверки судебных решений, сложившиеся порядки обжалования оценивались как неэффективные [5, с. 407]. Систематический комментарий к Уставу уголовного судопроизводства содержит такую оценку апелляционной инстанции: она «не оправдала надежды, которые на нее возлагались законодателем. Если Съезды Мировых Судей, учрежденные в каждом уезде и особо в больших городах, могли в известных пределах соблюдать начало устности и непосредственности, передопрашивая свидетелей, допрошенных в первой инстанции, и охотно допуская новых, то производство в судебных палатах, в виду обширности их округов и затруднительности явки как свидетелей, так и сторон, очень скоро превратилось в большинстве случаев в чисто письменное, происходящее исключительно по бумагам, при мало активном участии прокурора и назначенного председателем защитника. Получился пересмотр приговора, постановленного судом, видевшим и слышавшим свидетелей и экспертов, пред судом, который знакомился лишь с протоколами их показаний, т.е. перерешение дела судьями, менее осведомленными по сравнению с судьями первой инстанции» [4, с. 1422]. Вывод о необходимости реформирования, изменения в

целях повышения эффективности выявления и устранения следственно-судебных ошибок сопровождается институт пересмотра судебных решений по уголовным делам на протяжении всей истории его существования.

Тем не менее, необходимо отметить, что при введении апелляционного производства в российский уголовный процесс постсоветского периода одним из ориентиров была модель такого порядка, закрепленная в Уставе уголовного судопроизводства 1864 года.

До изменений в УПК РФ, внесенных ФЗ от 29 декабря 2010 года № 433-ФЗ «О внесении изменений в УПК РФ и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) РФ» в апелляционном порядке могли быть пересмотрены исключительно решения мировых судей по уголовным делам. Параллельно с апелляцией действовал кассационный порядок пересмотра решений, не вступивших в законную силу, в т.ч. вынесенных мировыми судьями. В науке неоднократно указывалось, на парадоксальность ситуации – «по преступлениям, не обладавшим большой степенью общественной опасности, был возможен пересмотр решений, не вступивших в законную силу, последовательно в апелляции и кассации, в отношении же преступлений средней тяжести, тяжких и особо тяжких возможен был только кассационный пересмотр решений» [6, с. 18].

Действующая с 1 января 2013 года глава 45.1 УПК РФ закрепила возможность обжалования сторонами в апелляционном порядке всех решений суда первой инстанции, не вступивших в законную силу. В ней реализованы основные идеи, определяющие построение механизма апелляционного пересмотра: постановленный по уголовному делу приговор может быть проверен и изменен или отменен как по фактическим, так и по правовым основаниям, включая его несправедливость (ст. 389.15); суд апелляционной инстанции правомочен проверять доказательства – исследовать доказательства, которые уже были исследованы при рассмотрении уголовного дела судом первой инстанции, а также новые доказательства, о которых не было известно в период производства в суде первой инстанции (ст. 389.13). Хотя относительно последних закон содержит оговорку. Такие доказательства принимаются судом, если лицо, ходатайствующее об их исследовании, обосновало невозможность представить их в суде первой инстанции по причинам, не зависящим от него, и суд признает эти причины уважительными (ч. 6.1 ст. 389.13).

Однако сама легальная возможность полномасштабной проверки доказательств при пересмотре уголовного дела в апелляции вовсе не гарантирует добросовестную ее реализацию в правоприменительной практике. Суды апелляционной инстанции обоснованно упрекают в излишне формальном подходе к рассмотрению соответствующих жалоб и представлений. Новый порядок пересмотра дел по существу свелся к изменению названия [7]. В своей сути аналогичный недостаток реально функционировавшего апелляционного производства отмечался дореволюционными юристами.

Еще один шаг в направлении повышения эффективности пересмотра судебных решений по уголовным делам – создание обособленных апелляционных судов общей юрисдикции и кассационных судов общей юрисдикции, которые начали работу с 1 октября 2019 года. В пояснительной записке авторы законопроекта аргументировали необходимость создания в РФ структурно самостоятельных апелляционных судов общей юрисдикции и кассационных судов общей юрисдикции потребностью в функционировании в рамках подсистемы судов общей юрисдикции организационно обособленных судебных инстанций в целях максимального обеспечения их независимости и самостоятельности при рассмотрении апелляционных и кассационных жалоб и представлений на судебные постановления, деятельность которых не будет осуществляться в том же субъекте РФ и тем более в том же суде, которым дело рассматривалось в первой инстанции. Кроме того, структурное выделение в подсистеме судов общей юрисдикции самостоятельных кассационных и апелляционных судов, не связанных рамками адми-

нистративно-территориального деления субъектов РФ, позволит усовершенствовать инстанционное устройство судов общей юрисдикции и оптимизировать судебную нагрузку [8].

Идея изменений в судебной системе понятна. Она выражается в стремлении повысить контроль за законностью и обоснованностью приговоров и иных решений судов нижестоящих инстанций. Безусловно, одобрения заслуживает процессуальная новация для кассационного порядка – «сплошная кассация», согласно которой судья данного суда больше не вправе единолично принимать решение о наличии оснований для передачи кассационной жалобы на итоговое решение суда первой или апелляционной инстанции для рассмотрения по существу. В судебном заседании суда кассационной инстанции, действовавшего (и пока еще действующего) по правилам ст. 401.8 УПК РФ до изменений, внесенных ФЗ от 11 октября 2018 года № 361-ФЗ «О внесении изменений в УПК РФ», рассматривалось приблизительно 5-7 % от всего количества поданных кассационных жалоб.

Однако главный вопрос о том, приведут ли такие изменения в большей мере инстанционного и в меньшей – процессуального характера к повышению эффективности правосудия и увеличению количества оправдательных приговоров, остается открытым. Судебная система не лишается черт закрытой корпорации с курированием вышестоящими судьями нижестоящих. Проблема повышения эффективности правосудия предполагает комплексный подход, сочетающий в себе инстанционную обособленность, качественную нормативную процедуру судопроизводства и профессиональный и высококвалифицированный судейский корпус.

Список используемой литературы и источников

1. Самиулина, Я.В. Краткий исторический анализ становления и развития института апелляции в отечественном уголовном процессе [Текст] / Я.В. Самиулина // Юридический вестник Самарского университета. – 2017. – Т. 3. - № 1. – С. 76-81.
2. Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. Часть вторая. Устав уголовного судопроизводства [Текст]. – СПб., 1866. – 504 с.
3. Кони, А.Ф. История развития уголовно-процессуального законодательства в России [Текст] / А.Ф. Кони // Собрание сочинений в 8 томах. Том 4. Правовые воззрения А.Ф. Кони. – М., 1967. – 637 с.
4. Устав уголовного судопроизводства. Систематический комментарий. Вып. 5. Ст. 765-999 [Текст] / Под общ. ред. проф. М.Н. Гернета. - М.: Изд. М.М. Зива, 1916. - С. 1279-1594.
5. Случевский, В.К. Учебник русского уголовного процесса. Часть II: Судопроизводство [Текст] / Под ред. В.А. Томсинова. – М.: Зерцало, 2008. – 488 с.
6. Петров, А.В. История развития института апелляции [Текст] / А.В. Петров, А.В. Кудрявцева // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». – 2013. – т. 13. - № 3. С. 15-20.
7. Конституция Российской Федерации и защита прав гражданина (позиция российской адвокатуры) [Электронный ресурс]: доклад Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации // https://aplif.fparf.ru/grazhdanam/besplatnaya-yuridich_eskayaromoshch/18_2013.docx (дата обращения: 12 сентября 2019 года).
8. Пояснительная записка к проекту федерального конституционного закона «О внесении изменений в федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции» [Электронный ресурс] // <https://sozd.duma.gov.ru/bill/374020-7> (дата обращения: 10 сентября 2019 года).

УДК 343.13

П.М. Стольников, начальник факультета подготовки сотрудников полиции для подразделений по охране общественного порядка Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, полковник полиции, pavel.stolnikov@yandex.ru

ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ СЛЕДОВАТЕЛЯ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: ОТ УСТАВА УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ДО УПК РФ

Статья раскрывает эволюцию процессуальной самостоятельности следователя в России, начиная от судебной реформы 1864 г. и до современного уголовного процесса. Автор выделяет основные факторы, сдерживающие процессуальную самостоятельность следователя, и предлагает учитывать исторический опыт при реформировании современного уголовно-процессуального законодательства.

Ключевые слова: уголовный процесс, следователь, процессуальная самостоятельность, прокурорский надзор, усмотрение следователя.

THE PROCEDURAL INDEPENDENCE OF THE INVESTIGATOR IN RUSSIAN CRIMINAL PROCESS: FROM THE CHARTER OF CRIMINAL PROCEEDINGS TO THE CODE OF CRIMINAL PROCEDURE

The article reviews the evolution of the procedural independence of the investigator in Russia, from the judicial reform of 1864 to the modern criminal process. The author identifies the main factors restraining the procedural independence of the investigator and suggests taking historical experience into account when reforming the modern criminal procedure legislation.

Keywords: criminal proceedings, investigator, procedural independence, prosecutor's supervision, discretion of the investigator.

Современный российский уголовный процесс находится в состоянии постоянной трансформации. Изменения, вносимые в законодательство, не всегда являются продуманными и связанными с нуждами правоприменения. В целях предотвращения такой оторванности от практики вполне оправданным является обращение к истории отечественного уголовного судопроизводства.

В настоящее время следователь рассматривается как самостоятельная процессуальная фигура, наделенная комплексом полномочий, которые он вправе реализовать по своему усмотрению. Однако практическая реализация норм, определяющих пределы и объем процессуальной самостоятельности следователя затруднена в связи со значительным количеством контролирующе-надзирающих субъектов за его деятельностью и противоречивой регламентацией полномочий уже этих субъектов.

Считаем, что разработке новой концепции предварительного следствия должно предшествовать исследование эволюции процессуального статуса следователя в российском уголовном процессе.

Первая основательная попытка придания следователю полноценного уголовно-процессуального статуса была предпринята в 1860 г. через закрепление его основных полномочий в Учреждении судебных следователей. Судебный следователь наделялся целым рядом дискреционных полномочий, связанных с изменением меры пресечения, производством следственных действий, оценкой полноты произведенного следствия. Такое закрепление статуса судебного следствия носило промежуточный характер и получило свое развитие в ходе проводимой судебной реформы [1, с. 8].

Следует обратить внимание на то, что еще до принятия Устава уголовного судопроизводства 1864 г. следователь рассматривался как процессуально самостоятельная фигура. Но у такой процессуальной самостоятельности были границы, связанные с необходимостью информирования прокурора о процессуально значимых решениях и выполнении его указаний.

Устав уголовного судопроизводства довольно детально регламентировал процессуальное положение следователя и его полномочия. Его процессуальная самостоятельность могла быть реализована, однако, в условиях прокурорского надзора. Причем, деятельность прокурора носила именно надзорный характер и не предполагала вмешательства в ход расследования [2, с. 391].

В период действия Устава уголовного судопроизводства следователь наделялся достаточно широкими полномочиями по направлению хода расследования. Он решал вопросы, связанные с временем и местом производства следственных действий, мог разрешить вопрос с чрезвычайным обыском, например, в ночное время, указав в протоколе причины его производства. Такое процессуальное положение судебного следователя позволило А.Н. Огородову прийти к справедливому выводу о высоком уровне процессуальной самостоятельности следователя [3, с. 28]. Однако к концу XIX произошло значительное расширение полномочий суда и прокурора по контролю и надзору за деятельностью судебного следователя, что снизило уровень его процессуальной самостоятельности.

Советское уголовно-процессуальное законодательство практически с 20-х годов прошлого века в той или иной мере закрепляло процессуальную самостоятельность следователя через предоставление ему широкого перечня дискреционных полномочий. При этом следует иметь в виду, что столь широкие возможности следственного усмотрения объяснялись ориентацией не столько на нормы закона, сколько на революционную целесообразность [4, с. 35].

30-е годы прошлого века ознаменовались формированием сложной системы следственных органов, когда процессуальная самостоятельность следователя уже могла быть ограничена не только прокурором, но и ведомственным, фактически, административным контролем. Репрессивная уголовная политика этого периода не способствовала развитию процессуальной самостоятельности следователя в условиях, когда его усмотрение и нормы закона могли быть подменены политическими мотивами и трактовками.

Процессуальный статус следователя получил наиболее полноценное закрепление в УПК РСФСР 1960 г. Это способствовало и расширению процессуальной самостоятельности следователя за счет широких полномочий, которые следователь мог реализовать по собственному усмотрению. Одновременно на следователя возлагалась в полном объеме и ответственность за осуществляемые процессуальные действия и принимаемые решения [5, с. 51].

Российское уголовно-процессуальное законодательство сохранило, заложенные УПК РСФСР 1960 г. основные подходы к процессуальной самостоятельности следователя. Однако произошедшая, менее чем за двадцать лет действия УПК РФ, трансформация следствия привела к тому, что процессуальная самостоятельность следователя стала предметом дублирующих друг друга контрольно-надзорных полномочий. Результатом сложной системы одновременного функционирования процессуального и судебного контроля и прокурорского надзора за следствием стало резкое снижение именно процессуальной самостоятельности следователя [6].

Полагаем, что исправлению данной ситуации должно предшествовать осмысление всего исторического опыта нормативного регулирования полномочий следователя и устранение необоснованного и нецелесообразного дублирующего контроля его деятельности.

Список используемой литературы и источников

1. Волчкова, А.А. Институт судебных следователей в дореволюционной России: Историко-правовой анализ [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.А. Волчкова. – Н.Новгород, 2005. – 29с.
2. Фойницкий, И.Я. Курс уголовного судопроизводства [Текст] / И.Я. Фойницкий. – В 2 т. – СПб.: Альфа, 1996. Т. 2. – 552 с.
3. Огородов, А.Н. Процессуальная самостоятельность следователя в уголовном судопроизводстве [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук / А.Н. Огородов. – М., 2018. – 251с.
4. Филонова, О.И. Основы судейского усмотрения в период НЭПа [Текст] / О.И. Филонова // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2015. – № 3. – С. 33-38.
5. Серов, Д.О., Федоров, А.В. Советское следствие в 1960-1985 гг. [Текст] / Д.О. Серов, А.В. Федоров // Российский следователь. – 2015. – № 22. – С. 50-55.
6. Марковичева, Е.В., Стольников, П.М. Усмотрение следователя в условиях процессуального контроля и надзора за следствием [Текст] / Е.В. Марковичева, П.М. Стольников // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2018. – № 3 (53). – С. 22-26.

УДК 343.11

В.В. Струкова, канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (г. Курск)

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБОМ ПОРЯДКЕ ПРИНЯТИЯ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ

Настоящая статья посвящена рассмотрению автором вопросов, связанных с правовым регулированием и реализацией на практике института особого порядка принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве в российском уголовном процессе. Раскрывается основное предназначение введенного в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. В настоящей статье проводится сравнительная характеристика двух институтов с целью выявления сходств и различий «сделки о признании вины» и досудебного соглашения о сотрудничестве. Раскрывается сущность заключаемого договора между стороной обвинения и защитой с целью сотрудничества обвиняемого с органами предварительного следствия. Определяется статус лица, с которым заключается досудебное соглашение о сотрудничестве. По мнению автора, досудебное соглашение о сотрудничестве должно заключаться во всех формах предварительного расследования.

Ключевые слова: институт особого порядка принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, досудебное соглашение о сотрудничестве, «сделка о признании вины», «сделка с правосудием», упрощенная форма уголовного судопроизводства, лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве.

TO THE QUESTION OF THE SPECIAL PROCEDURE FOR MAKING A JUDICIAL DECISION WHEN A PRE-JUDICIAL AGREEMENT ON COOPERATION IN THE CRIMINAL PROCESS OF RUSSIA IS CONCLUDED

This article is devoted to the consideration by the author of issues related to legal regulation and the practical implementation of the institution of a special procedure for making a judicial decision when concluding a pre-trial agreement on cooperation in the Russian criminal process. The main purpose of the Code of Criminal Procedure introduced in

the Russian Federation is revealed. This article compares the two institutions in order to identify the similarities and differences between the “plea bargain” and the pre-trial cooperation agreement. The essence of the concluded agreement between the prosecution and the defense is revealed with the aim of cooperation of the accused with the preliminary investigation authorities. The status of the person with whom the pre-trial cooperation agreement is concluded is determined. According to the author, a pre-trial agreement on cooperation should be concluded in all forms of preliminary investigation.

Keywords: institute of special procedure for making a judicial decision when concluding a pre-trial agreement on cooperation, pre-trial cooperation agreement, “plea bargain”, “bargain with justice”, simplified form of criminal proceedings, person in respect of whom the criminal case is segregated in connection with the conclusion of a pre-trial agreement on cooperation with him.

Упрощенные процедуры уголовного судопроизводства в России, других государствах и зарубежных странах выражаются в дифференциации судебного производства и отличаются порядком, ускоряющим судебное разбирательство с целью высокой эффективности обеспечения системы уголовного правосудия. Особый порядок судебного разбирательства как институт впервые появился в российском уголовном процессе еще в 2001 году. Сущностью данного института является то, что суд, рассматривающий уголовное дело в особом порядке, вправе постановить приговор без проведения полного судебного следствия в рамках судебного разбирательства. Необходимым условием в данном случае будет служить добровольное согласие обвиняемого с предъявленным ему обвинением, сделанное им при обязательном участии защитника. При этом назначенное подсудимому в дальнейшем наказание не может превышать 2/3 максимального размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Уголовного кодекса Российской Федерации (далее УК РФ).

Новый для уголовного процесса России институт особого порядка принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве был введен в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее УПК РФ) Федеральным законом от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [1].

Процедура заключения досудебного соглашения о сотрудничестве была введена российским законодателем в гл. 40.1 УПК РФ опираясь на многолетний опыт применения аналогичных правовых институтов в других государствах. Предназначение настоящего института заключается в его применении в борьбе с организованными формами преступности: эффективного раскрытия и расследования заказных убийств, фактов бандализма, преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, и коррупционных проявлений. Но говорить о том, что в России появился аналог американской или британской «сделки о признании вины» или «сделки с правосудием» еще рано, так как досудебное соглашение о сотрудничестве на сегодняшний день не является сделкой, учитывающей равные права и обязанности сторон со взаимной ответственностью за неисполнение одной из них предусмотренных им условий или возможностью их изменения, корректировки [2, с. 84]. Необходимо отметить тот факт, что введение указанной главы породило большое количество дискуссий среди ведущих процессуалистов и ученых уголовно-процессуального права. Например, по мнению В.А. Рожкова, в гл. 40.1 УПК РФ законодателем не дано четкой регламентации условий, формы, порядка и правовых последствий заключения подозреваемым и обвиняемым досудебного соглашения о сотрудничестве [3, с. 499-501].

В юридической литературе процессуалистами досудебное соглашение о

сотрудничестве определяется как соглашение между двумя сторонами - обвинения и защиты, в котором они должны согласовать условия ответственности подозреваемого или обвиняемого в зависимости от его действий, которые он должен будет совершить после возбуждения уголовного дела или предъявления обвинения. Согласно дефиниции, содержащейся в п. 61 ст. 5 УПК РФ, досудебное соглашение о сотрудничестве представляет собой договор между сторонами обвинения и защиты, в котором они согласовывают условия ответственности подозреваемого или обвиняемого в зависимости от его действий после возбуждения уголовного дела или предъявления обвинения. То есть сущностью соглашения является оказание подозреваемым или обвиняемым содействия следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления, розыске имущества, добытого в результате преступления, в обмен на снижение наказания.

В свою очередь «сделка о признании вины» представляют собой другого рода соглашение, которое заключается между представителями обвинения и защиты, в соответствии с которым обвиняемый признает себя виновным в совершении преступления, а обвинитель, учитывая это, изменяет обвинение в благоприятную для него сторону [4]. Данный институт довольно часто применяется в Соединенных Штатах Америки, что позволяет в 90% случаев избежать рассмотрения уголовного дела в суде и обеспечивает эффективность уголовного судопроизводства за счет признания обвиняемым своей вины в совершении преступления. «Сделка о признании вины» имеет двойственный характер: в одних случаях признание вины обвиняемым приведет к упрощению производства по рассматриваемому делу в суде, а в других, является «спасением» для органов предварительного расследования, которые оказались не в состоянии обеспечить сбор необходимого количества доказательств, изобличающих обвиняемого в совершении преступления.

Чаще всего досудебное соглашение о сотрудничестве заключается прокурором с лицами, которые обладают наибольшим объемом интересующей органы следствия информации. Иногда это могут быть лица, для которых, прежде, всего важна личная свобода, а также с организаторами преступлений или с лицами, роль которых в преступлении была наиболее активна, чем иных лиц, входивших в преступную группу. Уголовно-процессуальное законодательство не содержит положений, запрещающих заключать подозреваемому или обвиняемому досудебное соглашение о сотрудничестве и в том случае, когда преступление было совершено им одним без соучастников. А что, если подозреваемый или обвиняемый совершил единолично несколько преступлений, состоящих из нескольких эпизодов, в таком случае они могут остаться не раскрытыми.

Институт досудебного соглашения о сотрудничестве действует на практике уже почти 9 лет и наиболее распространенными составами преступлений были кражи, мошенничества, преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков и психотропных веществ [5]. В связи с этим хотелось бы заметить, что законодателем в гл. 40.1 УПК РФ предусмотрено, что досудебное соглашение о сотрудничестве возможно заключить только по уголовным делам, по которым проводится предварительное следствие. Об этом говорится в п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» [6, с. 101-108]. Из вышесказанного следует, что, если поступит любая информация о готовящемся или совершенном преступлении от подозреваемого при производстве дознания, то применить к нему положения гл. 40.1 УПК РФ будет невозможно. Поэтому, на наш взгляд, законодателю было бы правильным расширить категорию уголовных дел, по которым будет допустимо заключить соглашение о сотрудничестве.

Определение процессуального статуса «сотрудничающего лица» во многом обусловлен п. 4 ч. 1 ст. 154 УПК РФ, которая содержит регламентацию порядка выделения в отдельное производство уголовных дел в связи с заключением подозреваемым и обвиняемым досудебного соглашения о сотрудничестве, однако, большинство практических работников, среди которых судьи, прокуроры и защитники, не видят в этом особого смысла. Напротив, по их мнению, рассмотрение выделенного в отдельное производство уголовного дела отдельно с уголовным делом по обвинению других лиц только будет способствовать возникновению большого количества сложностей и коллизий [7]. Думается, что внесение необходимых изменений в соответствующие статьи уголовно-процессуального закона, регламентирующие заключение досудебного соглашения о сотрудничестве и выделение уголовного дела в связи с заключением соглашения о сотрудничестве, позволит снизить случаи отказов от данных ранее показаний лиц, согласившихся сотрудничать со следствием.

Подводя итог вышесказанному необходимо сказать, что институт особого порядка принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве в уголовном процессе России является достаточно молодым что отчасти объясняет его довольно редкое применение на практике. При этом необходимо отметить, что при достаточной его корректировке, он может способствовать эффективному производству расследования преступлений, совершаемых организованными преступными группами и сообществами.

Список используемой литературы и источников

1. Досудебное соглашение о сотрудничестве: процессуальный порядок и условия заключения [Электронный ресурс] // URL// <https://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=556851> (дата обращения: 28.09.2019).
2. Великий, Д.П. Досудебное соглашение о сотрудничестве в российском уголовном процессе [Текст] / Д.П.Великий // Журнал российского права. - 2010. - № 2 (158). - С. 84-90.
3. Рожков, В.А. Некоторые проблемы правового регулирования заключения досудебного соглашения о сотрудничестве и пути их решения [Текст] / В.А.Рожков // Молодой ученый.- 2016. -№ 26 (130). -С. 499-501.
4. Сделка о признании вины [Электронный ресурс] // URL: <https://studfiles.net/preview/3563030/page:41/> (дата обращения: 22.09.2019).
5. Данные судебной статистики /Судебный департамент Верховного Суда РФ [Электронный ресурс]//URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3832> (дата обращения 29.09.2019).
6. «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве [Текст]: постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 16» // Российская газета. -2012. -11 июля.
7. Пиюк, А.В. Актуальные проблемы досудебного соглашения о сотрудничестве [Электронный ресурс] // URL: <http://xn----7sbbaj7auwnffhk.xn--p1ai/article/23271> (дата обращения: 29.09.2019).

УДК 343.131.5

Н.А. Суродеева, магистрант второго года подготовки, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва.

Научный руководитель: Н.Р. Крысина, канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВА НА КВАЛИФИЦИРОВАННУЮ ЮРИДИЧЕСКУЮ ПОМОЩЬ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В статье рассматривается понятие и содержание квалифицированной юридической помощи в уголовном судопроизводстве, нормативно-правовое регулирование права на получение квалифицированной юридической помощи в законодательстве России и стран СНГ.

Ключевые слова: *квалифицированная юридическая помощь, уголовное судопроизводство, адвокат.*

ENSURING THE RIGHT TO VALIDATED LEGAL ASSISTANCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS

The article discusses the concept and content of qualified legal assistance in criminal proceedings, the legal regulation of the right to receive qualified legal assistance in the legislation of Russia and the CIS countries.

Keywords: *Qualified legal assistance, criminal proceedings, lawyer.*

Право на получение каждого квалифицированной юридической помощи закреплено ст. 48 Конституции Российской Федерации [1]. Конституционное закрепление данного права свидетельствует о том, что оно имеет общегосударственное значение. Особенно важно обеспечить право каждого на квалифицированную юридическую помощь в сфере уголовного судопроизводства, где ограничение прав и свобод личности наиболее выражено.

Юридическая помощь в общем виде – это деятельность, которая направлена на защиту прав, свобод и законных интересов граждан, а так же юридических лиц, подразумевающая под собой доступ к правосудию. В соответствии с Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [2] юридическая помощь предполагает определенную деятельность, включающую консультации по вопросам правового характера, составление заявлений, ходатайств, жалоб и других документов, участие в качестве защитника, представителя и т.д.

Российское уголовно-процессуальное законодательство не предусматривает определение понятия «квалифицированная юридическая помощь». В научной литературе сложились различные подходы к определению этого понятия. Так, В. С. Кашковский под юридической помощью понимает помощь, которая оказывает вследствие профессиональной деятельности юриста, основной целью которой является необходимое содействие в предупреждении нарушения прав, свобод и законных интересов субъектов права, уменьшении или же вовсе, - устранении неблагоприятных последствий такового нарушения и в восстановлении надлежащего положения субъекта права [3, 12]. В. В. Печерский под юридической помощью подразумевает активную профессиональную деятельность адвоката, которая направлена на защиту потенциально нарушаемых прав, свобод и право охраняемых интересов физических и юридических лиц [4, 3]. Г. М. Резник отмечает, что квалифицированной в соответствии с мировой практикой может считаться помощь, которая оказывается специалистами по праву – как минимум лицами, имеющими юридическое образование, при обязательном соблюдении профессиональных стандартов и норм этического характера, поддерживаемых профессиональным

контролем [5, 26]. Н. Р. Мухудинова под квалифицированной юридической помощью в уголовном судопроизводстве понимает деятельность уполномоченных на то законом субъектов, осуществляемую в установленном законом порядке с использованием своевременно надлежащих правовых средств, которые соразмерны процессуальным обстоятельствам и требованиям закона и необходимы в целях содействия в реализации, защите прав, свобод и законных интересов каждого в уголовном судопроизводстве, восстановлении нарушенных прав, предотвращении незаконного, необоснованного ограничения прав и свобод [6, 8].

К критериям квалифицированной юридической помощи в научной литературе относят:

- 1 использование законных средств и методов в процессе осуществления деятельности по оказанию юридической помощи (законность);
- 2 особый субъект оказания юридической помощи, обладающий специальными знаниями в области права (профессиональность);
- 3 системный характер деятельности по оказанию юридической помощи;
- 4 наличие верной правовой позиции, согласованной с доверителем, и ее надлежащая реализация в уголовном процессе;
- 5 добросовестность осуществления деятельности для достижения ее максимальной эффективности;
- 6 оказание юридической помощи физическим и юридическим лицам.

Конституция РФ (ч. 1 ст. 48) не ограничивает круг лиц, которые оказывают квалифицированную юридическую помощь, предоставляя право установления критериев допуска таких лиц в законодательстве, в том числе, отраслевом. Однако применительно к подозреваемым и обвиняемым Конституция РФ (ч. 2 ст. 48) прямым образом указывает на адвоката, как защитника данных участников в уголовном судопроизводстве.

Таким образом, на основании положений законодательства и данных уголовно-процессуальной науки, квалифицированную юридическую помощь можно определить как профессиональную, квалифицированную юридическую поддержку правовой деятельности участника уголовного судопроизводства по реализации и защите его прав, свобод и законных интересов.

Право на юридическую помощь закрепляют Конституции стран СНГ: Конституция Азербайджанской Республики (ст. 61 «Право на получение правовой помощи») [7], Конституция Республики Казахстан (ч. 3 ст. 13) [8], Конституция Республики Армения (ст. 64 «Право на получение юридической помощи») [9] и др. Однако, не во всех конституциях стран СНГ закреплено право на юридическую помощь, а критерий квалифицированности такой помощи встречается еще реже.

Список используемой литературы и источников

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 г. № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 г. № 11-ФКЗ) [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: федер. закон от 31.05.2002 г. № 63-ФЗ (в ред. от 29.07.2017 г.) [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Кашковский, В. С. Юридическая помощь как правовая категория и социально-правовое явление: вопросы теории и практики [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В.С.Кашковский. – Тамбов, 2009. – 24 с.

4. Печерский, В. В. Юридическая помощь и юридическая услуга [Текст]: Сборник КГУ «Юридическая наука и практика: вопросы теории и истории». – Курск, 2014. – С. 27.

5. Резник, Г. М. К вопросу о конституционном содержании понятия «квалифицированная юридическая помощь» [Текст] / Г.М.Резник // Адвокат. – 2007. – № 4. – С. 25-27.

6. Мухудинова, Н. Р. Обеспечение конституционного права каждого на получение квалифицированной юридической помощи в российском уголовном процессе [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Н.Р.Мухудинова. – Ижевск, 2005. – 26 с.

7. Конституция Азербайджанской Республики: принята 12.12.1995 г. [Электронный ресурс] // Режим доступа https://caa.gov.az/index.php?option=com_k2&view=item&id=93:constitution-of-the-republic-of-azerbaijan&Itemid=173&lang=ru (дата обращения: 30.09.2019 г.).

8. Конституция Республики Казахстан: принята 30.08.1995 г. (с изм. и доп. на 23.03.2019 г.) [Электронный ресурс] // Режим доступа https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1005029 (дата обращения: 30.09.2019 г.).

9. Конституция Республики Армения: принята 06.12.2015 г. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.parliament.am/parliament.php?lang=rus&id=constitution#2> (дата обращения: 30.09.2019 г.).

УДК 343.131.8

Е.А. Тарасова, магистрант ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (г. Курск)

Научный руководитель: Т.К. Рябинина, канд. юрид. наук, профессор, зав. кафедрой уголовного процесса и криминалистики ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (г. Курск)

ПРОБЛЕМЫ ИСТИНЫ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Статья посвящена проблемам определения истины в уголовном процессе. Автор рассматривает различные критерии данного понятия, анализирует соотношение абсолютной и относительной истины при производстве по уголовному делу, акцентирует внимание на особенностях поиска истины и познания в суде с участием присяжных заседателей.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, познание, доказывание, судебные доказательства, их оценка, объективная истина, допустимость доказательств, критерии допустимости, состязательность, УПК РФ, процессуальная форма, формально-процедурные критерии, установление, достижение истины, ее разновидности, стандарты доказывания, формальные доказательства.

PROBLEMS OF TRUTH IN CRIMINAL PROCESS

The article is devoted to the problems of determining the truth in criminal proceedings. The author considers various criteria of this concept, analyzes the correlation of absolute and relative truth in criminal proceedings, focuses on the features of the search for truth and knowledge in a jury.

Keywords: criminal proceedings, cognition, proving, judicial evidence, their assessment, objective truth, admissibility of evidence, admissibility criteria, adversarial procedure, Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, procedural form, formal procedural criteria, establishment, achievement of truth, its types, standards of proof, formal evidence.

Российское уголовное судопроизводство предусматривает важность поиска объективной истины, с помощью которых происходит процесс познания.

Познание в уголовном процессе — вид поисковой деятельности. Объект познания здесь — преступление, обстоятельства которого выявляются через следы. С помощью следов получают знания о совершенном преступлении, на них основаны и доказательства. [6]

Истина является одним из сложнейших вопросов процессуального права. Это объясняется следующими причинами. Во-первых, понятие истины неоднозначно. Истина предусматривает отношение субъекта к объекту. А субъективная оценка имеет относительный характер.

В уголовном процессе истина рассматривается как свойство наших знаний об объективной действительности, предусматривающее соответствие случившемуся. В процессуальном законе нет точного понятия истины.

Абсолютная истина - это объективное воспроизведение реальной действительности. Она не зависит от сознания человека.[2]

В уголовном процессе истина раскрывается как свойство наших знаний об объективной действительности, соотношение доказательств и событий. Во-вторых, УПК не раскрывает понятия истины, данное понятие имеет разные толкования. Объективная истина чаще рассматривается с точки зрения философии, а также как соответствие обстоятельств, установленных по уголовному делу, действительности. Проблема и двойственная природа истины - наличие материального и формального составляющих.

Некоторые юристы, к примеру, Е.А. Карякин, выделяют также конвенциональную истину. Такая истина предполагает соглашение. Сюда можно отнести и презумпцию невиновности. Соотношение истины и презумпции невиновности также имеет свои проблемы. Презумпция невиновности предполагает объективную оценку обстоятельств дела, справедливости приговора, прекращения уголовного преследования.[1]

Отсутствие презумпции невиновности создаст сильный обвинительный уклон процесса. Презумпция невиновности является несоответствием между формальной и материальной истины в уголовном процессе.

Материальная истина подразумевает оценку доказательств в совокупности. Формальная и конвенциональная истины служат частью процесса расследования. Формальная истина устанавливает реальную истину с помощью процесса, сама она ее не создает.

Проблемной является и необходимость установления истины. В законе данное требование не установлено. Задача решается с помощью толкования. И.А. Баstryкин предлагает включить в УПК ряд статей, которые установят истину как задачу процесса и сам методы ее поиска. [5]

Знания о преступлении устанавливаются на основании многих факторов. Знания реальности недостаточно, так как нужно установить связь между событиями. В качестве проблемы установления истины в рамках уголовного процесса можно указать противоречие состязательного принципа нахождению истины.

В конституционных нормах отмечено, что процесс строится на принципах состязательности и равенства. Но Конституция РФ не определяет и не раскрывает его значения. Принцип состязательности процесса подразумевает разделение полномочий, равенство сторон; беспристрастность суда. Стороны применяют свои права в целях разрешения спора в их пользу по собственной инициативе. Сторона может действовать самостоятельно или через представителя, в рамках правовых норм.

Суд как арбитр считается объективным и беспристрастным и не принимать чью либо сторону. Во-первых, суд как пассивный участник выслушивает доводы сторон и занимается поиском истины. Это относится и к построению основы доказательств. Суд рассматривает те доказательства, которые передали ему стороны. Такое возможно, если ищется формальная или конвенциональная истина.

Установлению объективной истины пассивность суда не способствует. Суд даже при установлении истины не может ставить одного участника в преимущественное положение перед другим. Сообразно данной норме, судья не может словесными выражениями, кивками, утвердительными высказываниями ставить под сомнение свою беспристрастность. При этом стороны ведут активную деятельность.

За качество доказательственной основы должны отвечать стороны. Но по закону, за это ответственен суд, поскольку в конечном итоге целью судебного разбирательства является справедливое решение. Но стороны несут ответственность за истинность того или иного суждения.

Во-вторых, сущностью состязательного процесса является общий поиск истины сторонами. Но стороны используют доказательства согласно своим интересам. В силу того, что органы следствия собирают доказательства, доказательственная база обвинения сильнее, чем у защиты.[4]

Недостаток состязательного процесса заключается в том, что стороны ищут только часть истины. Для полноты картины могут поспособствовать действия других государственных органов, направленные на восстановление полной картины событий. Но такое возможно только для публичного процесса. В доктрине предлагается переход от состязательного судебного процесса к публичному, но для этого необходимо изменить многие процессуальные нормы.

Состязательный процесс имеет массу преимуществ, он является менее затратным по времени и по средствам. Он может рассматриваться одной из гарантий справедливого решения по делу. Истина должна искажаться так, чтобы учитывались как состязательные, так и публичные начала процесса.

Рассмотрим особенности поиска истины и познание в суде с участием присяжных заседателей. Присяжные наделены к объекту одной целью (установление истины) и единой программой действий. Они применяют общие средства и методы. Тем не менее, присяжные выносят решение эмоциями, а не на основании закон, что негативно влияет на процесс установления истины по делу.[3]

Итак, отметим, что поиск объективной истины заложен в самом понятии правосудия, как суда правого, стремящегося к правде, т.е. к соответствию суждения и действительности. И это верно.

Не нацеленное на достижение истины уголовное судопроизводство не способно служить средством защиты прав и свобод человека и гражданина. Однако, приняв категорию истины в качестве идеальной и нравственной цели уголовного судопроизводства, мы не можем отождествлять стремление суда к познанию истины с обязанностью эту истину установить.

Список используемой литературы и источников

1. Карякин, Е.А. Цель и бремя доказывания применительно к формированию судебной истины по уголовному делу в суде первой инстанции [Текст] /Е.А.Карякин // Российский судья. -2016. -№ 5. -С. 22 - 26.
2. Маслов, И.В. Объективная истина в уголовном процессе [Текст] / И.В.Маслов // Уголовное право. -2015. -№ 2. -С. 126 - 130.
3. Носков, Ю.Г. Достижение истины и состязательность сторон в судебном процессе [Текст] / Ю.Г.Носков // Современное право. -2018. -№ 4. -С. 57 - 62.
4. Пронякин, А.Д. Установление истины - цель доказывания в уголовном процессе [Текст] / А.Д. Пронякин // Российская юстиция. -2018. -№ 2. -С. 24 - 26.
5. Шадрин, В.С. Истины объективная и юридическая (формальная) и средства их достижения в уголовном процессе // Юридическая истина в уголовном праве и процессе [Текст]: Сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции. 16 - 17 марта 2018 г. / Северо-Западный филиал ФГБОУВО "Российский государственный университет правосудия" / под общ. ред. К.Б. Калиновского, Л.А. Зашляпина. - СПб.: Петрополис, 2018. - С. 218 - 228.
6. Якишева, Е. З. Проблемы установления истины в уголовном судопроизводстве [Текст] / Е.З. Якишева // Научно-методический электронный журнал «Концепт». - 2017. - Т. 2. - С. 135–139.

УДК 343.13

Л.Г. Татьяна, д-р юрид. наук, профессор, зав. кафедрой уголовного процесса и правоохранительной деятельности Удмуртского государственного университета

КАЧЕСТВО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНА И ЕГО РОЛЬ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

В статье отстаивается мнение о необходимости создания уголовно-процессуального закона, исключающего разночтение и обеспечивающего реально права и законные интересы личности.

Ключевые слова: закон, права, участник процесса, качество, гарантии, уголовный процесс, интерес.

THE QUALITY OF CRIMINAL-PROCEDURAL LAW AND ITS ROLE IN ENSURING HUMAN RIGHTS

The article defends the opinion on the need to create a criminal procedure law, which excludes discrepancies and ensures the real rights and legitimate interests of the individual.

Keywords: law, rights, process participant, quality, guarantees, criminal process, interest

Уголовное судопроизводство связано с ограничением прав и свобод личности, в связи с чем возникает необходимость создания такого уголовно-процессуального закона, который бы, в первую очередь, обеспечивал защиту прав и свобод человека, допуская их ограничения в исключительных случаях, обусловленных необходимостью достижения назначения уголовного судопроизводства в ситуациях, когда иным способом получить желаемый результат невозможно.

«Закон будет правовым только в том случае, если в его основу будет заложена мораль и ориентиром регулирования будут выступать права человека и благо человека» [1, с. 10]. Для достижения указанного результата необходимо создание гражданского общества с высоким уровнем правовой культуры [5, с. 21-22], только в указанном случае можно будет достичь соблюдения прав человека как в целом, так и в уголовном судопроизводстве. Одной из проблем современного российского общества является правовой нигилизм, непонимание сущности и содержания правовых норм приводит к их неприятию и ложному толкованию, как следствие не соблюдению и нарушению норм права. В этой связи актуальными являются слова И.Б. Кардашовой, что «Подлинный верховенство закона может быть обеспечено не только точным исполнением требований нормативных правовых актов, но и совершенствованием законодательства» [3, с. 57].

Назначением уголовного судопроизводства выступает защита прав участников уголовно-правового конфликта, в связи с чем суд, прокуратура и органы предварительного расследования обязаны реализовать правоохранительную функцию при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности. Однако, сложность достижения назначения уголовного судопроизводства определяется отсутствием качественного уголовно-процессуального закона, внесение изменений и дополнений 254 Федеральными Законами (15 Федеральных Законов в год) говорит о недостаточной проработанности УПК РФ изначально при его принятии. Насколько комфортно может чувствовать себя дознаватель, следователь, прокурор, судья, когда ежемесячно они должны изучать действующее уголовно-процессуальное законодательство в обновленном виде, достаточно часто кардинально изменяющее ранее действовавшие положения, содержащиеся в уголовно-процессуальных нормах. Нестабильность уголовно-процессуального законодательства потребовала необходимость разъяснения их содержания и особенностей применения, в связи с чем Конституционный Суд РФ в 27 Постановлениях толковал ряд норм УПК РФ, при этом толкование некоторых положений является небезупречным. Особое значение имеет судебная практика Верховно-

го Суда РФ, являющаяся ориентиром для постановления решений судами по аналогичным уголовным делам. Здесь же следует отметить практику ЕСПЧ, которая влияет на осуществление уголовно-процессуальной деятельности органами предварительного расследования, прокуратуры и суда. В указанной ситуации говорить о качестве уголовно-процессуального вряд ли возможно. «Качественным является тот закон, который реализуется, то есть воплощается в правовом поведении граждан и правоприменительной деятельности должностных лиц. Если закон соответствует праву, но неэффективен, такой закон не может считаться качественным. Приоритетными свойствами, характеризующими качество закона, выступают воплощение в нем справедливости и иных правовых ценностей» [1, с. 10].

Качество закона непосредственно влияет на обеспечение прав человека в уголовном судопроизводстве. Нестабильность закона ведет к нарушению прав и основных свобод человека. Доводы о том, что пробелы уголовно-процессуального закона восполняются прямым действием Конституции РФ, а также постановлениями Конституционного Суда РФ, выносимыми в связи с рассмотрением вопросов конституционности отдельных норм УПК РФ, малоубедительны [6, с. 765-767]. «Основной аргумент заключается в том, что различные проявления дефектов закона осложняют уяснение содержания и смысла правовых норм, препятствуют их единообразному применению и, как следствие, предопределяют высокую вероятность нарушения прав, свобод и законных интересов граждан, а в конечном итоге отрицательно влияют на способность норм права выступать эффективным регулятором общественных отношений» [2, с. 58-59].

Одним из дискуссионных является вопрос о системе принципов уголовного судопроизводства, которая включает в себя ряд противоречивых положений, негативно влияющих на практику. В частности, конституционное право на квалифицированную

В современных условиях необходимо кардинальное изменение уголовно-процессуального законодательства в целях обеспечения защиты прав и законных интересов граждан. Согласно части первой статьи 48 Конституции РФ, каждому лицу гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи. В случаях, предусмотренных законом, юридическая помощь оказывается бесплатно [4]. УПК РФ в ст. 16 содержит принцип «Обеспечение подозреваемому и обвиняемому права на защиту», в которой законодатель не просто не гарантировал обеспечение квалифицированной юридической помощи любому обвиняемому или подозреваемому, но в противоречие с указанным положением Конституции РФ предусмотрел право обвиняемого или подозреваемого осуществлять защиту при помощи законного представителя. Однако законный представитель является обязательным участником несовершеннолетнего обвиняемого или подозреваемого. Вызывает сомнение его способность осуществить квалифицированную защиту несовершеннолетнего, поскольку законные представители чаще всего не обладают не только юридическими знаниями и опытом, но и адекватным восприятием произошедшего, их характеристики оставляют желать лучшего, в связи с чем законодатель позволил им обеспечивать защиту наиболее незащищенной категории лиц? УПК РФ не предусматривает порядка обеспечения бесплатной квалифицированной юридической помощи свидетелям, хотя по делам о преступлениях несовершеннолетних лиц, не достигшие возраста 14 лет, но принимавшие участие в совершении преступления, имеют статус свидетеля, при этом они нуждаются в защите в том числе от возможного негативного воздействия на них как со стороны обвиняемых, так и со стороны сотрудников правоохранительных органов. Проблема обеспечения квалифицированной юридической помощью потерпевших неоднократно обсуждалась учеными и практиками, но данный вопрос остался неразрешенным.

Достаточно любопытным является принцип разумного срока. Законодатель четко и последовательно определил процессуальные сроки производства по уголовному делу, которое может осуществляться и после истечения срока давности привлечения к уго-

ловной ответственности. Изначально срок давности уголовной ответственности и процессуальный срок, установленные законом, являются разумными. Можно ли отказать в продлении процессуального срока в ситуации, когда необходимо проведение следственных действий для принятия решения по существу, либо рассмотреть уголовное дело в судебном порядке? Конечно срок будет продлен, он будет продлен в рамках процессуального срока, установленного законом, но его можно признать неразумным в силу предполагаемой волокиты производства по уголовному делу. Не оспаривая возможность волокиты, следует учесть ее причины, во-первых, нагрузка на следователей и судей; во-вторых, проблемы своевременной явки адвокатов-защитников, которые могут находиться в длительных процессах, не учитывая ситуации их заинтересованности в волоките сроков; в-третьих, длительность производства экспертизы, на которые не влияют сроки, установленные УПК РФ, поскольку эксперты руководствуются ведомственными актами [7, 8, 9, 10]; в-четвертых, особенности, связанные с категорией расследуемого преступления, составом его участников, последствиями и т.д. Признать процессуальный срок неразумным, даже при наличии волокиты со стороны правоприменителей, представляется некорректным, так как он установлен законом. Преодоление нарушений процессуального срока следует предусматривать в нормах, его устанавливающих, но не вводить положение, имеющее спорный характер в качестве процессуального принципа.

Интересным является определение состава участников уголовного судопроизводства. Нелогично введение в УПК РФ различных понятий «следователь» в ст. 38 и п. 41 ст. 5, в п. 40.1 ст. 5 «следователь-криминалист». Если следователь отнесен к стороне обвинения и не может выполнять функции иного участника процесса, то следователь-криминалист изначально предполагает выполнение полномочий иного участника – специалиста, что противоречит логике уголовно-процессуального закона. Представляется нелогичным наделять аналогичными правами прокурора, начальника органа дознания и начальника подразделения дознания в части осуществления руководства дознавателем, с одной стороны это создает сложности в определении приоритета у дознавателя, к кому он должен обратиться, с другой ведет к неоправданной волоките и ограничению процессуальной самостоятельности дознавателя.

Анализируя совокупность прав и обязанностей участников уголовного судопроизводства, следует отметить о нелогичности и противоречивости их формирования, а также требований их реализации. Предоставляя право конкретному участнику, законодатель отдает на его усмотрение возможность воспользоваться им или нет, именно в этом заключается основное отличие права и обязанности. Если лицо не желает воспользоваться предоставленным ему правом, то его не должны принуждать к этому. Однако практика идет по иному пути, ряд прав, которые предоставлены участникам процесса, заставляют реализовывать независимо от их желания. В частности, право знакомиться с постановлением о назначении экспертизы и ее заключением перешло в ранг обязанности следователя ознакомить потерпевших с указанными документами, но если потерпевший этого не желает, то следует ли тратить время для реализации права от которого лицо отказывается. Интересным является конструкция прав и обязанностей гражданского истца и гражданского ответчика, логично, что их права и обязанности должны быть равными величинами, однако они сконструированы различно, в частности, если гражданский истец имеет право только представлять доказательства (п. 2 ч. 4 ст. 44 УПК РФ), то у гражданского ответчика есть право не только представлять, но и собирать доказательства (п. 7 ч. 2 ст. 54 УПК РФ).

Хотелось бы обратить внимание на определение места суда в уголовном судопроизводстве. Учитывая, что современный уголовно-процессуальный закон регламентирует основное, особое и дополнительные производства, возникает вопрос и о полномочиях суда в рамках каждого из них. Основное производство связано с разрешением уголов-

ного дела, соответственно основная функция – разрешение дела посредством осуществления правосудия, с учетом предоставленных полномочий суд осуществляет судебное санкционирование посредством дачи разрешений на производство следственных действий, ограничивающих конституционные права и свободы граждан. В досудебном производстве по уголовному делу суд, кроме судебного санкционирования, осуществляет особое производство при рассмотрении жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ и применении мер пресечения, связанных с ограничением свободы, либо применением залога. В указанном случае он разрешает уголовно-процессуальный спор, связанный с возможностью (необходимостью) применения конкретной нормы УПК РФ, либо при определении нарушения конкретных правовых норм. Судебный контроль не может осуществляться над деятельностью органов предварительного расследования, поскольку они не находятся в подчинении или иной зависимости от судов. В рамках дополнительного производства разрешается конфликт, связанный с применением норм УИК РФ и УПК РФ, то есть осуществляется правосудие.

Небольшие корректирующие изменения и дополнения, носящие точечный характер не могут обеспечить качество закона, направленное на достижение заявленного назначения уголовного процесса, в связи с чем необходимо кардинальное изменение ряда положений, логическое и последовательное изложение процессуальных процедур..

Список используемой литературы и источников

1. Воробьева, С.А. Качество закона и его роль в обеспечении прав человека (теоретико-правовой аспект) [Текст]: автореф. ... дис. канд. юрид. наук / С.А. Воробьева. – Челябинск, 2014. - 31 с.

2. Данилова, Н.А., Николаева, Т.Г. Некоторые аспекты обеспечения Конституционных прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве [Текст] / Н.А. Данилова, Т.Г. Николаева // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации – 2018 - № 6 (68) – С. 58-61.

3. Кардашова, И.Б. Конституция Российской Федерации как основной источник обеспечения национальной безопасности [Текст] / И.Б. Кардашова // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации – 2018 - № 6 (68) – С. 51-57.

4. Конституция Российской Федерации [Текст]: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изм. и доп. от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Российская газета – 1993 – 25 декабря.

5. Татьяна, Д.В. Некоторые правовые и социальные последствия внедрения гражданского общества в российских условиях [Текст] / Д.В. Татьяна // Гражданское общество в России и за рубежом – 2013 - № 2 – С. 20-22.

6. Татьяна, Д.В. Коллизия и избыточность конституционных норм в свете регулирования уголовного процесса [Текст] / Д.В. Татьяна // Научные труды. Российская академия юридических наук. - М., 2019 – С. 765-767.

7. Об утверждении методических рекомендаций по производству судебных экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях системы Министерства юстиции Российской Федерации [Текст]: Приказ Министерства юстиции РФ от 20 декабря 2002 года № 346 // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.11.2019).

8. Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации [Текст]: Приказ МВД РФ от 29 июня 2005 года № 511 (в ред. от 15 октября 2012 года) // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.11.2019).

9. Об утверждении Инструкции по организации и производству судебных экспертиз в судебно-экспертных учреждениях и экспертных подразделениях федеральной противопожарной службы [Текст]: Приказ МЧС России от 18 августа 2005 года № 640

// Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.11.2019).

10. Об утверждении норм затрат времени на производство экспертиз для определения экспертной нагрузки государственных судебных экспертов судебно-экспертных учреждений Министерства юстиции Российской Федерации и методических рекомендаций по их применению [Текст]: Приказ Минюста РФ от 22 июня 2006 года № 241 (ред. от 19 марта 2008 года) // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.11.2019).

УДК 343.140.02

Д.В. Татьяна, канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и правоохранительной деятельности ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет

А.П. Липинский, аспирант кафедры уголовного процесса и правоохранительной деятельности

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ДОКАЗЫВАНИЯ ВИНЫ В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СВЯЗАННОГО С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ СПЕЦИАЛЬНЫХ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПРЕДНАЗНАЧЕННЫХ ДЛЯ НЕГЛАСНОГО ПОЛУЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ

В статье рассматриваются дискуссионные вопросы, связанные с доказыванием виновности лица в совершении преступлений, связанных с незаконным оборотом специальных технических средств.

Ключевые слова: вина, знание, умысел, техническое средство, игрушка, цель, получение информации, доказательство, защита.

DISCUSSION ISSUES OF PROOF OF GUILT FOR THE CRIME OF ILLEGAL TRAFFICKING IN SPECIAL TECHNICAL MEANS INTENDED FOR TACIT OBTAINING OF INFORMATION

The article deals with discussion issues related to proving the guilt of a person for the commission of crimes related to illegal trafficking in special technical means.

Keywords: wine, knowledge, intent, technical means, toy, purpose, obtaining information, proof, protection.

Федеральным законом № 420-ФЗ [1] в Уголовный кодекс РФ была введена ст. 138.1, предусматривающая уголовную ответственность за незаконный оборот специальных технических средств для получения негласной информации (далее СТС), которая привела к возникновению проблем при ее применении на практике, следствием которых стало искусственное создание виновных лиц в совершении указанного преступления.

Изначально с учетом развития технических возможностей принятие указанной статьи было обусловлено необходимостью предотвращения несанкционированного использования технических средств, которые могли быть использованы для негласного получения информации.

Первоначальная редакция УК РФ предусматривала ответственность за использование СТС в ч. 3 ст. 138, в последующем была введена ст. 138.1 УК РФ, которая носит бланкетный характер, но в которой также отсутствует указанное понятие. Особенностью указанной статьи являлось то, что в ней был неопределенно обозначен предмет преступления – «специальное техническое средство для получения негласной информации». Указанный термин был введен в УК РФ 1996 года [9], но его содержание не было раскрыто.

В теории существует несколько подходов к определению СТС. По мнению ряда авторов, «Специальные технические средства (СТС) – это специально разработанные или иные (приспособленные) технические средства, с помощью которых можно осуществлять негласное проникновение в помещения и транспорт, установку и маскировку технических средств, а также сами технические средства, позволяющие негласно получать, передавать и фиксировать информацию в процессе ОРД ОВД» [2, с. 144-145].

Конституционный Суд Российской Федерации в своем постановлении указал: «...уголовная ответственность наступает за производство, сбыт или приобретение таких специальных технических средств, которые предназначены (разработаны, приспособлены, запрограммированы) для негласного (т.е. тайного, неочевидного, скрытого) получения информации, затрагивающей права личности, гарантированные статьями 23, 24 (часть 1) и 25 Конституции Российской Федерации, виды, свойства и признаки которых определены соответствующими федеральными законами и изданными на их основе нормативными правовыми актами Правительства Российской Федерации и свободный оборот которых не разрешен, если указанные действия совершаются без соответствующей лицензии и не для нужд органов, уполномоченных на осуществление оперативно-розыскной деятельности» [6].

Для определения принадлежности определенного предмета к СТС следует основываться на нормах, указанных в Постановлении Правительства РФ от 10 марта 2000 года № 214 (ред. от 20 марта 2018) [3]. Положении о ввозе в Российскую Федерацию и вывозе из Российской Федерации специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации; Списке видов специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, ввоз и вывоз которых подлежат лицензированию [7].

Следует согласиться с мнением, что указанный нормативный акт морально устарел [6, с. 155-157], поскольку в нем не указаны конкретные СТС, а только приводится их классификация в зависимости от принципа действия, кроме того он не учитывает современное техническое развитие, ведь в настоящий период времени почти все сотовые телефоны, смартфоны имеют встроенные видеокамеры, которые позволяют проводить фото и видео записи, а также во многих телефонах имеются диктофоны, позволяющие проводить негласную аудиозапись.

Список СТС был установлен решением Коллегии Евразийской экономической комиссии [5]. Сравнивая списки СТС, установленные правительством РФ и Коллегией Евразийской экономической комиссии, следует отметить более качественный список, отвечающий современному техническому развитию, установленный указанной коллегией. Несколько различный подход к определению СТС может привести к неправильному принятию решений при привлечении к уголовной ответственности лиц за незаконный оборот СТС.

На территории по всей России возбуждались уголовные дела по ст. 138.1 УК РФ, по которым обвиняемые по формальным основаниям признали вину и заявили ходатайство о применении гл. 40 УПК РФ, о рассмотрении уголовного дела при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением, но возникает вопрос о виновности указанных лиц в совершении преступления.

По приговору Ленинского районного суда г. Челябинска К. осужден по ст. 138.1 УК РФ к штрафу в размере 20000 рублей за то, что весной 2014 года в сети «Интернет» приобрел USB-флешкарту со встроенной видеокамерой и микрофоном, а также устройство, выполненное в форме шариковой ручки, со встроенной миниатюрной видеокамерой и микрофоном.

Кизнерским районным судом УР рассмотрено уголовное дело в отношении М., 40 лет, обвиняемого Х. по ст. 138.1 УК РФ. «Шпионское оборудование» - шариковую ручку

с встроенной видеокамерой мужчина приобрел через интернет, оплатив заказ банковской картой.

Незаконный оборот СТС может осуществляться только с прямым умыслом, то есть обвиняемый не просто должен выполнить объективную сторону преступления произвести, приобрести или сбыть СТС, но он должен знать что речь идет о СТС в смысле ст. 138.1 УК РФ, в противном случае признавать наличие в его действиях прямого умысла противоречит логике закона. Соответственно возникает вопрос: может ли лицо знать о том, что оно приобрело или сбыло СТС, если отсутствует его понятие и не раскрывается содержание? Почему часофон (наручные часы-телефон) могут иметь встроенную видео-камеру, а просто наручные часы не могут, в противном случае они подпадают под СТС. Как можно отличить детскую игрушку из серии «шпионских штучек» в виде часов, шифраторов голоса, подслушивающих телефонных аппаратов, сканеров, камер-звеек и т.п. от запрещенного в обороте СТС. Для отнесения конкретного предмета к СТС необходимо назначить и провести техническую экспертизу и только эксперт даст окончательный ответ, является ли представленный на экспертизу объект СТС или он не может быть отнесен к указанным средствам. При этом следует учитывать, что «эксперт дает не юридическую, а техническую оценку» [4, с. 79]. Экспертиза проводится после изъятия оперативными сотрудниками конкретной вещи, предполагаемо относящейся к СТС. Знает ли человек, который ее приобрел, что этот предмет запрещен в обороте? Если не знает, что о каком прямом умысле может идти речь. Приобретая конкретный предмет, который по техническим характеристикам может быть отнесен к СТС, лицо не предполагает об этом, поскольку приобретает вещь через интернет-магазин, либо официально в магазине. Необходимость установления при доказывании наличия состава преступления, предусмотренного ст. 138.1 УК РФ прямого умысла лица на приобретение специального технического средства, предназначенного для негласного получения информации, соответствует мнению Конституционного Суда РФ [10].

Если провести аналогию с незаконным оборотом оружия или наркотиков, то будет очевидна абсурдность существующей ситуации с незаконным оборотом СТС. Лицо, которое незаконно приобретает наркотическое средство или оружие однозначно ищет необходимый предмет (товар), осознавая противоправность своих действий. Игрушечное оружие, даже максимально похожее на настоящее, не отвечает техническим требованиям настоящего оружия. Игрушечное оружие можно купить в магазине, на ярмарке и т.п., при этом для его приобретения не требуется какого-либо разрешения. Купить в магазине без специального разрешения или по интернету оружие нереально. Аналогичная ситуация существует и в отношении наркотических средств, которые можно приобрести только в аптеках в медицинских целях при наличии специальных документов (рецептов). Иные способы приобретения наркотических средств имеют противозаконный характер, соответственно лицо, которое приобретает наркотики иным способом знает, что идет на совершение преступления и желает его совершения.

Не вызывает сомнения виновность лица в случае, когда оно сбывает СТС, зная о их качественных характеристиках. Приговором Зюзинского районного суда г. Москвы осуждена Ш.Е.В., которая по возникшему умыслу приобрела СТС, предназначенные для негласного получения акустической информации для последующего сбыва. Действуя во исполнение своего преступного умысла, в нарушение указанных выше нормативно-правовых актов, не имея соответствующей лицензии, выдаваемой, органами Федеральной службы безопасности Российской Федерации, осознавая незаконный характер своих действий, Ш.Е.В., находясь по адресу: ХХХ между 2 и 3 подъездом, в период времени с 17 часов 00 минут по 18 часов 00 минут 14.10.2017, с целью дальнейшего сбыва, незаконно приобрела у неустановленного следствием лица 25 устройств, которые согласно экспертному заключению № 76/2045/40 СТС от 05.12.2017 относятся к

категории СТС, предназначенных для негласной регистрации акустической информации [11].

Пленум Верховного Суда РФ высказал свою позицию по вопросу привлечения к уголовной ответственности за незаконный оборот СТС. В постановлении Пленума указано на нецелесообразность наказания граждан, незаконно купивших СТС для негласного получения информации, если оно рекламировалось как бытовое либо приобреталось в целях собственной безопасности. Верховный Суд РФ уточняет, что «...само по себе участие в незаконном обороте СТС не может свидетельствовать о виновности лица в совершении преступления, предусмотренного статьей 138.1 УК РФ, если его умысел не был направлен на приобретение и (или) сбыт именно таких средств» [12]. По мнению ВС РФ не подлежат квалификации по ст. 138.1 УК РФ действия лица, приобретшего предназначенное для негласного получения информации устройство в целях использования для обеспечения личной безопасности, либо безопасности членов семьи, сохранности имущества или в целях слежения за животными при условии не применения его для посягательства на конституционные права граждан [12].

Следует разграничивать приобретение СТС в целях сбыта, когда лицо знает о характеристике приобретаемого предмета, то что он относится к числу СТС, от приобретения предметов, которые изготовлены и продаются как бытовые приборы или игрушки, когда никаких оснований предполагать, что данный предмет относится к СТС нет. В данной ситуации лицо приобретает предмет, даже не предполагая о недопустимости его нахождения в свободной продаже, поэтому оно не может нести ответственности за приобретение в целях сбыта СТС, так как у него отсутствует умысел на совершение указанного действия. Например, С. создала на сайте в контакте группу, заказывала вещи из Китая для себя и подруг, в альбоме были выставлены часы с диктофоном, ей написал письмо Н. и попросил заказать «шпионские часы», когда заказ пришел, то за посылкой Н. пришел с оперативным сотрудником, так как это была контрольная закупка отдела «К». Однако признать часы СТС может только специальная экспертиза, сама С. не предполагала об их характере, более того она их приобрела по инициативе лица, которое обратилось с просьбой помочь в приобретении товара, размещенного в рекламе. Естественно, что С. не могла предполагать о характеристике указанных часов, соответственно предполагать о наличии у нее умысла на совершение приобретения и сбыта СТС представляется необоснованным.

Вменять незаконное приобретение специального технического средства возможно только в случае, когда лицо знает о том, что указанное средство относится к числу СТС. При покупке товара, если в инструкции, прилагаемой к товару или на его упаковке имеются сведения, указывающие, что данный товар может быть использован в целях негласного получения информации, должно презюмироваться знание лица о том, что оно приобрело СТС. Отсутствие такого предупреждения должно рассматриваться как доказательство отсутствия умысла на приобретение специального технического средства.

Список используемой литературы и источников

1. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации [Текст]: Федеральный закон № 420-ФЗ от 7 декабря 2011 года // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.11.2019).

2. Зарубин, В.Н., Щербак, С.И. Специальная техника органов внутренних дел [Текст]: Учебник / Под ред. Попова В.Л. – М., 2000.

3. Об утверждении Положения о ввозе в Российскую Федерацию и вывозе из Российской Федерации специальных технических средств, предназначенных для негласно-

го получения информации, и списка видов специальных технических средств и, предназначенных для негласного получения информации, ввоз и вывоз которых подлежат лицензированию [Текст]: Постановление Правительства РФ от 10 марта 2000 года № 214 // СЗ РФ. -2000. -№ 12. -Ст. 1292.

4. Кузнецов, А.Н. Доказывание по делам о незаконном обороте специальных технических средств [Текст] / А.Н. Кузнецов // Судебная власть и уголовный процесс – 2016 - № 3 – С. 79.

5. О мерах нетарифного регулирования [Текст]: Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 21.04.2015 № 30 (ред. от 09.07.2019) // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.11.2019).

6. Петроченков, С.Д. Незаконный оборот специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации: законодательный подход и судебная практика [Текст] / С.Д.Петроченков // Пробелы в российском законодательстве – 2012 - № 3 – С. 155-157.

7. Список видов специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, ввоз и вывоз которых подлежат лицензированию [Текст]: Утвержден Постановлением Правительства РФ от 10 марта 2000 г. N 214) (с изм. от 20.03.2018) //http://base.garant.ru/12118972/#ixzz60f0QuvCK

8. По делу о проверке конституционности части третьей статьи 138 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.В. Капорина, И.В. Коршуна и других [Текст]: Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 31.03.2011 г. № 3-П // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.11.2019).

9. Уголовный кодекс Российской Федерации [Текст]: федеральный закон от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ // СЗ РФ.-1996 г. - № 25. -Ст. 2954.

10. Определение Конституционного Суда РФ № 1922-О от 29 сентября 2016 года [Электронный ресурс] // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.11.2019).

11. Приговор Зюзинского районного суда г. Москвы от 12 марта 2018 года [Электронный ресурс] // http://arbitr.garant.ru

12. О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (ст. 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 УК РФ) [Текст]: постановление Пленума Верховного Суда РФ № 46 от 25 декабря 2018 года // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.11.2019).

УДК 343.13

О.С. Триленко, магистрант ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (г. Курск)

Научный руководитель: И.Н. Чеботарева, канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (г. Курск)

РЕАБИЛИТАЦИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ

В данной статье рассматриваются законодательные нормы, регулирующие реабилитацию юридических лиц, а также спорные теоретические вопросы в указанной области. Анализируется понятие «вред» применительно к юридическому лицу и выделяются его критерии исходя из действующего законодательства.

Ключевые слова: юридическое лицо, реабилитация, незаконные действия (бездействие), возмещение вреда, ущерб.

REHABILITATION OF LEGAL ENTITIES IN CRIMINAL PROCEEDINGS OF RUSSIA

This article discusses the legislative norms governing the rehabilitation of legal entities as well as controversial theoretical issues in this area. The article analyzes the concept of "harm" in relation to a legal entity and identifies its criteria based on the current legislation.

Keywords: legal entity, rehabilitation, illegal actions (inaction), compensation of harm, damage.

Одним из назначений уголовного судопроизводства является защита законных интересов и прав организаций, потерпевших от преступлений (ст.6 УПК РФ) [1].

Дискуссионным вопросом на сегодняшний день в уголовно-процессуальном законодательстве является закрепление статьи 139 УПК РФ (Возмещение вреда юридическим лицам) в главе 18 «Реабилитация», а также указанная в ней формулировка.

Норма статьи определяет, что если вред был причинен юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия), а также решений дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, прокурора, суда, то данный вред в полном объеме государством возмещается в сроки и в порядке, установленными главой УПК РФ о реабилитации.

Для начала рассмотрим целесообразность внесения статьи о возмещении вреда юридическому лицу в главу о реабилитации.

Итак, в теории существует мнение, что юридическое лицо не может быть субъектом реабилитации, так как к уголовной ответственности может быть привлечено только физическое лицо (ст. 19 УК РФ) [2], исходя из данного положения к ответственности может быть привлечено не юридическое лицо (как образование), а конкретное физическое лицо (руководитель, учредитель, сотрудник и т.д.).

В такой ситуации необходимо учитывать, что незаконными действиями (бездействием), решением органа может быть причинен вред не только конкретному физическому лицу (работнику юридического лица), но и юридическому лицу в целом (например, имущественный вред или вред деловой репутации).

Из этого следует, что идея внесения юридического лица в круг уголовно-процессуальных отношений, которые связаны с реабилитацией, не является бессмысленной и абсурдной [10, с. 60].

Переходя к следующему спорному вопросу, следует отметить, что статья 139 УПК РФ предоставляет общую формулировку «вред», и не конкретизирует, какой именно вред возмещается юридическому лицу, поэтому исходя из главы о реабилитации, мож-

но сделать вывод, что вред возмещается как имущественный, так и моральный. Если с имущественным вредом возникает достаточно мало вопросов, то по поводу морального вреда существует множество споров, так как юридическое лицо само по себе не может испытывать моральный вред.

Рассмотрим, что в себя включает понятие «моральный вред» на примере норм ГК РФ [3], так как статья 136 УПК РФ предусматривает положение о том, что иски о компенсации за причиненный моральный вред в денежном выражении предъявляются в порядке гражданского судопроизводства. ГК РФ раскрывает в узком значении критерии морального вреда, а именно: моральный вред – это нравственные или физические страдания, которые были причинены гражданину нарушением его нематериальных личных прав, посягательством на нематериальные блага и в других случаях, определенными действиями.

В более широком смысле общее понятие морального вреда дано в п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.1994 N 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда»: моральный вред – это физические и (или) нравственные страдания, которые были причинены действиями (бездействием) в результате посягательства на нематериальные блага, принадлежащие в силу закона или от рождения гражданину, такие как: личная и семейная тайна, жизнь, неприкосновенность частной жизни, деловая репутация, достоинство личности, здоровье и т.д., или в результате нарушения нематериальных личных прав, таких как: (право авторства, право на пользование своим именем, и иные права нематериального характера в соответствии с законодательными актами об охране прав на результаты интеллектуальной деятельности), или в результате нарушения прав гражданина в имущественной сфере (но в случаях, которые установлены соответствующим законом). Таким образом, в частности моральный вред может заключаться в следующем: в связи с заболеванием, перенесенным в результате нравственных страданий, физической болью, связанной с причиненным увечьем, либо другим повреждением здоровья, временным ограничением или лишением каких-либо прав, распространением сведений, которые не соответствуют действительности, порочат деловую репутацию, достоинство или честь гражданина, раскрытие врачебной тайны (сведения о диагнозе или состоянии здоровья гражданина, о факте обращения гражданина за оказанием медицинской помощи, и другие сведения, которые могут быть получены при медицинском лечении и обследовании), раскрытием семейной тайны, потерей работы, невозможностью продолжать активную общественную жизнь, нравственных переживаниях в связи с утратой родственников и др [6].

Из приведенных выше определений следует, что моральный вред, то есть физические или нравственные страдания, может испытывать только физическое лицо (гражданин), но не юридическое лицо.

Также следует обратить внимание, что по делам, рассмотренным до 1 октября 2013 г. (даты вступления в силу Федерального закона от 2 июля 2013 г. N 142-ФЗ «О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [5]), требования о компенсации морального вреда заявлялись и юридическими лицами, которым на основании пункта 7 статьи 152 ГК РФ (в ранее действующей редакции) такое право было предоставлено в случае распространения о них сведений, порочащих их деловую репутацию. Ныне действующая статья 152 ГК РФ исключает применение нормы о компенсации морального вреда при распространении сведений, затрагивающих деловую репутацию юридического лица (пункт 11 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 N 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц») [7].

Ранее проблема субъектного состава возникала в связи с вопросом о том, кто вправе требовать компенсации морального вреда при умалении чести, достоинства и деловой репутации - любое лицо (физическое или юридическое) или только гражданин. Эта проблема появилась еще в период действия Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик. Статья 131 Основ устанавливала, что моральный вред (физические или нравственные страдания), причиненный гражданину неправомерными действиями, возмещается причинителем при наличии его вины, а в п. 6 ст. 7 Основ указывалось, что гражданин или юридическое лицо, в отношении которого распространены сведения, порочащие его честь, достоинство или деловую репутацию, вправе наряду с опровержением таких сведений требовать возмещения убытков и морального вреда, причиненных их распространением[9].

Определение морального вреда, содержащееся в ст. 131 Основ, безусловно, предполагало, что субъектом, которому причиняется моральный вред, мог быть только гражданин. Иное понимание заставило бы предположить возможность претерпевания юридическим лицом физических или нравственных страданий, что противоречит самой его природе как искусственно созданного субъекта права, не способного испытывать эмоции. Однако содержание ст. 7 Основ предусматривало к дискуссиям, так как из него можно было предположить, что право требовать возмещения убытков и морального вреда принадлежит как гражданам, так и юридическим лицам. К такому выводу могло привести грамматическое толкование ст. 7 Основ. Логическое же ее толкование в совокупности со ст. 131 тех же Основ позволяло сделать вывод, что в ст. 7 использован неудачный юридико-технический прием, и понимать ее содержание надлежало следующим образом: гражданину принадлежит право требовать возмещения убытков и морального вреда, причиненных опорочением его чести, достоинства или деловой репутации; юридическому же лицу принадлежит право требовать возмещения убытков, причиненных опорочением его деловой репутации. Таким образом, лицо может требовать защиты абсолютного неимущественного субъективного права способом, совместимым с видом этого лица.

Юридическим лицам свойственно вступать только в различные деловые отношения, поэтому правовое и экономическое значение для них может иметь из рассматриваемых нематериальных благ лишь деловая репутация.

Понятия чести, достоинства и деловой репутации могут быть определены следующим образом:

- честь - сопровождающееся положительной оценкой общества отражение качеств лица в общественном сознании;
- достоинство - сопровождающееся положительной оценкой лица отражение его качеств в собственном сознании;
- деловая репутация - сопровождающееся оценкой общества отражение деловых качеств лица в общественном сознании.

Понятие «достоинство» вряд ли уместно применять к юридическому лицу - искусственному образованию, не обладающему собственным сознанием и психикой. Что же касается чести юридического лица, то представляется, что это понятие полностью охватывается понятием «деловая репутация», понимаемым в широком смысле, т.е. оценка обществом юридического лица[11].

С учетом этого в настоящее время определено, что юридические лица и индивидуальные предприниматели как субъекты предпринимательской деятельности вправе защищать свою деловую репутацию путем опровержения порочащих их сведений или опубликования своего ответа в печати, а также заявлять требования о возмещении убытков, причиненных распространением таких сведений [8]. Порочащими сведениями, которые могут быть распространены об юридическом лице (например в СМИ), могут быть сведения об обысках в офисах организации, задержании учредителей органи-

зации и его сотрудников и т.д. [10, с. 60], в случае если будет доказано что юридическое лицо было подвергнуто незаконным действиям (бездействием), решениям органов, то оно может требовать опубликования опровержения распространенных сведений, и следовательно требовать возмещение соответствующих убытков от органа, причинившего вред.

Таким образом, можно сделать вывод, что ст. 139 УПК РФ подразумевает под понятием «вред», как имущественный, так и моральный (но так как речь идет именно о юридическом лице, под возмещением морального вреда, трактуется защита деловой репутации и возмещение в связи с этим убытков). В связи с противоречивостью норм и непонимания четкой трактовки понятия «вред» в рассматриваемой статье УПК РФ, предлагается целесообразным внести изменение в ее формулировку и изложить следующим образом: «Имущественный вред (или) вред причиненный деловой репутации юридического лица незаконными действиями (бездействием) и решениями суда, прокурора, следователя, органа дознания, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания, дознавателя, возмещается государством в полном объеме в порядке и сроки, которые установлены главой 18 УПК РФ». Данная формулировка позволит внести ясность по применению нормы, а также устранил в большей степени дискуссионные вопросы в теории.

Список используемой литературы и источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Текст]. – М.: Проспект, 2019. – 320 с.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации [Текст]. – М.: Эксмо, 2019. – 240 с.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации. Части первая, вторая, третья и четвертая [Текст]. – М.: Проспект, 2019. – 624 с.
4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации [Текст]. – М.: Эксмо, 2019. – 144 с.
5. О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации [Текст]: Федеральный закон от 02.07.2013 N 142-ФЗ // Собрание законодательства РФ. -2013. -N 27. -ст. 3434.
6. Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда [Текст]: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.1994 N 10 (ред. от 06.02.2007) // Российская газета. - 1995.-N 29.
7. О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц [Текст]: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 N 3 // Российская газета. - 2005. - N 50.
8. Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.03.2016) [Электронный ресурс] // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.10.2019).
9. Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик (утв. ВС СССР 31.05.1991 N 2211-1) [Электронный ресурс] // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.10.2019).
10. Муратова, Н.Г. Проблемы защиты прав юридических лиц в уголовном судопроизводстве [Текст] / Н.Г.Муратова // Вестник экономики, права и социологии. -2008. -№ 3. -С. 57-63.
11. Эрделевский, А.М. Компенсация морального вреда [Электронный ресурс] // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.10.2019).

УДК 343.195

Е.И. Фадеева, канд. юрид. наук, старший преподаватель кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва»

ИССЛЕДОВАНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ХОДЕ РАССМОТРЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ СУДОМ С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ: ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

На основании норм действующего уголовно-процессуального законодательства и изученной судебной практики в статье анализируются отдельные процессуальные аспекты исследования доказательств в ходе рассмотрения уголовных дел судом с участием присяжных заседателей.

Ключевые слова: уголовное дело, суд, присяжные заседатели, исследование доказательств.

INVESTIGATION OF EVIDENCE IN CRIMINAL CASES BY THE COURT WITH PARTICIPATION OF JURORS: CERTAIN PROCEDURAL ASPECTS

On the basis of the norms of the current criminal procedural legislation and the studied judicial practice, the article analyzes some procedural aspects of the study of evidence in the course of consideration of criminal cases by a court with the participation of jurors.

Key words: criminal case, the court, the jury, the examination of evidence.

При рассмотрении уголовных дел с участием присяжных заседателей УПК РФ предусматривает особенности исследования доказательств в присутствии коллегии присяжных заседателей, в том числе в части рассмотрения вопросов о признании доказательств недопустимыми.

В соответствии с ч. 6 ст. 335 УПК РФ если в ходе судебного разбирательства возникает вопрос о недопустимости доказательств, то он рассматривается в отсутствие присяжных заседателей. В п. 23 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2005 № 23 (в ред. от 15.05.2018 г.) «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей» (далее - «Постановление Пленума от 22.11.2005 № 23») разъяснено, что в этих целях стороны вправе сообщить председательствующему о наличии у них таких ходатайств, не раскрывая их содержания в присутствии присяжных заседателей.

Обоснованной представляется позиция Л.Д. Калинин, В.В. Сотковой и С.Н. Фирсова о том, что заявляя ходатайство о признании доказательств недопустимыми, «адвокат-защитник должен исходить из положений УПК РФ, устанавливающих основания для признания доказательств недопустимыми, а также порядок их заявления, рассмотрения и разрешения в ходе судебного производства в суде первой инстанции» [1, с.95].

В судебной практике имеют место случаи, когда адвокаты-защитники обсуждают в присутствии присяжных заседателей вопросы относительно допустимости доказательств. Например, Верховный Суд РФ, отменяя приговор Ленинградского областного суда с участием присяжных заседателей от 14 ноября 2012 г., указал на следующие нарушения: «В нарушение ч. ч. 6, 7 ст. 335 УПК РФ защитники подсудимого в ходе судебного заседания в присутствии присяжных заседателей обсуждали вопросы, не подлежащие доведению до сведения присяжных заседателей, связанные с допустимостью доказательств, способные вызвать у них предубеждение к качеству работы предварительного следствия и государственного обвинения, отрицательно повлиять на их беспристрастность и формирование мнения по делу» [2]. Представляется, что подобные

высказывания со стороны адвокатов-защитников имеют целью породить у присяжных заседателей сомнения относительно качества доказательств, собранных стороной обвинения.

Отдельные авторы предлагают разрешить присяжным заседателям присутствовать при решении вопроса о допустимости доказательств. Н.В. Урлеков считает, что запрет на проверку допустимости доказательств в присутствии присяжных заседателей не столько способствует объективности оценки доказательств, сколько может навредить такой оценке, поскольку начало процедуры признания допустимыми или недопустимыми доказательств нередко происходит в присутствии присяжных заседателей. Удаленные впоследствии из зала судебного заседания присяжные заседатели не могут знать, как были опровергнуты доводы стороны, следовательно, в их сознании могут остаться сомнения. В связи с чем данный автор считает целесообразным разрешать присяжным заседателям присутствовать при решении вопроса о допустимости или недопустимости доказательств [3, с.18]. О.В. Волколуп и Н.В. Стус также предлагают разрешить присутствовать присяжным заседателям при обсуждении вопроса о допустимости доказательств [4].

Представляется, что присутствие в зале заседания позволит присяжным непосредственно наблюдать за процессом рассмотрения вопроса о допустимости доказательств, что предоставит возможность знать о законности либо незаконности полученных доказательств. В судебной практике имеют место случаи, когда стороны, несмотря на принятое судом решение о законности (допустимости) доказательства в судебном следствии, в судебных прениях в присутствии присяжных допуская высказывания, позволяющие усомниться в законности и справедливости судебного решения по данному вопросу. В том случае, если присяжные присутствовали при обсуждении представленной им информации, такие высказывания сторон уже не смогут оказать какого-либо влияния на присяжных заседателей.

В ч. 7 ст. 335 УПК РФ закреплено, что в ходе судебного следствия в присутствии присяжных заседателей подлежат исследованию только те фактические обстоятельства уголовного дела, доказанность которых устанавливается присяжными заседателями в соответствии с их полномочиями, предусмотренными статьей 334 УПК РФ. Согласно ст. 334 УПК РФ в ходе судебного разбирательства уголовного дела присяжные заседатели разрешают следующие вопросы: доказано ли, что имело место деяние, в совершении которого обвиняется подсудимый; доказано ли, что деяние совершил подсудимый; виновен ли подсудимый в совершении этого преступления.

УПК РФ не содержит перечень и условия исследования доказательств в присутствии присяжных заседателей. В этой связи зачастую судьи самостоятельно определяют возможность такого исследования без подкрепления своего решения ссылками на нормы закона. Например, Верховный Суд РФ признает правомерным отказ от исследования с участием присяжных исследовательской части заключения эксперта, если она изобилует специальной терминологией, «способной ввести в заблуждение коллегию присяжных заседателей» [5]. По другому из дел, отказывая стороне обвинения в оглашении заключений психофизиологических экспертиз, суд сослался на то, что подобные исследования не являются доказательствами факта, и, следовательно, не могут представляться в качестве таковых коллегии присяжных заседателей [6]. На наш взгляд, заслуживает поддержки позиция С.А. Насонова о необходимости законодательного закрепления условий исследования доказательств с участием присяжных заседателей [7].

Согласно ч. 8 ст. 335 УПК РФ данные о личности подсудимого исследуются с участием присяжных только в той мере, в какой они необходимы для установления отдельных признаков состава преступления. Запрещается исследовать факты прежней судимости, признания подсудимого хроническим алкоголиком или наркоманом, а также

инные данные, способные вызвать предубеждение присяжных в отношении подсудимого.

Пленум Верховного Суда РФ в п. 22 Постановления от 22.11.2005 № 23 конкретизировал, что с участием присяжных заседателей не исследуются факты прежней судимости, характеристики, справки о состоянии здоровья, о семейном положении и другие данные, способные вызвать предубеждение присяжных в отношении подсудимого. Вопрос о вменяемости подсудимого относится к компетенции председательствующего и разрешается им в соответствии с требованиями статьи 352 УПК РФ без участия присяжных заседателей.

Зачастую на практике адвокаты-защитники доводят до присяжных заседателей сведения о личности своего подзащитного, что в дальнейшем влечет отмену приговора. Так, Верховным Судом РФ был отменен приговор суда по следующим основаниям: «В нарушение требований уголовно-процессуального закона сторона защиты в ходе всего судебного разбирательства необоснованно доводила до присяжных заседателей сведения о личности М., позволяющие сформировать его положительный образ заботливого и любящего отца. Наряду с этим, допускала высказывания, способные вызвать у присяжных заседателей предубеждение в отношении Ч. (матери погибшего ребенка), недопустимым образом навязывая присяжным заседателям свою версию произошедшего, что якобы это она уронила ребенка. При этом председательствующий не всегда реагировал на подобные высказывания... Несмотря на принимаемые председательствующим меры, обстоятельства, выходящие за пределы компетенции присяжных заседателей, были доведены до них. Таким образом, в результате неоднократного нарушения стороной защиты и судом уголовно-процессуального закона в ходе судебного разбирательства коллегия присяжных заседателей была лишена возможности дать объективную оценку представленным по делу доказательствам» [8].

Вместе с тем в случае доведения до присяжных заседателей единичных сведений о личности подсудимого или потерпевшего это не всегда признается судами существенным нарушением уголовно-процессуального закона. Например, по одному из уголовных дел Верховный Суд РФ указал на следующее: «При попытках нарушения сторонами процессуального порядка, установленного ст. ст. 334, 336, 337 УПК РФ, председательствующий каждый раз их незамедлительно пресекал, делал замечания участникам процесса и разъяснял присяжным заседателям, что они не должны учитывать информацию, которая выходит за пределы вопросов доказанности факта совершения преступления и вины подсудимых, в том числе в связи с упоминанием данных о личности потерпевшего (т. 5 л.д. 81). Учитывая, что подобные ситуации были единичными, они не оказали влияния на мнение присяжных заседателей» [9].

Однако в судебной практике имеют место случаи, когда и при наличии многочисленных нарушений в части доведения до присяжных заседателей сведений о личности подсудимого приговоры судов остаются без изменений. Так, Верховный Суд РФ не усмотрел оснований для отмены приговора в связи тем, что подсудимый и его адвокат неоднократно в присутствии присяжных заседателей пытались сообщить данные, не относящиеся к фактическим обстоятельствам дела. «На протяжении всего судебного заседания, в тех случаях, когда подсудимый и его адвокат пытались сообщить данные, не относящиеся к фактическим обстоятельствам дела, председательствующим делались соответствующие замечания, а присяжным заседателям разъяснялось, что при вынесении вердикта они не должны принимать во внимание эти высказывания подсудимого и адвоката.» [10].

В таком ключе возникает вопрос, какие нарушения порядка исследования доказательств и в каком количестве должны признаваться существенными, а какие нет? Данный вопрос в законодательстве не урегулирован. В этой связи сторонам по делу следует учитывать, что нарушение порядка исследования доказательств по делу, в том числе

доведение до сведения присяжных заседателей сведений о личности подсудимого, может повлечь отмену приговора.

Положения ч. 8 ст. 335 УПК не содержат запрета на исследование в присутствии присяжных заседателей сведений о личности потерпевшего, свидетелей. Верховный Суд РФ придерживается позиции о запрете исследования данных о личности свидетелей и потерпевшего. Так, в одном из своих апелляционных определений он указал, что «по смыслу ч. 8 ст. 335 запрет об исследовании указанных данных распространяется не только на подсудимого, но и на свидетелей» [11].

Представляется, что вопрос о возможности исследования в присутствии присяжных заседателей данных о личности потерпевшего, свидетелей, иных участников уголовного судопроизводства должен быть урегулирован в УПК РФ.

Список используемой литературы и источников

1. Адвокат-защитник в суде с участием присяжных заседателей [Текст]: монография / [А.И. Амелин и др.; под ред. Л.Д. Калинкиной]. - Саранск, 2017. - С. 95.
2. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 11.02.2013 г. № 33-О13-1сп [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-прав. системы «Консультант Плюс».
3. Урлеков, Н.В. Институт присяжных заседателей: правовые основы деятельности и процессуальные особенности рассмотрения уголовных дел [Текст]: автореф. дисс...канд.юрид.наук / Н.В.Урлеков.- Владимир, 2010. -С. 18.
4. Волколуп, О.В., Стус, Н.В. Допустимость доказательств и правила ее установления в судебном разбирательстве с участием присяжных заседателей / О.В.Волколуп, Н.В.Стус // Российский судья. -2007. -№ 5. [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-прав. системы «Консультант Плюс».
5. Кассационное определение СК по уголовным делам Верховного Суда РФ от 10 августа 2005 г. № 58-о05-33сп [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-прав. системы «Консультант Плюс».
6. Кассационное определение СК по уголовным делам Верховного Суда РФ от 5 мая 2011 г. № 41-О11-43СП [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-прав. системы «Консультант Плюс».
7. Насонов, С.А. Актуальные проблемы судебного следствия в суде присяжных и подходы к их разрешению // Актуальные проблемы российского права.- 2014.- № 6. [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
8. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 27 июня 2018 г. № 19-АПУ18-12СП [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-прав. системы «Консультант Плюс».
9. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 05.09.2017 г. № 33-АПУ17-21сп [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-прав. системы «Консультант Плюс».
10. Кассационное определение СК по уголовным делам Верховного Суда РФ от 10 декабря 2010 г. № 48-010-149СП [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-прав. системы «Консультант Плюс».
11. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 13 ноября 2014 г. № 33-АПУ14-24сп [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-прав. системы «Консультант Плюс».

УДК 343.13

*А.М. Харламова, курсант факультета подготовки специалистов ГИБДД, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова
Научный руководитель: Е.А. Семенов, канд. юрид. наук, старший преподаватель кафедры уголовного процесса, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова*

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ДОМАШНЕГО АРЕСТА

В указанной статье автор обращается к процессуальным аспектам избрания меры пресечения в виде домашнего ареста, с учетом современной нормативной регламентации анализирует вопросы применения указанной меры пресечения.

Ключевые слова: *домашний арест, меры пресечения, меры процессуального принуждения, запрет определенных действий.*

THE CRIMINAL PROCEDURAL ASPECTS OF THE APPLICATION OF A PREVENTIVE MEASURE IN THE FORM OF HOUSE ARREST

In this article, the author refers to the procedural aspects of the election of a preventive measure in the form of house arrest, taking into account the modern normative regulation, analyzes the application of this preventive measure.

Keywords: *house arrest, preventive measures, measures of procedural coercion, prohibition of certain actions.*

Мера пресечения в виде домашнего ареста появилась в Уголовно-процессуальном кодексе РФ (далее – УПК РФ) сравнительно недавно. Домашний арест вводился в уголовно-процессуальное законодательство России в качестве альтернативы заключению под стражу, что обусловлено стремлением законодателя сократить практику избрания и применения меры пресечения в виде заключения и содержания под стражей, а также обеспечить должную изоляцию подозреваемых и обвиняемых, к которым по медицинским показателям нельзя было бы применить заключение под стражу. В то же время, домашний арест остается второй по строгости мерой пресечения, значительно ограничивающей свободу личности [2, с. 347].

Несмотря на продолжительное действие рассматриваемой меры пресечения, практика ее применения является минимальной по сравнению с такой мерой пресечения, как заключение под стражу. Так, согласно статистике Судебного департамента Верховного суда РФ в 2018 году судами было удовлетворено 6 329 ходатайств об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста. Для сравнения можно привести статистические данные удовлетворения ходатайств о заключении под стражу: в 2018 году – 102 165 ходатайства [1].

При избрании меры пресечения в виде домашнего ареста, суд определяет конкретное жилое помещение, которое является местом исполнения данной меры. Здесь возникает вопрос, если подозреваемый, обвиняемый проживает в таком помещении не на правах собственника, а на договорных началах, например, по договору найма жилого помещения или договору безвозмездного пользования, то нужно ли учитывать мнение собственника такого недвижимого имущества? Собственник может быть против того, чтобы на территории его собственности исполнялась мера пресечения и расторгнуть с нанимателем договор, что является существенным препятствием для исполнения домашнего ареста. В таком случае можно предложить решение данной проблемы - изменить избранную меру на иную, которая не будет сопряжена с изоляцией от общества, например, на залог или личное поручительство.

Неконкретность предписаний закона, отсутствие возможности обеспечить должную изоляцию обвиняемого или подозреваемого, подвергнутого домашнему аресту, а также неопределенность и сложность в механизме контроля за данными лицами – все это относится к причинам нечастого (по сравнению с заключением под стражу) назначения и применения домашнего ареста в качестве меры пресечения.

В соответствии со статьей 107 УПК РФ домашний арест избирается в отношении подозреваемого или обвиняемого при невозможности применения более мягкой меры пресечения и заключается в нахождении подозреваемого или обвиняемого в изоляции от общества в жилом помещении с возложением запретов и осуществлением за ним контроля.

Сущность исследуемой меры пресечения заключается в ограничении личной свободы подозреваемого или обвиняемого, полной изоляцией от общества и установлении запретов, предусмотренных пунктами 3-5 части 6 статьи 105.1 УПК РФ (общаться с определенными лицами; отправлять и получать почтово-телеграфные отправления; использовать средства связи и информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет»). Законодатель, закрепив в статье 107 УПК РФ домашний арест в качестве меры пресечения, поставил перед правоприменителем определенные сложности и проблемы, которые до сих пор так и не решены [4, с. 319].

Так, существуют проблемы, возникающие с определением места исполнения домашнего ареста. В Постановлении Пленума Верховного суда РФ отмечается, что под жилым помещением понимается любое «жилое помещение независимо от формы собственности, входящее в жилищный фонд и используемое для постоянного или временного проживания, а равно иное помещение или строение, не входящее в жилищный фонд, но используемое для проживания», если оно отвечает требованиям, предъявляемым к жилым помещениям [3]. Однако за рамками данного толкования Верховным судом РФ остались неблагоустроенные жилые дома, в которых помещения для личной гигиены находятся в пределах земельного участка.

Из рассмотренной проблемы вытекает следующая, которая заключается в том, что в уголовно-процессуальном законодательстве отсутствует закрепление о необходимости получения согласия лиц, проживающих совместно с лицом, в отношении которого избирается домашний арест, когда они все проживают в одном жилом помещении, определенном местом исполнения меры пресечения. Решение данной проблемы мы видим в закреплении в нормах уголовно-процессуального закона положения о необходимости привлечения в судебное разбирательство при рассмотрении ходатайства об избрании меры пресечения лиц, чьи права и свободы могут быть затронуты при применении указанной меры. Данный порядок в последующем предотвратил бы жалобы, поступающие в суд, содержащие факты нарушения прав и законных интересов граждан.

Еще одной из актуальных проблем, возникающей в связи с применением домашнего ареста, является отсутствие реальной возможности реализовать запрет на общение с определенным кругом лиц. Когда на лицо не возложен запрет на выход за пределы жилого помещения, обеспечивающий полную изоляцию от общества, невозможно полностью проконтролировать все его действия. Он вполне может встретиться с определенным лицом, даже без предыдущего сговора, например, если он является соседом или же просто известно его место жительства либо место работы. Невозможно на практике обеспечить полный контроль, даже если, предположим, «проставить» на время выхода из жилого помещения к подозреваемому, обвиняемому сотрудника правоохранительных органов (что невозможно ввиду нехватки кадров). Поскольку и при полной изоляции, при желании, лицо вполне может обойти этот запрет путем применения средств связи [5, с. 181].

С большими трудностями можно встретиться при осуществлении контроля за использованием средств связи и ИТКС «Интернет».

Решить данную проблему можно несколькими способами. Во-первых, можно оборудовать жилые помещения камерами видеонаблюдения, однако здесь необходимо иметь в виду, что может быть нарушение конституционных прав иных, проживающие в помещении лиц. Во-вторых, эффективным будет осуществление неожиданных профилактических проверок по месту жительства арестованного лица с целью выявления электронных устройств, запрещенных к использованию. Целесообразно составлять опись устройств, с которых возможен выход в Интернет, а также уведомлять операторов мобильной связи о возложенных ограничениях, которые могут оказать содействие в обеспечении контроля за исполнением запретов, налагаемых посредством избрания домашнего ареста. В-третьих, необходимо проводить мониторинг социальных сетей и мессенджеров, поскольку в них отражается последнее время пользования аккаунтом, то есть можно проследить активность в сети Интернет и выявить нарушение наложенного запрета.

Еще одной серьезно проблемой, которая актуальна ввиду своего нового появления, является внесение законодательных изменений в систему мер пресечения. Запрет определенных действий, который по своему содержанию перенял некоторые положения из домашнего ареста, на практике вызвал много трудностей и путаницы. Правоприменители еще не до конца разобрались в новой норме и допускают ошибки как в ее применении, так и в применении домашнего ареста, поскольку перестроиться и организовать работу по новому законодательству всегда достаточно проблематично и не всегда получается с первого раза и без двойки трактовки норм. Мнения практических работников по поводу эффективности и целесообразности внесения изменений в систему мер пресечения разделяются. Одни положительно отреагировали, поскольку домашний арест содержал в себе запреты разного характера, а выделение части запретов в новую норму послужило облегчению применения мер и усилению осуществляемого контроля за лицами. Другие, негативно отзываясь о внесенных изменениях, ссылаясь на то, что нет никакой необходимости «перегружать» закон, выделяя из одних норм другие, поскольку это все усложняет процесс расследования. Они указывают также и на то, что если законом допускалось применение не всех запретов, которые могут быть наложены ввиду применения домашнего ареста, то какой смысл выделять часть из содержания этой меры и переносить ее в новую, которая по сути не требует какой-то необходимости.

Несмотря на имеющиеся пробелы и недостатки законодательства в сфере исполнения домашнего ареста, необходимо сказать, что в целом современный уровень развития техники позволяет эффективно осуществлять контроль за исполнением подозреваемым, обвиняемым установленных запретов.

Список используемой литературы и источников

1. Данные судебной статистики: Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс] // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 19.07.2019).

2. Заровный, Д.Н. Актуальные проблемы применения меры пресечения в виде домашнего ареста в уголовном процессе Российской Федерации // Актуальные вопросы права, экономики и управления [Текст] / Д.Н.Заровный.- Пенза, 2019. -С. 347-349.

3. «О порядке применения аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля, которые могут использоваться в целях осуществления контроля за нахождением подозреваемого или обвиняемого в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением им наложенных судом запретов и (или) ограничений» [Текст]: постановление Правительства Российской Федерации от 18 февраля 2013 г. № 134 // Российская газета. - 2013. - № 6015 (39).

4. Семенов, Е.А., Харьбин, А.Ю. Альтернатива заключению под стражу есть // Современное уголовно-процессуальное право - уроки истории и проблемы дальнейшего

реформирования [Текст]: Сборник материалов Международной научно-практической конференции. К 300-летию российской полиции/ Под редакцией Е.Б. Гришина. – М., 2018. - С. 318-324.

5. Шараева, Я.А. Актуальные проблемы исполнения домашнего ареста и пути их решения [Текст] / Я.А.Шараева // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях. - Иркутск, 2019.- С. 180-182.

УДК 343.94

А.В. Хлопотной, студент юридического факультета ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (г. Курск), khlopotnoy97@mail.ru

Научный руководитель: М.В. Шайкова, канд. психол. наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (г. Курск)

ПРОИЗВОДСТВО ЭКСПЕРТИЗЫ В ОТНОШЕНИИ ЛИЦ, СОВЕРШИВШИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРИ НАЛИЧИИ ПАРАНОИДНОГО РАССТРОЙСТВА

Данная статья посвящена рассмотрению вопроса, связанного с исследованием процесса исследования лиц, совершивших преступления при наличии параноидного расстройства. Рассмотрены основные виды параноидного состояния, а также приведена общая характеристика назначения лечения.

Ключевые слова: Уголовный кодекс (далее – УК РФ), параноидное расстройство, ограниченная вменяемость, невменяемость, личность, лечение

EXAMINATION AGAINST PERSONS WHO COMMITTED CRIMES IN THE PRESENCE OF A PARANOID DISORDER

This article is devoted to the consideration of the issue related to the study of the process of investigation of persons who committed crimes in the presence of paranoid disorder. The authors studied the main types of paranoid state, as well as a general description of the purpose of treatment.

Keywords: Penal Code (hereinafter - the Criminal Code of the Russian Federation), paranoid disorder, limited sanity, insanity, personality, treatment

Изучение параноидных состояний, возникающих на психопатической почве, представляет теоретический и практический интерес как для общей, так и для судебной психиатрии. Влияние фобулы параноидных идей на поведение, социальный облик больного не подлежит сомнению. Особенно убедительно такая связь прослеживается на примерах общественно опасных действий, обусловленных доминирующими, сверхценными, параноидными бредовыми идеями. Подобные случаи, требуют особенно точного клинического анализа, дифференциально-диагностического отграничения с учетом разрешения вопроса в экспертной оценке.

Истинная распространенность расстройств личности с параноидными идеями в настоящее время остается неизвестной. По данным американских исследователей (DSM-IV), частота встречаемости параноидного расстройства личности составляет 0,5-2,5% в общем населении, 10-20% среди стационарных больных и 2-10%, лечущихся амбулаторно. Общее число испытуемых с расстройствами личности и склонностью к формированию параноидных идей по отношению ко всем испытуемым, прошедших судебно-психиатрическую экспертизу, составляет 1-1,5% [2, с. 17].

В судебно-психиатрической практике у подэкспертных встречаются различные варианты параноидных состояний: доминирующие, сверхценные идеи, патологические сверхценные идеи («сверхценный бред») при различных формах рас-

строительств личности, параноидальные бредовые идеи при параноидальном развитии личности. Эти состояния различаются по своей характеристике, интенсивности, частоте возникновения, судебно-психиатрической оценке.

Доминирующие идеи возникают в молодом возрасте (20—30 лет) при различных формах расстройств личности в результате длительного накопления психотравмирующих переживаний (ревность, предвзятость, ревность, реальное или мнимое ущемление прав) [3, с. 56]. Сами идеи носят конкретный характер, имеют мощный аффективный заряд, периодически занимают главенствующее положение в сознании в зависимости от значимости ситуации. Длительность их существования относительно невелика (до года). По мере частичного или полного разрешения ситуации идеи со временем нивелируются. В момент возникновения сила эмоционального напряжения, насыщенности, аффективной заряженности велика, прогностические функции снижены, чем объясняется их повышенная криминогенность.

Сверхценные идеи возникают в более зрелом возрасте (25–45 лет) на фоне субъективно сложной психотравмирующей ситуации, выступают побудителем узконаправленной деятельности в соответствии с содержанием. Для них характерна большая стойкость и длительность по сравнению с доминирующими идеями, снижение критики в отношении идей наряду с правильным пониманием и дифференциацией событий. По фабуле преобладают идеи предвзятости, презрения, суждения, сутяжные тенденции, переоценки психологических и биологических свойств личности.

Патологические сверхценные идеи («сверхценный бред») носят затаенный характер с тенденцией к систематизации и генерализации, нарушением критических способностей и прогностических функций. Их возникновение также связано с реальной или субъективно переоцениваемой психической травмой [4, с. 45]. Содержание идей не выходит за рамки психотравмирующей ситуации. Иные психогенные воздействия, не связанные с основным источником переживаний, расширяют фабулу идеи.

В настоящее время производство экспертизы в отношении лиц, совершивших преступления при наличии параноидного расстройства, усложнилось. Введение в УК РФ категории «ограниченная вменяемость» дает дифференцированный подход к объяснению объективной стороны деяния, что вызвало значительную трудность в оценке индивидуально-личностных и ситуационных факторов.

Как утверждает А.Р. Мохонько, лишь 2,2% всех форм психопатических личностей подпадают под действие ст. 22 УК РФ [5, с. 45]. Поэтому процедура признания чело́века невменяемым-вменяемым носит дискуссионный характер.

При рассмотрении общественно опасных действий не может не обратит внимание на то, что большинство испытуемых к уголовной ответственности не привлекались. К числу редких правонарушений со стороны психопатических личностей относят хулиганства, кражи, грабежи, а потом уже преступления против жизни и здоровья – 73%, против общественной безопасности – 41%, против собственности – 26% [6].

Мотивация правонарушений. В соответствии с классификацией В.В. Гурьдана, совершались по аффектогенному мотиву и психопатической актуализации [7, с. 281].

В наблюдениях подэкспертных рекомендовалось считать вменяемыми, когда сверхценные идеи были конкретны, не переходили за пределы психотравмирующего фактора, формировались в определенных, субъективно значимых для обследуемых ситуациях. Отмечалась легкость обратного развития идей при частично разрешенной конфликтной ситуации, возможность кор-

рекции сверхценных идей, правильное понимание индифферентных событий окружающей действительности, озабоченность последствиями своих поступков. При совершении преступления либо содержание идей не отражалось на характере криминала, либо отмечалась склонность к образованию сверхценных переживаний в судебно-следственной ситуации после привлечения к уголовной ответственности (идеи предвзятости, суждения, сутяжная деятельность), критические способности и прогностические функции были нарушены.

Ограничено вменяемыми признавались подэкспертными со сверхценными и доминирующими идеями. У подэкспертных наблюдалась декомпенсация состояния, выражающаяся в заострении присущих личностных черт, временном снижении социальной приспособляемости, снижении критической оценки своих суждений. Сверхценные идеи (предвзятость, отношения, физической неполноценности и ущербности, сутяжные тенденции, реформаторства, изобретательства) отличались большей стойкостью. Незадолго до правонарушения у подэкспертных отмечалось состояние неустойчивой компенсации, которое к моменту совершения преступления сменялось декомпенсацией.

Однако, существуют случаи, когда наблюдалось выраженное эмоциональное напряжение в момент совершения правонарушения, возникшее в ходе острой психотравмирующей ситуации. Содержание идей непосредственно отражалось на характере криминала. Протиправные действия совершались спонтанно, без предварительного планирования. При совершении преступления отмечалась неадекватность действий испытуемого, недоучет последствий своих поступков, снижение волевого контроля, кататимность мышления с углублением сверхценных идей. В силу личностных особенностей испытуемые сами «подогревали» в себе негативные чувства по отношению к потерпевшим.

В судебно-психиатрической практике, выделяют два типа принудительно го лечения в стационарах общего и специализированного типа [8, с. 112].

Критериями направления подэкспертных на принудительное лечение в стационар специализированного типа являлись аффективно заряженные сверхценные идеи, направление на конкретных лиц, нарушение критических способностей за счет чрезмерной охватченности сверхценными идеями, бредовая трактовка окружающего, наличие индуцированных аффективно заряженных сверхценных идей у реципиентов, склонность к агрессивным действиям, выраженную социальную опустошенность, тяжкое общественно опасное деяние, выраженные нарушения критических способностей и прогностических функций.

Испытуемым рекомендовалось принудительное лечение в психиатрическом стационаре общего типа, если правонарушение не являлось особо тяжким, не было направлено на конкретных лиц, совершалось с целью привлечь внимание к своим проблемам, параноидальные бредовые идеи имели тенденцию к снижению аффективной напряженности. Подэкспертным с выраженными стойкими бредовыми идеями против конкретных существующих лиц, тенденцией к повторению общественно опасных действий рекомендовалось принудительное лечение в психиатрическом стационаре специализированного типа с интенсивным наблюдением.

Хотя характер лечения определяется типом расстройства личности, существуют некоторые и другие общие принципы. Поскольку большинство людей с расстройствами личности не видят необходимости в медицинской помощи, побуждение обычно исходит от кого-либо со стороны. Тем не менее человек, как правило, реагирует на доброжелательное, но настойчивое разъяснение того, что

его стиль поведения ведет к негативным последствиям. Такое разъяснение обычно более эффективно, если исходит от родных или психотерапевта.

Психотерапевт постоянно обращает внимание на негативные последствия не правильного поведения, и иногда рекомендует соблюдать определенные правила и обращает внимание пациента на окружающую реальность. Привлечение родственников к психотерапии чрезвычайно полезно и важно, поскольку их влияние часто очень эффективно. Групповая и семейная терапия, участие в работе терапевтических групп и групп самопомощи могут также быть полезными в процессе лечения [9, с. 548].

Если у пациента с расстройством личности в динамике отмечаются другие состояния, в частности депрессия, фобия, тревога или паника, назначаются лекарства, но они в этом случае приносят лишь частичное облегчение. Более того, больные расстройством личности часто нарушают режим применения медикаментозных препаратов и совершают попытки самоубийства.

Облегчения основных симптомов дезадаптации, таких как безрассудство, социальная изоляция, отсутствие уверенности в себе, эмоциональные вспышки, можно достичь методами поведенческой терапии.

Коррекция (исправление) патологических защитных механизмов и поведенческих реакций достигается длительной психотерапией, направленной на то, чтобы помочь человеку понять причины своей тревоги и осознать дезадаптивность своего поведения.

Таким образом, на основании всего вышеизложенного следует, что криминальное поведение субъектов с расстройствами личности детерминировано как биологически, так и социальными факторами – это аксиома, которую разделяют многие отечественные и зарубежные авторы.

Между патологией личности и преступным поведением существует тесная связь, считается, что расстройство личности в определенной мере является «судебно-психиатрическим диагнозом». Так, параноидное расстройство во многом обусловлено глубокими личностными комплексами, характером, темпераментом, нарушением контроля над импульсами, фрустрацией, инстинктивным стремлением к разрушению.

Список используемой литературы и источников

1. Уголовный кодекс Российской Федерации [Текст]: федер. закон: [принят 13 июня 1996 г.; в ред. от 02.08.2019] // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обновления 05.10.2019).
2. Аксенов, М.М., Юсан, Е.В., Рыбалко М.И. Влияние психогенных факторов на клиническую динамику расстройств личности [Текст] / М.М.Аксенов, Е.В.Юсан, М.И.Рыбалко // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. – Томск, 2004. - №1 (31). - С. 17-21.
3. Антонян, Ю.М. Причины преступного поведения [Текст]/Ю.М.Антонян. - М., 1992.-115с.
4. Дмитриева, Т.Б., Шостакович, Б.В. Ограниченная вменяемость и расстройства личности [Текст] / Т.Б.Дмитриева, Б.В.Шостакович // Архив психиатрии. Киев. - 2001. - № 4(27). - С.45-49.
5. Опря, Н.А. Параноидные состояния с идеями ревности [Текст]: дис... докт. мед. наук /Н.А.Опря.- Кишинев, 1980. - 375с.
6. Чуркин, А.А., Творогова, А.А. Психическая помощь населению РФ 1999-2000. [Текст] / А.А.Чуркин, А.А.Творогова // Аналитический обзор.- М., 2002.
7. Чиж, В.Ф. Параноический характер (ч.1). [Текст] / В.Ф.Чиж // Вестник психологии, криминальной антропологии, гипнотизма. - 2008. - №4. - С. 281-294.
8. Шайкова, М.В. Судебно- психологическая экспертиза как средство доказывания в уголовном судопроизводстве // Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федера-

ции: 15 лет правоприменения [Текст]: сборник научных статей, посвященный 15-летию принятия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. - Курск, 2016. - С. 112-116.

9. Шайкова, М.В. Особенности назначения и производства судебно-психологической экспертизы несовершеннолетних // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях [Текст]: материалы VII Международной научно-практической конференции. - 2019. - С. 548-553

УДК 343.132

В.В. Хролин, магистрант ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (г. Курск)

Научный руководитель: И.Н. Чеботарева, канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (г. Курск)

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА ПРИ ПРОВЕДЕНИИ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПОЛЕ

В современном мире на международной правовой арене образовался институт защиты прав человека от различных не законных или же неправильно оформленных действий со стороны государства и принудительных органов, и их подразделений, регулярно появляются проблемы с применением тех или иных норм при защите прав человека, возникает большое количество коллизий в сравнении международного и внутреннего законодательства, в связи с чем в данной статье производится сравнение законодательства России и Украины по отношению к международному законодательству в области защиты прав человека.

Ключевые слова: защита прав человека, права человека, государство, конвенция, Конституция, Уголовно-процессуальный кодекс, следственные действия.

ENSURING HUMAN RIGHTS DURING INVESTIGATIVE ACTIONS IN THE INTERNATIONAL FIELD

In the modern world, in the international legal arena, an institution has been formed to protect human rights from various unlawful or incorrectly executed actions on the part of the state and coercive bodies and their units, problems regularly arise with the application of certain norms in protecting human rights, a large number of conflicts arise in comparison of international and domestic legislation, in connection with which this article compares the legislation of Russia and Ukraine in relation to international law to human rights protection.

Keywords: protection of human rights, human rights, state, convention, Constitution, Code of Criminal Procedure, investigative actions.

В современном мире на международной правовой арене образовался институт защиты прав человека от различных не законных или же неправильно оформленных действий со стороны государства и принудительных органов, и их подразделений. К примеру, возможно взять следственные органы в системе правоохранительных органов разных стран, которые в свою очередь из-за целей своего государства или принципов которых оно придерживается нарушают ту или иную международную норму.

В связи с чем регулярно разрабатывается и совершенствуется направление обеспечение прав человека, в данном случае при проведении следственных действий.

Так согласно ч.1 ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее по тексту - Конвенция):

«1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:

а) законное содержание под стражей лица, осужденного компетентным судом; б) законное задержание или заключение под стражу (арест) лица за неисполнение вынесенного в соответствии с законом решения суда или с целью обеспечения исполнения любого обязательства, предписанного законом;

с) законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения;

д) заключение под стражу несовершеннолетнего лица на основании законного постановления для воспитательного надзора или его законное заключение под стражу, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом; е) законное заключение под стражу лиц с целью предотвращения распространения инфекционных заболеваний, а также законное заключение под стражу душевнобольных, алкоголиков, наркоманов или бродяг;

ф) законное задержание или заключение под стражу лица с целью предотвращения его незаконного въезда в страну или лица, против которого принимаются меры по его высылке или выдаче.»

Также согласно ст. 13 Конвенции каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве.

Конституцией Российской Федерации предусмотрено, в положениях ст. 23, а именно: что каждый человек имеет право на, не прикосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени. Также положением данной статьи предусмотрено, что каждый имеет право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Ограничение этого права допускается только на основании судебного решения.

В уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее по тексту - УПК) предусмотрено п. 4,5,11,12 ч.2 ст.29:

4) о производстве осмотра жилища при отсутствии согласия проживающих в нем лиц;

5) о производстве обыска и (или) выемки в жилище;

11) о контроле и записи телефонных и иных переговоров;

12) о получении информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами.

Данные решения находятся в исключительной компетенции суда. Что являет собой гарантии обеспечения прав человека на территории Российской Федерации при проведении следственных действий.

Так проводя аналогию с Украиной можно сказать следующее, согласно ст. 3 Конституции Украины:

«Человек, его жизнь и здоровье, честь и достоинство, неприкосновенность и безопасность признаются в Украине наивысшей социальной ценностью.

Права и свободы человека и их гарантии определяют содержание и направленность деятельности государства. Государство отвечает перед человеком за свою деятельность. Утверждение и обеспечение прав и свобод человека является главной обязанностью государства.»

Согласно ст. 9 Конституции Украины:

«Действующие международные договоры, согласие на обязательность которых дано Верховной Радой Украины, являются частью национального законодательства Украины.

Заключение международных договоров, противоречащих Конституции Украины, возможно только после внесения соответствующих изменений в Конституцию Украины.»

Так исходя из положений ст. 9 Конституции Украины возможно сказать, что положения Конвенции о защите прав человека и основных свобод, участником которой и является Украина, закреплены не посредственно в Конституции Украины, что является признаком приерживании страной международных договоров.

Так согласно ст. 31 Конституции Украины:

«Каждому гарантируется тайна переписки, телефонных разговоров, телеграфной и другой корреспонденции. Исключения могут быть установлены только судом в случаях, предусмотренных законом, с целью предотвратить преступление или установить истину при расследовании уголовного дела, если другими способами получить информацию невозможно».

На основании ст. 246 Уголовно-процессуального кодекса Украины могут проводиться не гласные следственные действия, а именно:

1. Негласные следственные (розыскные) действия - это разновидность следователей (розыскных) действий, сведения о факте и методы проведения которых не подлежат разглашению, за исключением случаев, предусмотренных настоящим Кодексом.

2. Негласные следственные (розыскные) действия проводятся в случаях, если сведения о преступлении и лице, его совершившем, невозможно получить другим способом. Негласные следственные (розыскные) действия, предусмотренные статьями 260, 261, 262, 263, 264 (в части действий, проводимых на основании постановления следственного судьи), 267, 269, 270, 271, 272, 274 настоящего Кодекса, производятся исключительно в уголовном производстве по тяжких или особо тяжких преступлений.

3. Решение о проведении негласных следственных (розыскных) действий принимает следователь, прокурор, а в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом, - следственный судья по ходатайству прокурора или по ходатайству следователя, согласованному с прокурором. Следователь обязан сообщить прокурору о принятии решения о проведении определенных негласных следственных (розыскных) действий и полученные результаты. Прокурор вправе запретить проведение или прекратить дальнейшее проведение негласных следственных (розыскных) действий.

4. Исключительно прокурор вправе принять решение о проведении такой негласной следователя (розыскной) действия, как контроль за совершением преступления.

Таким образом, введения в силу ст. 246 УПК Украины идет в разрез с конституцией Украины, более того положения данной нормы идут в разрез с международным законодательством, обеспечивающим права человека. Что является грубым нарушением международного законодательства, которого в соответствии с Конституцией Украина придерживается.

В международном законодательстве, а именно Конвенции основополагающими принципами выступает, что в отношении любого лица следственные действия проводятся только на основании решения суда.

В законодательстве Российской Федерации усматривается, что для проведения особых следственных действий как запись телефонных переговоров, открытие тайны переписки, как и в Конституции РФ возможно только по мотивированному решению суда.

В Законодательстве Украины имеются явные расхождения среди Конвенции, участником которой она является – Конституции – УПК, при проведении следственных ме-

попятий согласно УПК могут нарушаться, ограничиваться права человека только лишь на основании решения Прокурора.

Таким образом проведя аналогию в обеспечении прав человека при проведении следственных действий на примере международного законодательства – России – Украины можно сказать, что Россия в целом идет в ногу с Международным сообществом, внося изменения в внутреннее законодательство страны по обеспечению прав человека, однако же Украина, являясь членом Евросоюза принимает отнюдь другие решения в разрез своего Конституционного строя, не говоря уже о международном законодательстве.

Таким образом с учетом изложенного, учитывая международную практику и практику Украины, можем предложить при разработке или внесении изменений в законодательство России придерживаться верного и намеченного курса в соответствии с международными Договорами касающихся прав и свобод, а также гарантий человека.

Список используемой литературы и источников

1. Конституция Российской Федерации [Текст]: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обновления 05.10.2019).

2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод [Текст]: ETS № 005 (Рим, 4 ноября 1950 г.) (с изменениями и дополнениями от 21 сентября 1970 г., 20 декабря 1971 г., 1 января, 6 ноября 1990 г., 11 мая 1994)// Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обновления 05.10.2019).

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Текст]: федеральный закон от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 11.10.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 21.10.2018) // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обновления 05.10.2019).

4. Конституция Украины с изменениями и дополнениями, внесенными от 2 июня 2016 года N 1401-VIII

5. Уголовно-процессуальный кодекс Украины от 5 июля 2012 года N 5076-VI, ОВУ, 2012 р., N 62, ст. 2509 с изменениями от 12 июля 2018 года N 2509-VIII, ОВУ, 2018 р., N 63, ст. 2170.

УДК 343.13

И.Н. Цыкунова, канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса УО «ГГУ им. Ф. Скорины» (Республика Беларусь, г. Гомель)

МЕДИАЦИЯ КАК СПОСОБ РАЗРЕШЕНИЯ КОНФЛИКТА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Статья посвящена исследованию сущности медиации как альтернативного способа разрешения конфликта, вытекающего из факта совершения лицом общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом. Автор приходит к выводу о возможности введения процедуры медиации в уголовный процесс Республики Беларусь ввиду наличия законодательно закрепленной основы применения примирительной формы разрешения уголовно-правового спора как на досудебных стадиях уголовного процесса, так и в ходе судебного производства.

Ключевые слова: уголовный процесс, уголовно-правовой конфликт, примирение, медиация, восстановительная юстиция.

MEDIATION AS A WAY TO RESOLVE THE CONFLICT IN CRIMINAL PROCEEDINGS

The article is devoted to the study of the essence of mediation as an alternative way to resolve the conflict arising from the fact of a person committing a socially dangerous act provided for by criminal law. The author comes to the conclusion about the possibility of introducing the mediation procedure into the criminal process of the Republic of Belarus in view of the presence of a legislatively fixed basis for the application of a conciliation form of resolving a criminal legal dispute both at the pre-trial stages of the criminal process and during the trial.

Keywords: criminal proceedings, criminal law conflict, reconciliation, mediation, restorative justice.

Несмотря на установление единого порядка производства по материалам и уголовному делу, что предусмотрено ст. 1 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь 1999 г. (далее – УПК), для отечественного уголовного процесса характерны тенденции к выделению производств по отдельным категориям уголовных дел, которые направлены или на усиление процессуальных гарантий, или позволяющих ускорить, упростить традиционные процедуры, т.е. к дифференциации процессуальной формы. Дифференциации уголовного процесса способствует развитие способов реагирования государства на нарушение уголовного закона в рамках концепции восстановительного правосудия или восстановительной юстиции, которую считают мировой тенденцией развития уголовного процесса.

Восстановительная юстиция представляет собой «совокупность учений о способах реагирования на противоправные деяния, в основе которых лежит идея о необходимости примирения сторон конфликта, возникающего в результате противоправного деяния, с целью восстановления нормального порядка, существовавшего до совершения деяния, удовлетворения интересов стороны, которой деянием причинен вред, а также исправления и ресоциализации лица, совершившего деяние. Идея восстановительной юстиции основана на использовании альтернативных уголовному преследованию механизмов, основанных на примирении сторон конфликта и позволяющих разрешать уголовно-правовые конфликты с наибольшим положительным эффектом для сторон... Одним из наиболее эффективных способов разрешения конфликтов в рамках данной концепции является медиация» [1, с. 2].

Медиация и иные практические формы реализации концепции восстановительной юстиции рассматриваются доктриной как альтернативы уголовному преследованию. Само понятие «альтернатива» предполагает существование некоего общепринятого способа совершения того или иного действия, поскольку альтернатива имеет место только относительно чего-либо. Таким образом, говоря об альтернативах уголовному преследованию как о способе реагирования на преступление, обычно имеются в виду такие способы и механизмы, которые позволяют устранять последствия преступления иным путем, без применения процедур, установленных законодательством в качестве обычно используемых [2, с. 42]. «Под альтернативами уголовному преследованию ... следует понимать меры, применяемые в досудебных и судебных стадиях уголовного процесса до разрешения дела по существу и сопряженные с заменой традиционных способов реакции государства на нарушения уголовного закона (уголовного преследования и косвенно наказания) иными формами реакции на него при условии, что для начала, продолжения и завершения уголовного преследования имеются юридические и фактические основания» [3].

Альтернативные меры направлены на решение множества задач. Они: а) способствуют разрешению кризиса традиционной концепции реакции государства на нарушение уголовного закона и преодолению её различных негативных эффектов;

б) позволяют найти оптимальные способы разрешения конфликтов, возникающих в связи с совершением, как правило, нетяжких преступлений (альтернативы уголовному преследованию, уголовной ответственности, уголовному наказанию);

в) дают возможность использовать наряду с методом принуждения метод поощрения;

г) способствуют дифференциации, ускорению, упрощению процесса, что снижает нагрузку на уголовную юстицию, которая может больше внимания уделить опасной преступности и тяжким преступлениям;

д) максимально быстро, в кратчайшие сроки восстанавливают права потерпевшего;

е) смягчают действие принципа целесообразности возбуждения уголовного дела и являются способом борьбы с полным отказом государства от реакции на конкретное преступление в некоторых зарубежных странах [4, с. 54].

Термин «медиация» происходит от латинского *mediare* и английского *mediation*, что означает посредничество. В Новом толково-словообразовательном словаре русского языка Т. Ф. Ефремовой медиация определяется как «международное посредничество, мирный способ разрешения международных споров при содействии государства, не участвующего в споре» [5], т.е. применительно к сфере международного права. По мнению Л. В. Ивановой, «понятие «медиация» – многогранное правовое явление, которое может быть рассмотрено системно как статичный элемент (альтернативный способ урегулирования споров), так и динамичный элемент (процесс ведения переговоров)» [6].

Законодательное определение медиации закреплено в ст. 1 Закона Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 58-З «О медиации» (далее – Закон О медиации). Закон О медиации допускает применение медиации в целях урегулирования споров, возникающих из гражданских правоотношений, в том числе в связи с осуществлением предпринимательской и иной хозяйственной (экономической) деятельности, а также споров, возникающих из трудовых и семейных правоотношений и не распространяется на урегулирование споров, вытекающих из уголовно-правовых отношений.

В соответствии со ст. 1 Закона О медиации «медиация – переговоры сторон с участием медиатора в целях урегулирования спора (споров) сторон путем выработки ими взаимоприемлемого соглашения» [7]. Из данного определения можно выделить следующие признаки медиации: 1) это переговоры сторон; 2) участие медиатора – физического лица, отвечающего требованиям Закона О медиации, участвующего в качестве незаинтересованного лица в целях содействия сторонам в урегулировании спора (споров); 3) цель медиации – урегулирование спора (споров); 4) выработка взаимоприемлемого соглашения. Указанные признаки, по нашему мнению, необходимо учитывать при определении сущности медиации как альтернативного способа разрешения конфликта, вытекающего из факта совершения лицом общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом.

В юридической литературе представлено большое количество определений медиации в уголовном судопроизводстве и предложено несколько моделей проведения медиативных процедур в рамках производства по уголовным делам. Суть всех определений сводится к способу разрешения уголовно-правового спора с помощью медиатора.

«Медиацию в уголовном процессе можно определить как альтернативный способ разрешения уголовно-правового конфликта при помощи посредника-медиатора. Это способ, добровольно определяемый сторонами уголовного процесса с целью их примирения.

При этом медиация имеет следующие признаки, отличающие ее от состязательного (традиционного или карательного) правосудия:

– добровольность ее применения сторонами уголовного процесса;

– упрощенная и неформальная процедура, основывающаяся на сотрудничестве сторон;

– самостоятельность выбора как самого медиатора, так и варианта окончательного решения уголовно-правового конфликта сторонами уголовного процесса;

– нейтральность посредника медиатора как обязанность по закону;

– неразглашение сведений, ставших известными в результате урегулирования данного конфликта (конфиденциальность).

Медиация характеризуется как самостоятельная процедура, дополнительно применяемая в рамках уголовного процесса с целью примирения сторон и прекращения уголовного преследования. Все же принципиальное отличие медиации от уголовного процесса заключается в предоставлении обвиняемому возможности найти компромисс с потерпевшим, возместить причиненный вред» [8, с. 104-105].

А. А. Арутюнян видит институт медиации в качестве дополнительной меры уголовно-процессуального характера, направленной на достижение примирения между обвиняемым и потерпевшим с целью прекращения уголовного преследования или вынесения судебного решения в упрощенном порядке с учетом соглашения, достигнутого сторонами [1, с. 13].

В уголовно-процессуальном законодательстве Республики Беларусь отсутствуют правовые нормы, регулирующие институт медиации по уголовным делам. Однако мы согласны с мнением Л. Л. Зайцевой, что «ст. 89 УК и п. 4 ч. 1 ст. 30 УПК могут рассматриваться в качестве базы для появления в Беларуси практики медиации» [9, с. 55]. В частности, ст. 30 УПК предусматривает возможность прекращения судом, прокурором или следователем с согласия прокурора производства по уголовному делу с освобождением лица, совершившего преступление, не представляющее большой общественной опасности, или впервые совершившего менее тяжкое преступление, от уголовной ответственности, если оно примирилось с потерпевшим и загладило причиненный преступлением вред [10].

Несмотря на то, что «институт примирения потерпевшего с обвиняемым является одним из альтернативных способов разрешения уголовно-правового конфликта без применения уголовного наказания» [11], институт медиации необходимо рассматривать как самостоятельную правовую категорию, которая применительно к сфере уголовно-процессуальных отношений не является тождественной примирению.

Самостоятельность института медиации в уголовном процессе описывается в юридической литературе через призму определения понятия «медиация в уголовном процессе»; выявления признаков медиации; определения соответствующих оснований дифференциации ее применения (по определенным категориям преступлений); закрепления в уголовно-процессуальном законодательстве понятия, прав и обязанностей медиатора, оснований его допуска к участию в производстве по уголовному делу; формулирования модели медиации для разрешения уголовно-правового конфликта в национальной правовой системе; разработки и предложения индивидуальной исправительной программы лица, совершившего преступление, как ресоциализационной составляющей медиации.

Полагаем, введение процедуры медиации в уголовный процесс Республики Беларусь не только возможно, как уже было отмечено, ввиду наличия законодательно закрепленной основы применения примирительной формы разрешения уголовно-правового спора, но и целесообразно. При этом применение медиации возможно как на досудебных стадиях уголовного процесса, так и в ходе судебного производства. Рассматривая медиацию как альтернативный самостоятельный способ разрешения конфликта, думается, медиация может применяться для его внесудебного урегулирования, т.е. на досудебных стадиях уголовного процесса по делам о преступлениях определенной категории в зависимости от характера и степени общественной опасности, с заключением ме-

диативного соглашения, которое станет основанием прекращения уголовного преследования лица, совершившего преступление. В ходе судебного производства медиативные процедуры возможны по уголовным делам частного обвинения.

Список используемой литературы и источников

1. Арутюнян, А. А. Медиация в уголовном процессе [Электронный ресурс]: автореф. дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.09 / Арутюнян Анна Аветиковна; МГУ им. М. В. Ломоносова. – М., 2012. – 31 с. // Диссертации по праву. - URL: <http://lawtheses.com/mediatsiya-v-ugolovnom-protssesse#ixzz5hdccZIFq>(дата обращения 05.03.2019).

2. Арутюнян, А. А. Концепция восстановительной юстиции и медиация в уголовном судопроизводстве [Текст] / А. А. Арутюнян // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11. Право. – 2011. – № 5. – С. 31-44.

3. Головкин, Л. В. Альтернативы уголовному преследованию как форма процессуальной дифференциации (современные тенденции развития) [Электронный ресурс]: автореферат дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Головкин Леонид Витальевич; МГУ им. М. В. Ломоносова. – М., 2003. – 54 с. // Диссертации по праву. - URL: <http://lawtheses.com/alternativy-ugolovnomu-presledovaniyu-kak-forma-protssessualnoy-differentsiatsii#ixzz630uK87Au> (дата обращения 05.10.2019).

4. Кузьмина, О. В. Альтернативные способы разрешения уголовно-правовых конфликтов в российском праве [Электронный ресурс] / О. В. Кузьмина // Lex Russica (Русский закон). – 2015. – № 1 (Том ХСVIII). – С. 51-58. // URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/alternativnye-sposoby-razresheniya-ugolovno-pravovykh-konfliktov-v-rossiyskom-prave> (дата обращения 05.10.2019).

5. Ефремова, Т. Ф. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка / Т. Ф. Ефремова. – Москва: Русский язык, 2000 [Электронный ресурс] // «Словари онлайн». // URL: <http://efremova.slovaronline.com/> (дата обращения 07.03.2019).

6. Иванова, Л. В. К вопросу о понятии медиации в российском праве [Электронный ресурс] / Л. В. Иванова // Молодой ученый. – 2015. – №13. – С. 514-516. // URL: <http://moluch.ru/archive/93/20818/> (дата обращения 09.03.2019).

7. О медиации [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 12 июля 2013 г., № 58-З: с изм. и доп. по сост. на 5 янв. 2016 г. № 355-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

8. Мицкая, Е. В. Медиация в уголовном процессе Республики Казахстан [Электронный ресурс] / Е. В. Мицкая // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. – 2018. –Т. 18. – Вып. 3. – С. 103–121. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/mediatsiya-v-ugolovnom-protssesse-respubliki-kazahstan> (дата обращения 28.02.2019).

9. Альтернативное разрешение споров в уголовном процессе [Текст]: учеб.-метод. пособие / Л. Л. Зайцева [и др.]; под ред. У. Хелльманна, С. А. Балашенко, Л. Л. Зайцевой. – Минск: Изд. центр БГУ, 2015. – 223 с.

10. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 16 июля 1999 г., № 295-З: принят Палатой представителей 24 июня 1999 г.: одобрен Советом Респ. 30 июня 1999 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.01.2019 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

11. Зайцева, Л. Л. Институт примирения в уголовном процессе Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Л. Л. Зайцева // Электронная библиотека БГУ. – URL: <http://elilib.bsu.by/handle/123456789/12572> (дата обращения 28.02.2019).

УДК 343.133

*А.В. Цымбалова, студент юридического факультета ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (г. Курск), tsymbalova.anna99@mail.ru
Научный руководитель: Д.О. Чистилина, старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (г. Курск)*

**ПРОБЛЕМЫ ВНУТРЕННЕГО УБЕЖДЕНИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ
ПРИ ПРИВЛЕЧЕНИИ ЛИЦА В КАЧЕСТВЕ ОБВИНЯЕМОГО**

В рамках данной статьи автором предпринята попытка исследования внутреннего убеждения следователя при привлечении лица в качестве обвиняемого. Затрагиваются проблемы принципа презумпции невиновности.

Ключевые слова: следователь, независимость, самостоятельность, внутреннее убеждение, совесть.

**PROBLEMS OF INTERNAL PERSUASION OF THE INVESTIGATOR IN BRINGING
A PERSON AS ACCUSED**

Within the framework of this article, the author attempts to investigate the investigator's internal conviction when bringing a person as an accused. Issues of the presumption of innocence are raised.

Keywords: investigator, independence, independence, internal belief, conscience.

Современное уголовное судопроизводство содержит немало нормативных предписаний, основанных на возможности следователя принять альтернативное решение по уголовному делу.

С одной стороны, такая позиция законодателя позволяет лицам, производящим расследование, проявить свое усмотрение в обосновании своего решения, с другой - есть возможность «произвола» решения, чего, безусловно, допустить нельзя. Отдельные положения УПК РФ (ст. 24-28) наделяют следователя полномочиями по разрешению уголовного дела. Тем самым закон поставил перед учеными и практическими работниками вопросы о том, каково же объективное направление деятельности следователя и каким надлежит быть его наилучшее правовое положение, которое будет соответствовать выполняемой им функции.

Внутреннее убеждение выражается в способности должностного лица принимать решения, не основываясь ни на чьем ином мнении, кроме своего собственного, причем ему надлежит руководствоваться законом и совестью. Из нормы закона следует, что внутреннее убеждение следователя не образуется случайно, неоправданно, оно должно быть основано на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств [4, с. 35].

Ввиду существования споров о природе и особенности формирования внутреннего убеждения следователя при привлечении лица в качестве обвиняемого в теории уголовного процесса до сих пор не сформировалось единого подхода к определению этого понятия.

Необходимо отметить, что до настоящего времени в теории уголовного процесса акцент делался в основном на соотношение презумпции невиновности с внутренним убеждением следователя в виновности обвиняемого и практически не предпринимались попытки исследования определения влияния уровня профессионального правосознания следователя на применение принципа презумпции невиновности при расследовании по уголовному делу. Кроме того, существование такого негативного явления как обвинительный уклон еще более усложняет положение.

Безусловно, следователь должен быть убежден в виновности лица при привлечении его в качестве обвиняемого, однако необходимо помнить, что это решение не является окончательным, поэтому последующее обращение с обвиняемым не должно выходить за нравственные и правовые рамки. Данное положение дел не попирает принцип презумпции невиновности, а лишь устанавливает, что следователь провел расследование и пришел к определенному выводу, который в последующем может быть опровергнут судом [3, с.31-34]. В связи с этим считаем, что наиболее существенную роль в реализации принципа презумпции невиновности и устранении обвинительного уклона, играет профессиональное правосознание лиц, ведущих расследование.

Уголовно-процессуальная идея внутреннего убеждения создавалась в рамках западноевропейского мышления. Соответственно «в методологическом плане потенциал внутреннего убеждения, сформированной в рамках западноевропейской (французской) культуры не может оказать действенного воздействия на уголовно-процессуальную деятельность в Российской Федерации, без внесения в него смысла и значения, обусловленной культурой, менталитетом и мировоззрением российского народа» [7, с. 109], и эту мысль, на наш взгляд, отрицать бессмысленно.

Традиционно выделяется несколько подходов к пониманию внутреннего убеждения следователя, которое рассматривают в качестве способа или метода оценки доказательств, собранных по уголовному делу, как принцип, в соответствии с которым доказательства оцениваются. Сама основа, из которой проистекает данное понятие, также является предметом дискуссии. Вместе с этим, значение внутреннего убеждения следователя при привлечении лица в качестве обвиняемого в целом в уголовном процессе сложно переоценить, ведь именно от сформировавшегося внутреннего убеждения следователя зависит успех поиска виновного лица и привлечения его в качестве обвиняемого [2, с. 301].

Ряд авторов, раскрывая понятие «внутреннее убеждение», определяют его через субъективно-объективную категорию [6, с. 232]. Думается - это не совсем уместно. Внутреннее убеждение на то и внутреннее, что характерно для конкретного субъекта уголовно-процессуальной деятельности, имеет строго индивидуальный характер и может отличаться от убеждения иных субъектов.

На наш взгляд, внутреннее убеждение следователя стоит наряду с законом, но все-таки в большей степени должно формироваться на основе совести. Внутреннее убеждение, есть с одной стороны, результат познавательной деятельности, т.е. убеждение в наличии или отсутствии каких-либо фактических обстоятельств, а с другой, находясь субъекта (лица), оценивающего доказательства, в состоянии определенных духовных эмоций.

То есть должностное лицо, осуществляющее предварительное следствие, должно самостоятельно выбирать тот круг следственных и процессуальных действий, который наиболее целесообразен в каждом конкретном случае. Он определяет интенсивность хода предварительного расследования, тактику производства мероприятий, а также наиболее эффективные алгоритмы, позволяющие достичь цели, которая закреплена в ст. 6 УПК РФ. Однако главное, на наш взгляд, это то, что самостоятельность и независимость следователя не должны влечь за собой негативные последствия в виде некачественного расследования уголовных дел [8, с. 340].

Приведем примеры из судебной практики. Так, в апелляционном постановлении Курского областного суда по делу П. нашли отражение следующие факты: органами предварительного расследования П. обвинялся в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч.2 ст.238 УК РФ - оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни и здоровья потребителей, которые повлекли по неосторожности смерть человека.

Суд указал, что обвинительное заключение по делу составлено с нарушением требований УПК РФ, что исключает возможность постановления судом приговора или вынесения иного решения на основе данного заключения, поскольку в обвинительном заключении существо обвинения, способ совершения преступления и другие обстоятельства, имеющие значение для дела, не соответствуют доказательствам, подтверждающим обвинение, изложенным в обвинительном заключении, содержащимся в материалах дела и установленными в суде. То есть, следователь ошибочно интерпретировал собранные по делу факты, исходя из внутреннего убеждения, самостоятельно посчитал, что собранные им данные устанавливают и подтверждают суть дела, однако с этим не согласился суд [1].

Следователь, используя имеющиеся у него полномочия, совершает аналитическую, субъективно обусловленную работу по анализу и оценке доказательств, применяя их к конкретной следственной ситуации и тем самым определяя возможность их использования в качестве основания для привлечения лица в качестве обвиняемого. При этом основания образуются системой как юридических, так и фактических элементов, каждый из которых может являться ключевым. Внутреннее убеждение и правильность его формирования оценивается как обоснованное и допустимое на основании имеющихся в материалах дела сведений. При этом внутреннее убеждение не может быть неверно, более того, действующее законодательство не содержит какой-либо ответственности правоприменителя за то, что у последнего сложилось неверное внутреннее убеждение, что определяет убеждение именно как процедуру субъективную, схожую с усмотрением [5, с. 133].

Принципиальное положение о том, что в ходе производства по уголовному делу, когда ни само событие преступления, ни виновность в его совершении заподозренного лица еще не доказаны в предусмотренном законом порядке, преждевременной является сама постановка вопроса о соизмерении вреда, наступившего вследствие совершения преступления, и вреда, причиняемого в ходе расследования и раскрытия этого преступления. Думается, что такая возможность противоречит не только презумпции невиновности, но и требованию справедливости, поскольку до вынесения в отношении лица обвинительного приговора его справедливо считать невиновным.

В силу действия в уголовном процессе презумпции невиновности (ст. 14 УПК РФ), наличие любых сомнений в виновности человека в совершении преступления, с одной стороны, приводит к тому, что преступление так и остается не раскрытым и виновный не осужден за его совершение, то есть истина по делу так и не была установлена, с другой же стороны сомнения выступают в качестве положительной движущей силы уголовного процесса, и побуждают представителей правоохранительных органов к дальнейшим поискам данных, которые в своей совокупности позволят установить уже не вероятностное, а категорическое объективное знание.

Таким образом, анализ процессуального законодательства позволяет сделать вывод о нормативной основе для существования в российском уголовном процессе усмотрения как единственной формы реализации процессуальной самостоятельности следователя. Допущение усмотрения делает следственную деятельность более гибкой, позволяет следователю самостоятельно выбирать вариант наиболее целесообразного поведения как в стадии возбуждения уголовного дела, так и в стадии предварительного расследования. Характер усмотрения, его пределы зависят от степени определенности правового предписания, закрепленного в УПК РФ.

Формирование внутреннего убеждения следователя является сложным и многоаспектным явлением, под которым мы понимаем: получение определенного знания о фактах, которые имели место в прошлом; формирование в сознании человека, исследующего доказательства категоричного вывода, основанного на собранных и исследованных доказательствах и уверенность в его правильности; возникновение особого ро-

да эмоций, побуждающих к принятию предусмотренных законом процессуальных решений.

Список используемой литературы и источников

1. Апелляционное постановление Курского областного суда от 29 марта 2018 года по делу №22-326-2018 г. [Электронный ресурс] // [https://sudact.ru/ regular/doc/IewkAiuWaadn/](https://sudact.ru/regular/doc/IewkAiuWaadn/) (дата обращения 20.10.2019).
2. Буранова, Н. Проблемы понимания внутреннего убеждения следователя при принятии уголовно-процессуальных решений [Текст] / Н.Буранова // Евразийский юридический журнал. -2019. -№ 2 (129).- С. 300-301.
3. Козьявин, А.А., Чистилина, Д.О. Гражданский контроль и гражданское содействие в сфере борьбы с преступностью [Текст] / А.А.Козьявин, Д.О.Чистилина //Гражданское общество в России и за рубежом. -2018. -№ 1. -С. 31 -34.
4. Кунашев, М.А. Понятие усмотрения следователя [Текст] / М.А.Кунашев // Российский следователь. -2019. -№ 2. -С. 35-39.
5. Морозова, Т.А., Малькина, В.Ю. К вопросу о процессуальных гарантиях, обеспечивающих самостоятельность следователя // В сборнике: Актуальные проблемы науки и практики [Текст]: Сборник научных трудов. -2019. - С. 132-135.
6. Морозова, Т.А. Некоторые обстоятельства, способствующие формированию внутреннего убеждения субъектов, осуществляющих предварительное расследование // В сборнике: Деятельность правоохранительных органов в современных условиях[Текст]: Сборник материалов XXIII международной научно-практической конференции. В 2-х томах. -2018. -С. 231-234.
7. Середнев, В.А. К вопросу о профанации реализации принципа свободы оценки доказательств в уголовном судопроизводстве [Текст] / В.А.Середнев // Экономика. Социология. Право. -2019. -№ 2 (14). -С. 107-116.
8. Соркин, В.С. Внутреннее убеждение как метод и результат оценки доказательств в уголовном деле // В книге: Борьба с преступностью: теория и практика [Текст]: Тезисы докладов VI Международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию образования Могилевского института МВД/ Ответственный редактор Ю.А. Матвейчев.-2018. -С. 338-341.

УДК 343.13

И.Н. Чеботарева, канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (г. Курск)

**МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ ДЛЯ «СИСТЕМ ОТКАЗА
ОТ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА» В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ**

В статье исследуются «системы отказа от судебного разбирательства», как общее понятие, включающее различные национальные практики внутри отдельных государств, характеризующиеся разными рода преференциями со стороны государства для обвиняемых, признавших свою вину и отказавшихся от своего права на состязательное судебное разбирательство, изучаются положительные и отрицательные стороны данных практик, а также минимальные требования, которым они должны соответствовать.

Ключевые слова: правосудие, судебное разбирательство, отказ от судебного разбирательства, особый порядок судебного разбирательства

**INTERNATIONAL STANDARDS FOR TRIAL WAIVER SYSTEMS IN THE CRIMINAL
PROCEDURE**

The article examines the Trial Waiver Systems, as a general concept that includes various national practices within individual states, characterized by various kinds of preferences by the state for defendants who pleaded guilty and renounced their right to an adversarial trial, examines the positive and negative parties to these practices, as well as the minimum requirements that they must meet.

Keywords: justice, trial, waiver of trial, Trial Waiver Systems

Судебное разбирательство является центральной частью уголовного процесса вне зависимости от того, к какому типу относится процесс и каким традициям следует. Именно в этой стадии путем исследования доказательств в ходе состязательной процедуры решается вопрос о виновности или невиновности лица, обвиняемого в совершении преступления, и назначении наказания.

В 2018 году Комитет по правовым вопросам и правам человека Парламентской ассамблеи ООН обратил внимание на то, что во многих государствах-членах Совета Европы и в государствах, имеющих статус наблюдателя или другой статус в Совете Европы или Ассамблее, обычное уголовное правосудие постепенно заменяется различными формами отказа от судебного разбирательства [1].

Под «отказом от судебного разбирательства» понимается «процедура, не запрещенная законом, в соответствии с которой обвиняемые по уголовным делам соглашаются признать вину и/или сотрудничать со следственным органом в обмен на некоторую выгоду от государства, чаще всего в форме уменьшения обвинения и/или более низкого наказания». Механизмы, которые допускают такую практику, в международных документах называют «системы отказа от судебного разбирательства» (Trial Waiver Systems (сокращенно – TWS). Внутри государств они могут принимать различную форму, такую как «заключение сделки о признании вины», «признание вины», «упрощенные процедуры», «сокращенные судебные процессы» и прочие. Общим для этих систем является согласие обвиняемого отказаться от полного судебного права в обмен на уступку со стороны государств. Признаками, отличающими «отказ от судебного разбирательства» от схожих процедур (например, от альтернатив уголовному преследованию), являются следующие: во-первых, обвиняемый признает вину, во-вторых, эти соглашения приводят к осуждению обвиняемого. Третьим признаком является то, что возможность смягчения наказания при признании вины, согласии с обвинением или выражением раскаяния не имеет дискреционной формы, представляет собой надежные, последовательные, систематические и предсказуемые сокращения наказания в обмен на отказ обвиняемого от судебного разбирательства или сотрудничество.

Термин «отказ от судебного разбирательства» является общим, включающим в себя терминологию, применяемую в национальном контексте, если обратиться к конкретным юрисдикциям.

В зависимости от стимулов, которые предлагает государство, выделяют четыре основных типа отказа от судебного разбирательства.

1) отказ от судебного разбирательства, обусловленный возможностью применения наказания меньшего размера (могут быть уменьшены тип наказания и/или его размер) за совершенное преступление;

2) отказ от судебного разбирательства обусловлен тем, что некоторые факты преступления остаются не расследованными или не принимаются во внимание в обмен на признание других, менее серьезных фактов со стороны обвиняемого;

3) отказ от судебного разбирательства, обусловленный уменьшением обвинения против обвиняемого (например, инкриминировано причинение смерти по неосторожности вместо убийства) и/или его прекращением;

4) отказ от судебного разбирательства, обусловленный сотрудничеством с так называемыми привилегированными свидетелями, которые предоставляют доказательства против других в обмен на мягкое наказание для себя.

Преимущества и риски несколько различаются в зависимости от типа рассматриваемой системы отказа, но многие проблемы касаются всех вариантов этой практики.

Проведенное неправительственной организацией «Fair Trial International» эмпирическое исследование более чем в 90 юрисдикциях показывает, что во многих государствах обычные уголовные процессы постепенно заменяются различными формами «систем отказа от судебного разбирательства», а в целом ряде стран лишь меньшинство уголовных приговоров выносятся по результатам обычных судебных процедур [2]. Например, в США «сделки» практически полностью заменили судебные процессы и применяются в 97% уголовных дел. Суд становится архетипом уголовного правосудия и начинает исчезать – к такому выводу пришли исследователи. Во многих частях мира судебные процессы заменяются правовыми режимами, которые побуждают подозреваемых признать вину и отказаться от их права на полное судебное разбирательство. Из 90 стран, где проводилось исследование, в 66 в настоящее время существуют системы «отказа от судебного разбирательства», а в 1990 году их было всего 19. Анализ распространения указанных систем свидетельствует, что после того, как они вводятся в государстве, они быстро начинают доминировать. В Грузии, например, 12,7% дел были разрешены с помощью системы переговоров о признании вины в 2005 году, а к 2012 году они значительно выросли до 87,8% дел. На сегодняшний день в том или ином виде системы отказа от судебного разбирательства имеются в 30 странах-членах Совета Европы, где демонстрируется значительный рост числа дел, разрешенных посредством таких процедур, и очевидна тенденция к замене традиционного уголовного процесса различными типами систем отказа от судебного разбирательства.

В Российской Федерации признаками, характерными для «системы отказа от судебного разбирательства», обладают особый порядок рассмотрения уголовного дела при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением, предусмотренный главой 40 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ) и досудебное соглашение о сотрудничестве (глава 40.1 УПК РФ).

В 2010 году всего было рассмотрено 1027,35 тыс. уголовных дел из них 553,1 тыс. в особом порядке (54%), в 2014 году из 902,51 тыс. рассмотренных уголовных дел 598,81 тыс. была рассмотрена в особом порядке (66%), в 2017 году всего было рассмотрено 854,1 тыс. уголовных дел, из которых 594,32 тыс. была рассмотрена в особом порядке (70%).

В порядке, предусмотренном главой 40.1 УПК РФ в 2011 году было рассмотрено примерно 0,3 %, в 2015 году – чуть меньше 0,5 %, в 2017 году – чуть больше 0,5 % [3].

Указанная тенденция по замене судебного разбирательства обстоятельством вызывает определенную обеспокоенность. В своем докладе ПАСЕ Б.Чилевич обращает внимание на быстрое развитие систем отказа от судебного разбирательства в странах Центральной и Восточной Европы, которое он связывает с влиянием США на внедрение «переговоров о признании вины», существующей в американской правовой системе, при реформировании вновь созданных демократий [1].

Однако еще 17 сентября 1987 года на 410-м заседании Представителей Министров Комитета Министров Совета Европы была принята Рекомендация N R (87) 18 государствам-членам «Об упрощении уголовного правосудия». Необходимость ее принятия была обусловлена ростом числа уголовных дел, направляемых в суды, и особенно тех, по которым предусмотрены мелкие наказания, проблемами, вызываемыми длительностью судопроизводства (учитывая тот факт, что задержка в раскрытии преступлений ведет к дискредитации уголовного права и сказывается на надлежном отправлении правосудия). При этом принималось во внимание, что задержки в отправлении уголов-

ного правосудия могут быть устранены не только выделением особых ресурсов и способом их использования, но также более четким определением приоритетов проведения уголовной политики относительно формы и содержания уголовных процедур, в частности применением принципа дискреционного преследования, а также использованием так называемых суммарных процедур, внесудебного урегулирования компетентными органами, как возможной альтернативы преследованию, так называемых упрощенных процедур и упрощения обычных судебных процедур. Предполагалось, что указанные способы могут быть применены в случаях, когда речь идет о малозначительных и массовых преступлениях.

Среди способов упрощения обычных судебных процедур среди прочего внимание акцентировалось на слушаниях в суде первой инстанции. Отмечалось, что если конституционные и правовые традиции допускают это, то должна быть введена процедура «признания вины», при которой от обвиняемого требуется явка в суд на ранней стадии производства, чтобы заявить в суде публично, принимает ли он или отвергает обвинения против себя, или должны быть введены подобные процедуры. В таких случаях суд первой инстанции должен быть в состоянии решать, обойтись ли без всего процесса расследования или части его и немедленно перейти к рассмотрению личности правонарушителя, вынесению приговора и, по возможности, решению вопроса о компенсации (пункт 6). Процедура «заявления подсудимого о признании своей вины» должна быть выполнена в суде на слушании в открытом заседании. Обвиняемый должен признать выдвинутое против него обвинение, до вынесения приговора в рамках данной процедуры у судьи должна быть возможность заслушать обе стороны по делу.

Очевидно, что системы отказа от судебного разбирательства имеют явные потенциальные преимущества:

1.) они экономят ресурсы, которые потребуются для полного и тщательного расследования всех предполагаемых преступлений и проведения полного судебного процесса в открытом суде. Некоторые менее серьезные, но более часто совершаемые правонарушения, могут не оправдывать вложение средств, необходимых для регулярного судебного разбирательства;

2.) они способствуют концентрации ограниченных правоохранительных ресурсов на четко определенных приоритетных сферах преступной деятельности;

3.) они могут помочь в борьбе с организованной преступностью, отмыванием денег и другими формами сложной преступности, когда проникновению в замкнутые криминальные структуры может способствовать способность прокуроров предлагать «сделки» потенциальным «привилегированным» свидетелям;

4.) они позволяют подозреваемым, которые признают свою вину и готовы нести наказание, избежать длительного предварительного следствия, которое может ограничить их права.

Но системы отказа от судебного разбирательства также имеют серьезные недостатки:

1.) они открыты для злоупотреблений как со стороны обвинения, так и со стороны защиты. Прокурор может угрожать подсудимому неоправданно суровым приговором, если он или она не признаются, даже при отсутствии достаточных доказательств; и адвокат защиты может заманить перегруженного прокурора в сложном деле принятием частичного признания и мягким наказанием, игнорируя при этом другую, более серьезную преступную деятельность. Как правило, первый тип злоупотреблений характерен для молодых и бедных правонарушителей, тогда как второй тип характерен для «состоятельных преступников с белыми воротничками»;

2.) избавляя прокуроров от необходимости доводить дело до суда, широкое распространение отказов от судебного разбирательства со временем сказывается на способности властей проводить тщательные расследования;

3.) тайна «заключения сделок» подрывает доверие общественности к судебной системе и справедливому и недискриминационному применению закона;

4.) увеличивая потенциал системы уголовного правосудия по рассмотрению дел, заключение сделок о признании вины увеличивает общее количество уголовных приговоров. Это увеличение («эффект расширения сети») может быть несовместимо с оптимальной политикой в области уголовного правосудия, и стоимость содержания получающегося в результате большего количества числа заключенных вполне может свести на нет судебные ресурсы, сэкономленные отказом от судебного разбирательства.

Таким образом, с одной стороны, эти системы экономят ресурсы и помогают в борьбе с организованной преступностью, позволяя прокурорам предлагать «соглашение» важным свидетелям. С другой стороны, они имеют серьезные недостатки, поскольку открыты для злоупотреблений как со стороны обвинения, так и со стороны защиты. Секретность таких сделок подрывает доверие общественности к судебной системе и справедливому недискриминационному применению закона.

Одновременно докладчик в ПАСЕ Борис Чичевич обращает внимание на существенные различия в системах уголовного правосудия в самой Европе и между Европой и США, в частности, наличием широких полномочий прокуроров (прокуратуры), которые при отсутствии сильной защиты и активной роли суда чреваты рисками злоупотреблений, когда «сделка о признании вины» может превратиться в шантаж» [1].

Указанные обстоятельства обусловили необходимость разработки Комитетом по правовым вопросам и правам человека Совета Европы надлежащих гарантий, позволяющих государствам пользоваться потенциальными выгодами системы отказа от судебного разбирательства, сведя к минимуму угрозу правам человека, которые были сформулированы в Резолюции ПАСЕ [4].

К ним относятся: 1.) обязательное привлечение адвоката; 2.) установление минимального уровня расследования преступления, лежащего в основе соглашения о признании вины; 3.) раскрытие результатов расследования, что требует судебного контроля ключевых элементов соглашения о признании вины (включая достоверность и добровольность лежащего в основе признания); 4.) соразмерность санкций, вытекающих из соглашения о признании вины; 5.) запрет на отказ от права на апелляцию и 6.) контроль за предвзятостью и дискриминацией.

Список используемой литературы и источников

1. Отчет Комитета по правовым вопросам и правам человека ПАСЕ «Ведение дел в уголовном процессе: необходимость в минимальных стандартах для систем отказа от судебного разбирательства» (Deal making in criminal proceedings: the need for minimum standards for trial waiver systems) PASE Doc. № 14618 (2018) от 19.09.2018 года [Электронный ресурс] // URL: <http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-DocDetails-EN.asp?FileID=25041&lang=EN> (на англ.) (дата обращения 01.11.2019)

2. The Disappearing Trial: A global study into the spread and growth in trial waiver systems (Исчезающий суд: глобальное исследование распространения и роста систем отказа от судебного разбирательства) [Электронный ресурс] // URL: <https://www.fairtrials.org/publication/disappearing-trial-report> (на англ.) (дата обращения 01.11.2019)

3. Обзор о деятельности судов о деятельности судов общей юрисдикции и мировых судей в 2010, 2011, 2014, 2015, 2017 году. Судебный департамент при верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс] // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=80> (дата обращения 01.11.2019)

4. Резолюция ПАСЕ RES 2245 от 12.10.2018 «Ведение дел в уголовном процессе: необходимость в минимальных стандартах для систем отказа от судебного разбирательства» [Электронный ресурс] // URL: <http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-DocDetails-EN.asp?FileID=25188&lang=EN> (на англ.) (дата обращения 01.11.2019)

УДК 343.94

*И.А. Чебыкина, студент юридического факультета ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (г. Курск), ira.chebykina.97@mail.ru
Научный руководитель: М.В. Шайкова, канд. психол. наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (г. Курск)*

ПРИМЕНЕНИЕ НЕТРАДИЦИОННЫХ МЕТОДОВ В ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНАХ

Данная статья посвящена рассмотрению вопроса, связанного с исследованием нетрадиционных методов распознавания лжи, применяемые в правоохранительных органах в России и за рубежом

Ключевые слова: *технические средства: полиграф, голосовой детектор лжи, аппаратно-программный комплекс (АПК) компьютерного психосемантического анализа (КПСА) MindReader.*

APPLICATION OF NON-TRADITIONAL METHODS IN PROCEDURAL ACTIVITIES IN LAW ENFORCEMENT BODIES

This article is devoted to the consideration of the issue related to the study of non-traditional methods of lie recognition used in law enforcement agencies in Russia and abroad

Keywords: *hardware: polygraph, voice lie detector, hardware-software complex (AIC) of computer psychosemantic analysis (KPSA) MindReader.*

Получить информацию о прошлом человека можно объективными методами, например, проверкой по базам учёта. Иногда необходимо выявить его причастность к недавним событиям, а также намерения совершить противоправные действия. Во многих случаях подобную информацию может предоставить только сам человек, но, как правило, он этого делать не хочет. В таких ситуациях помогают методы считывания информации непосредственно из памяти субъекта.

Условно такие методы можно разделить на типы по нескольким признакам: по каналу считывания информации – опосредованные (через психофизиологические реакции) и непосредственные (непосредственно из психики); по типу датчиков – контактные и бесконтактные; по типу предъявляемых стимулов и фиксируемых реакций – осознаваемые и неосознаваемые; по необходимости участия специалиста в интерпретации результатов – субъективные и объективные; по осведомлённости субъекта о проведении процедуры – явные и скрытые [1, с. 126].

Сегодня существует метод проверок на детекторе лжи – полиграфе. Полиграф – это детектор эмоций, измеряющий совокупность вегетативных физиологических функций, которые вызваны той или иной эмоцией человека, что позволяет классифицировать значимость воздействующих на испытуемого стимулов. На основе полученных данных опытный специалист-полиграфолог с определённой долей вероятности может дать заключение о причастности обследуемого к тому или иному факту. Применение полиграфа дает возможность не только определить наиболее перспективные направления расследования уголовного дела, но и помочь невиновным лицам, подозреваемым в совершении преступления, доказать свою невиновность.

В условиях стремительного развития научно-технического прогресса его достижениями пользуются не только законопослушные граждане и организации, поэтому использование новых интеллектуальных технических средств и криминалистических методик в деле борьбы с преступностью определяет актуальность использования инструментальной детекции лжи в ходе проведения оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности.

На сегодняшний день прогресс современного научного знания и связанный с ним возрастающий профессионализм преступников обусловил использование полиграфа как научно-технического средства в процессуальной деятельности правоохранительных и судебных органов [2, с. 36].

Бесспорно, что применение полиграфа в оперативно-розыскной деятельности себя полностью оправдало, но с применением инструментальной детекции в процессуальных условиях возникает целый ряд проблем.

Среди основных — кадровая: в системе правоохранительных органов, несмотря на достаточное количество специалистов-полиграфологов, имеется дефицит профессионалов, способных проводить опросы в процессуальных условиях.

В связи с этим необходимо отметить, что согласно ст. 58 УПК РФ специалистом является «лицо, обладающее специальными знаниями, привлекаемое к участию в процессуальных действиях в порядке, установленном настоящим Кодексом, для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела». Так как специалист-полиграфолог удовлетворяет всем предъявляемым требованиям, вышеприведенная норма формально позволяет проводить опросы с использованием полиграфа в процессуальных условиях.

Один из ведущих экспертов РФ Ю.К. Орлов считает, что «результатом исследовательских действий специалиста могут быть только наглядно воспринимаемые факты, имеющие общедоступный характер и понятные всем участникам следственного действия, в том числе понятым, которые должны засвидетельствовать эти факты» [3, с. 18].

Применение полиграфа порождает целый ряд проблем не только правового, но и морального-этического характера, который также должен быть всесторонне исследован и получить соответствующее решение.

По мнению авторитетного отечественного криминалиста, Р.С. Белкина, «полиграф не является средством проникновения в мысли и чувства испытуемого, он лишь регистрирует возникновение и наличие тех или иных эмоций» [4, с. 37]. В своих работах классик отечественной криминалистики более двадцати лет назад доказал процессуальную, тактическую, техническую и этическую обоснованность применения полиграфа в уголовном производстве. Он выделял два возможных случая применения полиграфа при расследовании преступлений: 1) проведение судебной экспертизы; 2) участие специалиста-психолога в подготовке к производству следственного действия.

Мы считаем, что полиграф, отвечающий установленным стандартам и требованиям безопасности, регистрирует только психофизиологические реакции опрашиваемого лица и не оказывает никакого влияния на человека.

На сегодняшний день ни у кого не вызывает сомнений, что психофизиологическая экспертиза с применением инструментальной детекции лжи как метод установления истины в доказательственном процессе российского судопроизводства уже доказала свою состоятельность.

Ещё один из нетрадиционных методов — использование голосового детектора лжи. Созданный американскими учеными компьютерный голосовой анализатор стресса (Computer Voice Stress Analyzer — CVSA) позволяет только по голосу выявить ложь. Этот прибор «считывает» человеческие эмоции и производит их детальный анализ, а также получает физиологические параметры голосовой волны [5, с. 86].

Параметры, по которым можно регистрировать ложь, следующие: во-первых, учащенное дыхание человека, во-вторых, появление колебаний в голосе. Третьим параметром анализа и исследования являются изменения тональности голоса и четвертым — вибрирование мышц голосового механизма.

Самым распространённым методом оценки лояльности и благонадежности является индивидуальная беседа. Это может быть собеседование в ситуации с сотрудником

службы безопасности в случае чрезвычайного происшествия. Здесь огромную роль играет опыт того, кто проводит беседу. При наличии такого специалиста эффективность данного метода достаточно высока, хотя любой специалист может оказаться в сложной ситуации и допустить ошибку.

Оценить человеческие риски можно нестандартно, применив аппаратно-программный комплекс (АПК) компьютерного психосемантического анализа (КПСА) MindReader [6, с. 308].

Процедура тестирования на АПК MindReader заключается в том, что испытуемому в неосознаваемом режиме, т.е. очень быстро, на экране монитора предъявляются стимулы — слова, короткие фразы или изображения, сгруппированные по темам. Человек не успевает прочитать слова и осознать изображения, но психика их воспринимает и реагирует.

Другим методом выступает, виброизображение — это изображение, каждая точка которого характеризует параметры вибрации и движения объекта.

Система виброизображения проводит автоматический мониторинг уровня эмоций, таких как стресс, агрессия и тревожность, а также осуществляет детекцию лжи в режиме реального времени. Данная технология позволяет опосредованно через психофизиологические реакции, бесконтактно, скрытно, в осознаваемом режиме (в форме свободной беседы) оценивать эмоциональное состояние субъекта.

Как показывают результаты многочисленных экспериментов отечественных и зарубежных исследователей, в наибольшей степени сложность мыслительной деятельности выражается в длительности фиксации взгляда. Максимальная длительность фиксаций в сложных условиях умственной деятельности может достигать нескольких десятков секунд [7, с. 746].

Эксперименты с использованием данных методов проводились в течение многих лет: для анализа уровня профессиональной подготовленности космонавтов на тренажёрах; для оценки сложности выполняемых космонавтом задач по управлению роботоманипулятором для МКС в Канадском космическом агентстве; для оценки профессионализма лётчиков — как на тренажёрах, так и в реальных полётах, водителей-дальнобойщиков — на компьютерном симуляторе, и т.п. [8, с. 516].

За рубежом такие методы получили название Eye tracking. Eye tracking — один из ярких примеров психологического эксперимента с применением новейших технических решений, его ещё называют видеоокулографией, и бывает она двух типов.

Первый тип — это мобильные системы, которые надевают на голову в виде шлемов, больших очков или специальных оптических устройств. Второй тип — это дистанционные бесконтактные системы, в которых видеокамеры располагаются автономно.

Анализ движения глаз проводится в двух направлениях: первое — анализ движения в зависимости от предложенных визуальных стимулов (например, рекламных плакатов). Второе — анализ движения в зависимости от внутренних мыслительных процессов вне зависимости от того, куда смотрит человек. Принцип работы аппаратно-программного комплекса детекции лжи по движениям глаз “РискАналитик” заключается в следующем.

Таким образом, мы считаем, что детектор лжи в современной правоохранительной системе служит эффективным средством обнаружения индивидуальных особенностей человека.

Список используемой литературы и источников

1. Смирнов, И.В. Психозкология [Текст]: Монография. — М.: ИД “Холодильное дело”, 2003. — 336 с.
2. Оглоблин, С.И., Молчанов, А.Ю. Инструментальная “детекция лжи”: академический курс [Текст] / С.И.Оглоблин, А.Ю.Молчанов. — Ярославль: Ньюанс, 2004. — 464 с.

3. Татарин, В.П. Использование возможностей судебно-психологических экспертиз и исследований в отношении потерпевших и свидетелей на стадии предварительного расследования уголовных дел [Текст]/В.П.Татарин // Уголовное судопроизводство. - 2012. - № 3. - С. 18-22.

4. Elaad E. Is the inference rule of the control question polygraph technique plausible? // Psychology, Crime and Law. - 2003. - № 9. - Pp. 37-47.

5. Шишкин, В.В. Некоторые особенности работы детектора лжи [Текст] / В.В.Шишкин // Личность в природе и обществе. - 2010. - № 5. - С. 86-87.

6. Шайкова, М.В. Соблюдение прав и свобод человека при применении полиграфа (психолого-этический аспект) в сборнике: Проблемы отправления правосудия по уголовным делам в современной России: теория и практика [Текст]: Сборник научных статей IV-ой Международной научно-практической конференции. - Юго-Западный государственный университет. - 2015. - С. 308-312.

7. Шайкова, М.В. Перспективы развития применения полиграфа при раскрытии и расследовании преступлений на современном этапе развития общества. В сборнике: Актуальные вопросы современной юридической науки: теория, практика, методика [Текст]: сборник материалов II Международной заочной научной конференции/ Ответственный редактор В.Е. Бурый. - 2017. - С. 746-749.

8. Шайкова, М.В. Применение полиграфа и других нетрадиционных методов при раскрытии и расследовании преступлений [Текст]: В сборнике: Аубакировские чтения. - Алма-Аты, 2015. - С. 516-523.

УДК 343.13

*Н.И. Чередник, студент юридического факультета ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (г. Курск), nad.cherednik@yandex.ru
Научный руководитель: Д.О. Чистилина, старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (г. Курск)*

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ВОЗВРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА СУДОМ ПРОКУРОРУ

Статья посвящена проблемам возвращения уголовного дела прокурору. Без всякого сомнения, мы можем утверждать, что порядок возвращения уголовного дела прокурору, несмотря на достаточное закрепление в законодательстве и подробное рассмотрение в трудах ученых-правоведов, всё же имеет свои недостатки.

Ключевые слова: прокурор, суд, возвращение уголовного дела, обвинительный акт.

PROBLEMATIC ASPECTS OF THE RETURN OF THE CRIMINAL CASE BY THE COURT TO THE PROSECUTOR

This article is devoted to the problems of returning the criminal case to the Prosecutor. Without any doubt, we can say that the return of the criminal case to the Prosecutor, despite sufficient consolidation in the legislation and detailed consideration in the writings of legal scholars, still has its drawbacks.

Keywords: Prosecutor, court, return of criminal case, indictment.

Возвращение уголовного дела прокурору (ст. 237 УПК РФ) - одна из наиболее сложных в теоретическом плане альтернатив назначению судебного заседания [5, с. 252].

После утверждения прокурором обвинительного заключения и передачи уголовного дела в суд для рассмотрения по существу (прокурорского предания суду) движение назад в досудебное производство для целей установления дополнительных обстоятельств

и собирания новых доказательств виновности лица, т. е. для усиления обвинения, законом не предусмотрено.

Разработчики действующего закона исходили из того, что подобное движение дела назад будет несовместимым с принципом состязательности, предполагающим нейтральность суда. Институт возвращения дела судом для дополнительного расследования был заменен на институт возвращения уголовного дела прокурору [2, с. 133].

Однако усилиями Конституционного суда и Верховного суда РФ, институт возвращения уголовного дела прокурору, задуманный как средство устранения препятствий рассмотрения судом, превращается в привычное дополнительное расследование, то есть средство продолжения и усиления обвинительной деятельности, устранения неполноты расследования. Куряхова Т.В. отмечает, что здесь налицо классическая управленческая ситуация: «руководитель» (в нашем случае – суд) дает указания и проверяет качество работы. Оценив качество работы как неудовлетворительное, суд вправе вернуть уголовное дело исполнителю на любой стадии процесса [7, с. 33].

Обвинительное заключение (акт, постановление) - итоговый процессуальный акт стадии предварительного расследования, который так или иначе выступает для суда вершиной процесса формирования обвинения в досудебном производстве по делу, в процессе утверждения которого наиболее ярко проявляются вся функциональность деятельности прокурора. Вместе с тем, юридически верное составление обвинительного заключения (акта, постановления) и его утверждение прокурором по-прежнему являются проблемой массовой, причем как практической, так и научно-теоретической.

Необходимо отметить, что установление нарушения при составлении обвинительного заключения (акта, постановления) и его оценка как существенного, т.е. влекущего применение процессуальной санкции в виде возвращения уголовного дела, представляет значительную сложность [1, с. 58].

Актуальность исследования проблем возвращения уголовного дела судом прокурору подтверждается и статистическими данными.

Так, за первое полугодие 2019 г. прокурорам из органов предварительного расследования МВД России, Следственного комитета Российской Федерации поступило для утверждения обвинительного заключения (акта, постановления) 250,6 тыс. уголовных дел. При этом в порядке, установленном п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК РФ, прокурорами принято 11,1 тыс. процессуальных решений о возвращении уголовного дела следователям с конкретными указаниями о производстве дополнительного следствия, изменении объема предъявленного обвинения или квалификации деяний обвиняемых либо о пересоставлении обвинительного заключения и обязательном устранении выявленных процессуальных недостатков [3, с. 27].

Обратим внимание на существующую в УПК РФ коллизию норм закона, закрепленных в ч. 1 ст. 389.24 и п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ. В действующей российской правовой системе существует судебная практика, в ходе которой суды апелляционной инстанции по собственной инициативе возвращают уголовные дела прокурору на основании п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ.

На наш взгляд, возвращение судом апелляционной инстанции уголовного дела прокурору на основании п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ противоречит закону. Так, закрепленный в ч. 1 ст. 389.24 УПК РФ принцип недопустимости поворота к худшему допускает принятие судом апелляционной инстанции решения, сопряженного с поворотом к худшему только на основании и в пределах доводов, изложенных в апелляционной жалобе, представлении [8, с. 64].

Изучение судебной практики рассмотрения в апелляционном порядке уголовных дел показывает, что судебная практика по этому вопросу неоднозначна. В ряде случаев суды апелляционной инстанции безоговорочно принимают решение в строгом соответствии с действием принципа недопустимости поворота к худшему (Постановление пре-

зидиума Верховного суда Республики Татарстан № 44У-36/2016 4У-3268/2015 от 17 февраля 2016 г. по делу № 44У-36/2016).

Однако существуют примеры судебной практики, иллюстрирующие обратный подход к решению вопроса о возвращении судом по собственной инициативе уголовного дела прокурору на основании, закрепленном в п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ. Как справедливо отмечает И.В.Квас, конкурирующие нормы права, как и коллизии, ставят правоприменителя в ситуацию выбора нормы, они затрудняют процесс правореализации. Наличие в законе таких спорных норм права зачастую приводит к нарушению прав граждан [4, с. 113].

Таким образом, исследуя проблемы реализации правового механизма возвращения уголовного дела прокурору, нельзя недооценивать сложность соблюдения разумных реальных сроков уголовного судопроизводства. На практике такой процесс обязательно предполагает затраты времени для подготовки дела к отправке, его пересылке, этапирования обвиняемого, дальнейшего выполнения следственных и иных процессуальных действий, повторного направления дела в суд и т. п.

По этой причине актуальное значение приобретает именно своевременное принятие необходимых мер по исследованию и анализу причин складывающейся отрицательной ситуации, формирование и реализация комплекса необходимых мероприятий по их устранению. Дальнейшему укреплению законности непосредственно способствует практика рассмотрения проблемных вопросов прокурорского надзора на межведомственных совещаниях руководителей правоохранительных органов, создание и последующее направление на места рекомендаций о порядке реализации проверки уголовных дел, поступивших для утверждения обвинительного заключения (акта, постановления).

Закрепление в УПК РФ возможности возвращать уголовное дело прокурору (даже по инициативе прокурора или потерпевшего) из суда в кассационной и надзорной инстанции для квалификации содеянного по уголовному закону о более тяжком преступлении свидетельствует, на наш взгляд, о благоприятствовании обвинению, поощряет некачественную работу органов предварительного расследования, которые уверены, что данная ими неверная квалификация деяния будет проверена судом и исправлена даже в случае необходимости квалификации деяния как более тяжкого.

Можно было бы предположить, что прокурор несправедливо «отвечает» за ошибки, допущенные следователем. Однако мы с данной позицией согласиться никак не можем. Ведь прокурор осуществляет надзор в досудебном производстве по уголовным делам; и это является способом выявления и устранения следственных ошибок. Именно он, утверждая обвинительное заключение (обвинительный акт, обвинительное постановление), фактически, берет на себя ответственность за то, что в уголовном деле нет следственных ошибок, и оно может быть рассмотрено судом [6, с.31-34].

По поводу ранее существовавшей системы, когда дело возвращалось для дополнительного расследования непосредственно судом, отметим, что полностью согласны с ликвидацией данного порядка, ввиду того, что институт возвращения уголовного дела прокурору видится нам более эффективным.

Таким образом, существующий механизм возвращения уголовного дела прокурору позволяет устранять ошибки, допущенные в ходе предварительного расследования, в короткие сроки, что способствует постановлению справедливого приговора в разумный срок.

Список используемой литературы и источников

1. Алехина, С.В. Проблемы совершенствования оснований для возвращения уголовного дела прокурору с учетом требований принципа разумного срока уголовного судопроизводства [Текст]: Сборник статей Международной научно-практической конференции. -2018. -С. 58-60.

2. Быкова, А.Я. Особенности возвращения судом уголовного дела прокурору как средство обеспечения законности предварительного расследования [Текст] / А.Я.Быкова // NovaInfo.Ru. -2017. -Т. 1. -№ 73. - С. 132-135.

3. Давыдова, Н.Н. Возвращение уголовного дела прокурору в российском уголовном процессе [Текст] / Н.Н.Давыдова // Российский следователь. -2019.- № 6. -С. 26-29.

4. Квас, И.В. Порядок возвращения уголовного дела прокурору на различных этапах его рассмотрения [Текст] / И.В.Квас // Молодой ученый.- 2017. - № 47 (181).- С. 111-114.

5. Козлова, А.Е. Современные практические аспекты применения института возвращения уголовного дела прокурорам // В сборнике: Научные исследования и разработки студентов [Текст]: Сборник материалов V Международной студенческой научно-практической конференции. Редколлегия: О.Н. Широков [и др.]. - 2017. - С. 252-256.

6. Козьявин, А.А., Чистилина, Д.О. Гражданский контроль и гражданское содействие в сфере борьбы с преступностью [Текст] / А.А.Козьявин, Д.О.Чистилина //Гражданское общество в России и за рубежом. - 2018. -№ 1. - С. 31 -34.

7. Куряхова, Т.В. Отдельные аспекты возвращения судом уголовного дела прокурору [Текст] /Т.В.Куряхова // Законодательство и практика. - 2017. - № 1 (38). - С. 32-35.

8. Сухова, О.А. Возвращение уголовного дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом как уголовно-процессуальный институт [Текст]: В сборнике: Ученые записки кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва.- Саранск, 2018. - С. 61-69.

УДК 343.152

Ю.С. Черепкова, студентка юридического факультета ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (г. Курск)

Научный руководитель: О.В. Петрова, канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (г. Курск), заместитель председателя Ленинского суда г. Курска

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ СТАДИИ ИСПОЛНЕНИЯ ПРИГОВОРА

В данной статье исследуется значение стадии исполнения приговора, а также проблемы ее реализации.

Ключевые слова: уголовный процесс, приговор, исполнение приговора, суд.

THE NEED FOR A STAGE OF EXECUTION OF THE SENTENCE, PROBLEMS OF ITS APPOINTMENT

This article analyzes the criminal law aspects of the sentence as an act of justice, explores the significance of the stage, execution of the sentence, as well as the problems of its appointment.

Keywords: criminal trial, sentence, execution of sentence, court.

Стадия исполнения приговора – это самостоятельный, необходимый этап, завершающий производство по уголовному делу, на котором вступивший в законную силу приговор суда обращается к исполнению, а также подлежат решению вопросы, возникающие в процессе исполнения такового.

Особенностью данной стадии можно считать тот факт, что судебные органы уже не возвращаются к вопросу о виновности или невиновности лица, оприменении или неприменении к нему наказания, а лишь подводят итоги работы органов предварительного расследования, прокуратуры, а также осуществляют реализацию наиболее оптимальных средств воздействия на лиц, совершивших преступление. Если в других ста-

дних четко определены начальный и конечный моменты и последовательность процессуальных действий, то исполнение приговора – непрерывная стадия. Она начинается со вступления приговора в законную силу, после чего начинается фактическое исполнение приговора. [1, с. 7] Исполнение приговора является полноценным и самостоятельным этапом уголовного судопроизводства, сущность, процессуальные особенности и механизм судопроизводства на которой требует научного уточнения и обоснования, путем актуализации её в рамках либо института уголовно-процессуального права.

Не следует ущемлять значение исполнения приговора для дела и для суда, поскольку оно обеспечивает неотвратимость уголовной ответственности за совершенные преступления. Именно в этой стадии происходит реализация судебного решения по уголовному делу. Разрешая определенные правовые вопросы, возникающие по ходу исполнения приговора, судья представляет собой одну из форм правосудия, при которой происходят полноценные значимые действия, тем самым способствует обеспечению прав и законных интересов осужденных. Несомненно, здесь находят своё выражение многие принципы уголовного процесса. Здесь действуют принципы законности, разумности и сроков судопроизводства, осуществления правосудия только судом, уважения чести и достоинства личности и ее неприкосновенности, охраны прав и свобод человека и иные. Споры в литературе вызывает вопрос о действии в этой стадии принципа состязательности, при этом указывается на отсутствие в данной деятельности сторон (обвинения и защиты) и суда, разрешающего уголовное дело. Дело в том, что принцип состязательности является не строго уголовно-процессуальным, отраслевым, а конституционным принципом судопроизводства, определяющим порядок организации не только уголовного, но и конституционного, гражданского, арбитражного и административного процессов. И хотя на стадии исполнения приговора нет уголовного преследования и защиты в общепринятом понимании, в судебном заседании присутствуют стороны, интересы которых не совпадают.

В то же время исполнение приговора, являясь самостоятельной стадией процесса, обладает рядом специфических признаков. Во-первых, оно не является контрольной по отношению к предшествующим и будущим завершающей стадией, не является подготовительной по отношению к последующим. Во-вторых, имеет свой собственный предмет доказывания, отличающийся от закрепленного в ст. 73 УПК РФ. В-третьих, не ограничена по времени и может начинаться и закончиться обращением приговора к исполнению, а может существовать на протяжении длительного времени для решения различных вопросов, возникающих в процессе исполнения наказания. В-четвертых, имеет ряд особенностей процессуального характера и специфический круг участников. [4, с. 64] Стоит обратить внимание на то, что приговор как акт правосудия должен быть основан на достоверном познании обстоятельств дела, а значит, в нем не может быть «вероятных» выводов.

Однако, нормы, посвященные институту исполнения приговора, не лишены недостатков.

Опираясь на анализ складывающейся практики, необходимо обозначить недостаток, касающийся обеспечения прав потерпевшего, которые применительно к исполнению приговора не достаточно регламентированы. Это обусловлено тем, что под сущностью уголовного наказания понимается кара либо правоотношение между преступником и государством. Отсюда следует, что потерпевшие, которые прямым отношением к процессу исполнения приговора не имеют, к этой деятельности привлекаются лишь в отдельных аспектах. Так, в решении ряда вопросов

потерпевший может иметь заинтересованность, например в возмещении вреда, обеспечении собственной безопасности.

Немало проблем вызывает специфический круг участников данной стадии процесса. Здесь появляется новый субъект уголовно-процессуальных отношений: учреждение или орган, исполняющий наказание, уполномоченный инициировать судебное разбирательство, и иные органы обладающие правом обращения в суд.

Касаемо участников рассматриваемой стадии, не менее сложным с точки зрения практики остается вопрос о статусе адвоката, участвующего в судебных заседаниях при решении вопросов, возникающих при исполнении приговора, в также оказывающего юридическую помощь осужденному. Уголовно-процессуальный кодекс РФ лишь в одной норме (ч.4 ст. 399 УПК РФ) упоминает, что осужденный имеет право воспользоваться помощью адвоката, но представителем или защитником по процессуальному статусу он будет являться Закон не уточняет [2, С. 132-133; 3, С. 182-184].

Немаловажной проблемой является эффективность исполнения приговоров в части гражданского иска. [3, с. 23] Взыскание с осужденных, причитающихся к уплате сумм, встречается большие сложности на практике в связи с отсутствием у них личного имущества, стабильного дохода или сокрытием этого имущества, доходов.

Таким образом, институт исполнения приговора в уголовном судопроизводстве в силу недостаточной теоретической проработки, разнообразия регулируемых правоотношений требует отдельного научного исследования.

Список используемой литературы и источников

1. Бородинова, Т.Г. Приговор: понятие, сущностные черты и виды [Текст] / Т.Г.Бородинова // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения.- 2017. - № 1. - С. 7-11.
2. Калущих, А.М. К вопросу о защите в стадии исполнения приговора. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: 15 лет правоприменения [Текст]: Сборник научных статей, посвященный 15-летию принятия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. - Курск, 2016. - С. 132-136.
3. Калущих, А.М. Адвокат в стадии исполнения приговора: представитель или защитник? Современное уголовно-процессуальное право России: уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования [Текст]: Сборник материалов Международной конференции к 60-летию доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ В.В. Николюка.- 2016. - С. 182-185.
4. Камардина, А.А. Исполнение приговора как стадия уголовного судопроизводства [Текст] / А.А.Камардина // Вестник Оренбургского государственного университета.- 2010. - № 3 (109). - С.64-66.
5. Семин, А.В. Исполнение приговора в части гражданского иска [Текст]: автореф. дис. канд. юрид. наук / А.В.Семин. - Ижевск: Удмуртский гос. ун-т, 2002.- 23 с.

УДК 343.132

О.С. Черная, А.Н. Непочатых, студенты юридического факультета ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (г. Курск)

Научный руководитель: В.В. Струкова, канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (г. Курск)

СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ КАК ОСНОВНОЙ СПОСОБ СОБИРАНИЯ И ПРОВЕРКИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

В настоящей статье рассмотрена правовая природа следственных действий, мнения ряда авторов по толкованию данного понятия. Статья содержит виды следственных действий и их отличительные черты от других процессуальных действий. Раскрывается особое значение следственного действия для расследования преступления. В данной статье также проведено исследование познавательного и удостоверительного аспектов следственных действий, их отличия от других процессуальных действий, используемых в качестве способов собирания и проверки доказательств.

Ключевые слова: следственные действия, способы, собирание доказательств, процессуальная форма, проверка, собирание, оценка, производстве следственных действий, производство следственного действия с участием одного понятого.

INVESTIGATIONS AS THE PRIMARY METHOD OF GATHERING AND VERIFYING EVIDENCE

This article considers the legal nature of investigative actions, the views of a number of authors on the interpretation of the concept. The article contains types of investigative actions and their distinctive features from other procedural actions. The special importance of the investigative action for the investigation of the crime is revealed. This article also contains a study of the cognitive and certifying aspects of investigative actions, their difference from other procedural actions used as a means of collecting and verifying evidence.

Key words: investigative actions, methods, collection of evidence, procedural form, verification, collection, assessment, production of investigative actions, production of investigative action with participation of one understood.

В настоящее время понятийный аппарат уголовного процесса остается несовершенным, что приводит к неоднозначным толкованиям ряда процессуальных понятий и определений [1, с. 23]. Например, многие ученые трактуют понятие следственного действия как синоним основного способа собирания и проверки доказательств. Однако данное понятие хоть и многократно используется в нормативно-правовых актах, но остается законодательно не определенным.

Например, С.А. Шейфер определяет следственное действие как «комплекс регламентированных уголовно-процессуальным законом и осуществляемых следователем (судом) поисковых, познавательных и удостоверительных операций, соответствующих особенностям следов определенного вида и приспособленных к эффективному отысканию, восприятию и закреплению содержащейся в них доказательственной информации» [2, с.71].

Манова Н.С. определяет следственное действие как «производимые в ходе расследования в соответствии с уголовно-процессуальным законом действия, целью которых является собирание и проверка доказательств».

Исходя из этого можно сделать вывод о том, что первая трактовка определяет понятие в широком смысле, а вторая – в узком. По нашему мнению, в понятии Н.С. Мановой обозначены главные признаки следственного действия. Такие, как: 1) производство

в ходе расследования; 2) регламентация УПК РФ; 3) специальная цель – собирание и проверка доказательств. К тому же, главным признаком следственных действий является специальный субъект, о которых говорит нам первое понятие по версии С.А. Шейфера, то есть следователь, дознаватель, руководитель следственного органа, начальник отдела дознания, а также следователь-криминалист.

Касааясь определения понятийного аппарата следственных действий, целесообразно начать с упоминания о конкретных их видах, которые закреплены в главах 24–27 УПК РФ:

- Осмотр;
- Эксгумация;
- Освидетельствование;
- Следственный эксперимент;
- Обыск;
- Выемка;
- Наложение ареста на почтово – телеграфные отправления;
- Контроль и запись переговоров;
- Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами;
- Допрос;
- Очная ставка;
- Предъявление для опознания;
- Проверка показаний на месте;
- Производство экспертизы;
- Получение образцов для сравнительного исследования.

Лежащие в их основе познавательный и удостоверительный аспекты следственных действий позволяет отличить их от других процессуальных действий, используемых в качестве способов собирания и проверки доказательств [3, с. 98].

Такие следственные действия, как освидетельствование, обыск, выемка, эксгумация производятся на основании постановления следователя. Для производства других следственных действий вынесения постановления не требуется. Ход и результаты любого следственного действия фиксируются в соответствующем протоколе.

Для принятия решения о производстве следственного действия в качестве основания должны выступать доказательства. Доказательства являются допустимыми только в случае получения их процессуальным путем.

Вышесказанное решение принимается следователем самостоятельно, за исключением случаев, когда требуется санкция суда.

Собирание доказательств – элемент процесса доказывания, который представляет собой деятельность субъектов уголовного процесса по обнаружению, фиксации, а также сохранению сведений о совершенном преступлении. В ходе проведения следственных действий необходимо соблюдать определенный порядок их осуществления, закрепленный в уголовно-процессуальном законе. Также существует обязательное требование, которое говорит о том, что следственное действие должно совершаться при наличии достаточных к тому оснований.

Стоит отметить и то, что «Следственные действия представляют собой основную деятельность следователя (дознавателя), от которой напрямую зависит результат всего предварительного расследования поскольку в ходе их производства происходит обнаружение, фиксация, сохранение доказательственной информации, имеющей значение для уголовного дела» [4, с. 328].

При производстве следственных действий по собиранию и проверке доказательств субъектам следственных действий необходимо соблюдать права и инте-

рессы граждан, а также запрещается совершать действия, унижающие честь и достоинство человека либо создающие угрозу для его жизни и здоровья.

Производство следственных действий должно основываться на надлежащих нравственных принципах и нормах. Данное требование вытекает из ряда положений действующего уголовного – процессуального законодательства. Уголовно процессуальный кодекс запрещает совершать действия, связанные с опасностью для жизни и здоровья граждан или унижающие их честь и достоинство домогаться показаний допрашиваемых лиц путем насилия, угроз и иных незаконных мер [5, с. 17].

Что касается проверки доказательств, применительно к производству следственных действий она осуществляется на основании получения иных доказательств, которые подтверждают или опровергают ранее полученные доказательства. В этом случае, данная категория вновь возвращается к собиранию доказательств для проверяющих.

Таким образом, с одной стороны, большинство ученых сходятся во мнении, что следственные действия направлены на собирание и проверку доказательств, а с другой – такая формулировка несколько расплывчата и не позволяет уяснить сущность следственных действий, их отличие от иных процессуальных действий, поскольку данные категории законом четко не определены. Более того, как отмечаю отдельные авторы, собирание и проверка доказательств представляют собой некий процесс, а любая цель должна подразумевать конечный результат [6, с. 26].

Каждое следственное действие имеет важное значение для расследования того или иного преступления. Все они выполняют свою функцию и имеют свои задачи, но цель у них одна – полное раскрытие преступления путем установления всех обстоятельств уголовного дела.

Но несмотря на ключевую роль данных следственных действий для раскрытия преступления, нельзя не сказать о сопутствующих им проблемах. На наш взгляд, они состоят в том, что законодателем четко не определено понятие следственного действия, поэтому возникает множество споров о том, что следователь и дознаватель сами должны определять, чем именно является то действие, которое они совершают, что нередко вызывает ошибки, когда такие действия нужно проводить немедленно, в случаях не терпящих отлагательств.

Также, если говорить о конкретных следственных действиях, предусмотренных УПК РФ, то на практике должностные лица органов уголовного преследования иногда не в полной мере и объеме исполняют свои полномочия. Работники правоохранительных органов часто пренебрегают незначительными, по их мнению, действиями. Например, производство следственного действия с участием одного понятого, либо без таковых вообще; получение показаний обвиняемого, свидетеля, потерпевшего с применением обмана, угрозы, подкупа, без разъяснения прав. Также возможны и другие нарушения, связанные с неправильным пониманием правоприменителями смысла и содержания понятия следственных действий.

На основании вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что следственные действия – это комплекс мероприятий по собиранию и проверке доказательств, являющийся основой уголовно-процессуальной деятельности, без правильного функционирования которого невозможна реализация назначения уголовного судопроизводства. Правовая регламентация производства следственных действий в УПК РФ не должна допускать неоднозначного понимания того, что необходимо совершить правоприменителю в той или иной процессуальной ситуации. Производство следственных и процессуальных действий не в соответствии с закрепленной в УПК РФ процессуальной формой, влечет не только утрату доказательственного значения полученных результатов, но и приводит к нарушению прав и свобод лиц, вовлеченных в сферу уголовно-процессуальной деятельности.

Список используемой литературы и источников

1. Кокорев, Л.Д., Кузнецов, Н.П. Уголовный процесс: доказательства и доказывание [Текст] / Л.Д.Кокорев, Н.П.Кузнецов. - Воронеж: Изд-во ВГУ, 1995. - 27 с.
2. Ларин, А.М. Следственные действия (определение понятия, терминология) [Текст] / А.М.Ларин // Оптимизация расследования преступлений: сборник научных трудов. - Иркутск, 1982. - С. 92–103.
3. Шейфер, С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма [Текст] / С.А.Шейфер.- М.: Юрлитинформ, 2001. - 208 с.
4. Безлепкин, Б.Т. Уголовный процесс в вопросах и ответах [Текст]: учебное пособие / Б.Т.Безлепкин. - 7-е изд., перераб. и доп. – Москва: Проспект, 2013. – С. 328
5. Нуркаева, Т., Щербакова, С. Уголовно – правовая охрана чести и достоинства личности [Текст] / Т.Нуркаева, С.Щербакова // Российская юстиция. - №2. – 2002. – С. 17.
6. Россинский, С.Б. Понятие и сущность следственных действий в уголовном судопроизводстве: дискуссия продолжается [Текст] / С.Б.Россинский // Законы России: опыт, анализ, практика. - 2015. - №2. - С. 16 – 31.

УДК 343.195

Д.О. Чистилина, старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (г. Курск), darya-chistilina@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ УСТАНОВЛЕНИЯ ТРЕБОВАНИЯ МОТИВИРОВАННОСТИ ВЕРДИКТА ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ

Статья посвящена рассмотрению требований, предъявляемых к вердикту коллегии присяжных заседателей. Автором исследуется вопрос необходимости и возможности для присяжных заседателей мотивировать свой вердикт, а также проблемы, с которыми в этом случае может столкнуться правоприменитель и законодатель.

Ключевые слова: присяжные заседатели, вердикт, мотивированность, председательствующий, совещание.

PROBLEMS OF ESTABLISHING THE REQUIREMENT OF MOTIVATION OF THE JURY VERDICT

The article is devoted to the consideration of the requirements to the verdict of the jury. The author investigates the question of necessity and possibility for jurors to motivate their verdict, as well as the problems that law enforcement and lawmakers may face in this case.

Keywords: a jury, a verdict, a motivation, a presiding judge, the meeting.

Вердикт коллегии присяжных заседателей ложится в основу приговора, постановленного судом с участием присяжных заседателей. Фактически, он является его обоснованием. К самому вердикту уголовно-процессуальный закон предъявляет лишь требования ясности и непротиворечивости. В связи с этим возникает вопрос: насколько сам вердикт мотивирован и необходимо ли вводить это требование?

Согласно действующему законодательству присяжные заседатели не обязаны мотивировать свое решение, что на практике зачастую приводит к неясным и противоречивым вердиктам. Непрофессиональные судьи при принятии решения руководствуются лишь внутренним убеждением, которое формируется на основе житейского опыта гражданина [1, С.85-87]. Безусловно, закон не требует от присяжных заседателей, чтобы они обладали юридическими знаниями, в связи с чем им трудно с правовой точки зрения грамотно обосновать свое решение. А.С.Камнев вообще считает, что применять

требование обоснованности к вердикту некорректно, так как обоснованность нельзя раскрыть через «внутреннее убеждение» и «совесть», более того, он подчеркивает, что, по сути, нет критериев необоснованности вердикта [2, С.83-85].

Если рассматривать вердикт присяжных заседателей в социальном плане, то мотивировка просто необходима для его корректного понимания обществом, что позволяет добиться положительного социального эффекта, к которому стремился законодатель, вводя этот институт. Интересна позиция Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ), который предъявляет к вердикту требование понятности. Это требование исполняется, если можно понять причины вынесенного решения на основании имеющихся доказательств по уголовному делу, даже если оно не мотивировано. В связи с этим некоторые исследователи полагают, что решение присяжных заседателей все же должно иметь, пусть и не развернутую, но мотивировку, так как председательствующий, постановляя приговор, должен хотя бы в общих чертах понимать логику принятия решения коллегией. Однако О.В. Качалова, М.В. Беляев считают, что на данном этапе невозможно поставить перед присяжными заседателями задачу обосновывать свой вердикт, так как без вмешательства профессионального судьи, что будет противоречить духу суда с участием присяжных заседателей, непрофессионалам нереально сделать это самостоятельно. Предложение об участии председательствующего в процессе совещания и голосовании присяжных заседателей было выдвинуто при обсуждении законопроекта, расширяющего применение института присяжных заседателей Федеральным законом от 23.06.2016 № 190-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс в связи с расширением применения института присяжных заседателей». Однако в дальнейшем оно не нашло поддержки [3, С.176-180].

В случае введения подобного требования мы можем столкнуться с проблемой, когда присяжные путем голосования будут приходить к определенному мнению, но по различным мотивам, поэтому свести все это к единому обоснованию представляется весьма сложным [4, С.221-225].

В большинстве зарубежных стран, где функционирует классический суд с участием присяжных заседателей, вердикт не мотивируется коллегией, а председательствующий не вмешивается в сам процесс принятия решения присяжными заседателями. Однако в некоторых странах присяжные заседатели мотивируют свой вердикт. Это может осуществляться либо с участием председательствующего (в этом случае может происходить переложение ответственности на профессионального судью), в случае если коллегия объединенная, либо без его участия [5, С.183-184]. В первом случае мы можем наблюдать одну из форм судопроизводства с участием народного элемента, называемую судом шеффенов, во втором случае – это классический суд с участием присяжных заседателей с некоторой модификацией. Так, наглядно С.А.Насонов в своей статье приводит пример функционирования суда с участием присяжных заседателей в Испании. В вердикте присяжных заседателей предусмотрена мотивировочная часть, которая заполняется либо самими присяжными, либо с помощью секретаря или иного должностного лица, ассистирующими им только в упорядочивании или оформлении вердикта. Такое распоряжение дает председательствующий. Если у присяжных заседателей возникают затруднения. При этом обоснование носит краткий характер: присяжные лишь приводят в вердикте те доказательства, на которых они основывали свои выводы [6, С.154-160].

Ввиду того, что российский законодатель не предъявляет требования мотивированности вердикта, на практике возникают различного рода проблемы. Так, присяжные заседатели могут на первые два вопроса ответить утвердительно, а на последний – отрицательно. Безусловно, с юридической точки зрения этот вердикт будет являться противоречивым, на что председательствующий должен указать коллегии и принять соответствующие меры. Однако с точки зрения социальной справедливости присяжные за-

седатели, принимая решение, прежде всего обращают внимание на личность подсудимого, а также другие немаловажные факторы (добросовестность сторон, участвующих в процессе; легитимность уголовного закона и т.д.) [7, С.153-160], которые в правовом плане приводят к противоречивому вердикту, а в социальном плане они вполне понятны.

Зачастую присяжные заседатели стремятся выразить свое особое мнение, так как ввиду достаточно большой численности коллегии непрофессиональным судьям сложно прийти к единому мнению. Конечно, такая форма недопустима для присяжных заседателей, так как особым мнением судьи является мнение, выраженное отдельным судьей при рассмотрении дела в коллегиальном составе, отличающееся от суждения других судей, что предполагает его юридическое обоснование, которое не может дать присяжный заседатель. Отсюда следует, что, если председательствующий найдет в вопросном листе суждения присяжных заседателей, выраженные в свободной форме, по поводу поставленных вопросов, то он вынужден будет попросить их снова удалиться в совещательную комнату для приведения вердикта в соответствие с требованиями закона, то есть подобная запись должна быть аннулирована. При этом судье позволено выдать присяжным заседателям новый бланк, если последующее внесение исправлений в старый уже невозможно. В данном случае старшина присяжных заседателей должен аннулировать старый бланк, который также будет приложен к материалам дела, своей подписью [8, С.31-33].

Кроме того, для присяжных заседателей предусмотрена возможность исключения некоторых обстоятельств при ответе на вопросы, если при этом не возникают существенные противоречия. Так, по одному из уголовных дел присяжными заседателями по единогласному мнению была исключена часть вопроса, где указана сумма похищенных денежных средств. Однако в сложившихся обстоятельствах председательствующий не смог вынести справедливый приговор, поэтому дважды возвращал присяжных заседателей в совещательную комнату [9]. В таком случае, на наш взгляд, стоит порекомендовать профессиональным судьям четко формулировать вопросы, а также, при необходимости, ставить альтернативные вопросы, чтобы у присяжных не возникало необходимости корректировать вопросный лист.

Таким образом, мотивированность вердикта присяжных заседателей имеет свои положительные и отрицательные стороны. К положительным чертам можно отнести более внимательное отношение присяжных заседателей к имеющимся в деле доказательствам, возможность в дальнейшем полноценного пересмотра уголовного дела на стадии апелляционной проверки [10, С.101-111]. Отрицательным моментом будет являться сложность приведения различных мнений группы людей к единому обоснованию, невозможность юридически грамотно мотивировать вердикт, возможность доступа в совещательную комнату постороннего.

Таким образом, суд с участием присяжных заседателей предполагает такую форму участия граждан в отправлении правосудия, где непрофессиональные судьи самостоятельно должны решить вопрос о виновности подсудимого. Введение дополнительного требования мотивированности вердикта приведет к множеству проблем как организационного, так и психологического характера. Более того, такой суд потеряет свою социальную значимость, так как не все решения, принимаемые людьми, продиктованы холодным рассудком.

Список используемой литературы и источников

1. Козьявин, А.А., Чистилина, Д.О. Уголовное судопроизводство и институты гражданского общества: взаимодействие и его перспективы [Текст]: монография /А.А.Козьявин, Д.О.Чистилина. – Курск: Юго-Зап. гос. ун-т, 2017. – 124 с.

2. Камнев, А.С. Законность и обоснованность вердикта присяжных заседателей [Текст] / А.С.Камнев // Известия Алтайского государственного университета. - 2010. - №2-1(66). - С.83-85.

3. Качалова, О.В., Беляев, М.В. Вердикт присяжных заседателей и социальные запросы общества [Текст] / О.В.Качалова, М.В.Беляев // Вестник Томского государственного университета. - 2017. - № 416. -С. 176–180.

4. Стрелкова, Ю.В. Значение презумпции обоснованности для определения механизмов обеспечения правосудности вердикта присяжных // Научная школа уголовного процесса и криминалистики СПбГУ. Уголовная юстиция XXI века (к 15-летию применения УПК РФ) [Текст]: Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции/ Под редакцией Н.П. Кирилловой, Н.Г. Стойко. - 2018. - С.221-227.

5. Нигматуллина, Э.Ф., Ишмухаметов, Я.Г. Мотивированность вердикта суда присяжных заседателей в Российской Федерации [Текст] / Э.Ф.Нигматуллина, Я.Г.Ишмухаметов// Актуальные вопросы в науке и практике. Сборник статей по материалам III международной научно-практической конференции.- В 4-х частях. -2017. - С.183-187.

6. Насонов, С.А. Европейские модели производства в суде присяжных: суд присяжных в Испании (сравнительно-правовое исследование) [Текст] / С.А.Насонов // Актуальные проблемы российского права.- 2015. -№ 8 (57).- С.154-160.

7. Лодыженская, И.И., Малышева, Д.Д. Противоречия в вердикте присяжных заседателей как основание для отмены приговора суда [Текст] / И.И. Лодыженская // Ленинградский юридический журнал. - 2018.- №1 (51).- С.153-163.

8. Владыкина, Т.А. "Особое мнение" присяжных заседателей [Текст] / Т.А.Владыкина // Администратор суда. - 2015. - № 2. - С. 31 - 33.

9. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 1 июня 2016 года (Дело № 25-АПУ16-5СП) // Кодексы и законы РФ: правовая навигационная система [Электронный ресурс] // URL: <http://www.zakonrf.info/suddoc/b6fa9b266078b89e825dd8551164c1b7/> (дата обращения: 16.09.2019).

10. Стрелкова, Ю.В. Вердикт присяжных заседателей в уголовном судопроизводстве: теоретические основы и правоприменительная практика [Текст]: дисс. ... канд. юрид. наук /Ю.В.Стрелкова. – М., 2019. – 229 с.

УДК 343.91

М.В. Шайкова, канд.психол.наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (г. Курск)

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРЕСТУПНИКОВ

В статье автор рассматривает особенности личности несовершеннолетнего правонарушителя с позиции криминологической и уголовно-правовой значимости, анализирует психологические нарушения переходного возраста, неустойчивые нравственные позиции, неправильную интерпретацию многих явлений, импульсивность как факторы, влияющие на противоправное поведение подростков.

Ключевые слова: несовершеннолетние преступники, подростки, психологический возраст, криминология.

CRIMINOLOGICAL PECULIARITIES OF THE PERSONALITY OF THE MINORS OF CRIMINALS

In the article, the author considers the personality characteristics of a minor offender from the perspective of criminological and criminal legal significance, analyzes psychological disorders of adolescence, unstable moral positions, incorrect interpretation of many phenomena, impulsivity as factors affecting the unlawful behavior of adolescents.

Keywords: juvenile delinquents, adolescents, psychological age, criminology.

Изучение личности несовершеннолетнего правонарушителя имеет важную криминологическую и уголовно-правовую значимость, так как в центре внимания оказывается подросток, сознание и психика которого, в отличие от взрослого человека, находятся в процессе формирования, так что они более восприимчивы к положительным и негативным воздействиям. Из-за возрастных особенностей личность несовершеннолетнего характеризуется определенным набором психологических характеристик и качеств, которые подвергаются воздействию неблагоприятных условий жизни и воспитания, часто деформируются, увеличивая тем самым вероятность преступного поведения. Особенности личности правонарушителя способствуют раскрытию и расследованию преступлений, позволяют выявить мотивы преступного поведения, определить действенные меры индивидуальной профилактики. [1, с.184]

Основными задачами изучения личности несовершеннолетнего правонарушителя являются: изучение социального окружения подростка, его направленности; выявление индивидуальных особенностей личности подростка, оказывающих влияние на его поведение; определение доминирующих стратегий поведения подростка в трудных жизненных ситуациях; выявление социальных условий, способствовавших совершению правонарушения; определение степени криминальной зараженности подростка; прогнозирование склонности к правонарушениям; определение методов воздействия на личность правонарушителя, членов его семьи и лиц, входящих в его ближайшее окружение. [2, с.202]

Психологическая предпосылка совершения несовершеннолетним мелких правонарушений - преобладание процессов возбуждения над процессами торможения, проявления импульсивности. Отсутствие зрелости мышления мешает в оценке своих действий и их последствий, развития причинно-следственной связи. Типичные для несовершеннолетних правонарушителей и спутанность сознания, склонность к аффективным вспышкам. Многие преступления совершаются ими на недостаточных основаниях, из-за озорства или под влиянием других людей, что требует особого подхода к системе правосудия в отношении несовершеннолетних.

Эти ментальные характеристики несовершеннолетнего обвиняемого должно влиять на процедурный порядок уголовного судопроизводства, который опосредует введение дополнительных гарантий для защиты прав и интересов несовершеннолетнего.

Главное при рассмотрении личности несовершеннолетнего преступника - возраст. Это связано с определенными биологическими, психологическими и психическими изменениями в структуре личности. По возрасту определяется уровень силы, интеллекта, и даже "физическая" возможность совершить определенные преступления.

Процесс социализации начинается в раннем возрасте, когда он начинает поглощать роли, которые формируют его личность. Именно в детстве человек развивается как социальное существо, он развивает интеллект, способность анализировать и синтезировать окружающие явления, способность предвидеть последствия своих действий; генерируются такие волевые качества, как настойчивость, решительность, самообладание, активность. Все это тесно связано с последующим поведением личности несовершеннолетнего. [3, с.349]

Нижний предел возраста уголовной ответственности (14 лет), если ее сравнить с принятой периодизацией, то она приближается к завершающей стадии подросткового возраста. Подростковый возраст по праву считается переходом от детства к взрослой жизни.

Сложность и противоречивость этой стадии интеллектуально-волевого и личностного развития проявляется в том, что подросток уже не ребенок, но еще не взрослый. Только в конце этого возрастного периода психически здоровый ребенок, как правило, достигает такого уровня развития, который характеризуется относительно высокой способностью осознавать значение своих действий.

В психологии, особенно выделяют подростковый возраст (12-15 лет) из-за сложной социально-психологической адаптации этой возрастной группы. Трудности подросткового возраста - трудности усвоения качественно новых социальных навыков в межличностных, сексуальных и профессиональных отношениях, средств социальной коммуникации.

Поведение и действия несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет носят сознательно-волевой характер, и, следовательно, они подлежат уголовной ответственности. Тем не менее, их физическое и духовное развитие еще не завершено, и это находит свое отражение в характере их действий и поступков. Суть психического развития несовершеннолетних заключается в постоянном усложнении психической деятельности, в углублении и улучшения когнитивных процессов в системе отношений с окружающей действительностью, формировании умственных и способностей, потребностей и мотивов; в возникновении и развитии новых направлений деятельности, развития сознания и самосознания.

Психологические нарушения переходного возраста, неустойчивые нравственные позиции, неправильная интерпретация многих явлений, импульсивность - такие поведенческие основы подросткового возраста, которые не могут не учитываться в судебной практике.

Личность каждого несовершеннолетнего уникальна и неповторима. Тем не менее, в ней отражены общие закономерности, присущие всем несовершеннолетним данного возраста. В процессе психического развития человека проходит через ряд стадий. Каждый возрастной период характеризуется, прежде всего, деятельностью, которая является одним из ведущих состояний, развитие познавательных процессов и функций, степени формирования внутренних и внешних воздействий, личностных характеристик.

К возрастным особенностям несовершеннолетних в психологии относят: противоречивость, полярность чувств и мотивов, импульсивность, сочетание черствости и жестокости, чрезмерно завышенную самооценку и неуверенность в себе, отказ от общепри-

нятых норм поведения, упрямство и противодействия советам с внушаемостью.[4, с.115]

Основным показателем психического развития несовершеннолетнего является уровень сознания и самосознания. Сознание позволяет осуществлять моделирование будущих действий и прогнозирование их результатов. По мере того как сознание поведения несовершеннолетнего становится более упорядоченным, целеустремленным, волевым, оно теряет характерные особенности неконтролируемых маленьких детей. Способность контролировать свое поведение тесно связано с пониманием внутренних связей и отношений, которые существуют в мире, потому что их познание позволяет найти правильные пути для достижения цели.

В познавательной деятельности несовершеннолетних меняется отношение между абстрактным, теоретическим и в особенности образным мышлением; происходит перестройка всей личности, что позволяет выделить данный этап психического развития как особый, новый. Существует интенсивное формирование самосознания и самооценки, то, что вызвало глубокое понимание несовершеннолетним социальной значимости его действий. [5, с.84]

Психическое развитие несовершеннолетних является неравномерным, что опосредует возникновение ситуации, когда несовершеннолетний хотя и достигает определенного возраста, но это не означает, что он достиг такого уровня развития, который соответствует этому возрасту. Тем не менее, индивидуальная уникальность не исключает наличие у несовершеннолетнего общего характера ее текущей стадии развития. Это позволяет определить «психологический возраст» несовершеннолетнего на основе сопоставления общих закономерностей развития психики и реального уровня психического развития обвиняемого.

Тем не менее, по мнению психологов, существуют два основных методологических ограничения: критерии для этого сравнения могут носить только качественный, а не количественный характер, поскольку развитие ребенка - это единый, но не однородный процесс; на основе такого сравнения можно определить сам период развития, иногда фазы, но не "фактический возраст". Это так называемое принятое в психологии понятие «психологический возраст» не эквивалентно паспортному возрасту и значительно шире, чем его границы.

Психологический возраст - качественно определенный период развития личности, охватывающих хронологический промежуток нескольких лет. Переход от одного возрастного периода к другому, смена этапов психического развития подчиняются общим законам. Тем не менее, формирование некоторых психических функций и свойств личности подростка нередко впереди формирования других аспектов психики, и наоборот. Переход на качественно более высокий уровень психического развития происходит у разных подростков не в одни и те же сроки, границы между этапами сами по себе не могут быть проведены жестко и абсолютно точно.

Поэтому для подростка четырнадцати лет будет "нормой" интеллектуальное развитие, как в возрасте тринадцати лет, так и пятнадцати лет, так как оно покрыто границами одного психологического возраста. При переходе за пределы минимальной величины, указанной границы возникает вопрос о невменяемости. Именно поэтому важно, мы считаем, чтобы законодатель пересмотрел вопрос о минимальном возрасте уголовной ответственности с большим учетом законов интеллектуального и волевого развития, установленных в психологии.

Важным показателем, характеризующим нравственный фон несовершеннолетнего лица, является его отношение к социальным аномалиям, в первую очередь к алкоголизму. [6, с.142]

Криминогенный эффект алкоголя очевиден. Употребление алкоголя отрицательно влияет на нервную систему, дезорганизует наиболее важные психологические процес-

сы возбуждения и торможения. Это приводит к потере самоконтроля, которая во многих случаях способствует совершению преступлений.

В настоящее время наиболее распространены преступления, совершенные так называемыми "трудными" подростками. Исследования показали, что подростки-правонарушители характеризуются низким уровнем развития познавательных и социальных интересов. У несовершеннолетних формирование таких идеалов происходит под чрезмерным влиянием сверстников, особенно старшего возраста, с опытом антисоциального поведения. У большинства подростков в структуре личности преобладают отрицательные качества: лень, апатия, безответственность и бесчувственности, агрессивное поведение и так далее. [7, с.378]

Мы считаем, что основным условием для формирования личности "трудных" подростков в большинстве случаев выступают отрицательные семейные обстоятельства. В основном, в этих семьях процветают пьянство, наркомания, проституция, нет никаких моральных принципов, элементарная культура. [8, с.86]

Как правило, трудные подростки характеризуется негативным отношением к обучению, которое, в конечном счете, противопоставляет их классу, школе и так далее. Начало этой оппозиции лежит в мотивах учебной деятельности. Если большинство детей в процессе обучения преобладают познавательные причины, то для трудных подростков в том же самом процессе доминирует мотив принуждения.

Такая безнадзорность усложняет развитие несовершеннолетних, препятствуя их социализации, предотвращая образование потребностей и интересов, оказывая разрушительное воздействие на социально-полезную и значимую поведенческую активность подростков. [9, с.160]

При слабом воспитательном воздействии у ребенка не происходит достаточно интенсивного развития и настройки функций, таких как восприятие, память, мышление и др. В результате недостаточного развития высших психических функций может проявляться неспособность психически здорового несовершеннолетнего полностью и правильно осознавать значение своих действий в той или иной ситуации.

Психическое отставание несовершеннолетних включает и обратное явление – значительно выше, чем нормальный уровень интеллектуального и волевого развития. А. В. Ченцова предлагает дополнить в действующее законодательство норму об уголовной ответственности несовершеннолетнего, что он может быть субъектом преступления до 14 (16) лет, если он совершает преступление неоднократно и умышленно, несмотря на то, что он не достиг возраста уголовной ответственности, но имеет более высокий интеллектуальный уровень, чем его сверстники и равный уровень совершеннолетних, которые являются субъектами преступления. [5, с.87]

С этим утверждением мы не можем согласиться. Законодатель всегда связывает деликтоспособность лица с достижением определенного возраста. Возраст - одна из главных характеристик виновного, поэтому привлечение к ответственности лиц, не достигших возраста уголовной ответственности является нарушением принципа равенства перед законом (статья 4 Уголовного кодекса.).

Особой проблемой является вопрос проведения времени досуга. Как правило, количество свободного времени у несовершеннолетних правонарушителей несколько больше, чем у законопослушных сверстников. Незанятый трудоспособный молодой человек работой или учебой имеет криминогенное значение, поскольку лишает его возможности производить честным путем средства к существованию, дает много свободного времени, которое может быть использовано ими против интересов общества, удаляет из сферы требуемого уровня общественного контроля и позитивных отношений в коллективе.

Таким образом, мы можем выделить следующие особенности личности несовершеннолетних правонарушителей: отсутствие интереса к познавательной деятельности и

когнитивная дефицитарность. Он может при первой оценке давать впечатление умственной отсталости, особенно если сознательно или бессознательно это преувеличивается. В то же время, как правило, есть хорошая социальная направленность, в сочетании с возможностью манипулировать другими или использовать внешние обстоятельства в свою пользу; отсутствие способности к сопереживанию, наличие недостаточной глубины эмоциональной эмпатии, безразличие к чувствам других людей, в сочетании с неспособностью создать и поддерживать эмоционально насыщенные, стабильные отношения; игнорирование человеческих ценностей, усвоение навыков антисоциального поведения и общего социально-правового нигилизма; эгоцентризм с чувством законности антиобщественного поведения, с постоянным желанием оправдать последствия своих действий; отсутствие глубоких личных реакций с чувством вины за серьезные социальные последствия своих действий; повышенная восприимчивость к влиянию взрослых правонарушителей или группы; раннее начало курения, алкоголизма и высокий риск употребления психоактивных веществ.

Список используемой литературы и источников

1. Дугарская, Т.А., Сербулева, А.А. Значение изучения личности несовершеннолетних преступников в регионе [Текст]: В сборнике: Актуальные проблемы социально-гуманитарных знаний Сборник статей/ Отв. редактор Мысенко Г.В. – Москва, 2015. – С. 184.
2. Ермасов, Е.В. Нормативно-правовые основы изучения личности несовершеннолетних правонарушителей [Текст] / Е.В.Ермасов // Развитие личности. – 2011. – № 3. – С.202.
3. Криминология [Текст]: Учебник для вузов / под ред. проф. В.Д. Малкова — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: ЗАО «Юстицинформ», 2011. — С. 349.
4. Гусейнов, А.Б. Особенности личности несовершеннолетних правонарушителей [Текст] / А.Б.Гусейнов // Теория и практика общественного развития. – 2008. – № 2. – С. 115.
5. Гавриленко, А.А., Горбачёва, Е.В. Значение установления отдельных данных, характеризующих личность несовершеннолетнего обвиняемого в уголовном судопроизводстве [Текст] / А.А.Гавриленко, Е.В.Горбачева // Сибирский юридический вестник. – 2012. – №4. – С.84-87.
6. Гудина, М.В. Характерные черты личности несовершеннолетних, совершивших преступления [Текст] / М.В.Гудина // Перспективы науки – 2012. – №8(35). – С.142.
7. Васильев, В.Л. Юридическая психология [Текст]: Учебник для вузов / В.Л.Васильев. - 6-е изд. – СПб.: Питер, 2009. – С. 378.
8. Никулина, О.А. Особенности криминологического изучения личности несовершеннолетнего преступника [Текст] / О.А.Никулина // Вестник Воронежского института ФСИН России. – 2015. – № 1. – С. 86.
9. Голубничная, Л.С. Криминологическая характеристика личности несовершеннолетнего преступника [Текст] / Л.С.Голубничная // Амурский научный вестник. – 2015. – №1. – С.160.
10. Шайкова, М.В. Психолого-криминологическая характеристики личности несовершеннолетних преступников [Текст] / М.В.Шайкова // Российская наука и образование сегодня: проблемы и перспективы. - 2015.- № 2 (5). - С. 85-88.
11. Шайкова, М.В. Психолого-криминологический анализ генезиса девиантного и делинквентного поведения (на примере Курской области) [Текст] / М.В.Шайкова.- Курск, ЮЗГУ.- 2015.

УДК 343.13

А.В. Шатрова, аспирант кафедры уголовно-процессуального права имени Н.В. Радутной Российского государственного университета правосудия, судья Норильского городского суда Красноярского края

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УЧАСТИЯ В СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЯХ
ЗАКОННОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ЛИЦА, В ОТНОШЕНИИ КОТОРОГО
ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ ПРОИЗВОДСТВО О ПРИМЕНЕНИИ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ
МЕР МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА**

Статья раскрывает отдельные проблемы привлечения в уголовный процесс законного представителя лица, страдающего психическим расстройством. Автор вносит предложения по решению указанных проблем на уровне законодательства и правоприменения.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, принудительные меры медицинского характера, законный представитель, судебная экспертиза.

**RELEVANT PROBLEMS OF THE LEGAL REPRESENTATIVE OF THE PERSON
GOING THROUGH PROCEEDINGS ON THE APPLICATION OF COMPULSORY
MEDICAL MEASURES PARTICIPATING IN THE INVESTIGATIVE ACTIONS**

The article reveals certain problems of involving a legal representative of a person suffering from a mental disorder in the criminal process. The author makes suggestions for solving these problems at the level of legislation and enforcement.

Keywords: criminal proceedings, compulsory medical measures, legal representative, forensic examination.

Задачами производства принудительных мер медицинского характера, закрепленными в Главе 51 УПК РФ является защита прав лиц, в отношении которых осуществляется такое производство. Лица, совершившее общественно-опасное деяние в состоянии невменяемости, или у которых после совершения преступления наступило психическое расстройство наделяются процессуальной дееспособностью лично участвовать в уголовном судопроизводстве. Вместе с тем, данная категория лиц, является наиболее уязвимой из имеющихся категорий участников уголовного процесса, в связи с чем УПК РФ предусмотрел дополнительную гарантию прав, свобод и законных интересов такого лица – обязательное участие законного представителя, наряду с участием профессионального защитника.

Ст. 437 УПК РФ обязывает следователя привлекать к участию в уголовном деле законного представителя, о чем следует выносить постановление.

Законодатель, предусмотрев обязательное участие законного представителя, остановился на половине пути, не включив его в Главу 7 УПК РФ как самостоятельного участника уголовного судопроизводства со стороны защиты. В рамках УПК РФ закреплено лишь понятие законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого [1].

Как показывает анализ правоприменительной практики, в целом, следователями данная норма закона соблюдается, к участию в уголовном деле допускается законный представитель для защиты прав и законных интересов указанного лица.

Вместе с тем, остается открытым вопрос, в какой момент следователю необходимо принять процессуальное решение о привлечении к участию в производстве по делу законного представителя?

Некоторые исследователи, опираясь на нормы гражданского права рассуждают об отсутствии необходимости признания лица законным представителем недееспособного [1, с. 58].

В.В. Шумановский считает, что выносить постановление о признании законным представителем нет необходимости, поскольку законный представитель выступает в защиту прав и законных интересов такого лица в силу закона, а значит, законное представительство порождается самим административным актом органов опеки и попечительства, либо фактом нахождения лица на попечительстве у государственных органов, учреждений [2, с. 9-10].

С.В. Гусева так же полагает, что важным является не вынесение постановления о признании лица в качестве законного представителя, поскольку он признан таковым в силу закона, а о его допуске к участию в производстве по уголовному делу [3, с. 104-105].

А.Ю. Коптяев обращает внимание на то, что вынесение постановления об участии законного представителя является традиционным в уголовном процессе, данное постановление содержит в себе информацию о моменте допуска к участию в уголовном деле, личности законного представителя, что, безусловно, должно оставаться в компетенции следователя и суда, а данное решение должно быть оформлено в виде властно распорядительного документа – постановления [4, с. 75].

Соглашаясь с точкой зрения большинства ученых, полагаем, что вынесение постановления о привлечении к участию в уголовном деле законного представителя является обязательным, прежде всего для доказательственного значения по уголовному делу, поскольку указанное процессуальное решение фиксирует момент вступления данного участника в уголовное дело.

Верховный Суд РФ в Постановлении от 7.04.2011 № 6 «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера», указал на обязательное участие законного представителя по уголовным делам, по данной категории уголовных дел, не отразив момент, с которого законный представитель признается таковым и допускается к участию в уголовном деле. Вместе с тем, в пункте 12 данного Постановления указано, что участие защитника по такой категории уголовных дел необходимо с момента вынесения постановления о назначении в отношении лица судебно-психиатрической экспертизы.

Толкование, данное в указанном Постановлении, позволяет сделать вывод о том, что вынесение постановления о привлечении к участию в уголовном деле законного представителя по уголовным делам, производство по которым проводится с применением положений Главы 51 УПК РФ должно иметь место не позднее вынесения постановления о назначении судебно-психиатрической экспертизы.

Большинство ученых придерживаются точки зрения о необходимости привлекать к участию законного представителя, как можно раньше, при наличии оснований сомневаться во вменяемости подозреваемого, обвиняемого.

По мнению М.Ш. Буфетовой привлекать законного представителя к участию в уголовном деле необходимо с момента, когда следователь располагает документами, свидетельствующими о наличии психического заболевания [5, с. 79].

А.Ю. Коптяев предлагает определить момент привлечения законного представителя к участию в уголовном деле с момента получения достоверной информации о психическом расстройстве душевнобольного (справки, история болезни, медицинские документы), еще до вынесения постановления о назначении судебно-психиатрической экспертизы [4, с. 76].

А.И. Говрунова считает возможным привлекать законного представителя к участию в уголовном деле, как с момента вынесения следователем постановления о назначении психиатрической экспертизы в отношении лица, страдающего психическим расстрой-

ством, так и результатов данной экспертизы, свидетельствующей о необходимости применения принудительных мер медицинского характера [5, с. 30].

Такими сомнениями о вменяемости подозреваемого, обвиняемого, согласно разъяснениям, данным Пленумом Верховного Суда Российской Федерации от 7.04.2011 № 6 могут быть наличие данных о том, что ранее ему оказывалась психиатрическая помощь, подозреваемый, обвиняемый помещался в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь, признавался невменяемым по другому уголовному делу, странности в его поступках и высказываниях, его собственные заявления о психопатических переживаниях.

Как часто бывает на практике, такие сомнения уже могут возникнуть при первом допросе подозреваемого, а также могут быть связаны с конкретным способом совершения преступления, применением извращенных методов, с особой жестокостью, то есть, признакам, несвойственным здоровому человеку.

Безусловно, мы разделяем позицию большинства ученых относительно необходимости вынесения постановления о привлечении к участию законного представителя с момента возникновения сомнений о вменяемости подозреваемого, обвиняемого, то есть до назначения судебно-психиатрической экспертизы, получения заключения эксперта, что позволит на более ранней стадии предварительного расследования обеспечить права, свободы лица, страдающего психическими расстройствами, а также исключить вопросы о недопустимости доказательств, полученных при первоначальных следственных действиях с участием такого лица.

В соответствии с требованиями ст. 437 УПК РФ, законным представителем по данной категории уголовных дел привлекаются близкий родственник, а при его отсутствии орган опеки и попечительства. В части второй данной статьи закреплены права законного представителя, которые, по мнению ученых, требуют существенной доработки и дополнения [6, с. 151-152].

По нашему мнению, законного представителя лица, страдающего психическим заболеванием необходимо наделить правом давать показания именно в качестве законного представителя, поскольку на практике данные допросы оформляются протоколом допроса свидетеля, соответственно с разъяснениями положений ст. 56 УПК РФ, тогда как статус свидетеля по уголовному делу и законного представителя лица, в отношении которого проводится производство о применении принудительных мер медицинского характера безусловно различен. Законный представитель должен иметь закрепленное на законодательном уровне право отказаться свидетельствовать против представляемого им лица.

С.В. Гусева в своем исследовании отмечает, что, «исходя из того, что заставить законного представителя свидетельствовать в ущерб своему представляемому невозможно даже под угрозой наказания, было бы правильно рассматривать дачу показаний не как обязанность, а как право, от использования которого законный представитель может отказаться в силу свидетельского иммунитета, гарантированного Конституцией РФ» [3, с. 104-105].

В 85% изученных нами уголовных дел следователи после того, как привлекают к участию в уголовном деле законного представителя допрашивают его в качестве свидетеля, разъясняя права и обязанности данного участника уголовного судопроизводства.

На наш взгляд, процессуальный статус законного представителя и свидетеля по уголовному делу не имеет между собой ничего общего.

Законный представитель, например, должностное лицо органа опеки и попечительства, по закону наделенный правом представлять интересы своего подопечного, и соответственно, действующий в его интересах, не вправе отказаться свидетельствовать против своего подопечного, что ставит в сложное положение законного представителя из числа близких родственников, который в силу п.1 ч.4 ст. 56 УПК вправе отказаться

свидетельствовать против своего близкого родственника. В связи с этим Л.Г. Татьяна предлагает расширить перечень доказательств, предусмотренных ст. 74 УПК РФ, показаниями законного представителя, что, на наш взгляд, положительно скажется на защите прав лиц, в отношении которых ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера [7, с. 209].

Соглашаясь с мнением других исследователей, мы также считаем, что права законного представителя лица, в отношении которого осуществляется производство о применении принудительной меры медицинского характера требуют тщательной и логичной доработки на законодательном уровне с тем, чтобы надлежащим образом обеспечить защиту интересов такого лица.

Список используемой литературы и источников

1. Марковичева, Е.В. Проблемы назначения и замены законного представителя несовершеннолетнего в российском уголовном процессе [Текст] / Е.В.Марковичева // Судья. -2015.- № 7 (55). -С. 24-26.
2. Трошкин, Е.З., Захаров, А.С. Досудебное производство по уголовным делам об общественно-опасных деяниях невменяемых лиц [Текст]: монография /Е.З.Трошкин, А.С.Захаров. – М.: ЮНИТИ-ДИАНА: Закон и право, 2010.
3. Шумановский, В.В. Правовое положение законных представителей в уголовном процессе [Текст] /В.В.Шумановский. - Л., 1977.
4. Гусева, С.В. Особенности предварительного следствия по делам невменяемых лиц и лиц, заболевших психическими расстройствами после совершения преступления [Текст]: дис. ... канд.юрид. наук /С.В.Гусева. - М., 2000.
5. Коптяев, А.Ю. Производство о применении принудительных мер медицинского характера [Текст]: дис. ...канд. юрид. наук /А.Ю.Коптяев. - Тюмень, 2010.
6. Буфетова, М.Ш. Производство о применении принудительных мер медицинского характера [Текст]: дис. ...канд. юрид. наук /М.Ш.Буфетова. - Иркутск, 2004.
7. Говрунова, А.И. Уголовно-процессуальные проблемы применения принудительных мер медицинского характера [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук /А.И.Говрунова. - Краснодар, 2009.
8. Татьяна, Л.Г. Процессуальные проблемы производства по уголовным делам с участием лиц, имеющих психические недостатки (вопросы теории и практики) [Текст]: дис. ... докт. юрид. наук /Л.Г.Татьянина. - Ижевск, 2004.

УДК 340.1

В.Б. Шерстнев, преподаватель кафедры предварительного расследования Нижегородской академии МВД России, адъюнкт заочной формы обучения по кафедре уголовного процесса Нижегородской академии МВД России, научный руководитель – профессор С.В. Власова

ПРЕКРАЩЕНИЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА О НАЛОГОВОМ ПРЕСТУПЛЕНИИ В ХОДЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ В СВЯЗИ С ВОЗМЕЩЕНИЕМ УЩЕРБА

Схема разрешения уголовно-правовых споров в связи с полным возмещением ущерба от преступления, заложенная в статью 28.1 УПК РФ, оказалась очень перспективной. С момента своего создания в 2010 году она последовательно усовершенствовалась законодателем и к настоящему времени стала основной формой замены применения уголовного закона за совершение налоговых преступлений денежной компенсацией. Фискальный интерес и прагматизм в урегулировании налоговых правоотношений составили основную интенцию совершенствования этого правового механизма. Его формирование можно будет считать законченным после введения следственного судьи и су-

дебного порядка принятия решения о замене уголовного наказания выплатой полного возмещения ущерба и штрафа.

Ключевые слова: налоговые преступления, возмещение ущерба, штраф, прекращение уголовного дела

SURCEASE OF A CRIMINAL CASE OF A TAX CRIME DURING THE PRELIMINARY INVESTIGATION IN CONNECTION WITH COMPENSATION FOR DAMAGE

The scheme for resolving criminal law disputes in connection with the full compensation of damage from a crime laid down in article 28.1 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation proved to be very promising. Since its inception in 2010, it has been consistently improved by the legislator and has now become the main form of replacing the application of the criminal law for tax crimes with monetary compensation. Fiscal interest and pragmatism in the settlement of tax relations constituted the main intention to improve this legal mechanism. Its formation can be considered completed after the introduction of the investigating judge and the judicial procedure for the adoption of a decision on the replacement of criminal punishment by payment of full damages and fines.

Keywords: tax crimes, redress, penalty, termination of criminal proceedings

В российской уголовной политике противодействия налоговой преступности сделан акцент на обеспечение фискальных интересов государства. Для их приоритетной защиты снижено значение таких ранее незыблемых правовых основ противодействия преступности, как неотвратимость уголовной ответственности, справедливость (социальная), равенство всех лиц перед законом и судом. Возобладали соображения целесообразности и экономического прагматизма.

Законодатель специально создал правовой механизм, позволяющий лицу, совершившему налоговое преступление, избежать уголовной ответственности при условии возмещения ущерба от налогового преступления в полном объеме.

Центральной деталью данного механизма стала статья 28.1 УПК РФ. После многочисленных попыток редактирования этой статьи, правовая конструкция заложенная в нее, очевидно, приведена в оптимальное состояние Федеральным законом от 27.12.2018 № 533-ФЗ [1], что нашло отражение в ее новом названии: «Прекращение уголовного преследования в связи с возмещением ущерба».

В сочетании с нормами статьи 76.1 УК РФ и примечаниями к статьям о налоговых преступлениях особенной части уголовного кодекса (ст. ст. 198-199.1 УК РФ) нормы статьи 28.1 УПК РФ позволяют говорить о наличии в настоящее время трех процедур прекращения уголовного дела о налоговом преступлении в связи с возмещением ущерба. Во-первых, это процедура прекращения уголовных дел о преступлениях, предусмотренных статьями 198-199.1 УК РФ в связи с возмещением ущерба в «полном объеме» (содержание последней формулировки раскрывается в части второй статьи 28.1 УПК РФ).

Во-вторых, это процедура прекращения уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 199.2 УК РФ - в связи с возмещением ущерба, причиненного государству в результате совершения преступления, и перечислением в федеральный бюджет денежное возмещение в размере двукратной суммы причиненного ущерба.

И наконец, есть третья процедура, предусмотренная частью третьей.1 статьи 28.1 УПК РФ, которая имеет своим предметом статьи 198-199.2 УК РФ, и представляющая собой форму применения части третьей статьи 76.1 УК РФ.

Следует согласиться с мнением некоторых ученых [6, С. 80-87] о том, что нормы статьи 28.1 УПК РФ и ст. 76.1 УК РФ составляют ядро правовой системы, регулирующей разрешением согласительным путем уголовно-правового конфликта в сфере применения законодательства о налогах и сборах. К этому ядру примыкают нормы, содержа-

щиеся в пункте третьем части первой ст. 27, а также нормы, содержащиеся в статьях 25.1, 28 УПК РФ и соответствующих им нормам уголовного кодекса (ст. 75, 76.2 УК РФ).

Объединительным началом для всех этих процедур является требование о возмещении ущерба, причиненного налоговым преступлением бюджетной системе. Общей является согласительная сущность этих процедур, что позволяет их считать российской разновидностью модели «трасакции», т.е. соглашения сторон об условиях прекращения уголовного преследования в обмен на денежную компенсацию [9, С. 38-41]. Поэтому обязательным условием прекращения уголовного дела о налоговом преступлении по любому из указанных выше оснований является согласие обвиняемого на прекращение уголовного дела. Кроме того, на наш взгляд, такое решение не может состояться без согласия прокурора, а также потерпевшего, в качестве которого по делам о налоговых преступлениях выступает представитель органа ФНС. Следователь следственного комитета России, уполномоченный на ведение и прекращение уголовных дел о налоговых преступлениях, должен получить не только согласие руководителя следственного органа на такой исход дела, но и учесть позицию гражданского истца, прокурора. В противном случае его постановление становится уязвимым в виду негативной позиции указанных участников, каждый из которых имеет возможность на его отмену прямо (как прокурор) или опосредованно – через механизм обжалования (как гражданский истец).

Несмотря на то многое, что объединяет все согласительно-компенсаторные процедуры разрешения уголовно-правовых споров о разрешении уголовных дел о налоговых преступлениях, между ними есть, разумеется, различия. В нашей статье мы обратим внимание на применение статей 25.1 и 28 УПК РФ как различных возможных вариантах разрешения уголовного дела о налоговом преступлении в связи с возмещением ущерба.

Мы разделяем мнение о том, что по основанию, предусмотренному статьей 28 УПК РФ (ст. 75 УК РФ), уголовное дело о налоговом преступлении в стадии предварительного расследования не может быть прекращено, ибо статья 28.1 УПК полностью покрывает ситуацию «деятельного раскаяния» и подлежит применению в императивно-правовом порядке. Кроме того, она несет более благоприятные последствия для обвиняемого, чем обычное деятельное раскаяние [5, С. 97-102]. Между тем, данное основание применимо в судебных стадиях, в случае, когда ущерб был возмещен обвиняемым, подсудимым не в полном объеме [3, С. 303-310], что было подтверждено Конституционным Судом РФ [2].

Если же в ходе предварительного следствия ущерб обвиняемым не был возмещен в полном объеме, не были выполнены требования, указанные в статье 28.1 УПК РФ (ст. 76.1 УК РФ) уголовное дело подлежит направлению в суд с обвинительным заключением.

Отметим, кстати, что, по мнению ряда специалистов, с которым мы склонны согласиться, при производстве предварительного следствия о налоговом преступлении не могут быть применены основания, предусмотренные пунктами 5 и 6 части первой статьи 24 УПК РФ, а также основания, предусмотренные статьями 25, 427 УПК РФ [4, С. 145-156].

Наибольшие дискуссии связаны с возможностью прекращения следователем Следственного Комитета России с согласия руководителя следственного органа уголовных дел о налоговых преступлениях в соответствии со статьей 25.1 УПК РФ, на основании ст. 76.2 УК РФ.

Непосредственно после введения в отечественное законодательство института, предусмотренного ст. 25.1, главой 51.1 УПК РФ и ст. 76.2 УК РФ, было высказано мнение о недопустимости прекращения уголовных дел в ситуациях, указанных в ст. 76.1 УК

РФ и в частях 1-3 ст. 28. 1 УПК РФ, по основанию, предусмотренному ст. 25.1 УПК РФ, 76.2 УК РФ. Допустить применение ст. 76.2 УК РФ к «экономическим преступникам», по их мнению, означало бы, по их мнению «похоронить» идею, заложенную в ст. 76.1 УК РФ, отказавшись от получения от виновного достаточных гарантий воздержания от совершения преступлений в будущем [8, С. 119-120]. В качестве довода в подтверждение правоты данного утверждения использовалось буквальное толкование частей первой и третьей статьи 28.1 УПК РФ и статьи 76.1 УК РФ. Часть 1 ст. 76.1 УК РФ не содержит указания ни на какие-либо условия ее применения, помимо возмещения в полном объеме ущерба, причиненного преступлением бюджетной системе Российской Федерации, и совершения соответствующего преступного деяния впервые. Ее реализация при наличии данных обстоятельств обязательна, безусловна и не предполагает наложения на лицо каких-либо взысканий. Всего этого не скажешь о ст. 76.2 УК РФ. Сделать при обстоятельствах, описанных в ч. 1 ст. 76.1 УК РФ, выбор в пользу ст. 76.2 УК РФ было бы несправедливо, и противоречило бы закону, поскольку в этом случае уголовное преследование лица должно быть прекращено на основании ч. 1 ст. 76.1 УК РФ, и никаких возможностей для уклонения суда от исполнения соответствующей обязанности закон ему не предоставляет [8, С. 120].

Между тем, практика опровергла данную позицию: в 2017 году было прекращено 70 уголовных дел о налоговых преступлениях по основанию, предусмотренному ст. 25.1 УПК РФ, а в 2018 – уже 118 [10].

Мы разделяем мнение о том, что уголовное дело о налоговом преступлении по основанию, предусмотренному статьей 25.1 УПК РФ, может быть прекращено в ходе досудебного производства. При этом фактор возмещения ущерба сохраняет свою силу.

Несомненно, фактором, побуждающим следователей Следственного комитета РФ применять статью 25.1 УПК РФ по уголовным делам о налоговых преступлениях, является и то, что таким образом они могут «обходить» прокурора при направлении дела в суд.

И наконец, в пользу данной процедуры разрушения уголовно-правового конфликта является то, что в ней главная роль принадлежит суду. Именно судебная власть должна решать вопросы о применении мер, альтернативных уголовному наказанию, при совершении лицом преступления.

Заметим, кстати, что если уголовное дело о налоговом преступлении было направлено с обвинительным заключением, то суд по своей инициативе, по ходатайству сторон не вправе применить основание, предусмотренное ст. 25.1 УПК РФ, поскольку в случае полного возмещения ущерба до удаления суда в совещательную комнату суд должен будет прекратить уголовное дело только по ст. 28.1 УПК РФ.

Можно по-разному оценивать политико-правовую, идеологическую сущность российского варианта трансакции – прекращения уголовного дела о налоговом преступлении в связи с возмещением ущерба. Даже в случае негативной оценки его политико-правовой составляющей [7, С. 80-93] общепризнано, что следователь обязан прекратить уголовное дело о налоговом преступлении в связи с полным возмещением ущерба по одному из оснований, предусмотренных законом, руководствуясь принципом наибольшего благоприятствования для обвиняемого, т.е. применяя то основание, которое создает наиболее благоприятный режим для достижения главной цели – возмещение ущерба и порождает наименее тяжкие правовые последствия для лица, в отношении которого применяется такое решение.

Список используемой литературы и источников

1. «О внесении изменений в статьи 76.1 и 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [Текст]: федеральный закон от 27.12.2018 N 533-ФЗ //СЗ РФ. – 2018- № 53 (часть I)- ст. 8459.

2. «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Земцова Василия Михайловича на нарушение его конституционных прав статьей 76.1, пунктом 2 примечаний к статье 198, пунктом 2 примечаний к статье 199 Уголовного кодекса Российской Федерации, частями первой и третьей статьи 28.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Текст]: определение Конституционного Суда РФ от 16.07.2013 № 1226-О// Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 27 сентября 2019 г.).

3. Алаев, Р.С. Основание прекращения уголовного преследования, предусмотренное статьей 28¹ УПК РФ, как разновидность деятельного раскаяния [Текст] / Р.С.Алаев // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2011. – № 2 (15). – С. 303-310.

4. Алаев, Р.С. Некоторые особенности прекращения уголовных дел о налоговых преступлениях [Текст] / Р.С.Алаев // Вестник Нижегородской правовой академии. – 2014. – № 1(1). – С. 145-156.

5. Александров, А.С. Прекращение уголовного преследования по делам, связанным с нарушением законодательства о налогах и сборах (ст. 28¹ УПК) [Текст] / А.С.Александров // Уголовное право. – 2010. – № 2. – С. 97-102.

6. Александров, А.С., Алаев, Р.С. Прекращение уголовного преследования (дела) в связи с амнистией [Текст] / А.С.Александров // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2014. – № 1 (27). – С. 80-87.

7. Александров, А.С., Александрова, И.А. Особый (частно-публичный) организационно-правовой механизм применения уголовного закона в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности [Текст] / А.С.Александров, И.А.Александрова // Журнал российского права. – 2018. – № 2 (254). – С. 80-93.

8. Лобанова, Л.В., Мкртчян, С.М. Некоторые проблемы установления и реализации нового основания освобождения от уголовной ответственности [Текст] / Л.В.Лобанова, С.М.Мкртчян // Уголовное право. – 2016. – № 6. – С. 111-121.

9. Сычев, П.Г. Досудебные стадии судопроизводства по уголовным делам об экономических преступлениях: тенденции развития и правоприменения [Текст] / П.Г.Сычев // Российский следователь. – 2013. – № 21. – С. 38-41.

10. Показатели оснований прекращения уголовных дел. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс] // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>

УДК 343.163

А.И. Шмарев, канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного процесса и правоохранительной деятельности, ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»

К ВОПРОСУ О ФОРМАХ РЕАГИРОВАНИЯ ПРОКУРОРА НА НАРУШЕНИЯ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

В статье рассматривается несовершенство действующей редакции УПК Российской Федерации, наделывающей руководителя следственного органа рассматривать в течение 5 суток требование прокурора об отмене незаконного и необоснованного постановления следователя, в то время, когда УПК Российской Федерации предоставляет прокурору самостоятельно отменять такие постановления. Предлагается привести приказ Генерального прокурора Российской Федерации, устанавливающий другие виды реагирования прокурора на выявляемые нарушения федерального законодательства в стадии предварительного следствия, в соответствии со статьёй 37 УПК Российской Федерации.

Ключевые слова: прокурор, следователь, надзор, постановление, отмена.

ON THE QUESTION OF THE FORMS OF THE PROSECUTOR'S RESPONSE TO VIOLATIONS OF FEDERAL LEGISLATION DURING THE PRELIMINARY INVESTIGATION

The article deals with the imperfection of the current version of the criminal procedure code of the Russian Federation, empowering the head of the investigative body to consider within 5 days the Prosecutor's demand for the abolition of illegal and unjustified decisions of the investigator, at a time when the criminal procedure code of the Russian Federation provides the Prosecutor to independently cancel such decisions. Requested to bring the decree of the Prosecutor General of the Russian Federation establishes other types of reaction of the Prosecutor on the violations of Federal law in the preliminary investigation stage, in accordance with article 37 of the criminal procedure code of the Russian Federation.

Keywords: Prosecutor, investigator, supervision, resolution, cancellation.

В силу статьи 37 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК Российской Федерации) [1] прокурор при осуществлении надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия уполномочен:

проверять исполнение требований федерального закона при приёме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях;

требовать от следственных органов устранения нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе предварительного следствия;

истребовать и проверять законность и обоснованность решений следователя об отказе в возбуждении, приостановлении или прекращении уголовного дела и принимать по ним решение в соответствии с УПК Российской Федерации.

В случае несогласия руководителя следственного органа либо следователя с требованиями прокурора об устранении нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе предварительного следствия, прокурор вправе обратиться с требованием об устранении указанных нарушений к руководителю вышестоящего следственного органа. В случае несогласия руководителя вышестоящего следственного органа с указанными требованиями прокурора прокурор вправе обратиться к Председателю Следственного комитета Российской Федерации или руководителю следственного органа федерального органа исполнительной власти (при федеральном органе исполнительной

власти). В случае несогласия Председателя Следственного комитета Российской Федерации или руководителя следственного органа федерального органа исполнительной власти (при федеральном органе исполнительной власти) с требованиями прокурора об устранении нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе предварительного следствия, прокурор вправе обратиться к Генеральному прокурору Российской Федерации, решение которого является окончательным (часть 6 статьи 37 УПК Российской Федерации).

Право прокурора отменить незаконное и необоснованное постановление о возбуждении уголовного дела предусмотрено в части 4 статьи 146 УПК Российской Федерации.

Анализ вышеуказанных положений закона свидетельствует о том, что прокурор уполномочен требовать от следственных органов устранения нарушений федерального законодательства, а в случае признания незаконными и необоснованными постановлений следователя о возбуждении уголовного дела, об отказе в возбуждении уголовного дела, о приостановлении предварительного следствия и о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) отменяет их в установленный УПК Российской Федерации срок.

В части 4 статьи 39 УПК Российской Федерации (в редакции, действующей по состоянию на 25.10.2019) закреплено, что руководитель следственного органа рассматривает в срок не позднее 5 суток требования прокурора об отмене незаконного или необоснованного постановления следователя и устранении иных нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе досудебного производства, а также письменные возражения следователя на указанные требования и сообщает прокурору об отмене незаконного или необоснованного постановления следователя и устранении допущенных нарушений либо выносит мотивированное постановление о несогласии с требованиями прокурора, которое в течение 5 суток направляет прокурору.

Данное законоположение противоречит вышеприведённым полномочиям прокурора самостоятельно отменять незаконные и необоснованные постановления следователя.

Более того, не предоставляет прокурору полномочий обратиться к руководителю следственного органа с такой формой прокурорского реагирования на выявленные нарушения федерального законодательства как требование об отмене незаконного и необоснованного постановления следователя и приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 28.12.2016 № 826 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» [2], где говорится о единственно возможном виде реагирования на незаконные и необоснованные постановления следователя о возбуждении уголовного дела, об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) либо о приостановлении предварительного следствия – их отмене.

При таких обстоятельствах упоминания в части 4 статьи 38 УПК Российской Федерации о требовании прокурора отменить незаконное или необоснованное постановление следователя и о сообщении прокурору об отмене такого постановления подлежат исключению.

В пункте 1.23 обозначенного выше приказа Генерального прокурора Российской Федерации отмечается, что прокурору надлежит каждое полугодие обобщать и анализировать состояние прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия, в том числе результаты рассмотрения требований прокурора об устранении нарушений федерального законодательства, эффективность прокурорского реагирования; использовать полномочия, предоставленные пунктом 2 статьи 4, пунктом 3 статьи 22 и статьёй 24 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» [3], по внесению представлений и информированию руководителя следственного органа о состоянии законности и выявляемых нарушениях, если они носят сис-

тематический характер и их устранение требует принятия организационных мер, а также рассмотрения вопросов дисциплинарного воздействия в отношении нарушителей.

В статье 29 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» речь идет о том, что предметом прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими предварительное следствие, является соблюдение прав и свобод человека и гражданина, установленного порядка разрешения заявлений и сообщений о совершённых и готовящихся преступлениях, проведения расследования, а также законность решений, принимаемых органами, осуществляющими предварительное следствие.

Полномочия прокурора при осуществлении этого надзора, как указано в статье 30 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», установлены уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации.

Сведений о том, что прокурор при выявлении нарушений федерального законодательства уполномочен вносить руководителю следственного органа представление об их устранении, ни Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации», ни УПК Российской Федерации не содержат.

Более того, в пункте 27 статьи 5 УПК Российской Федерации под представлением понимается акт реагирования прокурора на судебное решение, вносимый в порядке, установленном УПК Российской Федерации.

В связи с этим прокурор на основании статей 5, 37, 146, 148, 211 и 214 УПК Российской Федерации при осуществлении прокурорского надзора за органами, осуществляющими предварительное следствие, уполномочен при выявлении нарушений федерального законодательства в соответствующей процессуальной форме требовать их устранения и своим мотивированным постановлением отменять незаконные и необоснованные постановления следователя о возбуждении уголовного дела, об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) либо о приостановлении предварительного следствия.

Другие формы прокурорского реагирования при осуществлении надзора за предварительным следствием такие как информация, в том числе направленные в порядке статьи 4 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», а также представления об устранении нарушений закона УПК Российской Федерации не приемлемы и не имеют юридической силы.

Полагаем допустимым внесение поименованных в предыдущем абзаце документов прокурорского реагирования наряду с другими при осуществлении надзора за деятельностью следственных органов вне уголовно-процессуальной сферы (например, при реализации приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 09.02.2012 № 39 «Об организации надзора за деятельностью Следственного комитета Российской Федерации вне уголовно-процессуальной сферы» [4])

Список используемой литературы и источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Текст]: федеральный закон от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 04.11.2019) // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 27 ноября 2019 г.).

2. «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» [Текст]: приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 28.12.2016 № 826 // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 27 сентября 2019 г.).

3. «О прокуратуре Российской Федерации» [Текст]: федеральный закон от 17.01.1992 N 2202-1 // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 27 сентября 2019 г.).

4. «Об организации надзора за деятельностью Следственного комитета Российской Федерации вне уголовно-процессуальной сферы» [Текст]: приказ Генерального

прокурора Российской Федерации от 09.02.2012 № 39// Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 27 сентября 2019 г.).

УДК 343.14

Т.А. Шнырёва, магистрант ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (г. Курск)

Научный руководитель: В.В. Струкова, канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (г. Курск)

ЗНАЧЕНИЕ И СУЩНОСТЬ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Настоящая статья посвящена рассмотрению вопроса значения доказательств при производстве по уголовному делу, а также их сущности. Раскрывается определение понятия доказательств, их признаки, а также виды. Определяются источники доказательств их виды. Проанализированы различные точки зрения относительно источников и видов доказательств, и обозначены различия между ними.

Ключевые слова: доказательства, обстоятельства подлежащие доказыванию, источники доказательств, стадия возбуждения уголовного дела, допустимость, относимость, достоверность.

SIGNIFICANCE AND SUMMARY OF EVIDENCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS IN MODERN RUSSIA

This article is devoted to the consideration of the importance of evidence in criminal proceedings, as well as their nature. The definition of the concept of evidence, their signs, and types are disclosed. The sources of evidence for their types are determined. Various points of view regarding the sources and types of evidence are analyzed, and the difference between them is indicated.

Keywords: evidence, circumstances to be proved, sources of evidence, stage of criminal proceedings, admissibility, relevance, reliability.

Одним из наиболее важных и сложных вопросов, разрабатываемых теорией доказательств, является определение понятия доказательства. Прежде всего следует отметить, что для признания сведений доказательствами требуется, чтобы они были установлены не иначе как в форме, предусмотренной ч. 2 ст. 74 УПК РФ. Каждое из обстоятельств, входящих в предмет доказывания (ст. 73 УПК РФ), а также иные обстоятельства, которые могут иметь значение для уголовного дела, дознавателем, следователем и судом могут быть установлены (доказаны) лишь посредством соответствующих носителей сведений, т. е. доказательств.

Любые сведения о конкретных обстоятельствах (явлениях, событиях, фактах) объективной действительности могут быть доказательствами по уголовному делу, если они добыты в установленном законом порядке. С другой стороны, доказательствами не могут выступать любые сведения, даже, на первый взгляд, и весьма ценные, если они по своей сути являются догадками, голословными утверждениями, абстрактными заявлениями, не подтвержденными конкретными фактами, установленными в соответствии с действующим законодательством. Доказательства - такие сведения, которые были вычленены из окружающей объективной обстановки. Первоначально эти данные существуют вне должностных лиц уголовного судопроизводства, они находятся в сознании других людей (которые приобретают тот либо иной статус в связи с производством по уголовному делу) или отображаются в свойствах и признаках объектов материального мира (предметов или документов) [5, с. 64-65]. Уже впоследствии, в процессе доказы-

вания, эти данные появляются в распоряжении следователя, дознавателя, судьи и используются для установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела [3, с. 5-10]. Анализ содержания указанной статьи УПК РФ позволяет выделить в уголовно-процессуальной доктрине следующие признаки доказательств:

1) доказательства представляют собой сведения о «внешних» событиях или явлениях, которые происходили в прошлом или имеют свою продолжительность в настоящем (в этом случае речь идет о событии преступления, которое продолжается до времени поступления информации о нем в соответствующий правоохранительный орган);

2) доказательствами являются «любые сведения», т. е. такая информация, на основании которой устанавливаются: как наличие, так и отсутствие события преступления; как виновность, так и невиновность конкретного лица; как наличие причиненного преступлением вреда, так и факт его отсутствия, и т. п. В таком случае, поскольку указанные в ч. 2 ст. 74 УПК РФ источники являются составной частью доказательств, их следует называть источниками сведений о фактах (процессуальными источниками), а источниками доказательств будут выступать субъекты, предоставившие информацию либо предметы, документы (материальные источники).

Конечно, сведения о фактах могут считаться доказательствами, только если они получены из источников, перечисленных в ч. 2 ст. 74 УПК РФ. Но это отнюдь не исключает возможности их раздельного рассмотрения.

Так, следует иметь в виду, что сведения об одном факте могут быть получены из нескольких источников; из одного источника могут быть получены сведения о нескольких фактах. Кроме того, источник может вообще не содержать сведений о фактах, относящихся к уголовному делу.

Таким образом, под перечисленными в ч. 2 ст. 74 УПК РФ носителями информации следует понимать именно источники доказательств, а самими доказательствами являются сведения, которые в этих источниках содержатся.

К этим источникам относятся:

1. Показания подозреваемого, обвиняемого;
2. Показания потерпевшего, свидетеля;
3. Заключение и показания эксперта;
4. Заключение и показания специалиста;
5. Вещественные доказательства;
6. Протоколы следственных и судебных действий;
7. Иные документы [6, с 51].

Внесенные Федеральным законом от 04.03.2013 года № 23-ФЗ изменения в УПК РФ, по сути, включили в число источников доказательств объяснения (ч. 1,2 ст. 144 УПК). Во-первых, в данном случае нарушено общепризнанное теоретическое положение о том, что изменениями, вносимыми в особенную часть УПК РФ, как и любого другого кодекса, не могут изменяться нормы общей его части, что имеет место в данном случае, ведь в ч. 2 ст. 74 УПК РФ никаких изменений не внесено. Во-вторых, объяснения не должны служить самостоятельными источниками доказательств, поскольку предусмотрен специальный источник - показания. Процессуальный порядок получения показаний носит совершенно иной характер, и они не могут подменяться объяснениями.

Указанными выше изменениями допустили не только возможность назначения, но и производства экспертизы в стадии возбуждения уголовного дела, о чем писали многие ученые [1, с. 145] [2, с. 123].

Необходимо отметить, что в ч. 1 ст. 74 УПК РФ прямо указано, что доказательствами являются не фактические данные (как это было в УПК РСФСР), а сведения о фактах. В результате рассмотрения вопросов, связанных с понятием и источниками доказательств, можно сделать вывод, что любое доказательство должно иметь: во-первых, содержательную сторону, т. е. описывать определенные обстоятельства, которые имели

или, наоборот, не имели места (так называемые негативные обстоятельства), но в любом случае они должны иметь отношение к уголовному делу; во-вторых, внешнюю процессуальную форму выражения, подтверждающую, что для изъятия сведений из окружающей среды было использовано надлежащее средство доказывания; в-третьих, должен быть соблюден строгий порядок собирания и последующего исследования информации. В то же время следует заметить, что теоретически любые сведения могут стать доказательствами, при тех важнейших условиях, что они, во-первых, позволяют установить то либо иное обстоятельство из перечня имеющих значение для уголовного дела, и, во-вторых, реально связаны с таким событием.

В заключение сделать некоторые выводы. Согласимся с позицией М.А. Кочкиной, предлагающей изложить ч. 1 ст. 74 УПК РФ в новой редакции, указав в определении доказательств, что ими являются не «любые», а именно фактические сведения, к тому же полученные в предусмотренном законом порядке. Данная трактовка устранил имеющиеся сомнения в нынешнем определении понятия доказательств, так как «любые сведения» могут истолковываться и как сведения, полученные вне установленного порядка [4, с. 139]. Анализируя различные точки зрения относительно источников и видов доказательств, необходимо обозначить различие между ними. Сделать это можно на примере показаний определенного участника уголовного судопроизводства. Так, следует относить показания к видам доказательств, а протокол допроса - к источникам доказательств, полученных при проведении допроса конкретного участника уголовного судопроизводства. Под относимостью доказательств следует понимать такое их свойство, которое позволяет использовать конкретный установленный в законном порядке факт для выяснения наличия или отсутствия какого-либо обстоятельства, входящего в предмет доказывания по расследуемому уголовному делу, или иного обстоятельства, которое также имеет значение для уголовного дела. Под свойством допустимости доказательств понимается определение законности источника доказательств, способов получения и закрепления сведений, т. е. его пригодность для использования при установлении обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, как отвечающего требованиям закона относительно порядка получения, закрепления и исследования, а также достоверности его источника.

Список используемой литературы и источников

1. Белкин, Р.С., Винберг, А.И. Криминалистика и доказывание (методологические проблемы) [Текст] / Р.С. Белкин, А.И. Винберг. - М.: Юрид. лит., 1969. - 215 с.
2. Белозеров, Ю.Н., Чувилев, А.А. Разрешение вопроса о возбуждении уголовного дела [Текст] / Ю.Н. Белозеров, А.А. Чувилев. - М.: Юрид. лит., 1972. - 256 с.
3. Ведищев, Н. П. Будущее «объективной истины» в современном уголовном судопроизводстве России [Текст] / Н.П. Ведищев // Адвокат. - 2014. - № 6. - С. 5-10.
4. Кочкина, М. А. Бобков, Я. И. Оценка достаточности доказательств на этапе окончания предварительного расследования по уголовному делу [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Кочкина Мария Алексеевна. - М., 2015. - 197 с.
5. Филенков, А.В., Шматов, М.А. О сущности доказательств в уголовном судопроизводстве [Текст] / А.В. Филенков, М.А. Шматов // Молодой ученый. - 2016. - №8.1. - С. 64-65.
6. Якимович, Ю.К. Доказательства и доказывание в уголовном процессе России [Текст]: учеб. пособие / Ю.К. Якимович. - Томск: Изд-во Том. Университета, 2015. - 80 с.

УДК 343.1

Т.В. Шутемова, старший преподаватель ОАНО ВО «Волжский университет имени В.Н.Татищева» (институт), Тольятти Самарской области, Россия

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ДОКУМЕНТ: ДИСКУССИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Отсутствие законодательного понятия процессуального документа влияет на его исследование. В качестве основы такого определения предлагается использовать положения понятия документа, данное в статье 1 Федерального закона от 29.12.1994 № 77-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «Об обязательном экземпляре документа». Анализируется вопрос о нормативном характере бланков процессуальных документов, указывается отсутствие общих требований к структуре бланка процессуального документа, о соответствии этой структуры основаниям и порядку проведения действий и принятия решений, установленных в УПК РФ, а также отмечаются перспективы развития уголовно-процессуального делопроизводства.

Ключевые слова: процессуальный документ, бланки процессуальных документов, письменная форма документа, электронный документ, следователь, уголовно-процессуальный закон

PROCEDURAL DOCUMENT: DISCUSSIONS AND PROSPECTS

The absence of a legislative concept of a procedural document affects its study. It is proposed to use the provisions of the concept of a document given in Article 1 of the Federal Law dated December 29. The question of the normative nature of the forms of 1994 No. 77-FZ (as amended on July 3, 2016) "On a Mandatory Copy of a Document" as the basis for such a definition procedural documents is analyzed, the absence of general requirements for the structure of the form of a procedural document, the compliance of this structure with the bases and the procedure for conducting actions and making decisions established in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. In this article prospects for the development of criminal procedure paperwork are noted.

Keywords: procedural document, forms of procedural documents, written form of a document, electronic document, investigator, criminal procedure law

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ), как и ранее действовавшее уголовно-процессуальное законодательство, не определяло и не определяет понятие «процессуальный документ».

В главе девятой Устава уголовного судопроизводства 1864 года (далее – УУС) «О протоколах предварительного следствия» говорится о составлении следователем протоколов и постановлений с указанием общих требований к их содержанию, в частности, протокол должен составляться так, чтобы из него было ясно видно: кем, когда, где и какие именно произведены были следственные действия; кто при том находился в качестве сторон, понятых и сведущих людей; что этими действиями обнаружено и какие были замечания и возражения участвующих в деле лиц или понятых (ст. 468 УУС), а для постановления важно обозначение времени их составления, законных поводов и оснований предпринимаемых по следствию действий, при этом указано, что постановления, за исключением принятия поручительства или залога, подписывается одним следователем (ст.ст.426, 472,473 УУС). Последнее обстоятельство привлекло внимание Н.В.Тингаевой, предложившей по примеру Устава уголовного судопроизводства в действующем УПК РФ предусмотреть требование об обязательности подписи следователя в составляемых им постановлениях [17, с.153]. И, хотя составление следователем постановления как бы подразумевает его подписание, тем не менее в отношении обвинительного заключения такое требование четко отражено («после подписания следователем обвинительного заключения... – ч.6 ст.220 УПК РФ) и в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ от 05.03.2004 № 1 «О применении судами норм Уголовно-

процессуального кодекса Российской Федерации», Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2009 N 28 "О применении судами норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих подготовку уголовного дела к судебному разбирательству" неподписание следователем обвинительного заключения признается нарушением требований уголовно-процессуального закона (п.14).

В доктрине уголовного процесса понятие и содержание процессуального документа рассматривается с разных позиций: процессуальный документ отождествляют либо не отождествляют с процессуальным актом [16], в материалах уголовного дела выделяют процессуальные и непроцессуальные документы [12,с.85], исследуются вопросы допустимости процессуального документа и соотношения с доказательствами [3,5] и др. Представляется, что в качестве основы для определения понятия «процессуального документа» стоит использовать понятие документа, данное в статье 1 Федерального закона от 29.12.1994 № 77-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «Об обязательном экземпляре документа»: «документ – материальный носитель с зафиксированной на нем в любой форме информацией в виде текста, звукозаписи, изображения и (или) их сочетания, который имеет реквизиты, позволяющие его идентифицировать, и предназначен для передачи во времени и в пространстве в целях общественного использования и хранения.»

Для процессуальных документов, составляемых правоприменителями в ходе уголовного судопроизводства (особенно в досудебном производстве) свойственна, преимущественно, письменная форма. Это положение презюмируется из толкования терминов в статьях УПК РФ либо прямо обозначается в них: « протокол может быть написан от руки или изготовлен с помощью технических средств» (ч.2 ст.166 УПК РФ), «в протоколе описываются процессуальные действия в том порядке...»(ч.4 ст. 166 УПК РФ), « в протоколах описываются все действия следователя...» (ч.2 ст.180 УПК РФ), «... об этом в протоколе делается ...запись...» (ч.14 ст.182 УПК РФ), « в ходе судебного заседания судов первой и апелляционной инстанций составляется протокол в письменной форме...»(ч.1 ст.259 УПК РФ), « судья, оставшийся при особом мнении..., вправе письменно изложить его ...» (ч.5 ст.301 УПК РФ), «приговор должен быть написан от руки или изготовлен с помощью технических средств ...» (ч.2 ст.303 УПК РФ). Общее положение о порядке оформления процессуальных документов изложено в ч.2 ст.474 УПК РФ, где указано о выполнении процессуальных документов типографским, электронным или иным способом, а при отсутствии бланков процессуальных документов возможно их написание от руки. Ряд авторов (Э.М. Абдуллаев, Н.В.Григорьева, В.В.Кальницкий, А.Г.Маркелов, О.А.Сухова) положительно оценивают влияние бланков процессуальных документов (глава 57 части 6 УПК РФ утратила силу в соответствии с ФЗ от 05.06.2007 № 87-ФЗ) на качество составления таких документов [2,с.36; 6,с.104; 12,с.85; 13,с.470, 16,с.183], а В.В.Кальницкий в сохранении Части 6 в УПК РФ видит возможное возвращение бланков процессуальных документов на нормативный уровень [12,с.85].

Изменения в Часть 6 УПК РФ были внесены ФЗ РФ от 05.06.2007 № 87-ФЗ, в соответствии с которым был создан Следственный комитет при прокуратуре Российской Федерации, состоявший из Главного следственного управления Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации, следственных управлений Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации по субъектам Российской Федерации и приравненных к ним специализированных следственных управлений Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации, в том числе военных следственных управлений Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации, а также следственных отделов Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации по районам, городам и приравненных к ним специализированных следственных отделов Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации, в том числе военных следственных отделов Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации

Федерации. В пояснительной записке к проекту федерального закона № 401900-4 « О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон « О прокуратуре Российской Федерации » не приведено обоснований необходимости внесения изменений в Часть 6 УПК РФ, однако можно предположить, что глава 57 УПК РФ с прилагаемыми перечнями бланков процессуальных документов утратила силу ввиду сложности внесения в бланки изменений по наименованиям должностей следователей и в связи с разграничением полномочий прокурора и руководителя следственного органа в досудебном производстве. Полагаем, что в качестве основы для составления протоколов, постановлений и иных процессуальных документов вполне можно с учетом действующего законодательства самостоятельно использовать утратившие силу бланки главы 57 УПК РФ, имеющиеся в недействующей редакции УПК РФ в любой справочно-правовой системе (Консультант-плюс, Гарант). Использование таких бланков, например, в ходе семинарских занятий по уголовному процессу создает дополнительные возможности для проверки знания студентами действующего уголовно-процессуального законодательства.

На наш взгляд, придание бланкам процессуальных документов нормативного характера, имевшее место с введением Части 6 «Бланки процессуальных документов» УПК РФ (ФЗ РФ от 04.07.2003 № 92-ФЗ) до 07.09.2007 (вступление в силу ФЗ РФ № 87-ФЗ от 05.06.2007), создавало двусмысленную ситуацию, когда любое отступление от закрепленного в законе бланка процессуального документа могло трактоваться как нарушение требований уголовно-процессуального закона (ч. 1 ст. 75 УПК РФ). Ранее нами уже отмечалась опасность излишней формализации процессуальных документов и решения спора между формой и содержанием в пользу формы [19, с.41-42]. Статья 475 УПК РФ (утратила силу с 07.09.2007) предоставляла возможность должностному лицу при отсутствии требуемого процессуального документа в перечне бланков процессуальных документов, предусмотренном главой 57 УПК РФ, составлять этот документ с соблюдением структуры аналогичного бланка и требований УПК, регламентирующих осуществление соответствующего процессуального действия либо принятие соответствующего процессуального решения. В настоящее время в ч.2 ст. 474 УПК РФ говорится только о способе изготовления процессуального документа, но до сих пор нет общих требований к структуре бланка процессуального документа, о соответствии этой структуры основаниям и порядку проведения действий и принятия решений, установленных в УПК РФ [20, с.65].

В юридической литературе достаточно подробно исследуются особенности оформления и составления процессуальных документов досудебного производства, как протоколов следственных действий [15], так и постановлений [4] и обвинительного заключения [8]. Серьезное внимание уделяется языку и стилю процессуальных документов и не только со стороны юристов, но и ученых-филологов. Так, И.И.Гулакова, В.Н.Чаплыгина отмечают, что в настоящее время есть потребность в исследовании и обобщении юридических терминов, функционирующих в законодательном тексте, приведении их к возможному единству в употреблении, придании шаблонности в использовании [7].

Новое наименование Части 6 УПК РФ « Электронные документы и бланки процессуальных документов » показывает перспективу развития уголовно-процессуального делопроизводства, а это требует унификации формы на новом уровне, например, при замене письменного протокола следственного действия, как предлагает П.С. Пастухов, на носитель электронной информации, содержащий видеозапись этого следственного действия, или при создании электронного уголовного дела [14, с.21; 10, с.623]. Проблемы составления и оборота электронных процессуальных документов активно обсуждаются в юридической литературе [1;9;11;18], однако законодатель осторожно подошел к

легализации этой формы документов, распространив ее только на судебное производство при некоторых ограничениях.

Список используемой литературы и источников

1. Абдулвалиев, А.Ф. Предпосылки и перспективы внедрения электронной формы уголовного дела в деятельность судебных органов [Текст] / А.Ф.Абдулвалиев // Юридические исследования. - 2013. - №5. - С.150-164
2. Абдуллаев, Э.М. О законодательном закреплении бланков процессуальных документов [Текст] / Э.М.Абдуллаев // Юридический вестник ДГУ. - 2011. - № 4. - С. 34-36
3. Ананенко, И.В. Обеспечение допустимости процессуальных документов в ходе надлежащего порядка проведения следственных действий [Текст] / И.В.Ананенко // Научный электронный журнал КубГАУ. - 2003.-№ 02(2).
4. Андреев, А.В. Постановление о привлечении в качестве обвиняемого: о требованиях к процессуальному документу [Текст] / А.В.Андреев // Проблемы правоохранительной деятельности. -2016. -№ 1.- С.141-144
5. Батюк, В.И., Беседин, А.В., Галузо, В.Н. Допустимость доказательств или процессуальных документов [Текст] / В.И.Батюк, А.В.Беседин, В.Н.Галузо //Право и государство: теория и практика. - 2016. - №12 (144).- С. 135-140
6. Григорьева, В.Н. Современный подход к определению процессуального документа в уголовном судопроизводстве [Текст] / В.Н.Григорьева //Вестник Московского университета МВД России.- 2018.- № 1. -С.102-105
7. Гулакова, И.И., Чаплыгина, В.Н. К вопросу о речевой культуре следователя при составлении процессуальных документов [Текст] / И.И.Гулакова, В.Н. Чаплыгина // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью. Всероссийская научно-практическая конференция. Орловский юридический институт МВД России имени В.В.Лукьянова.- 2015. - С.139-143
8. Гумеров, Т.А. Механизм принятия обвинительного заключения. Проблемы, теория и практика [Текст] / Т.А.Гумеров //Актуальные проблемы экономики и права. - 2017. - Т.11.- № 1. - С.152-159
9. Зуев, С.В. Цифровая среда уголовного судопроизводства: проблемы и перспективы [Текст] / С.В.Зуев // Сибирский юридический вестник.- 2018. -№ 4 (83). -С.118-123
10. Зуев, С.В. О современной концепции развития информационных технологий в уголовном судопроизводстве [Текст] / С.В.Зуев //Пермский юридический альманах. - 2019. - № 2. - С. 618-629
11. Казначей, И.В. Уголовно-процессуальные аспекты применения электронных документов и бланков процессуальных документов на досудебных стадиях уголовного судопроизводства [Текст] / И.В.Казначей // Вестник Волгоградской Академии МВД России. - 2017. - № 1(40).- С. 77-81
12. Кальницкий, В.В. Процессуальные документы, сроки, издержки [Текст] / В.В.Кальницкий //Законодательство и практика. - 2013. - № 2.- С.85-88
13. Маркелов, А.Г. К вопросу о применении юридических конструкций при составлении процессуальных документов по уголовному делу [Текст] / А.Г. Маркелов // Юридическая техника. -2013. -№ 7(ч.2). - С.470-473
14. Пастухов, П.С. О необходимости замены в уголовном судопроизводстве письменного протокола электронным документом [Текст] / П.С.Пастухов //Научный вестник Омской Академии МВД России.- 2015. - № 3(58).- С.21-23
15. Пашутина, О.С. Протокол допроса подозреваемого: значение в процессе доказывания и рекомендации к составлению [Текст] / О.С.Пашутина // Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: 15 лет правоприменения. Сборник научных статей, посвященных 15-летию принятия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. – Курск, 2016. - С.68-72

16. Сухова, О.А. Правовая природа, понятие и значение процессуальных актов в российском уголовном судопроизводстве [Текст] / О.А.Сухова // Вестник Омского университета. Серия «Право». - 2008. - № 1 (14). - С.183-190

17. Тингаева, Н.В. Законодательное закрепление правового статуса процессуальных документов в Уставе уголовного судопроизводства 1864 года и Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации: соотношение и предложения по совершенствованию нормативного регулирования [Текст] / Н.В.Тингаева // Судебная власть и уголовный процесс. - 2014. - № 3. - С.151-153

18. Халиуллин, А.И. Внедрение электронных процессуальных документов на постпьюсменном этапе развития отечественного уголовного судопроизводства [Текст] / А.И.Халиуллин // Крымские юридические чтения. Правонарушение и ответственность. Сборник материалов научно-практической конференции. - 2017. - С.223-229

19. Шутимова, Т. Приложения к УПК: догма или руководство к действию [Текст] / Т.Шутимова // Законность. -2002. -№ 10. -С.41-42

20. Шутимова, Т.В. О криминалистических аспектах уголовной политики [Текст] / Т.Шутимова //Вектор науки ТГУ. Серия Юридические науки. -2015. -№3(22). -С.64-66.

УДК 343.13

Е.И. Эсмантович, ст.преподаватель кафедры теории и истории государства и права, Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины
И.И. Эсмантович, декан юридического факультета, канд. истор. наук, доцент, Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины

СУДЕБНАЯ РЕФОРМА 1864 Г. В БЕЛАРУСИ

Судебные уставы 1864 г. ввели систему независимых судов, публичность и гласность судебных заседаний, создали важные гарантии для надлежащего ведения судебных процессов, способствовали внедрению в дальнейшем в политическую систему принципа приоритета законности и права.

Ключевые слова: *судоустройства, судебная реформа, волостной суд, мировой суд, иск, суд присяжных, независимость судей.*

JUDICIAL REFORM of 1864 in BELARUS

Judicial statutes of 1864 introduced a system of independent courts, publicity and publicity of court sessions, created important guarantees for the proper conduct of trials, contributed to the introduction in the future in the political system of the principle of priority of legality and law.

Key words: *judicial system, judicial reform, municipal court, magistrate court, lawsuit, trial by jury, independence of judges*

На территории Беларуси судебная реформа 1864 года началась в 1972 году. Законодательные акты устанавливали отделение суда от административной и исполнительной власти, введение всесословного суда, равенство всех перед судом, несменяемость судей, выборность мировых судей, гласность, непосредственность и состязательность судебного процесса. Были созданы две системы: местные и общие суды.

Довольно распространенными судебными учреждениями в Беларуси были сельские суды, которые назывались также крестьянскими или волостными судами. Их образование предусматривалось принятым 19 февраля 1861 года Общим положением о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости [1]. К этим судам относились, прежде всего, волостные суды, состоявшие из председателя и не менее чем двух членов, которые избирались из числа грамотных домохозяев – российских подданных, достигших 30

лет, не судимых, не подвергавшихся порке и др. Суд избирался ежегодно волостным собранием из 4-12 судей. Ему были подсудны дела по мелким имущественным спорам между крестьянами, отдельные малозначительные уголовные и административные дела. Суд действовал на основе обычного права, его решения были окончательными. Они могли приговорить к штрафу, обязанности загладить вред, причиненный противоправным деянием, аресту до трех суток и розгам (отдел 4 Положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости от 19 февраля 1861 г.).

В 1869-1871 гг. Русское географическое общество снарядило этнографическую экспедицию в Западно-Русский край Российской империи. По ее итогам были изданы материалы и исследования, а профессор А.Ф. Кистяковский подготовил обзорную статью «Волостные суды, их история, нынешняя практика и настоящие положения» [2]. Член этой экспедиции П.П. Чубинский объехал более 50 уездов и изучил протоколы волостных судов начиная с 1861 г., снял свыше тысячи копий судебных решений. В 1869 г. он побывал в Турове, где сделал выписки из постановлений Туровского волостного суда. Чубинский не только не обнаружил ни одного нелепого или недобросовестного судебного решения, но и отмечал, что апелляции на постановления суда поступали редко. В волостной суд обращались не только крестьяне, но и помещики, управляющие, мещане, не только белорусы, но и поляки и евреи. Иски не принимались к рассмотрению только при полной бездоказательности обвинения. Как отмечает исследователь Л.С.Смиловицкий, П.П. Чубинский делает вывод о том, что «если бы суды эти были «дурны», то помещики и евреи не обращались бы к ним, имея возможность принести жалобу в другие учреждения». Евреи не опротестовывали решения волостного суда, несмотря на то, что имели полное право на неподсудность [3].

Деятельность волостного суда подробно рассматривается в книге доктора исторических наук Л.С.Смиловицкого «Евреи в Турове: история местечка Мозырского Полесья», изданной в 2008 году [3]. Во второй половине XIX века Туровская волость была одной из 688 волостей Беларуси и входила в состав Мозырского уезда. Судебная реформа 1864 г. сохранила волостной суд как начальную юридическую инстанцию, призванную рассматривать мелкие иски, жалобы, вести тяжбы. Автор отмечает, что деятельность суда в Турове выходила далеко за юридические рамки. В его решениях отражался уровень правового сознания, благосостояния жителей, а также их взаимоотношения, характерные для них мораль и чувство справедливости, веротерпимость и добрососедство.

Большинство обращений в волостной суд составляли имущественные иски, которые могли касаться хищений леса, кормов, домашних животных, денег, потравы посевов, неплаты долгов, отказа от взятых на себя обязательств.

Справедливость выносимых решений можно подтвердить несколькими примерами. Житель Турова Яков Еремейчик дал крестьянину Андрею Кибу 1,2 руб. на покупку пороха во время поездки последнего в Кременчуг. Киб пороха не купил и деньги не вернул. Еремейчик просил суд взыскать с обманщика деньги. Киб заявил, что долг он платить не собирается, потому что Еремейчик якобы обесчестил его жену Анастасию многократным домогательством, за что дал ей отдельно 8 руб. Суд, принимая во внимание, что Яков Еремейчик (70 лет) был человеком с безупречной репутацией, а в «блудной» жизни никогда замечен не был, постановил: взыскать 1,2 руб. в пользу Еремейчика, а с Анастасии, жены Андрея Киба, – 5 руб., которые обратит в пользу церкви [3]. В примере присутствуют и исполнение договорных обязательств, и современная реституция.

В январе 1869 г. Туровский волостной суд слушал заявление одного крестьянина на другого о нанесении побоев. В суде выяснилось, что оба в момент ссоры были в пьяном виде. Суд взыскал с обоих за нарушение общественного порядка по 1,5 руб. серебром в пользу мировой общины.

В июне 1869 г. суд в Турове слушал жалобу Вульфа Гительмана на крестьянина Ивана Глинского. После достижения мировой они зашли в шинок, где после выпитой рюмки водки начали заново выяснять отношения, вылившиеся в драку. Опять обратились в суд. Волостной суд, принимая во внимание, что Вульф Гительман дал повод к драке, а крестьянин Глинский часто замечается нетрезвым и тогда бывает «придирилив» и дерзок, постановил: крестьянина местечка Турова Ивана Викентьева Глинского за причиненные им еврею Вульфу Гительману побои и пьянство наказать 15 ударами розог, а с Гительмана за нанесенные оскорбления Ивану и данный повод к драке оштрафовать на 3 рубля серебром в пользу туровского сельского общества [3].

Защищать себя в суде в качестве истца или ответчика имел право любой человек - мужчина и женщина. Так, в марте 1868 г. с иском в Туровский суд обратилась солдатка Просья Правило. Ее тесть после отдачи сына в солдаты не захотел содержать невестку и своих малолетних внуков, а также выделить им половину своего хозяйства, нажитого Просьей вместе с Владимиром. Суд постановил выделить женщине половину земли, рабочего и нерабочего скота, хлеба, посуды и одежды.

В мае 1869 года волостной суд рассмотрел заявление женщины в связи с нанесением ей побоев без видимой вины. Суд решил, что рана, нанесенная женщине, доказывает справедливость жалобы, а поскольку ответчик отличался буйным нравом, то для «укрощения» его наказать 20 ударами плетью в пример другим [3].

Главным достижением судебной системы XIX века стало то, что суд больше не строился на сословных отношениях, все граждане получали одинаковые права и могли рассчитывать на открытый честный процесс. Можно констатировать рост доверия к суду, достаточную прогрессивность его решений.

Вместе с тем, нельзя утверждать, что волостной суд был безупречным. Судебные постановления обжаловались редко, однако, как утверждают современники, не был выработан единый подход при вынесении судебного решения: один состав суда предпочитал телесные наказания, а другой – штрафы и аресты. Имело место и превышение власти. Не всегда наказания были соизмеримы с правонарушениями. Так, известен случай, когда одна из спорящих сторон при признании обоюдной вины была приговорена к более жесткому наказанию только за то, что вынудила судей приехать в деревню «ради пустякового дела». В случаях обольщения обычно приговаривали соблазнитель к женитьбе, а если православные жители, работавшие по найму у евреев, соглашались выходить на работу в христианские праздники – их присуждали к телесным наказаниям.

Судьи, как и в настоящее время, должны были противостоять искушению подкупом. Зачастую благодарностью выигравшей стороны служил магарыч. Мировые посредники пытались представить это как подкуп, повод к обжалованию решения суда. В ряде населенных пунктов судья за каждый присутственный день имел право получать по 20 копеек из общественных сумм. Такой расход для населения был необременительным, а для судей, жалованье которых было строго лимитировано, достаточным и привлекательным для судебной деятельности.

Авторитет волостного суда признавали все национальности, все конфессии, что позволяло благополучно разрешать многие конфликтные ситуации и снимать социальное напряжение, сочетая опыт народного правосудия с требованиями принятых юридических норм [4].

Можно утверждать, что Судебная реформа 1864 г. легла в основу судебно-правовой реформы в Республике Беларусь в 1991 году [5], которая определила судебное развитие Беларуси на ближайшие 5–10 лет. Концепция судебно-правовой реформы предусматривала образование мировых судов, введение института присяжных заседателей, что реализовано на практике не было.

Вместе с тем, в Республике Беларусь сохранен институт народных заседателей. В 1996 году принят Кодекс Республики Беларусь о судостроительстве и статусе судей [6]. Авторитету суда способствовало принятие Кодекса чести судьи. Второй съезд судей Республики Беларусь в 2002 задекларировал состоятельность судебной власти в государстве, способной защищать права граждан.

Независимость и открытость суда, четкая регламентация судебного процесса, призвание обеспечивать реализацию предоставленных законом возможностей гражданам и юридическим лицам для защиты в суде своих прав и законных интересов, учет особенностей административно-территориального устройства страны, сложившихся правовых и национальных традиций, обеспечение максимальной приближенности судебных учреждений к населению – те факторы, которые и сейчас, спустя полторы тысячи лет, учитываются государством при создании и поддержании судебной системы Беларуси.

Список используемой литературы и источников

1. Высочайше утвержденное Общее Положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости от 19 февраля 1861 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%9F%D0%B5/36657>. - Дата доступа: 01.10.2019.

2. Кистяковский, А.Ф. Волостные суды, их история, нынешняя практика и настоящее положение [Вступительная статья] // Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край, снаряженной Императорским русским географическим обществом. Юго-западный отдел. Материалы и исследования, собранные П. П. Чубинским / Под ред. П. А. Гильебрандта. - СПб., 1872. - Т. 6. [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://souz.co.il/clubs/read.html?article=3247&Club_ID=1. - Дата доступа: 01.12.2019.

3. Смиловицкий, Л. Евреи в Турове: история местечка Мозырского Полесья.- Иерусалим, 2008. – 848 с. [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://vitoraya-literatura.com/pdf/smilovitsky_evrei_v_turove_2008.pdf. - Дата доступа: 01.10.2019.

4. Смиловицкий, Л. [Электронный ресурс] // Режим доступа <http://berkovich-zametki.com/2009/Zametki/Nomer3/Smilovicky1.php>. - Дата доступа: 01.12.2019.

5. О Концепции судебно-правовой реформы [Текст]: постановление Верховного Совета Республики Беларусь от 23.04.1992 № 1611-XII // Ведамасці Вярхоўнага Савета Рэспублікі Беларусь. – 1992. - № 16.

6. Кодекс Республики Беларусь о судостроительстве и статусе судей от 29.06.2006 № 139-З [Текст] // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2006. - № 107.

УДК 343.139

**О.Ю. Ямпольская, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»
(г. Курск), E-mail: advokat.vmo@mail.ru**

ПУБЛИЧНОЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВО ДЕЛА, КАК ЭЛЕМЕНТ СПРАВЕДЛИВОГО СУДА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ

Статья раскрывает один из основополагающих принципов уголовного процесса России – принцип публичности судопроизводства, а также основные проблемы реализации данного принципа в настоящее время.

Ключевые слова: принцип, публичность, гласность, судопроизводство, справедливое разбирательство, доступ к правосудию, общество, информация о деятельности судов, уголовный процесс, уголовное право.

PUBLIC TRIAL AS AN ELEMENT OF A FAIR TRIAL IN THE CRIMINAL PROCESS OF RUSSIA

The article reveals one of the fundamental principles of the criminal process of Russia – the principle of publicity of legal proceedings, as well as the main problems of the implementation of this principle at the present time.

Keyword. Principle, publicity, public trial, access to justice, society, information on the activities of the courts, criminal procedure, criminal law.

Одним из важных элементов развития любого демократического общества, является доверие его граждан к судебной власти, в формировании которого важную роль играет принцип открытости и гласности судопроизводства.

В Резолюции Экономического и Социального Совета ООН от 27 июля 2006 г. № 2006/23 «Укрепление основных принципов поведения судей», отмечено, что «доверие общества к судебной власти, а также к авторитету судебной системы в вопросах морали, честности и неподкупности судебных органов играет первостепенную роль в современном демократическом обществе»[1].

В настоящее время и в научном мире имеется довольно большое количество трактовок принципа гласности.

Одни ученые считают, что гласность должна рассматриваться как наиболее широкое понятие, включающее в себя и публичность и гласность[2].

Тем самым, на наш взгляд, гласность и открытость правосудия, включается в такое более широкое понятие, как публичность судебного разбирательства.

1. Понятие принципа публичности

В современной юридической литературе существует множество определений принципа публичности, однако, на наш взгляд всех их можно объединить в одно общее определение.

Так, принцип публичности, представляет собой объективное информирование общества о деятельности судов, обеспечивающийся всеми доступными способами предоставления такой информации.

Доступ к информации о деятельности судов может обеспечиваться следующими способами: присутствие граждан и представителей СМИ в открытых судебных заседаниях (непосредственный доступ к суду); обнародование (опубликование) информации о деятельности судов в СМИ; размещение информации в сети Интернет, а также на официальных сайтах судов; размещение информации в помещениях судов; ознакомление с информацией из архивных фондов; предоставление информации по запросам (исключениями является только информация, предоставление и распространение которой ограничено федеральным законодательством: государственная, коммерческая тайна и др.).

Доступ к информации обеспечивается судами, а также иными органами судебной власти.

Ограничение доступа к суду возможно только в исключительных случаях, предусмотренных законом.

В уголовном процессе такие основания отражены в ч. 2 ст. 241 УПК РФ, данный перечень является исчерпывающим.

К ним относятся случаи:

- если открытое судебное заседание может привести к разглашению государственной или иной охраняемой федеральным законом тайны;

- если рассматриваются уголовные дела о преступлениях, совершенных лицами, не достигшими 16 лет;

- рассмотрение уголовных дел о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности и других преступлений может привести к разглашению сведений, унижающих их честь и достоинство;

- этого требуют интересы обеспечения безопасности участников судебного разбирательства, их близких родственников, родственников или близких лиц.

2. Основные законодательные акты, в которых отражен данный принцип

Безусловно, данный принцип имеет международное значение. Отражен данный принцип в ряде международных правовых актов, таких как: Всеобщая декларация прав человека (ст. 10), Международный пакт о гражданских и политических правах (п. 1 ст. 14), Конвенция о защите прав человека и основных свобод (п. 1 ст. 6), а также в иных международно-правовых документах.

Однако, во всех этих актах принцип публичности сводится к одному, - правосудие должно осуществляться публично, т.е. деятельность судов должна быть открытой и гласной.

В России данный принцип также нашел свое отражение в ч. 1 ст. 123 Конституции, которая гласит о том, что «разбирательство дел во всех судах открытое. Слушание дела в закрытом заседании допускается только в случаях, предусмотренных федеральным законом»[3].

Во всех отраслевых законодательных актах России отражен данный принцип.

Не без внимания должны остаться и практические разъяснения Верховного Суда РФ, отраженные в двух «основных» Постановлениях Пленума:

Постановление Пленума ВС РФ от 13.12.2012 № 35 «Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информационной деятельности судов»[4].

Постановление Пленума ВС РФ от 15.06.2010 № 16 «О практике применения судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации»[5].

Принцип публичности (гласности) отражен практически во всех отраслевых сферах, путем его включения в нормативно-правовые акты в качестве основополагающего.

К примеру, В Приказе Генпрокуратуры России от 17.03.2010г. № 114 «Об утверждении и введении в действие Кодекса этики прокурорского работника Российской Федерации и Концепции воспитательной работы в системе прокуратуры Российской Федерации», отмечено, что «... принцип гласности – та необходимая мера, при помощи которой можно воздействовать на сознание работников прокуратуры, оказывать влияние на формирование их жизненной позиции, повышать общую культуру поведения, предупреждать деструктивные явления»[6].

Таким образом, можно сделать вывод, что российский законодатель практически поставил «во главу угла» принцип публичности (гласности).

3. Элементы принципа публичности

4. Практика применения принципа публичности (гласности) в российском уголовном процессе

В преамбуле Постановления Пленума ВС РФ от 15.06.2010 г. № 16 «О практике применения судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации», отмечено, что открытость и гласность судопроизводства, своевременное, квалифицированное, объективное информирование общества о деятельности судов общей юрисдикции способствуют повышению уровня правовой осведомленности о судостроительстве и судопроизводстве, являются гарантией справедливого судебного разбирательства, а также обеспечивают общественный контроль за функционированием судебной власти. Открытое судебное разбирательство является одним из средств поддержания доверия общества к суду.

В пункте 23 этого же Пленума ВС РФ отражено, что несоблюдение требований гласности судопроизводства в ходе судебного разбирательства свидетельствует о нарушении судом норм процессуального права и является основанием для отмены судебных постановлений...».

Однако, изучив российскую судебную практику по уголовным делам «рекомендации» Верховного Суда РФ по большей части не находят своего подтверждения.

Так, по одному из дел, рассматриваемому по жалобе в порядке ст. 125 УПК РФ Кунцевским районным судом г. Москвы, судья не допустила на оглашение резолютивной части постановления представителей СМИ, которые все судебное заседание присутствовали в зале. Однако, ни апелляционная инстанция, ни кассационная не посчитала такое поведение судьи нарушающим принцип гласности[7].

Далее, по одному из дел, судья приняла решение о проведении закрытого судебного разбирательства, указав в качестве мотива следующее: «...чтобы исключить любую возможность оказания давления на потерпевшего и свидетелей». Российские вышестоящие судебные инстанции также не посчитали такое основание «произвольным» и нарушения принципа публичности (гласности) не усмотрели. В свою очередь, Европейский Суд по правам человека не согласился с этим обстоятельством, указав в своем Постановлении, что подобная мотивация является «удручающе загадочной» и обозначил необходимость более точного указания на то, почему свидетель боялся давать показания в присутствии публики и почему опасения за безопасность свидетеля перевысили значимость открытого судебного заседания[8].

В деле «Белашев против России» Европейский Суд обнаружил, что постановление суда первой инстанции, вообще не содержало причин проведения закрытого заседания, сославшись лишь на то, что имеется необходимость защиты свидетелей и потерпевших от преступления[9].

Отдельного внимания заслуживает проблема судопроизводства по делам в отношении несовершеннолетних.

Уголовно-процессуальный кодекс РФ позволяет рассматривать в закрытом процессе уголовные дела в отношении несовершеннолетних, не достигших возраста 16 лет.

Однако, большинство уголовных дел в отношении таких несовершеннолетних рассматриваются в открытых судебных заседаниях.

Несмотря на огромное количество отрицательной практики применение нормы о гласности судебного разбирательства, существуют и положительные подвижки. Так, за последние несколько лет значительно повысилась информативность судебных интернет-ресурсов, упростился и развивается процесс допуска представителей СМИ в судебные заседания, а в некоторых случаях, суды допускают проводить не только видеосъемку всего судебного процесса, но его интернет-трансляцию.

Подводя итог всему вышесказанному хотелось бы отметить, что в России никогда новые тенденции не «приживались» очень быстро, однако, мы все-таки стараемся «идти в ногу со временем» и стремимся к цивилизованному общественному строю, но как-то по-своему, по-русски.

Список используемой литературы и источников

1. Анишина, В.И. Принцип гласности, открытости и транспарентности судебной власти: проблемы теории и практики реализации [Текст] / В.И.Анишина //Мировой судья.-2006. - №11.- С.21
2. Аносова, Л.С. Конституционный принцип гласности судопроизводства: правовое регулирование и практика реализации [Текст]: автореф.: дис...канд. юрид. наук /Л.С.Аносова. – М., 2012
3. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 27 сентября 2019 г.).
4. «Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информационной деятельности судов» [Текст]: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.12.2012 № 35 // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 27 сентября 2019 г.).
5. «О практике применения судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» [Текст]: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2010 № 16 // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 27 сентября 2019 г.).
6. «Об утверждении и введении в действие Кодекса этики прокурорского работника Российской Федерации и Концепции воспитательной работы в системе прокуратуры Российской Федерации» [Текст]: Приказ Генпрокуратуры России от 17.03.2010 № 114 // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 27 сентября 2019 г.).
7. Архив Кунцевского районного суда г. Москвы
8. Application № 64056/00, Volkov v. Russia, Judgement of 4 December 2007// HUDOC Database// Url: <http://hudoc.echr.coe>
9. Application №28617/03, Belashev v. Russia, Judgment of 4 December 2008// HUDOC Database// Url: <http://hudoc.echr.coe>

Научное издание

**ЕДИНСТВО И ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ДОСУДЕБНОГО И СУДЕБНОГО
ПРОИЗВОДСТВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: НОВЫЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ
ПОДХОДЫ В СВЕТЕ НАСЛЕДИЯ ВЕЛИКОЙ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ**

Сборник научных статей

ISBN 978-5-907270-77-0

Редактор *Есипова В.А.*
Компьютерная вёрстка и макет *Есипова В.А.*

Подписано в печать 02.12.2019. Формат 60x84 1/16.
Бумага офсетная.
Усл. печ л. 25,1 Уч.-изд. л. 22,8. тираж 500 экз. Заказ 890

Отпечатано в типографии
Закрытое акционерное общество «Университетская книга»
305018, г. Курск, ул. Монтажников, д. 12.
ИНН 4632047762 ОГРН 1044637037829 дата регистрации 23.11.2004 г.
Телефон +7-910-730-82-83